Стодеревский И.Ю.

АВТОБИОГРАФИЯ

ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА СПЕЦНАЗА ГРУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Стодеревский Игорь Юрьевич, родился 15 марта 1948 года. Майор, командир 154-го отдельного отряда специального назначения 15-й обрспн. Командовал отрядом с октября 1981 года, по октябрь 1983 года. Под его командованием, в ночь с 29 на 30 октября 1981 года, 154 ооспн пересек государственную границу с Афганистаном в районе Термеза и в дальнейшем участвовал в нескольких крупных боевых операциях на территории Афганистана. Награждён орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом "за службу Родине в ВС СССР" 3-й ст. Наиболее известными стали следующие операции 154 ооспн: взятие баз душманов в Джар-Кудуке (провинция Джаузджан, декабрь 1981 г.), взятие баз душманов в Дарзабе (провинция Фариаб, январь 1982 г.), снятие блокады Санчарака (провинция Джаузджан, апрель 1982 г.), уничтожение 2-х банд в Кули-Ишане (провинция Саманган, октябрь 1982 г.), взятие баз душманов в Мармольском ущелье (провинция Балх, март 1983 г.), операции в провинциях Нангархар и Кунар под Кулалой, Бар-Кошмундом, Багича, в УР "Гошта", УР "Карера", Лой-Термай, в Черных горах, под Шахиданом, Мангваль, Сарбанд, армейской операции "Восток-88" и других.

- И.Ю. Стодеревский
  - ○
  - ○ Глава 1. КОРНИ
  - ○ Глава 2. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ
  - ○ Глава 3. Ташкентское ВОКУ
  - ○ Глава 4. 15-я БРИГАДА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ, г. ЧИРЧИК
    - ■
    - ■ 4.1. Ученья.
      - ■ 4.1.1. Соревнования разведгрупп.
      - ■ 4.1.2. Выживание.
      - ■ 4.1.3. Самарканд.
      - ■ 4.1.4. Оперативный офицер.
      - ■ 4.1.5. Николаевка — Сары-Озек.
      - ■ 4.1.6. Показные занятия.
      - ■ 4.1.7. Тянь-Шань, Угамское ущелье.
      - ■ 4.1.8. Кызыл-Кумы.
      - ■ 4.1.9. Граница.
      - ■ 4.1.10. Балхаш.
      - ■ 4.1.11. Пленник.

- 4.2. Целина.
- 4.3. Рота
- 4.4. Отбор.
- 4.5. Яшка.
- 4.6. Отряд.
- 4.7. Спецкомандировка.
- 4.8. Отряд (продолжение).

○ Глава 5. АФГАН

-
- 5.1. Операция по уничтожению базы мятежников в кишлаке Джар-Кудук.
- 5.2. Дарзаб
- 5.3. САНЧАРАК.
- 5.4. Акчинская трагедия.
- 5.5. Прощай Джауздан, здравствуй Саманган (передислокация).
- 5.6. КУЛИ-ИШАН
- 5.7. Операция по задержанию дезертировавшего к душманам младшего сержанта Викол.
- 5.8. Кусочек мирной жизни.
- 5.9. Снова Афган.
- 5.10. Чита
- 5.11. Поли-Хумри.
- 5.12. Мармоль.
- Список

○ Глава 6. КАВКАЗ

- 6.1. 12-я БРИГАДА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ. г. Лагодехи.
- 6.2. Отдельный батальон охраны и обслуживания ЗакВО, Тбилиси.
- 6.3. 90-й мотострелковый полк. Батуми.
- 6.4. 355-й гвардейский мотострелковый полк. (пгт. Первогвардейск.)
- 6.5. Шеки.
- 6.6. Вазиани (будни)
- 6.7. Тбилисская трагедия, 9 апреля 1989 года.

○ Глава 7. Западная группа войск
○ Глава 8. Тоцк
○ Глава 9. Украина
○ Приднестровье.
○ Эпилог
○ ОБ АВТОРЕ

И.Ю. Стодеревский Автобиография (Записки офицера спецназа ГРУ)

Запоминайте нас, пока мы есть! Ведь мы ещё на многое сгодимся. Никто не знает, сколько мы продлимся, А вот сейчас мы с вами, рядом, здесь.

Я, Стодеревский Игорь Юрьевич

родился 15 марта 1948 года в городе Ашхабаде,

в семье военнослужащего.

Мои родители…….

Так начиналась автобиография любого офицера Советской Армии, а дальше у каждого была уже своя судьба.

Глава 1. КОРНИ

«Горжусь, что я русский»!

А.В. Суворов.

Мои родители сыграли свадьбу в победном сорок пятом. Маме было 18 лет, отец на 8 лет старше. Вчерашняя школьница и уже бывалый офицер пограничник.

Родился отец в 1919 году на Северном Кавказе в городе Железноводске. По этому случаю, он часто шутя, говорил: «Родился на курорте, за это господь сослал меня служить в пески Туркмении». В погранвойсках отец прослужил 28 лет и последние 23 из них в Туркмении.

Мой дед Полиевкт Стодеревский был начальником конторы связи города Железноводска, а бабка Анастасия Лебедева, в той же конторе работала телефонисткой. Вот эта её работа ну и конечно социальный статус, её отец и мой прадед был сапожником, и хоть и имел небольшой доходный дом в Пятигорске, ну никак не устраивал моего другого прадеда Стодеревского Василия.

Василий Стодеревский, а правильней сказать отец Василий был священником, кажется в Войске Терском. Он был категорически против брака своего сына с Анастасией Лебедевой. И когда мой дед наперекор ему всё-таки женился, отказался от сына. Видимо поэтому мой отец был в гостях у деда только один раз, когда ему было 3 года, кто-то привозил его показать деду.

Из-за странного отчества моего отца и довольно редкой фамилии, никто из наших родственников никогда не встречал однофамильцев, меня часто принимали за поляка. Но корни мои русские и отчасти украинские, бабка моя по материнской линии Клавдия Сачко украинка. Все остальные ветви рода русские.

Но сам я себя ощущаю русско-советским человеком. А Родина моя Советский Союз. Прав был бровастый генсек, есть такая общность людей — Советский Народ. Сейчас его обзывают безликим определением — русскоязычное население. И хоть я и был свидетелем и даже участником межнациональных конфликтов конца 80-х годов, в душе у меня осталось уважение, и даже любовь к народам, на территории которых выпала честь мне жить. Это была и моя территория.

В Россию я впервые попал в 1974 году, когда вёз спортивную команду Чирчикской бригады спецназ по парашютному спорту на соревнования в Псков. При пересечении составом Волги полночи

простоял у открытой двери вагона, я вдыхал запахи России.

А когда впервые относительно не на долго покинул Среднюю Азию, учился в Подмосковье на курсах усовершенствования офицеров разведки, с декабря 1980 года по апрель 1981. Мне по ночам снились пустыни Туркмении и сопки Узбекистана моя малая Родина. Снилась верблюжья колючка, почему-то именно она. Наверно потому, что одно из первых моих осознанных восприятий самого себя связано именно с ней. Я стою среди громадных кустов верблюжьей колючки, она как лес, выше меня, и пытаюсь поймать майских жуков. Так что я русский азиат.

Имя деда Полиевкт церковное, отец Василий наградил. У деда было ещё три брата: Ювинарий, Никодим и Юрий. Но они также как и прадед не поддерживали связи с дедом и судьба их мне неизвестна.

Однофамильцев никто из нас не встречал, а вот однофамилицу мы знаем, это казачья станица Стодеревская в Ставропольском крае.

В детстве, когда отец служил в Туркмении, мы часто ездили в отпуск к бабке в город Георгиевск Ставропольского края. Поезд из Баку проходил через железнодорожную станцию Стодеревскую, и хотя остановка была всего две минуты мы с отцом обязательно выходили на пирон. А километров в двух от станции было видно станицу Стодеревскую.

В начале 90-х годов я написал туда в сельсовет, хотелось узнать историю этого названия и выяснить, есть ли в станице жители с фамилией Стодеревские. Секретарь сельсовета мне ответила, что в 19 веке на границе с Чечнёй по Тереку имелось шесть казачьих станиц, они играли роль пограничных застав. Но для защиты края от набегов горцев этого количества явно не хватало. И было принято решение построить ещё одну в семи верстах от Моздока в урочище «Стадирев», станицу назвали Стодеревской. Но моих однофамильцев в селе нет. Однако в соседней станице Курской, есть несколько семей Стодеревских. Я написал в сельсовет этой станицы, но ответа, к сожалению не получил. Видимо не нашлось там душевного секретаря.

По материнской линии я «азиат», мама Щербакова Тамара Николаевна родилась в 1927 году в городе Ашхабаде. Дед Щербаков Николай Александрович (одиннадцатый ребёнок в семье) и бабка Клавдия Фёдоровна Сачко также уроженцы Ашхабада. Прадеды мои из переселенцев конца 19 века, одни из Тамбовской губернии другие из Харьковской губернии. Мамина родня была мне ближе, так как мы жили в Туркмении и в Ставропольском крае на родине отца бывали не часто, как мне помнится раза четыре. Да и родственников там было не много:

бабушка, её дочь моя тётка Тамара и два моих двоюродных брата Геннадий и Юрий. А вот в Средней Азии родственников было много, в основном в Ашхабаде. У моего деда Щербакова Николая Александровича была большая семья три сына и дочь, моя мама. Ещё двое детей умерли в младенческом возрасте.

У деда был свой дом и большое хозяйство: свиньи, куры, утки, индюки, но на хозяйстве была бабушка. А дед пропадал на работе, он был директором топливной базы, толи Туркмении толи Ашхабада сейчас точно не помню. Был он высокого роста 185 см и крепкого телосложения, да и все его сыновья мои дядьки были ему под стать. И обувь все носили 45 размера. Я всех этих параметров достиг уже к 17 годам.

Мама тоже была для женщины не маленького роста 172 см и в отличие от деда с бабкой, которые были по характеру спокойны и даже мягки, имела жёсткий мужской характер и обострённое чувство справедливости.

Видимо, она пошла в свою бабку Щербакову Апраксию, в девичестве Журавлёву, 1856 года рождения. Та ещё в 1919 году участвовала в подпольной борьбе против англичан, когда они оккупировали г. Ашхабад (тогда Асхабад). Распространяла листовки в железнодорожных мастерских, единственном промышленном предприятии города того времени. Позже, уже с возрастом, она стала как бы мировым судьёй целого района города. К ней шли с различными спорными вопросами, и как скажет баба Шура так оно и будет.

Мама моя также не оставалась в стороне от житейских проблем. Когда они с отцом уже жили в Донецке в 70 годах, жители ближайших домов называли её комендантом. Только она могла повлиять на разбушевавшегося соседа мастера спорта по боксу, ей подчинялись.

Во дворе у деда в небольшом двухкомнатном домике жила тётя Нюра, старшая сестра бабушки. Всю её семью, мужа и двух детей вырезали басмачи в городе Коканде. Так она и прожила одна рядом с ними до 1970 года, переезжая к нам каждый раз, когда мама рожала очередного ребёнка. Она помогала ей, пока нам не исполнялся год, а затем уезжала, не смотря ни на какие уговоры. Не знаю почему, но из всех детей она больше всех любила меня. Наверно из-за того, что я не вступал с ней в пререкания, понимая, что человек пожилой и с этим надо мириться. А поворчать она любила. В 1970 году у неё стало ухудшаться здоровье, моя бабушка к этому времени уже умерла. В Донецк, где к этому времени жили мои родители, она ехать отказалась. И её забрал к себе родной брат Сачко Константин. Капитан запаса прошедший в войну до самого Берлина. Он жил с

семьёй в Ташкенте и закончил во время войны то самое военное училище, в которое я поступил в 1967 году.

Дед мой Николай Щербаков тоже участник войны, но с Японией. Когда его в 1941 году призвали, военком пожалел, всё-таки четверо детей и отправил на Дальний восток. Четыре года просидел в окопах на границе. А когда в 1945 году началась война, принимал участие в боевых действиях в Манчжурии.

Дед рассказывал, что в рукопашной против нашей трёхлинейки японцам не помогали ни какие приемы, ни каратэ, ни джау-джитца.

Бабушка всю войну одна тянула четверых маленьких детей, самая старшая была моя мама, ей в 1941 году было 14 лет. Она рассказывала о страшном голоде, который был в то время в Ашхабаде. «Идёшь в школу, сидит пожилой туркмен просит милостыню. Идёшь назад, уже лежит, умер». Очень сложно было забирать младшего брата Жору из садика, он был 1941 года рождения. Сразу задавал вопрос, есть ли дома суп, в случаи отрицательного ответа падал на пол, закатывал истерику и отказывался идти домой. Да и выжил он только благодаря пиву, бабка им торговала. Война, войной, а пиво было. Так вот бабушка собирала со дна пивных бочек тот жмых, что там был, заворачивала в марлю и давала сосать сыну. Молока ведь не было.

А отец воевал на Кавказе, пограничники участвовали в обороне перевалов. Он мало мне об этом рассказывал. И только когда они собирались с друзьями за столом на 9 мая, можно было что услышать. Помню как он, смеясь, рассказывал случай. На передовой было затишье, и он пошёл в медпункт разрезать чирей. А он гад соскочил в самом не удобном месте, на ягодице. Отец зашёл в палатку, фельдшер уложил его на стол и сказал приспустить брюки. И в это время авианалёт. Все бегом по окопам и щелям. Ну и отец конечно тоже, только бежал он самый последний, не очень то удобно бежать со спущенными штанами, держа их обеими руками. Да к тому же «Мессер», его бегущего пытался достать из пулемётов. Долго ещё над ним сослуживцы смеялись. Говорили, что не надо было тебе Юра вообще бежать. Надо было встать и задрать задницу в небо. Немец решил бы, что это новое русское оружие и дал бы дёру.

Щербаков Николай Александрович Стодеревская Тамара Николаевна.

Стодеревский Юрий Полиевктович. Слева Стодеревский Юрий Полиевктович.

Слева Стодерееский Ю.П. Старшина курсантской роты.

У Боевого Знамени погранотряда

Офицеры отставники с женами на День пограничников в г. Донецке.

Стодерееский Ю.П. на пенсии.

Глава 2. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Будьте верны мечтам своей юности. В них наиболее чистые, светлые и бескорыстные мысли, чувства и представления.

Войнич «Овод».

Хорошо помню я себя только с 10 января 1951 года, мне не было трёх лет. Мама родила сестрёнку Милочку, и мы с отцом верхом на коне приехали её смотреть. У меня в памяти отложилось — большой белый дом и мама на втором этаже в открытом окне, а был январь месяц, видимо было тепло. Было это в Туркмении в городе Мары, отец в то время там служил, в школе по подготовке сержантского состава.

Был я мягко сказать непоседой, мама называла меня шлёндрой, стоило ей на минуту выпустить меня из виду как я куда-нибудь пропадал. Пока я был совсем маленьким, этот вопрос решался очень просто, мама переворачивала табурет вверх ногами и меня ставила туда (манежей в то время не было) и хоть я и орал благим матом, она могла что-то сделать по дому. Но когда я подрос, родители были спокойны только тогда, когда я спал. Мы жили на территории воинской части в коммунальном бараке. То я на конюшню уйду, то пристроюсь к строю солдат, которые идут в столовую. Меня там накормят, ну а затем опять же в строю я дефилировал в казарму, где меня укладывали спать. Мама, проискав меня час, полтора бежала к отцу. Отец с солдатами проверял всю воинскую часть и её окрестности. Шестами проверялся глубокий арык, что протекал через часть. Проверяли берега реки Мургаб, она протекала недалеко от части. И когда мама была уже в полуобморочном состоянии, меня находили спокойно спящим на солдатской койке. Я получал приличную взбучку, но мои похождения продолжались.

Первенцем в семье я не был. Первая в 1946 году родилась сестра Людмила, но она погибла во время Ашхабадского землетрясения в 1948 году. И только можно представлять себе ужасное состояние мамы в то время, когда меня искали шестами по арыкам.

Мама дала мне жизнь, но так получилось, что и я, хоть и невольно спас ей жизнь. Ашхабадское землетрясение произошло в начале октября 1948 года, мне было 6 месяцев отроду. Отец уехал в командировку в город Кушку, это его и спасло. Дело в том, что я

был очень беспокойный и по ночам часто орал не понятно почему, в связи с этим мама спала со мной, а отец, так как я ему не давал высыпаться, спал с сестрёнкой. В ту страшную ночь, как рассказывала мама, сестрёнка спала в комнате одна, и на неё упало три стены дома. Нас с мамой спасло то, что на нас упала крыша. Как она мне рассказывала, что буквально за несколько секунд до толчка сестрёнка захныкала, и она встала её успокоить. Только подошла к её комнате, я страшно заорал, и тем спас ей жизнь, а заодно и себе. Мама вернулась, наклонилась надо мной и в это время толчок. Мы с ней оказались между двух брёвен, я лежу, она стоит, согнувшись надо мной. И так двое суток. Мама беспрерывно кричала, звала на помощь.

1956 год. Мама, я, сестра Людмила, отец.

Спасательные работы в Ашхабаде осуществляла Армия. Солдаты услышали крики о помощи и нас откапали.

В конце 1952 года отца вновь перевели служить в Ашхабад. Сначала мы жили у деда Щербакова, но отцу приходилось через весь город добираться на службу. И мы стали снимать квартиру не далеко от погранотряда, где он служил. Первую служебную квартиру отец получил, когда мне исполнилось 8 лет, и мы переехали в восьмиквартирный, двухэтажный, деревянный дом на территории погранотряда.

Хорошо помню день похорон Сталина, мы все стояли на крыльце дедовского дома. Гудки всех паровозов, дом деда находился километрах в трёх от вокзала, слились в один мощный и пронзительный рёв. Было немного жутко, но никого плачущего я не помню.

Я любил бывать у деда в гостях, он был заядлым охотником, и у него в доме было много оружия, а что мальчишке ещё надо. В одной из комнат стоял сундук с охотничьими принадлежностями, чего там только не было. И дробь и пороха, приспособления для набивки гильз, весы с малюсенькими гирьками. Тогда готовых патронов ещё не продавали. Была большая библиотека, где было всё о дичи. Охотничье оружие это был предмет особой гордости деда. У него было штук шесть ружей и один охотничий карабин. Какие были ружья, я не помню, но любил он больше всего «Зауэр три кольца», возможно, я не совсем правильно произношу это название. Дед любил ходить на охоту в компании с кем-либо, но мог и один уйти в горы Копетдага суток на трое. Но это он смог позволить себе только тогда, когда его «попросили» освободить место директора топливной базы. На руководящие должности выдвигались лица местной национальности. Деду предложили должность главбуха, он на отрез отказался и ушёл работать в союз охотников Туркмении, где его избрали председателем.

Каких только трофеев дед не приносил с охоты: кабаны, джейраны, архары, пернатые десятки видов, включая дрофу. По двору, то бегал дикобраз, которого дед с отцом привезли с охоты, то ползала громадная черепаха. Кстати мясо дикобраза очень похоже на свинину, а из черепах готовят вкусный суп.

Дед очень любил голубей, и у него их было до сотни, нескольких видов. Были и дутыши и павлины и почтовые и те что, поднявшись высоко вверх падали вниз совершая перевороты, уж не помню, как они назывались. Но больше всего дед любил поднимать вверх большую стаю, при этом свистел как мальчишка. Чтоб стая долго не садилась, на крышу забрасывалось чучело ястреба. Бывало, чужие голуби пристраивались к стае и садились в наш двор. Дед ловил чужаков и ждал их хозяев, по неписаным законам голубь прибившийся к твоей стае считался твоим, и хозяину положено его было выкупать. Но дед всегда голубей отдавал. Ему был приятен сам процесс, что к нему идут со всей округи. Бабка часто по поводу голубей деду устраивала скандалы. Кричала, что он впал в детство и что лучше бы занимался индюками. К тому же дед часто покупал дорогих голубей редких пород. Дед на эти крики ни как не реагировал, он всегда был немногословен и спокоен. Как-то он меня за один раз отучил плямкать за столом.

Мне было лет пять. Мы были в гостях у деда сидели, обедали. Я причмокнул раз, дед сделал замечание. Я причмокнул во второй раз, дед сделал замечание. Я причмокнул в третий раз, дед вытер ложку и шлёпнул меня по лбу. Что тут началось, я в рёв, мать в крик, я думал она деда съест. А он спокойно, как ни в

чём, ни бывало, продолжал кушать суп.

Когда надо дед мог быть решительным и жёстким. Осенью 1957 года деда ограбили. Хозяйственный двор тыльной стороной выходил на кладбище. Воры залезли ночью и украли не большую свинью и несколько десятков кур. Дед слышал, какой то шум, но не предал значения, так как на улице был сильный ветер и шёл дождь. На следующий день, осмотрев хозяйственный двор, дед сделал вывод, что они ещё раз придут.

Через две недели это подтвердилось. Услышав шум, дед взял ружьё, патронташ и вышел во двор в одном нижнем белье. Один из бандитов сидел на заборе и в руке у него был здоровенный нож, остальные орудовали в свинарнике. Дед, держа ружьё за спиной, потребовал, чтобы они убирались. Сидящий на заборе засмеялся, а затем со злобой прошипел: «Убирайся старый хрыч, а не то я тебе селезёнку пощекочу». Дед на вскидку, с одной руки, выстрелил в него. Бандит упал с забора, трое его подельников выскочили из свинарника и тоже дёру через забор. Дед стрелять по ним не стал, а стал преследовать, перепрыгнув за ними на кладбище. Когда они выбежали с кладбища, он погнал их по улице, не давая возможности свернуть в переулки. При таких попытках он делал предупредительный выстрел перед ними, и свистящая дробь заставляла их бежать дальше вдоль улицы. В полутора километрах была тюрьма, вот туда дед их и загнал.

Но потом начались проблемы. Эти бандюги говорили, что они просто шли по городу, а дед на них напал. Тому, который сидел на заборе и угрожал, выстрелом размозжило руку, и её отрезали. У деда отобрали ружьё и затаскали по судам. Так продолжалось более полугода. Видя такой поворот событий, дед сел и написал письмо в Москву. Немедленно все преследования прекратили, бандитов осудили, а ружьё принесли прямо домой.

Ещё, приходя в гости к деду, когда мне было 5–6 лет, я наводил порядок в «штабах» своих дядек. Они были старше меня не намного. Юрий 1939 года рождения. А Георгий вообще 1941 года. «Штабы» они делали на деревьях, вход шло всё, и доски, и верёвки, и картон. Пользуясь их отсутствием, я забирался туда, кое-что там переделывал, а кое-что экспроприировал. За что не однократно получал. Моими защитниками были мама и бабушка.

В начале лета 1953 года отца отправили в командировку на пограничную заставу Яблоневку, она находилась недалеко от Ашхабада. Отец был офицером отдела боевой подготовки погранотряда, и ему поставили задачу готовить заставу к какой-то проверке. Так как командировка была более двух месяцев, он взял семью с собой. На заставе я получил первые азы воинской службы. Здесь я впервые, в возрасте пяти лет, стрелял из

стрелкового оружия и сам сел в седло. До этого отец часто возил меня на лошади, сажая впереди себя.

Первые мои опыты в стрельбе были из пулемёта «Максим». Пулемёт наводили на цель, и я давил на гашетку пяткой, так как надавить большими пальцами рук, как это положено делать, я не мог, силёнок не хватало. С автомата ППШ я стрелял с отцом. Он держал его и наводил на цель, а моя задача была нажимать на спусковой крючок.

В верховой езде у меня было комедийное начало. Солдаты притащили с хозяйственного двора здоровенную свинью, надели на неё седло и посадили меня. Это сейчас я понимаю, какой опасности тогда подвергался, а тогда мне было весело, и я был горд, что сижу в седле самостоятельно. Как только свинью отпустили, она понесла как необъезженный скакун. На моё счастье я спикировал в кучу навоза.

Вообще жизнь на заставе мне нравилась. Я присутствовал при отправках пограничных нарядов на выполнение задач по охране государственной границы, а это особый торжественный ритуал.

Один раз я сыграл заставе учебную тревогу. Шёл, прогуливаясь вдоль контрольноследовой полосы, как пограничники говорят КСП. Она представляет собой полосу вспаханной и хорошо проборонённой земли. Нарушитель, переходя через неё, обязательно оставляет след. И вдруг прямо на моём пути, на тропинке, я увидел кобру. Если бы не колючая проволока за КСП я наверно бы в Иран убежал. Оббежав змею, я рванул домой. Минут через двадцать на заставе началась суматоха, прорыв границы. Это возвращавшийся с границы наряд заметил мои следы. Но быстро разобрались, чей это след, для нарушителя он был явно маловат.

Особенно я любил бывать на стрельбище и на занятиях по конной подготовке. На стрельбище, после окончания стрельб мне всегда давали из чего-нибудь стрельнуть. А на занятиях по конной подготовке, кажется, это так называлось, я видел то, что сейчас можно увидеть только в цирке. Это и одиночная подготовка, и вольтижировка, и действия в конном строю, ну и, конечно же, рубка лозы.

Вольтижировка (возможно, я неправильно произношу это слово) раньше называлась джигитовкой, это захватывающее зрелище. Представьте себе, на длинной верёвке длиной метров десять, по кругу скачет лошадь. На лошади было не обычное седло, без луки, что-то вроде кожаного матраца, по углам петлеобразные ручки и без стремян.

Лошадь скачет по большому кругу, а внутри по малому бежит отделение солдат, человек 6–7, прижимая руки к бёдрам и высоко

подбрасывая прямые в коленях ноги. По очереди они подбегают к лошади, заскакивают на полном скаку, проделывают различные упражнения: повороты назад, вперёд и на 180 градусов, скрестив ноги; соскок, держась за седло и сразу снова в седло, соскок на другую сторону и опять в седло; пролазят под крупом скачущей лошади и спрыгивают на внешнюю сторону круга.

Не менее ярким зрелищем была рубка лозы. Вдоль трассы, с обеих сторон, были вкопаны столбики высотой не более метра и диаметром сантиметров десять. Было их около десяти штук, но стояли они не друг против друга, а уступом, что позволяло кавалеристу направляя коня то вправо, то влево поражать лозу. Вверху они имели отверстия, куда и вставлялась лоза. На трассе так же стояли: столб высотой метра два, на горизонтальной площадке на нём лежал глиняный шар сантиметров двадцать диаметром; и сооружение, напоминающее виселицу, на которой весело кольца так же диаметром около двадцати сантиметров. Может быть, было что-то ещё, но я не помню. Кавалерист должен был на полном скаку: срубить лозу установленную с двух сторон, высшим шиком считалось, если срубленная лоза падала не в сторону, а вертикально вниз и втыкалась в землю; разрубить глиняный шар; колющим ударом попасть в кольцо и отбросить его.

Отец всё это выполнял виртуозно, а лозу он рубил двумя шашками, конём управляя ногами, это могли делать единицы. Вообще физически он был развит многопланово. У него была большая пачка всевозможных грамот за спортивные победы, это и конный спорт и классическая борьба и тяжёлая атлетика и даже фехтование на винтовках, и такой вид спорта когда-то был.

Без специального образования он несколько лет был начальником физической подготовки погранотряда.

Стодерееский Ю.П. возглавляет спортивную команду погранотряда.

Отец был среднего роста и крепкого телосложения. Я помню, как он участвовал в художественной самодеятельности, два крепеньких солдата делали на нём акробатические трюки, а он носил их по сцене. Жонглировал и запросто крестился двухпудовой гирей. Я смог повалить его руку в амреслинге только тогда, когда ему было уже за пятьдесят. Службу он закончил начальником боевой подготовки погранотряда.

Я часто в дни школьных каникул ездил с отцом в командировки по заставам. Во время одной из таких поездок меня научили плавать. Один из офицеров, товарищей отца, узнав, что я не умею плавать, просто взял меня за шиворот и бросил в бассейн. Так как я стал тонуть, он меня вытащил, и снова бросил. У меня просто не было выхода, надо было плыть. И я, барахтаясь, как только мог, добрался до края бассейна. Мне тогда было восемь лет.

А в шесть лет я тонул, и меня уже во второй раз в жизни спасли солдаты. Было это так. Мы с друзьями пошли купаться на небольшой бассейн, который находился в соседней воинской части. Плавать я не мог и по этому купался, держась руками за край бассейна. Штукатурка, за которую я держался, отвалилась и я, заорав, пошёл ко дну. На моё счастье мимо проходили солдаты они меня и вытащили.

Я не только тонул, меня ещё и заваливало. Пошёл я как-то в гости к своему школьному товарищу, это было в первом классе. Он жил на окраине города, рядом с домом был не большой холм.

В нём мы копали себе пещёры, невысокие сантиметров 6070. Крепёжным материалом конечно не пользовались. И это чуть не стало для меня трагедией. Когда я копал очередной ход к главной пещере грунт обвалился. Меня спасло то, что ноги остались торчать наружу, правда одни ботинки, и то, что недалеко солдаты выполняли какие-то хозяйственные работы. Задохнуться я не успел, меня вытащили. Армия спасла меня в третий раз.

В моей жизни после этого было ещё много критических ситуаций, когда стоял вопрос «Быть или не быть?».

В четырнадцать лет я чуть не разбился об бревно. Мы с ребятами любили прыгать с перил небольшой гидроэлектростанции прямо в водоворот воды падающей с турбин. Это были непередаваемые ощущения. Ноги тянуло в одну сторону руки в другую, и было непонятно где река, а где небо, всё смешивалось в водовороте. Я в то время уже не плохо плавал, и это мне доставляло удовольствие. Мне всегда хотелось делать то, что могут не все.

В тот злополучный день под потоки воды из гидроэлектростанции каким-то образом попало громадное бревно. Я его увидел, когда уже прыгнул. Падал точно на него. Как потом ребята рассказывали, я в воздухе проделал не понятные пируэты, и благодаря им, в воду вошёл в сантиметрах 20–30 от бревна. Городок, в котором мы тогда жили, был небольшой и когда я часа через два пришёл домой, мама уже всё знала. Минут десять она с плачем и с какой-то палкой в руках гоняла меня по двору.

Отдыхая в пионерском лагере в горах под Ашхабадом, я попал в автомобильную аварию и чудом остался жив.

Служа в Армии, был, если так можно выразиться, участником четырёх автоаварий. Три из них произошли в течение одного месяца. Машины переворачивались на скорости 90 километров в час. Врезались в бетонные столбы. А я отделывался только шишками.

Дважды у меня не открывался парашют, но и здесь всё заканчивалось благополучно.

Дважды был в Афганистане и оба раза вернулся.

Наверно меня хранит какая-то звезда и мамины молитвы.

В 1958 году отца перевели служить в город Тахта-Базар, районный центр на юге Туркмении, 90 км северо-восточнее Кушки. У каждого человека есть своя малая Родина. Моей малой Родиной стал Тахта-Базар. Здесь я окончил школу и окреп физически. Здесь получил азы трудового воспитания. Отсюда ушёл в большую жизнь. Но всё это было потом.

Переезжали с Ашхабада всей семьёй вместе с мебелью и

вещами в товарном вагоне. Пассажирский поезд проходит этот путь менее чем за сутки, мы ехали трое суток.

В школу меня привела мама за руку, мои будущие одноклассники фыркали. Этакий столичный пижон появился, одет я был по тем временам в хороший костюм, брюки застёгивались чуть ниже колен, это было тогда модно и было мне 10 лет. Все решили, что я маменькин сыночек. И мне пришлось в течение месяца самоутверждаться.

Дрался я почти каждый день. С начала с одноклассниками. Затем с оппонентами с параллельных классов, ну а затем с теми, кто и постарше. Это не были просто драки. Меня вызывали на поединки или я вызывал обидчика. Проходили они за забором школы и чётко по правилам. Основное, нельзя было бить лежащего. Нельзя в драке применять какие-либо предметы. В то время ещё действовал негласный кодекс чести. За соблюдением правил следили старшеклассники.

Я ходил в ссадинах, но гордый, что отстоял свою независимость. Только один раз я получил серьёзную травму. Проводя поединок с очередным соискателем, я получил сильный удар по голове. По лицу потекла кровь. Кулаком, да к тому же десятилетний пацан, голову разбить не мог. Оказалось, мой соперник зажал в кулаке металлическую гильзу от охотничьего ружья и с размаха шарахнул меня по башке. Бой был остановлен и нарушитель получил от старшеклассников всё, что ему полагалось. Мама пыталась возмущаться по поводу моих синяков и порядками в школе, но отец запретил вмешиваться в моё становление.

После окончания четвертого класса отец решил отдать меня в Суворовское училище, чему я был безумно рад. Но при прохождении медицинской комиссии выяснилось, что у меня пупочная грыжа. Нужно было делать операцию. Меня положили в больницу за несколько дней до операции. Перед операцией пришла мама, побеседовала с хирургом. И он ей сказал, что можно обойтись без операции, с возрастом пупок затянется, но Суворовское училище мне тогда заказано. Мама немедленно меня забрала домой. Моя попытка попасть в Армию в совсем юном возрасте провалилась.

Когда мне исполнилось двенадцать лет, отец занялся моим физическим воспитанием. Утром он поднимал меня с постели и выбрасывал в окно, благо первый этаж.

Мы к тому времени уже жили в отдельном деревянном коттедже. Мама родила брата, и так как наша семья стала насчитывать пять человек нам этот коттедж и выделили. А до этого жили в каких-то постройках конца 19 века, больше

напоминающих склады, чем жилые дома. Зимой их не возможно было протопить.

Следом выходил отец и выносил гири и гантели. Он учил меня, как надо делать зарядку. Как при этом надо дышать, чтоб не загубить сердце. Это продолжалось месяца два, затем я втянулся, и меня не надо было контролировать. Благодаря отцу зарядку делаю до сих пор.

Когда я не много окреп, отец стал меня учить все возможным упражнениям на гимнастических снарядах. И в 15 лет я делал всё, что положено солдату третьего года службы. И даже больше. Он научил меня делать сальто на перекладине на махе вперёд. Когда мне надо было, козырнуть где-то своей физической подготовкой я делал на перекладине несколько спортивных упражнений подряд и в конце соскок сальто.

Лет в шестнадцать отец начал серьёзно готовить меня, а за одно и мою сестру, по конной подготовке. Когда он научил меня крепко сидеть в седле, я стал сам ходить на конюшню погранотряда. Тем более что там у меня появился друг, солдат Володя Водопьянов. Впоследствии он женился на моей однокласснице Зое Васильевой, с которой я просидел за одной партой последние три школьных года.

Упражнение с гирей 32 кг.

Своего первенца они назвали Игорем.

К семнадцати годам я довольно прилично держался в седле и

на отлично проходил трассу с барьерами, для этих упражнений больше всего подходил конь по кличке Абажур. Красавец серой масти, он был почти белого цвета, но такой масти не бывает. Конь может быть серый, серый в гречку, это когда на белом фоне мелкие чёрные пятнашки, и серый в яблоко, большие чёрные пятна на сером фоне. И ещё в кавалерии нет лошадей, есть кони и кобылы. А кавалерийская кобыла рожать не должна, подрывается боеготовность, куда кавалеристу без лошади. И поэтому все кавалерийские кони кастрированы. За исключением тех, которые используются на хозяйственных работах.

На коне Абажур.

На конюшне таких лошадей было две: конь по кличке Перец и кобыла по кличке Горчица. Когда мы с Володей водили лошадей на речку купаться, то предпочитали садиться именно на этих лошадей, так как они были из породы тяжеловозов. Громадных размеров, как кони сказочных богатырей. И хребет у них над

крупом не торчал, как у кавалерийских лошадей, а это было удобней при езде без седла. Перец был ревнив как Отелло, никому не давал приблизиться к Горчице. Когда её надо было вывести из стоила, приходилось обходить с обратной от Перца стороны. Они стояли рядом, и он мог лягнуть или укусить. Во время езды на Горчице, тоже надо было смотреть в оба, Перец мог подойти и цапнуть за ногу. А вообще-то он был очень дружелюбный, с ним можно было делать всё, что угодно, он только фыркал. А как уж он любил свою подругу, это надо было видеть. Они стояли в стойле или прижавшись мордами или Перец ложил свою голову на шею Горчице.

Свечка на Тексте.

Ещё на конюшне был конь по кличке Текст. Кстати, клички лошадям дают не просто так, что в голову взбрело. Кличка лошади состоит из двух половин, первая половина берётся от клички отца, а вторая от клички матери. Так вот этот Текст был ни чем, ни примечательным конём, но была у него одна особенность. Он мог долго и эффектно стоять в свечке на задних ногах. По этой причине на нём часто фотографировались. Но когда ему это надоедало, он прямо со свечки падал на коленные суставы и всадник летел через голову. Совершил такой полёт и я, разбив себе подбородок и получив второй в жизни шрам.

Первый я заработал ещё в семилетнем возрасте, когда мне рассекли бровь палкой при игре в клё-клё. Игра заключалась в том, что надо было с большого расстояния палкой выбить

консервную банку с черты. Если ты выбиваешь, то имеешь право перейти на более близкую черту. Игра развивала меткость и силу броска.

В Тахта-Базаре часто устраивались конноспортивные праздники. Это было впечатляющее зрелище. Проводили скачки. На коротких дистанциях, как правило, побеждали туркмены на Ахалтекинцах, красивая и очень резвая порода. Но длинные дистанции были за пограничниками, в выносливости Дончаки ни кому не уступали. Пограничникам поставляли в основном лошадей Донской породы.

После скачек пограничники показывали рубку лозы и всевозможные поединки. Две команды на лошадях, у всех в руках вещмешки, набитые опилками. Задача сбить противника с лошадей. Или другой бой. Опять две команды на лошадях, но теперь в руках рапиры, а на лицах защитные маски, на масках закреплены султанчики из цветной бумаги. У каждой команды свой цвет. Задача посбивать султанчики у противника. Бывало, кому-то и по спине рапирой доставалось.

Один раз я видел кавалерийскую атаку. Это было в Ашхабаде на каком-то празднике. Построились друг против друга две группы кавалеристов, человек по сто в каждой. На командирах были чёрные бурки. По сигналу трубы они, оголив шашки, понеслись, друг другу на встречу. Впереди в развивающихся бурках скакали командиры. Казалось столкновение неотвратимо. Но когда между лавами оставалось не более ста метров, кавалеристы опустили шашки и прижали их к ноге. Лава прошла сквозь лаву без единого столкновения. Я представляю себе ощущение людей, на которых катится подобная лава.

Отец рассказывал, что ему приходилось участвовать в кавалерийской атаке. Но было это не на фронте, а в глубоком тылу, в городе Мары. После победы в этот город из Германии вывели одну из частей маршала Рокоссовского для расформирования. В части был большой процент бывших зэков уголовников, которым было дано право выбора лагерь или фронт. Они в тылу расслабились, напились и устроили бунт. По городу начались погромы. Милиция была беспомощна, что-либо сделать. И тогда привлекли пограничников. Они атаковали разбушевавшихся рокоссовцев в конном строю с шашками наголо и на полном скаку били их, убегающих, плашмя по заднему месту. Порядок навели за считанные часы, загнав назад в казармы.

К окончанию школы я не плохо стрелял из стрелкового оружия. Отец часто брал меня на стрельбище, да и по заставам я продолжал с отцом ездить во время школьных каникул. В то

время произошло перевооружение погранвойск.

Стрельба из винтовки Мосина.

В начале шестидесятых была упразднена кавалерия. Перестал существовать самый романтический род войск. Пограничникам вместо кавалерийской эмблемы, две скрещенные шашки на фоне подковы, ввели общевойсковую эмблему, звёздочка, обрамлённая венком. Я помню, как они возмущались, их же уравняли с пехотой. И у меня было презрительное отношение к этому роду войск, вплоть до поступления в общевойсковое училище.

Кавалерийские шашки порезали автогеном. Мы, наворовав обрезки, наделали отличных ножей. Правда сталь шашек плохо поддавалась обработке. Сняли с вооружения и кавалерийские карабины, укороченный образец винтовки Мосина (больше известна как трёхлинейка). Стволы гнули молотом, а затворы заваривали сваркой. Мы таскали их из куч около склада, никто не охранял. Ну а дальше уже нужен был только лишь кропотливый труд. Два-три дня и в войну мы уже играли почти боевым оружием. Охотники потом у нас, его выпрашивали.

На вооружение поступили АК-47 и СКС (самозарядный

карабин Симонова), но в последствии карабины поменяли на автоматы. Мне, однако, все равно больше нравилось стрелять из трёхлинейки, серьёзное оружие. Её надо было плотно прижимать к плечу, сильная отдача, так как в ней применялся более мощный патрон, чем в автомате. И она долго ещё стояла на вооружении Армии в качестве снайперской винтовки.

С марта месяца и по октябрь в Тахта-Базаре был пляжный сезон, у пацанвы конечно. В марте в сопках распускались тюльпаны, и каждое воскресение мы уходили в поход. Приходилось и Мургаб в брод переходить и от волкодавов охранявших стада в речку прятаться, они воды боялись. Ещё у нас было развлечение, мы ловили полудиких ишаков.

Пока были сельхозработы, и была хоть какая-то трава, туркмены держали ишаков, это был основной гужевой транспорт. Как только наступала глубокая осень, основную часть животных просто выгоняли с дворов на вольные хлеба, на них сено на зиму не заготавливалось. Они сбивались в небольшие стада и паслись в ближайших сопках.

Мы окружали такое стадо и пытались загнать или к реке или к какой-либо вертикальной стенке, в руки они не давались. Когда нам это удавалось, ишаки, видя, что выхода нет, разворачивались и шли на прорыв. В атаку они скакали, прижав уши и низко опустив головы, было такое впечатление, что они собираются бодаться. Вот здесь зевать было нельзя, тебя могли сбить или ты мог остаться без ишака. Загонять стадо ещё раз было делом муторным. Задача состояла в том, чтобы, увернувшись от мчащегося на тебя ишака повиснуть у него на шее. С таким грузом он уже скакать не мог, но продолжал сопротивляться. И только тогда, когда ты зажимаешь ему впадины на конце носа, перекрывая доступ воздуха, он начинает подчиняться.

Пока идёт усмирение животного, стадо успевает уйти далеко. Заскакиваешь на ишака, естественно отпускаешь нос, животное выходит из повиновения, пытается укусить, взбрыкивает, но, в конце концов, переходит в галоп. Правда скачка происходит только в одном направлении, в сторону стада. Но необходимый результат получен.

Сальто на арыке.

Купаться мы с ребятами ходили на канал. В городе его называли просто арыком. Берега его укреплены небыли, и он имел вид обычной реки, полноводный и с довольно быстрым течением. Проходил он через город и был глубже, чем река Мургаб. Его поросшие деревьями и кустарником берега были по меркам Туркмении прекрасным местом отдыха.

Мы уходили на целый день, но, на обед домой надо было являться. Иначе возможен был домашний арест. Здесь на арыке я получил хорошую закалку здоровья. Мы никогда не лежали праздно загорая. Основным видом занятий на арыке была игра в ловитки. Все убегают, один догоняет, пока не запятнает кого-либо. И это длилось часами.

Ловитки были двух видов. Первые, когда убегать и преследовать, можно было где угодно и в воде и на суше. И мы ватагой носились по всему арыку. С разбега, прыгая в воду и даже на мелководье. Все научены были прыгать «щучкой», вход в воду под очень острым углом. Глубины при этом было достаточно сантиметров восемьдесят.

Забирались от преследования на деревья и прыгали оттуда, прыгать ногами в низ считалось позорным. Да и пока ты в воде развернёшься, чтобы плыть, преследователь, прыгнувши головой, тебя настигнет. Но самыми коронными считались прыжки с кибитки.

В районе базара на краю крутого склона у арыка стояло глинобитное здание с полоской крышей. Мы забирались на него и прыгали, сильно разбежавшись, «щучкой». Вся соль этого прыжка заключалась в том, что приходилось до арыка метра два лететь

над обрывистым склоном. Это уже мог не каждый. Другой вид ловиток, это когда запрещалось выходить из воды. Здесь всё зависело от того, как ты можешь быстро плавать и нырять. И пятнать здесь надо было только по голове.

Самое сложное здесь было плыть против быстрого течения.

Часто устраивались, соревнования кто лучше прыгнет в воду. Прыгали и с берега и с деревьев. Просто головой в низ или сальто крутили.

Я довольно быстро освоил полтора сальто с разбега с берега, раз пять на живот плюхнулся. Ощущение не из приятных. А вот на такой же прыжок с дерева, с высоты пяти метров решиться было сложно. Но так как я поставил себе задачу, что должен уметь прыгать с любой высоты, откуда прыгают далеко не все. Я нашёл выход.

Спорил с кем-либо из друзей на то, чего у меня не было, и лез на дерево. Наверху становилось страшно, это снизу всё кажется очень простым. Но выхода у меня уже не было, и я прыгал.

Ещё в Тахта-Базаре меня научили тому, чего я нигде и никогда больше не видел. Ни в одном самом крутом боевике. Удары ногой на воде, вне зависимости на какой глубине ты находишься. Подплываешь к предмету атаки, подныриваешь, резко выскакиваешь на поверхность и, делая быстрый переворот, бьёшь противника пяткой. Желательно конечно, чтобы на ногах была жёсткая обувь. Если бьёшь двумя ногами, это называлось удар «сазаном». Но более резким, эффективным и точным был удар одной ногой, удар «сомом».

Уже служа в спецназе, я обучал своих солдат этому удару, но получалось плохо. Для его освоения требовались месяцы занятий на воде.

Здесь же на канале я совершил первые два свои значительных жизненных поступка. В 14 лет спас тонущего малыша, он оказался сыном 1-го секретаря райкома партии. А в 17 лет двух лошадей. Было это так. Мы с классом купались на канале. Подъезжает туркмен на бричке запряженной двумя лошадьми и загоняет их в воду. Видимо он хотел бричку помыть, не распрягая лошадей. Но место там было глубокое, и бричка стала тонуть и тянуть за собой лошадей. Все стояли и, оцепенев, смотрели, чем это всё закончится, а туркмен бестолково бегал по берегу. Лошади изнемогали, бричку тянуло не только в глубину, но и в низ по течению. Сверху уже оставались только ноздри и глаза, молящие о помощи. Ржать они уже не могли, при первой же попытки захлебнулись бы. Всё это произошло очень быстро, в течение нескольких минут. Я не знаю, что мне ударило в голову. Подскочив к туркмену, взял у него нож, у них он обязательно

висит на боку, как у кавказцев кинжал. И прыгнув в воду, обрезал постромки с начало у одной лошади, а затем и у другой. Когда я выводил их на берег, одна из них поскользнулась, и если бы я не успел убрать ногу, она бы размозжила мне стопу.

Мне очень хотелось заняться серьёзно боксом, ведь я готовил себя к офицерской службе. И никем другим, с детства, не хотел быть. В городе имелась ДЮСШ (детскоюношеская спортивная школа), но там культивировался только один вид спорта — баскетбол. Да и в школе играли в основном в баскетбол. И я пошёл по прокатанной дороге. Правда, как и все мальчишки, пытался играть в футбол, отец мне даже бутсы принёс. Но быстро понял, что я на поле только всем мешаю. В баскетболе получалось несколько лучше, но больших результатов я не достиг. Играл за класс, затем за школу и за район. Даже первый разряд дали, но вряд ли я на него тянул.

Помню, как мы раз ездили на соревнование в соседний район. Ехали поездом, автобусы там не ходили. Игру выиграли, а вот назад добирались с приключеньями. Посадка на поезд была ночью. Билетов заранее не взяли. Ели уговорили проводника посадить всех нас в одно купе. Было нас человек десять. И хоть тогда мы были ещё школьниками, учились в десятом классе. Ниже 180 сантиметров ни кого не было. Но мы все устроились спать. Легли по два человека на каждую полку, валетом. Один залез наверх, туда, где должны лежать чемоданы. И один лёг на полу. Среди ночи грохот. Один из тех, кто спал на верхней полке, падает вниз. Тот, что лежал на полу вопит, ничего не может понять спросонья. А упавший, посапывая, продолжает спать. И ни одной шишки. Мы потом от смеха с пол часа заснуть не могли.

Класс у нас был дружный, все праздники вместе встречали. Только однажды была осечка. На Новый год, когда мы уже учились в одиннадцатом классе.

Моему году повезло, в кавычках. Благодаря экспериментам нам пришлось учиться на год больше. А после выпуска в 1966 году был двойной конкурс во все ВУЗы, вместе с нами был выпуск и у десятиклассников.

Так вот на этот злосчастный Новый год девчонки нас предали. Они были приглашены в погранотряд, и мы остались с носом. Отомстить не могли, в нашем городке просто не было куда идти. И мы перешли в жёсткую аппозицию, которую я и возглавил. Проигнорировали их на 23 февраля, он считался праздником всех мужчин, на 8 марта и на Майские праздники. Собирались бойкотировать и выпускной вечер. И тогда вмешалась наш классный руководитель Халикова Аниса Загитовна. Она пользовалась у нас непререкаемым авторитетом, и мы сдались.

Человек она незаурядный. Пришла к нам в школу в начале 9 класса. Молодая, почти девчонка, после института. Пришла на место учителя немецкого языка, мужчины который практически сбежал. Мы не давали ему проводить уроки. То доску салом натрём, то кнопок на стул наложим. Ну и все остальные, возможные и не возможные мелкие пакости делали. А интересен нам был результат. Он начинал кричать что-то непонятное, краснел и убегал жаловаться директору. Нам было непонятно и противно, как это мужик и жалуется. И он получал новую порцию пакостей. И тут вместо него появляется молодая девушка. Мы между собой начали, было уже её жалеть, интересно, сколько она дней выдержит? А она уже на первых уроках так себя поставила, что не то, что пакости, даже рот никто открыть не мог. Так отбреет, спокойно смотря поверх голов, что ты на целый день становишься посмешищем всего класса. Она смогла сплотить класс и не когда не давала нас в обиду.

Когда года через полтора Аниса Загитовна выходила замуж, мы наломали в саду у председателя исполкома здоровенную охапку сирени и, постучав в дверь её квартиры, оставив цветы, сбежали. Очень хотелось сделать ей приятное. Этот человек был для меня первым положительным педагогическим примером. Со своей любимой учительницей я поддерживаю связь до сих пор. Она после развала Союза переехала с семьёй в Подмосковье в город Каширу.

Я был у неё в гостях дважды. Первый раз, когда ещё служил в Афганистане, заезжал в Тахта-Базар. Очень хотелось посмотреть на городок, в котором прошла юность, он мне снился почти каждую неделю. Была страшная ностальгия. После этого посещения как отрезало, не снился ни разу. Второй раз был уже в Кашире. Чувствовалось, что людей сорвали с насиженного места и тяжело им здесь обживаться.

Пакостили мы делали не только учителям, но и своим одноклассницам. Правда, когда были ещё совсем сопливые, класса до седьмого. А позже мы уже за ними ухаживали. Так, что мы делали. Шли за город и ловили какую-нибудь змею. Это делалось очень просто. Найти змею проблемы не было, они у нас даже во дворах водились, а уж за городом их было сколько угодно. Найдя змею, мы её спугивали, и она начинала уползать в нору. Когда она уходила туда на одну треть, надо было схватить её за хвост, и резко выдернув из норы быстро раскрутить над головой. Иначе она могла укусить. После этого её били о землю и уже у оглушённой выдирали ядовитый зуб. После этого надо было прийти в школу пораньше и засунуть змею в парту выбранной жертве. Девочка приходила и пыталась засунуть в парту

портфель, а он не лез, место то было занято. Она запускала туда руку, ну и дальше уже было то, чего мы ждали. Дикий крик ужаса, и уже не только она, а и все девчонки в классе запрыгивали на парты. А в моду тогда начинали входить мини юбки.

Было у нас на уроках ещё одно экзотическое развлечение. Мы ловили фаланг и устраивали между ними схватки, чья фаланга победит. Поймать фалангу труда не составляло. Находишь норку и опускаешь туда на нитке пластилин. Фаланга впивается челюстями в пластилин. Ты её вытаскиваешь и сажаешь в стеклянную литровую банку. На уроке мы подсаживали одну фалангу к другой, и начинался бой не на жизнь, а на смерть. А если несколько фаланг в одной банке, то это вообще было отвратительное зрелище. Не зря поговорка говорит: «Как пауки в банке». Пытались мы делать поединки фаланг со скорпионами, но ничего не получалось. Скорпион сразу жалил себя в голову, и фаланга спокойно им обедала.

Ну и как все нормальные ребята мы, конечно, играли в «Казаки-разбойники». Это была беготня по всему городу на пол ночи.

Периодически у нас вспыхивали междоусобные войны. Дети военных против местных. Где-нибудь за городом выбиралось поле боя. Назначалось время. И сходились две ватаги, нас было, как правило, меньше. Основным средством поражения были камни, но применялась и «тяжёлая артиллерия». На склоне бугра или в стене глинобитного дувала выкапывалась не большая ямка, наливалась вода, и бросался кусочек карбида. Затем в эту ямку устанавливалась консервная банка с не большим отверстием, с наклоном в сторону «противника». При его приближении к банке подносился фитиль. Звучал хлопок похожий на выстрел и «супостату» уже приходилось увёртываться не только от камней, но ещё и от банок которые падали на голову. Тем более, что запускалось их сразу несколько штук. «Боевые действия» продолжались до первого попадания в кого-либо. После этого те, кто попал, разбегались по домам. Слава богу, что серьёзных травм не было.

Было у нас и что-то похожее на рыцарские турниры средневековья. Из металла консервных банок мы делали доспехи, а из обручей, что стягивают бочки, изготавливали сабли. На шлем приходилось искать железо по толще, вполне подходили старые вёдра. Помню, я себе сделал надёжный и красивый щит из толстой разделочной доски. Работы было не много, отпилил ручку, на обратной стороне сделал две петли для крепления на руку. А с лицевой стороны прибил две шахматные фигуры, коней. Поединки были один на один, и группа на группу.

Ну и, конечно же, мы имели штабы. Копали их в укромных местах, хорошо маскировали. Обязательно делались скрытые дополнительные выходы. Но играть там можно было не долго, недели две-три. Заводились скорпионы и змеи. Приходилось бросать эти сооружения и строить новые. Как правило, во всех этих военных играх мне доставалась роль командира или начальника разведки, вероятно потому, что ни на что другое я просто бы не согласился.

Любил я и один поиграть в солдатиков. В продаже в то время их не было, да и быть не могло. Я разыгрывал баталии Великой Отечественной войны, и солдатики мне нужны были, как наши, так и немецкие. Мы, с соседским парнем, делали их сами. За основу брались гильзы от патронов, а вся амуниция делалась из пластилина. Техника делалась из особой глины, у нас, её называли «Кувшинка», при высыхании она не трескалась, и её можно было раскрасить. В огороде у меня был сооружён целый укреплённый район, где я часами разыгрывал сражения. В солдатиков я играл лет до четырнадцати. Отец меня стыдил, а я когда он не видел, все равно играл. Позже, уже служа в Армии, я понял, что тогда была не просто игра, а отработка вариантов возможных боевых действий. Ведь в Армии перед боем обязательно проводится тренировка на макете местности.

В детстве я три раза был в пионерском лагере. В километрах 30 от Ашхабада, в отрогах Копетдага, было ущелье Фирюза. Оно было заросшее деревьями, что для Туркмении было необычным, и кустарником, в основном ежевикой. Температура воздуха здесь была всегда градусов на 10 ниже, чем в Ашхабаде в связи с этим ущелье было просто набито детскими лагерями и домами отдыха. Это было единственное место в Туркмении, где можно летом отдохнуть. Пионерский лагерь, в котором я отдыхал, был одним из лучших, принадлежал погранокругу. Да и назывался он «Пограничник». И питание и дисциплина, и организация досуга здесь были на необходимом уровне. Пограничники постоянно придумывали какие-то игры, с погонями, с захватами

Да одна экскурсия на погранзаставу чего стоила. Там показывали всё, и повседневную жизнь заставы, и преследование и задержание нарушителя, и конечно служебных собак. Помню немецкую овчарку по кличке Цыган, она могла взять след через 14 часов, это было очень большое время. Нам показывали ещё одну собаку, которая брала след через 10 часов, и это считалось отличным показателем. Для меня, да и для многих других, нового на таких экскурсиях ничего не было. В лагере отдыхали в основном дети пограничников, а ведь мы выросли на границе. Но все равно было интересно, тем более, что каждый сравнивал, а

как это или то делается у них на заставе или в комендатуре. Да, что говорить, если граница у нас в лагере проходила прямо за бассейном.

В этом бассейне я заработал первую свою спортивную грамоту. Лагерь был на окраине Фирюзы. Можно было наблюдать, как периодически по тропинке, вдоль контрольно-следовой полосы, проходит погранаряд.

Но самым интересным была игра типа «Зарницы», но с пограничным уклоном. С небольшим разрывом по времени отряды уходили на маршрут. Надо было искать тайники. Тебе дают направление движения и расстояние. Находишь коробочку, а в ней записка с новым направлением и новым расстоянием. И так до десяти раз, пока не выйдешь на костёр. Это почти то же самое, что в армии хождение по азимуту. Заканчивалась эта игра поздно ночью с песнями у костра.

Здесь я получил свой первый опыт как разведчик. Как-то после обеда меня вызвала пионервожатая и спросила смогу ли я помочь отряду? В этот день пограничники, вместе со старшим пионервожатым, отрабатывали маршрут завтрашней игры. И моей задачей, было посмотреть, в какие места они закладывают записки. Это было, конечно же, нечестно, но ужасно интересно, и я согласился. Полдня я шёл за ними по горам, отлеживался, когда они оборудовали тайники. Выйдя на последнюю точку, и увидев, что они стали складывать костёр, я вернулся в лагерь.

На следующий день я вёл отряд, это был триумф. Пол отряда составляли симпатичнейшие девочки. Маршрут проложен ломаный, я же вёл отряд, срезая углы. Ну и, конечно же, мы пришли с лучшим временем. Такие игры постоянно проводились и у нас в школе. Вдоль всей границы при школах были созданы отряды ЮДП (юные друзья пограничников). Дело это было добровольное, но ребята записывались поголовно. Уж очень это было романтично и интересно. Занятия с нами проводили солдаты или сержанты из погранотряда. Учили пограничным премудростям. На самом деле, границу, в то время, охранял весь народ.

Летом мы с ребятами ходили на рыбалку, или на реку Мургаб или на озёра, их было вокруг Тахта-Базара более десятка. Многие из них к концу июня мелели так, что воды оставалось, в ямах, сантиметров 10–15. Рыбу ловили прямо руками, иногда и змеи попадались, тогда вся компания выскакивала на берег и пережидала пока азарт возьмёт вверх над страхом. Рыбу мы домой приносили мешками. Но очень много её просто погибало, ведь озёра пересыхали полностью.

Весной, когда учился в девятом классе, я заболел лихорадкой

«КУ». И пока лежал в больнице, у меня созрела идея подбить ребят на рыбалку с ночёвкой. Что мы и воплотили в жизнь. Все выходы на рыбалку мы совершали на велосипедах. Прибыв на место, забросили перемёты. Перемёт, это метров 30–40 толстой лески с мощным грузом на конце, так как в Мургабе сильное течение, и большое количество крючков. Он хорош тем, что около него не надо сидеть. Забросил и периодически проверяй. Сели с удочками, наловили на уху. Поужинали с вином, ни кто из нас водку не пил и не курил. А

потом начался концерт, кто кого перепоёт или перевоет.

Дело в том, что к этому времени уже стемнело, и к нам подошли шакалы. Пока они выли и смеялись как дети, это ещё ничего, а вот когда они начали плакать навзрыд и сразу всей компанией, стало жутковато. Мы пытались, сними соперничать, но это был бесполезный труд. За ночь несколько раз проверяли перемёты. Ходили босиком, а утром пошли той же тропинкой, пришлось несколько змей обойти. Как мы на них ночью не наступили?

Приобщение к труду началось у меня рано. Маме по дому я всегда помогал. Она говорила: «Учись правильно мыть полы, посуду. В армию пойдёшь, это тебе пригодится». Но в армии это проделывается, как я потом убедился, совсем иначе. Работа по дому необходима, но всё-таки, это ещё неполноценный труд, за него деньги не платят.

По приезду в город Тахта-Базар я получил первые уроки оплачиваемого труда. С пятого класса нас возили осенью в колхозы убирать хлопок. Здесь я понял, почему американцы использовали на этих работах негров рабов. Жара более 40 градусов, а ты ходишь по полю целый день согнувшись. И на поясе ещё фартук с хлопком. Но теперь я имел свои, честно заработанные, карманные деньги.

Работа была принудительная. В конце сентября школу закрывали и в течение месяца, иногда полтора, мы работали на сборе хлопка. А затем у нас все каникулы были сокращённые, нагоняли программу.

В двенадцать лет, на летних каникулах, я решил поработать. И, с благословения родителей, пошёл на овощную базу сколачивать ящики. Но проработал только один день. Когда в конце дня я отлучился из склада, буквально на пять минут, у меня украли сколоченные ящики и инструмент. Первый мой опыт найма на работу не удался.

Но уже после 8 класса мы с ребятами каждое лето по месяцу работали грузчиками в ремстройучастке. На первую зарплату я купил себе фотоаппарат «ФЭД-2». Я помню, что стоил он ужасно

дорого, 36 рублей. Работа грузчиком была тяжёлая. Мы грузили всё. Самоё тяжёлое было грузить щебень и гравий, но, правда и расценки на них были высокие, плотили по 2.50 за машину. А хуже всего было грузить строительный мусор. Грузить его было не удобно, мы теряли много времени, а плотили всего 1.5 рубля за машину.

После окончания школы до выпускного вечера была свободная неделя. И мы, с ребятами решив заработать себе карманные деньги, поехали в соседний колхоз, где за три дня, впятером, сделали фундамент под жилой дом.

Практика в строительстве у нас была, мы много чего делали в школе на так называемой производственной практике. Школа была с производственным обучением. Ох уж эти эксперименты, лишний год учёбы. Правда девочкам польза была, они к окончанию школы стали не плохими портнихами. А это каждой женщине не лишнее.

Кстати о девочках, их в классе было подавляющее большинство, нас семеро, а их семнадцать. И среди них была та, ради которой я мог пойти на любой, самый невероятный поступок. Как-то поздно вечером, я в компании трёх девушек, среди них была и она, шли мимо ресторана. Он был уже закрыт и бегающий на цепи во дворе волкодав стал на нас кидаться. Девчонки испугались, а вдруг сорвётся. Тогда я предложил поспорить на то, что поглажу его. Поспорили, и я пошёл во двор. Не знаю почему, но собак я не боялся, хоть и был в семилетнем возрасте покусан именно таким псом.

Собака с начало кинулась на меня, но, видя то, что я её не боюсь, и иду на неё, отбежала в конец проволоки, к которой крепилась цепь. Девчонки стали кричать, что ничего не надо делать, и что они согласны на проигрыш. Но я уже остановиться не мог, тем более видел, что собака меня боится. Схватил за цепь и стал тащить её на себя. Она лаяла, рычала, упираясь всеми четырьмя лапами. И тут случилось не предвиденное.

Пёс выдернул голову из ошейника и был таков. Погладить его не получилось, и я проиграл пари.

Куда идти учится после окончания школы, у меня вопрос никогда не стоял. Я всегда знал, что буду только военным. Вот в какой род войск пойти, какое училище выбрать, такие вопросы были. Ни какого давления со стороны отца на меня не было. Единственно, видя свою тяжёлую жизнь, он просил меня не поступать в пограничное училище. А меня и не привлекала, в какой-то степени оседлая, жизнь пограничников. Холерик по характеру я хотел постоянного движения. Ещё отец советовал мне: «Иди в любые войска, какие тебе нравятся, но если хочешь

чего-то в Армии достигнуть, надо поступать в командное училище».

Мне очень хотелось в воздушно-десантные войска, в крайнем случае, в морскую пехоту. Мама вообще была против того, чтоб я шёл в Армию. Она меня видела только врачом. Мы с отцом долго сидели, выбирали училище. В разнарядке военкомата Рязанского воздушно-десантного училища не было. А училищ морской пехоты вообще не существовало, комплектация шла за счёт выпускников общевойсковых училищ. И мы с отцом остановились на Ташкентском танковом, в этом училище была одна рота, где готовили офицеров для воздушно-десантных войск. Но конечно не танкистов, а артиллеристов самоходных артиллерийских установок.

Я прошёл весной, ещё учась в школе, городскую медицинскую комиссию. И вместе с остальными кандидатами был отправлен на республиканскую комиссию, в город Ашхабад. Рост у меня в то время был 185 см, а в училище принимались лица, имевшие не более 180 см. Я решил использовать опыт отца.

Стодеревский Ю.П., начальник боевой подготовки погранотряда

Он плохо видел левым глазом и при прохождении медицинских комиссий был вынужден обманывать врачей. По их просьбе, при проверке зрения, он закрывал правой рукой левый глаз, а затем левой рукой опять левый глаз. И всегда это у него проходило. Когда мне стали мерить рост, я в момент опускания на голову планки согнул ноги в коленях. Но врач заметил и потребовал, чтоб я стоял ровно. В момент опускания планки я

снова согнул колени.

Врач возмутился и спросил, зачем я это делай. Когда я объяснил ему причину, он молча поставил в документы необходимые мне 180 см.

В конце июля 1966 года я прибыл в город Чирчик Ташкентской области, училище хоть и называлось Ташкентским, а находилось в Чирчике. 1 августа начались вступительные экзамены. Перед экзаменами у нас были приняты зачёты по физической подготовке. С этим у меня проблем не было, вот только тяжело было бежать 1 км. После перенесённой лихорадки у меня была увеличена печень, и при беге на большие дистанции появлялись боли в левом боку. Но я все равно пробежал на отлично.

При проверке умения держаться на воде я проплыл 50 метров за 28 секунд, если с такой же скоростью проплыть ещё 50 метров, то можно было выполнить норматив мастера спорта. Но у меня полностью отсутствовала методика плаванья, и я впервые плыл в бассейне, да ещё и на время. На вторых 50 метрах, как это принято говорить в спорте, я сдыхал. Но там время и не проверялось, главное было доплыть.

На двух, из четырёх экзаменов, я умудрился получить двойки, и естественно был отчислен. Это было мне наказание за то, что не верил в свои силы и списывал у соседей. Отчислить то меня отчислили, но я никуда ни уезжал, очень велико было желание учиться в училище. Меня несколько раз выводили за ворота, но я перепрыгивал через забор и возвращался в казарму. Спал, где придётся, то на свободной койке, если ребята были в наряде, то на полу в бытовой комнате. Питался не регулярно, иногда ребята приносили что-нибудь со столовой, иногда покупал себе что-нибудь из тех денег, что мне выдали на обратную дорогу. Так продолжалось около месяца. Ко мне уже привыкли, и даже командир роты из казармы не выгонял. Я подходил к различным училищным начальникам, с просьбой о зачислении меня в училище, но получал отказ. Видя, что ничего не получается, да и деньги, выданные мне на дорогу, уже заканчивались, я уехал домой. И только через год, когда уже поступил в Ташкентское ВОКУ (высшее общевойсковое командное училище), и пришёл в гости к ребятам в танковое училище, я узнал, что тогда не досидел каких то 2 часа. Пришёл ротный и объявил, что начальник училища приказал меня зачислить. Узнав, что я недавно ушёл, он отправил старшину перехватить меня на автовокзале, но я уже уехал.

Добравшись до Ташкента, я взял билет на поезд и на последний рубль купил себе две лепёшки, это была моя

единственная пища почти надвое суток дороги. Мне предстояло добраться до города Мары и сделать там пересадку на поезд Ашхабад-Кушка. Прибыл домой 16 сентября, все были уверены, что я уже учусь, и тут я на пороге.

Отец в этом же году, прослужив в Армии 28 лет, уволился. Семья собиралась переезжать в Донецк. Никого в этом городе у нас не было, но уволившееся раньше офицеры писали и хвалили его. Теперь мой приезд внёс коррективы. Родители решили ещё на год остаться в Тахта-Базаре, чтоб я имел возможность на следующий год снова поступать в это же училище.

Я устроился на работу электриком на местную электростанцию. Работа нравилась, я был линейщиком, практически не сидел на месте, аварии, вызовы. Только один месяц для меня был как каторга, ушёл в отпуск оператор, и меня посадили на подмену. Целые сутки надо было сидеть на стуле и контролировать приборы. Я думал, что чокнусь, ну разве может восемнадцатилетний парень, целые сутки просидеть на стуле.

С работы мы ездили и на охоту и на рыбалку. Помню, как ночью охотились в пустыне на джейранов. Охота была браконьерская. На машине ГАЗ-51 снималась одна фара и устанавливалась сверху на кабину. Догонялись антилопы, ослеплялись, и уже несложно было их поразить из кузова.

На этой охоте я впервые увидел как курят тырьяк, так в Туркмении называли опиум. Туркмен сидел в углу юрты, где мы остановились на ночлег, перед ним лежал камень, раскалённый в костре, а на нём меленький кусочек тырьяка. От зелья шёл не большой дымок, его и улавливал трубочкой из камыша курящий.

В нашей округе было много разной наркотической дряни, особенно анаши. Конопля росла повсюду. И туркмены в кишлаках курили, почти не таясь. Но проблемы с наркоманией не было, ни кто у нас в школе эту гадость не курил. Считалось последним делом употреблять, что-то подобное. Мы на сборе хлопка, учась в десятом классе, один раз попробовали курить анашу, ради интереса, чтоб иметь представление, что это такое. На нас эта гадость ни как не подействовало. Из семи ребят в нашем классе, и сигареты то, курил только один. Но мама постоянно выворачивала у меня карманы, пытаясь найти табак, была уверена, что я курю.

Она хорошо помнила случай как я, учась в первом классе, вдвоём с товарищем, выкурил пачку папирос «Север». Мне потом было дурно и отбило охоту курить на всю оставшуюся жизнь.

В мае следующего года родители заставили меня уволиться с работы, и посадили за учебники, готовиться к поступлению в училище.

Опять я проходил медицинские комиссии. Снова пытался приседать, но врачи были неумолимы, тем более, что были внесены изменения и в танковые училища стали брали при росте не более 175 см. Военком посоветовал мне поступать в Ташкентское ВОКУ. Желания у меня не было, но родители уже сидели на чемоданах, и я согласился. В июле месяце мы всей семьёй покидали Тахта-Базар. Все ехали в Донецк, а я с ними до Ташкента.

Глава 3. Ташкентское ВОКУ

Мощь армии — в мужественном идеализме офицерского корпуса.

Карем Раш (Армия и культура).

В Ташкенте к поезду пришёл дядя Костя, бабушкин брат, они с отцом выпили по сто грамм за встречу, семья поехала дальше, а я остался. Переночевал у дяди Кости и утром мы пошли с ним в училище.

В училище была большая и красивая территория. Прямо от КПП № 1, через всё училище, проходила дорога с тенистой аллеей, она выходила на КПП № 2. Где, за основной территорией, находился парк автотранспортной и бронетанковой техники. Здесь же размещались казармы батальона обеспечения и стрелковый тир. С права от КПП № 1, находился плавательный бассейн. Влево от КПП шла широкая тенистая аллея, которая метров через 100 упиралась в площадку круглой формы. Где по окружности располагалось десятка полтора парковых скамеек, а в центре возвышался обелиск, на котором было выбито: «Слава Ленинцам всех поколений». Дело в том, что училище с 1918 года, когда оно было основано, носило имя Ленина. В Ташкенте нас так и называли «курсанты-ленинцы».

В училище была традиция. В ночь перед выпуском, связав две лестницы, обелиск был достаточно высок, на макушку устанавливали бутылку водки, закрепив её пластилином. И ни какие противодействия командования училища эффекта не имели. Перед одним из выпусков у обелиска даже выставили пост, но к утру у подножья лежал связанный часовой, а бутылка была на своём месте.

Позже, когда уже учился мой брат, традицию изменили. Училище находилось на площади им. Пушкина, и местные власти открыли памятник поэту. Этим сразу воспользовались выпускники. В ночь перед выпуском они стали одевать на Александра Сергеевича комплект химзащиты, включая противогаз, благо размеры памятника не намного превышали рост обычного человека.

Сразу после образования, и до Великой Отечественной войны в училище было, толи три факультета, толи три отдельных училища с единым командованием, я точно не помню. Готовили офицеров трёх специальностей: кавалеристов, артиллеристов, и

пехотинцев. Во время войны стали готовить только пехотных офицеров. Подготовка шла по ускоренной программе, четыре месяца и выпуск. Фронт остро нуждался в офицерах. За четыре года войны офицеров подготовили столько же, сколько за все годы мирной жизни, 46 из них, стали Героями Советского Союза.

Да и остальные года мирными можно назвать условно. До 1939 года училище постоянно привлекалось к борьбе с басмаческими бандами. Под потолком клуба, вдоль периметра, были помещены таблички с названиями всех походов училища. Рядом с клубом, в одном здании, находился прекрасный музей истории училища, где находился пулемёт «Максим» легендарного человека, Командующего Туркестанским военным округом, генерал-полковника Лященко Николая Григорьевича, он выпускник нашего училища. Воевал с басмачами. Затем в Испании, испанцы дали ему кличку «Большой Николай», был он громадного роста. Прошёл всю Великую Отечественную. Будучи Командующим нашим округом, был в училище на всех выпусках офицеров. В то время была традиция. Из музея выкатывали его пулемёт, и Лященко фотографировался со всеми выпускниками, на парадной лестнице клуба. Нашему выпуску не повезло. Был создан новый Среднеазиатский военный округ, и Лященко его возглавил, уехав в Алма-Ату.

Вплотную к обелиску примыкал стадион, а сразу за ним, и за широкой, красивой, с вековыми деревьями аллеей находился главный корпус училища. Все корпуса училища представляли собой красивые, старинные здания, конца 19 века, в стиле Борроко. Строились они для туземного кадетского корпуса. Над высокими и широкими окнами имелась лепка, изображения голов римских воинов в шлемах. Окна закрывались с помощью шпингалетов закреплённых на латунной штанге. На ручках этих штанг было выдавлено клеймо с надписью по кругу: «Привилегия заъявлена. Санкт-Петербург. Растеряев. 1903 г».

Основной корпус был двухэтажный, ш-образный, и своей

парадной лестницей выходил к стадиону. В центральной его части размещались клуб и музей училища. Внутри здания практически полностью был сохранён первоначальный интерьер. В зале клуба, где проходили выпускные вечера, запросто можно было снимать бал Наташи Ростовой.

В фае первого этажа висели громадные картины, как советские, так видимо и до советской эпохи. Когда я уже учился на третьем курсе, какой-то специалист, у нас в клубе, случайно обнаружил полотно Айвазовского. Его сняли и увезли. Мы три года ходили и не знали, что смотрим на шедевр, ну море как море. С этим специалистом нам явно не повезло. Из фае, на второй этаж, в клуб, вели две широкие лестницы. Периллы были сделаны из какого-то крепкого дерева, видимо из дуба, да и лет им наверно было столько же сколько зданию. На поворотах перил, а их до второго этажа было несколько, тем более, что этот второй этаж по высоте был не мене чем современный четвёртый. Так вот на этих поворотах стояли вырезанные из чёрного дерева, где-то более метра высотой, фигурки мужчин и женщин, в африканских мотивах. Их, объявив произведением искусств, тоже сняли и увезли.

Из клуба можно было выйти на второй этаж среднего корпуса здания, в нём размещалась столовая. Но двери открывали только на выпускные торжества. В правом корпусе размещался учебный корпус. В левом курсантские казармы. Ещё одно жилое одноэтажное здание находилось на отшибе, за зданием управления и штаба училища.

Под зданием имелись обширные лабиринты подвалов, высота некоторых помещений достигала четырёх метров. Там находилась старая система отопления. Только часть из них использовалась, там располагались склады. Остальные были заперты или вообще заложены кирпичом. Но курсанты нашли им другое применение. Разобрав половицы первого этажа, сделать это было несложно, все полы были паркетные, по подвалам можно было выйти в любую точку здания, а затем выбраться на улицу. Так, что казарму можно было покинуть в любое время суток, не привлекая чужого внимания. В подвале переоделся в гражданскую форму, и Ташкент твой.

С лицевой стороны училище было закрыто красивой металлической оградой. С востока и юга обычным кирпичным забором. А с западной стороны забора не было, там имелось естественное препятствие, протекала река Салар.

Абитуриентам определили для проживания спортзал, мы спали прямо на полу, на матах застилая их простынями. Готовились к экзаменам, но и к хозяйственным работам нас

иногда привлекали. Командир роты абитуриентов, заметив во мне какие-то задатки лидера, назначил командиром взвода таких же соискателей на место среди курсантов первого курса.

Среди абитуриентов было много ребят национальностей республик Средней Азии, в основном сельской местности. Они плохо представляли себе, что такое воинская служба вообще, и офицерская служба в частности. Была какая-то директива требовавшая иметь в училище определённый процент курсантов местной национальности. Но они шли в военные училища неохотно. К тому же большинство из них плохо говорили по-русски. Однако военкоматы выполняли разнарядки всеми возможными и не возможными способами. Им было главное отправить, и чтобы абитуриент доехал до училища, а поступил или нет, это уже их не касалось.

Конкурс был человека 3–4 на место. И когда местные ребята стали уезжать, узнав, что в училище готовят не учителей, как им говорили в военкомате, а офицеров. Мы ещё подливали масла в огонь, рассказывая в приватных беседах о тяжёлой офицерской жизни.

Работники военкоматов, вербуя кандидатов в училище, не сказать, чтоб полностью лгали им. На самом деле выпускник Ташкентского ВОКУ по окончанию училища получал среднее военное образование и высшее гражданское, физмат, с правом преподавания в средней школе.

Выпускные экзамены по этим предметам принимала Государственная комиссия из Ташкентского университета. По началу, когда в 1959 году училище сделали высшим военным заведением, подготовка курсантов по этим предметам была очень высокая. Команда училища всегда одерживала вверх над командой университета при проведении олимпиад. Но потом все поняли, что эти знания при службе в войсках не понадобятся, об этом говорили и приезжавшие в училище бывшие выпускники. Так, что когда уже учился я, мы относились к этим предметам с прохладцей, лишь бы не завалить сессию. И мы были последние, кто получил такой диплом. После нас ребята уже получали дипломы инженеров по эксплуатации автотракторной и бронетанковой техники.

Решение было правильное, Армия была насыщена техникой. Но для её эксплуатации достаточно было иметь среднетехническое образование, я имею в виду офицеров командиров общевойсковых подразделений. А высшее образование, надо было давать, по иностранному языку. Язык мы, конечно же, учили, но преподавание шло почти как на школьном уровне. Ну, что говорить, если в училище даже не было

ларингафонных кабинетов. Когда я пришёл служить в бригаду спецназ, там таких кабинетов было два, каждый ёмкостью на взвод. Но это было потом.

А сейчас мы сдавали экзамены. Я сдал всё без особой натуги, на экзаменах был совершенно спокоен, ни у кого не списывал, помнил прошлый опыт. Кроме общеобразовательных предметов мы ещё сдавали физическую подготовку.

С плаванием и подтягиванием на перекладине у меня проблем не было. А вот при беге на 1 км, я еле-еле уложился в контрольное время. Как я уже писал, лихорадка «КУ», которой я переболел в детстве, дала осложнение на селезёнку. Она у меня была несколько расширена. Я не мог пробежать более 300 метров, начиналась острая боль в левом боку. Врачи говорили, что бегать мне нежелательно. Но надо было бежать, и я бежал. Почти весь первый курс эти боли меня не оставляли, а бегать приходилось ежедневно и большие дистанции. В конце концов, я перестал что-либо ощущать в левом боку. Как мне объяснили преподаватели кафедры физической подготовки, в результате постоянных нагрузок, селезёнка сжалась, и стала естественных размеров. Это для меня был первый жизненный урок того, что лечиться надо не лекарствами, которые, как правило, дают побочные эффекты, а физкультурой.

У меня оставалось презрительное отношение к пехоте, и я не очень то рвался в училище. Видимо поэтому и поступил.

Всех зачисленных на первый курс построили на плацу и стали формировать три роты курса. А делалось это следующим образом. Всех построили по языковому принципу и по росту, в две колонны, в одной кто изучал английский язык, а в другой кто немецкий. Я был во второй. Затем отсчитали по 150 человек в каждой колонне. Получилось две роты, наша четвертая, у англичан девятая, а остатки от двух колонн свели в третью роту, под десятым номером. Делёжка в ротах, на взвода, проводилась также по ростовому принципу, просто разделили, оставшиеся колонны на четыре части и всё. Так я оказался в 1-ом взводе 4 роты. Самый маленький в нашем взводе был Саид Бобокалонов, таджик по национальности, 177 см, я при росте 185 см. в шеренге стоял лишь восьмым. И мы ещё росли, я за училище подрос ещё на 2 см.

Рота наша, как и весь наш курс, как и всё училище, как и весь наш народ, была многонациональна. В роте были: узбеки, туркмены, таджики, татары, корейцы, заместителем командира нашего взвода был немец, Виганд Нейфельд, и ни каких межнациональных проблем. Большинство, конечно, составляли славяне, так уж сложилось, что у этих народов служба в Армии

была более почётна и престижна.

Я опять прорвался в начальники, назначали командиром отделения. А это давало ещё и ***Ташкентское воку, дежурный по роте.*** материальные преимущества, курсант 1 курса получал денежного довольствия — 8 рублей 30 копеек, а командир отделения — 11 рублей 80 копеек. Но главное было не в этом, у меня на погонах появились две лычки младшего сержанта. Проучившись месяца два, я изменил своё отношение и к училищу и к матушке пехоте. Я понял, что общевойсковые соединения являются в Армии основными, а все остальные, даже и боевые, работают на них и помогают им в выполнении поставленных боевых задач. Теперь я посматривал на свои погоны с гордостью и даже с любовью.

Командиром взвода к нам назначили старшего лейтенанта Валерия Самсонова. Мастер спорта по военному троеборью, высокий, поджарый, резкий в движениях и суждениях он одним своим видом показывал нам, каким должен быть офицер.

Ротным, был назначен, капитан Демиденко П.М., белорус по национальности, добрейшей души человек. Правда, ему не хватало жёсткости, нашу роту надо было держать в «ежовых рукавицах».

Батальон принял подполковник Бурцев Н.В., военный интеллигент, всегда одетый с иголочки, говорящий спокойно и не пытающийся давить на тебя своим служебным положением. Глядя на него, было видно, такой человек никогда не уронит офицерской чести.

Нам всем повезло, что во время нашего армейского становления нами командовали и воспитывали нас эти люди. К сожалению, для нас, Самсонов ушёл в войска, а Демиденко и Бурцева подвинули с должностей, рота у нас была не простая. Но на выпускной фотографии мы нашли место для них. В начале первого курса в роте было 146 человек, а окончил училище, только 91 человек.

За четыре года нашей ротой успели покомандовать три ротных. А вот замполит батальона попался долгожитель, все четыре года удержался на этой должности. Фамилии его не помню, пустой человек был, правда, беззлобный. Кличка у него была странная, кто уж окрестил, не помню, «Мокушка». Мы любили над ним подшутить. У него была машина «Москвич». Как только он оставлял её у казармы, наш взвод поднимал машину и ставил или поперёк угла здания, носом и кармой к стене, или поперёк широкого бетонного арыка так, что он не мог тронуться ни вперёд, ни назад. Спрятавшись, мы наблюдали, как он бегал, махал руками, возмущался и пытался собрать народ, для того,

чтоб вытащить машину из западни.

Отсев из училища был по разным причинам. Первые полгода уходили сами те, кто понял, что военная служба не для них. Кому-то было тяжело, а Армия это, прежде всего тяжёлый физический труд. Кого-то не устраивала жёсткая дисциплина, они хотели бы, чтобы им подчинялись все, а они ни кому. Эти две категории, поныв 3–4 месяца, писали рапорта.

Была категория ребят, которые хорошо учились, стойко преодолевали все трудности военной службы, но не имели задатков лидеров и сильных волевых качеств. Из них никогда бы не получилось настоящих офицеров. Понимая это и видя, что это не их хлеб, они уходили. И, слава богу, потому как те, кто всё-таки не ушёл, и дотянул лямку до конца, затем, уже, будучи офицерами, дискредитировали это высокое звание. Они или спивались, видя, правда, уже с опозданием, что сели не в тот поезд. Или, как у нас говорили: «Забивали на службу болт».

Уйти с Армии офицеру, в то время, было практически не возможно. Так и тащились они по службе. Мучая себя, подчинённых, и своих командиров. Только злостный враг Советской Армии мог протащить такой приказ, разрешающий увольнение только после 25 лет службы.

Я помню случай, когда служил заместителем командира 90 мотострелкового полка 145 мотострелковой дивизии, в городе Батуми. В разгаре уже была наша, а точней Горбачёвская перестройка. «По России мчится тройка: Миша, Рая, Перестройка» — поговорка того времени. И чтоб уволится с Армии, командир взвода нашего полка, демонстративно украл в магазине пару туфлей. Его естественно задержали, под суд не отдали, а в течёние двух недель уволили. Он добился своего, опозорив Вооружённые Силы.

Ещё один неприглядный случай был, когда я прослужил в офицерском звании лишь два года, в городе Чирчике, в 15 БРСН. Прибыли молодые офицеры с Киевского ВОКУ. Среди них был крепкий парень, мастер спорта по плаванью. Прослужил он у нас не долго. Заступив в наряд начальником караула, лёг на кушетку и выпустил в потолок всю обойму из пистолета. Потом выяснилось, что он ещё учась в училище, пытался дважды уйти из Армии, но его уговорила мама, и почему-то командование училища, закончить учёбу. И этот фрукт прибыл служить в бригаду спецназ. Его, после того как он прошёл психиатрическую экспертизу, конечно, уволили, но ведь сделать это надо было ещё в училище.

В Ташкентском ВОКУ практиковалось, ещё до моего поступления туда, правило, отправлять курсантов 1 курса на год в

город Самарканд. В учебную часть, готовившую сержантов, как в армии говорят в учебку. Самаркандская учебка славились исключительно жёсткой дисциплиной. Случайные люди там, в течение года уходили, и когда курс, спустя год возвращался в Ташкент, отсева почти не было.

А ещё раньше, до Самарканда, отправляли в Кушку, и первый год курсанты носили солдатские погоны. Прекратили это делать в связи с тем, что училище стало высшим, а на периферии было тяжело с учебно-материальной базой и преподавательским составом.

Исключали из училища ещё и за не успеваемость, но это первые два курса. Затем уже оставались только те, кто способен был усвоить программу обучения. Отношение к учёбе было очень жёсткое. Если курсант на зимней сессии имел хотя бы одну тройку, он лишался зимнего отпуска. Зимой давали десять суток и летом месяц. Но летний отпуск был обязателен, и троечники тоже могли попасть домой. Обязателен, то обязателен, но не для всех. Получившие на сессии три неуда, отчислялись, а получившим одну или две двойки, предоставлялось право подготовиться за счёт своего отпуска и пересдать.

Таких было очень мало, но они были. Я не ездил в зимний отпуск на втором курсе, получил тройку, а на четвёртом попал в драку. Хоть я в драке и не участвовал, а был только рядом, отпуска я был лишён. Дисциплина, вот за это тоже отчисляли нещадно.

Сразу после зачисления в училище и формирования рот нас стали переодевать в форму, её выдавали прямо в бане. Я с детства любил военную форму и умел её носить. Отец часто получал форму не на себя, а мой размер, у прослужившего много лет офицера всегда был запас формы. Я в полевой форме ездил на уборку хлопка. Получая форму, я помогал ребятам правильно заправлять гимнастёрку и правильно наматывать портянки. Много ребят было городских, и они никогда не носили сапог. А вот на меня сапог не нашли. Самый большой был 45 размер, а я носил 47. Мне принесли 46 размер, но офицерские, яловые сапоги, и я купился этим, заработав в последствии себе вросшие ногти на обеих ногах.

У меня был не самый большой размер обуви в роте, Саша Уланович с нашего взвода носил 50 размер. Он гордился тем, что ему сапоги шили с одной колодки с Командующим Туркестанским военным округом генерал-полковником Лященко Н.Г., но большой размер был и его головной болью. Каждое утро он, пока нам не выдали тапочки, искал их по казарме. Дело в том, что, встав ночью в туалет, никто ни хотел влезать в свои сапоги,

это была трудоёмкая работа. А в Сашины сапоги сунул ноги и пошёл. Он по утрам орал: «Мужики берёте сапоги, чёрт с вами, но вы хоть ставьте их на место».

Кстати летом в казармах спать было не возможно, страшная духота. Намочишь простынь, расстелишь, слегка отжав, и тогда можно уснуть. Но часа через два она высыхает, и снова надо идти в умывальник. Так мы приспособились спать во дворе, на газонах, вокруг фонтана. Но нас за это гоняли. Приходит дежурный по училищу с проверкой, а в казарме только дневальный и голые кровати. Удивлённо спрашивает: «Где люди»? Тот тычет пальцем в окно и дежурный с высоты второго этажа созерцает лежбище «котиков». А попробуй, посчитай, все ли на месте.

Начались занятия. Упор первое время делался в основном на военные дисциплины. Особенно на физическую и строевую подготовки. Мы заново учились ходить, но теперь строевым шагом. Все приёмы строевой подготовки отрабатывали с удовольствием, тем более, что нам сказали о том, что будем участвовать в параде 7 ноября. Это был парад, посвящённый 50 годовщине революции. К октябрю месяцу мы полностью прошли курс молодого бойца. Отстреляли положенные упражнения по огневой подготовке, довольно прилично ходили в строю, и неплохо пели строевые песни.

Преодоление полосы препятствий.

В увольнение в город нас не пускали, не положено пока не примешь присягу. Присягу мы принимали 10 октября. Дня за три нам выдали парадную форму: мундир защитного цвета, брюки в

сапоги синего цвета, и хромовые сапоги. Когда мы надели хромовые сапоги, было такое ощущение, что на ногах тапочки, настолько они были легче яловых.

В каждой воинской части день приёма присяги объявлялся праздничным днём, не исключением было и наше училище. С утра была прекрасная погода, октябрь в Ташкенте был одним из лучших месяцев года. Летняя жара уже спала, а холода ещё не наступили, такое тебе бабье лето, длиной почти в месяц. Всё училище выстроилось на плацу, вокруг было очень много гостей, пришли родители и знакомые ребят которые из Ташкента и области, немало приехало и из других городов и республик. Какие-то шефы, какие-то подшефные. Цветы и очень много девушек, а мы их не видели более двух месяцев.

Непросто так говорят, что у военных особое отношение к женщинам, да и у женщин к военным тоже. Люди цивильные просто не понимают, какая необыкновенная красота находиться рядом сними. Они просто к этому привыкают, свыкаются, и это для них становится обыденным.

«Из всего существующего заслуживают внимания: женщины, лошади, власть и война».
Наполеон.

Люди гражданские не в состоянии почувствовать то, что чувствует человек военный, который постоянно находится в сугубо мужском коллективе, даже если гарнизон находится в городе. А если полигон, а если гарнизон в глухомани? Ну и, конечно же, воспитание. Весь воспитательный процесс в училище поставлен на воспитание в курсанте чести и достоинства, готовности пожертвовать собой ради других. Воспитывая любовь к Отечеству, воспитывалась любовь ко всему, что это Отечество составляет, и, прежде всего к женщине-матери.

Оторванные от семей вчерашние пацаны тянулись к женской ласке. И дамы отвечали взаимностью, не зря в фильме «О бедном гусаре замолвите слово», ведущий, сказал: «Жизнь в городе начинается тогда, когда в город входят военные».

Уже служа в 15 бригаде специального назначения, я воочию видел пример рыцарского отношения к женщине. На вечеринке один из офицеров оскорбительно отозвался, об одной, из присутствующих дам. Владимир Манченко, выпускник нашего училища, впоследствии начальник всего спецназа СССР, а затем и России, одним ударом сломал ему челюсть. Это «ЧП». За такое могли влепить взыскание по партийной линии, понизить в должности, да и вообще убрать из спецназа. Но здесь была задета честь женщины, все начальники, включая командира бригады и

начальника политотдела, сделали вид, что ничего не произошло.

Приняв присягу, и пройдя торжественным маршем мимо трибун, мы загремели всем курсом на хлопок. Узбекистан не выполнял план по хлопку, а тут ещё юбилейный год. Никогда такого не было, чтоб курсантов привлекали, а нам «повезло», мы были дважды, на первом и четвёртом курсах. Везли нас в шикарных автобусах, в училище мы уже привыкли ездить в грузовиках.

По дороге был курьёз. Каждый год на хлопок вывозили институты, все двигались своими колоннами. После двух-трёх часов пути наша колонна остановилась. Место открытое, но совершенно пустынное, и нам разрешили оправить естественные надобности. Из автобусов вывалилось человек триста, те, у кого закипело. Они с шутками делали своё дело в метрах пятидесяти от дороги. Всё было пристойно, так как в нашей колонне не было ни одной дамы. И тут оказалось, что каким-то образом в нашу колонну затесался автобус пединститута. Пришлось срочно заканчивать это мокрое дело.

Прибытье на хлопок

По прибытью на место, а прибыли мы в Голодную степь, это километров 150–200 от Ташкента, нас распределили по бригадам. В каждую бригаду рота. Спали мы, в каком-то глинобитном здании, бросив матрасы прямо на пол. Нам объявили норму и за работу. Мне то это было привычно, в Тахта-Базаре получил хорошую практику, а вот тем ребятам, которые приехали учиться с европейской части страны, было тяжеловато. Тем более что норму дали очень большую, и попробую, не выполни. Начинались беседы о том, что Родина нас кормит, одевает, и учит, и то, что на

неё тоже надо поработать. Что форма на нас из хлопка, да и для производства взрывчатых веществ также он необходим.

Кстати норма у студентов была, чуть ли не в два раза меньше, да им ещё и деньги платили. А нам ни копейки, только тем, кто курил, бесплатно выдавали дешёвые сигареты.

Было жарко, скучно, и противно. И вдруг, о фортуна, штаб по уборке хлопка совершает две грубые ошибки. Одну, стратегическую, в трёх километрах от нас они размещают группу студентов, а точнее студенток, там было, всего человек пять ребят. Другую, тактическую, они поставили нас собирать хлопок на одно поле с ними, только с противоположных сторон, правда, оно было очень большое, около двух километров.

Никогда ещё мы так быстро не работали, уже часа через два, пройдя три четверти пути, мы встретились с лучшей половиной человечества. Им тоже было нудно торчать под палящим солнцем, тоже было очень скучно, это были студенты 1 курса Ташкентского медицинского института.

Как-то само собой, на поле все исчезли, расселись не большими компаниями, и из-за высоких кустов хлопка никого не было видно. Первыми забили тревогу наши командиры. Нас собрали и увели с поля, но было поздно, дружеские отношения были уже налажены.

Больше нас уже никогда не ставили на одно поле. И наше начальство спокойно спало по ночам. А мы, человек шесть, выждав, когда они заснут, выбирались из здания, и совершали ночной марш. Дорогу приходилось себе подсвечивать лампой «Летучая мышь», ничего другого не было. На месте встречи, не далеко от дома, в котором жили девчонки, нас уже ждали. Эти посиделки продолжались часа два-три, а затем марш в обратную сторону. Спали мы часа по три-четыре, не больше. Но нас это устраивало. Мы были молоды и физически крепки. Так продолжалось с неделю.

А затем три балбеса, с третьего взвода нашей роты, узнав о наших похождениях, решили совершить культпоход. Не имея не с кем из девчонок знакомства, они взяли аккордеон и ночью потащились в гости, на что надеялись не понятно. Пришли, все двери, все окна закрыты. Они залезли на крышу, благо она плоская, и стали распевать песни. И это в двенадцать часов ночи. В результате, до ужаса перепугали руководителей студентов, а это были две женщины.

На утро вызвали милицию, потому как неизвестно, кто по ночам на крышах воет. Совершенно справедливо решили, что кроме курсантов-ленинцев не кому. Доказать ничего не смогли, не пойман не вор, но с этого момента у нас ночью в помещении

дежурил офицер. Эти три кота прервали так хорошо начавшееся знакомство.

Адрес училища на арбузах.

Здесь на хлопке мы установили рекорд, наверно достойный «Книги Гиннеса». Вечером, километрах в пяти от нашего расположения, показывали фильм. Машина была только одна ГАЗ-66, все желающие в неё не помещались, она рассчитана была всего на 21 одного человека. Но нас в неё влезло 66, даже на запасном колесе, за кабиной, разместилось 5 человек. Водитель стоял и качал головой, рессоры выгнулись в обратную сторону. Но в кино мы попали.

Здесь на хлопке сколотилась наша дружная четвёрка: Фарид Канцеров, Толик Сидякин, Женя Плоткин, и я. Мы дружили всё время учёбы. А по окончанию училища разъехались в разные концы страны.

С Женей мы встречались в 1975 году на полигоне «Отар» Среднеазиацкого округа, он служил там, в военном городке «Гвардейский», а я приезжал с Чирчика, для участия в проведении показных занятий для начальников разведок корпусов и дивизий Сухопутных войск.

С Толиком мы встречались не сколько раз. Первый раз зимой 1981 года в Москве. Он учился в академии имени Фрунзе, а я, в Подмосковье, на курсах повышения квалификации офицеров разведки. Летом этого же года Толик заезжал ко мне в Чирчик, по дороге на новое место службы, он закончил академию. Последний раз мы с ним виделись в 1987 году в Москве, когда я завершал учёбу в академии им. М.В.Фрунзе. Но я знаю, что он сейчас является заместителем командующего Приволжско-Уральского округа и живёт в Екатеринбурге. Мы с ним иногда созваниваемся.

А вот с Фаридом судьба так больше и не свела. Были сведения, что он ушёл служить в КГБ, и окончил курсы в Новосибирске, но это и всё.

Армейская дружба это совсем не то, что на гражданке. Вместе, рядом, все двадцать четыре часа в сутки. Спишь в одной казарме, старались, чтоб и кровати рядом стояли; кушаешь за одним столом, а порой и из одного котелка. Вместе, поддерживая друг друга, преодолевали трудности воинской службы. И так на протяжении четырёх лет. Люди становятся братьями. Кто не служил в Армии ему это понять сложно, да наверно, и не дано.

По приезду с хлопка началась интенсивная учёба, навёрстывали упущенное. Преподаватели училища были не только профессионалами высочайшего класса, но прекрасными педагогами воспитателями.

Нас готовили к непростой офицерской жизни. Не для кого не секрет, что становым хребтом Армии является офицерский корпус.

> ***«Армия баранов, предводительствуемая львом, сильнее армии львов, которой командует баран». Наполеон.***

К сожалению, я не помню всех преподавателей по фамильно, но некоторых запомнил хорошо.

Так преподаватель по огневой подготовке, подполковник Штанько Н.В., на первом занятии сказал нам, что стрелять мы будем только на пять. И он своего, добился. Если у кого-то, что-то не получалось, он занимался с ним, не взирая на личное время. Правда и у курсанта личного времени уже не оставалось, как только появлялись свободные хотя бы пол часа, он был обязан, явится в стрелковый тир, благо тот находился на территории училища. Уже через пол года большинство из нас имели 2 разряд по стрельбе из армейской винтовки (винтовка Мосина).

Сын Штанько, студент Ташкентского института связи, высокий, но с избыточным весом молодой человек, часто бывал на наших занятиях в тире. В конце концов, он, после второго курса, бросил институт, и поступил в наше училище. Буквально через пол года превратился в мускулистого крепкого парня. Кстати и мой друг, Толик Сидякин, тоже поступил в училище, бросив после первого курса какой-то, сейчас не помню, Джамбульский институт.

Меня всегда удивляло, как люди могут издеваться над собой с помощью всевозможных диет, и более того делают себе операции, чтоб восстановить фигуру. Ну, когда человеку за пятьдесят, да наверно ограничения в пище нужны, но все равно

это не основное. Надо поменять образ жизни, сделать его более подвижным, делать по утрам элементарную зарядку и обязательно бегать.

Понятно, что это физический труд, и не каждый в состоянии себя заставить. У меня давно была мысль помочь таким людям.

Есть так же люди, которые наоборот страдают отсутствием аппетита и дефицитом веса. Кроме того, не мало людей страдает от бессонницы. И такое встречается у людей разных возрастов, обоих полов.

Так вот рецепт от всех этих напастей прост, необходимо этих людей хотя бы временно, на два-три месяца окунуть в армейские условия жизни.

В войсках, там, где чётко выполняется программа боевой подготовке, как у нас шутили, солдат до обеда борется с голодом, а после обеда со сном.

Не потому, что плохо кормят и не дают спать, а потому, что очень большие физические нагрузки.

Солдат умудряется спать даже на ходу, всегда хочет, есть, ест много, и не имеет избыточного веса. Мне скажут, что это по тому, что они молоды. Посмотрите вокруг себя. Сколько молодых людей с безобразными фигурами. Просто лень собой заниматься.

«Здоровое тело — продукт здорового рассудка».
Бернард Шоу.

Можно создать военно-спортивную базу, куда будут принимать всех желающих пройти курс солдата спецназа. Условие одно, чтоб человек был здоров. Программу подготовки можно сделать месячную и трёх месячную. Кроме укрепления здоровья, обучаемые за их счёт, конечно, будут постигать азы организаторской деятельности, учиться распорядительности, и воспитывать в себе самодисциплину. Как говорят американцы, чтоб стать преуспевающим бизнесменом, нужны три обязательных условия: быть честным, закончить престижный колледж, и отслужить 4 года в морской пехоте.

Но вернусь к училищу. На одном из занятий по огневой подготовке Веге Нейфельду чуть не оторвало руку. Мы выполняли упражнение по стрельбе из противотанкового гранатомёта по двигающейся мишени. Вега с первого выстрела не попал, и мишень могла скрыться. Он поторопился, вставил в гранатомёт гранату, и, не убрав руки, нажал на спуск. Мы сначала не поняли в чём дело. Он, отбросив гранатомёт, стал как-то по-звериному рычать и совать левую руку в снег. Ему повезло, что при выстреле, руку отбросило в сторону. Иначе стабилизатором гранаты её могло оторвать. Недели две, у Веги вся ладонь была

опухшая, и чёрного цвета, как это бывает, если по пальцу ударить молотком.

Преподаватель по военной топографии, подполковник Завьялов, на практических занятиях задавал нам такие головоломки, так усложнял программу, что получить у него отличную оценку было очень сложно.

На выпускных экзаменах он нам такую свинью подложил, так построил полевое занятие, что суммарная оценка у большинства оказалась тройкой, включая и меня.

Оценка по топографии складывалась из не скольких оценок, и среди них была оценка за определение точки стояния. Он вывез нас на местность, где мы должны были это проделать, а делалось это на время, по секундомеру. В принципе это было не сложно. Ведь мы были уже ассы, проучились четыре года, и могли ориентироваться на любой местности без карты. Перекрыв все нормативы, поставив на карте точку, мы сдали их для проверки. И тут оказалось, что нас крупно надули. За основной ориентир мы брали большой и единственный дом, стоящий в километре от нас, вокруг была пустынная и ровная местность. А оказалось, дом построили два года назад, картам шесть лет и тот дом, который был на них нанесён, давно снесли, и находился он 500 метров севернее вновь построенного. То есть многие из нас совершили ошибку в 500 метров. А ошибка допускалась не более 200 метров, то есть по карте масштаба 1:100000 не более 2 мм.

Получив за этот норматив неуды, мы могли рассчитывать, только на общую тройку даже имея остальные отличные оценки. Но я безмерно благодарен подполковнику Завьялову за его науку. Имея его тройку по топографии, я ни разу, за все 29 лет службы в Армии, не сделал ошибки ни в мирное время, ни, слава богу, при ведении боевых действий. Ни когда не блудил, ни в горах, ни в пустынях.

Высшую математику в нашей роте преподавала Нина Дмитриевна Кондаурова, молодая женщина, до 30 лет. На её занятиях дисциплина была даже жёстче чем у преподавателей офицеров, ни кому не давала спуску. На её уроках можно было заниматься только математикой, и ни каких лишних слов. Даже наши курсовые начальники её побаивались.

Они имели привычку ходить по классам во время занятий и проверять все ли мы на месте. К Нине Дмитриевне в класс, ни кто, никогда, не заглядывал. Один раз, по ошибке, к нам заглянул какой-то полковник, он немедленно, жёстким, командирским голосом, получил приказ закрыть дверь с обратной стороны. Нина Дмитриевна не терпела, чтоб кто-то прерывал занятие.

А вот в перерывах, между занятьями, она любила

пофилософствовать. Интересный человек, приятный собеседник. Однажды, прейдя на занятие, она объявила, что всем нам предстоит, женится, а по этому мы обязательно должны посмотреть фильм «Укрощение строптивой», как учебное пособие. Там чётко и ясно показано, как надо обращаться с женщиной.

Тогда на экраны только вышел новый цветной фильм, толи итальянского, толи американского производства. Как она сказала: «Женщин баловать нельзя, на голову сядут». Во многом она права, но я думаю, что женщин баловать не только можно, но и обязательно нужно. Вот только на голову садиться, давать нельзя.

Были занятия и по психологической подготовке, хотя они так и не назывались. Это обкатка танками. Из литературы о Великой Отечественной войне многие помнят такой термин — танкобоязнь. Это когда солдаты разбегались, только услышав моторы танков. Так вот, чтоб исключить подобные случаи, в войсках проводиться обкатка танками. Сначала в составе отделения. Люди сидят в окопе, а танк идёт прямо на них. При его приближении, по нему метаются противотанковые гранаты. А после его прохождения, через окоп, надо залезть на двигающийся танк. И закрыть смотровые щели плащ-палаткой. Затем всё то же самое, но уже в одиночку. А в заключение, вообще ни каких окопов. Лежишь на земле. Танк идёт на тебя прямо гусеницей. Бросаешь гранату и отползаешь так, чтоб оказаться между

гусениц. Как только танк через тебя прошёл, заскакиваешь на него и на смотровые приборы, набрасываешь плащ-палатку.

В конце второго курса мы получили права водителей. Этому предшествовала учёба и длительная подготовка по вождению. Я это вспомнил к тому, что имел возможность наблюдать совершенно разный подход инструкторов по вождению, к обучению курсантов. Один опытный, лет под сорок сверхсрочник, а другой сержант срочной службы. Сержант на этой должности был временно, не хватало инструкторов по вождению. Так вот этот сержант спокойно и доходчиво объяснял курсантам их ошибки, и не шёл дальше пока его обучаемый не осваивал того, что у него не получалось. У меня плохо получалось с переключением передач. Так он загнал меня в район частных домов, кварталы там были не больше 200 метров. И я полдня крутился в этом районе, каждые 23 минуты поворот, а значить и переключение передачи. Отдых десять, пятнадцать минут и снова за руль. А сверхсрочник, при каждой ошибки обучаемого страшно кричал, размахивал руками и даже делал попытки выпрыгнуть из кабины во время движения. Слава богу, что такой инструктор был только один, никто из нас не хотел садиться в его машину, так как научить он ничему не мог.

В училище не было занятий по горной подготовке, и это было совершенно не понятно. Ведь будущий театр военных действий, на огромных пространствах был покрыт горами. Эту ошибку, учитывая опыт уже идущей Афганской войны, исправили в 1980 году, и ввели занятия по альпинизму.

Учебных предметов было несколько десятков, как военных, так и сугубо гражданских. Одно я считаю недостатком, то, что в программе училища не было занятий по музыке, и не обучали бальным танцам. Так как уверен, что для офицера умение вальсировать, это такая же необходимость, как умение ходить строевым шагом.

Пытались наши ребята устранить этот недостаток. В соседнем парке культуры и отдыха, как их тогда называли, была студия. Но занятия там были в неудобное для нас время, и, к сожалению сходив несколько раз, пришлось бросить эту затею.

Крайне необходимы также уроки этики и эстетики. Те несколько часов, что были на первом курсе, были явно недостаточны.

И ещё я считаю, что настольной книгой каждого офицера, а тем более курсанта, должна быть книга Куприна А. И. «Юнкера». Лучше чем Куприн, капитан Российской Армии, никто не написал о воспитании будущего офицера и его становление как защитника Отечества. Особенно о воспитании чести и собственного

достоинства.

По выходным дням, получая, увольнительные, мы начали осваивать Ташкент. Да и не только по увольнительным, чего уж там греха таить. Особенно когда уже перезнакомились с девчонками. Часто бывали на все возможных вечерах отдыха, их в то время называли «огоньками».

Было принято, что курсантов первого курса приглашали в школы или техникумы, а со второго курса уже в институты. Хорошие вечера танцев организовывались и в училище. Познакомишься с девушкой, надо было обязательно её проводить, иначе какой ты курсант. Увольнительной нет, но пока девушки через КПП выходят, мы, перемахнув через забор, уже их на автобусной остановке ждём. Проводить то проводишь, а вот назад приходилось возвращаться во второй половине ночи, а то и под утро, это как повезёт. Обязательно надо прибыть до подъёма. Общественный транспорт уже не ходит. На такси естественно денег нет. И приходилось ночной Ташкент мерить шагами. Правда, иногда, возвращаясь порожняком в таксопарки, таксисты подбирали.

А днём на занятиях хоть спички в глаза вставляй, они все равно закрываются. С занятий, под каким-либо предлогом, если старшина прикроет, сбежать можно было. А вот спать лечь негде. В казарме на кровать, конечно, не ляжешь, всё просматривается. Но вдоль стен стояли вешалки для шинелей, между ними и стеной было сантиметров 25. Если лечь боком то можно поместиться. Но этот вариант подходил только тем, кто не храпит, во время занятий казарма совершенно пуста, и любой звук был бы слышан.

Летом был ещё один вариант. Можно было пойти на речку, через училище текла река Салар, и завалиться в камышах. Но важно было не проспать обед, на построении проверяли наличие личного состава.

Ну и конечно, как и все первокурсники, мы хаживали к девочкам в общежития текстильного комбината. Вот здесь требовалась хорошая физическая подготовка. Дело в том, что в общежитие мужчин дальше порога не пускали. На окнах первого этажа были решётки. Но для нас это было не помеха. Общежития были пятиэтажные. На углах торцов зданий имелись террасы, входные двери на них были забиты гвоздями. По деревянным столбам террас мы без труда залазили на террасу четвёртого этажа, только там, на торце здания можно было открыть окно, которое выходило в коридор. Девчонки это окно открывали, и наша задача была в него влезть. Это было рискованное дело. Надо было встать на ограждение террасы. Прижаться к углу здания. И

держась правой рукой за бельевую верёвку, которая была привязана за обыкновенный гвоздь, левой рукой дотянуться до рамы окна. Крепко ухватившись за раму левой рукой, отпустить верёвку. Перехватив руки на раме, надо было, как можно быстрей, ухватиться за подоконник, рама могла не выдержать веса. Ну а дальше, подтянуться и влезть в окно, уже проблемы не было. Если в это время по коридоры шли девушки, у них от удивления челюсти отвисали. Так как они знали, что за окном, не то, чтобы лестницы, но даже и дерева не было.

Были случаи, когда с общежития приходилось ретироваться. Коменданту доносили, что в общежитии посторонние и начиналась зачистка комнат. Чтобы, не подвести девчонок, надо было срочно покинуть общагу. Как правило, постучавшись в комнаты второго этажа, мы выпрыгивали в окна.

Был и курьёзный случай, чуть не закончившийся трагически. Парень с четвёртого взвода нашей роты, Роман Шаркаев, шёл по коридору, и лоб в лоб, столкнулся с комендантом общежития и военным патрулём. Почему-то, решив, что он на первом этаже, разбежался и выпрыгнул в открытое окно, головой вниз.

Как он потом рассказывал: «Знал, что под этими окнами цветочная клумба. Думал, выпрыгну, сделаю кувырок через голову, и ловите меня. Когда вылетаю, смотрю, это совсем не первый этаж. Волосы на всём теле дыбом встали».

Спасло Романа то, что на уровне второго этажа из стены торчали остатки балкона, он сначала ударился о них и только потом упал на землю. В результате 13 выбитых зубов и ни одного перелома. У нас в роте по этому случаю выпустили стенгазету. Нарисовали здание, из окна «ласточкой» вылетает Роман. Внизу нарисованы круги мишени, и подпись: «Орлята учатся летать».

Учась на первом курсе, мы привлекались на съёмки фильма «Всадники революции». Часть съёмок проводилась прямо в училище. Как я уже говорил, училище располагалось в красивых старинных зданиях. Засыпали асфальт песком, навешали старых фонарей, и площадка для съёмок готова. Нас раздели до нижнего белья, и мы три ночи маршируя по этому песку, распевая песню «Взвейтесь соколы орлами», изображали пленных белогвардейцев. Ребятам из местных национальностей повезло больше, они изображали красноармейцев и поэтому были в тёплых халатах. Съёмки были поздней осенью, и по ночам было довольно холодно. Но искусство требует жертв, и мы всё стойко перенесли. Но оказалось зря. Всё, что снималось три ночи, в фильме заняло не более 10 секунд. Мы себя и рассмотреть то не смогли.

На первом курсе я получил свой первый опыт в общении с криминальными элементами. Я ехал по Ташкенту в автобусе, так

получилось, что в нём же находился военный патруль во главе с лейтенантом. На одной из остановок закричала женщина, что украли кошелёк. В это же мгновение из автобуса выпрыгнул молодой парень и стал убегать. Я скомандовал патрулю «за мной», и бросился его догонять. Видя то, что убежать не получиться он остановился и принял боксёрскую стойку. Я с разбега дал ему в лоб, именно в лоб, у меня потом долго рука болела. Он упал на землю и стал истошно кричать, что военные бьют гражданских. Видимо рассчитывал на помощь проходящих мимо ребят. Но тут уже прибежал патруль и пострадавшая женщина. Воришку скрутили и повели в отделение милиции.

Второй подобный случай у меня был, когда я уже был офицером. Я был в отпуске, у своих родителей, в городе Донецке. Мы с женой стояли в очереди, в каком- то магазине. Мужичёк, лет сорок, не высокого роста, выхватил у женщины кошелёк и бросился бежать. Но пробежал он не более 40 метров. Я поймал его за шиворот и хорошо встряхнул. Он сопротивляться не стал, а просто выбросил кошелёк. Зная то, что при отсутствии кошелька его вину доказать будет невозможно. Я, как Пинкертон, взял кошелёк носовым платком и сунул воришке в карман. При этом дал ему затрещину и предупредил, что если попытается его выбросить, то отверну ему голову. Не вдалеке находился постовой милиционер ему я и сдал вора. Но видимо его отпустили, так как меня ни кто не пытался вызывать как свидетеля.

Третий случай был уже в Чирчике. Я был дежурным по караулам, есть такая должность в каждом воинском гарнизоне. Ехал с нарядом патрулей по городу. И вдруг вижу, по тротуару бежит девушка, высоко поднимая ноги, так, будто собирается выполнить разряд по бегу. Юбка во все стороны развевается. Так по городу не бегают. А впереди неё, в метрах ста, бежит парень. Я понял, что-то не так. На ходу открыл дверку, вылез на подножку и жестами показываю ей, что наверно надо того парня поймать. Она утвердительно махнула головой. Мы обогнали бегущих, и я приказал солдатам поймать парня. Он пытался бежать, потом сопротивляться, но от спецназа не сбежишь. Его поймали и слегка успокоили. И опять была попытка выбросить кошелёк, которую мы естественно пресекли. Вора сдали в милицию, оформив все положенные документы. Он оказался не местный, из Ташкента. Но через недели, находясь в Ташкенте, я его видел спокойно гуляющего по улице. Милиции не нужны лишни преступления, да ещё от гастролёра, общую положительную картину портят.

Четвёртого карманника я поймал, когда был уже давно на пенсии, в марте 2005 года, на вокзале в г. Киеве. Жена провожала

меня в командировку. Стоим у вагона, до отправки оставалось минут десять. К вагону идёт молодая женщина с ребёнком на руках, а сзади к ней буквально прилип парень. Я сначала подумал, что он её сопровождает. Но шёл он как-то неестественно сзади, сбоку и рука его лежала на сумочке. Я понял, что это вор и пошёл в их сторону. Женщина подошла к вагону и в тот момент, когда она стала подниматься по ступенькам, воришка выхватил из её сумочки кошелёк и быстрым шагом пошёл вдоль состава. Я догнал его, и, схватив сзади за плечи, слегка встряхнув, потребовал отдать кошелёк. Он попытался выразить своё недоумение, но когда я тряхнул его ещё раз, он, извинившись, кошелёк отдал. Поднявшись в вагон, я отдал его женщине, но, правда, не удержался, и прочитал ей лекцию о бдительности.

В конце первого курса я уже чувствовал себя в училище как рыба в воде. И поэтому решился на авантюру. В Тахта-Базаре у меня осталась девушка, и я решил на майские праздники к ней съездить. «Зов женщины сильней воли командира».

Всё просчитал до мелочей. 30 апреля улетаю самолётом в Мары, вечером идёт поезд на Кушку, через Тахта-Базар. Два дня там, и четвёртого я уже в училище. В праздничные дни, их было тогда четыре, ребята на вечерних поверках меня прикроют, а к началу занятий я уже буду стоять в строю. Отпускного билета у меня, конечно, не было, сделал только липовую увольнительную записку. Но она годилась только в Ташкентском гарнизоне, а мне предстояло пройти через погранзону. Режим погранзоны я знал, в поезде проверялись документы 100 % пассажиров, и если нет специального пропуска или отметки в паспорте, что ты местный житель, с поезда снимали для разбирательства. Да и билет на поезд без этих документов не продавали.

Я взял билет до границы зоны в общий вагон, никто не будет контролировать вышел я на своей станции или нет, тем более, что поезд шёл ночью. При приближении погранаряда я залез на третью полку, туда, куда складывают матрасы в надежде, что меня не заметят. Но прапорщик, старший наряда, попался глазастый, пришлось слазить и показывать документы. Я уж думал, что влип. Но, прочитав мою фамилию в военном билете, и уточнив, не сын ли я майора Стодеревского, прапорщик отдал мне документы и ещё минут пять рассказывал солдатам какой толковый офицер мой отец. Мне было приятно, что спустя 2 года после увольнения в запас отца в погранотряде помнят.

Так, что до Тахта-Базара всё шло по плану, а вот на обратном пути произошёл сбой. Доехал я поездом до города Мары, а на самолёт билетов нет. Пытался прорваться без билета. Подождав, пока закончится посадка, и контролёр уйдёт, я подошёл к

самолёту. Это был АН-24, у него уже закрыли дверь, но был открыт грузовой люк. Подбежал какой-то мужчина в лётной форме, крикнул: «Валера». Ему протянули из люка руку, и он влез в самолёт. Я тоже крикнул: «Валера». Ухватился за протянутую руку, и был готов влезть в самолёт. Но тут на моих ногах мёртвым грузом повисла женщина контролёр. Никакие мои доводы не были взяты в расчёт, и я остался на земле.

Пришлось ехать на вокзал и садиться на поезд. В результате я опоздал в училище на одни сутки. Там меня уже ждали и сопроводили прямёхонько на гауптвахту. Получил я 15 суток ареста и был посажен в одиночную камеру. Это самое большое дисциплинарное наказание. С одиночки не то, что на хозяйственные работы, даже на прогулку не выводили. Пищу приносили в камеру. Читать разрешалось только газеты и конечно уставы, я их там так вызубрил, что на всю оставшуюся жизнь хватило. Из мебели днём в камере положено было иметь только тумбочку и табурет. На ночь выдавался щит из досок стянутый металлическим уголком, у нас, его почему-то называли «вертолётом», размером 60 на 170 см. Его ложили прямо на пол. Постельные принадлежности не полагались. На ночь выдавалась шинель, она служила и матрасом, и подушкой, и одеялом. Но и её начальник караула пытался не выдавать под предлогом того, что температура в камерах была выше 18 градусов. Я, опираясь на требования устава, который вызубрил, потребовал шинель. Он меня проигнорировал. Тогда пришлось подбить на акцию арестованных других камер. Требуя выдачи шинелей, мы стали петь интернационал, эхо разносилось по коридору, и нас было слышно даже на улице. У начальника караула просто не было выхода, и шинели он нам выдал.

Тяжело было днём коротать время, к тому ещё давила неизвестность, что со мной будет за мои художества. Отсутствие в части до трёх суток считалось самовольной отлучкой, и это деяние каралось дисциплинарными взысканьями. А у меня было более трёх суток, это было уже самовольное оставление части, за это могли и под суд отдать. Я уж не говорю о том, что дальнейшее пребывание в училище было под большим вопросом. Днём в камере лежать запрещалось, или сиди на табурете, или броди по камере, а она всего два на три метра. Окна в одиночке было не положено, только глазок в двери. Но я умудрялся и днём поспать. На пол не ляжешь, так как бетонный. Переворачивал тумбочку на бок. Вынимал из неё верхний ящичек, он служил подушкой. Под ноги ставил табурет, и можно было прилично отдыхать.

Раз в неделю гауптвахту посещал начальник училища

генерал-майор Положенцев.

У нас в училище его любили. Строгий, но справедливый, ни когда не повышающий голоса. Спортивный, любил поплавать, и всегда возглавлял футбольную команду офицеров управления и штаба училища в спортивных баталиях с офицерами подразделений. Эти матчи всегда проходили при полных трибунах. Это даже были не мачты, а своеобразные, спортивные шоу с элементами юмора.

По случаю прибытия начальника нас выстраивали во дворе гауптвахты, и он обходил строй, задавая только один вопрос: «За, что арестован»? Все уже знали эту процедуру, и у многих был шанс уйти с гауптвахты. Для этого надо было ответить, что арестован за любовь. Это касалось тех, кто арестован за самовольную отлучку. Куда бы ты ни ходил. Надо было ответить, что был у девушки. Таких генерал приказывал немедленно отправить на учёбу, говорил, что нечего им тут отдыхать, от программы отстанут. Но если ему попадался тот, кто арестован за пререкание с командирами, то немедленно получал дополнительно пять суток ареста.

Отсидев свои 15 суток, я вернулся в роту и, продолжая учиться, ждал учебного совета училища, где должна была решаться моя судьба. Когда меня вызвали на учебный совет, я долго сидел в коридоре, ожидая своей очереди. Помню, передо мной, человека за два, на учебный совет вызвали курсанта четвёртого курса, у него было три часа самоволки. Его исключили из училища, не смотря на то, что он уже даже сдал два выпускных экзамена. После этого я уже сидел спокойно, был уверен в том, что меня выгонят, и отправят служить в войска. Я уже начал строить планы. Как через год буду писать рапорт, и проситься назад в училище. Такие прецеденты были, вот только год терять жалко было, да и с друзьями расставаться не хотелось. Когда я зашёл на учебный совет начальник училища задал мне только один вопрос, хочу ли я учиться. Я ответил утвердительно. «Ну, иди, учись». Такого оборота событий я не ожидал, и пулей вылетел с совета. Как потом мне рассказывали преподаватели, генерал сказал, что с этого первокурсника мы ещё сделаем человека, время есть. А вот если в самоволку идёт человек, который через месяц наденет офицерские погоны, он уже для нас потерян.

После этого меня разжаловали, сняли с должности командира отделения, и два месяца не пускали в увольнение. Слава богу, что так всё обошлось.

На втором курсе нам дали нового ротного, но почему-то мы его сразу невзлюбили, и кличку ему дали «Чингачгук». При нём я

опять выбился в «начальники», но теперь уже по хозяйственной части. В роте были постоянные проблемы с каптёркой (кладовая для хранения вещевого имущества и личных вещей курсантов). Солдат, который там работал, со своими обязанностями не справлялся, и там был вечный бардак, ни чего не возможно было найти. Народ возмущался, а я больше всех. Ротный сказал, что если ты такой умный, я тебя назначаю каптёром и, чтоб навёл мне там порядок. Естественно от занятий меня никто не освобождал, приходилось работать в своё личное время.

ТВОКУ, 2 курс.

На втором курсе хорошо запомнились два события: батальонные учения в декабре 1968 года и стажировка в Кушке в феврале 1969 года. Ученья проходили на полигоне в районе города Чирчика в урочище «Багиш». Ни чем они были не примечательны за исключением суровых условий. Проводились

они в два дня, 20 и 21 декабря. Весь первый день мы отрабатывали наступление и проблем, ни каких не возникало. Было градусов 15 мороза, а снега практически не было, сантиметров пять. Мы были весь день в движении, и замерзать было не когда. К вечеру нас остановили и приказали батальону перейти к обороне. Мороз крепчал, поднялся ветер, вокруг голые сопки, ни кустика, ни колючки. Костёр развести не с чего, укрыться не где, кроме шинелей на нас ничего не было. На каждую роту было всего по одному бронетранспортёру, туда и попрятались офицеры.

Плохой пример, тоже пример, в эту ночь мы получили науку на всю оставшуюся жизнь. Да, у офицера при ведении боевых действий, комфорта должно быть больше, чем у солдата. Разные задачи они выполняют, и чем выше должность, тем этого комфорта должно быть больше. От того, как офицер подготовит бой, как будет им руководить, зависит выполнение поставленной задачи, да и сами жизни тех же солдат. К сожалению, в Советской Армии, штабные солоны, на машинах, имелись в штабах от дивизии и выше. А надо бы было иметь, начиная с батальона. Но каждый офицер просто обязан создать относительно приемлемые условия для подчинённых, да и устав этого требует. А уж командир взвода обязан всегда быть рядом с солдатом.

Эта ночь, с 20 на 21 декабря стала первым, очень тяжёлым физическим и моральнопсихологическим испытанием в моей жизни. Затем, в Афганистане, с 3-го на 4-ое апреля 1982 года была вторая, но об этом позже. Попадал я и в более тяжёлые условия, когда неделями приходилось спать в снегу, но тогда уже было больше опыта, да и как командир я мог принять решение на какие-то перемещения по местности. А здесь указали точку и не с места.

Батальон стал окапываться, но лопаты не брали мёрзлую землю. Тогда первые 10–15 сантиметров мы стали вырезать штык-ножами. Самые слабые из нас, слабые психологически, собрались около бронетранспортёра и, ноя на жизнь, пытались согреться у работающего двигателя. Я даже видел одного плачущего, противно было смотреть.

Работая, мы согревались. Часа через два никого из пехоты уже не было видно. Ребята выкопали круглые ямы, не большого диаметра, позволяющие туда пролезть. Накрылись сверху плащ-палатками, и их занесло снегом.

Я на этих учениях оказался в артиллеристах. Мы вшестером часов пять копали окоп под орудие. Но ещё сложнее было тем, кто попал в танкисты. На учения нам дали танки Т-34, где их только откапали, дело в том, что в них не было приборов наблюдения, а

были просто смотровые щели. Пока машины были ещё тёплые, они над нами посмеивались, а как остыли, им приходилось вылизать и бегать вокруг танков.

Но самый сильный мороз был под утро, когда стало рассветать. Приехал новый начальник училища, полковник Лебедев, генерал-майор Положенцев ушёл на повышение. И стал осматривать наши боевые порядки. Мы уже лежали в цепи готовые к атаке, ни когда в жизни так не желали быстрейшего её начала. Кому уже было совсем невтерпёж, ротный разрешал согреться, побегав в соседнем овраге, но для этого сначала надо было проползти метров 150, противник за нами наблюдает, и ходить в полный рост было нельзя. Когда, перед атакой, нам подали команду «Газы», у преподавателей приехавших вместе с начальником училища, челюсти отвисли. Мы так замёрзли, что никакая сила не могла нас заставить снять шапки, и мы, надели противогазы, прямо на них. Получив команду «В атаку», первые 500 метров пробежали как стометровку, разогрелись, и только потом перешли на ускоренный шаг.

В конце зимы 1969 года, по программе учёбы, у нас была войсковая стажировка. Нашей роте, как я и хотел, выпало ехать в Кушку. Правда, второй взвод роты высадили в Чарджоу, там было наводнение, начались грабежи и мародёрства. Ребята недели три патрулировали по улицам города, пока не спала вода. Милиция не справлялась, а как только наши парни применили оружие по грабителям, патрулировали с автоматами, бесчинства прекратились.

По приезду в Кушку, при распределении, я попал в мотострелковый полк, который располагался на холмах, рядом с крестом. Таких крестов, поставленных ещё царём батюшкой по окраинам империи, было четыре. Наш был самый южный. Полк размещался в бывших казачьих конюшнях, переоборудованных под казармы. Новым зданием была только столовая. Стажировку я проходил в должности командира пулемётного отделения. Время для стажировки было выбрано удачно, в частях шла интенсивная боевая учёба, и месяц пролетел как один день.

Позже, такую стажировку в должности командира отделения, в училище отменили. Оставили только стажировку в конце третьего курса, в должности командира взвода. Я считаю это ошибкой, тем более, что и время было выбрано неудачно. В войсках заканчивался зимний период боевой подготовки и наступал подготовительный период. Шла подготовка к летнему периоду боевой учёбы. В это время приводились в порядок военные городки, полигоны, войсковые стрельбища. Я, на третьем курсе, попал на стажировку в город Ашхабад, в учебную часть. Но

вместо того, чтоб заниматься боевой подготовкой и командовать взводом, был старшим по ремонту столовой.

В Кушке я обратил внимание на две инициативы командира полка. Первая то, что по его приказу солдатам готовили пельмени, такого блюда в рационе солдат не предусмотрено. Но солдату надоедает армейская пища, хочется чего-нибудь домашнего, и эти пельмени как праздник. Так как повара с такой массой пельменей справиться не могли, в полку около 2000 человек, для лепки привлекалась, почему-то, разведрота.

Став командиром полка, я всегда старался на праздники солдатам готовить пельмени, хоть этому и пытались, мешали дивизионные начальники. Первая причина, что не существует расчёта продуктов на приготовление пельменей. А вторая, что у меня в полку готовили жены офицеров, по моей просьбе это делали члены женсовета, а им нельзя готовить, так как они не проходят ежемесячного медицинского осмотра. Я пытался объяснить начальству, что у меня в полку нет ни одного больного офицера, а вот солдат пол санчасти. Узнав, за сутки, о наших кулинарных приготовлениях мне позвонил заместитель по тылу командира дивизии и запретил это делать. Но меня остановить было уже нельзя. На следующий день, в тот момент, когда женщины уже закончив лепить, готовились к варке, в столовую буквально ворвался заместитель по тылу дивизии. Пообещав мне 101 наказание, запретил выдавать пельмени солдатам, выдвинув всё те же аргументы. Но тут уже ему пришлось спорить не со мной, а с женщинами. В какой то момент мне его даже стало жалко, казалось, что они его живьём в котле сварят. Будучи джентльменом, он был вынужден отступить, и пельмени были спасены.

Вторая инициатива командира Кушкинского полка, это то, что на всех приёмах пищи в столовой играл духовой оркестр. Правда, это я на вооружение брать не стал, в столовой стоял такой грохот, что хотелось быстрей из неё выскочить. А вот по воскресеньям в военном городке, оркестр у меня играл. Два часа с 12.00 до 14.00 народ собирался слушать вальсы и марши.

В Кушкинском полку солдаты нам рассказывали, что прошлым летом у них испытывалась новая форма одежды. Весь батальон переодели в шорты и рубашки с коротким рукавом. Это была бы прекрасная повседневная или выходная форма, а батальон занимался в ней боевой подготовкой. Конечно, она не прошла как полевая. Солдат не мог бежать через заросли верблюжьей колючки, ноги голые, не мог ползти, сбивал колени и локти, не мог стрелять лёжа, сбивал локти. Хорошая идея, но её загубили на корню.

Уже служа в Афганистане, я ввёл у себя в отряде шорты, обрезав по колено один комплект спецформы, и рубашки с коротким рукавом, обрезав по локоть рукава на одном комплекте рубашек. Но это была повседневная форма, в ней ходили во внутренний наряд и находились в лагере. Я это сделал в 1982 году, в Советской Армии рубашки с коротким рукавом ввели лишь в 1988 году, да и то только для офицеров.

В апреле месяце нас стали готовить к спортивному параду, который должен был проходить, в честь праздника 1мая, на центральной площади Ташкента. Но я готовился не долго, на первой же тренировке сломал себе большой палец на ноге. Было это так. Меня, раскачав на скрещенных руках, подбрасывали вверх четыре курсанта. А я должен был, толкнувшись от них, сделать ласточку, и упасть плашмя на скрещённые руки ребят стоявших в две шеренги. Но у меня к этому времени уже был выработан чёткий рефлекс, падать только головой в низ, как в воду. Что я и сделал. В результате проскочил мимо рук товарищей и головой в асфальт. Разбил себе нос и ударил ногу. Ротный отправил меня в санчасть. Там сделали рентгеновский снимок и за результатом сказали подойти на следующий день. Сдав с утра экзамен по вождению автомобиля, на водительские права, я, прихрамывая, явился в санчасть. Врач увидевшая, что я в сапогах, всплеснула руками и сказала, что у меня перелом. С гипсом на ноге я уже через пол часа лежал в койке.

Но просачковал я не долго. На следующий день в училище был вечер танцев, этого я пропустить не мог. Сбежал с санчасти, в казарме снял гипс, и натянул хромовые сапоги. Спустя три часа возвращаясь, прихрамывая, в санчасть, гипс уже был на ноге, на ступеньках увидел дежурного врача.

«Молодой человек. Я лицезрела ваши па с дамами. Вы в лечении не нуждаетесь», и указала рукой в сторону казармы. Оказывается, меня искали, и направление поиска врач сразу определила правильно. Недели две я как скоморох ходил по училищу на занятия, одна нога в сапоге другая в тапочке.

В конце второго курса нам, что-то ударила дурь в голову и мы всем взводом окрасились в чёрный цвет. Глядя на нас, ребята второго взвода нашей роты окрасились в рыжий цвет. Утром, на построении, глядя на разномастные взвода, ротный хмыкнул и сказал, что чёрный цвет это ещё терпимо, а вот рыжие поедут в отпуск, когда почернеют. На следующий день второй взвод стоял стриженный наголо.

Но в отпуск мы все равно поехали на месяц позже запланированного срока. Брежнев объезжал с визитами республики Средней Азии. И мы, являясь ротой почётного

караула, должны были бы его встречать, если бы он приехал в Ташкент. Как мы тогда его материли. Да к тому же сидение оказалось напрасным, объехав все без исключения республики, именно в Узбекистане он и не появился.

Выполнена команда: «На караул».

За этот месяц мы вдоволь походили по плацу, да ещё по жаре, и к тому же в форме старого образца.

Новую форму ввели весной 1970 года. Форма почётного караула была стального цвета. Мундир был похож на мундир солдат войны 1812 года, вставка на груди с красного материала (мы называли её слюнявчиком) и два ряда пуговиц.

Женя Плоткин нёс знамя, я и Валера Тугай, парень с нашего взвода, по бокам с шашками. Нам повезло, мы шагали меньше других, ружейные приёмы с шашкой проще, чем с карабином, да и синхронности втроём добиться легче. Остальные ребята часами на плацу отрабатывали слаженность действий.

Отбор в роту почётного караула был достаточно жёстким. Рост не ниже 175 см. и стройная, пропорциональная фигура. Отбирали как топ моделей. Ну, с ростом и стройной фигурой проблем в нашей роте не было, а вот из-за кривизны ног некоторых ребят отсеяли. Приказали поставить ноги вместе, прижав пятки. Вдоль шеренги прошёл офицер и если его рука, ребром ладони, проходила между колен, такого убирали.

После перехода на третий курс, наш социальный статус значительно повысился. В столовой, с первого этажа нас перевели на второй этаж.

На первом кормили первый и второй курсы. Помещение было оборудовано, как кафе, столы с пластиковым покрытием без скатертей и полумягкие стулья с железными ножками. На столы накрывали дневальные по роте.

На втором этаже кушал третий и четвёртый курсы. Помещение было оборудовано как ресторан начала 60-годов. Вся мебель деревянная. На столах белые скатерти. Стулья обтянуты, до самого пола, белыми чехлами. На столы уже накрывали официантки. Ну и самое главное, третий курс уже не ходил в наряд по кухне.

В начале третьего курса у нас в роте произошло «ЧП», курсант третьего взвода заснул на посту. Это являлось одним из самых тяжёлых нарушений устава гарнизонной и караульной службы, этот парень подлежал отправке в войска. Но тут вмешался новый начальник учебного отдела. Его предшественник, полковник Александров уволился в запас. Прекрасный был офицер, много лет прокомандовал полком в Туркестанском военном округе, курсанты его любили. А новому сразу дали кличку «Гадкий утёнок».

Он приказал построить роту перед штабом училища, подошёл к провинившемуся, и сорвал с него погоны. Это уже, по нашим меркам, был полный беспредел. Строй зароптал, полковник ещё нам по угрожал и удалился.

Я, придя в казарму, сел и, с одобрения ребят, написал письмо в газету «Красная Звезда». Затем мы собрали комсомольское собрание курса, обсудили это письмо, и единогласно его утвердили. Курсант Виганд Нейфельд, получил комсомольское поручение, бросить письмо в почтовый ящик, за пределами училища.

Руководство училища, узнав о нашей затеи, забегало. Нейфельда вызвали к начальнику политического отдела училища, и тот потребовал, чтоб он отдал ему письмо. На, что Виганд ответил категорическим отказом, сказал, что ему комсомольская организация поручила отправить письмо, и он это сделает.

Начальник политотдела, полковник Москалёв давить не стал, а попросил снова собрать курс. Выступая перед нами, он выступал как перед равными себе. Извинился за начальника учебного отдела и попросил не отправлять письмо. После непродолжительных дебатов мы согласились, тем более что он пообещал не исключать из училища нашего засоню, а ограничиться только арестом на гауптвахту.

Я почувствовал силу коллектива и уже, будучи командиром роты и отряда, в своей работе опирался на комсомольскую организацию. Правда для этого её пришлось создавать, ведь в большинстве подразделений она только числилась на бумаге, а ни какой реальной работы не проводила. Став командиром полка, я создал у себя в полку солдатский комитет, в котором были представители всех подразделений. Их избирали на общих собраниях. Стало проще работать. Я имел информацию с самого низа, от солдата. И эту информацию до меня доводили, ни какие-то стукачи, которых я всегда презирал, а официальные представители солдатских коллективов.

В конце третьего курса, кажется во второй половине июня, наш курс принимал участие в общевойсковых учениях Туркестанского военного округа. Они проходили на равнине Бадхыз, километров 60 севернее Кушки. Сплошные барханы на многие километры.

Доставляли нас в район учений железнодорожным транспортом. Пассажирский поезд это расстояние проходит чуть больше чем за сутки, мы ехали трое суток. Как правило, ночью стоим, днём едем. Вагоны обыкновенные товарные переоборудованные в теплушки. Нары в два яруса, на 72 человека, и на этом все удобства заканчиваются.

Состав по 5–6 часов идёт без остановок. В туалет сходить проблема, по малому проще, дверь постоянно открыта, подошёл и делай своё дело. А всё остальное на остановках, если они были. Останавливается поезд посреди пустыни, на разъезде, старшина роты Федя Томильцев командует: «Засранцы вперёд»! Сам стоит, наблюдает за светофором. Только народ успел штаны снять, загорается зелёный свет. Команда: «По вагонам»! И надо видеть, как эта компания, не успев надеть штаны, пытается сесть в уже тронувшийся состав, ни какой комедии не надо. А бывало поезд идёт, а человека припёрло, терпеть не возможно, приходилось прямо на ходу вывешивать его на поясных ремнях. Ну, тут, конечно, остряки советовали ему быть осторожным, не посбивать светофоры, а то армия потом не расплатится.

Была проблема и с раздачей пищи. Кухню оборудовали в одном из вагонов. И когда поезд шёл без остановок, приходилось

пищу разносить по крышам вагонов, хорошо, что в Средней Азии железные дороги не были электрофицированны. И тоже был комический случай. Обед, раздали борщ. Саид Бобокалонов ставит свой котелок на второй ярус нар. В это время рывок локомотива и весь борщ выливается за шиворот обедающего в низу. Он орёт, расставив руки, а хозяин злополучного котелка таскает у него, из-за шиворота горячую капусту. Хорошо, что борщ успел не много остыть, обошлось без ожогов.

Прибыли мы на станцию Калай-Мор разгрузились и убыли в назначенный нам район. В районе поступил приказ, окопаться, но оказалось, что это невозможно. Ты капаешь, а песок осыпается. Необходимы укрепляющие материалы, а их не было. Стали набивать песком всё, что можно, начиная с вещевых мешков, и укладывать брустверр. Но я этим не занимался. На время учений нам дали нового командира роты, эстонца по национальности. Он страшно боялся всего, что ползало и бегало по пустыне. Узнав, что я родом из этих мест, назначил меня своим ординарцем. Основной задачей было не допустить за ползание на него ползучих гадов.

Жара стояла страшная, до брони нельзя было дотронуться голой рукой, можно было получить ожоги. У нас, в каждом бронетранспортёре, была дополнительная ёмкость на 100 литров, её хватало не надолго. Но пили, сколько хотели, подвоз воды организован был хорошо.

Где-то около полудня прибыл Командующий войсками округа. Осмотрев расположения войск, спросил у сопровождающих его офицеров: «Какая температура воздуха»? Ему ответили, что 58 градусов. «А над песком? Пехота ведь лежит на песке». Сказали, что 60 градусов. «А в боевой технике»? Ответили, что в БТРах — 69 градусов, в танках — 70. «Где люди»? «Все на своих местах товарищ командующий». «Это не люди, это золото»!

Я всегда, всю свою службу, был горд за нашего советского солдата, которому, ни почём, ни мороз, ни зной, ни горы, ни пустыни. Который, ни когда, не роптал на трудности и тяготы воинской службы, и всегда был готов подставить плечо товарищу. И главное, я его видел в деле, в бою. Такого солдата победить нельзя. Убить можно, победить нет. Даже преданный собственным правительством он продолжал выполнять свой воинский долг по защите Отечества. Так было в Закавказье и Прибалтике в конце 80-х годов. В начале девяностых по восточной Германии маршировали дивизии под флагом того государства, которого уже не было на политической карте мира. Советская Армия ушла не побеждённой.

Да развал коснулся и Армии, но она последней из государственных институтов продолжала служить своему народу. Потому, что было крепко спаяна структурой, которая видела свою жизнь только в одном, в служении Отечеству. И название этой структуры — офицерский корпус.

В какой армии солдат придёт жаловаться на командира за то, что тот не берёт его на боевую операцию? По сути, увеличивая его шансы остаться живым. Так было у меня в отряде в Афганистане. И здесь уже не имеет значения та причина, по которой солдата оставляют в лагере. Здесь нет ни какого фанатизма, как это может показаться на первый взгляд. А присутствует чувство высокого долга перед Отечеством и своими товарищами. Чувство коллективизма и высокой профессиональной гордости за принадлежность к Советской Армии в целом, и к её элите — спецназу ГРУ, в частности.

Единственное, что требовалось от командиров, это научить его грамотно, профессионально воевать.

«Если посылать неподготовленных на войну
значить предавать их».
Конфуций

К вечеру, когда спала полуденная жара, из своих нор, по выползала разная живность.

Развлекаясь, мы бегали за варанами, туркмены называют их «Зем-Зем». Подходишь к нему, он начинает запугивать. Раздувает щёки, шипит, показывает длинный, фиолетового цвета, раздвоенный на конце язык. Размером они были до метра. Ну, прямо сухопутный крокодил. Подходишь ближе, он разворачивается и начинает убегать, уморительно виляя задом. Но лапы короткие, поэтому догнать его труда не составляет. Хватаешь за хвост и тащишь в своё расположение, пугать товарищей, укусить варан может почти как собака.

На закате, на верхушки верблюжьей колючки забрались фаланги. Были они оранжевого цвета и размером с ладонь восьмилетнего ребёнка. Ловко, прямо на лету, они ловили кузнечиков и, оторвав им голову, высасывали внутренности. Чуть позже появились комары и москиты. Я предупредил ребят, что это здесь самая опасная тварь, они являются переносчиками Пендинской язвы, как в народе говорят Пендинки. Рана гниёт от трёх месяцев до трёх лет, и нет ни какого лекарства, способного это остановить. Врачи единственно, что могли сделать, это провести обкалывание раны, чтоб она не увеличивалась. У моих: и у отца, и у брата эта гадость была, а меня бог миловал, хоть и прожил я в Тахта-Базаре 9 лет. А ведь он находится в центре Пендинского оазиса.

Кобра в боевой стойке.

Ночь для меня прошла неспокойно. Мой эстонец вообщё не спал, он сидел на постеленной ему плащ-палатке, и всё время озирался по сторонам. Периодически, каждые 15–20 минут, он будил меня, я спал рядом на песке, и я с фонариком в руках осматривал, не залез ли на него какой-нибудь гад. Поправляя на себе снаряжение, спали мы в полном боевом, с автоматом в обнимку, я случайно раздавил фалангу, залезшую мне на подсумок. Стало противно, попробуйте вы раздавить обыкновенного домашнего паука, а здесь жирная фаланга. Я машинально вытер руку о сапог ротного, его как будто пружиной отбросило от меня метра на два. Он долго мне, что-то выговаривал, мешая русские слова с эстонскими. А вообще-то мужик был не плохой. Буквально за месяц до учений он прибыл для дальнейшего прохождения службы из Европейской части СССР, и естественно адаптироваться, ещё не успел.

После учений меня ждала приятная новость, из Ленинграда приехала меня навестить девушка. Я с ней познакомился ещё во время летнего отпуска, после первого курса. Вместе отдыхали на Азовском море, затем долго переписывались. Она была студенткой Ленинградского института культуры.

Рядом с училищем находился парк им. Тельмана, любимое место отдыха наших курсантов. Мне было приятно дефилировать по парку с красивой высокой дамой. Встречающиеся знакомые курсанты и офицеры делали умные лица. Когда мы с ней зашли в музыкальную комнату, и она села за фортепьяно, пустое помещение буквально за 10 минут наполнилось слушателями. Играла и пела она превосходно, позже Люда стала солисткой

московского ВИА «Девчата». Я стоял, рядом опёршись одной рукой на инструмент, и всем своим видом показывал, что для Армии это нормально, знай наших. К сожалению, у нас с ней не сложилось и всё по моей вине. Жизнь распорядилась иначе, но приятные воспоминания остались.

В конце третьего курса я написал рапорт, с просьбой, чтоб меня после окончания училища отправили служить в части специального назначения. Я знал, что одна из таких частей находится в Чирчике. В 1969 году около 25 наших выпускников попали туда служить.

После парада 7 ноября 1970 года

В начале четвёртого курса нам ускоренными темпами стали шить офицерскую форму. Дело в том, что впереди опять был парад 7 ноября. Парад всегда открывала офицерская коробка. Комплектовалась она из офицеров штаба округа и офицеров военных кафедр гражданских вузов. Эти люди были уже далеки от войск, от строевой подготовки, да и возраст у многих был под 40 лет. Командующий приказал убрать из коробки кривоногих и с животиками, заменив их нами. Форму нам выдали за два дня до парада, естественно мы не могли упустить такой случай и на свидания к девчонкам являлись в парадной офицерской форме. После парада у нас её неделю собрать не могли. Проблем с увольненьями в город не было, уже второй год в нашем училище на четвёртый курс имел свободный выход в город. А женатые курсанты имели такое право с третьего курса, но, правда, только три дня в неделю.

На четвёртом курсе начались проблемы с всевозможными огоньками. Дело в том, что они, приурочивались к праздникам. Ротный на эти мероприятия брал, как правило, наш взвод, а у каждого уже есть своя девчонка, свои планы. Но когда мы пытались уклониться от этих культпоходов, он не желал слушать

ни каких доводов. Объясняя это тем, что наши девчонки уже никуда не денутся, а здесь на карту поставлен престиж училища. Говорил, что я вам четвёртый взвод возьму, да там нет никого выше меня, он был среднего роста.

Каждый год в декабре проходило первенство училища по боксу. Я, начиная со второго курса, когда мне уже было двадцать лет, начал ходил на тренировки. Но всё это было эпизодически. Секции в училище не было, приходилось ездить в какую-то школу. Не всегда отпускали. Да и проку от этого было мало, тренер просто отрабатывал время. Но я уже видел, что это мой вид спорта.

Когда впервые вышел на ринг в соревнованиях на первенство училища, это случилось на третьем курсе, зал грохотал от гомерического хохота. Не умея даже правильно двигаться в ринге, я на полусогнутых ногах подкрадывался к противнику. То есть по боксёрским меркам, я был «дрова». Но зал неистовал, и я бросался в драку, именно в драку, а не в бой. Против меня, как правило, были такие же «дрова», и я побеждал. Когда жребий сводил с настоящими боксёрами, то есть имеющими первый разряд и выше, работать не давали, объявляли технический нокаут, хоть я и готов был драться.

На четвёртом курсе я вышел в финал первенства училища. В финале должен был встречаться с кандидатом в мастера спорта, но мне опять дали технический нокаут.

В январе в Самарканде проводилось первенство округа по боксу, но туда ехали только лица, занявшие первые места. Так, что я пролетал. Но как потом оказалось, этот КМС отказался ехать, мотивируя тем, что не готов. Мне срочно сделали документы на первый разряд, и вперёд, защищать честь училища.

В Самарканде я стал призёром первенства в тяжёлом весе, правда, потерял зуб. Ведь работал без капы, да и без бандажа. Рефери, который всё это проверяет на ринге, спросил меня: «Ты, что гладиатор»? Я ему ответил: «Нет, курсант». Спортивной злости на этих соревнованиях добавляло то, что во время боя зрители кричали: «Бей студента». Это значить меня бей, лучшего стимула для атаки невозможно было придумать.

В конце четвёртого курса, весной, принимал участие в соревнованиях по боксу на первенство Ташкента. Сборная округа была где-то в отъезде, и команда нашего училища защищала цвета СКА. Я пролетел в первом же бою. Соперник попался весом в 114 кг., я тогда имел вес 84 кг., да и подготовлен он был лучше. В то время ещё не было супер тяжёлой категории и в тяжёлом весе работали от 81 кг. и выше. Хорошо, что правой он меня не разу не попал. Так, что три раунда я выстоял и проиграл только

по очкам.

Я полностью согласен с Владимиром Янгибаряном, больше известным под фамилией Янгибаров, великим клоуном и боксёром. Который сказал: «Есть много способов вырастить из мальчиков мужчин, и бокс один из них».

Ты, противник, и четыре ряда канатов. Тебя будут бить, но ты должен атаковать, другого выбора нет. Или ты или тебя. Волнения остались там, за канатами, а здесь только воля и желание победить.

Мне эти навыки и качества, полученные при занятиях боксом, помогают идти по жизни. Я всегда, не задумываясь, шёл на помощь слабому. Не терпел хамства и наглости. И бил подонков даже понимая, что преступаю черту закона. Были и курьёзные случаи. Вот некоторые из них:

— Как-то, уже на четвёртом курсе, я провожал, после танцев в нашем училище, свою будущую жену и её подругу. Перед нами шли две девушки и вдруг пять парней окружили их, взявшись за руки. И, несмотря на их громкие возмущения, не выпускали из круга. Я вмешался. Ребята попались нормальные, меня не тронули, а могли бы наверно отбивную сделать. Я шёл важный и самовлюблённый как павлин. Ну, как же, таким героем показал себя перед своей девушкой. Впереди стояли те, которых, как мне казалось, я спас. Одна из них мне и говорит: «Послушай парень. Кто тебя просил лезть? Такие парни были, а ты всё испортил». Говорю: «Так какого же чёрта вы орали»? «А это уж не твоё дело». Мои девчонки наверно целый квартал смеялись.

— Уже, будучи старшим лейтенантом, служил в Чирчике. Еду на автобусе, на остановке мужик женщину бьёт. Выскакиваю, он стоит спиной ко мне. Левой рукой рву его за правое плечо, и провожу правой боковой в челюсть. Этот удар у меня хорошо был поставлен. Мужик падает, а я назад в автобус. Народ уважительно смотрит, я был в форме. На следующей остановке схожу, и сажусь в автобус идущий в обратном направлении. Я всегда волновался за последствия, ведь могли и к уголовной ответственности привлечь. Поэтому бил в пол силы, чтоб челюсть не сломать. Для того, чтобы отправить в нокаут сильный удар не нужен, главное точно и резко ударить. Подъезжаю к той остановке. Мужик, полулёжа, сидит на скамейке, а его жертва, его гладит и обмахивает его же шляпой. Вот и пойми этих женщин. Выходит, если бы меня, задержала милиция, она бы свидетельствовала против меня.

— Там же в Чирчике. Поздно вечером возвращаемся с женой домой. А проходить надо было через пустырь, там отмечались нападения на женщин. Одно время от бригады туда даже наряд

выделяли. Слышу женский крик о помощи, бегом туда. Жена за мной. Темень, почти ни чего не видно. Бегу впереди две бетонные плиты одна на другой лежат. Преодолеваю препятствие, а жена коленом прямо в плиту, потом в санчасти семь швов наложили. Подбегаю, мужичонка 170 см., не больше, бьёт женщину. Я его за шиворот и уже был готов врезать по морде. А мадам как завопит: «Не трогайте, это мой муж».

— Но бывали у меня и помощники. Ехал я с тренировки. На остановке сели три молодых парня. Стали сквернословить и приставать к девушке. Я сделал замечание, хотя и считаю, что такую сволочь можно остановить только ударом в лоб. Они на меня матом, я встал и в атаку.

В общественном транспорте удобно вести рукопашный бой, один против нескольких противников. Проход узкий, и больше чем по одному, они к тебе не подойдут, а бывает, лезут гурьбой, и даже мешают драться впереди стоящему. Здесь действия простые. Правой, прямой в челюсть переднему. А ещё лучше, ухватившись двумя руками за поручни, что идут вдоль всего автобуса. Двумя ногами ударить в грудь. Передний падает на руки второго, и перед тобой его незащищённая челюсть. Удар, и схватка выиграна. Потому как оставшиеся один или два, не ожидавшие такого оборота событий, полностью деморализованы, и при продолжении вами атаки немедленно ретируются.

В этом случае первого я ударил нормально, а второго смазал, удар получился скользящий и он только отлетел на сидение. При атаке мной третьего человека, он мог ударить сзади. Но мне эта атака и не понадобилась. Какая-то женщина, лет сорока, с криком: «Подонки», вцепилась сзади ему в волосы. Я видел, как клочья их летели по автобусу, и пошёл на добивание того, кто упал на сидение. Но, увидев мои намерения, он жалобно завопил: «Дяденька не надо», куда только спесь делась. Я больше никого не трогал, только потребовал, чтоб они покинули автобус, захватив с собой ещё находящегося в нокауте товарища.

Сказать, что уж так всегда и везде влезал. Нет, конечно. Были в моей жизни случаи, когда я не вмешался. Но не потому, что боялся получить по физиономии. Боялся быть задержанным милицией. Боялся, что будет негативная реакция со стороны командования. Но всё это ерунда, попытка прикрыть свою собственную совесть. Мне до сих пор стыдно за те случаи.

Со второй половины четвёртого курса мы стали, усиленно, готовится к выпускным экзаменам. Их было около десятка, сдавшего допускали к государственным экзаменам. На госэкзамены выносились: Научный коммунизм, Высшая математика, Тактическая подготовка, Огневая подготовка,

Физическая подготовка. И хоть учился я средне, но экзамены, что в училище, что затем в академии, я всегда сдавал хорошо. Четвёрку получил только по вышмату, а остальные сдал на отлично. Наш курс был последним, кто сдавал на госах физическую подготовку.

Считаю, что отмена этого экзамена в дальнейшем отрицательно сказалась на уровне физической подготовке офицеров, а значить и всех Вооружённых Сил.

«При всех знаниях солдату обязательно нужны крепость духа и крепость здоровья. Приучайте себя к выносливости. Имейте в виду; при всех сложностях нынешней техники в любой схватке побеждать будут сильные и здоровые люди». Маршал Советского Союза, Георгий Константинович Жуков. Вскоре изменили и саму программу физподготовки войск. Упрощений нормативов не делали, просто из неё практически убрали гимнастику. Оставили простейшие упражнения на гимнастических снарядах. В старой программе военнослужащий должен был выполнять упражнения по второму разряду. Я считаю, что была сделана ошибка. Военнослужащие, особенно солдаты, и офицеры низшего звена, должны быть ловкими, цепкими, уметь в совершенстве владеть своим телом. Всё это давала гимнастика. Нам повезло, мы прошли полный, а не урезанный курс. Выйдя из стен училища, на спортивном городке мы могли использовать основной метод подготовки солдата: «Делай как я»! Правда, к сожалению, не все. Были у нас и троечники. К экзамену по физической подготовке, готовиться перед самым экзаменом бесполезно и не возможно.

На спортивном городке. Вис на перекладине на носках и

прыжок с брусьев на перекладину.

Этот предмет не вызубришь сидя по ночам за столом. Мы к нему готовились все четыре года. Одних занятий и ежедневной физической зарядки нам было мало. На зарядку мы с друзьями вставали за 40 минут до подъёма, и делали её самостоятельно. Усиливая нагрузки. В училище это поощрялось, и ни кто нас в общий строй не ставил. После вольных упражнений и кросса, мы в бытовой комнате, не было времени бежать в спорт зал, занимались атлетической гимнастикой.

Гена Зверюков, с четвёртого взвода нашей роты, каждое утро бежал 15 км. Для этого ему приходилось вставать за час до подъёма. Часто Гена ходил в повязках, падал со спортивных снарядов, пытаясь проделывать всевозможные трюки. Выздоравливал и снова на снаряды.

Один раз и я чуть не свернул себе шею. Делая несколько упражнений на перекладине, я, как правело, заканчивал эффектным соскоком, сальто назад. Для этого на большом махе вперёд надо было отпустить руки. Поджав ноги сгруппироваться. Не большой рывок затылком назад, и ты уже сделав сальто, стоишь на ногах. Оторвавшись от перекладины, я недостаточно сильно подтянул ноги. В результате зацепился за перекладину носками сапог, и стал крутиться в обратную сторону, удерживаясь только носками. Но это могло продолжаться, только до той поры, пока тело не приняло вертикального положения. Здесь я естественно сорвался и головой в маты. Ребята меня не подстраховали, они думали, что я делаю какой-то новый финт. В результате я недели две не мог повернуть голову.

Вечером мы занимались в спортзале или на стадионе, здесь уж давали полную нагрузку. С утра это было так в разминочном темпе. Особое внимание было бегу. Я готовился служить в спецназе, а значить был обязан уметь быстро преодолевать большие расстояния на любой местности. На беговой дорожке стадиона тон задавал Лев Рохлин в последствии Герой России и депутат Государственной Думы. Для нас он был просто Лёха — лось. Лось это была его кличка, он ежедневно, как машина, в быстром темпе пробегал 40 кругов, догнать его было не возможно. Заниматься спортом для нас было и необходимостью и удовольствием.

Наши предки говорили: «Красота не нужна для мужчины, а требуется от него сила мышц, желание повелевать и мужество в сражениях».

На четвёртом курсе, весной, под предлогом подготовки к экзаменам, мы бегали кроссы с полигона в Ташкент. Полигон

училища располагался в Чирчике, туда нас вывозили каждый месяц на неделю, а иногда мы совершали пеший марш. На кросс разрешалось выбегать после занятий, это около 18 часов. Расстояние было около 40 км. Один из нас ехал на автобусе и в рюкзаке вёз вещи. Мы добегали до Ташкента, принимали душ, и все по своим дамам, для этого этот кросс и задумывался. А утром, при разводе на занятия, были обязаны стоять в строю. Чего только не сделаешь ради дамы.

Экзамены были сданы, прошёл выпускной бал, была, конечно, эйфория, впереди была целая жизнь. Но была и какая-то безысходная грусть по училищу, прожитым здесь годам, было ощущение, что прожито здесь лет десять, не меньше. Ну, и главное это расставание с друзьями, почти братьями, Фарид, Толик, Жека, где вы? Тяжёлое расставание со всеми товарищами по училищу, а было их у меня человек сто пятьдесят. Ведь было понятно, что большинство из них я никогда больше не увижу.

В 1941 году под Москвой, на Волоколамском шоссе, путь немцам преградили два военных училища, за ними уже войск не было. За ними была Москва. Почти все ребята погибли, но враг не прошёл. Я уверен, случись что-то похожее, мы бы не были хуже.

Всю последующею жизнь мне снятся, до боли ностальгические, сны о родном училище, и моих друзьях. Сейчас, когда я пишу эти строки, по спине бегают мурашки, а на глаза наворачиваются слёзы ностальгии. Сегодня я с полной уверенностью могу сказать: «Да, это были лучшие годы моей жизни. Золотое время».

Пусть меня простят мои коллеги, офицеры, что об училище я пишу только хорошее, и что оно самое, самое. Но я думаю, они меня поймут. Ведь для каждого из нас, писать о своём училище, это почти то же самое, что писать о матери. А для каждого нормального человека, его мать, самая лучшая.

Глава 4. 15-я БРИГАДА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ, г. ЧИРЧИК

«Потомство моё прошу брать мой пример:…до издыхания быть верным… Отечеству, избегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славы через истину и добродетель, которые (были) суть моим символом».

А.В. Суворов.

В бригаду я прибыл после положенного по окончанию училища отпуска, 3 сентября 1971 года. С этого дня начался отсчёт моей офицерской жизни.

По прибытию в часть положено представиться командиру и вручить ему документы. Так получилось, что представляться мы пошли вдвоём, когда я прибыл у кабинета командира бригады уже сидел выпускник Киевского ВОКУ Валера Чайка. Войдя в кабинет, мы увидели сидящего за столом человека крепкого телосложения с бритой головой.

«Есть люди, одно появление которых возбуждает глубокое удивление.
От них исходит ощущение силы.
Они буквально дышат мощью».
Сафи ад Доуле.

Одет он был в неизвестную нам спецформу желтоватого цвета без погон. Как оказалось, в этот день, в бригаде были прыжки с парашютом и полковник Мосолов Роберт Павлович, а это был именно он, готовился к выезду на полигон.

Выслушав наши доклады, он сказал: «Снимайте свои пиджачки, представлялись мы как это и положено в парадной форме, и десять раз отожмите вот эти предметы». В углу кабинета стояли две двухпудовые гири. Для меня это сложным не было, в то время я уже мог такими гирями жонглировать, а здесь надо было просто отжать. А вот у Валеры десять раз не получилось. Роберт Павлович приказал ему ежемесячно являться в кабинет до тех пор, пока не будет выжимать десять раз.

Так у меня состоялось знакомство с человеком, который всю дальнейшую мою армейскую жизнь был для меня примером в выполнении воинского долга. Я пытался перенять его манеру работы с людьми, уж не знаю, насколько это у меня получилось. Его манеру держать себя в разговоре с большими начальниками, и не кому не позволять унижать своё человеческое достоинство.

Фронтовой разведчик, трижды прыгавший в тыл врага, он говорил, что подчинённых надо досконально изучать. Что подчинённые это лес, а в лесу есть берёзки, сосенки, а ещё есть дубки, вот именно им надо уделять особое внимание. У него за годы войны было три ранения, два раза ранили немцы, а один раз стрелял свой, сразу после приземления в тылу врага. Учил, продумано и скрупулёзно, готовить спецоперации. Во время войну их группу, которая должна была захватить концлагерь, по ошибке выбросили прямо на пулемётные вышки. В результате почти вся группа погибла.

Он учил нас жить и служить по формуле «ТРИ — П»: предугадать, предусмотреть, предвидеть. Чтоб не получилось: пол, потолок, палец.

Как говорил великий француз, Наполеон Бонапарт: «Война состоит из непредусмотренных событий». И этому можно противопоставить только одно, формулу «ТРИ — П», иначе будешь бит.

Командир не имеет право на ошибку. Цена командирской ошибки человеческие жизни. При ведении боевых действий без потерь не бывает, но они должны быть минимальные. Не допустимы шапкозакидательство и бравада. Только холодный расчёт. У командира должно быть минимум два, а лучше три варианта предстоящих действий. И знать о них должен только ограниченный круг лиц, только те, кому это необходимо знать. Это основное правило разведки. И никаких шаблонов. Наплевать, на то, что тебя учили в училище или академии действовать строго по предусмотренным наставлениями пунктам. Тебя учили думать, так думай, и принимай решение, сообразующееся с каждой конкретной обстановкой.

Главное качество руководителя способность принимать решения и нести за них ответственность.

Ещё одному учил Мосолов: «Выпить, да ещё в праздник можно. Но первое — знай свою норму. Может быть, моя норма для кого-то смертельна. Второе — знай с кем, сколько, когда, и где».

Общие совещания, которые в бригаде проходили по пятницам, иногда превращались в театр миниатюр. Это если комбриг кого-то распекал. Пословицы и поговорки у него так и

сыпались. Все давились со смеху, за исключением конечно провинившегося, этот не знал куда деваться. Ко всем своим положительным качествам Роберт Павлович, несомненно, ещё обладал и актёрским мастерством.

И конечно забота о людях. Мосолов всегда говорил, что после окончания рабочего дня работают те, кто не может работать, или объём служебных обязанностей завышен. Если в бригаде проводились учения, и они захватывали выходные дни. Роберт Павлович при подведении итогов давал командирам отрядов дни отгулов, и ставил им задачу дать отдохнуть подчиненным. Такого я больше ни где, ни в одной части не встречал.

Командующий САВО генерал-полковник Лященко Н.Г. (в центре) вручает вымпел МО СССР 15 БРСПН, с вымпелом командир бригады полковник Мосолов Р.П.

Начальником штаба бригады был подполковник Колесник Василий Васильевич, выпускник Рязанского воздушно-десантного училища. Он стоял у истоков частей специального назначения ГРУ. В последствии был начальником направления специальной разведки ГРУ, по сути, начальником всего спецназа ГРУ. Именно он разрабатывал операцию по взятию дворца Амина в начале афганской эпопеи, за что и был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

После беседы Мосолов отправил меня во второй отряд специального назначения, где я и прослужил десять лет, до самого Афгана, став, через семь лет, командиром этого отряда.

Мне опять повезло с командирами. Отрядом командовал капитан Нехимчук Борис Борисович, белорус по национальности, высокий, крепкого телосложения, его фигура просто дышала

мощью. Он обладал высокими волевыми качествами. К тому же он к этому времени уже успел закончить две военные академии, им. Фрунзе и Советской Армии. В последней готовили разведчиков. К сожалению, спустя год или два, он на прыжках сломал себе ногу, и его перевели служить в пехоту.

Замполитом отряда был уже пожилой, в нашем понятии, майор Кондратович Дмитрий Васильевич, ему было под сорок, если Нехимчук был отцом для солдата, то Василий Дмитриевич был заботливой мамой, или как его называли у нас «Отец русской демократии».

Я попал в роту, которой командовал старший лейтенант Манченко Владимир Андреевич, выпускник Ташкентского ВОКУ, в последствии начальник направления специальной разведки ГРУ. Этот человек очень много сделал в моём офицерском становлении. У него я учился распорядительности, умению организовать ход боевой подготовке в роте. У него учился вести ротное хозяйство. Ведь в Армии две самые тяжёлые должности, там, где есть хозяйственная деятельность. Это командир роты и командир полка или отдельного батальона.

Рота на всех проверках показывала только отличные результаты, и Владимир Андреевич был отправлен на учёбу в академию им. Фрунзе. В то время роты в спецназе состояли из пяти групп. Все командиры групп уже прослужили в должностях минимум два года, так что я единственный был салагой.

Одним из командиров групп был Хабиб Халбаев, выпускник Ташкентского ВОКУ, в последствии первый командир так называемого мусульманского батальона. Это под его командованием отряд брал дворец Амина. Уже после развала СССР он командовал в армии Узбекистана Армейским корпусом.

Конкуренция на должность командира роты была очень жёсткая. И поэтому, несмотря на то, что группа, которой я командовал, всегда была отличной, и в апреле 1975 года я получил орден «За службу Родине в Вооружённых Силах» III степени. Роту я получил, первым из выпускников 1971 года, лишь осенью 1975 года.

Правда, мог бы стать ротным ещё в 1974 году, я знал, что на меня оформляются документы. Но потом вдруг решение поменяли, и роту отдали Фазилову Иссаку Камиловичу, впоследствии Командующий национальной гвардией Узбекистана, он закончил Ташкентское ВОКУ на два года раньше меня. У меня, конечно, была обида на Мосолова, но позже мой товарищ и сосед по комнате в общежитии Саша Ильин, выпускник Казанского ракетного училища, в последствии командир бригады спецназ, рассказал мне причину. У нас в бригаде, как и в любой

другой воинской части, был оперуполномоченный особого отдела, капитан, по национальности толи узбек, толи туркмен, я уж сейчас не помню, да это и не имеет значения. Вот под его давлением, он обвинил Мосолова в зажиме национальных кадров, командир бригады был вынужден поменять своё решение.

Всё это было потом, а сейчас Манченко, забрав меня со штаба бригады и побеседовав, дал трое суток для обустройства на новом месте. Я ему объяснил, что специально приехал с отпуска на неделю раньше срока, и житейских проблем у меня нет. На, что было сказано: «Дают, бери».

Мне сразу хотели дать комнату в коммуналке, но я отказался. Первое то, что и Нехимчук и Манченко сказали, что в части с квартирами не плохо, и через год-полтора можно получить отдельную квартиру, но если залезешь в коммуналку, то не скоро из неё вылезешь. И второе то, что за время отпуска я женился, а жена училась в Ташкенте в институте иностранных языков. Я не хотел, чтоб она каждый день моталась в Ташкент и обратно, это было тяжело. Поэтому я в Ташкенте снял комнату и сам проделывал этот путь. Правда, не каждый день, но раза четыре в неделю это точно.

В части мне дали комнату в общежитии, где я спал, если приходил поздно со службы, дело в том, что после 8 часов вечера уехать в Ташкент было практически не возможно, автобусы уже не ходили. Да и вообще, отъезд в другой гарнизон, без разрешения начальства, запрещался. Так, что я проделывал всё это инкогнито. Приезжал к жене не раньше 10 часов вечера. А уже в 4.30 утра приходилось вставать, завтракать, жена всегда вставала вместе со мной и кормила. Вполовину восьмого утра я уже был на службе.

Так продолжалось с месяц. Затем как-то после обеда собирает Манченко всех офицеров роты и начинает ставить им в пример моё рвение к службе. Оказывается, что рабочий день в бригаде начинается с девяти часов, но это для офицеров штаба и управления бригады, так как у них нет в прямом подчинении солдат. Все остальные офицеры должны были являться на службу в половину девятого. А я, не зная этого, являлся на час раньше. Вот и получилось, как у нас говорили, прогнулся перед начальством.

Замполитом роты был старший лейтенант Александр Савельевич Зуев. Человек не понаслышке знавший солдатскую жизнь. Он отслужил три года срочную службу, а затем окончил курсы политработников в Оренбурге. Оставаясь за командира роты, прекрасно справлялся с обязанностями. Этакий политрук-командир, в последствии начальник политотдела бригады спецназ. Командуя различными подразделениями и частями, я

пытался у своих подчиненных, политработников, развивать его качества. С ним меня судьба свёла ещё раз в конце службы, в 1991 году в Украине. Он был начальником первого отдела Кировоградского областного военкомата, а я приехал на должность райвоенкома.

В Чирчикской бригаде был ещё один такой замполит роты, Юра Артемьев. В последствии начальник политотдела десантно-штурмовой бригады. Наши пути с ним пересекались и в Афгане и в Закавказье. Сейчас он ещё служит, занимается спецстроительством по линии МЧС, в Краснодарском крае.

В 1971 году в часть прибыло, вместе со мной, человек двадцать молодых офицеров. С нашего училища кроме меня Юра Цыганов и ещё двое. Много, человек десять, с Киевского ВОКУ, в том числе Саша Тимченко. Саша погиб в Кабуле. Несколько офицеров с инженерных училищ, в том числе Паша Давидюк, в последствии командовал бригадой. С военно-политического училища Саша Волобоев, мы с ним в последствии встречались в Закавказье, он был начальником политотдела бригады связи. С Тбилисского артиллерийского Серго Закаридзе. Почти у всех из нас служба сложилась.

На следующий год наши ряды пополнились ещё одной группой молодых офицеров. Это Ваня Тяпкин, в последствии командир бригады. Олег Кривопалов, в последствии начальник политотдела бригады в Афганистане. И ещё много толковых ребят, пусть уж они меня простят, что не упоминаю, много времени прошло. Не всё помню. К концу 80-х годов сложилось так, что на многих руководящих должностях в спецназе, во всех округах были выходцы из Чирчикской бригады. Видимо хорошо нас там учили.

Мы были молоды, занимались любимым делом и спортом. Правда, последним, занимались по разному. Были фанаты, вроде Юры Цыганова, у него над кроватью весел девиз «Каждый день — 20 километров». И этот девиз он неукоснительно выполнял, не взирая не на что. Были умеренные, которые поддерживали свою физическую подготовку на высоком уровне, понимая, что должны быть на голову выше солдата, а иначе как его обучать. К сожалению, были и такие которые себя не очень то перетруждали, но утренняя физзарядка это было святое, выходили практически все.

Упражнение с гантелями во дворе офицерского общежития.

Как правило, я выходил в коридор офицерского общежития, в нём проживали только холостяки, страшным голосом орал «Подъём» и как литаврами стучал двумя металлическими тарелками.

Но не все были готовы, в это конкретное утро, встать на зарядку, некоторые, после амурных похождений, в свою кровать попали только под утро. А так как я проявлял настойчивость, в меня, из раскрытых дверей, летели самые невероятные предметы, включая гантели.

Вставали мы в 6.00 и полтора часа зарядки. Нагрузки были очень большие. Об этом говорит хотя бы то, что я в завтрак съедал, пять порций. Нет, кормили нас, в офицерской столовой полка гражданской обороны, очень хорошо, как дома. Но с 6.00 до 19.00 с не большими перерывами шла физическая нагрузка: утренняя физическая зарядка, занятия по физической подготовке с солдатами, полевые занятия (передвижения туда и обратно, осуществлялись только бегом, да и там, на месте не сидели), строевая подготовка. Отдыхали только на классных занятиях.

С питанием в Чирчике, да и вообще в Узбекистане проблем не было. Вышел в город, чуть ли не на каждом перекрёстке делают шашлык. Палочка шашлыка 20 копеек, почти бесплатно. Взял на рубль пять палочёк и сыт по горло. Очень много было кафе «Восточные Блюда». Там тоже можно было не дорого и вкусно покушать. Умеют узбеки готовить. Я когда первый раз попал в Москву, и мне пришлось стоять в очереди, только за тем чтоб перекусить, а потом кушать не известно что, для меня это было

просто дико.

Я с тех пор всю жизнь встаю в 6.00, за исключением отпуска. Во время отпуска, ни какой зарядки, да и вообще всё на оборот, можно днём пива выпить, а вечерком и вина, если в компании, конечно, есть дамы, так как без них любое мероприятие, по сути своей — есть пьянка. Всё это совершенно не возможно во время службы.

Так сложилось, что все молодые офицеры из спиртного предпочитали сухое вино и пиво. Употреблять водку считалось дурным вкусом, гусары пьют шампанское.

Недели через две, после прибытия в бригаду, все молодые офицеры принимали участие в учениях. Ученья были командно-штабные, без реального противника, и задача групп состояла в том, чтобы мы давали заранее заготовленные радиограммы, болванки, как мы их называли. Группы выбрасывались на реальные расстояния. У нас была возможность увидеть «кухню» спецназа изнутри, а ребятам, прибывшим из европейской части Союза, ещё и ознакомится с новой для них местностью. Как положено, была проведена подготовка групп к выполнению задач и десантированию. После этого все группы построили на плацу, и офицеры штаба бригады стали проверять нашу готовность к выполнению задачи. Здесь впервые я понял, что спецназ в корне отличается от других родов войск.

Кстати в каждой группе были свои визуальные сигналы, и сигналы по радио, при проведении спецмероприятий запрещалось в эфире работать голосом. Общение только сигналами. Сигналы устанавливал командир группы.

Офицер, проверявший мою группу, убедившись, что экипировка личного состава в порядке, и что я, и мой заместитель задачу знаем (в спецназе задача личному составу группы ставится непосредственно у объекта, для того чтоб исключить утечку информации при потере кого-либо из состава группы при десантировании или совершении марша в район расположения объекта). Заслушал моё решение на проведение спецмероприятия и стал предлагать свой вариант решения. Стоявший недалеко командир отряда Нехимчук Б.Б. подошёл и потребовал, чтоб он прекратил на меня давить, оказывается «инструкция по применению частей и подразделений спецназ» запрещает кому-либо навязывать своё решение командиру группы. Командиру ставится задача, что и к какому времени выполнить, а как он это будет делать, он решает сам.

Задачу моя группа выполняла, и выполнила, в районе города Туркестан, это на юге Казахстана. Но на этих учениях я совершил большую педагогическую ошибку, которая мне долго потом

икалось. Заместителем командира группы у меня был сержант Замахаев прослуживший в спецназе уже полтора года, парень был хорошо подготовлен профессионально. Я самого начала стал неправильно строить с ним свои взаимоотношения, пытался делать их дружественными. Что совершенно в армии недопустимо.

Армия держится на строжайшем соблюдении субординаций, и кто этого не понимает, будет бит. Армия не терпит фамильярности. Офицер, позволяющий своему подчинённому, да и вообще просто низшему по званию фамильярничать с собой, это не офицер. Офицер, позволяющий себе фамильярность, в отношении старшего по званию, это не офицер. Такова специфика армии.

Так вот на тех учениях я поставил группе задачу оборудовать днёвку, а сам, взяв с собой Замахаева, пошёл проверить прилегающею местность. Была вторая половина сентября в той местности довольно жаркая пора, и, проходя мимо одного из посёлков, я купил две кружки пива, себе и сержанту.

Первое, что это нельзя было делать на ученьях, и второе, с подчинённым, тем более срочной службы, это вообще недопустимо. Я тогда ещё не видел фильма «На войне как на войне», где отражается как раз такой вопрос. Ну и сержант в последствии, конечно, сел мне на голову, и правильно сделал. Когда я увидел, что надо всё ставить на свои места, ни тут то было, сержант стал настраивать против меня весь взвод. И даже понадобилось вмешательство Манченко В.А., это было мне уроком на всю оставшуюся службу.

В армии есть грубая, но очень точная поговорка: «Куда солдата не целуй, попадёшь в зад». Отношения должны строиться только на основе устава, и сочетать жёсткую требовательность с постоянной заботой о подчиненных.

Этой же осенью мне пришлось ещё раз самоутверждаться. Я уехал на воскресенье к жене в Ташкент, а отряд подняли по тревоге и отправили самолётами под город Аральск. Там была вспышка оспы, и отряд участвовал в блокировке района.

Приехав, утром в понедельник на службу, я застал пустые казармы, и десятка три солдат из различных подразделений отряда. Они был в увольнении, и так же как я отстали от своих подразделений. Из офицеров отряда был только я, поэтому автоматически стал старшим над этой разношёрстной компанией.

Не помню, чем я с ними занимался, кажется какими-то хозяйственными работами. Молодой лейтенант, а люди с разных подразделений, и некоторые, так называемые дембеля, попытались сесть на голову. Помню как, присутствуя на подъёме,

увидел, что по команде дежурного «Подъём!», основная масса поднялась и стала выходить на зарядку. Несколько человек продолжали спать, но когда их толкнули товарищи и сказали, что я в казарме, они, быстро соскочив с постелей, стали одеваться. И только один продолжал лежать, это был сержант Максимов. Неплохой парень, радист 1-го класса, один из лучших специалистов роты связи. Наши пути до этого не перекрещивались, он не знал, что такие номера со мной не проходят. Я приказал дежурному повторить команду, никакой реакции. Подошёл к кровати сам и скомандовал «Подъём!», Максимов только демонстративно перевернулся на другой бок. Все, кто был в казарме, наблюдали, что же будет дальше. Спал он на первом ярусе двухъярусной кровати. Я взял и перевернул кровать вместе с ним. Такого он явно не ожидал. Выскочил, из-под развалившейся кровати, с ошарашенным взглядом. Я приказал ему встать в строй, а после зарядки провёл воспитательную беседу, но, по-моему, до него ничего не дошло, пытался огрызаться. Я ему сказал, что такой вопиющий случай неповиновения на тормозах не спущу.

По прибытию отряда с Аральска подошёл к Нехимчуку, и попросил уволить Максимова с последней партией. Долго меня уговаривал командир роты связи, старший лейтенант Гаврилов, уволить сержанта в первую партию. Мотивируя тем, что он лучший в роте специалист, и заслужил это поощрение. Он ни как не мог понять, что дело уже не в самой личности Максимова. Главное, что ни одно нарушение против порядка подчинённости не должно оставаться безнаказанным. За подобные вещи под суд отдавать надо. Все солдаты должны видеть, чем заканчиваются подобные художества. Но, в конце концов, я сдался, уж очень настойчиво ротный просил за своего сержанта.

По прибытию с учений всех молодых офицеров привлекли на месячные командирские сборы. Давались те предметы, которые мы в училище или не проходили: тактико-специальная подготовка, воздушно-десантная подготовка, спецрадиосвязь; или проходили не достаточно глубоко: мино-подрывное дело, иностранные армии. Легче было выпускникам роты спецназ Рязанского высшего командного десантного училища, они всё это изучали. Но у них был другой пробел. Какому-то умнику пришла в голову мысль военную топографию в этом училище преподавать только два года, да к тому же на первом и втором курсах. И ребята, придя в войска, вынуждены были навёрстывать упущенное, уже на месте. Через полгода интенсивной боевой учёбы уже не было видно кто, с какого училища. Было видно другое, кто пришёл служить, а кто баклуши бить.

Я очень признателен преподавателям родного училища, я о них уже говорил. Вся система подготовки в общевойсковых училищах, была направлена на подготовку всесторонне развитого офицера. Если в танковых училищах готовили танкистов, в артиллерийских артиллеристов, и т д, то в общевойсковых готовили сразу по всем направлениям.

Нам показали целую серию учебных фильмов о действиях спецназа в различных условиях обстановки. Фильмы были секретные, но показывали их не только офицерам, но и солдатам. Куда тем боевикам, которые сейчас заполонили экран. Боевики это плод воображения режиссера, очень далёкий от реальности. А учебные фильмы это наука как надо действовать, чтоб победить противника.

Занятия по мино-подрывному делу проводил лично начальник инженерной службы бригады, фамилию, к сожалению не помню. Апогей занятий по мино-подрывному делу — практические подрывные работы. С нами их проводили не так как с солдатами. Мы подготовили два мощных заряда из тротиловых шашек, килограмма по полтора каждый. Начальник инженерной службы приказал установить их метрах в трёх от громадной ямы, с двух сторон. По его команде мы зажгли зажигательные трубки и были уже готовы бежать сломя голову, так как трубка была рассчитана всего лишь на одну минуту замедления. Но команды на отход не было. Более того, спустя 30 секунд поступила команда поправить взрыватели. А сразу после этого: «Всем в яму!». Мы попадали друг, на друга зажав уши, с двух сторон грохнуло. Нас слегка присыпало землёй, а у меня даже вылетело стекло из часов.

Это было грубейшее нарушение мер безопасности и инструкций. Но в спецназе подобное практиковалось. Грешил этим и я. Делалось это не из-за бравады, а для того чтоб на занятиях обстановку максимально приблизить к боевой. Так проводя занятия по метанию боевых гранат, при проведении инструктажа, я после доведения мер безопасности и боевых возможностей наступательной гранаты, показывал, что не так уж она и страшна. Убойная сила осколков такой гранаты — 7 метров, и на расстоянии 15 метров защитой служит даже сукно шинели. Я бросал гранату метров на 50, перед этим приказав стоящим в две шеренги обучаемым передвинуть противогаз на пах и опустить голову. Затем я говорил, что это бросали мы, а теперь бросают по нам, и бросал гранату метров на 20, при этом подавал команду: «Ложись!». У меня всегда это получалось, и проблем не было.

Это делалось для того, чтоб психологически подготовить солдата к выполнению упражнения по метанию боевых гранат.

Оно заключалось в том, что солдат должен был бросить гранату из окопа и сразу после броска сам с криком ура бросится в атаку, не все могли заставить себя это сделать.

При метании боевых гранат была ещё одна проблема, они не всегда разрывались. По инструкции было необходимо вызвать сапёров, и они накладным зарядом должны были их подрывать, но это долгая канитель, по сути дела занятия будут сорваны. Наш комбат Нехимчук Б.Б. делал по другому, да и Манченко В.А. тоже, они расстреливали гранату из автомата, но правда она не всегда от этого взрывалась. У меня был более надёжный способ. Я выдёргивал чеку из очередной гранаты и ложил её рядом с неразорвавшейся. Сам отпрыгивал в ближайшую ложбинку, глубины в 20 сантиметров вполне хватало. В результате обе гранаты взрывались, и можно было продолжать занятия. А солдаты видели, что не так уж страшна эта граната.

В конце офицерских сборов с нами провели тактико-специальные учения. Мы выступали в роли солдат, с нас скомплектовали несколько групп, а командирами назначили опытных офицеров. Ночью погрузили на машины и куда-то повезли в горы по полевым дорогам. Чтоб мы не смогли сориентироваться, тенты машин плотно закрыли. Этого можно было и не делать, все равно было не понятно, где мы едем. С начало были сопки, которые плавно перешли в горные хребты. Когда мы высадились, то не могли понять, где находимся, ни каких ориентиров. Но это мы так думали, а наш командир группы, старший лейтенант Елисеев, достал карту и, ткнув карандашом, указал нашу точку стояния. Затем, не раздумывая, повёл нас в только ему, одному известном направлении.

На ученьях, у макета ракеты.

Наша задача была найти ракетную установку противника, и мы её нашли, почти не блуждая, хотя Елисеев второй раз карту достал уже только для того чтоб снять координаты этой установки. Здесь мы поняли, что опыт и профессионализм решают всё. Для того чтоб найти необходимый объект надо не только топографию знать, но и штатную структуру вероятного противника, его тактику. Та же батарея «Першинг» где попало не

встанет, ей нужен определённый район для размещения своих подразделений. И где попало не проедет, особенно в горах, техника большегрузная.

После окончания сборов мы прибыли в свои подразделения и включились в ход боевой подготовки. Мне больше всего нравились полевые занятия. Поэтому я старался даже классные занятия проводить на природе. С утра забирал группу и в сопки, благо часть стояла на окраине города. В этом был ещё один плюс, при проведении занятий на территории бригады очень часто появлялись различные проверяющие и контролирующие. Ну а кто их любит? А тут ищи ветра в поле.

Всё шло нормально и тут 8 февраля 1972 года я получаю своё первое взыскание, всего за 25 лет службы в Армии в офицерских должностях у меня, их было семь. Но только два за личную не дисциплинированность, оба на первом году службы, остальные за нарушения подчинённых. Командир всегда несёт ответственность за деяния тех, кем командует. И ещё, офицер не имеет право получать взыскание за личную недисциплинированность. Так как, тогда не имеет право воспитывать подчинённых.

А получил я своё первое взыскание так. 1 февраля 1972 года в роте были ночные занятия по тактико-специальной подготовке. Все наши пять групп занимались в одном районе недалеко от гарнизонной комендатуры, она находилась на окраине города. К полуночи мы отработали все учебные вопросы, оставался только один, захват пленного. Из молодых офицеров в роте был только я, поэтому горел на занятиях, остальные офицеры роты отрабатывали эти темы уже по третьему кругу. Да и жена у меня была в Ташкенте. Поэтому офицеры, попросив меня провести занятия по последнему учебному вопросу, ушли по домам.

Несколько раз, отработав приёмы захвата пленного, я решил отработать этот вопрос в максимально приближённых к боевым условиям. Роту выдвинул к гарнизонной комендатуре и положил в цепь.

У комендатуры стояла машина в кабине, которой сидел водитель. Я поставил трём сержантам задачу взять его в плен, они умели это делать профессионально.

В роте было процентов тридцать солдат осеннего призыва, то есть прослуживших не более двух месяцев, я хотел, чтобы они посмотрели, как реально работают профессионалы.

Когда группа захвата выдвинулась к комендатуре. И уже вытащила водителя из кабины, засунув в рот ему газету “Комсомольская правда”, другого кляпа под рукой не было. В этот момент из здания комендатуры неожиданно вышли ещё два солдата. Группа захвата прихватила и их.

Надо было видеть эту картину. Идут три сержанта, и каждый за шиворот тащит пленного. Которые были да такой степени перепуганы, что их даже не понадобилось связывать. Ни какого сопротивления они не оказывали, и только причитали: «Ребята не бейте нас, мы ничего не знаем».

Как потом оказалось, это были патрульные из авиационной части. Они не поняли, кто их захватил. В тот год была снежная, холодная зима. И все наши солдаты, были одеты в зимнею меховую спецформу, стального цвета. Естественно без знаков различия.

Пленные несколько успокоились только тогда, когда увидели меня, на мне была шинель со знаками различия.

Допрашивать я их не стал, побоялся, что у кого-нибудь будет сердечный приступ. Когда мы их отпустили, извинившись, они, забежав в комендатуру, минут пять не могли ничего сказать, заикались и лепетали про каких то гражданских с автоматами.

На следующий день нас вычислили, это было сделать несложно. Кто такое может сделать? Только спецназ. А затем проверили в бригаде, у кого были ночные занятия. Манченко вызвали в штаб бригады, а мы все сидели и ждали своей участи.

Вернувшись, ротный сказал, что Мосолов Р.П. приказал сержантов, участвовавших в захвате, поощрить за хорошую профессиональную подготовку, а мне ждать взыскания от начальника гарнизона. Через неделю пришёл приказ, где мне был объявлен строгий выговор «За грубое нарушение требованию Устава гарнизонной и караульной служб ВС СССР, выразившейся в нападении на наряд комендатуры».

Но это нападение имело и позитивные последствия. Вокруг комендатуры срочно возвели бетонный забор, а у входа поставили часового с оружием, до этого он стоял внутри здания.

В последствии я получил от начальника гарнизона две благодарности. Как было сказано в приказе: «За энергичные действия по наведению порядка в гарнизоне, будучи дежурным, по караулам». А перед этим даже пару месяцев был, временно, помощником коменданта. На этой должности неплохо поставил удар, часто приходилась выезжать по ночам, утихомиривать всякую сволочь.

Весной в бригаде всегда проходило ответственное мероприятие, прыжки с парашютом. Длились они, как правило, недели две. Это было самое любимое время всего личного состава бригады. Были, конечно те, кто боялся прыгать, но их было единицы.

Прыжки ещё были летом, осенью и зимой. Но март для прыжков был самое благодатное время. Выпрыгиваешь, а внизу

красотища, все поля и сопки в плотной густой траве, и море тюльпанов. Когда до земли остаётся метров триста, начинаешь ощущать не с чем не сравнимые запахи. Дурманящие, перемешанные запахи, цветов, травы, самой потревоженной земли. Да и земля, ещё не успевшая высохнуть под палящим азиатским солнцем, мягкая, нежная, ласковая принимает тебя без удара.

Кувыркнёшься по ней пару раз, после приземления, и вставать не хочется, такая благодать. Так как у меня всегда был большой вес, я никогда не делал попыток устоять на ногах. Можно ноги сломать. Поэтому я всегда делал кувырок вперёд.

Фото перед прыжкам, крайний слева Стодеревский И.Ю.

А летом посидишь на аэродроме часа два-три, навьюченный парашютом. Ожидая своей очереди для посадки в самолёт. Всё это при температуре за сорок градусов в тени, сидеть то приходится не в тени, а прямо у взлётно-посадочной полосы. Да и при приземлении тебя уже встречает не земля матушка, а какая та железобетонная стерва, которую и лопата не берёт. Шарахнешься об неё, такое ощущение, что ноги от удара через плечи готовы вылезти. Вот и покувыркайся на ней. Один кувырок и сразу на ноги, всё вокруг в верблюжьей колючке. Тоже самое осенью. Ну а зимой всё-таки холодно.

С прыжками связано очень много смешных и не очень смешных историй. Вот несколько из них.

Прыжки осуществлялись на заранее подготовленную площадку, она называлась площадкой приземления. Она оцеплялась с тем, чтоб не допустить на неё никого постороннего,

ни людей, ни машин, ни животных. Но люди при прыжках попадали в восходящие потоки, и их уносило на многие километры в сторону. Так я помню, начальника автослужбы бригады унесло на 23 км в сторону от площадки. Пока он болтался в воздухе, за ним по земле всё время шла машина. В принципе этого можно было избежать. Так как в то время парашюты у нас были неуправляемые, надо было взять одну из лямок, к ней крепится семь строп, и вытянуть её в низ до колена, и временно на нём зафиксировать. Тем самым уменьшается площадь купола, и парашютист начинает быстрей терять высоту. Но это может делать более-менее подготовленный десантник. Ну, а так как в частях всегда довольно много молодых солдат, иногда, при определённом состоянии атмосферы, можно было наблюдать как самолёт, заходящий на выброску, летит ниже, чем парашютисты, выброшенные из предыдущего.

Как-то прапорщика старшину соседней роты, узбека по национальности, отнесло в сторону от площадки, и он стал приземляться на стадо мирно пасущихся коров. Когда он увидел, куда падает, то стал истошно кричать: «Кыши, кыши». Коровы спокойно делали своё дело, то есть жевали траву, и вдруг непонятные звуки. Они как по команде подняли головы, и в небо нацелилось несколько десятков рогов. Как потом рассказывал сам герой этой истории, он думал, что всё, пару дырок в заднем месте обеспечено, но всё обошлось благополучно. Долго у него потом была кличка «Кыши».

А один раз лётчики ошиблись и выбросили парашютистов прямо на небольшой казахский кишлак Багиш, по нему мы и весь полигон так называли. Все парашютисты были из приписного состава. Они приземлились на улицы кишлака, слава богу, удачно, всё обошлось без травм. Правда, один упал прямо на свинарник, в лужу дерьма, и его пришлось часа два отмывать. А парашют потом раза три стирали, такая устойчивая вонь была. Но одному из них несказанно повезло, он приземлился, чуть ли не на крыльцо сельмага. Парашют на одной стороне здания, а он на другой, прямо перед входом. Перед магазином сидели мужики и выпевали, и тут к ним на голову компаньон сваливается. Когда мы приехали забирать группу, этот товарищ уже был под хорошим градусом. Но в связи с тем, что он испытал стресс, на гауптвахту сажать не стали.

Солдаты срочной службы в большинстве своём с удовольствием совершали прыжки, отказчиков в год было два-три человека не больше. Их все призирали. Командиры и политработники проводили с ними воспитательную работу и они, как правило, прыгали. Главное было пересилить себя один раз, а

дальше уже всё было нормально. Но мне повезло, в кавычках.

За мою службу взводным у меня было два человека, которых приходилось выбрасывать. Оба соглашались, что надо прыгать. Садились в самолёт, подходили к двери, и дальше ни шагу. Приходилось помогать. Дело в том, что если по какой то причине, не все из самолёта выпрыгнули, то офицер, выпускающий, не имеет право покинуть борт, а обязан приземляться с этим солдатом. Позорище и для солдата и для командира.

В самолёте АН-2 помогать было сложнее. Дверь маленькая, да и для каждого парашютиста делалась задержка две секунды, чтоб они друг другу на голову не сели. Скорость выброски всего 140 км/час. Да и психологически для этих ребят прыгать с АН-2 сложнее. Надо подойти к двери остановиться, и только по команде «Пошёл» шагнуть в бездну. Это на земле кажется, что две секунды это очень мало. А когда ты стоишь, каблуки в самолёте, а носки уже снаружи, две секунды это вечность. У меня на первом прыжке наверно даже желудок к горлу подтащило, так страшно было. И это нормально. У каждого психически здорового человека должен быть нормально развит инстинкт самосохранения. Дело в том, что надо уметь в нужный момент его побороть.

Вот в самолёте АН-12 с выброской проще, хоть он и идёт на скорости 350 км/час. Команда «Приготовиться!», встаёт сразу двадцать человек, поворачиваются к рампе и пригибаются, так, что кроме пола ты ни чего не видишь. Команда «Пошёл» и десантники так, в колону по одному, и бегут на выход. Здесь уже остановится сложно. Но отказчики пытаются хвататься за перегородку рампы или даже за выпускающего. И здесь есть только один способ заставить их прыгнуть. Манченко ставил меня за отказчиком, и я на полном бегу бил его головой в зад, на голове была каска. После приземления этот парень подходил, благодарил и просил никому не говорить, что я ему слегка помог. После переподчинения в 1976 году нашей бригады ТуркВО эта проблема была снята, всех непригодных мы отправляли в пехоту.

Но я повторяю, отказчики были очень редко, и офицеры и солдаты рвались на прыжки. Помню на прыжках случай. Солдат с моей группы, казах по национальности, фамилию, к сожалению, не помню. При открытии парашюта попал ногой в стропы, и завис головой вниз. И сколько ему снизу не кричали по мегафону, чтоб он освободил ногу, а слышимость в воздухе отличная. Он так ничего не предпринимал. Это был его первый прыжок, он думал, что всё нормально, тем более, что видел над собой полностью раскрывшийся купол. Так и приземлился головой в низ. Мы думали ну всё, сломал себе позвоночник. Когда подбежали к нему, он уже стоял на ногах с окровавленным лицом. Всё

обошлось, травма была только одна, разбитый нос. Когда кто-то из офицеров спросил его, будет ли он после этого прыгать с парашютом, он ответил на ломаном русском языке: «Да, канэшно, ми же диверсант».

И здесь мне хочется привести слова первого командующего ВДВ, основоположника этого рода войск, Героя Советского Союза генерала армии В.Ф.Маргелова: «Тот кто ни разу не покидал самолёт на большой высоте, откуда города кажутся игрушечными, кто ни разу не испытывал страх и радость свободного падения, свист ветра в ушах, тугую струю воздуха, тот никогда не поймёт гордость и честь десантника».

Я тоже один раз приземлился не очень удачно. Был сильный ветер. Бросали нас на пахоту, но это не означает, что нам было мягко приземляться. Как раз на оборот. Осень, вывороченная плугом земля как бетон, и ни одного метра ровной площадки. Ноги переломать можно. Я при приземлении, во время кувырка, головой разбиваю большущий глиняный валун. Хорошо, что на голове была каска. Звёздочки в глазах не прыгали, но минут десять, я по край сопок видел широкую фиолетовую полосу.

Как-то уже в Закавказье, я приземлился, на чей то огород, земля такая же, как бетон. Стою, матерюсь, почём свет. Подбегает грузин, хозяин, спрашивает: «Что случилось? Чем помочь?». Я на него буром: «Почему огород не вскопан?». Он с начало ошарашено посмотрел на меня, а потом, улыбаясь, насыпал пол парашютной сумки огурцов.

Вообще то я любил прыжки на воду. Уселся в подвесной системе поудобней. Расстегнул ножные обхваты, а перед самой водой и грудную перемычку. Плюхнулся в воду, парашют улетел, его подберёт специальная команда, а ты не спеша, плывёшь к берегу. Благодать. Правда и здесь у меня была проблема.

В 1974 году я был назначен начальником парашютной команды бригады. Это так, общественная нагрузка, ответственность за мою группу с меня ни кто не снимал. Так вот был я с парашютной командой на сборах в городе Каратау, южный Казахстан. И там мы прыгали на водохранилище. Всё было нормально, но при приводнении я не успел отстегнуть грудную перемычку. В обычных условиях это ерунда, отстегнуть потом можно и в воде. Но во время прыжков был сильный ветер. Меня подхватило ветром и потащило по воде. Получилось так, что я лицом резал волну. Голову задрать назад было невозможно, мешала каска. Расстегнуть грудную перемычку тоже не получилось, она была натянута как струна. Я уже начинал захлёбываться, как вдруг мне пришла в голову простая мысль. Я взял и перевернулся на спину. Дышать стало свободно и ничего

делать не надо, парашют тащил меня как моторная лодка. Так и выехал на берег. Здесь же на этих сборах у меня дважды не раскрывался парашют, но об этом позже.

Ещё у нас были ночные прыжки, это неповторимое зрелище. Когда ты висишь один в ночном небе. Только ты и звёзды. Земли не видно, в низу сплошной чёрный океан. Товарищей не видно, только не большие тёмные пятна на звёздном небе. И тишина. Такой тишины на земле не бывает. Разговаривать можно спокойным голосом и на расстоянии 300 метров тебя будет слышно. У меня на парашютной каске был написан девиз: «Spiritus flat ubi wulit», что означает: «Дух веет, где хочет». Этот девиз очень подходил к таким моментам, парения в ночном небе. А вот с приземлением проблемы. Землю не видно и не понятно года надо сгруппироваться. Думаешь ну вот, сейчас будет земля, сгруппировался, ноги вместе, весь напрягся, а земли нет. Только расслабился, а тебя шарах об землю. Поэтому мы ночью предпочитали прыгать с ГК-30. Это грузовой контейнер на 30 кг. Он цеплялся десантнику снизу на подвесную систему. После открытия парашюта надо было отстегнуть застёжку, и он повисал на десяти метровом фале. Отстёгивать надо было обязательно, так как при приземлении он мог сломать десантнику ноги. Хотя были случаи, не сумев отстегнуть застёжку, приземлялись благополучно вместе с ГК. С ним в обязательном порядке прыгали все радисты, в ГК укладывалась радиостанция. Но и все остальные солдаты, и офицеры были обязаны сделать с ним несколько прыжков. Чем он хорош при прыжках ночью. Как я уже писал, КГ болтается под парашютистом на десяти метровом фале, и поэтому первым плюхается на землю. Так, что у десантника есть буквально одно мгновение сгруппироваться, но этого достаточно.

Ещё обязательным является в спецназе облёт всех десантников на высоте 7000 метров. В самолёте АН-12 в гермокабину помещалось человек 10–15, точно я не помню. Поэтому весь личный состав сидит в самолёте в кислородных масках, но многие офицеры, бравируя, масок не одевает. В том числе и я. И в принципе, если сидеть на своём месте, то маска и не нужна, десантники народ крепкий и проблем никогда не возникало. Как правило, после прыжка шло выполнение какой-нибудь тактической задачи. Так было и во время одного из облётов, после прыжка группы уходили на ученья. Я уже был командиром роты, а у одного из моих командиров групп, лейтенанта Ко, были проблемы со здоровьем. Оставалось минут пять до выброски, и я хотел уточнить сможет ли он идти с группой на учения. Встал и пошёл к нему вдоль скамьи, на которой сидели десантники. Естественно маска осталась на

месте, они крепились к каждому конкретном сидению. Я благополучно дошёл до лейтенанта, он заверил меня, что чувствует себя уже лучше и пойдёт с группой. Развернувшись, я не дошёл до своего места метра два. Было такое впечатление, что кто-то ударил меня сзади под колени. Я упал на колени и не мог встать, ещё и парашют 20 кг. Я не мог понять, что происходит, пошли круги перед глазами. Но всё это длилось буквально несколько секунд. Ребята подхватили меня, быстро усадили на место и надели кислородную маску. Потом долго меня подкалывал заместитель командира бригады по воздушно-десантной подготовке полковник Ленский, как у нас, его называли, папа Ленский. Он говорил, что Стодеревского нокаутировал, имелось в виду моё пристрастье к боксу, такой маленький, кругленький, кислород называется.

После таких облётов, мы, как правило, прыгали с высоты 3000 метров, с задержкой раскрытия парашюта 30 секунд. Это считались сложные прыжки, да и все остальные, на воду на лес, из-за облаков, ночные, с оружием, а без оружия мы практически и не прыгали, всё это были сложные прыжки. Перворазники прыгали без оружия. За сложность доплачивалось.

Свободное падение. Старший лейтенант Стодеревский И.Ю. Под левой рукой водохранилище г. Каратау.

За все прыжки, в пределах нормы, платили деньги; небольшие, но солдатам и офицерам это было неплохое подспорье. Тем более, что жёнам эти деньги не отдавались, да они и не требовали. Отдавать прыжковые деньги жене было плохой приметой.

Солдат должен был в год сделать не менее пяти прыжков и не

более пятнадцати. Ещё три прыжка это был резерв на учения. Офицер обязан был прыгнуть не менее пяти прыжков в год, тогда ему выслуга шла год за полтора, и не более тридцати. Офицеры воздушно-десантной службы могли прыгать до пятидесяти прыжков в год. К сравнению, офицеры ВДВ имели право прыгать не более двадцати прыжков в год. Но это те прыжки, которые оплачивались. Как правило, офицеры стремились прыгать больше. Как видите дело совсем не в деньгах.

Кстати платили, если мне не изменяет память: за первый прыжок — 3.50, за последующие, до десятого- 2.50, а дальше я уже не помню, шла небольшая надбавка, свыше двадцати пяти прыжков, свыше пятидесяти и свыше ста. За то, что прыжок сложный доплачивалось полтора рубля. Неплохо получали те, кто имел звание инструктор-парашютист. А это, почти все офицеры, прослужившие более пяти лет, и на прыгавшие более ста прыжков. Они за прыжок получали 10 рублей. Когда я был начальником парашютной команды, нам оплачивали 140 прыжков в год, но 70 из них почему-то оплачивали только в размере 50 %. Ребята умудрялись прыгать почти по 200 прыжков. Для спортсмена иначе нельзя, не будет профессионализма. А для спецназовца 15–20 прыжков в год вполне достаточно. Ведь парашют это всего лишь один из способов доставки группы в тыл противника.

В части ритмично шли занятия по боевой подготовке. Надо сказать, ход боевой подготовке был отлажен как часовой механизм. Не допускался отрыв от занятий даже отдельных солдат, я уж не говорю про подразделения. Вся жизнь в части регулировалась сигналами трубы. И несчастен был тот командир, чьего подчинённого задерживали на территории части во время занятий.

О высоком качестве боевой подготовки в бригаде говорит хотя бы то, что взвод со штабной роты, нашей бригады, на первенстве взводов Сухопутных войск занял четвёртое место. Обойти нас смогли только взвода трёх военных училищ. Но с курсантами четвёртых курсов тягаться тяжело. Взводом командовал мой однокашник Юрий Цыганов, а ротой точно не помню, толи Александр Ильин, толи Юрий Широков.

Много времени уделялось физической подготовке. Особенно кроссовой. Как у нас говорили: «Волка ноги кормят». Часто, со своей группой, я физзарядку проводил сам. Уходя вечером на тренировку на спортивную базу «Химик» группу тоже брал с собой. Тогда не у кого не возникал вопрос: «Почему я со службы ухожу в 18 часов, если рабочий день был до 19.00». Меня нет и группы нет. Ротный это поощрял. Ребята там занимались

общефизической подготовкой, а я работал в зале бокса. Правда, до бокса я бежал 4 км на стадионе. А после бокса, тренажёрный зал и бассейн. Ну, солдатам больше всего, конечно, нравилось в бассейне плавать.

В этом бассейне я чуть не свернул себе шею. С бортика мог делать сальто. С пятиметровой вышки, полтора сальто, с входом в воду головой. Не было проблем и в прыжках с десяти метровой вышки. Со знакомыми ребятами, в конце тренировки, мы выделывали кто, что может. Я привык в детстве прыгать с разбега в канал, пролетая в длину на несколько метров. Сделал это и с десяти метровой вышки, решил народ удивить. И удивил. Пролетел над водой почти всё глубокое пространство и вошёл в воду в том месте, где уже начинается плавное уменьшение глубины бассейна. Вот в этот подъём я и врезался. Хорошо, что удар смягчили руки. Но удар головой все равно был очень сильный. Как потом рассказывали ребята, когда я всплыл, глаза у меня были ни какие. Они сначала решили, что я прикалываюсь. Но, видя то, что я еле доплыл до бортика бассейна, вытащили меня. Минут пять я даже разговаривать не мог, но, слава богу, голова была целая.

Эти походы в спортивный комплекс были для солдат и физической тренировкой, и возможностью психологически расслабится. Всё-таки сложно изо дня в день одни и те же лица, один и тот же распорядок дня, одна и та же территория, территория части. Очень важно изучить людей, чтоб знать, на, что ты можешь рассчитывать. И воспитывать у них уважение к Армии в целом, и любовь к своему роду войск в частности. Сложно, очень сложно молодым солдатам даётся на первых порах именно физическая подготовка, особенно кроссовая. И подходить здесь надо избирательно. Если парень никогда в жизни не бегал не надо пытаться за пол года сделать из него отличного кроссмена. Это не возможно, просто отобьёшь ему всякую охоту к кроссовой подготовке. Как мне кажется у меня достаточный опыт в этом деле.

В один из очередных призывов, прибыл ко мне в группу молодой солдат, Ибрагимов. Таджик по национальности, родился и вырос в сельской местности. Физическое развитие почти дистрофическое. Пробежать больше 200 метров не мог. На трассе начинал бежать на прямых ногах, плакал и говорил, что у него судорога схватывает ноги. Я пробежал с ним рядом, пощупал на бегу мышцы ног, они совершенно мягкие. Как у нас говорили солдаты, сачкует. Провели с ним работу, и я, и сержанты бегали с ним индивидуально, не спеша. Главное в кроссе поставить дыхание. И к концу первого периода обучения, это через пол года,

на проверке, он уже бежал на твёрдую тройку. За которую мы его хвалили, хотя тройка в спецназе оценка не допустимая. К концу первого года службы он бежал уже только на отлично. И когда к нам приходило молодое пополнение, я просил его выступить и рассказать о своих якобы судорогах. Он, смеясь, рассказывал. Это было хорошее подспорье в воспитательной работе. Я уже выше говорил о том, что своих подчинённых надо знать. И когда их пытаются оболгать, даже не специально, вставать на их защиту.

Авторитет офицера в русской армии держится на трёх китах — на доверии, на уважении и на любви. Доверие завоёвывается профессиональными качествами — знаниями, распорядительностью, находчивостью, осторожностью.

Уважение достигается честностью и высокой добросовестностью.

А любовь — заботами о подчинённых и защитой их интересов.

Из книги «Когда крепости не сдаются».

Был в роте хороший солдат ефрейтор Фомин, я уже был ротный. Старшина докладывает, что он не может выходить на физзарядку нога болит. Сказал отправить его в санчасть. Там освобождения не дают, говорят, что солдат здоров. Пошёл сам разбираться, начальник медслужбы бригады говорит, что солдат попросту сачкует. Но я то его знаю, если говорит, что болен, значить болен. Попросил его направить солдата на обследование в Чирчикский госпиталь. Начмед заявил, что здоровых на обследование не направляет. Я высказал ему всё, что думаю, о его профессиональной подготовке, и без направления сам повёз Фомина в госпиталь. Там его посмотрели и опять говорят, что здоров. Тут уж у меня сомнения появились. Но солдат клянётся, что болит нога. Попросил, чтобы ему дали направление в окружной военный госпиталь в Ташкент. И, что вы думаете, там находят какую то болячку, сейчас уже не помню, что именно, да это и не важно. Солдату делают операцию на колено.

Я его выписной эпикриз хотел скормить начмеду. А Фомин со мной потом, ещё долго служил. И в горах бывали и в пустыне под Балхашём. Затем он остался в Армии и служил у меня в отряде прапорщиком. И в Афгане он был вместе со мной, и не разу этот парень не подвёл.

При проведении занятий по кроссовой подготовке, и при совершении марш-бросков нельзя ни в коем случаи забывать о медицинском обеспечении. Как-то готовил я роту к совершению марш-броска на 36 км. Такой дистанции в НФП (наставление по

физической подготовке) не было. В то время было только две дистанции 6 км и 10 км. Но я считал и считаю, что спецназовец ГРУ должен уметь совершать марш-броски на 50 км. Так вот перед такой нестандартной дистанцией надо обязательно проводить не мене двух марш-бросков на 10 км, с задачей, не время хорошее показать, а отработать тактику действий. Обязательна психологическая подготовка. За месяц в казарме была вывешена подробная схема марш-броска. По карте была изучена местность, где будет проходить маршрут. И во время марш-броска я постоянно информировал солдат, где мы находимся, и сколько ещё осталось пробежать. Солдат во время марш-броска должен думать, а не тупо переставлять ноги. Лучше думать, о чём-нибудь приятном. Вы уж извините меня, но я всегда ребятам говорил: «Думайте о бабе».

Во главе роты должен бежать командир, поддерживая необходимый темп, и показывая личный пример. В замыкании лучшие бегуны роты. С задачей, забирать оружие и снаряжение у тех, кто уже устал. Важно это делать во время, а не тогда, когда человек уже «сдох». В таком случае придётся уже тащить и его.

Так вот во время такого тренировочного забега, я обратил внимание на то, что сержант Шинкоренко тяжело дышит, и лицо его стало землянистого цвета. Он всегда отлично бегал, а на марш-бросках помогал товарищам. И сейчас пересиливая себя, продолжал бежать. Но было понятно, что это не просто усталость. Я, не смотря на его желание продолжать бег, вывел его из строя и отправил к фельдшеру ехавшему в машине за бегущей ротой. Ему сделали укол и отвезли в санчасть бригады.

Как потом сказал врач, что если бы задержались ещё минут на двадцать, то парень мог умереть. И такое случилось уже с подготовленным солдатом. В последствии он нормально служил, и у него не было ни каких проблем со здоровьем.

Поэтому подготовку молодёжи надо вести аккуратно и индивидуально. Спустя, года три после этого, в учебном полку, в городе Ашхабаде во время кросса погибло сразу шесть молодых солдат. Это были ребята весеннего призыва. Конец мая, жара уже 40, а их выгнали на кросс. И без всякой подготовке давай сразу на время, а они ещё и акклиматизацию не прошли. Виновных судил военный трибунал.

У меня ребята 36 км пробегали без проблем. Был ещё один случай, характеризующий высокий уровень кроссовой подготовки в бригаде.

Как-то после сборов командиров групп, уж не помню в каком году. Мы, только офицеры, командиры групп, провели налёт на реальный объект. На какие-то склады, расположенные в сопках, с

командованием этой части была договорённость.

Мы знали, что по условиям этих занятий, через 20 минут после налёта к складам прибудет подкрепление «противника» с собакой. После выполнения задачи мы уходили в сторону гор, по холмистой местности. Первые 15 км бежали, не останавливаясь, а потом перешли в темп марш-броска. Группа у нас была большая, и когда мы проходили через ручьи, те, кто устал, по одному, по два уходили вверх и вниз по течению. Остальные продолжали уходить в сторону гор.

Сопки становились всё более крутые. И на склоны гор опустилась ночь. В конце концов, оставшись один, я пробежал ещё около 5 км, и стал выходить на точку сбора. Когда я туда вышел, около костра уже сидела вся группа, понося меня последними словами. Оказывается, последний передо мной человек, пришёл ещё час назад, и все сидели и ждали меня. Лишнее я драпанул.

Как, потом в разборе, рассказал руководитель занятия. Ровно через 20 минут нас стали преследовать. Вожатый бежал с собакой, а все остальные ехали следом на машине, местность, на начальном этапе, позволяла. Но преследователи были из внутренних войск. Два раза меняли вожатых, но, в конце концов, и собака легла, и не с места.

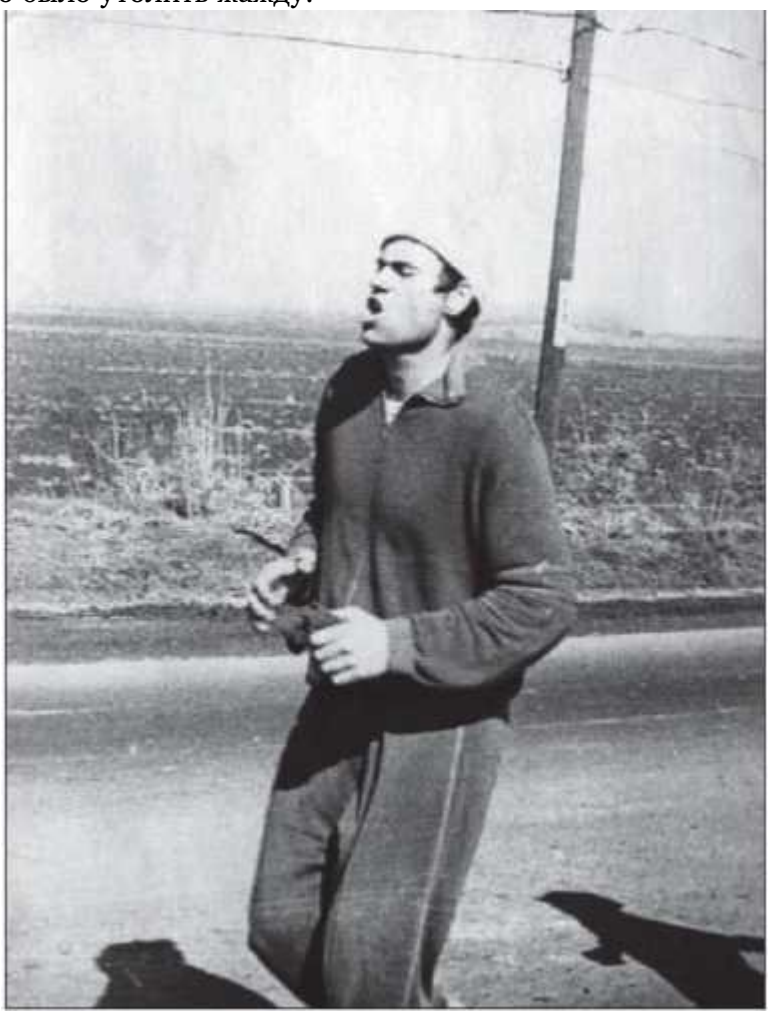
Бегали мы с ротой и кросс 22 км, но это по желанию, в воскресение. Приходили и просились на забег и ребята из других подразделений. Такие кроссы мы бегали в спортивной форме. В Армии она не выдавалась, не положено по нормам снабжения. В бригаде было всего несколько комплектов для различных соревнований. И приходилось просить солдат, чтобы писали домой, и просили родителей выслать.

Кросс 22 км. Лидирующая группа. Крайний справа, ваш

покорный слуга.

Трассу я подобрал хорошую. Шоссе, которое шло параллельно основной трассе с Чирчика в сторону Ташкента, в выходные дни на нём практически не было ни какого движения. Очень важно подобрать такую трассу, чтобы она обеспечивала безопасность проведения кросса. Бежали мы по встречной полосе, то есть, если бы и появился какой-то встречный автомобиль, мы бы его заметили издалека и сошли бы на обочину. Сзади бегущих, посредине трассы, шла машина. Её задача была предупреждать догоняющие нас машины, о помехе на дороге.

На середине трассы ставили стол с томатным соком, чтоб можно было утолить жажду.



Вот и финиш

Сам я бегал ежедневно, кроме воскресенья, утром, и четыре раза в неделю вечером, когда ходил на тренировки в спортивный комплекс.

Став командиром роты, я сшил себе пояс, в котором было 10 кг свинца, и одевал его на тренировках (этот пояс и сейчас со мной). А на ноги надевал обхваты, каждый весом по 1,5 кг. Когда всё это с себя снимаешь, то, кажется, что ты ничего не весишь.

Уж не помню, в каком году, кажется в 1973 или в 1974, в бригаду пришёл комплект оборудования для тропы разведчика. До этого мы бегали обычную полосу препятствий.

Установили её за городом, на нашем полигоне. Общая её протяженность составляла 600 метров. Необходимо было преодолеть три забора различного типа. Подняться по дымоходу, так назывались две вертикальные стенки, стоящие параллельно друг другу, на расстоянии сантиметров 80. Пробежать по подземному ходу и выскочив из него метнуть нож в «часового».

Затем работа на высоте. Поднявшись, по верёвочной лестнице, на высоту 14 метров, надо было пройти по тросу длиной 30 метров. Опустившись на 6-ти метровую высоту,

преодолеть «Обезьяний мостик» (два параллельных троса, на которых закреплены поперечные, деревянные дощечки). Далее, на той же высоте, натянут канат. И мостик, и канат, длиной 30 метров. Затем спуск в низ.

При преодолении

полосы в составе отделения, один из солдат спускался с 14-ти метровой высоты, повиснув снизу на тележке, которая скользила вниз по двум тросам. Все препятствия на высоте 14 метров преодолевались со страховкой.

Следующий этап, подключение к телефонному кабелю. Он находился на 6-ти метровом телеграфном столбе. Гладкий бег метров 200. Затем минирование железной дороги, и преодоление её, по узкой трубе, проложенной под насыпью. Далее необходимо было, открыть люк канализации, проникнув туда, проползти метров 20, и открыв очередной люк, выйти наружу. Отразив нападение противника, используя приёмы рукопашного боя, надо было бежать к ломаной лестнице. Она была расположена на высоте 2–3 метра параллельно земле. Длиной она была всего метров 15, и была заключительным препятствием тропы. Но люди так изматывались, что приходилось её преодолевать, не снизу, переставляя руки, а сверху, залезая на неё.

Возможно, какое-то из препятствий, я упустил.

Тропа преодолевалась или в составе отделения, или в одиночку. Во втором случаи, некоторые препятствия не преодолевались.

Мы быстро нашли способы, преодоления всех элементов тропы разведчика.

30-и метровый канат мы преодолевали лёжа на нём сверху. Так как, если его преодолевать обычным способом, вися на нём снизу, то за следующие препятствие солдат уже не мог даже просто держаться, пальцы не сгибались.

Очень долго не могли найти способ как залазить на телеграфный столб. Ведь надо было непросто залезть, а, подключившись к проводам, сделать запись пяти групп цифр. На земле уже можно было их расшифровывать.

Какие только приспособления не придумывали, всё было не эффективно. И тогда заместитель командира бригады, подполковник Жаров, в последствии командир Псковской бригады спецназ, а затем начальник разведки Прикарпатского военного округа, сказал, что никаких приспособлений не надо, и без них залезть можно.

Рядом стоял 14-и метровый, гладкий, бетонный столб. Жаров

объявил солдатам, что, кто залезет на столб и положит сверху на него свою панаму, сегодня поедет в отпуск на десять суток. Три солдата, один за другим, проделали это. Жаров сказал, что достаточно, а то вся бригада в отпуск уедет. Вопрос с телеграфным столбом был решён

В конце весны 1974 года меня назначили начальником парашютной команды бригады. Моей задачей было подготовить её к соревнованиям на первенство частей специального назначения. Готовить спортсменов-парашютистов я, конечно, не мог, ведь сам даже никогда не прыгал на спортивных парашютах. Но я нёс полную ответственность за подготовку команды по наземному комплексу и за поддержание в команде дисциплины. За парашютную подготовку отвечал прапорщик Вячеслав Гомзев.

Наземным комплексом мы занимались в части. Это: марш-бросок, топография (хождение по азимуту и определение координат объекта), подготовка по связи (вхождение в связь и передача радиограммы), метание ножей и гранат, переноска раненного, стрельба. То есть обычные предметы боевой подготовки. Всё шло нормально, ребята подобрались крепкие. Но просто отличной подготовки нам было недостаточно, мы обязаны были делать всё, лучше всех. Главным был наземный комплекс, ведь для спецназа парашют является только одним из средств доставки к месту выполнения задачи. И как показали в дальнейшем боевые действия в Афганистане и в Чечне не самым главным. Основным средством доставки групп стал вертолёт.

На соревнованиях наземный комплекс выполнялся сразу после прыжков на точность приземления. Один этап плавно переходил в другой. Критерия было два, время выполнения и результат. Засечка времени делалась с момента отделения от самолёта первого члена команды и до окончания стрельбы, это был последний этап. Всё у нас ладилось за исключением, казалось бы, самого простого, переноски раненого. Пробовали и вдвоём нести, и втроём, и всей командой, но только сбивали себе дыхание и теряли драгоценные секунды. Решение нашлось самое неожиданное. Все 300 метров «раненного» нёс, бежал с ним на плечах, Серёга Рычков, крепкий, здоровый парень. А вот кто у нас был за раненного, я не помню, выбрали естественно самого лёгкого.

Кстати в конце 1974 года в нашу часть приехал художник, если мне не изменяет память, Юрий Попов, кажется, он был из Ташкента. У него была задача, к 30-летию победы в Великой Отечественной войне, написать несколько портретов военнослужащих нашей бригады. Это видимо по принципу: лучший колхозник, лучший сталевар, ну и так далее. Было

отобрано шесть человек, в том числе я и Сергей Рычков. Приходилось по несколько часов сидеть, позировать, не двигаясь. Мало приятное занятие. В конце весны 1975 года мы поехали в Ташкент, в картинную галерею на выставку посвященную Дню Победы, но нашли портрет только Сергея. В администрации нам сказали, что мой прошёл конкурсный отбор, и его отправили на такую же выставку в Москву. А жаль, я хотел его купить. На память остался только черновой набросок художника.

Построение перед соревнованиями, г. Псков.

В 1975 году на соревнованиях в Пскове, опередив команды всех бригад специального назначения, мы заняли первое место по наземному комплексу.

Спортивное мастерство, по парашютному спорту, оттачивалось на двухмесячных сборах в гражданских аэроклубах. В 1974 году мы были в городе Каратау Джамбульской области, а в 1975 году в посёлке Сайрам Чимкентской области. Всё это на юге Казахстана. Ребята в команду были подобраны хорошие, все перворазрядники по парашютному спорту. В последствии все они стали мастерами спорта. Кроме того, они были хорошими солдатами, в последствии стали прапорщиками. Хороший спортсмен не может быть плохим солдатом.

Последняя проверка замков парашюта перед посадкой в самолет. Второй слева, Гомзев, далее Стодеревский, Засорин, Рычков.

п. Сайрам.

Вячеслав Гомзев перевёлся служить на Дальний восток в морскую пехоту. Женя Засорин и Саша Коробейников служили в Афгане в моём отряде, а Сергей Рычков в Кабульской роте спецназ. Вася Куликов входил в состав сборной команды Центральной группы войск. К сожалению, там он и погиб.

Я тренировал ребят на земле, а они меня в воздухе.

Первой моей задачей было научиться падать как утюг, стабильно и не кувыркаясь. Ведь у спортивного парашюта нет стабилизирующего парашюта. Этот, маленький парашютик, всего 1,5 квадратных метров площадью, применяется только в армии. Он крепится, к вершине основного купала, и открывается сразу после выхода из самолёта с помощью верёвки, которая карабином пристёгивается к тросу внутри самолёта. Его задача стабилизировать тело десантника в воздухе, и не допустить, при раскрытии основного купола, запутывания в стропах.

Я вываливался, если говорить на сленги парашютистов, как дерьмо. Меня крутило и бросало в разные стороны. Не возможно было понять, где низ, где верх. Это было опасно, но мне везло.

Был случай на одном прыжке. Выйдя из самолёта, дёрнул за кольцо, но так как я летел к земле спиной, открытия купола не произошло. Я почувствовал, что что-то между коленями продирается вверх. Когда я развёл колени, вверх выскочил шарик, таща за собой основной купол. Меня резко, рывком, развернуло на 180 градусов, и я благополучно повис на стропах.

Прыгал я на парашюте Т-4, у него при выдёргивании кольца выдёргивается чека из пружины шарика, диаметром около 40 см., и уже он вытаскивает основной купол. Но падать надо стабильно лицом вниз, а не спиной, как я. Шарик, раскрывшись, стал искать себе путь наверх.

Дело в том, что прыгать на спортивном парашюте разрешают тем, кто имеет опыт не менее 50 прыжков, а мне сделали поблажку, и мой спортивный прыжок был всего лишь девятнадцатый.

Я довольно быстро освоился. Научился чётко выходить на мотор. Правую ногу ставишь в угол двери самолёта, рукой берёшься за косяк двери, и резко выпрыгнув в сторону мотора самолёта, ложишься на поток.

Прыгали мы всегда с самолёта АН-2, называли его ласково «Аннушкой». Когда я освоил стабильное падение, меня стали учить выполнять фигуры комплекса. Это спирали, левая, правая, и сальто назад. Выполнять их было несложно. Небольшие движения ладонями рук и тело мгновенно приходит в движение. Вопрос в другом, как вовремя остановится. Вместо одной положенной спирали получалось две и даже три.

На первый разряд необходимо было сделать три комплекса подряд, за 16 секунд. Левый комплекс: левая спираль, сальто, левая спираль. Затем правый комплекс: правая спираль, сальто, правая спираль. И в конце так называемый крест: левая спираль, сальто, правая спираль. Повторяю, что на первый разряд это надо было делать за 16 секунд. Возможно, что я чего-то путаю, много воды с той поры утекло.

Если на точность приземления мы прыгали с высоты 800 метров, то на акробатику с 2400 метров. Неповторимое блаженство. Такое впечатление, что ты не падаешь со скоростью до 58 метров в секунду, а паришь в воздухе как птица. Подпор воздуха снизу такой, что кажется, что лежишь на каких-то пружинах. Скорость по горизонту может достигать до 70 км/час. Описать это не возможно, это надо почувствовать.

На 46 прыжке, после того как я дёрнул за кольцо, раскрытия купола не произошло, а началась непонятная тряска. Хорошо, что я не запаниковал и не дёрнул кольцо запасного парашюта. Сделав несколько различных телодвижений и, наконец, поджав руки, совсем близко к плечам, я, как говорят парашютисты, ушёл на кола, тем самым открыл парашют. Оказывается, как сказал потом наблюдавший за мной в стереотрубу тренер аэроклуба, у меня было 4 секунды затенение. Всего 4 секунды, но каждая из этих секунд, там, на верху, кажется вечностью.

Здесь уже, злую шутку, со мной сыграло моё умение

стабильно падать. Шарик, выйдя из ранца, попал в потоки воздуха, обтекающие меня с двух сторон. А так как спина у меня выше средних размеров, то на ней получилось несколько разряженное пространство, где шарик и болтался, создавая тряску. Позже у меня был ещё один такой случай, но там уже проблем не было, я сразу ушёл на кола.

В день мы совершали по шесть прыжков. А согласно армейской инструкции, имели право делать не более двух. И мы с Вячеславом Гомзевым, расписывали эти незаконные прыжки на дни, когда были выходные или были срывы прыжков из-за сильного ветра, тем самым делали их законными.

За время совместных тренировок у нас сколотилась хорошая команда, но это была военная команда, панибратства я не допускал. Да и применять к кому-то жёсткие меры не было

необходимости. Ребята подобрались толковые, да и дорожили своим местом. Очень хорошие отношения сложились у нас и с руководством обоих аэроклубов, да и со всеми спортсменами. Мы все жили и тренировались как единая семья. Видимо занятие таким экстремальным видом спорта сплачивает всех, от директора до самого молодого парашютиста.

Кстати в обоих аэроклубах было, много девушек. А если брать перворазников, то девушек там было даже больше, чем парней.

Дело в том, что аэроклубы имели планы по подготовке парашютистов, это помимо тех, кого они готовили по заявкам военкоматов для службы в ВДВ. Любой желающий мог записаться, его готовили теоретически, а затем он совершал пять прыжков. И всё это совершенно бесплатно. При проведении сборов их ещё и кормили за государственный счёт.

Я вёз такую девочку в Чимкент в больницу. Она сломала ногу в районе голени. Ехали в кабине ЗИЛ-131, другой машины не было. Она сидела рядом, а её нога лежала у меня на коленях с неестественно, в сторону, повёрнутой стопой. Я делал всё возможное, чтоб на кочках ей не было очень больно. Но она держалась мужественно, иногда тихонько стонала и совсем не плакала. В последствии она вышла замуж за нашего Васю Куликова. А нога у неё зажила, она потом ещё занималась парашютным спортом.

В 1975 году, когда я был на сборах в Чимкентском аэроклубе, база была у н.п. Сайрам, ко мне приехала жена. Я провёл с ней полуторачасовую предпрыжковую подготовку, и она благополучно совершила свой первый прыжок.

Со спортом у меня складывалось неплохо, но о спортивной карьере пришлось забыть. Да я и не собирался идти по этой тропе, главное для меня была служба. Просто хотелось в боксе добиться звания мастера спорта. Но комбриг подвёл под этим черту. Я ездил на соревнования на первенство округа, уже Среднеазиацкого, в Караганду в 1972 году. Выступил плохо, в полуфинале проиграл заведомо слабому спортсмену.

Бригада, находясь на территории Туркестанского военного округа, буквально в 40 км. от его штаба, а входила в состав другого. Представляю, как ломали себе голову иностранные разведки, ища её где-нибудь под Алма-Атой. Так как по нормативам она должна была находиться не далее 200 км. от штаба округа.

После первенства округа я интенсивно тренировался. Участвовал в соревнованиях на первенство Ташкентской области и конечно Чирчика.

Но необходимы были серьёзные соревнования, хотя бы

первенство республики. Такие подвернулись. Мне пришли приглашения участвовать на соревнованиях в г. Фрунзе (Киргизия), и Ленинабаде (Таджикистан), там можно было заработать КМС-а.

Я написал рапорт с просьбой отпустить меня. Часа через два вызывает Мосолов и

спрашивает: «Ты кем хочешь быть, спортсменом или командиром»? Когда я ответил, что командиром. Он сказал: «Ну, тогда иди». Это было в 1973 году, но на ринге я выступал до 1978 года. Правда, по мелочи, на первенстве бригады. С начала за роту, а затем за отряд.

Когда я стал командовать ротой, она всегда занимала первое место в бригаде. А когда принял отряд, одна рота первое место, другая второе. Я заранее подбирал и готовил команды.

Когда был объявлен набор желающих, меня удивило желание многих солдат участвовать в боях. Тем более, что у них не было ни какого понятия о боксе. Как правило, в секции бокса, в таком возрасте записываются единицы. Ведь всё-таки там бьют по лицу. Оказалось, что все они с Рязанской области. Когда стал с ними беседовать, выяснилось, что почти все они участвовали дома в кулачных боях. Запомнил название одной из деревень — «Сново здорово». Запрещай, не запрещай, а зимой в деревнях продолжали ходить стенка на стенку. Так, что это были уже готовые бойцы, не много правил и в бой.

Я в роте даже проводил абсолютное первенство. Участвовали все, 100 %.

Сначала работали по весовым категориям, а уже с четверть финала, вне зависимости от веса. Тут уже было безразлично, какого ты года службы. Четыре ряда канатов и защищай себя сам. Соревнования проходили в клубе части. На это шоу собиралась вся бригада, комедийных моментов было предостаточно.

ГРАМОТА

НАГРАЖДАЕТСЯ

ст л – т Стодеревский И. Г. занявший

1 место по боксу в весе св. 81 кг

в первенстве войсковой части

64411

КОМАНДИР в/ч 64411

ПОЛКОВНИК «КОЛЕСНИК»

3 января 1977 года

Осенью 1974 года поступила команда отправить в Алма-Ату на первенство округа по офицерскому многоборью двух человек. Так как этим видом спора никто в бригаде не занимался, было

предложено ехать мне и Юре Цыганову. Мы с ним прикинули, по нормативам, на первый разряд вытянем. Кому мешает ещё один первый разряд. Дело в том, что в офицерское многоборье входили виды, которые не были для нас новыми. Это кросс, плавание, спортивная гимнастика (спасибо отцу и родному училищу), и стрельба из пистолета. Основные очки мы собирались заработать на кроссе и на стрельбе. Ну и конечно достойно выступить в остальных двух видах.

Кстати стабильно стрелять из пистолета меня научил мой друг и сосед по комнате в общежитии, Саша Ильин, ещё на первом году службы в бригаде. После училища я стрелял не плохо. Но мог один выстрел сорвать. Саша мной занялся и уже через пары месяцев я неплохо выполнял спортивное упражнение. А на первенстве бригады даже занял второе место.

Мы с Юрой начали усиленную подготовку к соревнованиям, кстати, от исполнения служебных обязанностей нас никто не освобождал. Я только вернулся из отпуска, и надо было выгнать отпускное пиво. Через две недели мы практически были готовы, я согнал килограммов восемь веса. И это притом, что не соблюдал никаких диет, только за счёт физических нагрузок. Всё ничего, но я почувствовал боли в области сердца. Ну, думаю, приехал. Пошёл в госпиталь. Меня проверили, и написали целый лист, каких то назначений. Я с госпиталя напрямую к своему тренеру по боксу, за советом. Он меня выслушал, почитал назначения врача и сказал, что никакие лекарства принимать не надо у меня просто перетренировка. Надо идти в парную, расслабится. После парной 300 граммов хорошего сухого вина и дней десять, ни каких нагрузок. Сказано, сделано. Через неделю я забыл, где у меня сердце.

Меня ещё отец учил, ни каких таблеток, одно лечат, другое калечат. Чувствуешь, простыл, но температура до 37,5, 200 грамм водки с чёрным перцем, и грелку в полный рост на всю ночь. Непорядок с желудком, 200 грамм водки с солью, уже без грелки, засранцам она не к чему.

Поехали мы с Юрой на соревнования. В первый день была гимнастика и плаванье. Мы отработали даже лучше, чем рассчитывали. Ну, думаем, на КМС-ов вытянем. А на второй день оба завалили то, на что делали ставку, стрельбу. Посчитали очки и поняли бежать кросс бесполезно, даже на первый разряд не вытягиваем.

Последний раз в спортивных соревнованиях я участвовал весной 1984 года, уже после Афганистана, когда служил в 12 бригаде спецназ Закавказского военного округа.

Ученья, в спецназе это отдельная тема. В принципе все

занятия по боевой подготовке преследовали одну цель. Подготовить солдата к ведению боевых действий.

На ученьях проверялась эффективность боевой подготовки. И они в течение года шли сплошной чередой. Были массовые ученья, где привлекались 100 % личного состава. Это ученья отделений, проводились в отрядах. Ученья групп, проводила бригада. Ученья, которые с бригадой проводил округ. И ещё масса учений, на которые привлекались отдельные подразделения. Они были самые интересные. Как правило, двухсторонние. Мы работали против каких-либо частей, а они пытались нас поймать.

Сделаю отступление. В бригаде каждый понедельник проходил общий развод. Где командир, коротко, ставил задачи на неделю всему личному составу. Здесь же доводились какие-то общие ошибки. Ну и перед строем выводили тех, кто за субботу и воскресенье был задержан военным патрулём. Я не помню, чтобы Мосолов ругал командиров подразделений за то, что солдаты ходят в самоволки. Доставалось за то, что их ловил патруль. Комбриг негодовал, говорил: «Кого вы готовите? Какие же это разведчики, если их ловит обычный солдат из пехоты». Самое страшное ругательство у Мосолова это было сказать на какое-либо подразделение: «Пехота вы сраная»!

На двухсторонние ученья отбирали самых лучших солдат и офицеров. И если в пехоте солдаты на ученья не рвались, так как это грязь, холод, тяжёлый физический труд. А главное ты просто винтик огромной машины. То у нас, отправка на такие ученья, была очень престижна. Для солдата это было как поощрение, второе по значимости, после отпуска домой.

Командиры на учениях набирались опыта в управлении подразделениями и приучались самостоятельно принимать решения. Поощрялись инициатива, изобретательность и неординарность в решениях при выполнении задач.

Я помню как командир одной из групп, Юрий Широков, выполнил поставленную задачу буквально за считанные часы. Выйдя, в район поиска объекта противника, он увидел, как самолёт сельскохозяйственной авиации АН-2 опыляет поля. Полевой аэродром находился рядом. Уговорить лётчика полетать над районом, в котором должен был располагаться объект, не составило труда. И вместо долгих часов поиска на земле, он нашёл объект буквально за двадцать минут, прямо с воздуха сняв его координаты.

4.1. Ученья.

4.1.1. Соревнования разведгрупп.

Самыми тяжёлыми, по физическим нагрузкам, были соревнования групп, которые проводила бригада. Это ученья, которые полностью хронометрировались. Участвовали все группы в штатном составе. Проверялись книги учёта личного состава, не должно было быть никаких перемещений за последние два месяца. Это делалось для того, чтобы командиры перед ученьями не могли в ротах скомплектовать группу из лучших солдат.

В ротах солдаты были распределены равномерно, по годам призыва, и по способностям. Я, прослужив четыре года командиром группы, так и не смог ни разу занять первое место. Постоянно, что-то мешало. То при прыжке кто-нибудь ногу подвернёт, а это уже все, на каждом этапе будешь получать штрафные очки. То попадёт такой солдат, что ну не идёт у него или иностранный язык, или иностранные армии, а это надо сдавать по ходу учений. Или совсем слабенький из молодого пополнения, и вся группа из-за него не может держать необходимый высокий темп.

Став командиром роты, я выбрал самого подготовленного командира группы, прежде всего в физическом отношении. И стал комплектовать ему группу лучшими солдатами, он имел право отбора среди пребывающего молодого пополнения. Но дальше он людей уже готовил сам. И готовил хорошо. Два года он занимал первое место в бригаде. Это был Рафик Латыпов, выпускник Рязанского училища, гордость отряда. В последствии первый командир Кабульской роты спецназ.

Первый этап этих учений был сбор группы. Засечка шла, по первому, отделившемуся от самолёта, человеку группы.

Следующим этапом было отыскание грузов десантированных вместе с группой. Оно проводилось, как и сбор группы, с помощью радиоприёмников Р-254 или Р-255. На грузе работал маяк, и с помощью этих приёмников на него и выходили. Это как в виде спорта «Охота на лис».

К слову сказать, в группе спецназ все имели радиосредства. У командира, заместителя и командиров отделений были радиостанции, а у солдат радиоприёмники.

Затем шёл марш-бросок и сразу после него стрельба. После стрельбы сдача зачёта всей группой по иностранному языку. А язык мы изучали китайский.

Затем группы, получив задачу, совершали марш к району проведения поиска. Найдя объект, давали в центр его координаты и совершали налёт.

После этого марш, в другой район, и проведение засады. Вся протяжённость маршрута не менее 50–60 км., это если у группы, а особенно у командира, хорошая подготовка по топографии. Его способность, точно выти в нужную точку. Вот здесь очень актуальна поговорка: «От дурной головы ногам покоя нет». Выйдя на точку надо тактически грамотно спланировать и провести необходимое спецмероприятие.

Но ещё сложней в районе поиска. На каждую группу давался район размером в 200 квадратных километров. Наверно в боевой обстановке было бы легче искать. Так как искали, как правило, средства ядерного нападения противника. А дивизион, «Першингов» это махина. Десятки единиц техники и сотни людей. Нам же приходилось искать одну единственную машину, рядом с которой устанавливался резиновый, надутый макет ракеты. Кроме того, что всё это в горной местности и предгорьях. Где эта ракета может быть от тебя в 500 метрах, но это по ту сторону хребта, и ты её не увидишь.

Время проведение поиска всегда подгадывали так, чтоб он осуществлялся в ночное время. Здесь было важно с начало вычислить район, в котором может находиться ракета. Надо было знать структуру подразделений противника и их тактические нормативы. Ракетный дивизион, где попало, не поставишь. Проверялись именно эти районы. Если проверять все 200 квадратных километра надо будет три дня по горам лазить. А это соревнования, перед тобой, и за тобой идут группы. Как правило, все выполняли задачи в течение суток. Кое-кто блудил, но первые трое суток их не искали. Комбриг давал возможность командиру группы самому прибыть в часть. Это же позорище, если тебя найдут и привезут. Такие казусу случались очень редко, и только с молодыми, не давно прибывшими офицерами. Сложно привыкать к горам.

Найдя противника надо было точно дать координаты. Ошибка допускалась не более 200 метров. Это на карте стотысячного масштаба всего 2 миллиметра. Ещё один лишний миллиметр и двойка. Я уже говорил, что почти все группы укладывались в одни сутки. Но какие это были сутки. Разговор про отдых не идёт. Беспрерывное движение, даже ели на ходу, открыв банки сухого пайка.

На следующий день в бригаде подводились итоги этих учений. Привлекался весь личный состав. Обговаривалось всё до мелочей, все ошибки, всех групп. На большом стенде

вывешивались результаты, за все этапы, и простыми арифметическими действиями определялся победитель.

4.1.2. Выживание.

Сложно было участвовать в учениях, когда группы уходили на выполнения задач не сразу, а спустя сутки, двое после выхода бригады на учения.

Отдых на дневке. Яма перекрыта плащ-палатками.

Бригада выходила в район сосредоточения. Там группы получали боевые задачи. Там готовились к их выполнению. Штаб бригады располагался в палатках, с печами обогрева. В группах не было ни чего кроме плащ-палаток, это то, что имел каждый солдат. Она частично спасала от дождя, и в весенне-осенний сезон можно было из нескольких плащ-палаток сделать водонепроницаемый полог на группу, натянув его над какой-нибудь ямой. И это правильно, не будешь же с собой таскать специальную палатку на группу. Это туристом такое можно, им спешить не куда. А группа потеряет мобильность. Главное иметь максимально много боеприпасов, даже в ущерб продовольствию. Всегда можно найти или поймать, что-то пригодное в пищу, а вот боеприпасов на территории противника не найдёшь.

Уходя на выполнение задачи, мы сами выбирали, где и как нам отдыхать. Находясь же в расположении бригады, мы не имели возможности выбора. И приходилось искать возможность для отдыха личного состава.

Сеанс радиосвязи. Слева виден вход на днёвку.

В тёплое время года проблем не было. Лёг и спи, наш солдат может спать в любых условиях, лишь бы за шиворот не капало.

Зимой, в районе сосредоточения, куда выходила бригада, могло

быть до 20 градусов мороза, это днём. Топлива для костров не было, голые сопки. Как хочешь, так и выживай. И наверно это правильно. В тылу противника будет ещё хуже, там и костров разжигать нельзя.

Что мы делали. Искали склон оврага, чтоб толщина снежного покрова была не менее двух метров, и капали пещеру. Вход в неё должен был быть ниже самой лёжки. Застилали пол плащ-палатками, а одной из них закрывали вход.

Ставилась свечка, дневальный следил, чтоб пламя было жёлто-синего цвета. Это означало, что в пещере есть кислород в достаточном количестве. Если пламя свечи окрашивалось полностью в жёлтый цвет, дневальный, подняв плащ-палатку на входе, проветривал пещеру. Было достаточно тепло, ребята, подстелив меховое обмундирование, спалив одних тельняшках. К утру потолок пещеры, от дыхания, становился твёрдым и обледенелым. И главное, не было видно, где находятся группы. Весь овраг был занесён снегом.

Такое оборудованное для отдыха место называлось днёвкой, разведчик отдыхает только днём, а работает ночью. Все передвижения только ночью.

При выполнении задачи было проще. Здесь командир сам

решал, где отдыхать, и где оборудовать днёвку. Главное, это то, что разведчик должен хорошо

отдохнуть. Потому как, не известно, какие задачи ещё его завтра ждут. При выполнении поставленных задач приходили радиограммы, командование перенацелевало группу на выполнение других задач.

Помню как часа в три ночи, в горах мы вышли на кошару. Это место где ночует стадо баранов.

Есть крыша, стены, и проёмы для окон и дверей, а их самих нет и в помине. Бараны длинношерстные, тёплые и мягкие. Это мы поняли тогда, когда я приказал укладываться спать между ними.

Солдат переводит автомат на грудь, сохранность оружия, спать можно только на автомате. И прыгает между баранами, они раздвигаются и дают возможность лечь. После того как человек лёг, бараны смыкаются, и человека совершенно не видно. Наплевать, что спать приходится на бараньем помёте. Он не пачкается. Главное то, что тепло.

Утром, когда пастух пришёл поднимать стадо, его чуть удар не хватил. Ну, представьте себе, вы спросонья поднимаете своё стадо. Крикнули на баранов, и вдруг среди них, поднимается 12 вооружённых человек. Любому дурно станет. Тем более, что как я говорил, форму мы носили без знаков различия.

Местное население к нам относилось очень хорошо. Идёшь с группой. Промокли все, промёрзли. На пути домик пастуха. Глубокая ночь. Подходишь к домику, стучишься с просьбой, чтоб хозяин пустил переночевать в сарай, нам большего ни чего и не надо. И тут начинается. Хозяин поднимает на ноги весь дом. Женщины начинают готовить разнообразные кушанья. А нам, ну совершенно не до еды. Устали и хотим спать. Но теперь всё придётся ждать, пока хозяин нас накормит, и только после этого можно будет завалиться спать. После трапезы начинают таскать тёплые ватные одеяла. Они в доме лежат в углу стопкой до 20 штук. Говорю, что нам ничего не надо, у нас меховое обмундирование, главное, чтобы было, где лечь, и чтобы за шиворот не капало. Бесполезно. Настойчивое гостеприимство.

На одних из учений, я тогда командовал группой, мы спасли ишака. Группа совершала марш и в одной из низин, где раньше протекал ручей, мы обнаружили ишака ушедшего по самое брюхо в глину. Глина была слегка затвердевшая, и человек мог спокойно по ней пройти, но ишаку, с его маленькими и острыми копытами, пройти не удалось. Животное видимо в западне было уже несколько суток, без воды и пищи.

Ухватившись, все вместе, за круп животного, мы попытались

его вытащить, но ни тут-то было. Глина не хотела отдавать добычу, да и ухватится, было не за что. Пришлось делать подкоп под его живот, протаскивать туда плащ-палатку, и только после этого, навалившись всей группой, мы его освободили из плена.

Ишак до такой степени уже изнемог, что ели стоял на ногах, но вы видели бы его глаза. Сколько там было благодарности. Мы отвели его на ближайшую поляну, где была трава, и вылили ему в рот две фляжки воды. Когда уходили, он благодарно помахивал нам хвостом.

4.1.3. Самарканд.

Было и такое, что мы работали как агентурщики. Это уж совсем блатные учения. На учения в купированном вагоне, в отдельном купе. Так как у нас была совсекретная радиоаппаратура и совсекретный документ, ШСН (шифр специального назначения). На троих нам было куплено четыре билета. Проживание в гостинице. На связь с центром выходили прямо из номера гостиницы, антенну выбрасывали через окно на дерево. Вот только питание всё те же пайки.

Но паёк у нас был не такой, как в пехоте. Давали эталон № 5 или № 5, а там и сгущёнка и шоколад. Да и мясные консервы были другие, колбасный фарш и бекон. Вместо хлеба и сухарей были или галеты или хрустящие хлебцы, солдаты у местных мальчишек выменивали на них лепёшки.

Как-то в 1973 году работал я таким, агентурным способом, в Самарканде. Со мной были только двое радистов.

Кстати радисты закреплялись за группой. И ходили с группой не только на учения, но и на занятия по тактико-специальной подготовке. Они были одним целым с группой, хоть и служили в другом подразделении. В каждом отряде была рота связи.

На выполнение задачи дали только сутки. Надо было найти точку ПВО. Работать пришлось одному, так как радисты на проведение разведмероприятий ни когда не привлекались. Их берегли, как никого другого. Так как, добыть развединформацию это только полдела, её надо передать в центр. А иначе она теряет всякую ценность.

Понятно, что точка ПВО должна находиться, где-то в окрестностях Самарканда. И её не спрячешь, локаторы все равно торчат. В бригаде была специальная техника по обнаружению локаторов, но мне почему-то приказали работать дедовским способом. Я так понял, что ещё проверялась система охраны объекта.

Наметив себе несколько вероятных районов, я оставил

радистов в гостинице, и уехал их проверять. Мне повезло, объект я нашёл в первом же районе. Снял координаты, но надо было ещё и сфотографировать его. Для этой цели мне выдали широкопанорамный фотоаппарат «Горизонт».

Но я, сначала вернулся к ребятам, и передал в центр координаты. Так как при фотографировании меня могли задержать.

Поставил задачи радистам, что если не вернусь в условленное время, они должны самостоятельно добираться в бригаду. Только после этого пошёл на объект.

Он располагался на высоком холме, прямо около автострады. Со стороны дороги был пологий обрыв, где-то под 75 градусов, и высотой метров 100. На нём не было ни одной тропинки, уж очень круто. Я понял, что это единственное место, где смогу уйти от погони, если она будет.

Обойдя холм по просёлочной дороге, которая шла вдоль холма и поднималась к объекту, подошёл к воротам. Они были открыты, ни какой охраны, да и вообще людей видно не было. Одет я был в повседневную форму. Так меньше привлекал к себе внимание, чем одетый в спецформу или в гражданку.

Достал фотоаппарат и стал фотографировать технику. Моментально появился офицер с повязкой дежурного на рукаве. Потребовал объяснить, кто я такой и почему фотографирую объект. Разговаривая с ним, я старался не подпускать его к себе ближе двадцати метров. А он и не стремился это делать. Обходил меня, отрезая дорогу к воротам. Появилось ещё двое солдат, и я понял, что пора делать ноги. Часть была огорожена только с трёх сторон. Со стороны обрыва забора не было.

В детстве мне приходилось бегать по крутым склонам сопок. Там надо было бежать зигзагами. Но здесь можно было уходить только прыжками.

Я, прыгнув вниз, буквально через пару минут, был уже на трассе. Преследователи благополучно остались на краю обрыва. Прыгая, я единственно чего боялся, то, что дежурный пальнёт мне в след из пистолета. Но обошлось.

Поймав попутную машину, я уехал в город. По прибытию в часть, меня, у входа в штаб, уже стоял и ждал уполномоченный особого отдела, как у нас говорили «особист». Забрал фотоаппарат и унёс. Не знаю почему, потом заявил, что плёнка была чистая.

4.1.4. Оперативный офицер.

Когда я уже прокомандовал группой три года, на одни из

учений, меня оставили работать в штабе. Начальник оперативного управления сказал, что хватит тебе по сопкам бегать, будешь оперативным офицером.

Задача состояла в том, что надо было курировать две-три группы. Обрабатывать поступающий от них материал, и доводить очередные задачи.

Прослонявшись трое суток по штабным коридорам, я пришёл к начоперу, поблагодарил за доверие, и попросил меня больше с группы не срывать. Не моё это, сидение в штабе. И даже уже командуя ротой, на ученьях, всегда уходил с одной из групп.

4.1.5. Николаевка — Сары-Озек.

Осенью 1974 года в Среднеазиацком округе проходила серия больших учений, на которые привлекались подразделения нашей бригады. С Чирчика на Алма-Ату мы пошли колонной, а это 850 км. По прибытию в указанный район был разбит полевой лагерь, и каждой группе поставили задачу. Мою группу бросили против аэродрома «Николаевка», это северо-западнее Алма-Аты.

Выброску проводили машинами. Задача была очень простая. Надо было найти аэродром, взлёт и посадку самолётов видно за 10–15 километров. Даже если просто спросить любого местного жителя, укажут направление. Все мы были в военной форме, но десантные эмблемы поменяли на лётные. Правда, нас выдавали автоматы, они были десантные, с металлическими складывающимися прикладами, но кто будет на это обращать внимание.

Обнаружив аэродром, мы дали в центр его координаты и количество находящихся на нём самолётов, а также их типы. Со вторым было сложнее. Дело в том, что в бригаде мы изучали только самолёты вероятного противника. Так, что приходилось напрягать свою курсантскую память. В училище учили и чужие самолёты и свои. Затем весь остаток дня давали в центр все взлёты и посадки.

В конце дня получил задачу дать в центр размеры аэродрома. Самый надёжный способ это было измерить его парами шагов. В одной паре 1,5 метра. Я, заменив лётные эмблемы медицинскими, при задержании было бы легче голову задурить, пошёл вдоль взлётной полосы. Думал, что если будут преследовать, придётся бросить шинель. А без шинели они меня не поймают. Но оказалось, что я совершенно всем безразличен. Авиация занимается только полётами, а на остальное им наплевать. Вот это наплевать, в боевой обстановке приводит к неоправданным потерям.

Выполнив свою задачу, я вышел на дорогу и пошёл в район расположения группы. И тут меня догоняет военный автобус, ну думаю, придётся побегать. Нет, просто предложили подвести меня до города, даже не спросили кто и откуда. Я, ожидая подвоха и сжав в кармане шинели «ЯДГ» сел.

«ЯДГ» — ядовитая дымовая граната, применяется в учебных целях для имитации отравляющих веществ. Вызывает непродолжительное жжение в глазах и обильное слёзотечение.

Но применять её не понадобилось. Опять всем было на меня наплевать. Удручающее отношение к безопасности. Доехав до ближайшего посёлка, я, поблагодарив, вышел из автобуса и пошёл к своим. Передав данные в центр, получил новую задачу.

Было приказано выдвинуться в район расположения дивизии дислоцированной в н. п. Сары-Озек, богом забытое место. С задачей, передавать все перемещения частей дивизии, её должны были поднять по тревоге. Так как указанный район находился далеко на север от Алма-Аты, 150–200 км, мне, для выполнения задачи, выделили машину ГАЗ-66. Так, что на этих учениях мы ходили немного.

Прибыв в район, я расположил группу в сопках, километрах в 20-ти от Сары-Озека. А сам весь день ездил, изучал местность и искал районы, куда по тревоге могли выйти части дивизии. Такие районы заранее оборудовались в инженерном отношении.

Найдя несколько из них, и проезжая по основной трассе, я увидел как в сторону, в сопки, уходит шоссе в прекрасном состоянии. По карте в конце шоссе, а это было не более 7–8 км., значилось ОТФ (овце-товарная ферма). При нашем отношении к дорогам, кто же в это поверит. Мы свернули с трассы и ехали до тех пор, пока не уткнулись в КПП. Не большая долина была перегорожена высоким забором из колючей проволоки. На КПП ни души и ворота были открыты, ну как не заехать. Проехав ещё с километр, мы остановились у очередного КПП. В обе стороны уходил уже невысокий забор, но проволока бала на изоляторах, и на столбиках весели таблички с указанием напряжения — 220 в. И опять на КПП никого. Проехав, его мы увидели, с одной стороны какие-то, небольшие подземные хранилища с громоотводами, так в частях хранят боеприпасы. А с другой стояли непонятные, огромные, квадратные палатки, с высотой в центре метра 1,5–2, по углам до метра, и с ребром — 20–25 метров. Они также были за забором под напряжением. По дороге, вдоль забора, в сторону уже третьего КПП шло несколько солдат с котелками, было время обеда. Обогнав их, подъехали к КПП. Здесь уже была охрана и в курилке, у входа, сидело человек десять военнослужащих в черных комбинезонах и как мне

показалось в голубых беретах. Были они явно не солдатского возраста.

Увидев машину, все заинтересованно повернулись в нашу сторону. И тут до меня дошло, куда я попал. Береты были не голубые, а тёмно-синего цвета. Значить передо мной ракетчики, и не просто ракетчики, а судя по палаткам, видимо прикрывающим шахты, стратеги. Я понял, что надо уносить ноги. Мы развернулись и были таковы, а уже через полчаса в центр ушли координаты и информация об этом объекте.

В конце дня я заехал в Сары-Озек и нашёл там своего однокашника Рому Шаркаева, как раз того который совершал полёт с третьего этажа женского общежития. Он служил командиром взвода в разведроте одного из полков. У Ромы была отдельная двухкомнатная квартира хоть он, и был холостяком. Квартирный вопрос в этой дивизии был давно решён. В одной комнате жил Рома, а в другой стоял биллиардный стол и мотоцикл. Каждое утро Рома, громыхая по лестнице, слава богу, что первый этаж, выезжал на работу. Я сказал ему, что служу в строительных спецчастях, и прибыл выбирать площадку под строительство объекта. В разговоре он мне подтвердил, что в районе N-го километра расположена ракетная часть.

По прибытию в часть особист пытался мне доказать, что я ошибся, и что никаких ракет в том месте нет. На такие объекты группы не посылались, об этом и мы не должны были знать. Я попросил его не вешать мне лапшу на уши, я там был и всё видел своими глазами. Но, чтоб он успокоился, буду считать, что там вообще не был.

У Ромы я жил два дня, ждал, когда поднимут дивизию по тревоге. После сигнала, а это было ночью. Почему-то, как правило, тревоги объявляли ночью, хотя днём собрать людей и выполнить норматив гораздо сложней. Ночью все в кроватях, а днём кто где, попробуй, организуй сбор.

Рома побежал в полк, а я как враг и иуда, дав радиограмму о подъёме дивизии по тревоге, сел на хвост одной из колонн выходящих в запасный район. Весь день ездил и чертил схемы запасных районов частей дивизии. Благо два района я сделал раньше, изучая местность. Теперь только проставил наименование частей. Это было несложно. Подъезжаешь, представляешься офицером штаба округа. Говоришь, что заблудился и ищешь такую-то часть, я называл Ромкин полк. Добрый наш, словоохотливый солдатик, говорил, что я ошибся и попал в войсковую часть N… Один раз я думал, что меня задержат. К машине, видя чужие номера, подошёл офицер и спросил, кто мы и откуда. Когда я ответил, что со штаба округа, а

ведь это проверяющие, он вежливо поинтересовался, ужинали мы или нет. Я его поблагодарил, за беспокойство и мы расстались.

Сделав работу, я стал возвращаться к своей группе, чтоб дать информацию в центр. Было около часа ночи. Начал моросить дождь. Мы ехали по трассе со скоростью около 90 км/час. Водитель проскочил перекрёсток, где нам надо было сворачивать. Я ему сказал, что проскочили. Он жмёт на тормоз и одновременно делает левый поворот. Чувствую, что мы уже летим, нет соприкосновения с землёй. И в голове только одна мысль — командир бригады за машину голову оторвёт.

Машина, сделав пол оборота в воздухе, падает на кабину, а затем переворачивается на колёса, и начинает медленно катиться назад. Кабина смята, передние стёкла выбиты, но фары горят. Я пытаюсь выпрыгнуть головой вперёд через лобовой проём. Водитель хватает меня за брюки и кричит, что этого делать нельзя, так как машина ещё катится. Приказал ему выпрыгивать, так, как не известно, куда она катится.

Выпрыгнув из машины, я первым делом окликнул солдата, который находился в кузове. Фамилию его помню до сих пор, Еремеев. В голове у меня были самые худшие мысли. И вдруг на наше с водителем удивление и радость, мы услышали из кузова: «Что случилось? Почему стоим?». Тут уж раздался наш гомерический хохот, видимо стресс сказался, и радость, что все целы. Мы с водителем держались за животы. Машина разбита в дребезги, а этот засоня спрашивает, что случилось.

Нам повезло, было только две шишки, это когда мы с водителем ударились головами. Как потом мы разобрались, нашему везению способствовало несколько случайностей. Первое то, что, перевернувшись, машина кабиной попала в кучу свежевырытой земли, а не в каменистый грунт, что был вокруг. Второе, и главное, что в ГАЗ-66 между кабиной и кузовом крепится запасное колесо, и кабина, по этой причине, смялась только до этого колеса. Еремеев же во время движения устроился спать прямо на полу кузова. Во время переворота машины его забросило под боковую скамейку, что и позволило ему не вылететь из кузова.

Может быть, были и другие причины, главное мы все были целы. Как я уже сказал, свет у машины горел и даже работал двигатель. Можно было ехать дальше, но в кабину я уже не полез, дверь заклинило. Да и сам водитель полностью не поместился. Ноги у него были на педалях управления, а сам висел на дверке. Так мы проехали оставшиеся 20 км.

Года два, при выполнении машиной левого поворота, у меня замирало сердце.

Задача была выполнена, и надо было возвращаться назад под Алма-Ату. А машина никакая. На утро в соседнем колхозе с помощью автокрана мы несколько вытянули вверх кабину и, поработав киянками, сделали возможным размещение в ней. Затем я приехал к Роману. Рассказав ему всю правду, учения уже закончились, попросил содействия в ремонте машины на базе рембата дивизии.

Рома минут пять бился головой о биллиардный стол, и называл себя последними словами, за то, что забыл о том, что после выпуска я ушёл служить в спецназ, но в ремонте помог. Однако кабина восстановлению не подлежала. Так и ехали мы до самого Ташкента без стёкол, привязывая дверки верёвками.

Когда по прибытию в бригаду Мосолову доложили о происшествии, он сразу сказал, что видимо старший машины был пьян. Однако, узнав, что старшим был я, он эту мысль сразу отбросил, в то время я уже пользовался его доверием и к тому же слыл в бригаде абсолютным трезвенником. Хотя это было совершенно не так. Я просто выполнял его правило: с кем, сколько, когда, и где. Той кружки пива с сержантом мне хватило на всю жизнь.

На этих же учениях был интересный случай с другой группой нашей роты. Командир группы старший лейтенант Холбаев переодел своих ребят в гражданку, так им было легче выполнить свою задачу. Но по времени они не успевали на свой объект. И тогда Хабиб решил захватить машину. Задача должна быть выполнена любой ценой.

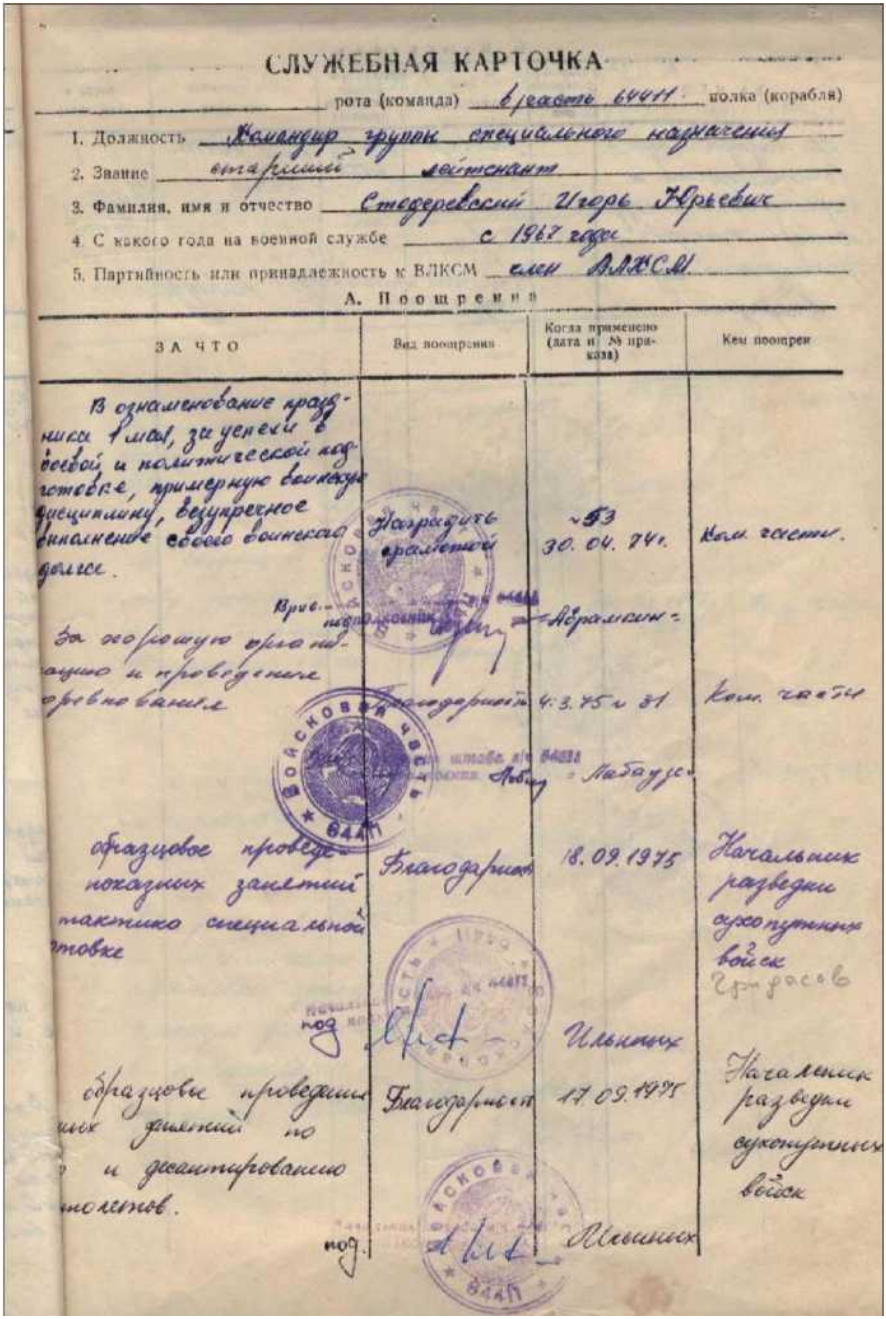
Когда они остановили автобус, он оказался военным, это хорошо, меньше потом будет шума. Женя Усачёв, КМС по классической борьбе вытащил водителя и за руль и сам сел на его место. Офицеры, находившиеся в машине, пытались возмущаться, но, увидев, что у „гражданских” под плащами автоматы затихли. Только Хабиб был в форме, но не с погонами старшего лейтенанта, как положено, а в майорских. Решил, что так будет солиднее.

Проехав километров 40, и совсем не в ту сторону, куда хотели хозяева, ребята пошли на свой объект. Всё бы ничего, но как потом оказалось, в машине ехала какая-то московская комиссия, проверявшая одну из частей округа. Командиру бригады в округе устроили разнос и приказали на командира группы за хулиганство подготовить документы на разжалование, до капитана. При подведении итогов учений Мосолов сказал начальнику штаба, что приказ надо выполнять и оформить Холбаеву документы на капитана. Вот только не помню, было это сделано или нет.

4.1.6. Показные занятия.

Ещё, будучи командиром группы, в сентябре 1975 году, я готовил и проводил показные занятия для начальников разведок корпусов и дивизий Сухопутных войск. Мы показывали им десантирование из вертолёта, из положения зависания, занятие по тактико-специальной подготовке, и приёмы рукопашного боя. На подготовку нам отвели всего два дня. По ТСП показывали действия группы специального назначения по захвату пленного и его допрос. Так как округ противостоял Китаю, то и допрос вёлся на китайском языке. Пленного изображал Рафик Латыпов, а допрашивал его Саша Латышев оба командиры групп нашей роты.

Языком они владели в совершенстве, оба референты переводчики.



СЛУЖЕБНАЯ КАРТОЧКА

рота (команда) в/часть 64411 полка (корабля)

1. Должность Командир группы специального назначения
2. Звание старший лейтенант
3. Фамилия, имя и отчество Стефаревский Игорь Юрьевич
4. С какого года на военной службе с 1967 года
5. Партийность или принадлежность к ВЛКСМ член ВЛКСМ

А. Поощрения

ЗА ЧТО	Вид поощрения	Когда применено (дата и № приказа)	Кем поощрен
В ознаменование праздника 1 мая, за успехи в боевой и политической подготовке, примерную воинскую дисциплину, безупречное выполнение своего воинского долга.	Наградить грамотой	30.04.74г. №93	Ком. гарнизона.
За хорошую организацию и проведение горно-военных	Благодарить	4.3.75 г. №31	Ком. части
образцовое проведение показных занятий тактико специальной готовке	Благодарить	18.09.1975	Начальник разведки сухопутных войск Герасов
образцово проведенных занятий по и десантированию полетов.	Благодарить	17.09.1976	Начальник разведки сухопутных войск

Саша потом ушёл учиться в Академию Советской Армии, и работал в системе ГРУ. Отработал свой срок и в Афганистане, к стати в той же местности, что и я, но позже. Встретились мы с ним, спустя 23 года, на Украине.

Хочется сказать, что наиболее подготовлены по языку были выпускники Киевского ВОКУ. У них была очень сильная кафедра.

В середине 90-х годов, уже в незалежной Украине, братья демократы решили, что училищу будет лучше в Одессе, и убрали его из Киева. Перевезти можно курсантов и оборудование, подрастеряв многое по дороге. Но преподавателей, в основном гражданских не перевезёшь. Угробили одно из лучших училищ бывшего Союза. Ну а затем уничтожили его ещё раз, переведя во Львов.

Показуху мы делали на полигоне Среднеазиацкого военного округа «Отар». Руководил сборами начальник разведки Сухопутных сил генерал лейтенант Гридасов. Военный интеллигент и умница. Мне повезло, я заработал у него две благодарности. По одной за каждое занятие. В дальнейшем меня судьба ещё два раза сводила с этим человеком. Это летом 1980 года. Он инструктировал нас, группу офицеров частей специального назначения, прибывших в Кабул для переучивания подразделений 103 дивизии ВДВ на тактику спецназа. И 24 октября 2000 года в Москве, на мероприятиях посвящённых 50-летию спецназа.

4.1.7. Тянь-Шань, Угамское ущелье.

Хорошо отложились в памяти учения проходившие зимой 1976 года. Я уже два месяца командовал ротой. Мосолова перевели в Алма-Ату, и бригаду принял Василий Васильевич Колесник. Он решил внести новую струю в процесс боевой подготовки. Было принято решение: каждую роту бригады бросать на неделю в горы, затем неделя учёбы в части, и снова на неделю, но уже в пустыню. В программе боевой подготовки ничего такого не было. Мы задали вопрос: «Как быть с планированием»? Ведь на проверке надо будет отчитываться. Василий Васильевич ответил, как и подобает командиру: «Выполняйте. Всё беру на себя». Вышло так, что первой в горы пошла моя рота. Это было 4 января.

Со знаменем бригады прощается полковник Мосолов Р.П.
Со знаменем командир группы старший лейтенант Стодеревский И.Ю.

С нами пошёл командир отряда, и мой товарищ, Сергей Шапиро, выпускник Казанского ракетного училища. Он хотел первым пройти тот маршрут, по которому пойдут его роты.

Сергей погиб на ученьях в песках Кызыл-Кумах в 1977 году, в день, когда ему исполнилось 30 лет. Мне выпала печальная миссия, быть начальником почётного караула при погребении товарища. Жена его Татьяна так и не вышла больше замуж.

Такие, как Серега, встречаются не часто. Сын, Андрей, пошёл по стопам отца, закончив Ташкентское ВОКУ.

Тактических задач на этот выход не ставили. Надо было пройти 120 км. по горам за шесть дней. Это по прямой 120 км, но в горах прямых дорог не бывает. Надо было выйти со стороны Чимкента (южный Казахстан), преодолеть перевал, и затем по Угамскому ущелью спустится в район западнее кишлака Чарвак (Ташкентская область Узбекистана).

Один световой день мы шли к перевалу. Переночевали у пастуха и утром стали подниматься вверх. Дороги видно не было, всё было занесено снегом, из которого уходили в высь величественные вершины. Проводника у нас не было и по этому пришлось идти по карте, визуально определяя, где может проходить дорога. Чем выше мы поднимались, тем тяжелее было идти. Толщина снега постоянно увеличивалась. Последние километра три снега было по грудь. Человек 5–6 пройти бы не

смогли, но нас было 70. И мы прошли. Ведущий менялся каждые два метра. Грудью проложил путь и отваливается в сторону, после прохождения роты пристраивается в хвост. Пока опять не подойдёт его очередь. 11 км перевала мы шли, а точнее пробивались весь световой день. Уже когда стемнело, спустились в горный кишлак Кызыл-Тал. Нас встретили местные жители, казахи, и удивлённо спросили, откуда мы идём. Когда мы сказали, что идём с Чимкента они зацокали языками и удивлённо заговорили: «Бай бой, аскер (солдат). К нам с октября по апрель ни кто не приходит. Даже лошадь не проходит. Как вы прошли?».

Обойдя кишлак, мы стали устраиваться на ночёвку, на берегу реки Угам. Мороз был градусов 25–30. Но не успели мы натаскать хвороста для костров, как к нам пожаловала делегация местных жителей. Они пригласили нас на ночлег в свои дома. Здесь решение принимал командир отряда. Шапиро сказал, что мы на учениях где проверяется выживаемость личного состав и нам надо спать у реки. Среди местных жителей за главного был мула. Он сказал, что законы гостеприимства не позволяют им оставить нас на ночь без крова. И попросил не мешать им, выполнить свой человеческий долг. Что-то было сказано так, а может быть иначе, я уже не помню, но я точно помню, что у Шапиро просто не было выхода. Надо было соглашаться. Чему весь личный состав очень обрадовался. Впереди был ещё длинный путь, и уже ни каких кишлаков. Сошлись на том, что всех нас разместили не по отдельным домам, а в одном, самом большом, он служил у них домом культуры. Предварительно там растопили все печи.

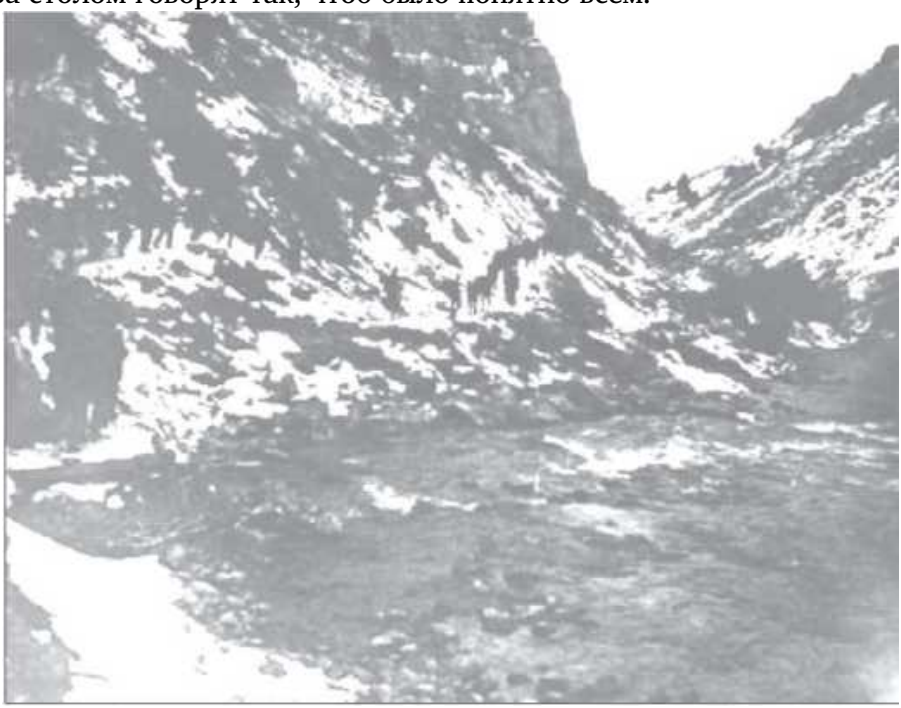
Была ещё одна причина, по которой нас пригласили в гости. У одного из жителей кишлака родился сын, и всех офицеров пригласили к нему на той (праздник). Солдатам ужин накрыли прямо там, где рота устроилась на ночлег, другого помещения, где бы все могли поместиться, в кишлаке не было.

Мы думали, посидим в гостях пол часа и уйдём спать. Очень сильно устали, да и завтра снова в путь. Но ни тут то, было, пришлось часа четыре сидеть, встать уйти не возможно, хозяев обидишь. А тут ещё голова баранья пошла по кругу, каждый из присутствующих должен от неё отрезать себе кусок. Самому уважаемому положен глаз. Я уж не помню, как комбат отвертелся. Мы уже сидели и завидовали нашим солдатам, которые, плотно поужинав, давно спят.

Когда мы только ещё шли в гости, Шапиро предупредил, что спиртного можно только по одной рюмке, нам к людям возвращаться. Выпив по стакану, наливалось именно в такую посуду, за новорождённого, мы как по команде, перевернули их вверх дном. В Узбекистане это означает, что тебе больше

наливать не надо. Но мы были в Казахстане, наши стаканы перевернули и снова налили. Ни какие наши аргументы в расчёт не брались. Пришлось выпить ещё по одному. Но наши перевёрнутые стаканы опять наполняли. И тут один из хозяев тихонько подсказал, что для того, чтоб тебе больше не наливали, надо чуть отпить и поставить стакан на стол. Пировали мы на полу, застеленному коврами и кошмами. После того как мы, отпив, поставили стаканы, ни кто уже нам не наливал.

Местные были мало образованные, но исключительно воспитанные люди. Я всегда удивлялся, почему столько хамов в городах и их практически нет в горах или пустынях. Видимо тяжёлые условия жизни заставляют человека быть человеком, иначе он просто не выживет. Ему обязательно нужна поддержка соседа. Так вот и на этом тое. Казахи плохо, очень плохо говорившие по-русски, даже не пытались, хотя бы между собой, заговорить на родном языке. Они понимали, что это не прилично. За столом говорят так, чтоб было понятно всем.



Рано утром рота пошла в низ по Угаму. Идти было сложно, передний пробивал тропу, которая вилась по ущелью. Вдоль реки идти было не тяжело, но периодически река уходила под обрыв, и надо было карабкаться вверх и преодолевать очередную гору. Тропа была узкая и очень скользкая, а внизу бурлила горная река, с причудливо замёрзшими берегами.

Мы шли без альпинистского снаряжения, единственно, что нам выдали так это тёмные очки от снежной болезни.

Инструктаж перед очередным выходом на марш.

Вдоль реки были заросли дикой яблони и барбариса. Жажду, мы утоляли только ими, воду из реки не возможно было пить, очень холодная. Дикие яблоки были кисловатые и очень сочные, а барбарис вообще прелесть. Висел большими тёмно-синими гроздьями. На ходу сгребаешь всю гроздь двумя ладонями и в рот. И вкусно и жажду утолил. Природа была очень красивая. А главное, что сюда практически не заходили люди, пастухам здесь делать нечего, сплошные скалы. Что нам и требовалось, максимально экстремальные условия. Мы сделали единственную оплошность, что не взяли с собой боевые патроны к автомату. Это мы поняли, когда увидели медвежьи следы. Январь месяц, а он не спит. Значить шатун, а это очень опасно. У офицеров были патроны к пистолетам, но на медведя с таким оружием не ходят.

В ущелье мы организовывали ещё две ночёвки. Разжигали костры по одному на каждое отделение, и ложились вокруг. Ни спальных мешков, ни палаток у нас не было, не положено. Вырыть снежные пещеры тоже было нельзя. Снега было всего 50–60 см.

Но ничего приспособились.

На нас было меховое обмундирование, и мёрзли только ноги. Мы снимали ботинки, чуть стягивали брюки, они были с завышенной талией, и затягивали концы штанин. Ноги оказывались в меховом мешке.

Когда люди засыпали, вокруг костра, дневальные каждые пол часа переворачивали их с одного бока на другой, чтоб они не застудили какую либо сторону. Делать это приходилось с помощью лопаты, так как за это время человек уже примерзал к земле. С одной стороны 30 градусов мороза, а с другой пламя костра. Спали прямо на снегу, подстелив плащ-палатки. И, что удивительно, при нахождении в казармах, зимой, с роты человека 3–4 постоянно находятся в санчасти с простудными заболеваниями. А здесь после таких тяжёлых условий, ни один даже не закашлял. Видимо в человеке есть какие-то скрытые резервы, которые в трудное время помогают выжить.

Маршрут мы прошли не за шесть, а за пять дней. Только в последний день чуть не произошло несчастье.

Мы уже вышли на полевую дорогу, и осталось километров 20 пути. Как одному из солдат, Игорю Царёву стало плохо, сердце не выдержало нагрузок. А был это здоровый парень, ростом 190 см. Фельдшер, который шёл с нами сделал ему укол и сказал, что надо срочно эвакуировать. Вертолёт мы вызвать не могли, была очень низкая облачность. По карте, в 8 км. от нас, располагался санаторий. Было решено солдата нести туда. Из плащ-палатки и двух срубленных берёзок сделали носилки. И 12 человек бегом понесли его. Четверо несут, остальные бегут рядом, отдыхая, смена каждые пять минут и тоже на ходу. Ребята успели. Дней через пять мы забрали Игоря из санатория, слава богу, что никаких последствий для его здоровья это не имело.

На учениях всплыла ещё одна проблема. Рюкзак РД-54, что стоял у нас на снабжении, не подходил для спецназа, очень маленькая ёмкость. Помещалось продуктов и боеприпасов максимум на 3–4 дня. В 1977 году мы с солдатом с вещевого склада сделали один экземпляр нового рюкзака. Я чертил, а он шил. Назвали его РДС-77. Получилось не плохо. Во всяком случаи нас похвалили, заплатили деньги за рационализацию и на этом забыли.

Я с этим рюкзаком прошёл всю мою оставшуюся службу. Изготовлен он был из авизента, очень крепкий материал, из него делаются столы для укладки парашютов. Основное его отличие от РД-54, то, что он мог раскладываться на два отделения. Основное отделение как у РД-54, только несколько больше, и на нём имелся карман для дополнительной фляжки с водой. А вот ниже, по сути,

имелся ещё один рюкзак, он не имел жёсткой основы. Но имел дополнительные ремни, для крепления на бёдрах. Ведь как у нас устроен любой рюкзак, вся нагрузка идёт солдату на плечи. А мы нагрузку распределили, часть на плечи, а часть на бёдра. Дополнительное отделение предназначалось исключительно для боеприпасов. Там было несколько секций, отдельно для гранат, и отдельно для патронов. Солдат мог, не снимая рюкзака, брать боеприпасы. По мере опустошения он мог сворачиваться и пристёгиваться кнопками к основному отделению. Со всех четырёх сторон имелись стропы для крепления дополнительных грузов. Во время марша не нужно меховое обмундирование, его можно снять и закрепить на рюкзаке. И он не был громоздким. До сих пор валяется у меня дома.

4.1.8. Кызыл-Кумы.

Через недели, как это и было по плану, рота пошла в пески Кызыл-Кумы. Здесь уже с выполнением тактических задач. И рота шла не в полном составе, а по группам. Паёк выдавался мной только на одни сутки. Смогла группа грамотно организовать и правильно провести засаду, значить захватила себе паёк ещё на одни сутки. Не смогла, извините, ешьте то, что найдёте в пустыне.

В нашей книге по выживанию было написано: «Всё, что бегает, ползает, летает, и плавает пригодно в пищу». Мне в нагрузку от штаба бригады дали с собой начальника химслужбы. Видимо для того, чтоб присматривал за мной. Всё-таки он майор, а я старший лейтенант. Хороший офицер, но не спецназовец. Мне сразу сказал: «Игорь делай всё, что считаешь нужным, я тебе мешать не буду».

Разбросав группы по их задачам, я по дороге подстрелил двух зайцев, но для нашей компании это было маловато.

Старшина роты, прапорщик Ломакин, с помощью силков из обыкновенной проволоки наловил штук восемь сурков. И мы сделали прекрасное жаркое, надоело уже сухие пайки кушать.

Как мы не уговаривали майора, отведать блюда, он на отрез отказался, с обречённым видом сидел и в одиночку ел тушёнку из пайка.

На ночь мы устраивались следующим образом. Ломали саксаул, его вокруг было великое множество, а по теплоотдаче он уступает только углю. Так, что с дровами в пустыне гораздо лучше, чем в горах, да и вообще в пустыне проще работать, но это зимой, а летом всё на оборот.

Так вот накладывается большая куча из саксаула и

поджигается, горит она часа два. Когда остаются тлеющие

головешки их надо ровным слоем рассыпать по песку, толщиной сантиметров пять. Затем всё это засыпается слоем песка, сантиметров десять. И всё тёплая лежанка на всю ночь готова. Ребята даже куртки снимали, просто сверху укрывались ими. Но был и курьёзный случай. Среди ночи дикий крик. Просыпаемся и ничего не можем понять.

Солдат вопит и бегает кругами, а из заднего места дым идёт. Его поймали и стянули штаны. Оказывается, он ночью крутился, крутился и задним местом песок разгрёб до самых углей. Меховые брюки начали тлеть. Солдат почувствовал боль, но спросонья не мог понять, в чём тут дело, вот и начал носится вокруг лагеря.

Последним этапом учений, для групп, было отыскание тайника. В котором, естественно, лежали пайки. Мы вырыли ямы, отдельно на каждую группу. Сверху закрепили саксаул, и замели все следы. Землю из ямы плащ-палатками унесли метров за 300. По радио дали группам координаты и описания тайников. Все группы проделали одно и тоже. Выйдя в точку вместо того, чтоб тайник искать по описанию, видимо очень голодные были. Бросались перекапывать пустыни в том месте, где был высыпан песок. Потом, минут через 30–40 видя безуспешность поисков, возвращались на исходную точку, и без труда минут за 10–15 находили тайник. Пустыня показала, что сапоги предпочтительней ботинок. Сапог выше, меньше попадает песка, да и если он туда попал его быстрее можно удалить. Сдёрнул сапог и всё, а попробуй, расшнуруй, а потом зашнуруй ботинок.

4.1.9. Граница.

В конце весны 1976 года Москва проводила проверку Среднеазиацкого пограничного округа, штаб его размещался в Ашхабаде. От нашей бригады привлекли две группы, обе возглавили командиры рот. Одной командовал Юра Цыганов, другой я. Юра со своими ребятами шёл через границу в районе г. Кызыл-Арвата, а я в районе Ашхабада.

Как порой странно закручивается судьба. Когда-то я здесь жил, учился. Отец охранял границу. А теперь мне, сыну пограничника, предстояло проверить надёжность этой охраны.

Меня и двух солдат, что я взял с собой, разместили в гостинице на территории какой-то мотострелковой части. Встречал нас с поезда и размещал офицер Ашхабадского разведпункта. Никто в штабе погранокруга не должен был знать для чего мы прибыли. Под вечер появился пожилой полковник

пограничник, представитель Москвы. Он поставил мне задачу и вручил деньги на такси.

Нам предстояло, взяв такси, выехать из города и добравшись до железнодорожной станции Анау, это на восток от Ашхабада, уже пешком идти на прорыв границы. Когда мы выехали на восточную окраину Анау, я попросил остановить, водитель заволновался. Тут заволнуешься: ночь, окраина небольшой станции, и три здоровенные морды. А когда, выйдя из машины, мы пошли в ночь, он с любопытством смотрел нам вслед. Так как мы шли в некуда. Я повёл ребят на север, в сторону пустыни Каракумы. Когда машина, развернувшись, ушла, мы тоже повернули на 180 градусов и пошли к границе. Шли вдоль дороги, я не имел права выбирать маршрут, а идти только так, как мне было приказано. Шли весь остаток ночи, прячась в ямы и кусты при прохождении редких машин. Под утро я увидел впереди КПП пограничников, они на нём проводили досмотры машин и людей. Сделав большую петлю, мы обошли КПП и прямо по дороге пошли в сторону кишлака. Уже было совершенно светло, и прятаться было бесполезно. До границы оставалось 5–6 км. Нам была поставлена задача, зайти в кишлак и спросить где граница.

Когда я сказал инструктировавшему нас полковнику, что это глупость. Кто на границе спрашивает, где граница? Он ответил, что проверяют не нашу способность пройти через границу, а пограничников и местных жителей, как последние реагируют на появление чужих людей.

Мы не дошли до кишлака метров 500. нас догнал шедший от КПП легковой автомобиль УАЗ. В машине было только два человека, солдат-водитель и капитан пограничник, как в последствии оказалось заместитель начальника комендатуры. Убегать было бесполезно, вокруг совершенно ровная местность, до сопок километра три. Не дали бы они нам их пробежать. Тогда вход пошёл второй вариант, не предусмотренный Москвичами. В случаи задержания мы сразу должны были представляться, кто мы есть на самом деле. Да и в кармане у меня лежало удостоверение офицера. Но это было слишком просто и не интересно.

Пока нас догоняла машина, я успел ребят проинструктировать. Сказал, говорить, что мы геологи и идём в кишлак за хлебом. А лагерь наш располагается 8 км западнее этой дороге. Почему там, да потому, что по карте было видно, прямой дороги туда нет. Как я уже говорил, в трёх километрах начинались сопки. Они сплошной грядой уходили в обе стороны, и на север и на юг. И получалось, что для того, чтоб попасть в

указанную мной точку, надо было проехать до Анау, а затем, выехав на другую дорогу, возвращаться на юг. Уловка сработала. Капитан, выйдя из машины, потребовал наши документы и разрешение на нахождение в нулевой зоне. Есть такая зона впритык с границей. Её параметры не помню. Когда я рассказал ему легенду, он нас обругал, и сказал, что в нулевой зоне надо всегда иметь с собой документы. Но всё-таки довёз нас до магазина, где мне пришлось покупать никому не нужный хлеб. А затем он отвёз нас на КПП, которое мы утром благополучно обошли. Посадив нас в тени дерева, капитан, извинившись, сказал, что придётся подождать, пока они, что-то проверят. Я пытался возмущаться, и как мне кажется, довольно искренно. Предлагал ему проехать к нам в лагерь, где недоразумение будет разрешено. Что он никуда не поедет, это было ясно сразу, и я надеялся, что он нас отпустит.

Без какой либо охраны мы просидели часа два. У меня была мысль оставить ребят, а самому под предлогом, что иду в туалет, сбежать. Всем уйти не получилось бы, с КПП в нашу сторону периодически посматривали. Очень хотелось побегать. Уж не знаю, какая сила удержала меня от этого. И, слава богу. Оказывается, в тот день на границы, был реальный прорыв. И если бы я ударился в бега, могли бы и подстрелить. Но зато за эти два часа я уже основательно проинструктировал ребят. Их задача была всё валить на меня. Они мол, командировочные, из Чимкента, один из них на самом деле был из Чимкента. Ничего не знают, приехали только два дня назад.

Нас забрали и повезли. И я, спустя много лет, опять попал туда, где в детстве меня учили плавать, в комендатуру Комаровку. Сначала по одному допрашивали моих ребят, но они с задачей справились. Их держали минут по пятнадцать. А затем вызвали меня. И допрос уже шёл около двух часов. Я назвал вымышленную организацию. Сказал, где она находится в Ашхабаде, город я знал хорошо. У меня потребовали телефон. Я наобум назвал цифры. Допрашивающий, видимо оперуполномоченный, сразу стал его набирать. Я решил, что видимо уже всё, пора сдаваться. Но мне везло, телефон не отвечал, хоть он и набрал его несколько раз. На, что я резонно офицеру отметил, что сегодня суббота и в конторе выходной, и завтра тоже выходной. Каких только вопросов он мне не задавал, но я ни разу не сбился. Даже рассказал ему, как срочную службу отслужил в Тахта-Базарском отряде, что мы с ним вроде бы и коллеги. Мне это было несложно, ведь я не только бывал почти на всех заставах отряда, и по фамильно знал многих офицеров, но и знал истинное наименование части, а оно секретно.

Когда допрашивающий выдохся, он предложил мне достать всё, что есть у меня в карманах. Вы видели бы его лицо, когда я выложил удостоверение офицера и карту с маршрутом движения. Он аж подпрыгнул на стуле, и спросил, чего же я ему голову столько времени морочил. В ответ я его спросил, какого чёрта он меня не обыскал в самом начале. Ведь никто нам не ставил задачу проверять их способности в допросах.

В штаб округа нас вёз на машине всё тот же капитан. Ему я выразил своё «ФЕ» по поводу того, как он трёх задержанных посадил сзади себя и вёз в комендатуру. Ведь будь мы враги, мы ему и водителю головы отвернули бы за несколько секунд. И потом лови нас на их же машине. «Ну, ты ж меня в округе не сдай» — попросил капитан. На, что я ему ответил, что я не проверяющий, а офицер ВДВ, и мне его «крови» не надо.

Нам категорически запрещалось упоминать даже слово спецназ. Мне в удостоверение, сразу по прибытию в часть после училища, по ошибке записали должность — командир группы. Хотя именно такая у меня должность и была, но это была грубая ошибка строевой части. На одном из строевых смотров проверявший документы офицер это увидел. У меня срочно изъяли и уничтожили удостоверение. А в новом удостоверении уже значилось, что я командир взвода.

Кстати на этих учениях, с пограничниками, мы работали в своей спезназовской форме, но она носилась без погон и положенной военной фурнитуры. Никому, даже в Армии, не была известна, и мы её запросто выдали за одежду геологов. Только ботинки поменяли на кроссовки.

В штабе округа мы встретились со второй нашей группой. Их задержали на подходе к границе. Местность была совершенно открытая, не спрячешься и не убежишь. Кстати задержали их местные жители вооружённые охотничьими ружьями.

Нас завели на беседу к командующему округом. Поблагодарив нас за усердие, он всех наградил знаком «Отличный пограничник» — 2 степени. На знаке был изображён пограничник, стоящий у погранстолба, но без собаки. Офицеры в бригаде долго потом нас с Юрой подкалывали, спрашивали, куда мы собаку дели, видимо съели. Кстати начальником штаба погранокруга был выпускник нашего училища.

4.1.10. Балхаш.

В конце лета 1977 года в районе озера Балхаш проводились учения с одной из ракетных бригад. И хотя с 1976 года наша бригада уже входила в состав Туркестанского военного округа, а в

Среднеазиацком имелась своя бригада, от нас затребовали одну группу.

Комбриг поставил задачу мне, а я выбрал из своей роты лучших ребят. Эти ученья интересны тем, что группа отсутствовала в части всего 26 часов. Но как я устал за эти сутки, как не уставал ни на одних учениях. Мы впервые попали в солончаковую пустыню.

Группа вылетела с аэродрома в Чирчике в 10.00 на самолёте АН-12. Так как нас было всего 8 человек, мы все разместились в гермокабину, и поэтому самолёт смог лететь на большой высоте, кроме нас в самолёте никого не было. Довольно быстро долетели до аэродрома «Николаевка» под Алма-Атой, я работал против этого объекта в 1974 году, когда был ещё командиром группы. Там пересели на ждавший нас вертолёт МИ-8. Я показал лётчику точку на карте, где нас надо выбросить. Буквально часа через полтора мы были на месте.

Как только вертушка ушла, я стал ориентироваться. Это сделать было практически не возможно, ни каких ориентиров, совершенно ровная как стол местность, с не большими холмиками. Можно было взять за точку отсчёта то место, где нас высадили, и идти на объект. Но это если лётчики не ошиблись. И я всё-таки решил точно определить свою точку стояния. Если верить лётчикам, то в 6 км от нас на юг должно быть шоссе. А вдоль шоссе всегда стоят километровые столбики. И хоть нам надо было совсем в другую сторону, я повёл группу на шоссе. И я оказался прав, нас высадили с ошибкой в 21 км. Жаль, что вертолётчики не слышали всего, что я о них говорил. Для них эти километры пять минут лёта, а нам по раскалённой пустыне шлёпать часа четыре. А главное драгоценное время теряем. Нам надо было найти расположение бригады, дать в центр их координаты, а затем устроить им «сабантуй». То есть совершить налёт и устроить как можно больше шума.

Взяв азимут, мы пошли в свой район. Пройдя около 20 км., не доходя до района, мы увидели на одном из холмиков, у разрушенного мазара, солдата. Я решил взять языка. Остановил группу, и, взяв с собой двух ребят, пошёл к мазару. Когда мы подошли, увидели, что у подножья стоит легковая машина УАЗ-469, а солдат оказался водителем. Я представился ему командиром взвода по борьбе с диверсантами противника и потребовал у него документы. Слово за слово, солдат попался очень говорливый. Он нам выложил, что возит командира второго дивизиона нужной нам бригады. А здесь оказался потому, что на этих учениях его отдали в распоряжение корреспондента какой-то военной газеты. Но машина сломалась, и корреспондент уехал на

какой-то попутке, а ему сказал ждать, пока он не пришлёт машину техпомощи. Солдат неисправность устранил сам, а теперь не знает куда ехать.

Это была просто удача. Я сказал ему, что данной мне властью, машину и его естественно, мобилизовываю на нужды нашего противодиверсионного взвода. Он даже обрадовался этому, видимо до чёртиков надоело одному торчать в пустыне. Оставив группу на месте, мы часа два колесили по району, где должна была быть бригада. Следы от машин были, но только следы. Видимо они поменяли район. Тут ещё водитель, что-то заподозрив начал ныть. Просил отпустить его, что наверно его давно ищут, и что скоро кончиться бензин. Я отпустил его, и как мне кажется, ничем ни рисковал. Бензина у него на самом деле оставалось мало, километров на 60–70. и вряд ли он сегодня попадёт в свою часть. А если и попадёт, будет держать язык за зубами, потому как столько нам рассказал про свой славный дивизион, что командир ему голову оторвёт. Оставив солдата с машиной на том месте, где мы его нашли, мы пошли в новый район.

Идти было тяжело, хоть жара и спала, но пустыня была исключительно противна. Ни такая, к какой мы привыкли. Сплошной солончак. Ровная корочка, наступаешь на неё, она продавливается, а там сантиметров 10–15 пыли, которая поднимается вверх. Ни какой растительности, и ни какой живности. Стемнело, стало ещё сложней ориентироваться. Тут ещё пропала связь с центром.

Вообще не понятно почему, в «Николаевке» представитель разведуправления округа забрал у нас наши радиостанции, которые могли работать на расстояние до 4000 км., и выдал обыкновенную пехотную Р-105. правда, с БУМ-ом (блок усиления мощности). Говорил, что они будут не далеко от нас, и так будет проще работать.

Маршрут я выдерживал только по компасу. Выберу в нужном направлении звезду, и идём на неё минут десять, а затем снова надо корректировать азимут. Небо то крутиться. Ребята шли не жаловались. 50 минут марша, 10 минут отдыха, и снова вперёд. Чтоб ускорить передвижение я решил оставить всё лишнее: рюкзаки, противогазы. Взять с собой только оружие и радиостанцию.

Мы всё сложили в кучу. Я назначил одного солдата, который останется с имуществом. Оставили ему последние две фляжки воды, и пошли дальше, выполнять задачу. Дело в том, что на карте, по ходу нашего движения, имелось пять колодцев. Один из колодцев мы, к сожалению, проскочили в темноте, а может быть,

его и не было. Ещё три оказались засыпаны песком. Жажда была невыносимая. Сунешь палец в рот, покарябаешь нёбо, а с него шелуха сыпется.

Спустя месяца три, после этих учений, в литературно-художественном журнале Узбекистана «Шарк юлдуз» (Звезда востока). Был очерк о наших похождениях. Он так и назывался «Пятый колодец». И там корреспондент, Валерий Штепо, написал, что для того, чтобы во рту была слюна, я приказал всем взять в рот маленькие камушки и сосать. Откуда в пустыне камушки? Я раздал патроны от пистолета, и ребята сосали их. Так было не много легче.

На утро вышли на пятый колодец, пройдя по пустыне около 80 км. И мы не просто шли, а осуществляли поиск противника. Уходя от маршрута и вправо и влево. В желобах, тянущихся от колодца, была вода. Но пить мы не могли, невозможно было сделать глотательные движения. Набрав воды в рот, и запрокинув голову, мы минут пять лежали и отмачивали горло. И кто бы чего не говорил, нет на земле ничего вкуснее воды. Всё было нормально, мы выдержали всё. Одно угнетало, мы не выполнили задачу.

Выйдя в точку, где нас должны были забрать. Я сидел на краю арыка, опустив ноги в пробегающую воду. Над головой было не большое чахлое дерево. Большего наслаждения в жизни придумать нельзя. Из подъехавшей машины вышел всё тот же офицер разведуправления и, извинившись, сказал, что в том районе, куда нас послали, никого не было. Они хотели нас перенацелить, но, к сожалению, не было связи, слишком далеко мы ушли. Глупость была менять радиостанции. Но я его чуть не расцеловал, он даже опешил. Думал, что я буду ругаться. А для меня главное было то, что ни я, ни мои ребята выполнение задания не сорвали. На этих учениях, к сожалению, нами управляли люди, далёкие от спецназа. Но науку, в этой пустыне, мы получили хорошую.

Вертолётом долетели до «Николаевки», а дальше, на Чирчик, неизвестно по каким причинам, мы летели в личном самолёте Командующего войсками округа. Это был ИЛ-14 с переоборудованным салоном. Около 12 часов мы уже приземлились дома. Так, что мы отсутствовали всего 26 часов, но запомнились они нам на всю жизнь.

В салоне самолёта командующего и у вертолёта работавшего с нами.

Пятый колодец

Камни «и рту это так, для самообмана. Впрочем, кто был в пустыне, знает эту уловку с камешками, не так пересыхает во рту.

Семеро смотрят на командира, ждут решения. А он, капитан Стодеревский, всматривается в карту, пытаясь хоть что-то найти для себя в этом однотонном квадрате цвета змеиного яда.

— Даже жмеи ждесь не нолжают, — шепелявя из-за перекатывающегося во рту голыша, смешно произносят рядовой Михаил Каракоз.

Не до смеха.

Днем не определишь наверняка точку стояния. Но не ждать же ночи и звезд?

Если верить летчикам, их разведгруппу выбросили вот здесь. Тогда впереди по маршруту балки урочища, а еще через семь километров — мазар и развалины. Но пройдено двадцать, а ни того, ни другого. Пусто.

Пустыни бывают разные. Редко одна похожа на другую. Свои пески и свой «язык» барханов, свой звон и зной. Эта как стол. Однажды с группой десантников я уже проходил опаленным ее краем. Краем, и то надолго запомнится. Разведгруппа Стодеревского шла сейчас к центру пустыни.

Стодеревский спрятал карту, приняв решение.

— Воду — но команде. Дозорным азимут…

Он взял южнее. Так будет длинней маршрут, но зато они «зацепят» край шоссе.

К шоссе под острым углом вышли через три часа. Чуть раньше в бинокль Стодеревский различил мазар и маячившую возле него фигуру солдата. Оставив группу, он вышел к мазару одни.

Солдат обрадовался неожиданному собеседнику. Да он и раньше не унывал. У него в машине вода. Он водитель командира ракетного дивизиона, сейчас возит корреспондента окружной газеты, а машина сломалась, и офицер уехал на попутной, — пришлет подмогу, это здесь, недалеко, вон там дивизион.

Все это Стодеревский узнал за две минуты. Вот уж, действительно, не водитель, а находка для разведчиков Ведь они ищут именно этот дивизион.

— Мы вас охраняем, сказал Стодеревский, учуяв появившуюся но взгляде солдата запоздалую настороженность.

— Да, нас охранять — это тоже ответственное дело, — заважничал солдат…

«Стоянка у «противника» здесь временная, определил Стодеревский. Где же встанут они?»

Снова раскрыта карта. Район отметается за районом. То нет воды, то нет дороги. Стодеревский берет в расчет рельеф местности, проходимость машин, возможности для маскировки.

«Здесь», — решает он. Но, помедлив, ставит на карте еще одну точку, в пятидесяти километрах от первой.

— Вперед!

Десантники идут след в след, цепочкой Замыкающим рядовые Анвар Бахтеев и Михаил Каракоз. Эти двое помоложе. Но и им не легче: песок, словно живой, струится, наполняя оставленный след.

Скорей бы вечер к скатилось с неба солнце. Такое чувство, что ты несешь на плечах этот расплавленный шар.

… Вечером «противника» в первой точке не оказалось. «Противник» ведь тоже что-то умеет предугадывать.

Стодеревский рассчитывает новый маршрут. Пугают не километры, хотя уведут они в глубь пустыни. Кончилась вода — это самое трудное.

— Значит, так,— говорит он десантникам,— До точки предполагаемого месторасположении «противника» одиннадцать часов пути. Выдержим? Вода будет в конечном пункте маршрута.

Десантники встали.

Был ли риск? Каждый, знающий пустыню, скажет: «да». Каждый, знающий капитана Стодеревского и его подчиненных, скажет: «нет».

Кто-то из офицеров-сослуживцев так в шутку охарактеризовал Стодеревского: «Сто девяносто сантиметров доброты при девяноста килограммах мускулов.» Бытует у спортсменов и десантников понятие «лишний вес». А Игорю Юрьевичу и этих девяноста мало. Каждый в части знает о его свинцовом поясе. Ежедневно утром и вечером надевает его на себя для четырехкилометровых пробежек. А свинца там без малого двадцать килограммов.

Боксер, он зажег солдат этим видом спорта, и теперь в роте пятеро перворазрядников, а двое — кандидаты в мастера. И шесть перворазрядников но самбо. И, каждый, ставя в пример командира, стремится выполнить нормативы первого разряда но легкой атлетике, парашютному спорту, стрельбе.

В общем, риска, если знать десантников роты Стодеревского, пожалуй, не было. Были трудности, но только они.

Капитан Стодеревский, рассчитывая маршрут, учел все. Жила надежда, что хотя бы одни из пяти, что на карте, колодцев окажется цел. Быстро плавилась и густела ночь над раскаленной пустыней, На смену жаре пришла духота. В таких песках нет не только птиц и змей, но даже ветра.

Песок вяжет ноги. Клянешь его, но ждешь песка, как асфальта, когда попадаешь в топи солончака. Корка рушится, проваливается, а под нею пыльная пудра. Двести-триста метров тянется солончаковый «язык».

Пустыня ровна, как стол, но в ней легко закружиться. Верь не чувству, а компасу. Ориентиром — звезда, Десять минут ходьбы — новая звезда: небо кружит свой свод над пустыней.

Первый колодец. оказался пуст. Это Стодеревский понял издали. Раз не закрыт, значит, пуст. Лишь основание из камня белеет в ночи. Посветили фонариком — метра три

глубины и сухой песок.

Снова курс на звезду.

Ко второму вывел группу точно.

— Шире шаг!

Не сказал солдатам, что здесь был колодец. Был. А сейчас они прошли низиной, лишь яма, даже троп не осталось.

Дозорные — сержант Кононенко, ефрейтор Фомин. Азимут… Вперед.

«Пить… Только не думать об этом. Сам учил солдат переключать внимание на рабочую волну. Можно на домашнюю. Значит, так. Отец. Чудной ты у меня, отец, и самый чудный. Когда меня приняли в Ташкентское высшее общевойсковое командное, ты приехал и сказал: «Вот, Игорь, и дождался я своего часа. Двадцать восемь лет в армии. Теперь со спокойной душой пишу рапорт. И укажу, что передал свое дело сыну. Прямо так и напишу. Ты понял?»

Понял, конечно, отец. И пути себе не искал легкого. Сам попросился в Воздушно-десантные войска. С Юрой Цыгановым, ты помнишь его. Тоже сейчас командиром роты у нас. Соперничаем. Меня одним с ним указом наградили орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени. Сегодня нам трудновато, отец, но не так, как бывало тебе. За твоими плечами война. Мы потом были с тобой на Кавказе, Там горы в снегах и горные реки… Стоп. О воде не думать».

— Дозорные, проверить азимут…

Новая звезда. Звезд — как шагов в пустыне.

«По времени два очередных колодца мы проскочили. Или не заметили, или их вообще занесла пустыня песками. Остался дальний, пятый. Это, кажется тот, о котором Юрий Цыганов говорил, что действует. Лишь бы так. Жажда душит ребят. Но идут шаг в шаг. Вот уж знаю, ни одни не ляжет. Камни или это желваки их скул перекатываются? Эти камни пустыни в солдатский музей бы. А что, чем не мысль — ротный музей мужества? Туда бы фото и, предположим, солдатские тетради сержанта Владимира Гуреева, что-нибудь из спортпринадлежностей самбиста-перворазрядника. В память о том, как не дрогнул, услышав выстрел в товарища, увидев в трех метрах направленный в лицо ствол оружия в руках преступника. Вступил в борьбу и скрутил. И поместить фото коммуниста сержанта Валерия Дурова.,. И Юрку привести в этот музей. Вот ведь как в жизни получается. Отец перед фронтом учился в Ташкенте на курсах. Потом Ташкентское училище закончил он, Игорь. А теперь

курсантом этого же училища стал брат Юрий. Ни много ни мало, но сообща свыше сорока лет Стодеревские в армейском строю. Странно представить отца в сорок первом в Ташкенте таким, как Юрка. Но не ржавеет душой отец, хоть Стоп. О воде — не думать».

— Дозор...

«Все. Разучились говорить. Так и в прошлый раз было. И теперь это прочно, до первых глотков воды... о воде — не думать, Скоро конец пути».

Дозорные подали знак: «Внимание!» Капитан Стодеревский, остановив группу, спешит к ним. Уже с полпути слышит слабый дальний гул — словно назойливый жук в вышине. Кольнули тьму лучики приглушенных светомаскировкой фар. Колонна. Кажется, рукой подать, с три километра. На деле же все пятнадцать,— так всегда здесь, в пустыне.

Шум смолкает. Так и есть: «противник» выбрал эту вторую точку. Подошли к «противнику» — тихо. И будто нет за спиной этой трудной ночи. Нашли! Взяли все-таки «противника» на поводок! Уточнили точку стояния, силы, все, что надо. Вышли на связь.

Теперь — к колодцу. Говорят, самые трудные километры — последние. Нет. Трудны они, если задача не выполнена.

Вот и тропы к колодцу. Свежие. Не засыпанные песком.

Вот истоптанный овцами круг. Твердый круг.

Вот и сам колодец, как колпак из бетона. И сверху бетон. Быть воде.

Сбоку желоб...

С водой.

Это могло показаться странным. Никто не пил.

Это могло показаться странным тому, кто не шел без воды пустыней. А сейчас им нужно было научиться пить. Набрать в рот немного воды и сидеть, подняв голову. Терпеливо сидеть три минуты и пять минут...

Шел седьмой час утра. Поднимающееся солнце вскоре снова прикипит к зениту и раскалит добела пески.

Пора в путь. По рации десантники получили новый квадрат поиска. Трудно уходить от пятого колодца туда, где может к не быть шестого.

Надо.

4.1.11. Пленник.

Последние мои учения, перед Афганом, на которых я выступал в роли командира группы, это были ученья наших коллег, бригады осназ. Бригада особого назначения обеспечивала спецрадиосвязью разведуправление округа. Ученья совершено ни чем, ни примечательные, таких бывает несколько в году. Сложность только в том, что пехота никогда ни чего не предпринимала против нас, вроде бы нас вообще нет. А осназовцы знали, что мы будем против них работать, и принимали противодиверсионные меры.

Проходили ученья в сентябре 1978 года. От бригады выделили одну группу. Я пошёл командиром, взяв ребят со своей роты. Задача была простая. Надо было набросать точную схему расположения бригады на местности, она вышла в поле. И не давать им спокойно жить пока они не уйдут в пункт постоянной дислокации. Прибыв в район и найдя бригаду, мы дали радиограмму в центр, и организовали днёвку.

Располагались на окраине фруктового сада. Это и натолкнуло нас на мысль отправить в расположение бригады разведчиков под видом продавцов фруктов. Двое из наших ребят были узбеки по национальности. Вот они и пошли, переодевшись в гражданскую форму. Мы всегда имели её с собой. Где-то нашли старое ведро, нарвали сливы и вперёд, как это сейчас говорят, делать бизнес. Всё было нормально. Ребята часа два крутились у расположения бригады и уже собирались уходить, когда к ним подошёл офицер. На нашу беду это был особист. Он поинтересовался кто они и откуда. Но здесь всё было нормально. Ребята, изображая плохое знание русского языка, показали в сторону ближайшего кишлака. Офицер уже было, собрался уйти, но обратил внимание на кеды одного из торговцев. Правильно говорят, что в разведке мелочей нет. На носках кед были, шариковой ручкой, жирно выведены три буквы — ВДВ. Это был провал, но всё же одному из разведчиков удалось убежать.

Теперь вся наша задача заключалась в одном, освободить задержанного. Когда стемнело я, взяв с собой одного из солдат, пошёл в лагерь «противника». Охрана была слабенькая, и мы забрались, чуть ли не в центр расположения бригады. Я знал, что нас наверняка ждут. Ведь мы были из одной системы, и они знали, что мы своего человека не бросим. Но всё шло гладко. Одно было сложно, определить, где находиться палатка особого отдела. Ведь наверняка солдат там. Проверяя палатку за палаткой, двигались по лагерю. На это уходило много времени. Ведь, естественно, что в палатку мы не заглядывали, а ложились рядом, и слушали, о чём говорят. Часовых обходили. Но один из них, нас всё-таки заметил, я это понял по его поведению. Парень

оказался не дурак. Он настороженно посмотрел в нашу сторону, но, видимо поняв, что мы чужие, не окликнул, как это положено. А сделал вид, что нас не видит. Не спеша, подошёл к капониру, в котором стояла радийная машина, и зашёл внутрь. Я понял, что надо срочно уходить. Мы встали и пошли, ускоренным шагом, не таясь. Бежать было нельзя, мы привлекли бы к себе внимание. Но видимо часовой уже позвонил дежурному, и к нам с трёх сторон бежали люди. Однако путь отхода был открыт, и до выхода из лагеря оставалось всего метров 200, а в поле нас не догнать. Мы резко сорвались с места. Я бежал впереди, левея меня и чуть сзади, бежал мой солдат. И тут я со всего маху зацепился ногой за растяжку от антенны, в темноте её не было видно. Земля, высохшая за лето, была как бетон. Я разбил себе локти и колени, но это была ерунда по сравнению с тем, что вокруг меня уже стояли преследователи с автоматами на изготовку и примкнутыми штыками. Солдат благополучно добрался до группы. Ближе пяти метров они ко мне не подходили. Я поднялся. Подошедший офицер попросил не оказывать сопротивления. А я и не собирался этого делать. В боевой обстановке это было бы практически не возможно, их было человек пятнадцать. Это только в Голливудских фильмах один воюет с целой армией и побеждает.

Должен сказать, что задержание разведчика спецназа, редчайший случай. Во всяком случаи я такого не помню. А сам влип. Состояние души было отвратительное. Но, видимо щадя моё самолюбие, ни один офицер в части даже не сделал попутку меня подколоть. А при подведении итогов в части за неделю, командир бригады даже не упомянул об этих учениях. Спасибо им всем за это.

Но эти учения, а точнее моё падение, года полтора сказывалось на моей службе. Спустя недели две после них у меня появились боли в низу живота. В госпитале сказали, что я заработал себе двухстороннюю паховую грыжу. Когда на бегу зацепился за растяжку, порвал себе мышцы живота в двух местах. После этого две операции, в течение шести месяцев. А главное я не мог не прыгать с парашютом, ни заниматься спортом. После этого периода, я долго приводил себя к нормальной физической форме.

4.2. Целина.

Каждый год на армии обрушивалась такая напасть как работы по уборке урожая. В округах комплектовались автомобильные батальоны и отправлялись оказывать помощь колхозам в перевозке собранного урожая. Армия занималась не своим делом. Отправляли тысячи машин и людей. Как правило, в мало населённые местности, где местные власти не справлялись с перевозками. Это так называемая целина. Сводные подразделения уходили на три-четыре месяца. Начинали помогать на юге, и по мере продвижения уборки на север, шли вслед за ней. Там резко падала дисциплина. Солдат целый день крутил баранку и появлялся только поздно вечером. Он был по сути дела бесконтролен. Это была головная боль командиров всех степеней. Ты здесь, люди от тебя за тысячи километров, но ты несёшь за них полную ответственность. Во всём этом был только один хороший момент. По возвращению с целины машины передавались в народное хозяйство, и так обновлялся парк автотранспорта части. Нашу часть, как правило, на целину не привлекали, но в 1974 году от нас послали автовзвод, около тридцати машин.

Уже глубокой осенью, кажется в конце октября, замполита батальона майора Кондратовича и меня вызвали к командиру бригады Р.П. Мосолову. Он довёл до нас, что на наш взвод большие нарекания, со стороны командования батальона, в состав которого он входит. Полный развал дисциплины. Округ требует поехать, навести там порядок, и заменить взводного. Нам было приказано разобраться и на месте принять решение. Батальон находился в Петропавловской области Казахстана, на самом севере. До границы Омской области было около 50 км. Прибыв на место, мы представились командиру батальона. По манере держаться и разговаривать было видно, что он просто сволочь. Сразу заявил нам, что наших солдат надо бить тогда будет порядок. Я ему ответил, что у нас несколько другие методы работы.

Прибыв в свой взвод, он располагался в соседнем селе, мы увидели удручающую картину. Люди не мылись в бане уже две недели, и это на целине. Бельё и нательное и постельное грязное. У многих в белье платяная вошь. Как выяснилось, из разговора с солдатами, им постоянно не додавали продуктов. Солдату ВДВ по нормам было положено больше, чем пехотинцу, и мяса и сливочного масла. Но ребятам постоянно урезали даже пехотный паёк. Комбат со своими подручными был просто вор. А наш

взводный размазня, у нас о таких людей называли дюймовочками.

Кондратович собрал все объяснения и, забрав взводного, поехал назад в часть, а я остался наводить порядок. Это было не просто, народ озлоблен несправедливостью и просто хамством батальонного начальства. Солдат спецназа не привык к мату, во всяком случае, в нашей бригаде. Дело ещё усложнялось тем, что сельхозработы прекратились, и надо было чем-то занять людей. Сложно было первые двое суток. Мы, я и солдаты, друг друга плохо знали. Они все были с автороты. А это не совсем спецназ, просто рота обслуживания. За двое суток я смог им доказать, что приехал навести порядок, и я это сделаю.

Взвод располагался в школе, в одном из больших классов. После вечерней поверки люди сели на кровати, и многие, стали давить вшей, я такое раньше видел только в кино. Дал им слово, что завтра, максимум послезавтра, будет баня, и им поменяют бельё.

На вечерней поверке не было одного солдата, как мне сказали ребята, он возит старшину роты, который и повинен во всех вышеперечисленных безобразиях. Старшина был не наш, из пехоты. Они же меня предупредили, что он здоровый как слон и к тому же КМС по классической борьбе. Выйдя из школы, я увидел подъехавшую машину нашего взвода. Приказал солдату, водителю, подойти ко мне. Представился ему кто я такой, и спросил, на каком основании он отсутствует на проверке. Из кабины вылез прапорщик с явным алкогольным опьянением и стал встревать в разговор, не соблюдая ни каких субординаций. Я потребовал, чтоб он удалился и не мешал мне. Но слова на этого субъекта уже не действовали, панибратски он продолжал что-то бухтеть. Видя это, я провёл удар правой прямой в голову. Прапорщик, сломав спиной штакетник, завалился в сад. Когда он пришёл в себя, я предупредил его, что если завтра не будет бани и чистого белья, он останется вообще без головы.

Баня была. После бани и вечерней поверки я обратил внимание на то, что не которые солдаты явно под градусом. Выпить где-то на стороне они не могли, я постоянно был с ними. И спал вместе с ними, прямо у двери, на голой кровати, накинув свою плащ-накидку. Вши мне не к чему. У стены стоял, сорока литровый бидон, для воды, ребята подходили, и, черпая кружкой, пили. И тут меня осенило. Я подошёл и тоже зачерпнул, в бидоне была чистая водка, литров пять. А они ведь пили, не закусывая и не морщась, чтоб я не заметил. Гауптвахты не было так, что просто пришлось уложить их спать.

Уже мытых и не вшивых я имел право выводить их на

физзарядку. Что я и проделал наследующий день. Выведя взвод утром на улицу, я приказал бежать, но народ продолжал идти. Явно чувствовалась рука организатора. Но я уже был воробей стрелянный. Не хотите бежать и не надо, я даже не стал повторять приказание, вряд ли бы его выполнили. Так в строю, мы ушли от села километра на два. На ребятах было одето, как это и положено на физзарядку, только брюки и гимнастёрки. А мороз около десяти градусов. Смотрю, уже замёрзли, послышался ропот, что пора идти назад. Нет проблем. Я развернул взвод. Скомандовал: «Бегом марш», и сам побежал. Сзади услышал топот, весь взвод бежал. Многие стали меня обгонять, я бежал не спеша.

Наблюдая за людьми, я выявил лидеров, их было трое. Вызывая по одному, не крича, не угрожая, разъяснил им, что если и дальше так пойдёт, по приезду в часть они угодят под суд военного трибунала, как зачинщики. Но я уже требовал от них не просто не саботировать мои приказания, а оказать мне помощь в наведении порядка. Они всё поняли правильно, и все проблемы были сняты.

Надо было готовить технику к маршу на погрузку на станцию Мамлютка. За два дня мы отремонтировали все машины, которые можно было отремонтировать, была проблема с запчастями. А для остальных приготовили жёсткие буксиры. Марш на станцию, около 60 км. наш взвод совершил за два часа. Остальные взвода роты тянулись весь день, подбирая по дороге заглохшие машины. Погрузка была назначена на следующий день, какого чёрта нас притащили раньше? Видимо знали, сколько пехота будет тащиться.

Мороз крепчал, к вечеру было градусов 15. Поступил приказ, чтоб на всех машинах сняли трамблёры. Это для того, чтоб водители не угорели, заснув при работающем двигателе. Но людям негде было спасаться от мороза. Нам не представили ни места для ночлега, ни дров для костров. Я в своём взводе трамблёры снимать не стал. Люди всю ночь провели в тёплых машинах, периодически включая, выключая двигатели. А чтоб не случилось несчастья, я скомплектовал три смены наряда, каждая во главе с одним из лидеров. Они, меняясь, всю ночь ходили и заставляли заснувших водителей выключать двигатели и проветривать кабины. После этой ночи народ в меня поверил полностью. Они видели, как пехота мёрзла всю ночь, несколько человек поместились в наши машины. А утром ещё и оказалось, что около десятка машин пехоты с размороженными двигателями. Трамблёры сняли, а воду не слили.

Утром подогнали эшелон, и началась погрузка. У нас заранее

были сформированы крепёжные команды, и они имели всё необходимое. За двое суток до погрузки я посылал машину на станцию, и ребята привезли и крепёжную проволоку, и деревянные колодки. То есть мы выполнили формулу «3-и П». До обеда мы закрепили всю свою технику и, сдав платформы железнодорожникам, ушли отдыхать в классный вагон. Нам полагалась только половина вагона, поэтому мы сразу её отгородили плащ-палаткой и выставили наряд. Остальная рота грузилась весь день и ещё полночи, а мои ребята спокойно спали.

Когда я пришёл и доложил комбату о том, что всё сделано, он, похвалив меня, предложил на следующий год место в его целинном батальоне. На, что я ответил, что если бы у меня душа лежала к сельскому хозяйству, то я бы поступил в сельхоз институт, но у меня, однако, за плечами военное училище. И каждый должен заниматься своим делом.

Через несколько дней мы благополучно разгрузились в Чирчике. Я написал командиру бригады рапорт по деяниям целинного комбата, но, по неизвестным мне причинам, в штабе округа хода ему не дали.

Командуя группой, я получил свой первый орден. А было это так. Если у офицера подразделение, которым он командует, два года подряд является отличным, ему положено присвоение очередного звания досрочно. На меня, и ещё на целую группу офицеров, послали документы в 1973 году. Так делалось каждый год, и досрочные звания приходили. Документы ходили долго, и офицеры досрочные звания получали чуть раньше, чем по сроку, но главное в личном деле делалась запись, что, звание получено досрочно.

В этот раз пришли досрочные звания только на замполитов рот. Мосолов, когда узнал об этом, запретил, больше отправлять на досрочные звания, если не всем, значить ни кому. А мне сказал, что пошлёт на орден.

В 1974 году как раз был введён новый орден «За службу Родине в Вооружённых Силах», был он трёх степеней. Этот орден третей степени я и получил в конце апреля 1975 года. Кроме меня в бригаде этот орден получили ещё трое: мой друг и однокашник Юра Цыганов, мой товарищ и будущий командир отряда Сергей Шапиро, начальник штаба отряда Василий Васильевич Колесник, будущий Герой Советского Союза, главный организатор операции по взятию дворца Амина.

КРАСНАЯ ЗВ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ С

ЗА СЛУЖБУ РОДИНЕ

БОЕВОЙ РИТМ

Старший лейтенант Юрий Цыганов готовился к очередному занятию по огневой подготовке. Перед ним лежала учебная, методическая разработка, приказания еще из училища, опросник. Вежливо прикл. и работе не клеилась. Командир взвода хотел провести огневой урок с высокой эффективностью. Для этого нужно было внести в него дух состязательности, заинтересовать личный состав, усложнить условия отработки учебных задач и боевых нормативов. Принимался и так и сдал, но внутреннего удовлетворения не получал. И тогда он собрался и пошел за советом к старшему лейтенанту Игорю Стодеревскому. Явился в самый раз. Стодеревский обрадовался приходу друга, потому что тоже «колдовал» над планом-конспектом огневого урока в роте.

Девять лет дружат офицеры. Их дружба родилась еще в курсантские годы в стенах Ташкентского высшего общевойскового командного училища имени В. И. Ленина и продолжается здесь, в полку. Подразделения, которыми они командуют, носят почетное звание отличных. За высокие успехи в боевой и политической подготовке офицеры награждены орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени. Их считают грамотными и опытными командирами, но они не почивают на лаврах, не довольствуются этим. На партийном собрании, обсуждавшем задачи коммунистов батальона в свете решений XXV съезда КПСС, Цыганов, например, сказал:

— Нам еще много надо сделать, чтобы повысить качество, эффективность учебы. Главный недостаток в том, что занятия порой проходят вяло, неинтересно, без напряжения.

В тот раз они вместе обдумали пути проведения занятия.

Итог огневого урока превзошел все ожидания. Солдаты и сержанты отрабатывали учебно-боевые задачи с азартом.

Поиск продолжался. По инициативе комсомольской организации было проведено состязание под девизом «Каждый выстрел — в цель». Всюду появился и победитель. Лучшим стрелком стал старший сержант Ю. Аплобель.

Или вот другой пример. На одном из занятий по защите от оружия массового поражения ефрейтор С. Руденко вспомнил свежий боевой норматив быстрее других из трех покрыл. Об этом рассказал боевой листок, который здесь же, на полигоне, выпустили комсомольские активисты. И вновь эти три секунды стали для личного состава ориентиром.

Поиском резервов повышения качества занятий занимались все. В подразделениях были выдвинуты лозунги: «Каждым с отличным стрелком не должно быть отстающего», «Каждый передовой воин взял шефство над товарищем». А старший сержант А. Кребер даже стал передавать свои опыт сразу двум — рядовым Ю. Хромову и С. Гаврилюку.

Иное, однако, на занятиях у лейтенанта Стодеревского, как бы стремление к высокой интенсивности на занятиях не привело к снижению качества отработки отдельных элементов боевых нормативов. Старшие лейтенанты Стодеревский и Цыганов прислушались к этим продуктивным замечаниям, начали еще настойчивее искать пути повышения организованности и качества учебного процесса.

Проверяя подготовку к занятиям сержантов В. Кучинского и М. Галактионова, старший лейтенант Цыганов обратил внимание на методическую сторону их планов-конспектов. Оказалось, что более опытный Кучинский всегда продумал организацию тренировки с отделением. Командир взвода понял, что можно организовать соревнование под девизом «Каждому занятию — высокий методический уровень». Офицер вынес этот вопрос на служебное совещание младших командиров.

Так родилось еще одно интересное начинание. Оно сразу было подхвачено старшим лейтенантом Стодеревским, другими офицерами. По инициативе командира взвода был организован обмен опытом передовых офицеров и сержантов, проведена методическая конференция командиров взводов, их заместителей и командиров отделений.

Борьба за высокий методический уровень каждого занятия, за действенность соревнования ведется сейчас во всех подразделениях. А старшие лейтенанты Стодеревский и Цыганов опять в творческом поиске. Они заботятся о том, как удержать завоеванные позиции, что нужно сделать, чтобы их сегодняшние успехи в социалистическом соревновании стали основой для новых достижений.

Майор Л. ГОЛОВНЕВ.

Из снимков: старшие лейтенанты Ю. ЦЫГАНОВ (слева) и И. СТОДЕРЕВСКИЙ.

Фото Г. ШТОВБА.

4.3. Рота

Роту я получил осенью 1975 года, прослужив командиром группы четыре года. Стал ротным в своей родной роте. Она всегда было отличной, и при Владимире Манченко, и при Викторе Коновальчикове. Но отличных рот в бригаде много, для спецназа это не показатель. Я хотел сделать лучшую роту в части. Для этого надо было, в первую очередь, сколотить хороший воинский коллектив. Где один за всех, все за одного, как у Дюма в «Трёх мушкетёрах». Народ был подобран хороший и офицеры и солдаты. Я уже говорил, что лучших из лучших собрал в группу Рафика Латыпова, и он два года подряд занимал первое место в соревнованиях разведгрупп. В боксе мы тоже были первые. Рота бегала такие по протяженности кроссы, какие не бегало больше ни одно подразделение бригады.

Осенью 1977 года я, посоветовавшись с ротой, вышел с предложением на политотдел бригады о совершении марш-броска до Алма-Аты. Протяженность трасы -850 км. Почему на политотдел, и почему в 1977 году? Страна готовилась отмечать 60 лет Октябрьской революции. Я понимал, что просто так, бежать такую дистанцию ни кто не даст. А если это политизировать, может быть, что-то и выйдет. Мы предложили, что будем пробегать по 50 км. в день, а они должны обеспечить в местах ночёвок полноценный отдых. И могут на фоне этого марш-броска проводить любую агитационную работу. В политотделе посовещались и послали меня к чёртовой матери. Может быть и правильно.

Во всех моих начинаниях мне нужна была поддержка не только офицеров роты, но и солдат. Мне нужно было опереться на коллектив. И я стал создавать в роте комсомольскую организацию. Нет, конечно, на бумаге она была. Но понадобилось не менее полугода, чтобы она заработала. Здесь много усилий приложил замполит роты Александр Славник, по званию прапорщик, в последствии полковник преподаватель одного из военных училищ.

Прапорщик — замполит, это вообще исключительное явление не только в спецназе, но и вообще в Армии, так как это офицерская должность. Правда, он заочно учился в Новосибирском политическом училище.

У нас было заведено, на день рождение солдату преподносился торт. Мне кажется для парня оторванного от семьи, от дома, это важно.

Была ещё одна очень важная задача, поднять роль сержантов.

Роль сержанта в армии трудно переоценить. Как говорил Г.К. Жуков, будучи министром обороны: «Армией командую я, и сержанты». Но это тогда, во времена Жукова. К сожалению, в 70-х годах, роль сержантов свели на нет. Отсюда и так называемые не уставные отношения.

Младший командир, который круглые сутки находится в казарме, по сути, был отстранён от исполнения своих обязанностей. Наплодили все возможных приказов, на уровне министерства обороны и округа, где упор делается только на офицеров. А сержанту нельзя поручить ни какую ответственную работу. Да и подготовка сержантов в учебных частях стала не качественная. С переходом армии на двухгодичный срок службы, сержантов стали готовить за шесть месяцев. За шесть месяцев командира отделения подготовить сложно. Раньше готовили год. А ведь в случае начала войны, в спецназе, предусматривалась выброска разведгрупп в составе отделений. Кто будет командовать, и выполнять боевую задачу? Сержант, как не верти.

Я помню, когда отец служил, в погранвойсках солдат готовили несколько месяцев в специально создаваемых учебных пунктах. И только подготовленных их отправляли в подразделения. Мне скажут, что там иная специфика, солдат шёл охранять границу. Да ответственности больше. Но такой подход должен быть во всех войсках. Тогда и психологический барьер между старослужащим и новобранцем будет меньше. А то ведь в подразделения попадают солдаты, которых научили только ходить строем и стрелять, в сторону мишени. Это очень плохо в мирное время, и совершенно преступно в военное.

Я как мог, пытался выделить сержантов из общей массы. Ещё командуя группой, среди рабочей недели брал сержантов, а их было всего три человека, собой в город на новые кинофильмы. В армии всегда показывали старьё. В нашем отряде, в Афгане, у сержантов был свой, отдельный, день помывки в бане. Как у офицеров. Ну и конечно пытались доверять им ответственные задачи, и они, как правило, не подводили.

После кропотливой работы всего офицерского коллектива роты мы добились того, что в роте появился и сержантский коллектив. Ведь как, в основном, в подразделениях группируются люди. По двум принципам: по принципу землячества и годам призыва. Когда ко мне, пришёл солдат с жалобой, на излишнею требовательность сержанта. Так ему казалось. Я поблагодарил его за сообщение о том, что, наконец, сержанты в роте заработали. Дело в том, что он был с этим сержантом одного года призыва, и к тому же они были земляками.

Был у нас в части и драматический случай с сержантской

требовательностью. Старшина (срочной службы) одной из рот, сержант Маметов, КМС по боксу. Заметил, что дневальный, одного с ним призыва солдат, ночью поднял новобранца и заставил его чистить себе сапоги. Он отправил солдата спать, а дневальному сделал замечание. Спустя какое-то время он опять увидел туже картину, и одним ударом сломал «барину» челюсть. Конечно, это было сделано не правильно. Сержанта судили судом военного трибунала.

Заседание проходило в клубе части. Была и мать пострадавшего, но здесь номер какая армия плохая не прошёл. Это она, лично она, воспитала подонка. А сержант, по сути, встал на защиту более слабого. И выполнил свой сержантский и человеческий долг, но не тем методом. Ей это говорили прямо в лицо не только офицеры, но и солдаты. В зале заседания постоянно стоял недовольный ропот. А когда был объявлен приговор — три года дисциплинарного батальона, зал просто возмущёно взорвался. Наверно эта мама долго ещё рассказывала своим знакомым о не уставных отношениях в армии. Сына её перевели дослуживать в другую часть. А Алик, так звали сержанта, отсидев в дисбате, и уволившись из Армии, вернулся в Чирчик. Я, уже командуя отрядом, приглашал его для бесед с солдатами. Плохой пример бывает поучительней, чем положительный.

Замполит роты постоянно поддерживал переписку с родителями солдат. Только солдат пребывал в роту, ему на родину сразу шло письмо. Мы просили родителей подробней расписать его привычки и привязанности. И нам было легче работать и родителям спокойней. Я до сих пор храню пачку писем родителей солдат. Но писали нам и бывшие сослуживцы. У нас был заведён альбом «Нам пишут». И ещё было два альбома: «О нас пишут» и «Они служили в нашей роте». В первом мы помещали все публикации в прессе о роте. В окружной газете практически каждый квартал печаталась статья. Были публикации и в других изданиях. Во втором, были фотографии уволенных в запас солдат. Но право попасть в этот альбом имели не все. Только лучшие из лучших. Это решалось на комсомольском собрании.

Фото на память с увольняемыми в запас

Всё это помогало нам в воспитании солдат. На подведении итогов боевой и политической подготовки за месяц лучшему отделению вручался переходящий приз имени Эрнесто Че Гевары. В части определяли лучшую группу, а я в роте решил это делать для отделения. Вымпел ставился на тумбочку рядом с кроватью командира этого отделения. Из-за этого приза у меня были проблемы с замполитом батальона майором Кондратовичем.

Он мне доказывал. Что Че совсем левак, наша партия не совсем разделяет его взгляды. И, что мы против экспорта революции. На, что я ему отвечал, что для меня он является эталоном и как спецназовец, и как человек. Да он наверно не нравился многим у нас наверху потому как писал: «Революционный государственный деятель должен вести монашеский образ жизни. И это понятно. Ведь большинство чиновников, в особенности высокооплачиваемых, в наших странах занимается самообогащением, раскрадыванием государственной казны, берут взятки, живут в роскошных вилах, пьянствуют, развратничают». Это высказывание было актуально тогда, и на порядок выше его актуальность сегодня. Че призывал: «Живите скромно, не пытайтесь делать капитализм при социализме». Он бросил пост министра финансов в той стране, которой помог обрести свободу, и пошёл воевать в чужую страну за чужую свободу. Да он ошибался, но до конца был верен себе и своим идеалам.

«Помните, что самое главное — это революция, и что каждый

из нас в отдельности ничего не значит. И главное, будьте всегда способными самым глубоким образом почувствовать любую несправедливость, совершаемою, где бы то ни было в мире» — Эрнесто Че Гевара.

Он умер как солдат, в бою.

«Я никогда не вернусь побеждённым. Предпочту смерть поражению» — Че.

Я награждал этим вымпелом. А Кондратович забирал его с тумбочки и уносил к себе в кабинет. Дневальный мне докладывал, и я шёл на очередной раунд переговоров. В конце концов, Василий Дмитриевич сдался и оставил вымпел в покое. Уже когда он уволился в запас, а я командовал отрядом, он прислал мне два огромных письма. В которых подробно описывалась жизнь Че. В продаже, тогда, такой литературы было крайне мало. Не один вечер, видимо, просидел Дмитрич, ксерокопирования тогда тоже не было.

Была у меня ещё и стычка с начальником политотдела. Но это уже было связано с выборами в Верховный Совет СССР. Поступила мне информация о том, что в роте ночью несколько солдат употребили спиртные напитки. Мы всегда разъясняли людям, что употребление спиртных напитков подрывает боевую готовность. Я не стал разбираться кто пил, сколько пил, и почему пил, не любил я эти разборки. Поднял роту по тревоге и на марш-бросок. Пробежали бы километра три, и уже бы было видно, кто ночью праздновал. Ещё километра два и товарищам пришлось бы их нести. На марш-броске подразделение должно бежать компактно. Отстающих быть не может. Но тут на встречу попался начальник политотдела. Боже, какие у него были глаза.

Дело в том, что в этот день были выборы, а в связи с этим игры в демократию. В этот день солдат поднимали не свет не заря. И ко времени открытия избирательного участка все уже стояли перед дверями. Не обходимо было показать активность, кого обманывали не понятно, ведь ни каких наблюдателей не было. После голосования начиналась демократия, а точнее бардак. В этот день солдаты могли ходить в столовую без строя, но организация питания в наших столовых была к этому не готова. Столы накрывались по подразделениям, и приходить надо было все равно всем вместе, но без строя. Значить толпой.

И в этот день демократии я бегу с ротой марш-бросок. Я попытался вывернуться. Сказал, что мы всем коллективом посвящаем этот марш-бросок как раз выборам.

Нач. ПО сказал, чтобы я не морочил ему голову и разворачивал роту назад. У меня с ним были не плохие отношения, и всё прошло без последствий. Он нигде об этом не

сказал ни слова.

Помню в соседней роте, командир отряда Сергей Шапиро, проводил примерно такую же воспитательную работу. К нему в кабинет привели двоих выпивох, они уже отсидели на гауптвахте. Спросив, что пили, сколько, и чем закусывали он, дав деньги старшине роты, отправил его в магазин. По прибытию всё это выложили на стол и предложили нарушителям всё это употребить. Они отказались, но комбат приказал делать то, что они делали в прошлый раз. Жалко на этих ребят было смотреть. Как сидеть и выпивать, если за этим действом наблюдает всё командование отряда. После «банкета» комбат разрешил им посидеть в курилке, покурить полчаса, а затем вызвал и сказал, что сейчас я вам докажу, что вы подрываете боевую готовность. Приказал командиру группы: «Полная выкладка и на марш-бросок в 6 км».

Пока они бежали, построили отряд. Нарушителей поставили перед строем, и комбат коротко сказал: «Мы часть постоянной боевой готовности. В любой момент может поступить сигнал боевой тревоги. В состоянии ли эти два наших товарища сейчас вести бой? А ведь придётся бежать не 6 км, а гораздо больше». Провинившиеся ели держались на ногах. Уже позже в Афгане я очень жёстко спрашивал с любителей «зелёного змия». Спиртное в боевой обстановке не допустимо, ведёт к неоправданным потерям.

В роте был создан комитет по борьбе с курением. Я всю свою службу боролся с этим злом. Нет, мы не заставляли ни кого бросать курить. Проводилась пропаганда, а самая лучшая пропаганда это кроссы. Когда солдат прибегает на финиш, ходит, отплёвывается и говорит: «Всё надо бросать курение, тяжело бежать». А главное было не дать закурить тем, кто до армии не курил. У меня в роте, а затем и в отряде, из вновь прибывших солдат, составлялись списки не курящих, И горе тому сержанту, у которого солдат закурил. Будучи уже командиром полка я поощрял офицеров, которые вели здоровый образ жизни. Тому, кто в течение года не болел, двое суток к отпуску, а тем, кто не курит ещё трое. Права увеличивать отпуск я не имел, но выход нашёл. Я отправлял офицера в отпуск, а приказом отдавал позже. Да нарушал, но считаю, был прав.

«Посеешь заботу — пожнёшь инициативу». (Пословица).

Ещё очень важным делом было организовать досуг солдата. Да они ходят в увольнение, но ведь это только пятнадцать процентов от всего состава. Больше нельзя боеготовность

подрывается. Солдату надо дать отдушину. Он должен знать, что, прозанимавшись всю неделю боевой подготовкой, в выходные хорошо отдохнёт. Тогда и отдача будет лучше.

Я ещё лейтенантом, организовал своей группе поездку в Ташкент, на концерт Словацкой эстрады. Но это было сложно. Концерт заканчивался поздно, и на автобус в Чирчик мы не успевали. Пришлось остаться ночевать в Ташкенте, родное училище помогло. Так, что пришлось долго уговаривать начальство, чтоб разрешили поездку. И вообще, если кто-то думает, что вот сейчас он возьмётся за такую, как он думает, не обходимую работу и все сразу начнут ему помогать. Чёрта с два, хорошо, если б не мешали.

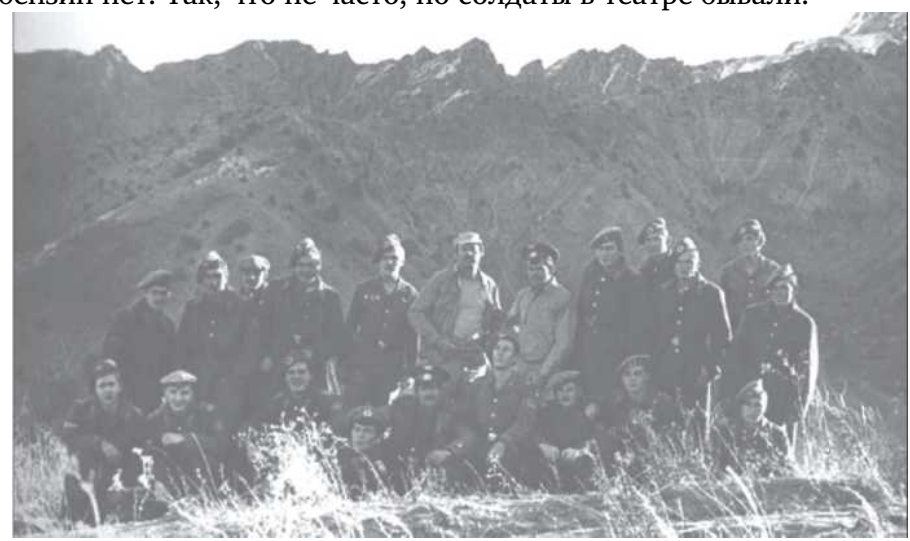
Триединая задача командира любого ранга это:

— боеготовность подразделения или части, кто бы этому не мешал;

— проталкивать наверх толковых, перспективных подчиненных;

— и топтать дрянь.

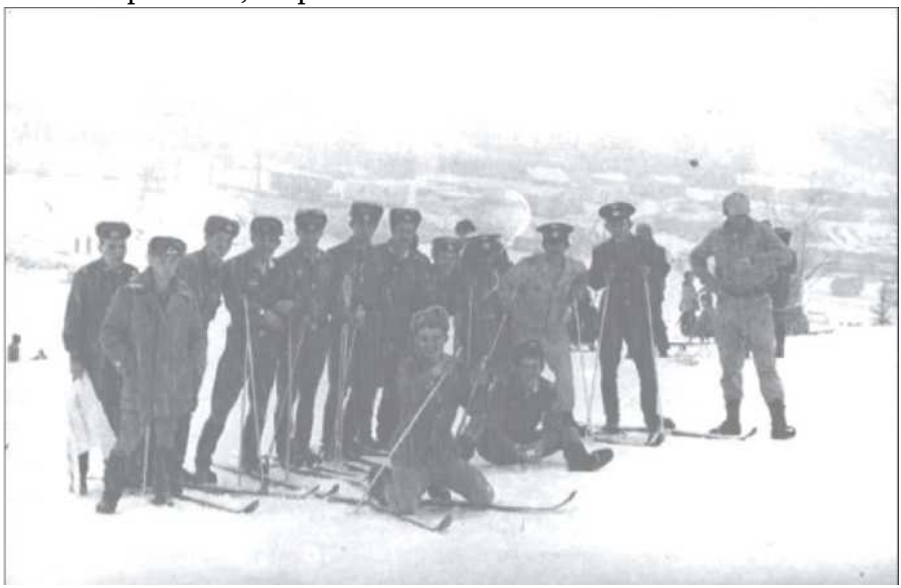
Став ротным, а затем и комбатом я стал вывозить людей в Ташкентскую оперетту. Заказывались машины. Мы заправляли их бензином, который сами доставали через знакомых, комбриг который пришёл на смену В.В. Колеснику, машины давал, а бензин нет. Так, что не часто, но солдаты в театре бывали.



На склонах Большого Чимгана. Справа от меня прапорщик Куликов.

Зимой, в одно из воскресений, я вывез роту на Чимган, это вершина, на склонах которой были оборудованы трассы для

горных лыж. Лыжи у нас в бригаде были, правда, не горные и не очень качественные, но кататься было можно. Но после катания, спустившись с гор на бренную землю, кросс 20 км. Так, что в часть не приехали, а прибежали.



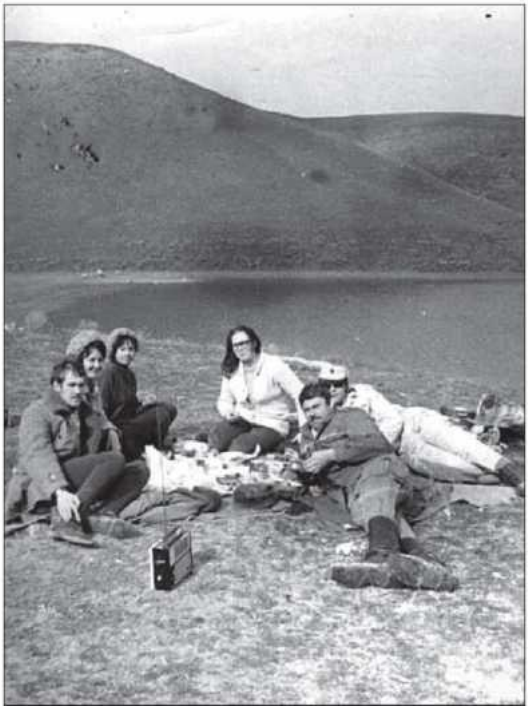
Перед спуском, третий справа, старшина роты прапорщик Ломакин.

Фото под канатной дорогой

Перед забегом на 20 км.

Молодец не отстает

Кстати зимой мы часто проводили занятия по тактике на лыжах. Я, впервые то, и встал на лыжи в Чирчике. Но освоить их, так и не освоил, не часто зима нас баловала хорошим снегом.Летом мы выезжали всей ротой, а офицеры брали ещё и семьи, на рыбалку. На одних из учений мы нашли в предгорьях красивое озеро. Вот там и разбили свой лагерь. Но рыба, по не понятным причинам, клевать категорически отказалась. Уха была под срывом. На краю озера был большой плёс. Где глубина была всего сантиметров 10–15, там пастухи поили свои отары. Я вспомнил свои детские походы на озёра за рыбой и приказал сделать не большую дамбу, из ила. Это было несложно. Минут за тридцать мы отделили плёс от озера, оставив не большой проход в дамбе. Поиграли в футбол и сделали завтрак из тех продуктов, что привезли с собой. Всё, что осталось от завтрака, бросили в плёс. Народ разбрёлся по берегу озера, единственно я запретил подходить к плёсу. Часа через два мы закрыли проход в дамбе. Залезли, намутили воду и вся рыба, что пришла на кормёжку всплыла. Так, что рыбу мы наловили руками, а не удочками. А было её столько, что хватило бы на две ухи.



Офицеры роты с женами, крайний слева Александр Латышев.

Рота на рыбалке. Слева от меня, в светлой форме, замполит роты Махотин.

Став командиром отряда, я приказал наладить шефские связи. Одну роту закрепили за медицинским училищем, а другую за индустриальным техникумом, в то время уже произошли сокращения, и в отрядах осталось только по две роты.

Один из бригадных начальников, когда я утрясал вопросы выходов личного состава на дискотеки в подшефные организации, мне цинично сказал: «Что Стодеревский, решил породу в Чирчике улучшать»? На, что я ему отвечал, что занимаюсь всегда только одним, повышением боевой готовности. Дай солдату, а потом с него возьми. Вместе с девушками из этих учебных заведений мои ребята сделали не плохой концерт художественной самодеятельности, и выступили перед всей бригадой.

Одна из групп моего отряда являлась группой специального оружия. В бригаде сократили отряд специального оружия, и в состав каждого отряда ввели такую группу. Так вот эта группа была ещё и не штатным оркестром бригады. Так, что организовать художественную самодеятельность, это было для нас не проблема.

В бригаде был клуб, и даже начальник клуба, но кроме кино там никогда ничего не показывали. Видимо у политотдела были другие, более важные задачи.

Ребята играли и на всех свадьбах офицеров бригады. Помню ещё, будучи ротным, я отличился, кажется, была свадьба Сергея Харламова, хороший подтянутый офицер, китаист. Впоследствии, после окончания Академии Советской Армии долго проработал в Китае. Так вот на этой свадьбе я весь оркестр, то есть подчиненных, как раз Харламова, напоил шампанским. Он до сих

пор об этом с возмущением вспоминает, ведь я наливал им по взрослому. Неправильно конечно, но мне очень хотелось, чтобы на свадьбе всем было весело.

Сколачивали и офицерский коллектив. Выезжали с семьями, когда я командовал и ротой и отрядом, на отдых в горы и, как правило, в те места, где бывали на учениях. Это и Угамское ущелье, летом оно в нижнем течении реки Угам вполне доступно. И роща в урочище Сурената на высоте 2000 метров, она примечательна тем, что там растут берёзы. В низу в долине их нет. Правда, местность, где расположен Чирчик. Если и можно назвать долиной, то горной. Бригада находилась на высоте 850 м. над уровнем моря.

Иногда, по воскресеньям, старшина роты прапорщик Ломакин (он потом был в моём отряде в Афганистане) брал ведро, и мы всем офицерским коллективом шли пить пиво.

Это был основной наш напиток, жара под 40 градусов, и под него можно долго вести спокойный мужской разговор. Почему с ведром? Да потому, что летом в Чирчике за пивом надо было выстоять большущую очередь. А здесь взял сразу ведро, разлили по кружкам, а ведро снова в очередь. После пива мы всегда шли в гости, к кому не будь из офицеров роты. Хороший был коллектив: Саша Латышев, Рафик Латыпов, я о них уже говорил, и Валентин Ледовский. Валентин продолжительное, время после окончания Академии СА, был на дипломатической работе за границей. Погиб, при невыясненных обстоятельствах, в Москве, 13 апреля 1998 года. В Измайловском парке, у него в руке взорвалась граната.

Устраивали мы в роте и ёлку для детей, уж не знаю по какой веской причине, в бригаде ёлку не организовывали. Политотделу лень было. Ёлка как положено с дедом Морозом и Снегурочкой. Снегурочкой наряжался один из солдат.

И были катанья на санях. Снега, как правило, было мало, а саней в Узбекистане и в помине нет, но мы вышли из положения.

Ребята взяли обычную телегу, такая у нас была на хоздворе, фанерой закрыли колёса, почти до земли, и на фанере нарисовали полозья. Детвора была в восторге. Телегу таскал ишак, а точнее ишачка. Её сын, Яшка, был особой достопримечательностью бригады, но об этом позже.

Фото на память с Дед Морозом и Снегурочкой (фамилию солдата к сожалению не помню).

Для детей ёлка 1-го января, а в ночь перед этим как это и положено, Новый год с личным составом. В бригаде было заведено, что все офицеры обязательно должны поздравить своих подчиненных, и именно в Новогоднюю ночь.

На Новый год с солдатами роты. Слева от меня замполит роты Махотин.

Новый год мы встречали, как правило, дома у кого-нибудь из офицеров. За исключением замполитов, они в эту ночь должны были находиться вместе с солдатами, и организовывать праздник. Так вот ровно в 12.00, выпив бокал шампанского, мы, оставив, наших дам, бежали в роту поздравить солдат. Как правило, офицеры ротного звена, жили в военном городке, рядом с частью.

В каждой роте были накрыты столы, разрешалось всё кроме спиртного. И в этот день разрешалось отбой производить, сейчас уже не помню, толи в час ночи, толи в два. Поздравив ребят, и выпив с ними лимонада, мы мчались назад за праздничный стол.

Солдатские казармы у нас были щитовые, и мы прилагали максимум усилий, чтобы сделать более, менее нормальный быт солдат. В ленинской комнате находился большой аквариум, а общеизвестно, что простое созерцание рыбок в нём, частично снимает стресс. Мы решили в одном из углов казармы сделать большую клетку для волнистых попугаев.

Мне казалось, что солдату будет приятно засыпать под их не громкий щебет. Да и днём приятно наблюдать за их вознёй. Но только мы начали строить клетку, как прилетел заместитель по тылу бригады и приказал всё убрать. Оказывается попугайчики, разносчики разных болезней, видимо только в казарме. Это ещё раз подтвердило то, что у нас не любят, когда кто-то высовывается.

Но цветник перед казармой у нас был лучший в части, цветы запретить не могли. Было много кустов роз, и чтобы их не срезал, кто попало, я был вынужден, дневального по роте держать не внутри казармы, как это и положено, а снаружи. И только с моего разрешения женщины из штаба бригады могли нарезать себе букет. Командир отряда Сергей Шапиро в шутку меня даже пасечником обзывал. Наверно было странно смотреть, как командир роты спецназ с ножницами в руках обрезает кусты. Я любил, да и сейчас люблю ухаживать за цветами. Это здорово успокаивает нервы. Пространство не занятое розами было отдано каннам. А в Чирчике они вырастали в высоту до полутора метров. Стояли стеной и были ярко красного цвета.

Но всё это конечно вторично, на первом месте была боевая подготовка. Я уже подробно писал о ней, добавлю только несколько штрихов. За казармой, для метания ножей, мы установили мишень из железнодорожных шпал в человеческий рост. И хоть в программе боевой подготовке нет такого упражнения, солдата мы этому учили. Ножи там свистели весь световой день.

Метание ножей. Слева от меня Юрий Цыганов

Мы с Юрой Цыгановым часто устраивали по воскресеньям спортивные соревнования между нашими ротами. Там было много различных этапов и упражнений, но в конце обязательно мы с ним метали ножи.

Для метания самый лучший это штык-нож от автомата АК, тот старый, прямой как кинжал. На неделю роте хватало 10 штук, их разбивали вдрызг. Но на складе бригады, их было великое множество, и поэтому проблемы с заменой не было, главное было сдать лезвие.

В спецназе каждый офицер стремился, что-то делать лучше всех. Юра Цыганов мог пробежать кросс длиной, вы просто не поверите, в 125 км. Он покупал билет на автобус Ташкент —

Чимкент, ставил туда вещи, а сам бежал до Чимкента.

Саша Чубаров стрелял как асс из любого положения (в последствии заместитель министра обороны Таджикистана, а затем генерал Российской Армии).

А вот Федя Волох, командир группы, виртуозно метал топоры, точнее не большие туристические топорики, с расстояния около 15 метров.

Вообще высшим званием у нас в бригаде для спецназовца было, если его называли Рексом. Человек, носящий такое звание, был сплавом физического совершенства и высокого профессионализма, обладал сильными волевыми качествами и прекрасными организаторскими способностями. Такой человек являлся как бы эталоном для других, они видели, к чему надо стремиться. И важно, что такой титул сверху никто не присваивал. Он не давался официально. Его присваивала солдатская молва. Среди Рексов были как офицеры, прапорщики, так и солдаты. Я не буду называть этих ребят. Прошло много лет, что-то я забыл и могу не заслуженно кого-то обидеть.

Там же за казармой, на четырёх столбах, на высоте 2,5 метра, был установлен квадрат из досок, в который, как в люк, обязан был влезть каждый солдат. Сделать это было не просто. Надо было, подпрыгнув, положить кисти рук на плоскую доску, а затем, сделав подъём силой, влезть в проём. Не у каждого, и не сразу это получалось, но тренироваться он мог сколько угодно, далеко ходить не надо.

Весь личный состав прекрасно стрелял из всех видов стрелкового оружия, в основном только на отлично. Помню на одной из проверок, рядом с нами проводились стрельбы подразделений парашютно-десантного полка расквартированного в п. Аранча, это рядом с Чирчиком. Так вот на огневом рубеже стоял командир полка и каждому отстрелявшему на отлично вручал пять рублей, тогда это было больше чем месячная получка солдата

Когда он, по-соседски, подошёл к нам, и рассказал о придуманном им стимуле, командир отряда сказал, что нам это не походит мы страну обанкротим. Из роты у меня только четверо тогда отстреляли на хорошо, остальные на отлично. И так во всех ротах. Каждая рота минимум два дня в неделю выходила на стрельбище. Стрельба днём, а затем ночью. Несколько проблемной была только стрельба из пистолета. В спецназе каждому солдату, кроме основного оружия, по штату полагался ещё и пистолет. Стреляли и из пистолета Макарова и из АО-44, это пистолет для бесшумной стрельбы.

Обучали солдат и не стандартным приёмам стрельбы. Ну,

например, стрельба от бедра и стрельба на вскидку. Это мы старались проводить в конце каждого занятия по практической стрельбе. Иногда устраивали соревнования между офицерами или сержантами. Два человека ложатся на огневой рубеж, поднимаются все мишени, которые находятся на этих направлениях. Стрельба ведётся одиночными выстрелами. Задача как можно быстрее поразить свои мишени и затем можно переходить на мишени товарища. Получается своеобразная дуэль.

Не стандартными иногда были и проверки по огневой подготовке. Приехала комиссия из Алма-Аты, мы тогда относились к САВО, и потребовала, чтобы каждый второй, стрелял с левой руки. Мы, конечно, возмутились, стали доказывать, что такого нет в Курсе стрельб. На, что председатель комиссии заявил, что ему наплевать, что там, в Курсе стрельб. Командующий округом сказал, что у него спецназ стреляет со всех рук одинаково хорошо, и поэтому приказал так провести проверку по огневой подготовке. Выхода не было, пришлось всех офицеров, сержантов, и лучших солдат отправлять на стрельбу с левой руки, левшей в отряде оказалось всего человека четыре. Но мы с задачей справились, отстреляли на отлично. И тут новый казус. Командующий, а это был генерал армии Лященко Н.Г., за отличную стрельбу подарил бригаде, сейчас уже точно не помню, толи один, толи два вагона боеприпасов. И мы всей бригадой целую неделю не вылезали со стрельбища, было приказано израсходовать боеприпасы ещё в этом же периоде обучения. Настрелялись до тошноты.

Но стрелять приходилось не только на стрельбище. Был случай, когда я, будучи начальником гарнизонного караула, был вынужден применить оружие.

А было это так. Ко мне подошёл выводной и доложил, что один из арестованных, находящихся на гауптвахте, открыто отказывается выполнять его требования. Солдат дослуживал в армии последние дни, выйдя с гауптвахты, он должен был быть уволен. Неповиновение было демонстративным. Стоя на плацу перед входом в комендатуру он отказывался зайти в камеру, мотивируя тем, что ещё не надышался. Я подошёл и приказал ему выполнить приказ, он никак не отреагировал. Я повторил приказ сквозь зубы, и предупредил, что применю оружие. Опять ни какой реакции, он видимо думал, что я просто его пугаю. Вынув пистолет, я сделал предупредительный выстрел вверх, и, приставив пистолет ему в бок, приказал бежать в камеру. Видимо вид у меня был решительный, так как солдат сорвался с места как при старте на сто метров. Потом целую неделю было разбирательство. Ни кто до этого ещё, по такому поводу, в

карауле не стрелял. Меня пытались обвинить в превышении власти. Но как потом, оказалось, действовал я строго по уставу. В одной из статей которого, я нашёл, что при беспорядках на гауптвахте, начальник караула имеет право применять оружие сам, или даже составом караула. И меня оставили в покое.

Мне никогда в жизни, во сне не снились кошмары, открытое неповиновение подчиненного, вот это мне иногда снилось. Самое опасное в Армии это неповиновение и командир должен принять все возможные, и как я считаю, не возможные меры, к пресечению подобного.

Уже став командиром отряда, я был в наряде дежурным по караулам.

Для не посвященных, объясняю, что в каждой части есть свои караулы. Но объекты гарнизонного масштаба охраняются частями гарнизона по очереди, вот они и подчиняются дежурному по караулам. Ему же подчиняются наряды патрулей, выделяемые частями для поддержания порядка в гарнизоне.

Начальник караула доложил мне, что арестованные саботируют занятия по строевой подготовке. Как мне доложил начкар, их на это подбил курсант четвёртого курса танкового училища, тоже сидящий на гауптвахте. Открытого неповиновения не было, они просто ходили по кругу как зэки в тюрьме. Надо было что-то делать. Наши солдаты с интересом смотрели, чем же это всё закончиться.

Я погрузил всех нарушителей в машину и отвёз за город. Выгрузив их там, объявил, что мы все сейчас совершим марш-бросок 6 км. Затем демонстративно приказал двум караульным дослать патрон в патронник, и отставание кого-либо больше чем на пять метров, считать попыткой побега, и применять оружие. Ещё до выезда я предупредил солдат, что отдам приказ, который выполнять не следует.

Сам бежал впереди, за мной плотной группой арестованные, и метров десять сзади караульные. Темп был такой, что для моих ребят это был не марш-бросок, а так развлечение. А вот арестованные, основную массу которых составляли солдаты из авиационной части, километра через два начали спотыкаться. Но, снизив ещё темп, мы всё же добежали.

Да, наверно, с точки зрения законности я поступил не правильно, но я пресёк эту попытку, хоть и скрытого, но неповиновения. По прибытию в комендатуру я прочистил мозги курсанту. Когда он выходил от меня после беседы, сказал, что если бы я не бежал вместе с ними, то он обязательно бы написал в прокуратуру.

Весной 1976 года нашу бригаду переподчинили

Туркестанскому военному округу, а в Среднеазиацком стали формировать свою. Разместили её в населенном пункте Копчагай, это чуть севернее Алма-Аты. Основной офицерский костяк этой бригады составили наши офицеры. Командиром бригады назначили подполковника Груздева, у нас он был заместителем комбрига. А замом к нему пошёл Саша Ильин. Через комиссию, которая занималась делёжкой, пропустили всех офицеров бригады. Предлагали должность, спрашивали согласия. Ушло много офицеров. Меня тоже вызывали. Я настроился на перевод, надоело сидеть на одном месте. Да и то, что там замом будет Саша Ильин, меня очень устраивало. Но только я зашёл и представился комиссии, командир бригады, В.В.Колесник, мне и рта раскрыть не дав, сказал, что меня не отпустит. Мне это, конечно, льстило, но очень хотелось сменить обстановку. Я попытался, что-то сказать, но Василий Васильевич так посмотрел на меня, что я, отдав честь, развернулся и вышел из кабинета.

Передача бригады в ТуркВО имела свои и отрицательные и положительные моменты. Плохо то, что пришлось переходить на изучение другого языка. Китайский язык конечно сложный, но мы его изучали уже много лет, да и офицеров, референтов-переводчиков, со знанием именно этого языка, у нас было уже много. А тут пришлось всё ломать и переходить на изучение языка — фарси, так как бригада получило другое направление своей боевой деятельности. Туркестанский ВО прикрывал южное подбрюшье страны. Но был здесь и хороший момент. Солдаты, таджики по национальности, прекрасно понимали фарси, языки у них родственные.

Положительным было и то, что у нас резко улучшилось качество подбора солдат. Раньше мы были вынуждены работать с тем, что нам присылали. А теперь, согласно приказа начальника штаба округа, нам молодого пополнения давали человек на 50–60 больше, чем нам было необходимо. И в конце каждого периода обучения мы могли делать отсев неподходящих нам по физическим или морально-психологическим качествам. Это ещё и дисциплинировало людей. Мало кто желал из спецназа попасть в пехоту. Правда, нельзя сказать, что это были ни куда не годные люди, отнюдь нет. Как правило, в пехоте, месяца через два-три они становились сержантами. Ведь за полгода они прошли неплохую подготовку, но у нас были очень высокие мерки.

С боевым знаменем бригады

Принятие военной присяги, слева начальник оперативного Управления Власов, справа замполит отряда майор Кондратович Д.В.

Публикации о нашей роте в газете Туркестанского военного округа газете «Фрунзевец»:

РАД ПОЗНАКОМИТЬСЯ, ТОВАРИЩ СТОДЕРЕВСКИЙ

Было пасмурно. И все-таки дождь хлынул как-то вдруг, сразу, «без предупреждения». Плотный, резвый, он норовил достать даже то, что под крышей. И не успел хозяин кабинета, политработник, захлопнуть раму, как подоконник исхлестали крупные капли, тоненькая струйка воды побежала на пол. Николай Алексеевич словно и не заметил этого. Другое приковало его внимание:

— Безобразие! Кто это?.. Без подстраховки, даже без ремней на перекладине работает!

Действительно, кто-то, словно погоде наперекор, в одних трусах выскочил на спортгородок и увлеченно крутил «солнце».

Сзади нас чуть слышно скрипнула дверь.

— Разрешите?

И тут же:

—...Старший лейтенант Стодеревский по вашему приказанию прибыл.

Офицер резко опустил руку от козырька фуражки. Казалось, подчеркнул этим: «Готов слушать вас и выполнить, что будет приказано». У него смуглое худощавое лицо. Густые усы придают строгость и вроде бы делают особо гармоничной, внушительной его почти двухметроворостую фигуру атлета.

— Здравствуйте, товарищ Стодеревский. Не ваш подчиненный?

Политработник указал рукой в сторону спортгородка.

Старший лейтенант смутился. Минуту назад он ломал голову, зачем начальство вызывает его. Теперь ясно. Не хватало еще, чтоб на проступки солдат его роты указывали из кабинета заместителя командира. Подойдя к окну, Стодеревский несколько секунд смотрел на гимнаста и ответил с улыбкой:

— Никак нет, не мой подчиненный. А вообще я моих хоть отгоняй от спортивных снарядов.

— Небось на сердце легче стало... Ладно, передайте дежурному, чтоб навел порядок, и заходите.

...Неутомимый гимнаст все еще крутил «солнышко». Он продолжал соперничать с дождем. И старший лейтенант И. Стодеревский, возвратившись в кабинет, не выдержал, сказал, явно любуясь парнем:

— Хорошо работает... Придумал же! Не хочется мочить обмундирование, так он... налегке.

Я уже знал, что Игорь Юрьевич—боксер-перворазрядник, призер округа по военизированному кроссу. Поэтому его оценка «нарушителю порядка» была бесстрастной и... несколько профессиональной.

При таких обстоятельствах и состоялось наше знакомство с командиром известной в округе роты коммунистов старшим лейтенантом И. Ю. Стодеревским, удостоенным ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

С КЕМ СЛУЖБУ ДЕЛИШЬ, КОМАНДИР?

В канцелярии роты—неторопливый разговор. Речь идет о результатах переписки с родителями солдат, недавно начавших службу. Лейтенант А. Латышев словно размышляет вслух:

— Мы-то докопывались до истины, почему рядовой Хасиев замкнут, выяснили, может, кто из солдат взвода обидел его. Теперь понятно: с детства он такой.

Старший лейтенант Стодеревский бросил недовольный взгляд:

— И все же это не утешение. Не можем мы оставить Хасиева таким.

— Как его изменишь, если человек никогда не был общительным? Мать Хасиева откровенно пишет об этом.

— А вам безразлично, с каким солдатом... делить службу? От угрюмости у человека и холодок в отношении к своим обязанностям может быть... Ну, что предлагаете?

Не какое-то время воцарилось молчание. Не гнетущее. Напротив, ободряюще-творческое, что ли. Ведь решалось в какой-то мере судьба человека. Стодеревский думал о переписке с родителями подчиненных. Завели ее несколько лет назад. И командир роты еще тогда испытал чувство, похожее на то, если б овладел ключевой позицией и прочно

КЛЮЧЕВАЯ

удерживал ее. Стодеревский и теперь убежден: переписка очень помогает в индивидуальной воспитательной работе. Но помогает не механически, а заставляя искать верное решение. Случай с Хасиевым именно такой.

— Надо вовлечь Хасиева в общественную работу.

На том и порешили. Через несколько недель убедились: верно поступили. Поручили солдату рассказать о родной Осетии — вынужден он и материал подобрать, и с вопросом обратиться к командиру, замполиту или товарищам. Другое поручение — иные заботы. Чтобы разрешить их, надо идти к людям, общаться с ними.

Стодеревскому с его «ключевой позиции» видна эта медленная, порой мучительная ломка характера, и он всячески способствует ей. Вот поощрил солдата за усердие на полевом занятии.

Комсомольцу Ю. Пивкину, например, был посвящен бюллетень. Глянь на него — почти официальный документ: портрет воина, служебная характеристика, написанная самим командиром, заметки сослуживцев. Отправили этот бюллетень в коллектив, где до призыва трудился Пивкин. И многих там, на «гражданке» еще раз убедили в том, что армия, как отмечалось на XXV съезде КПСС,—настоящая школа выдержки и дисциплины.

Так же порадовали земляков старшины Алябьева, рядовых... Да стоит ли перечислять фамилии! После этого самый замкнутый спешит поделиться радостью. И командир делит ее, радость эту, среди воинов роты. Звучал перед строем письмо с завода, на котором до призыва работал младший сержант Коноплев, открытку от матери рядового Носеркина... Кто после таких добрых весточек позволит себе совершить проступок или действовать вполсилы, если в сердце запали слова о гордости земляков, наказ матери быть достойным священного имени — защитник Родины!

ПОЗИЦИЯ

Коммунисты — а их семеро в роте — используют этот благородный настрой. Кандидат в члены КПСС ефрейтор Александр Коробейников, например, в зимнем периоде обучения заслужил звание отличника боевой и политической подготовки. Правофланговым в социалистическом соревновании он является и в горячие дни летней боевой учебы. Но стал он таким не потому лишь, что старателен. За судьбой Коробейникова и других солдат виден труд командиров. А поскольку воин формируется в отделении — этой первичной «клетке» армейского организма, то старший лейтенант И. Стодеревский всегда долго думает, кому доверить отделение, как растить сержантов, повышать их роль в обучении и воспитании солдат.

«ТЕПЕРЬ Я УБЕДИЛСЯ: СЕРЖАНТЫ РАБОТАЮТ»

Случай произошел уникальный. Первый за пять лет офицерской службы коммуниста Игоря Юрьевича Стодеревского-го: на стол ротного легла бумага. Рядовой Хорошилов жаловался на командира отделения сержанта Балакина.

«Строено. Оба воина одного призыва, по второму году служат, — размышлял офицер. — Балакин справедлив, честен. Только прежде не всегда был требователен. Что же произошло?»

Вник в детали — повеселел. Вызвал Хорошилова в канцелярию, крепко пожал ему руку.

— Благодарю вас, — объявил он удивленному солдату. — Теперь я убедился, что сержанты работают как надо, по уставу.

— Я вам докладывал в рапорте, что сержант Балакин несправедлив...

— В чем несправедлив? — посуровел старший лейтенант.— В том, что потребовал от вас не отлынивать от работы, не перекладывать ее на солдат! Стыдитесь! Как старослужащий вы б еще показали новичкам пример в труде...

Хорошилов ушел. И Стодеревский подумал, что это стало уроком не только для солдата, но и для сержантов, и для самого ротного. Игорь Юрьевич видел смущение Хорошилова, а в памяти вставали первые месяцы офицерской службы, когда прибыл в часть после окончания Ташкентского высшего общевойскового командного училища имени В. И. Ленина. Принял взвод и, не очень-то полагаясь на собственный опыт, доверился сержанту Замахаеву. Покорил его замкомвзвода своей распорядительностью, требовательностью. А потом вдруг открытие: возомнил себя Замахаев незаменимым, заносчивым, даже грубоватым стал. И трудно сказать, к чему это могло привести, не замышайся заместитель по политчасти.

Уже тогда сделал для себя вывод Стодеревский: не семь, а сто раз отмерь и взвесь, прежде чем доверить человеку отделение. Он и сейчас руководствуется этим правилом. Пришла пора некоторым сержантам увольняться в запас — Игорь Юрьевич предложил на должность командира отделения... ефрейтора В. Алябьева. Стодеревскому деликатно намекали: не опрометчивое ли решение, ведь Алябьев был ротным писарем! Но видел офицер: исполнителен комсомолец Алябьев и принципален, честен и умеет организовать людей, физической его закалке позавидовать можно.

И не ошибся. Был на его душе праздник, когда Алябьев вывел отделение на первое место. Остался в памяти и другой день: комсомолец, теперь уже старшина Алябьев удостоился чести подписать рапорт Ленинского комсомола XXV съезду КПСС.

Строгий экзамен на должность командира отделения выдержал и младший сержант С. Мудраченко. Опять-таки доволен Стодеревский: оправдал Мудраченко доверие, которое ему оказано. Что роднит этого младшего командира с Алябьевым, так готовность сколько угодно работать индивидуально с солдатами.

В основном благодаря Алябьеву солдат первого года службы рядовой С. Колесник на контрольной проверке получил по всем дисциплинам высший балл. А ведь отстающим поначалу был, физически слабым.

Да, хороший сержант — можно сказать, дублер офицера, его опора. А некоторые из них вызывали у старшего лейтенанта беспокойство. Один возмутил своей пассивностью, «не заметил» неряшливо одетого солдата, потому что солдат тот не из его отделения. Другой и к своим подчиненным не предъявлял должной требовательности, особенно к старослужащим снисходителен.

Стодеревский предупредил взводных, сам поговорил с сержантами: «Замечу подобное — взыщу». И вот жалоба Хорошилова. Вроде бы тревожный «симптом» несказанно обрадовал командира роты.

«ИДУ НА ОБЪЕКТ...»

Было это зимой. Но и сейчас в подразделении вспоминают то учение, тот полевой выход.

Вокруг — ослепительная белизна, от которой режет глаза. Впрочем, они слезятся еще и от пронизывающего ветра да снежной порошн.

Старший лейтенант Стодеревский идет по следу, оставленному дозорными. Время от времени оглядывается назад, удовлетворенно хмыкает в обледеневшие усы: зря опасался за молодых солдат, выдерживают они пока эти тяжелые испытания. И ефрейтор Коробейников, и рядовые Сафиулин, Колесник, Ломакин — все идут бодро.

По правде сказать, такое передвижение лишь условно можно ходьбой назвать. Ведь по пояс, а то и по самую грудь каждый в снегу. Занятия спортом сказываются, отставших нет.

Ротный вдруг вспомнил графу из официального отчета: «Спортсменов-разрядников в подразделении—100 процентов. Из них 1-го разряда — 25 процентов, 2-го — 50 и 3-го — 25». Сейчас эти «проценты» словно приобрели конкретные очертания.

Наконец достигли перевала. Несколько минут Стодеревский всматривался в окрестные высоты, оценивал местность. Сказал, удивляясь тому, что губы на холодном ветру стали непослушными:

— Большие силы противника можно здесь задержать...

— Да, выгодная позиция, — согласились офицеры.

— Ключевая позиция...

Старший лейтенант вздохнул, то ли сожалея о необходимости оставить этот перевал, чтобы выполнять свою задачу, то ли потому, что вынужден был заняться текущими делами. Прикинул: до наступления темноты время есть. Нужно дать людям отдых.

В укромном месте, где не особенно лютовал ветер, приказал устраиваться на привал. Но посидн минуту-другую без движения — мороз проймет до костей.

— Расчистить площадку от снега!

Поручил эту работу солдатам и видел, с какой неохотой взяли они в руки лопаты. Наверное, думали: для чего эта затея? Другой группе воинов было поручено нарубить хвороста. Вырыли в песке углубление, развели костер. Когда он прогорел, выгребли угли. От земли потянуло теплом. Здесь-то они и расположились. Над их укрытием лютовал ветер, а они грелись, словно на печи. Украдкой бросали взгляды на ротного. Удивительный человек. Лишь на несколько лет старше их, а житейского опыта не занимать.

Следующий привал командир разрешил сделать в «цивилизованных условиях», в горном ауле. Местные жители удивлялись:

— Ой бой, еще никто не ходил через перевал! Как вы рисинум!

— Служба... — отвечали солдаты.

Им было приятно, что справились с поставленной задачей, что коварные тропы уступили их упрямству и воле. Теперь, конечно же, трудности позади.

Не знали они, что командир роты получил в это время приказ выполнить очередную задачу. Не слышали, как старший лейтенант докладывал свое решение. И только вновь оказавшись на пронизывающем ветру, пробиваясь через сугробы, поняли: главное — впереди. Лишь теперь осознали значимость беседы агитатора рядового Шаперова. И уже не казались им демагогическими, шаблонными слова: «Дело чести каждого из нас — проявить максимальную выдержку, инициативу...».

ШАГАЙ ВПЕРЕД, МОЯ РОТА!

— Считаю, моей заслуги в том, что рота отличная, совсем мало. Сколько я помню, она всегда была такой.

Старший лейтенант Стодеревский хитровато улыбнулся, произнес:

— В одном у нас неразбериха, в соревнованиях. То первый взвод оказывается победителем, то какой-то другой. Тут уж нет никакой традиции. Сейчас кто впереди? Взвод лейтенанта Александра Латышева...

Рассказывают, в роте обсудили задачи, которые поставил XXV съезд КПСС, и Латышев сумел сразу настроить подчиненных.

— Как ему это удалось?

— Актив во взводе дружно работает. Ну и сам Латышев внимателен к людям.

«Внимателен к людям». Мне довелось убедиться, что и Стодеревский отличается этим качеством. Увидел, как Игорь Юрьевич, осторожно держа коробку с тортом, садился в «газик». Подумалось: «Спешит обрадовать жену, побаловать дочь Викторию». А он почему-то смущенно объяснил:

— Не стрельбище еду. Рядовой Шаперов сегодня именинник. Поздравлю...

И вновь мелькнула мысль о том, что командир отличной роты коммунист офицер Стодеревский в работе с подчиненными занимает надежную ключевую позицию.

Подполковник Н. МАХНО.

«О СОЛДАТСКОМ БРАТСТВЕ, О БОЕВОЙ ДРУЖБЕ, ЦАРИВШЕЙ В НАШЕЙ АРМИИ, О ТОМ, КАКИМИ ПАТРИОТАМИ СВОИХ ЧАСТЕЙ БЫЛИ БОЙЦЫ, ХОЧЕТСЯ СКАЗАТЬ ОСОБО».

Из воспоминаний Леонида Ильича Брежнева «Малая земля».

ДРУЖБА, БОЕВОЕ БРАТСТВО

Репортаж с собрания личного состава отличной роты капитана И. СТОДЕРЕВСКОГО

Накануне собрания знакомлюсь с офицерами и солдатами подразделения. Что в первую очередь бросается в глаза? Подтянутые, вежливые, они с гордостью отзывались о своих товарищах, говорили об успехах и достижениях своего коллектива. Подчеркивали с гордостью. И с этих минут мне особенно понятны стали слова из воспоминаний Леонида Ильича Брежнева «Малая земля». «Так, может быть, это особая рота, куда тянет людей? Нет. От края до края всего советско – германского фронта, во всех мазсштабах Вооруженных Сил СССР мы слышали: хочу в свою часть! Свою роту, полк, дивизию. Люди считали особыми, самыми лучшими, в полном смысле слова родными. Выходит, из «особых» частей состояла вся наша армия».

Подчиненных капитана И. Стодеревского роднит чувство ответственности за общее дело, дружеская атмосфера сплоченного воинского коллектива, который добился значительных успехов в боевой и политической подготовке. Достаточно сказать, что рота семь лет подряд носит высокое звание отличной. Здесь служат лучшие специалисты частя.

— Влившись в коллектив, я с первых дней почувствовал, что здесь все подчинено одной цели — поддержанию постоянной боеготовности. Вся обстановка, весь ритм новой для нас жизни, строгий уставной порядок и взаимоотношения между солдатами — все призывало меня и других молодых товарищей как можно быстрее занять место в боевом расчете, отделении, бороться за честь подразделения. Рота — единая солдатская семья. С первых дней службы я здесь почувствовал себя своим человеком. На мой взгляд, это большая сила.

Краткий, но содержательным докладом открывает собрание личного состава роты капитан И. Стодеревский. Обращаясь к подчиненным, он говорит:

— Посмотрим, товарищи, Программу Коммунистической партии Советского Союза. В нее золотыми буквами вписан моральный кодекс строителя коммунизма. Как гордо, например, звучат слова: «Человек человеку друг, товарищ, брат!».

Задумаемся над тем, что это элемент. Дух дружбы—это атмосфера, которой дышат все наши воины. Она превратилась во всей многогранности: в постоянном чувстве войскового товарищества, в стремлении общими усилиями достигнуть поставленной перед нами цели, во взаимной помощи и требовательности друг к другу.

Капитан И. Стодеревский — человек большой души, отзывчивый, внимательный. Он умеет найти подход к каждому, вовремя помочь советом, поддержать в трудную минуту. Его авторитет среди подчиненных высок.

Командир роты — опытный воспитатель. Он умеет сплотить коллектив, воспитать в каждом воине чувство ответственности за общее дело, за боевую готовность роты, батальона, полка, дивизии.

Вот и сейчас, выступая на собрании, капитан И. Стодеревский говорит о том, что в роте сложились хорошие традиции. Среди них — ежедневная утренняя зарядка, физическая подготовка, занятия по боевой и политической подготовке, строевая подготовка, изучение уставов, наставлений, инструкций, занятия по специальности, стрельба, вождение боевых машин, тактические учения, марш-броски, лыжная подготовка, политические занятия, политинформации, беседы, лекции, политзанятия, изучение материалов партийных съездов, пленумов ЦК КПСС, решений партии и правительства

жант С. Кирьянов, — это когда друг помогает другу. И не только друг. Просто сослуживец. Постоянная готовность товарища по оружию помочь в любую минуту делает тебя сильней, уверенней. Правильно гласит солдатская пословица: один в бою не воин, а вдвоем с другом — взвод.

Внимательно смотрю на лица присутствующих. С них еще не сошел румянец после занятия по тактико-специальной подготовке, на котором воины действовали на лыжах. Сегодняшний мороз и резкий, порывистый ветер не помешали им выполнить поставленную задачу качественно и в полном объеме.

Вот сидит и слушает выступление сослуживца рядовой Сергей Земков. Два часа назад в поле у него сложилась ситуация, которая потребовала от него быстрого решения. Он принял его правильно. Поэтому сейчас внимательно слушает, что скажут товарищи.

Выступает командир отделения младший сержант Александр Дегтярь. Он говорит о том, что Земков — хороший специалист, дисциплинированный воин, что он всегда может рассчитывать на его помощь.

Выступает рядовой Владимир Мишустин. Он говорит о том, что Земков — его друг, что он всегда готов помочь ему в любую минуту.

Выступает рядовой Александр Андреев. Он говорит о том, что Земков — его земляк, что они вместе росли, учились, вместе пришли в армию.

Выступает рядовой Сергей Кузина

Обсуждаем письмо «По самым высоким меркам»

В письме в редакцию («Фрунзевец», 11 июня 1976 г.) лейтенант Н. Косых обращал внимание на то, что в процессе обучения и воспитания не всегда учитывается нравственный аспект. Мы уже получили немало откликов, в которых рассказывалось о формах работы по нравственному воспитанию, различных идеологических и методических приемах.

Сегодня наш рассказ об отличном подразделении, казарма которого хотя и располагается в зеленом оазисе, но службу десантники несут в основном в пустыне. Это рассказ о том, как в процессе занятий и учений формируются у воинов бойцовские качества, воспитывается характер.

Ц Е

Биография коллектива

Специальность — парашютно-десантная. Прошел с учениями через все «котлы» наших пустынь. Поэтому в своем кругу его называют «неопалимым».

Национальность — многонациональная. Это единая солдатская семья. Правда, бывают и «трещины» в дружбе. Например, половина коллектива — в секции бокса (два кандидата в мастера спорта и пять перворазрядников), а половина — в секции самбо (шесть перворазрядников и один кандидат в мастера — сержант Валерий Цуров). Но «трещина» эта становится все уже. Многие самбисты занимаются и боксом, а боксеры — самбо.

Награды — переходящие вымпелы, кубки, грамоты, орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени на груди у командира (он твердо убежден, что это — общая заслуга).

Особые заслуги — восемь лет в отличниках.

Спортивные достижения—3 года 1 место по боксу.

Хобби: 1— парашютные прыжки (это даже не любовь, а одержимость). 2—спорт. 3—оперетта. Уже в этом году подразделение пять раз выезжало в театр.

Боевой путь

Стодеревски
в самом себе.
бы открыть а
нуть», то есть
Руки — на
шире. Еще кр
И тут же
Как потом вы
парашют выл
ке кольца, на
разрешенное
лю «клюнуть»
вал в действ
— Пересчу
деревский. —
серьезно доба
Стодеревски
дит, говоря о

Форм

Он тоже из
щевойскового
один на пер
цер Владимир
мулировал гл
мандира весь
значит что к

Гр

предусмотреть
работе с люд
— Вот я в
мените меня,
говорил Манч
сейчас надо
не краснеть
Другой при
мотрев кое-к
угадали дейст
карту. Здесь
8.00 утра. Г
зацию почью?

командира

Сначала он, конечно, не был офицером. Сначала был просто Игорем, мальчишкой из Ашхабада. Его отец — офицер, прослужил в армии 28 лет, 24 из них — в ТуркВО. Уже в те времена Игорь считал себя туркестанцем.

Потом он стал курсантом Ташкентского высшего общевойскового командного училища имени В. И. Ленина, где перед отправкой на фронт учился его отец, Юрий Полиевктович. Стодеревский специально приезжал в Ташкент, чтобы, так сказать, по всей форме в присутствии командира передать сыну боевую эстафету. Перед увольнением в запас.

На третьем курсе Игорь подал рапорт о том, чтобы по окончании училища его направили в Воздушно - десантные войска. Рапорт подкрепил успешной учебой, титулом призера ТуркВО по боксу. Выполнил нормативы 1 разряда по стрельбе. «Разносторонний спортсмен», — говорили о нем в училище. Здесь ему пришлось осваивать еще один вид и боевой подготовки, и спорта — парашютные прыжки.

Слово «спорт» здесь не случайное. Известно, как настороженно поначалу принимают в свою семью десантники офицера «со стороны». Так вот, не минуло это и Игоря. Но уже через 3 года он возглавил команду парашютистов, которая в ответственных соревнованиях на первенствах ВДВ в 1975 году заняла 3-е место, а в 1976-м — первое.

При словах «парашютные состязания» кое-кому рисуются купола в небе, точные приземления и все. У десантников это не так. Ну, конечно же, есть прыжки на точность, акробатические комплексы в свободном падении. Это — начало. А дальше — марш-бросок с полной выкладкой, стрельба в ходе, метание гранат и ножей, ориентирование, определение точки стояния, нахождение в связи и т. д. И никто не может обойти Стодеревского в марш-бросках, кроссах на 20 километров. Небо не раз пробовало его на твердость.

...Это был 46-й прыжок. Сейчас их на счету Стодеревского 247, но по-своему запомнился тот.

Начало обычное: самолет с ревом набирает высоту, делает площадку. Игорь улыбается, вспоминая чей-то рассказ, как мать напутствовала сына-десантника: «Прыгай, сынок, потише и пониже».

Потише не выйдет. Средняя скорость свободного падения 50—55 метров в секунду. А Стодеревский «пойдет» к земле на пределе — он самый рослый. Ну пониже — прыгал Стодеревский и с малых высот, предельно малых, когда на размышления нет и секунды.

На этот раз 30 секунд свободного падения — это как подарок каждому, кто любит небо.

Игорь прыгал первым — таково место «тяжеловеса». Кто-то из офицеров-сослуживцев сказал о Стодеревском так: «Сто девяносто сантиметров доброты при девяноста килограммах мускулов». Бытует у спортсменов и десантников понятие «лишний вес». А Игорю и этого мало. У него есть свинцовый пояс, который он надевает на себя для ежедневных утренних и вечерних четырехкилометровых пробежек. А в поясе том без малого двадцать килограммов свинца.

Вот и нужная высота. Точка выброски. Игорь шагнул за борт.

Земля, покачивая горизонтами, летит навстречу. Тридцатая секунда, пора!

Игорь рвет кольцо, готовясь принять динамичный удар отрывающегося купола. Но вместо этого вдруг неожиданная тряска, этакий «колотун».

Письмо «Вернам»

МЕСТО СЛУЖБЫ — ЦЕНТР ПУСТЫНИ

Стодеревский в парашюте уверен, как в самом себе. Отказываться от него, чтобы открыть запасной? Нет. Надо «клюкнуть», то есть упять головой вниз.

Руки — на грудь, под себя, ноги — шире. Еще круче в пике.

И тут же сыпок открывшегося купола. Как потом выяснилось, шаровой вытяжной парашют вылетающий мгновенно при рывке кольца, на этот раз порвал в затяжном разреженное пространство за спиной Стодерского «клюнуть» и он тут же сорвался ввел в действие купол.

— Чересчур широкая спина у вас, Стодеревский, — пошутил командир. И уже серьезно добавил: — И чрезмерная мерзлота.

Стодеревский самые добрые слова находит, говоря о своих командирах.

Формула "три П"

Он тоже из Ташкентского высшего общевойскового командного училища — один из первых командиров Игоря офицер Владимир Марченко, который сформулировал главнейшие обязанности «командира весьма коротко. «Три П». Это значит что командир обязан предугадать.

И если бы только командиры так. А то каждый. И хуже всего — помогают, как больному. На кроссе, в учебе.

Через месяц, в начале марта этого года, командир при всех поднял его:

— Осознали свою вину, рядовой Болгаров?

— Осознал.

— Твердо говорите или так, чтобы отстали?

Поднял глаза. Высокий, крепко сбитый, он сам себе показался сейчас ниже левофлангового:

— Как это так «чтобы отстали»? Зачем? Осознал я.

На следующий день и всю неделю не ругались: ни слова худого о нем. Кого-то погутивают за опоздание в строй, кого-то за плохой конспект, о нем — ни слова.

«А что? За что теперь ругать? Учится умею, на кроссе не подвожу... И вообще, ни в чем не подведу», — отвечал сам себе Болгаров.

Двоих солдат направляли для подготовки мишеней на стрельбище.

— Старший — рядовой Болгаров, — сказал командир.

Выполнили там работ за шестерых.

Эти двое помогают. Джайсанбаев из здешних мест. Считай, всю флягу отдал Карагозу. Выдержат. Во фляге всего литр, но у остальных и этого нет.

Был ли в этом риск?

Каждый, знающий пустыню, скажет «да». Каждый, знающий Стодеревского и его подчиненных, скажет «нет».

Рассчитывая маршрут, Стодеревский учел все. Была надежда, что хотя бы один из пяти колодцев, обозначенных на карте, окажется цел.

Быстро плавилась и густела ночь над раскаленной пустыней. На смену жаре пришла духота.

Третий час в пути. Камни во рту десантников — это так, для самообмана. Впрочем, кто был в пустыне, знает эту уловку с камнями — не так пересыхает во рту.

Песок вяжет ноги. Кланешь его, но видишь, когда попадешь в топь солончака. Кора под ногами рушится, и под нею мыльная пудра. На 200—300 метров тянется солончаковый «альма» пустыни. Затем песок и снова солончаки.

И еще вот что плохо. Пустыня — как стол, и все-таки в ней легко заплутать, закружиться. Верь не чувству, а компасу.

Грани идейного воспитания

предусмотреть, предвидеть. И в бою, и в работе с людьми.

— Вот и предлагаю: что вскоре мы заменим меня, поручим подразделение, — говорил Манченко. — Значит, мне уже сейчас надо предусмотреть все, чтобы не краснеть за вас и себя.

Другой пример. Доучтим мы, предусмотрев кое-какие обстоятельства, представляли действия «противника». Смотрите карту. Здесь мы, а здесь они. Время — 8.00 утра. Где «противник» выберет позицию ночью?

— Здесь!.. или здесь, — неуверенно показывает Стодеревский.

— Анализируйте. Дороги. Вода. Рельеф местности. Проходимость машин. Скорость марша. Общая тактическая обстановка. Попытка обмануть нас. Условия для маскировки.

— Здесь! Нет, лучше всего здесь... А может быть...

Манченко, взглянув на часы, сказал, что ему пора в штаб.

Утром Стодеревский зашел в канцелярию роты и развернул карту:

— Разрешите? Вот здесь.

— Попробуйте обосновать.

Выслушав Стодеревского, Манченко бросил коротко: «Верно» — и тут же перевел разговор на другое:

— Так как же поступим с назначением на должность командира первого отделения?

Крутой переход. И только потом понял Игорь, что и это из той же области: нужно было, назначая командира, многое предусмотреть, предугадать, опираясь на данные о человеке, предвидеть.

— Восемь лет подразделение отличное, — говорит Стодеревский. — Пять из них — под командованием офицера Манченко ныне заканчивающего академию имени Фрунзе. Ну, а эти три года мы делаем все, чтобы оставаться верными традиции. Лично я стараюсь работать с людьми, как Владимир Андреевич Манченко.

Действительно, выражение «Сделать, как у офицера Манченко» нередко слышишь и сейчас. Вот, например, конспект. Стрельба будет через два дня, а конспект готовится сегодня. Странный на первый взгляд. Этот лист картона 100×60 см. На нем, если вкратце, все, как в обычной тетради: «Утверждаю» и т. д. Но под этим — условия упражнения, мишенная обстановка в вариантах, расстояния до целей, порядок выполнения упражнения, оценки. Так же расписаны занятия на учебных точках. Конспект потом будет помещен на стрельбище на щите, и каждый «пройдет» через него — «Сделали, как у Манченко».

«Сделали, как у Манченко».

Уж этот Болгаров...

Он был на стрельбище операторов. Должность, которая требует не только мастерства. Самодисциплины требует. Бывают такие часы, такой день, когда оператор сам себе и командир. Нет над тобой особого контроля.

У рядового Владимира Болгарова, отличного оператора, самодисциплины-то и не хватило. И раз, и два... Сняли его и направили в подразделение Стодеревского.

— А мне где бы ни служить, — пытался сохранить веселость рядовой Болгаров. Он считал, что перевод — это что-то вроде наказание в вся «переработка» уже позади. Оказалось — только начинается.

На знакомство времени не дали. С первого же часа: «Солдат нашего подразделения рядовой Болгаров допустил проступок...».

— Какой же я ваш? Без году неделя, — хотелось сказать Болгарову, но в ответ на первом же комсомольском собрании: «Комсомолец рядовой Болгаров опорочил честь...». И строгий выговор. И так по всем инстанциям: и на собраниях общих, и просто в разговорах. Сначала пытался «чихать на все», потом заверещал.

Учили: «Напортачил — умей отвечать. Делом и поведением».

— Да что я, хуже других?

Назначили ответственным за комнату бытового обслуживания. Отметили благодарностью его старание.

Это лишь один случай. Для каждого у Стодеревского свой метод воспитания, где каждый и требовательность, и доверие в тех пропорциях, что необходимы в конкретном случае.

— Ничто так не воспитывает ответственность, чувство долга, как доверие, — говорит Стодеревский, который, кстати, считается одним из самых требовательных командиров. И еще раз убеждаешься, что одно другому не мешает, что доверие и требовательность лишь дополняют друг друга.

Недавно коллектив отметил еще одно событие: Владимиру Болгарову был присвоен воинский офицерский ему назначили на должность старшего сержанта. И вот он уже пишет домой: «Коллектив наш, как одна семья, где один за всех, а все — за одного».

У моряков, когда трудно, место в лодке — другу. А что отдает десантник десантнику? Жизнь.

Можно только догадываться, что почувствует человек, не познавший войны, увидев в трех метрах от лица направленный в него ствол оружия. У сержанта Владимира Гуреева какую-то секунду жила еще надежда, что преступник не решится нажать на спусковой крючок. Но вот ствол чуть отошел влево. Краем глаза Гуреев увидел спешащего на помощь командира взвода старшего лейтенанта Валерия Болдырева.

Стол качнулся в его сторону, чтоб нападающий.

В ту же секунду Гуреев бросился на преступника.

Далее — красноречивая протокольная строка: «Сержант Гуреев четким приемом самбо выбил оружие из рук стрелявшего и сбил с ног. С помощью подоспевшего сержанта Валерия Цурова, старшего лейтенанта Валерия Болдырева преступник был обезврежен».

Если хотите точнее узнать, каким приемом и как был обезврежен преступник, приходите к ним на занятия в секцию самбо и комсомолец перворазрядник Владимир Гуреев все объяснит. Объяснит это и Валерий Цуров, молодой коммунист, кандидат в мастера спорта самбиста.

«Если товарищу грозит опасность, выручай», — таков закон жизни десантников. На это направлена вся учеба и служба, все предметы обучения. И политическая подготовка, и боевая, и физическая.

Пятый колодец

Стодеревский принимал решение. Семеро молча ждали, что скажет командир.

Их выбросили в центре пустыни. Где-то здесь должны быть ракетчики «противника». Задача — найти их и передать координаты позиции, которую те займут на исходе суток.

Пустыни бывают разные. У каждой свои пески и свой «язык» барханов. Эта же — как стол.

Вот где пригодилась наука офицера Манченко!

«Столика у «противника» здесь временная, — определяет Стодеревский. — Где же будет основная?».

Район отметается за районом. Здесь нет воды, а здесь — дорог. Стодеревский берет в расчет рельеф местности, проходимость машин, возможности для маскировки и десятки иных обстоятельств.

«Здесь», — наконец решает он. Но, помедлив, ставит на карте еще одну точку в пятидесяти километрах от первой.

И не при. Вечером в первом районе основных сил «противника» не оказалось: он ведь тоже не лыком шит.

Стодеревский рассчитывает маршрут ко второй точке. 50 километров — пол-беды. Нет воды — вот что самое трудное.

— Здесь оставляем базу, — говорит он, — с собой лишь рацию и оружие. На базе остаются рядовые Канат Джайсанбаев и Михаил Карасов. Им — «НЗ», последнюю долить воды.

Ориентиром выбирай звезду. Через десять минут ходьбы — новую звезду; небо кружит свой свод над пустыней, катит звезды.

Первый колодец оказался пустым. Это поняли сразу. Раз не закрыт, значит, пуст. Посветили фонариком: метра три глубины и сухой песок.

Снова курс на звезду.

И ко второму колодцу группа вышла точно. Но прошли, не останавливаясь, нижний, так как колодец был... когда-то.

«Пять... Только не думать об этом. Сам учил солдат переключать внимание на рабочую волну. Можно на домашнюю. Вот там — под далекой звездой — Ташкент. Там учился военному делу отец. Потом — он. Игорь. А теперь Курейптом того же училища имени Ленина стал младший брат Юрий. Им много, ни мало, по сорока 10 лет Стодеревские в армейском строю. Странно представить отца в сорок первом в Ташкенте, таким, как Юрка сейчас. Много с тех пор утекло воды... Стоп. О воде — не думать».

Если судить по времени, два очередных колодца они проскочили в ночи. Остался дальний, пятый. Это о нем перед маршем сказали, что действующий.

Жажда душит десантников. Но идут все шагом. И командир знает: ни один не остановится.

Камни или это желваки их сжал перекатываются? Эти камни пустыни — в солдатский музей бы...

Дозорные подали знак: «Внимание!». Остановили группу. Стодеревский спешит к ним. Уже с полшага слышит слабый гул в песках, словно напольный звук в вышине. Колыхали тьму далекие лучики прощупывающих светомаскировочных фар. Это колонна «противника». Кажется, рукой подать, с километра три. На деле же намного дальше. Так всегда здесь, в пустыне.

Кто-то сравнивал пустыню с огромными песочными часами — время течет, в песка я «часы» не убавляется. Да, здесь и время будто плавится. Но все-таки этот час для десантников был самым радостным: смогли они предвидеть, предугадать, предусмотреть! Взяли на поводок «противника».

Группа в сборе. Голова к голове. Сверху плащ-палатка, в центре карта и луч фонарика.

Кончиком ножа Стодеревский указывает три точки: «Мы. Они. Колодец». До колодца ближе, гораздо ближе, но он в стороне. Луч фонарика скользнул на циферблат часов: занялся утро.

— Дозор... — пытается вымолвить сержант Николай Кононенко и указывает пальцем на себя и ефрейтора Юрия Фомина.

Да, эти покрепче. Им место впереди.

Подошли к «противнику» тихо. Уточнили, что надо. Вышли на связь и передали координаты.

Теперь — к колодцу.

Говорят, что самые трудные километры — последние. Нет. Трудные они, если задача не выполнена.

Вот и тропы к колодцу. Свежие. Не засыпанные песком.

Истоптанный овцами круг.

Сам колодец, как колпак из бетона.

Быть воде...

Сбоку желоб...

С водой!

Не никто не пил!

Это могло показаться странным тому, кто не ходил без воды по пустыне. Сейчас им нужно было научиться пить. Набрать в рот немного воды и сидеть, подняв голову. Терпеливо сидеть. Три минуты и пять минут...

Шел седьмой час утра. Поднимающееся солнце вскоре снова прикинет к зениту и раскалит добела пески.

А десантникам — в путь. По рации они получили новое распоряжение. Им идти в глубь пустыни.

Они дойдут и вновь передадут в эфир точные и такие нужные командованию данные. Недаром эти люди восьмой год подряд через снега и пустыни, горные тропы и дороги, с прыжков и стрельбища ведут подразделение в строю отличных. Они красивы и духовно, и нравственно.

Подполковник В. ШТЕПО.

Обсуждаем письмо «По самым высоким меркам»

ПЕРВЫЙ ША

Энтузиазм, размах социалистического соревнования в воинских коллективах по достойной встрече 60-летия Ленинского комсомола, стремление воинов успешно завершить боевую учебу в ударном году десятой пятилетки заставляют командиров, политработников, партийных и комсомольских активистов нашего округа заботиться о повышении эффективности и совершенствовании всей воспитательной работы.

Не случайно такой большой отклик читателей получило письмо лейтенанта И. Косых «По самым высоким меркам», опубликованное в окружной газете 11 июня сего года. Своими раздумьями о нравственном воспитании воинов на страницах «Фрунзевца» уже поделились многие офицеры и прапорщики округа. Обсуждение письма лейтенанта Н. Косых продолжается. И сегодня мне бы хотелось поговорить об индивидуальном подходе — главной составной части любой воспитательной работы. А вернее сказать, о необходимости творческого отношения к этому большому и многогранному делу, умении командиров вести индивидуальную работу с подчиненными не только каждодневно, а и последовательно — по принципу «от простого к сложному». Что это дает?

Во-первых, командир и подчиненный лучше узнают друг друга. Во-вторых, успешно решаются вопросы психологической совместимости. Речь идет о формировании экипажей боевых машин, а также определении соревнующихся между собой воинов. В-третьих, и, что, на мой взгляд, самое главное — в процессе умело построенной индивидуальной работы рождается атмосфера взаимного доверия друг к другу, что во многом способствует сплочению воинского коллектива.

Именно так можно сказать о конечных результатах индивидуальной работы командиров, партийных и комсомольских активистов роты, которой командует капитан И. Стодеревский.

Грани нравствен

По чистой случайности мне довелось быть свидетелем его беседы с прибывшим в роту молодым воином. Что больше всего меня удивило — ее непродолжительность. Характер вопросов был познавательного плана: «Кто родители?», «Как здоровье?», «Переносили ли вы хирургическую операцию, когда?», «Занимались ли спортом, каким, какой разряд?», «Играете ли на музыкальных инструментах?»...

«Причем здесь операции и музыкальные инструменты?» — недоумевал я, слушая эту беседу. Но вот она подошла к концу. Молодой воин вышел из канцелярии роты, а капитан И. Стодеревский, оторвавшись от блокнота, куда делал пометки, сказал:

— Хороший солдат должен получиться из этого новичка. Я знакомился с его учетно-послужной карточкой. Рос в трудовой семье, имеет законченное среднее образование... Комсомольская характеристика отличная. По манере вести разговор чувствуется: парень все внимательно обдумывает прежде, чем ответить на поставленный вопрос...

И далее Стодеревский охарактеризовал своего нового подчиненного, как говорится, по всем статьям. Только тогда я понял необоснованность своих недоумений и, в частности, по поводу вопроса капитана И. Стодеревского, переносил ли молодой солдат хирургические операции. Все дело в специфике службы в данном подразделении. А она такова, что воины ежедневно переносят большие физические нагрузки. И, не зная все о состоянии здоровья своих подчиненных, командир никогда не проводит тренировок. Более того, капитан И. Стодеревский свято соблюдает правило: «Прежде чем воспитывать и наставлять, изучи своего подчиненного».

О том, как это делать, немало написано в учебниках партийно-политической работы, методических справочниках и других пособиях. И нужно сказать, в подразделении, о котором идет речь, умело используют жизненно проверенные формы индивидуальной работы с воинами и ее результаты в воспитании личного состава. Говоря образно, сделав первый шаг, здесь уверенно идут вперед. Примечательно и другое — творческий подход к

АГ ТРЕБУЕТ ВТОРОГО

ного воспитания

этому большому и многогранному делу.

Взять, к примеру, переписку командира с родителями подчиненных. Безусловно, работа эта трудоемкая и времени немало отнимает. Зато отдача велика.

Для командира откровенные и теплые письма родителей воинов — это дополнительный источник информации о подчиненных, благодаря которому он лучше изучает их. Для воинов же — это катализатор улучшения боевой учебы, повышения практических навыков по эксплуатации вверенных оружия и боевой техники. Словом, моральный стимул. Беды никому не хочется, чтобы его отцу и матери командир написал нелестное письмо. Это, так сказать, форма индивидуальной работы, сочетающая в себе элементы изучения личного состава и воспитательного воздействия на него.

Что касается последнего, о нем хочется поговорить более детально. Ведь чего греха таить, по сей день встречаются случаи, когда командир вроде бы и неплохо изучил подчиненных, и по мере сил и возможностей старается использовать эти знания на практике, и сплотить коллектив, повести его за собой на штурм новых высот в боевом совершенствовании не может. В итоге — подразделение из года в год в числе «средних».

На мой взгляд, одна из причин такого положения дел в том, что эти офицеры не сумели согласовать свои действия с партийными и комсомольскими активистами, а, следовательно, объединить свои знания и усилия в решении такого важного и большого вопроса. И второе, что самое главное, эти командиры зачастую не используют «ключики», которые они же сами подобрали к сердцам своих подчиненных. То есть, добившись определенных результатов в индивидуальной работе, они не используют их для повышения эффективности воспитания личного состава. Говоря образно, сделав первый шаг, не делают второго. Другое дело в подразделении капитана И. Стодеревского.

Здесь воины гордятся, что служат именно в этой роте. Более того, есть случаи, когда солдаты и сержанты соседних подразделений в рапортах командиру части просили перевести их в роту капитана И. Стодеревского. И кто знает, не это ли натолкнуло его на мысль создать альбом «Они служили в нашей роте». Фотографии самых достойных помещают в эту фотолетопись о лучших воинах подразделения. Так была найдена еще одна форма воспитательного воздействия. А насколько она эффективна, можно судить по такому примеру.

Из учебного подразделения прибыл в роту ефрейтор Николай Вовчук. Службу в новом коллективе он начал неплохо. Не раз командиры отмечали его старание. А вскоре как подменили Вовчука: раз употребил спиртные напитки, другой. Мимо случившегося не прошли ни командир, ни комсомольцы. Был Вовчук снижен в звании, комсомольцы объявили ему строгий выговор с занесением в учетную карточку. Короче говоря, по заслугам получил этот воин за свои «художества». Немало услышал он тогда в свой адрес гневных слов сослуживцев. Но больше всего запали в его душу вот эти: «По увольнении в запас фотографию Вовчука в альбоме «Они служили в нашей роте» не повешать...».

Я листал этот альбом и не нашел фотографии Вовчука, хотя по рассказу командира уже знал, что солдат к концу службы исправился и вновь занял место в строю передовиков роты.

Урок этот пошел впрок, выводы для себя сделали все воины подразделения. И не случайно командир, показав последние страницы альбома, не без гордости заметил:

— Как один — все, кто уволился в нынешнем году.

Хочется верить: это станет еще одной доброй традицией передовой роты, восемь лет подряд завоевывающей звание отличной. И гарантией тому — атмосфера дружбы, товарищества и взаимного доверия в коллективе, творческое отношение офицеров и младших командиров роты к индивидуальной работе с подчиненными, ко всему большому и многогранному делу воспитания воинов.

Старший лейтенант В. БУНИН.

Статья в журнале «Советский воин»

60-летию Великого Октября — достойную встречу!

НА КОНКУРС

ДОВЕРИЕ

Подполковник Н. МИХНО

Внизу, под холмом, в какой-то полусотне шагов от места привала десантников, стремительно мчался горный поток. В приглушенный шум его вплетывались пронзительная мелодия ветра и настороженный шелест деревьев, кустарника и поблекших трав. Эта непривычная гармония звуков успокаивала Стодеревского, наполняла тело приятной истомой, создавала лирический настрой. Старший лейтенант не удивился бы, услышав сейчас чье-то пение и даже стихи. Так же, как не удивлялся он в эти минуты и всеобщему молчанию. Понимал: не устали просто, причина иная.

Вчера после десантирования рота долго и напряженно вела разведку важного объекта «противника», дерзким налетом уничтожила его, а потом, выдержав отчаянный бой, ночью петляла по горным серпантинам, бездорожью, увязая в глубоких снежных заносах. Тогда всем казалось, что горы никого живьем не выпустят... А оторвались от гор, отдохнули часок-другой — и, поди ж ты, опять они приветливые, заманчиво-таинственные и ласковые...

Солнце, пробившееся сквозь туман, расцветило вершины в розовые и нежно-голубые тона. Но если сами пики и крутые склоны поблескивают зеркально-нетронутым настом, то внизу, в лощине, снега нет. Нет его и в предгорьях, куда наконец выбрались десантники. Неприятна лишь сырость от редеющего, сдуваемого ветром тумана.

Стодеревский поднял голову, посмотрел на боярку, к стволу которой прислонился спиной. И вдруг забыл и о веселой, дружной капели сверху, и об усталости. На почерневших от влаги ветвях висели тысячи искрящихся, алых от солнца бусинок. В таком же наряде были шиповник и возвышающаяся над ним алыча, орешник, поддубник.

Весна все настойчивее вступала в свои права, растения зеленели все более, не поддаваясь здешним губительным ветрам. Каждое боролось за то, чтобы сохранить родные побеги, продолжить в них свою жизнь. «Вот так и люди, — думалось Стодеревскому, — им тоже дороги родные побеги».

Нечаянное сравнение смутило ротного. Он посмотрел на десантников, притихших, попыхивающих сигаретами, вздохнул: «Эх вы, родные побеги! Сколько хлопот с вами! А без вас и жизнь была б неинтересной...» Игорь Юрьевич не мог бы сказать точно, когда именно созрело в нем это особое чувство отеческой ответственности за каждого из этих вот парней, подчиненных ему по службе и в сущности составляющих единую, крепкую и сплоченную семью. Когда именно возникла та духовная близость между ним, командиром, и солдатами, которая позволяет им теперь понимать друг друга с полуслова, объединять усилия в едином деле. Может, в 1971-м! После того как, окончив Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, он стал офицером! Или позже — когда научился командовать взводом!.. Как бы то ни было, а без настоящего уважения к солдату, без искренней привязанности к нему не обретешь авторитета и сам. А стало быть, и успехов не добьешься. И то, что четыре года подряд его взвод был отличным, что уже два года его рота удерживает первое место в соревновании, что сам он, коммунист-офицер Стодеревский, награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени — все это заслуги коллектива, сплоченного его командирской волей, усилиями его верных и надежных помощников — офицеров и сержантов, коммунистов и комсомольцев.

Всех, кого он учил, с кого требовал, кто беспокоил его и кто радовал, помнит Стодеревский, хорошо помнит! Но странное дело! Сердце его уже не хранит досады против тех, кто порой доставлял ему хлопоты... Не время стерло досаду. Просто у Игоря Юрьевича укоренилось твердое убеждение: нет и не бывает плохих солдат. Проступки случаются оттого, что не каждый молодой человек так вот сразу осознает по-настоящему свой долг, научится брать в узду собственное «я» в интересах общего дела. Не все побеги созревают враз... И надо быть истинно отцом родным, чтобы разобраться в причинах этого разновременья, создать тот теплый, благотворный климат, что помогает всем выровняться и зацвести дружным, ярким цветом...

Вот лежит, размечтавшись, Марат Нуралиев. Позавчера чуть не свалился в пропасть, стараясь побыстрее и поточнее провести разведку в своем секторе. А в первые дни был совершенно несносным: дерзкий, несдержанный, своенравный. Трудно сказать, что больше подействовало на солдата: то ли терпеливые командирские беседы и жесткая требовательность, то ли доверие, когда он, Стодеревский, закрепил за Нуралиевым такого же беспокойного новичка: «Вы теперь службу хорошо знаете, Нуралиев, помогите и парню встать на ноги». Чувство ответственности за товарища побудило и самого Марата лучше контролировать свои собственные поступки.

Рядовой Хасиев тоже казался всем загадкой: молчалив, будто недоволен всем и вся. Ротный написал его родителям. Потом долго размышлял над каждой фразой полученного ответа: мать сообщала, что сын ее всегда отличался замкнутым характером, порой и родителям был недоступен.

Посоветовались в роте. Пришли к выводу: нельзя Хасиева оставлять без внимания, надо больше доверять ему и приобщать к общественной работе. Для начала поручили беседу о родном крае. Хасиев ни в какую: «Не могу», Стодеревский пригласил его к себе. Тот по-прежнему: «Что о моих родных местах рассказывать! Горы — они и есть горы...»

«Неужели ничего примечательного нет в Осетии! Слышали, как официант Абдыкалыков рассказывал о родном ауле! Маленький казахский поселок, а в нем столько славных людей, столько красоты!»

«У нас тоже хорошо», — оживился Хасиев.

Кончилось тем, что он выступил перед товарищами. Да как выступил! Потом возложили на Хасиева обязанность постоянно делать сообщения о технических новинках... Вы видели бы, как ув-

лекся парень! Он даже не подозревал о своих возможностях. Да и как мог знать себя он, вчерашний школьник! А ведь таких в роте большинство!

От воспоминаний на душе у ротного стало почему-то и весело, и тревожно. Сказал бодро:

— Кончай перекур. Подъем... Еще чуть-чуть — и мы дома!

Рядовой Сафиулин шуткой отозвался на шутку:

— Так точно. Если до обеда каких-то сорок километров протопаем, то на первый перекат попадем.

— Не сорок, а тридцать шесть, — уточнил командир и перехватил настороженный взгляд Колесника.

Молодой солдат, придя в роту, не отличался ни силой, ни выносливостью. А на этом ученик его не узнать. Вот что значат индивидуальные тренировки! Их до самого своего увольнения в запас проводил старшина Алябьев и заботливо поручил подопечного другому старослужащему. Недавно солдат получил пятерку по физподготовке. И вот он как бы отчитывается прочностью своих мышц.

— Тридцать шесть... Это не смущает вас, Колесник! — улыбнулся Стодеревский.

Напряжение на лице у Колесника сменилось улыбкой:

— Так ведь никто же не подвезет.

И потом, наблюдая за парнем, Стодеревский видел: устал он, ело ноги волочит, а отмахнулся, когда сосед по строю Комаров хотел взять у него вещмешок...

Предложи помощь другой солдат, Игорь Юрьевич мог и не придать этому значения. А Комаров, откровенно избегавший трудностей и «чужих» дел, порадовал. Припомнилось, как зачарованно слушал он ветеранов войны на тематическом утреннике, посвященном армейской дружбе, который недавно провели в роте активисты. По-своему интересно рассказывали ветераны о боях-пожарищах, а друзьях-товарищах, а заканчивали одним: «Живите дружно. Нет ничего дороже воинского братства...»

Признаться, Стодеревский всегда заботился о том, чтобы рота представляла собой здоровый, сплоченный коллектив. Но как-то после семинара по материалам XXV съезда партии вдруг понял, что все-таки упускал нечто важное: воспитанием подчиненных хотя и занимался, но все же без хорошо продуманной системы. И если случались проступки, то самого его долго мучило угрызение совести: недоглядел — вот тебе и моральные издержки...

Теперь-то понял, «доглядывать» за всем одному только командиру не под силу, если ему не помогут десятки пар глаз коллектива, если по-настоящему не организовать воспитательной работы. Рассказал о своих раздумьях командирам взводов, коммунистам, всему активу. Сообща прикинули, где есть слабые места и как работать, чтобы не было их.

...В соседней части при десантировании уже в воздухе сержант заметил, что у товарища не раскрылся купол парашюта, схватил падающего за снаряжение — так вдвоем под одним куполом и приземлились. Пример, конечно, исключительный. Но его всячески использовали для внушения десантникам святой заповеди: «Сам погибай, а товарища выручай». Отдача последовала немедленно. Во время очередных прыжков солдаты обнаружили, что стропы захлестнули купол парашюта прапорщика Крюкова. Не ожидая команды, они схватили брезент и бросились к площадке приземления на выручку товарищу, попавшему в беду. К счастью, опытный десантник проявил самообладание и сумел в воздухе устранить неполадку. «Спасибо, други мои, спасибо вам!» — мысленно благодарил ребят Стодеревский за их готовность к гражданскому подвигу.

В другой раз подразделение действовало в горах ночью. Холод, непогода. Бывалым еще ничего, а новички совсем приуныли. Вот тогда-то комсомолец сержант Парнюк и снял с себя теплое белье, отдал молодому солдату. Глядя на него, то же сделали и другие. Молодых воинов согрело не столько то белье, сколько само отношение старших.

Когда при подведении итогов социалистического соревнования за неделю, месяц стали учитывать и отношение коллектива к нарушителям дисциплины, к моральную атмосферу в каждом взводе, отделении, то заметили, что даже самые пассивные стали непримиримыми к проступкам. Странно поначалу было тем, кто не прочь нагрубить сослуживцу, увильнуть от работы: командира нет рядом, а «вольностью» себе не позволишь. Вернее, тебе ее не позволяют твои же товарищи по боевому строю.

Контроль хорошо, а самоконтроль еще лучше... На собрании личного состава старший лейтенант Стодеревский неожиданно для всех сообщил о задумке — вести фотолетопись и альбом «Они служили в нашей роте». Сказал тогда, словно раздумывая:

— Теперь от каждого зависит, удостоится ли он чести навсегда войти в историю подразделения. Давайте подумаем, где бы кто хотел побывать в свободное от службы время, какие организовать встречи, диспуты, экскурсии. Все мероприятия мы отразим в фотолетописи. Но участие в них примут только те, кто примерен в службе и поведении.

И сразу вопрос:

— Разрешите!.. А если уже есть взыскание?

— Проявите себя с положительной стороны — считайте, взыскание снято.

— Еще разрешите! Альбом «Они служили в нашей роте» тоже только для дисциплинированных!.. А кто оступился — тот, значит, не служил?

Командир роты уловил подвох в вопросе. Отшутился:

— Мы где-нибудь в конце альбома напишем: «И др.» Кому же захочется попасть в разряд «других»! Стимул — лучше не придумаешь.

Все громко рассмеялись, но согласились, что стимул этот действительно важный...

На первый взгляд не бог весть какие новшества. А все же на поведении солдат сказались заметно: серьезнее, душевнее, что ли, стали они.

Как-то заглянули к Стодеревскому товарищи из соседних подразделений, увлеклись «фотолетописью роты». Приняли Военной присяги... Обновление учебно-материальной базы... Культпоход в театр... Поездка в горы — десантники на лыжне...

«Смотрите-ка, что придумал Игорь: и развлечение, и для физической закалки полезно».

— И так, и не так, — возразил Игорь Юрьевич. — По-моему, это еще одно хорошее средство сплочения коллектива. Сам наблюдал в горах, с какой заботой следили солдаты, чтобы кто-то из товарищей не получил травму, не простудился, как одергивали неосторожных...

Слова «наша рота», сказанные солдатами, Стодеревский слышал и прежде. Теперь же он улавливал в них и откровенную гордость, и сердечную теплинку, иногда сдержанную, а чаще открытую. И у него самого становилось теплее на душе.

Уважение к родному подразделению проявляется по-разному. Вот как у старшины Алябьева, который удивил даже Стодеревского, когда в канун увольнения в запас вдруг заявил:

— Не собирался стать военным. Теперь вот решил поступить в училище...

И уже из училища прислал весточку: «Поставили меня старшиной курса. Тут рота, конечно, не то, что у нас... Думаю, сдружимся. Прошу передать привет товарищам. И еще: пусть дорожат честью нашей роты».

Письмо старшины прочли перед всем коллективом. Обсудили. А в заключение кто-то сказал:

— Не забыть бы поздравить старшину с днем рождения, скоро ведь.

Другие добавили:

— Архипова и Долотобакова тоже.

— А Перелыгина не в счет!

Ротный не скрывал: по душе ему такое внимание. Очень по душе. О многом говорит оно опытному командиру. «Вот они, родные побеги. Пройдет время, и станут они ветвями одного дерева. Корни его здесь, у нас, в нашей роте», — думал Стодеревский.

...Ущелье, которое десантники обошли стороной, поглотило единственную тропу. Поднявшись по бездорожью на пригорок, Стодеревский вновь увидел ее. Полетляв на затяжном спуске, она, словно обрадованная встречей, прижалась к серой ленте шоссе. Неподалеку, там, где дорога делает крутой изгиб и стремительно убегает в широкую долину, вьется горный поток, впадающий в бурную реку. И кажется, что и сюда доносится звонкая весенняя капель над ним.

В

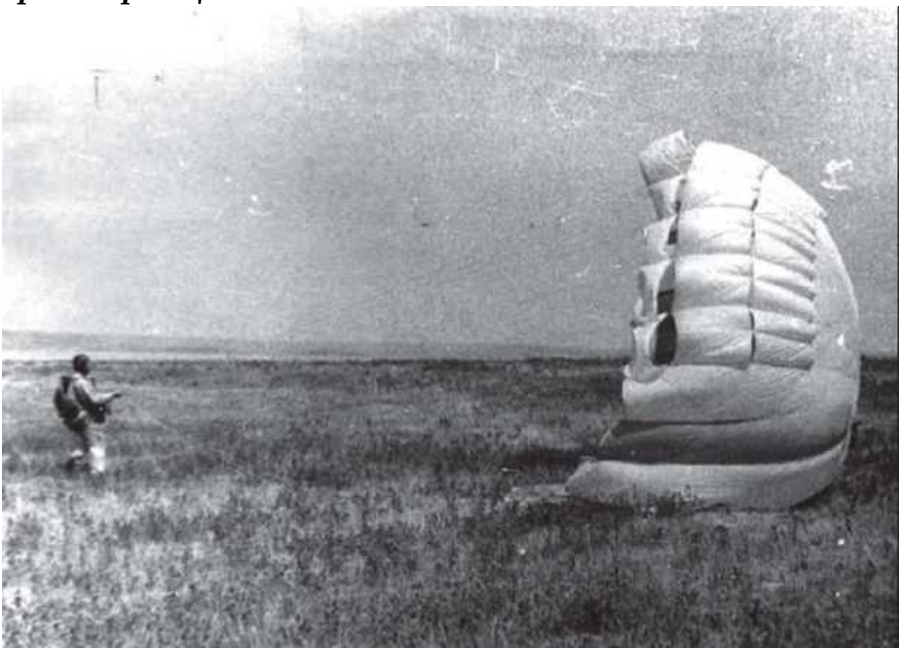
Принятие присяги. Справа командир группы Валентин Ледовский

Утро на ученьях. Слева командир группы старший лейтенант Валерий Болдырев.

Сопки Чирчика зимой. Крайний слева командир отряда майор Шрамко, сидит командир группы лейтенант Ко.

Медаль вручает командир бригады полковник Овчаров

Строевой смотр проводит начальник разведки ТуркВО генерал-майор Корчагин. Слева от меня Александр Тимченко, справа Юрий Цыганов и Ульянов.



4.4. Отбор.

Позже, уже став командиром отряда, я лично, вместе с замполитом Сашей Славником, ездил по военкоматам Ташкента и Ташкентской области для отбора молодого пополнения. Делалось это так. Приезжаешь в военкомат месяца за три до предстоящего набора. Отбираешь призывников по личным делам, мы имели льготное право отбора, перебить у нас человека могли только команды, комплектующиеся в КГБ. Образование обязательно полное среднее. Большой процент был ребят после первого курса различных институтов, тогда отсрочки не было. Рост не ниже 170 см, но мы старались брать не ниже 175 см. Желательно наличие какого-нибудь спортивного разряда. Запрещалось брать парня, если у него нет одного из родителей, считалось, что у них возможны издержки в воспитании. Проверяли, чтоб не было приводов в милицию, и чтобы в семье не было судимых.

Отобрали, список военкому и он через две недели всех их собирает. С начало индивидуальная беседа, где мы предлагали призывникам идти служить в ВДВ. Дело в том, что комплектация частей спецназа ГРУ осуществлялась только на добровольной основе, но упоминать даже слово спецназ запрещалось, и мы предлагали им идти служить в воздушно-десантные войска. В беседе специально сгущали краски, говорили о больших физических и психологических нагрузках. И если парень, не смотря ни на что, все равно был готов идти служить, его заносили в список. Если человек начинал мяться, что не внятно говорить, он немедленно отбраковывался.

После этого, всю команду пропускали через перекладину. Подтянулся десять раз, годен, не подтянулся, из команды долой. Если молодой человек делает это элементарное упражнение с него можно сделать солдата.

Затем делалось три экземпляра списков. Один мы забирали в часть для контроля, один оставался в военкомате, и третий список отправлялся в штаб округа.

Но это ещё не всё. Все новобранцы проверялись органами КГБ, каждый солдат спецназа имел допуск по форме № 2, это как минимум. Затем военкоматами они отправлялись в парашютные клубы ДОСААФ, где совершали по пять прыжков. К сожалению не всегда это последнее условие выполнялось.

Отбирали мы людей не только себе, но и в другие бригады. Приходили нам партии и из других округов. Считалось, что солдат лучше служит, если он дальше от дома. Я думаю, что это ошибочно.

У меня в отряде служили ребята из Ташкента, а человек пятнадцать из самого Чирчика и проблем у меня с ними не было. Первое то, что основная масса их, была мной отобраны по просьбе тренеров спортивного комплекса, куда я ходил на тренировки. Ведь ушёл в армию спортсмен, подающий надежды, и за два года всё своё мастерство растерял. А здесь я три раз в неделю отпускал их на тренировки. И им хорошо и у меня в отряде крепкие парни. Ну а с дисциплиной проблем вообще никаких, нарушил значить на тренировку не идёшь, да ещё от тренера получишь по башке. Но я не помню, чтоб кого-то из этих ребят наказывал.

Сразу по прибытию этих ребят в часть я собрал родительское собрание. Где объяснил, как им повезло, что их сыновья будут служить рядом с домом. Но если они будут нарушать дисциплину и хотя бы попытаются пойти в самоволку, будут отправлены в другой округ. Так, что с родителями я общий язык нашёл. Потом эти парни прекрасно себя показали в Афганистане. К сожалению, помню только двоих, это Шлепетис, КМС по боксу, и Малышев, КМС по пятиборью. Они оба в Афгане, первые полгода, были у меня телохранителями и то, что я оттуда вернулся целым и невредимым и их заслуга. На всех операциях они были рядом со мной. Об одном жалею, что не представил их к наградам, они это заслужили.

Отбирая людей, мы участвовали в эксперименте. Обе роты моего отряда были укомплектованы солдатами одного призыва, только сержанты были разных годов призыва. Это делалась попытка искоренить, так называемые, не уставные взаимоотношения. Первые два-три месяца мы не могли, конечно, конкурировать с остальными подразделениями бригады. Но через полгода ни кто уже не мог составить конкуренцию нам. Мы всех задавили и по боевой подготовке и по спорту. Сплоченность групп и рот были прекрасны.

Если подбор солдат осуществлялся не плохо, то отбора офицеров не было совсем. Просто присылали с училищ и всё, за исключением Ташкентского училища. Став командиром роты, я по приказу комбрига, каждый год ездил отбирать офицеров в родном училище, в 1981 году отобрал и своего брата Юру. При вводе отряда в Афганистан многие из этих ребят пошли со мной добровольцами.

Отсев офицеров осуществлялся, в основном, на уровне командиров групп. Покомандовал два-три года, не тянешь, езжай в пехоту. Но туда они шли, как правило, на должности командиров рот. Командир группы спецназ капитанская должность, так же как ротный в пехоте. И служили они, в

основной своей массе, хорошо.

Приведу пример. Был у меня в отряде командир роты Саша Николаев. Он майор, я капитан, Саша был старше меня на два года. Даже неудобно было, старшему по званию, приказы отдавать. Но армия есть армия, старше тот, у кого должность выше. По характеру он был очень спокойный, даже через, чур, это ему и вредило. В спецназе надо быть Рексом. Сашу перевели в Термезкую дивизию, сразу на должность командира батальона. А через два месяца ввод войск в Афганистан и его назначили заместителем командира полка. А я ещё шесть лет успешно командовал отрядом. Сложно в спецназе было с продвижением по службе. Я это видел и еще, будучи командиром роты, написал рапорт, с просьбой отправить меня в пехоту, в генералы рвался. Но комбриг меня вызвал, обругал, и на моих глазах рапорт порвал.

4.5. Яшка.

В каждом армейском коллективе есть какая-то своя особая достопримечательность, которая как-то скрашивает суровые армейские будни. В нашей бригаде это был Яшка. С начала маленький симпатичный ишачок, как говорят туркмены — курлёнок. Который затем вырос в здоровенного, холёного осла. Он был всеобщим любимцем бригады.

Яшкина мама трудилась на хозяйственном дворе части. В её задачу входила доставка отходов пищи из столовой на свинарник. Говорят, что ослы тупые, но, глядя на эту ослицу и её сына, начинаешь сомневаться в народной мудрости. Командир бригады, когда за что-то ругал начальника автослужбы, в шутку, по безаварийности, ставил ему в пример именно эту ослицу.

Три раза в день, после приёма пищи, её запрягали в телегу, и она самостоятельно шла к столовой. Если ей по дороге попадалась машина, она принимала вправо, останавливалась, пропускала её и только после этого продолжала движение. У столовой она стояла около десяти минут, затем разворачивалась и уходила на свинарник. Её не интересовало, загрузили отходы или нет. Поэтому с её прибытьем кухонный наряд бросал все работы, основное было загрузить отходы. Иначе придётся таскать их вёдрами, так как не какая сила в мире не могла заставить ослицу тащить телегу ещё раз и в не положенное время.

У неё родился маленький, симпатичный как плюшевая игрушка, с чубчиком как у кокер спаниеля, сын. Назвали его Яшкой. Он целый день бродил по бригаде и, по-моему, питался только конфетами и печением. Каждый проходящий мимо считал своим долгом угостить его. Яшка любил большие компании. Как только где-то собиралась группа людей, он уже был там, это, как правило, было в курилках перед казармами. Он пытался в наглую лазить по карманам, искал конфеты.

Когда он немного подрос, стал отбирать у солдат сигареты. Нет, он, конечно, их не курил. Он их ел, а затем пел песни под гитару. Петь он соглашался лишь после того, как съедал не менее пачки примы. Гитарист брынькал на гитаре любые аккорды, а Яшка, прижав уши, орал не человеческим голосом на всю бригаду. Делал он это самозабвенно и с явным удовольствием.

Пытались на нём кататься, но из этого ни чего не вышло. Только кто-то на него залазил, Яшка стремглав нёсся на воздушно-десантный городок и забегал под трамплин. Объясняю, что представляет собой этот трамплин. Он предназначался для отработки приземления парашютистов, и состоял из трёх

площадок. Одна высотой один метр, другая полтора метра, и третья два метра. Яшка забегал под средний трамплин и наездник должен был успеть спрыгнуть. Иначе мог остаться без головы. Яшка затем долго стоял под трамплином, видимо приходя в себя, после такой человеческой наглости.

Был он мстителен. На спортивном городке части проводились занятия с офицерами штаба и управления. И тут появился Яшка. Один из офицеров, чтобы прогнать его, дал пинка под зад. Яшка отбежал. Подождал, пока офицеры разденутся до пояса и сложат одежду на скамейке. Затем подскочил и перекусил по полам одну из фуражек. Какой же потом стоял хохот, когда оказалось, что он перекусил фуражку обидчика.

У Яшки в части была своя привязанность, которая чувства его не разделяла. Это Марина Сергеевна из политотдела бригады. Приходя на работу, она просила наряд на КПП отогнать Яшку и подержать пока она добежит до штаба. Каждое утро он её предано ждал у входа в часть. Ей предлагали подойти погладить его. Объясняли, что он не злобен, и бояться его не надо. Но всё было бесполезно, она его панически боялась. Так как наряд по КПП его гонял, Яшка поменял тактику. Зайдя на КПП и спросив у наряда, нет ли рядом Яшки, Марина Сергеевна спокойно шла в штаб. И тут из засады, вдоль дорожек была живая изгородь, выскакивал Яшка. Спезназовский осёл. Бедная женщина с визгом неслась в штаб, а проходящие мимо ловили преследователя. Видимо Яшке доставляло удовольствие то, что его кто-то боится.

Ещё у Яшки была неприязнь к звукам трубы. Стояло оркестру бригады, заиграть на разводе, он мчался из любой точки части. Но ни когда не бежал перед строем, порядок есть порядок, оббегал сзади. Находил в оркестре трубача и пытался его укусить. Бедный трубач, играя в оркестре, был вынужден, постоянно озираться, не подкрадывается ли сзади Яшка.

Пытались Яшку заставить работать, выполнять обязанности матери. Будучи маленьким, он её постоянно сопровождал в поездках в столовую. Запрягли Яшку в телегу и отпустили. Что тут началось. Он стал выделывать такие пируэты, что любое родео просто меркнет. А затем понёсся поперёк всех дорог и дорожек. Ребята из хозвзвода два дня потом телегу ремонтировали.

Видя его бесполезность, и с учётом всех его художеств, заместитель по тылу поменял нашего Яшку на триста ложек. В столовой была недостача ложек, а соседу узбеку нужна была тягловая сила. Так Яшка из золотой молодёжи превратился в пролетария.

С хоздвором был связан ещё один курьёзный случай. Там

находился свинарник, и часть обязана была выполнять план по мясу. Чего я и вспомнил этот случай, бригада специального назначения и план по мясо, абсурд. Правда, мясо мы никуда не отправляли, оно шло в солдатскую столовую, но план был.

Так вот, я в то время был ещё командиром группы. Не помню, чего вдруг оказался у свинарника, но как я, и не только я, смеялись в тот раз, это был просто гомерический хохот. Представьте себе свинарник, в лужах мирно похрюкивая, лежат свиньи и тут врывается разъяренный командир бригады, Р.П.Мосолов, в парадной шинели и папахе, и начинает пинать то одну свинью то другую. При этом кричит, сопровождавшему его начальнику продовольственной службы, фамилию не помню (ингуш по национальности), здоровенному детине, стоящему с понурой головой: «Эту трахать можно. И эту трахать можно. Хоть сам трахай, но приплод, чтобы был». Картина любая комедия позавидует.

Потом мы узнали, в чём тут было дело. Часть не выполнила план по мясу, и видимо комбриг получил за это приличный нагоняй. Он вызвал начпрода и стал разбираться в причинах. Тот ему объясняет, что выполнить план не было возможным из-за плохого приплода. А приплод плохой потому, что свиньи ещё молодые и рожать им рано. Вот Мосолов и провёл с ним инструкторско-методическое занятие по оценки половой зрелости свиноматок.

4.6. Отряд.

В ноябре 1978 года я был назначен на должность командира отряда спецназ, минуя должность начальника штаба отряда. Дело в том, что к этому времени произошли сокращения в частях специального назначения. В отрядах вместо пяти рот осталось только по две. Но работать стало даже сложней. В управлениях отрядов сократили должности начальника штаба, заместителя по воздушно-десантной подготовке, инженера отряда. Так, что работать пришлось за троих. Слава богу, что мне попался толковый замполит, Саша Петрачёв, так вдвоём и тянули.

Считаю, что эти сокращения были ошибочны. Резко уменьшилось количество личного состава частей спецназ и ухудшилось качество боевой подготовки. А впереди был Афганистан.

Получив в подчинение две роты специального назначения, я попытался внести не большие изменения в форму одежды. Ведь молодому человеку очень важно, не только, какая на нём форма, а и какие имеются регалии.

Все мы знаем, что с формой делают так называемые дембеля. А ведь все эти безобразия делаются от любви к военной форме. В бригаде увольняемые в запас уезжали не в парадной форме, а всеми правдами и неправдами стремились достать комплект спецформы, чем создавали много проблем и вещевой службе и командирам рот.

Мне тоже казалось, что наша форма, какая-то безликая. Ведь мы от авиации отличались только эмблемами, а от десантников вообще не чем отличались. Вы уж меня простите и те, и другие, я вас уважаю и люблю, но ещё больше я люблю спецназ ГРУ! И считаю, что без патриота в малом, не может быть патриота в большом. Так вот я решил сделать нарукавные отличительные знаки, на спецформу, для каждой роты.

Сейчас их великое множество, свой знак имеют, рода войск, соединения, части, и даже управления в больших штабах. В то время отличительные знаки имели только рода войск.

Для одной роты мы сделали нарукавный знак с изображением лося, а для другой, волка. Художником и изготовителем был Александр Коробейников, тот из парашютной команды. Он к этому времени был уже прапорщиком в моём отряде. Каждый знак был ручной работы. Но опять вмешался вышестоящий штаб, и мне категорически запретили то, чтоб роты носили эти знаки. Даже пытались обвинить в проамериканизме.

Проблемно стало уходить на тренировки. Если раньше меня

отпускал командир отряда, и с этим проблем не было, то теперь пришлось объясняться у командира бригады. Почему я ухожу со службы в 18.00, если рабочий день до 19.00? Я спросил: «Какие есть претензии к моему отряду? По дисциплине? По ходу боевой подготовке?

Какие претензии лично ко мне»? Претензий не было. И тогда я сказал основной аргумент, что раньше времени я ухожу не пиво пить, а совершенствовать свою профессиональную подготовку. Кроме того, в тот день, когда я ухожу на тренировку, я, как правило, присутствую на вечерней поверке в отряде. Крыть мои аргументы было не чем, и меня оставили в покое.

В конце ноября я лёг в госпиталь, на первую операцию, устранять последствия тех не удачных учений, на которых заработал себе двухстороннею паховую грыжу. Как раз в это время бригаду перевели на казарменное положение в связи с событиями в Иране. Там произошла исламская революция. Вопрос, видимо, стоял очень серьёзно, вплоть до ввода войск. Бригада находилась на казарменном положении вплоть до 22 февраля 1979 года. Перед Афганскими событиями такого не было. Новый год офицеры встречали в казарме. Даже тем, кто жил рядом с частью, в военном городке, не разрешили пойти к семьям.

Выйдя из госпиталя, где-то в середине декабря, я дважды получал приказ о подготовке одной группы к выброске в район Мешхеда, это на севере Ирана. Один раз группа была уже даже вывезена на аэродром и погружена в самолёт, и только затем поступила команда отставить. Командовал группой лейтенант Лоренд Ко, кореец по национальности, толковый офицер, выпускник Рязанского училища.

Прохождение 2 отряда торжественным маршем. Сзади меня командир роты старший лейтенант Земский.

В отряде сложился хороший офицерский коллектив, а это основное. Офицер на своём месте и у солдата всё будет хорошо, а значить высокая боеготовность подразделения.

Одной из рот командовал старший лейтенант Тишаев, грамотный, спокойный, уравновешенный офицер, в последствии начальник разведки армии Узбекистана.

Командиром группы одной из рот был Роман Абзалимов, в последствии командовал в Афганистане 154 отрядом. Особо отличился отряд под его командованием при проведении операции по уничтожению базы душманов «Каррера», это на пакистанской границе.

Да и остальные офицеры были прекрасно подготовлены, большинство из них составило костяк 154 отряда после его переформирования перед вторым вводом в Афганистан.

Абзалимов владел приёмами каратэ, и я стал брать его с собой на тренировки на спорткомплекс, пытался освоить новомодный стиль единоборств. Но после нескольких занятий понял, что мне это не к чему. Дело в том, что у меня уже был хорошо поставлен удар в боксе, а здесь он наносился совсем иначе, шло разложение силы, в боксе так не бьют. К тому же я не плохо владел приёмами, как тогда говорили, боевого самбо. При проведении всех показных занятий по рукопашному бою я принимал личное участие в боях, в основном показывал обезоруживание противника. Работал против противника вооружённого не муляжом, а боевым ножом.

Ещё командуя ротой, я сделал учебно-методическое пособие по рукопашному бою, за основу было взято наставление по физической подготовке. Имевшихся там приёмов, было вполне достаточно для подготовки солдата. Но изучать приёмы по наставлению, было невозможно, было непонятно, как отрабатывать тот или иной приём. Я отработку каждого приёма разбил на этапы. На каждый приём получалось 5–6 этапов. Все они были сфотографированы, каждая фотография имела сопроводительную надпись. Так был сделан альбом. Мы туда добавили несколько приёмов по каратэ, из испанского источника, и получилось неплохое пособие для офицеров. К сожалению, когда я был уже командиром полка у меня, его взяли, и не вернули.

В своём кабинете я оборудовал приспособления для набивки мозолей на ударных частях рук. Деревянная колона посреди кабинета была оббита шинельным сукном, а на столе стояли дощечки с набитым на них рваным металлом. Набивал я не только ударные части кулаков, но и локтей. Получилось так, что у меня наиболее качественно получался неподготовленный удар локтём и кулаком наотмашь.

Мы изучали не только нашего непосредственного противника на театре военных действий — Иран. Но, конечно же, нашего основного противника — армию США. Особый упор делался на изучение тактики действий подразделений специального назначения. В части имелся объёмный анализ боевых действий США во Вьетнаме, мы этот труд зачитали до дыр.

В последствии, при ведении боевых действий в Афганистане, я с успехом примял не которые их приёмы при организации боя. Например «Молот и наковальню». В чём суть этого приёма?

Одно из подразделений скрытно, ночью, выходит к объекту предстоящей зачистки, как правило, это кишлак, и готовит себе позиции на возможных путях отхода противника. Это подразделение максимально насыщается пулемётами ПК и автоматическими гранатомётами АГС-17. Удаление от кишлака должно быть таково, чтобы обеспечивался свободный выход противника из кишлака, и не было соприкосновения с нашим подразделением. Всё зависит от условий местности, но должно быть не менее километра.

С рассветом кишлак демонстративно атакуется с трёх сторон большими силами. Противник пытается уйти, выходит из кишлака и утыкается в засаду, «наковальню». К тому же по этому участку начинает работать артиллерия. Вернуться назад в кишлак он не может там уже подразделения «молота», которые бьют ему в спину. Он оказывается на не подготовленной для обороны

территории, в полном окружении, и его уничтожение предрешено.

Подразделения при проведении таких операций практически не несут потерь. К тому же не страдают мирные жители. А вот если выманить противника из кишлака, по каким то причинам не удаётся, то боестолкновение принимает затяжной характер, иногда до нескольких суток, и могут быть большие потери. Вести наступательный бой в населенном пункте очень сложно.

Изучали мы и полевой устав американской армии. Многое для нас было странным, особенно раздел, где учили, как надо правильно сдаваться в плен.

Неплохо были расписаны способы выживания для тех, кто оказался в тылу противника, но наше наставление по выживанию было более полное и с чёткими рекомендациями.

Читали мы и художественную литературу об американской армии, американских же авторов. Читали мы их, не сколько, из-за художественной ценности, сколько из-за того, чтобы понять, с кем нам, возможно, придётся воевать.

Неплохая книга «Однажды орёл», к сожалению, не помню автора. В книге расписаны две мировые войны, которые прошёл герой книги, и погибает он во Вьетнаме. Нас удивляла нерешительность командиров при ведении боевых действий, малейший отпор противника и они отказывались от ведения активных действий. Сейчас я понимаю, что там было желание беречь солдата, а не победа любой ценой, как у нас зачастую было во время Великой Отечественной войны.

Другая книга это «Молодые львы» Ирвина Шоу. Она примечательна тем, что в ней подняты вопросы морального духа американских солдат. Описывается время подготовки и высадки союзников во Франции в 1944 году. Я использовал эту книгу для воспитательной работы с солдатами. Подчёркивая, что это не наша пропагандистская статья, а художественная книга американского автора.

В книге расписано как в роте, которой командует капитан, бывший работник похоронного бюро, а сержант, бывший танцовщик кабаре, процветает антисемитизм и грубейшие неуставные взаимоотношения. Солдат, по национальности еврей, вынужден отстаивать своё человеческое достоинство в ежедневных боксёрских поединках, и всё это совершенно открыто на глазах у начальства.

Ещё один показательный момент. После разгрома в Арденнах у дороги лежат шестнадцать американских солдат. По дороге четыре немца, ведут около двухсот пленных их собратьев. И вот эти шестнадцать человек начинают спорить. Одни предлагают

тоже в плен сдаться, другие продолжать выбираться из окружения. И ни кто не предложил освободить своих товарищей. В конце концов, колона прошла мимо. Часть солдат, бросив оружие, присоединилась к пленным, другие, видимо это герои, стали выбираться из окружения.

Когда я прочитал это место, у меня был просто шок. Понятно, что книга художественная, и всё есть вымысел автора. Но если американец пишет такое про свою армию, значить такое возможно. Поэтому когда пишешь, думай, как это может повернуться.

До сих пор иностранцы изучают нашу душу по книгам Достоевскому.

Была ещё одна книга, которую мы зачитывали до дыр. Это «Падающий дождь», здесь также чисто профессиональный интерес. В книге описываются действия «зелёных беретов» во Вьетнаме.

Я считаю, что настольной книгой каждого офицера. А тем более курсанта, должна быть книга Куприна «Юнкера». Лучше чем Куприн, капитан Русской Армии, никто не написал о воспитании будущего офицера и его становление как защитника Отечества. Особенно о воспитании чести и собственного достоинства.

Не успели мы с Сашей Петрачёвым наладить ход боевой подготовки, как меня бросают на ремонт заброшенного военного городка. Когда я учился на четвёртом курсе училища, именно здесь располагался наш учебный центр. Начали готовить место дислокации для нашего формирующегося седьмого отряда, в последствии его стали называть «мусульманским».

Отряд на 100 % был укомплектован военнослужащими трёх национальностей: узбеками, таджиками, туркменами. Только один был славянин, командир группы ЗСУ лейтенант Проута. Не нашли офицера этой специальности из этих национальностей.

Я как мог, пытался уклонится от не свойственной, и не приятной мне работы. Тем более, что я, по сути, бросил отряд. Но ни какие мои доводы, о том, что в бригаде есть офицеры, занимающие должности командиров кадрированых отрядов, которые не имеют личного состава, действия не имели. Мне было заявлено, что это работа государственной важности, и она на контроле у начальника штаба округа.

Получив в своё подчинение роту военных строителей, несколько десятков гражданских строителей, собранных из всех КЭЧ (коммунально-эксплуатационная часть) округа, двести человек из бригады, как подсобных рабочих, крайне жёсткие сроки (около двух месяцев), я приступил к выполнению задачи.

Задачу мы конечно выполнили. Но впервые, личный состав бригады в таком количестве и на такое продолжительное время отрывался от боевой подготовки. Из полуразрушенного городка получилась довольно приличная база для размещения отряда, которого пока не было.

В быстром темпе началось его комплектование. Личный состав прибывал со всех округов. В основном из дивизий ВДВ, но так как структура отряда была своеобразная и отличалась от структуры спецназа, личный состав приходил и из мотострелковых дивизий. Отряд имел:

— управление;

— штаб;

— партийный аппарат;

— тыл отряда;

— две роты специального назначения на БМП (боевая машина пехоты);

— разведовательно-десантная рота на БМД (боевая машина десанта);

— гранатомётная рота (на вооружении имела гранатомёты АГС-17);

— инженерно-огнемётная рота (имела сапёрный взвод и огнемётный взвод, на вооружении РПО — «Рысь»);

— рота материального обеспечения;

— ремонтный взвод;

— группа ЗСУ (на вооружении ЗСУ-23-4 «Шилка»);

— группа связи;

— медицинский пункт отряда.

Все офицеры были из пехоты и почти все выпускники Ташкентского ВОКУ, за исключением одного, командира группы ЗСУ.

На отбор офицеров и солдат для отряда ездили и офицеры нашей бригады. Я был командирован в город Ош, в парашютно-десантный полк. Где и отобрал лейтенанта, выпускника Рязанского училища, Рустама Турсункулова, и ещё одного солдата. За взятие дворца Амина Рустам получил «Орден Ленина», а затем служил в спецназе КГБ.

Командиром отряда был назначен майор Халбаев Хабиб Таджибаевич, в своё время мы с ним командовали группами в одной роте. Он стал первым командиром «мусульманского» батальона.

Днём рождения отряда является 26 апреля 1979 года, в этот день была подписана директива Генштаба о создании отряда.

После сформирования отряда началась интенсивная боевая подготовка. Для проведения занятий привлекались офицеры

бригады, в основном командиры кадрированых батальонов и начальники служб, а также офицеры Разведывательного Управления округа и ГРУ. Первые свои потери батальон понёс именно в этот период.

Майор Виктор Коновальчиков, толковый офицер, отличный профессионал. Он командовал нашей ротой после Манченко, и роту я принимал у него, вёз на полигон гранатомётную роту 7 отряда. На одном из поворотов водитель не справился с управлением, машину занесло, и она перевернулась. Погибло четыре человека, несколько человек получили ранения.

Этот кошмар с гибелью людей произошёл из-за неопытности водителя и наличия в кузове машины автоматических гранатомётов. Именно они были причиной столь большой смертности, при переворачивании, людей просто побило их тяжёлыми корпусами.

В бригаде шла размеренная боевая учёба. Я с головой окунулся в любимое дело. Но с декабря 1978 года по май 1979 года я постоянно находился на грани нервного срыва. Дело в том, что в конце 1978 года я ушёл из семьи, на это были веские причины. И комбриг, вместе с начальником политотдела, наконец, получили возможность, вцепится в меня.

Ни разу, за полгода, они даже не попытались побеседовать со мной по душам. Но правды ради, зная этих людей, я и не пошёл бы на контакт. Была организована элементарная травля.

То меня вызывают к командиру или начальнику политотдела, где уже сидит жена, и я часами выслушивал, какой я негодяй. А ничего ответить не моги, сразу затыкали. Да я и не пытался ничего объяснять, так как предвзятое отношение было на лицо.

То приходит Саша Петрачёв и рассказывает, какую задачу поставил ему по слежке за мной начальник политотдела. Пытались завести партийное дело, но из этого не чего не вышло. Устав партии не запрещает развода.

Сейчас всё это кажется смешным, в тогда мне было не до смеха. Более, менее меня оставили в покое, когда я, пройдя три суда, наконец, развёлся. Весь этот дурдом длился полгода. Но и после этого отношения у меня и с комбригом и с начальником политотдела были очень натянуты.

И в июле месяце, я командир отряда спецназ, находясь в прекрасной физической форме, почувствовал боли в области сердца. Идя на консультацию в госпиталь, я не дошёл до его КПП метров десять, у меня подкосились ноги, и я упал. В госпиталь меня уже затаскивал наряд с КПП. Диагноз, нервное истощение.

Меня поместили в двухместную палату, но лежал я один. Врач запретил даже посещение друзей, сказал, что я всё должен

забыть. Можно было только читать художественную литературу. Кололи только витамины. Итак, десять дней. Но и после выписки из госпиталя, месяца три, при эмоциональных разговорах с руководством бригады, наверное, тяжёлый я для них был человек, ощущал давящую боль в области сердца.

Спустя недели две, после моей отлёжки в госпитале, я снова туда попал. Теперь уже с позвоночником. Меня скрутило так, что не мог не согнуться, не разогнуться. Дали знать мои прыжки с парашютом. При моём весе, более 100 килограммов, в армии не было для меня парашютов. Обычный армейский парашют рассчитан на вес до 90 килограммов.

В Чирчикском госпитале посмотрели, и сказали, что случай тяжёлый и отправили в Ташкент в окружной госпиталь. Там, осмотрев, отправили назад в Чирчик, так как не было мест. При этом мне сказали, что если в Чирчике не помогут, то я пойду на вытяжку, а если и это не поможет, тогда под нож нейрохирурга. И тут я понял, что спасение утопающего, дело рук самого утопающего. На кровать мне уложили щит из досок, на нём я и спал. Делали какие-то уколы и массаж.

Я безмерно благодарен этой женщине, массажистке. Благодаря ей, и самому себе, я выкарабкался. Каждое утро, превозмогая боль в спине, я бежал кросс 6 км. Когда, после кросса, появлялся в отделении, в трусах, майке и кроссовках у медсестёр челюсти отваливались.

После обеда шёл на хозяйственный двор госпиталя и ложился на самый солнцепёк, подставив солнцу голую спину. Было лето, и температура в тени была 40 градусов. На голову одевал, пустую картонную коробку. Лежал часа полтора, больше выдержать, было не возможно. С этой процедурой ни одна сауна не сравнится. Благодаря всему этому я избежал, и вытяжки, и скальпеля. Во мне ещё больше укрепилась вера во всесильность физических упражнений.

1979 год, самый чёрный год моей жизни. Я пытался уйти из бригады, даже, как это не смешно, ходил к командиру десантно-штурмовой бригады, она была расквартирована тоже в Чирчике, полковнику Плохих, с просьбой о переводе в его часть. Ну, очень меня достали.

Но конечно Армия не гражданка, здесь место службы не меняют из-за того, что с кем-то не ужился. Кстати, именно полковник Плохих оказал мне содействие при поступлении в 1983 году в Академию им. М.В. Фрунзе. Он в это время был начальником кафедры тактики в моём родном училище, именно там я сдавал экзамены.

Больше этот год ничем примечательным не был, кроме того,

конечно, что началась Афганская эпопея.

7 декабря 1979 года наш 7 отряд убыл в Афганистан. Одним из ротных этого отряда был мой товарищ Володя Шарипов. Он отправил свою семью к родителям в Душанбе, и его двухкомнатная квартира оказалась пуста. Так, что он попросил меня пожить в ней, пока не вернётся. Ну, а так как я жил в общежитии, для меня это был просто подарок судьбы. Но не долго продолжалось моя эйфория. При штурме дворца Амина 27 декабря 1979 года Володя был ранен в ногу, кстати, осколком снаряда собственной Шилки.

Я был у него не сколько раз в госпитале, он лежал в Ташкенте. Да и всех раненных ребят после этой переделки привезли в Ташкент. Приехали Володины родственники, и пришлось перебираться назад в общежитие.

Я не буду рассказывать о действиях отряда при штурме дворца Амина, первое, то, что об этом уже много сказано и написано. И второе то, что я не был участником этих событий и обо всём знаю только со слов своих товарищей, офицеров этого отряда. Правда, долгое время в средствах массовой информации говорили о том, что эту операцию провели исключительно спецподразделения КГБ.

Например, совсем не давно, уже в конце девяностых годов, в телевизионной, московской передаче, если мне не изменяет память, «Дворцовые тайны Кабула», бывшие сотрудники КГБ, принимавшие участие в подготовке и проведении этой операции, рассказывали подробно о ней телезрителям, и при этом даже не упомянули «мусбат», который там был основной ударной силой.

На мой взгляд, наиболее точно и правдиво, эти события отражены в публикации «Операция Шторм», О.Кривопалова, записанной им со слов одного из руководителей операции, генерал-майора Колесника В.В. А также в белорусском журнале «Армия», очерк журналиста П.Лёгкого, записанный со слов непосредственного участника штурма, командира роты «мусбата», Владимира Шарипова. Но наиболее полно и документально всё это отражено в книге Владимира Кошелева «Мусульманский» батальон ГРУ»,

После прибытия из Афганистана офицеров «мусбата» стали потихоньку отправлять назад в пехоту. И заменять их офицерами из бригады. Отправили, после выздоровления, и Володю Шарипова, а в пехоте его сразу отправили в Афганистан. Но повоевал он там не долго, как только в особом отделе узнали об этом, немедленно вернули его в Союз. А вдруг попадёт в плен и все тайны выдаст. Володя хоть попал в боевые части, а командира отряда Холбаева отправили служить в один из районных

военкоматов Ташкента. Уж не помню, кто сказал:

Нужен тот, кто нужен.
Нужен, когда нужен.
Нужен, пока нужен.

В январе месяце 1979 года в Чирчике была сформирована отдельная рота специального назначения 40 Армии. Её первым командиром стал Рафик Латыпов. Командиром одной из групп стал Григорий Иванов, тоже с нашей бригады. Да и прапорщики, заместители командиров групп были наши ребята. Но, к сожалению, кроме Сергея Рычкова, других фамилий не помню.

В этом же месяце к нам приехал лектор Глав. ПУР-а (Главное Политическое Управление СА), целый капитан первого ранга. Он с упоением нам рассказывал, как здоровые силы армии и народа в Афганистане смели Амина. А в зале хохот. К этому времени «мусульманский» батальон уже вернулся из Афгана, и его офицеры находились в зале.

Когда он рассказывая о международной обстановке, упомянул английский стратегический бомбардировщик «Хариер», на самом деле это истребитель с вертикальным взлётом и посадкой, я не выдержал и назвал лекцию парашей. Кто-то донёс, паршивая овца в любом стаде есть.

Я скажу, что мы ни когда не боялись рассказывать анекдоты и про партию и про Брежнева, и всё это открыто в курилке. И это считалось нормальным. А тут вдруг меня вызывает особист, сволочь, сволочью. Он не своей работой занимался, а компромат собирал на офицеров. Чуть раньше он сожрал прекрасного офицера, немца по национальности, Сашу Гартунга.

Саша был его сосед по лестничной площадке. И когда эта дрянь выясняла отношения со своей женой с помощью рук он вмешался. В течение месяца этот подонок нашёл у него дальних родственников в Канаде. Сашу убрали в стройбат. В 1986 году, уже, будучи начальником УНР, он приезжал ко мне в гости в Батуми. Саша страшно переживал, что его убрали из спецназа. Так этот негодяй испортил человеку всю жизнь.

Так вот вызывает меня это существо и начинает мне высказывать претензии. Правда, сначала он мне долго рассказывал, как он уверен во мне. Что я хороший коммунист и преданный государству офицер, и что у него нет ни каких сомнений по этому поводу. Затем он выложил претензии.

Первое, что я назвал лекцию парашей. На, что я ему ответил, что готов это повторить с любой трибуны. А лектора надо гнать из Глав. ПУР-а.

Второе, что я среди офицеров высказывал мысль, что

«зелёные береты» лучше подготовлены, чем наши ребята. На, что я его спросил, будет ли он со мной спорить по поводу того, что профессионалы, прослужившие в спецчастях по 10–15 лет, лучше подготовлены, чем пацаны, отслужившие год, полтора. Подискутировав с ним минут десять, я понял, что просто с его помощью меня хотят поставить на место.

Я часто выступал на совещаниях, а особенно на партийных собраниях с критикой в адрес руководства бригады, было за что. А уцепиться им за меня было не за что, вот они и нашли предлог.

Я встал и напрямую к комбригу. Это был всё тот же человек, случайный не только в спецназе, но и в Армии вообще, это сугубо лично моё мнение. Я от него потребовал, что, так как я являюсь антисоветчиком, убрать меня из бригады, я и рапорт писал с просьбой убрать меня в пехоту.

Видя такой прессинг, я принял решение ехать в Ташкент в управление КГБ. Меня немедленно принял какой-то полковник. После того, когда я ему всё выложил, он мне сказал, что они прекрасно знают, что собой представляет наш особист. Что давно хотят от него избавиться. И, что такая возможность сейчас появилась, они переведут его служить в город Монино, в Подмосковье. Я, сделав удивленные глаза, сказал: «Меня так накажите. Со Средней Азии в Подмосковье, об этом только мечтать можно». На что полковник сказал, что по другому, к сожалению нельзя.

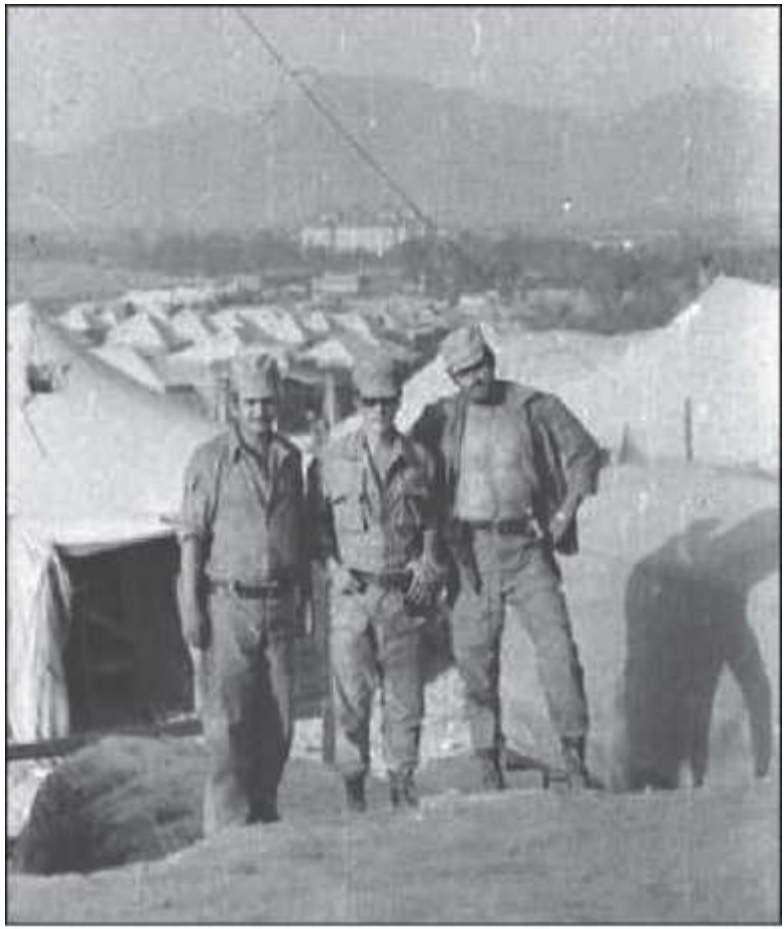
Спустя какое-то время особиста на самом деле поменяли. Вместо него прислали алкоголика с фигурой борца сумо и лицом цвета баклажана. Часто можно было наблюдать картину, как из ворот бригады выезжает мотоцикл, именно такой вид служебного транспорта был у особиста, а в люльке, откинувшись назад, похрапывает контрразведчик. Но зато он никого не доставал.

4.7. Спецкомандировка.

«Довольно гнуться над корытом,
тебе дарованным судьбой, — есть
счастье жить в бой открытом, я
заслужил открытый бой».

В Афганистане уже полгода шла война. Но это была не та война, которая закончилась в 1945 году. Это была война совершенно нового типа. Большие группы мятежников, за полгода ведения боевых действий, в основном были или уничтожены или рассеяны. Они не могли противостоять Советским дивизиям и полкам в открытом бою. И противник перешёл к тактике партизанской войны. Здесь противник везде и негде. Войска, проявляя беспримерное мужество и самопожертвование, воевали так, как требовали уставы и как учили командиров в военных училищах и академиях, и несли неоправданные потери.

Наиболее полно новым реалиям отвечала тактика действий частей и подразделений специального назначения ГРУ. Ведь по сути, их тактика мало, чем отличалась от партизанской. Да к тому же одной из задач спецназа, была задача ведения антипартизанской войны. Так, что спецназ ГРУ уже был подготовлен к ведению таких боевых действий. Это хорошо было видно по эффективности отдельной роты спецназ 40 Армии, которая иногда имела результаты боевых действий даже выше, чем некоторые дивизии.



Высшим военным руководством страны было принято решение направить офицеров-инструкторов спецназа ГРУ в 103 воздушнодесантную дивизию, полки которой располагались в Кабуле, Почему в дивизию ВДВ? Да потому, что это было наиболее боеспособное соединение 40 Армии, части и подразделения дивизии практически постоянно находились в боях. К тому же подразделения ВДВ, в силу своей специфики, были наиболее приспособлены вести боевые действия мелкими подразделениями в отрыве от основных сил.

В первой половине июля 1980 года в нашу бригаду стали прибывать офицеры с других бригад. Из них комплектовались три группы для переподготовки подразделений 103 дивизии. От нашей бригады предложили ехать мне, и я конечно согласился. В группу входило пять офицеров, три командира отрядов, один связист, и один сапёр.

В каждом полку 103 дивизии для ведения боевых действий по тактике спецназа был выделен один батальон. Так, что

получалось три батальона, и в каждый было направлено по одной нашей группе. Каждый командир отряда должен был работать с конкретной ротой, и обучить тактике спецназа хотя бы офицеров роты. Связист должен был обучить связистов батальона работать на наших спецрадиостанциях, а сапёр обучить работе со спецминами и спецзарядами.

14 июля 1980 года мы во главе с представителем ГРУ, подполковником Сазоновым, прибыли на аэродром Тузель, на окраине Ташкента. Перед посадкой в самолёт нам выдали загранпаспорта. И тут я обнаружил, что я Стодеревский Юрий Стефанович 1946 года рождения. Я сказал об ошибке представителю ГРУ, на что мне ответили, что переделать уже не успеют, и чтоб я запомнил свои новые метрические данные. Летели мы в самолёте ИЛ-76 одни, так, что он был практически пустой.

Слева на право: майор Ильин, майор Богдан, старший лейтенант Кондратьев, капитан Стодеревский.

По прилёту в Кабул нас отвезли в здание, в котором размещались высшие советские военноначальники.

С начало нас инструктировал начальник разведки Сухопутных Войск генерал полковник Гридасов, а затем Начальник Генерального Штаба генерал армии Ахромеев. Затем убыли знакомится с командиром дивизии. Получив все указания,

мы убыли к своим батальонам.

Я со своей группой попал в 157 парашютно-десантный полк, он размещался в крепости, два других полка находились в районе Кабульского аэродрома.

В нашей группе были: командиры отрядов, майор Ильин с Кировоградской бригады, майор Богдан с Лагодехской бригады, я в звании капитана, сапёр старший лейтенант Кондратьев, лейтенант связист, кажется по фамилии Евдокимов, откуда он не помню. Коллектив подобрался хороший и знающий своё дело.

Встретили нас несколько холодно. Это и понятно. Дивизия уже полгода воюет, и тут являемся мы из Союза, не нюхавшие пороха, их учить. Но палок в колёса нам никто не ставил. А в ротах, вообще, у нас сложились прекрасные отношения с офицерами. К сожалению учёбы, такой как положено, у нас не получилось. Дело в том, что дня через три-четыре после её начала батальон бросили на выполнение боевой задачи, и его не было около десяти дней.

Когда батальон уходил, я спросил разрешения у Сазонова идти вместе с батальоном, естественно мне не разрешили. Кому нужна такая ответственность. Дурак, не надо было отпрашиваться, ушёл бы и никто бы меня уже бы не вернул. А так пришлось мучиться от безделья в крепости. Выходить никуда нельзя, и делать нечего.

Но я, правда, пару раз ездил в отдельную роту спецназ, она располагалась около штаба армии, он размещался в бывшем дворце Амина.

Ротным уже был старший лейтенант Боев, командиры групп Сомов, Григорий Иванов, бывший мой подчиненный, и Тишин, будущий генерал и начальник спецназа России.

В роте мне подарили форму афганских коммандос, и я выпросил у Боева, на время командировки, пистолет АО-44.

С *офицерами батальона, второй справа командир батальона капитан Воронцов.*

Это тот же пистолет Стечкина, но с приспособлением для ведения бесшумной стрельбы. Для непосвящённых объясняю, что этот пистолет хорош ещё тем, что его обойма, вмещала 20

патронов, и он мог стрелять очередями, почти как пистолет-пулемёт.

Жизнь в крепости текла своим чередом. Каждое утро подразделения полка бежали марш-бросок с полной выкладкой. Впереди, как правило, бежал начальник штаба полка. Бегали только внутри крепости, место было, тем более, что на территории крепости имелся стадион. Затем целый день шли занятия по боевой подготовке, солдат учили конкретно тому, что будет нужно завтра в бою.

Боевой дух и офицеров и солдат был очень высок. И это, не смотря на то, что было отвратительно с тыловым снабжением. Солдаты ходили в штопаном и латаном обмундировании. Идёт война, а нормы вещевого снабжения старые, для мирного времени. Ну а самое страшное то, что солдат, да и офицеров отвратительно кормили.

Громадная, могучая страна и весь тыл Советской Армии не в состоянии были накормить только одну свою воюющею Армию. В июле месяце кормили сухой картошкой и сухим луком. Ежедневно «красная» рыба, это так народ в шутку называл кильку в томатном соусе, от неё уже воротило. В супе была постоянно какая-то сечка.

За два месяца командировки я потерял в весе 12 кг, а как же те ребята, которые там уже полгода и впереди неизвестно ещё сколько.

Но повторяю, боевой дух был очень высок. К нашему приезду в дивизии уже было два Героя Советского Союза. К сожалению фамилий не помню. Оба сержанты, при окружении противником подорвали себя, один гранатой, а другой миной.

Батальон вернулся с операции, и мы снова приступили к занятиям. После отработки ряда тем надо было провезти ученья взводов. Их мы решили проводить в окрестностях Кабула.

Я разработал план на карте. Время проведения учений спланировал на день, с переходом в ночь. Так как во время проведения учений мы могли столкнуться с реальным противником, у солдат было два вида боеприпасов. Холостые для учений, и боевые, на случай встречи с душманами. Одни лежали в правом кармане брюк, другие в левом. Сегодня, я не за что, такого бы не сделал, очень опасно. Ведь солдат мог и перепутать, как его не инструктируй.

Отдых на бассейне в крепости: Стодеревский, Ильин, Богдан.

День прошёл без приключений, и ночью, закончив занятия, я со своей ротой стал спускаться вниз по ущелью.

Ущелье было глубокое, по дну протекал не большой ручей. По обеим сторонам ручья, на расстоянии метров 60–70 друг от друга проходили тропинки. Мы спускались по правой стороне ущелья, и вдруг головной дозор даёт сигнал, что впереди опасность. Как, оказалось, по противоположному склону, вверх по тропе, поднималась какая-то группа людей. Мы залегли. Но с противоположной стороны нас заметили и тоже залегли. Было очень темно и что-либо разглядеть было не возможно. Мы лежали и вслушивались, в надежде услышать на каком языке говорит противоположная сторона, между собой объяснялись только жестами. Но на противоположном склоне также стояла гробовая тишина. Это противолежание продолжалось минут 15–20. Надо было, что-то делать. Я постучал камнем о камень, мне с противоположной стороны ответили тем же. Я пощёлкал прицельной планкой автомата, противоположная сторона повторила. Запрашивать голосом было нельзя, если там противник то на нас обрушился бы шквал огня, на таком

расстоянии это убийственно. Будут потери, и вообще неизвестно, чем это всё закончиться. Кто первым откроет огонь у того громадное преимущество. Не выдавая себя, первым открыть огонь, а если там свои?

Мы лежали, противоположная сторона тоже ничего не предпринимала. Но вечно это продолжаться не могло. Было принято решение, идти дальше, не вступая в контакт. Когда мы поднялись и пошли, на противоположном склоне сделали то же самое. Так молча, мы в темноте и разошлись. Спустившись в кишлак, который находился у входа в ущелье, мы узнали, что через кишлак в ущелье прошла большая группа душманов. Это был единственный случай, когда мы так мирно разошлись с душманами.

В начале сентября, так и не дав нам закончить обучение, батальон бросили под Герат. Душманы провозгласили там «Исламскую Республику Герат». Здесь уже я принимал участие. Переброска батальона, вместе с техникой, шла авиацией. Перебрасывали нас в Шиндант, почему-то с промежуточной посадкой в Кандагаре. С Шинданта совершили марш на технике в район Герата. Но в боевых действиях, как таковых, мы участия не принимали. Нас поставили во второе кольцо окружения, с задачей, не дать противнику атаковать, штурмующие город подразделения, с тыла.

Попыток деблокировки не было, но нас несколько раз обстреляли с кишлака, который находился за нашей спиной. Проверка кишлака результатов не дала, местные жители говорили, что это ночью приходят душманы, стреляют и уходят. Наверняка это была ложь. Мы с ротным решили, что надо сделать засаду на путях возможного движения противника. Заодно была возможность посмотреть, как народ усвоил проведённые с ними занятия по тактике спецназа. Скомплектовали группу.

С группой пошёл командир роты, замполит, ну и конечно и я. Как только стемнело, стали выдвигаться к месту проведения засады. И тут выяснилось, что солдаты имеют очень слабые знания по разведподготовке. Они совершенно не профессионально действовали в головном разведдозоре, постоянно задерживали движение группы. Было видно, что они это делают первый раз. А ведь это должны уметь делать даже в пехоте. Видимо всё обучение сводилось к тому, чтобы атаковать и захватить. Отсюда и не оправданные потери.

Поменяв дозорных, и получив тот же результат, я понял, что надо идти самому. Во-первых, мы быстрей выйдем на место засады, а во-вторых, я покажу людям как это надо делать. Мы благополучно добрались до нужного нам места. Организовали

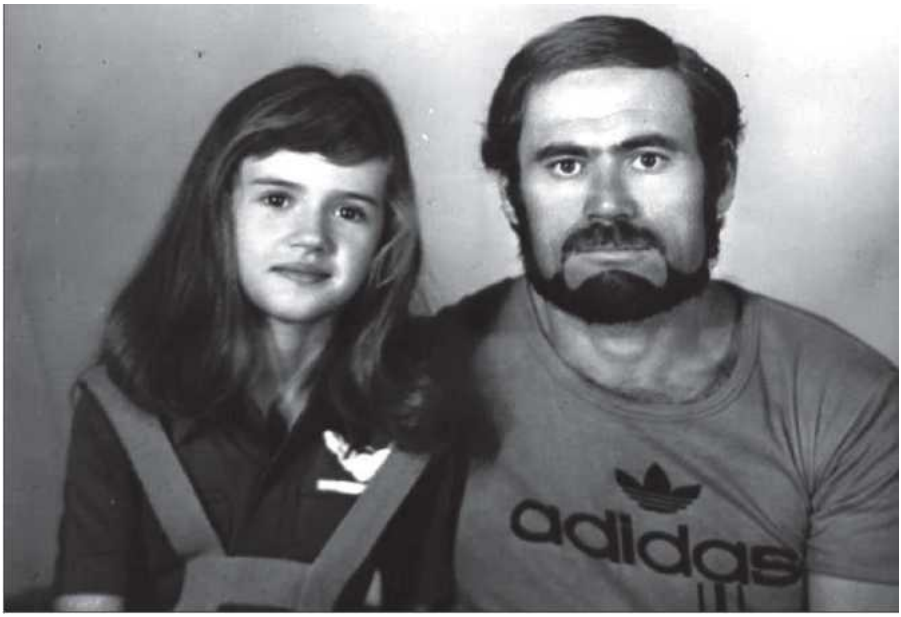
засаду, и так же благополучно просидели до утра, так и не увидев душманов.

Но сказать, что засада не дала результатов, будет не правильно. Просидев в сопках часов до восьми утра, мы назад демонстративно прошли через кишлак. Народ нас видел, и после этого не было ни одного обстрела. Так что нужного результата мы добились. Время командировки заканчивалось, нас собрали, и 17 сентября отправили самолётом в Ташкент. Было жалко бросать ребят на операции, но приказ есть приказ.

Я считаю, что свою задачу, по подготовке подразделений 103 дивизии, мы не выполнили, да и не могли выполнить. Спецназовца за два месяца не подготовишь, даже из таких прекрасных ребят и профессионалов как десантники 103 дивизии. По большому счёту занятия мы проводили не больше месяца, одна операция, за тем другая. Материальной базы ноль. Уж если хотели переучить, надо было вывести батальоны в Союз, минимум месяца на три.

А вообще то каждый должен заниматься своим делом. И правы были офицеры 103 дивизии, когда говорили нам: «Если вы такие ассы приезжайте и работайте здесь со своими подразделениями». Видимо и в Москве это поняли, и в 1981 году в Афганистан были введены два отдельных отряда спецназ, а в 1984 году их стало восемь, они входили в состав двух бригад спецназ.

С офицерами роты, в которой я был в командировке, у меня сложились очень тёплые отношения. К сожалению, я не помню их фамилий, за исключением командира роты Николая Ксенофонтова, возможно фамилию я путаю, и замполита Григория Новоселова. Новосёлов, после моего отъезда в Союз, присылал несколько писем, кстати, писал, что они успешно применяют то, чему я их учил. Дай то бог, если это спасло жизнь хоть одну солдату, значить командировка тогда, не была напрасна.



После возвращения из спецкомандировки, фото с дочерью Викторией г. Чирчик сентябрь 1980 года

4.8. Отряд (продолжение).

Прибыв в бригаду, я узнал, что стал «безлошадным» комбатом, так у нас называли тех, кто командовал кадрированными отрядами. Пока я «отдыхал» в Афганистане, меня «без меня женили». Так, что приобретенный боевой опыт передавать стало не кому, в отряде только я, и куча бумаг. Такое совершенно не по мне.

Единственный раз я был востребован, когда приехали специалисты, какого-то оборонного предприятия для испытания системы «Реалия». Она предназначалась для прикрытия объектов. Её также можно было использовать для обнаружения противника на возможных маршрутах передвижения.

Она состояла из датчиков, которые устанавливались на местности, подающих сигнал на центральный пульт, при любом передвижении в районе их действий.

Я, как единственный офицер в бригаде, имеющий хоть какой-то опыт ведения боевых действий, был привлечён к выбору места проведения испытаний. А затем участвовал в этих испытаниях. Метров 800, ночью, по зарослям верблюжьей колючки, мы на четвереньках пытались подобраться к объекту, вокруг которого были расставлены датчики «Реалии». Изображали стадо баранов. Но все наши усилия были напрасны. Когда мы были уже почти у цели, метров 100 осталось, из палатки вышел один из испытателей, и сказал, чтоб мы перестали себя мучить и шли к ним пить чай. Оказывается, они давно уже нас обнаружили. Аппаратура чётко показывала, кто идёт, люди или животные.

Что-то подобное мы использовали в Афганистане, систему «Охота». Она работала примерно по тому же принципу, что и «Реалия».

Слава богу, что в конце ноября меня отправили учиться на «Центральные Краснознамённые Курсы усовершенствования офицеров разведки», в Подмосковье. Преподаватели Курсов были офицеры разведки высочайшей квалификации. Что давалось на этих Курсах, больше ни где не давалось. Об этом говорит хотя бы то, что на курсах обучались, в том числе и офицеры, закончившие Академию имени М.В. Фрунзе. В конце апреля 1981 года я, сдав экзамены на Курсах, вернулся в Чирчик.

И тут закрутилось, одни сборы приписного состава (для непосвященных, это так называемые партизаны) заканчивались, другие начинались. В бригаде и раньше периодически проходили такие сборы. Но, как правило, каждый командир отряда сам проводил эти сборы со своими людьми. А здесь я только успевал

принимать людей. Полтора месяца сборов, передышка неделю, и новая партия.

Изучение местности с командирам групп на учениях

Инструктаж приписного состава перед ученьями

Постановка задач командирам групп на учениях

Полевой лагерь при проведении учений с приписным составом

Как правило, военкоматы привозили людей, которые были под хорошим градусом. И в первый день требовалось больших усилий для наведения порядка. Потом всё стабилизировалось. Но как-то 19 февраля, не помню в 1978 или в 1979 году, нас проверял округ, и мы по отработанному плану произвели частичную мобилизацию. Народ приехал трезвый как стёклышко,

все с перепуганными глазами. Дело в том, что 17 февраля Китай начал боевые действия против Вьетнама. И люди решили, что их призвали на войну.

Кстати при вводе войск в Афганистан так и было. Мало кто знает, что свою лепту в Афганскую войну, в начальном её этапе, внесли «партизаны».

На границе с Афганистаном у нас не было полностью развёрнутых и готовых к ведению боевых действий дивизий. Все имеющиеся, требовали доукомплектования, и естественно боевого слаживания. Буквально накануне Афганских событий их развернули и ввели в Афганистан. При отправке в войска, мужиков в Ташкенте и области хватали, где попало, одного забрали прямо со свадьбы. И это не моя выдумка, об этом мне рассказали в одном из военкоматов Ташкента, я в эти дни как раз проводил там сверку.

В дивизиях в это время были проблемы с ВУС-ами (военно-учётная специальность). Военкоматы недобросовестно подошли к комплектованию команд, да и их понять можно, отправка осуществлялась в очень сжатые сроки. Мой знакомый, из Чирчика, учитель музыки, попал в танкисты, хотя до этого никогда в танке даже не сидел. Это стоило ему инвалидности, он, какой-то железякой, выбил себе в танке глаз.

Если бы афганцы при вводе войск оказали сопротивление, было бы море крови, но нас тогда встречали даже цветами. Видимо командование на это и рассчитывало. Задача у соединений и частей, тогда была одна, выйти в указанные места дислокации, что и было сделано. А затем, в течение полутора двух месяцев, «партизан» поменяли на солдат срочной службы.

Часть частей перебрасывалась в Афганистан по воздуху, в основном подразделения 103 дивизии ВДВ. Так получилось, что коридор пролёта проходил над Чирчиком. Часа два с половиной над городом постоянно висело три самолёта, один уходил за горизонт, второй только появлялся из-за горизонта, и третий был между ними. Просто удивляла слаженность действий. Самолёты были и военно-транспортные и гражданские.

С *братом Юрием и женой Александрой в Ташкентском ВОКУ.*

Летом я женился, но опять не так как все нормальные люди. Вокруг море молодых, красивых девушек, а я женился на жене одного из офицеров бригады. Естественно, что она перед этим развелась. И естественно, что я получаю строгий выговор по партийной линии. На парткомиссии, где рассматривали моё дело, я сказал, что не жалею о том, что сделал.

«…Любовь стара, как мирозданье;
Но кто пришёл, и кто придёт на свет,
Приходит обновлять её завет».
Байрон.

В этом же году, в августе, я должен был ехать поступать в Академию им. М.В. Фрунзе. За год до этого, я, как положено,

написал рапорт, прошёл медицинскую комиссию, документы прошли все инстанции, и меня утвердили кандидатом.

Тут приезжает Начальник разведки округа генерал майор Корчагин и объявляет мне: «Женится, не умеешь, а значить в Академию не поедешь». Это уже была вторая моя неудачная попытка поступить в академию, в 1979 году меня прокатили за развод.

В июне месяце получаю задачу от командира бригады провести показные занятия для командного состава дивизий ТуркВО. Своих людей у меня уже не было, подобрал себе группу, и мы поехали в учебный центр Келета, это под Ашхабадом.

Показывали всё туже тактику спецназа и рукопашный бой. Ведь в пехоте даже старшие офицеры ни чего не знали о спецназе.

Проводя один из приёмов, я не рассчитал силы и потянул руку одному из солдат. Спустя часа три после занятий солдат пожаловался, что болит рука, а мы уже были на вокзале в Ашхабаде, сунулись в медпункт, закрыт. Но у нас были аптечки ВДВ, где имелся шприц-тюбик с обезболивающим средством, и здесь оказалось, что ни я, ни кто другой из нас, не можем делать уколы. Просто не приходилось, а специально этому ни кто нас не учил. Пришлось мне, впервые в жизни, сделать внутримышечный укол. Плохо, что мы военно-медицинскую подготовку проходили только теоретически.

По возвращению с этой показухи мне вручили орден «Красная Звезда», это за спецкомандировку. Я знал, что был представлен, но прошёл почти год и тишина. Я уж и не ждал. Построили бригаду, и комбриг скрепя зубами, с постной физиономией вручил мне его. Оно и понятно только, что песочили меня на всех собраниях и совещаниях, за мою женитьбу, а тут орден.

В конце сентября началась подготовка к параду в Ташкенте в ознаменования очередной годовщины Великой Октябрьской Революции. Раньше наша бригада ни когда на парады не привлекалась, ходили десантники 56 десантно-штурмовой бригады с нашего гарнизона. Но их ввели в Афганистан, а свято место пусто не бывает. Приказали нам выставить одну коробку и опять меня сунули старшим. Больше месяца я готовил людей к параду. На одну из тренировок приехали сотрудники Ташкентского телевидения и записали все мои данные.

Уже потом, будучи в Афгане, я получил письмо от жены, где она писала, как смотрела Ташкентский парад, и своим ушам не верила. Диктор объявил, что во главе колоны десантников идёт кавалер двух орденов и называет мою фамилию. Она все глаза проглядела. Но меня так и не увидела. А я в это время «маршировал» в Афганистане по провинции Джаузджан.

В конце октября мы узнаём, что «мусульманский» батальон опять будет вводиться в Афган. Меня вызвали и спросили, готов ли я принять командование этим батальоном. «Нужен, тот, кто нужен…». Я, конечно, дал согласие.

Началась переукомплектация отряда, убирали не годных и брали других. Ко мне шли офицеры и прапорщики не только из бригады, но и из других частей гарнизона. Взял я в батальон, командиром группы, и родного брата Юрия. Он в этом году закончил Ташкентское ВОКУ, я ещё весной отобрал его и ещё троих в нашу бригаду. Так, что он в должности прослужил всего два месяца, и науку «спецназ» ему пришлось постигать уже в бою.

Его товарищу по училищу, лейтенанту Прокопенко, места в отряде не хватило. Но, чтобы всё-таки пойти с отрядом он согласился на должность секретаря комсомольской организации. Правда, с оговоркой, что как только освободится должность командира группы, его отпустят на эту должность. Но политработники, от себя ни кого, и не когда не отпускали.

Ко мне приходили солдаты из других частей гарнизона, убежав в самоволку. Если человек мне подходил, то назад в свою часть он уже не возвращался. Рядом со мной сидел кадровик со штаба округа и вечером уже был приказ по округу о переводе этих людей.

Параллельно с комплектацией шла подготовка техники к маршу и погрузке в эшелон. В это же время я принимал имущество и вооружение батальона. Этот кошмар длился суток трое. Затем нас стали грузить на эшелоны. Я вот сейчас думаю, зачем тогда нужна была такая спешка, ведь не 41 год, и враг у Москвы не стоит. Всё это наша армейская дуристика, «всю ночь кормить, к утру зарезать, и чтоб жирный был», это про кабанчика.

Перед отправкой нам выдали карты, у нас глаза на лоб полезли. Карты были района Красного моря. Мы уж решили, что воевать будем в Аравийской пустыне. Ну, Аравия так Аравия. Я пошёл уточнять задачу, оказывается, топографы ошиблись. Вот такой был бардак. Уже прибыв в Афганистан, я встретил в лагере офицера в повседневной форме и в фуражке с чёрным околышем. На мой вопрос кто он такой, я услышал, что он командир моего взвода минирования. Нам не дали даже недели, изучить людей и провести боевое слаживание отряда. Единственно радовало то, что 100 % офицеров были добровольцы, да и солдат около 70 %. При отправке я забрал с собой младшего сержанта Омарова. Хороший солдат, но из-за того, что чеченец, особист бригады запретил его брать. А я взял и не пожалел, прекрасно воевал парень. Одним из первых получил медаль «За отвагу».

26.10.81 года грузились в эшелон на станции Келес. Всю ночь

не спал, у солдат, да и у офицеров не было навыков в погрузке и креплении техники. Что-то помнили ещё с училища, это и применяли.

При следовании на станцию погрузки перевернули и утопили БРМ (боевая разведывательная машина). Хорошо, что обошлось без жертв. Наследующий день утром эшелон пошёл к границе.

28.10.81 года в 15.30 прибыли на станцию Джаргурган, это в 35 км восточнее г. Термез, и приступили к разгрузке техники. Опять всю ночь не спал. Управляемость отряда была отвратительная, с помощью посыльных, как в Гражданскую войну.

На следующий день, в 8 часов утра вышли в район сосредоточения, стояли в песках. Готовились к переходу границы и к маршу в район предстоящей дислокации. В наш район пригоняли машины с продовольствием и лесоматериалами для строительства палаточного городка. Было очень много офицеров со служб округа. Параллельно шла передача нашего отряда в состав 40 Армии. Всё чего не хватало, немедленно привозилось из Термеза.

В 21.00, построив колону, мы пошли на границу. Опыта вождения колон у меня не было. Дороги, как таковой, с нашего района на паромную переправу тоже не было. Множество полевых дорог, которые то расходились, то сходились. Регулировщики поставлены не были. И когда мы зашли в сплошные камыши, карта стала бесполезна, к тому же ещё стемнело. Слегка блуданув и опоздав на час, мы вышли на переправу.

На КПП пограничников нас ждал заместитель начальника разведки округа полковник Пилипенко. Он крайне эмоционально высказал всё, что обо мне думает. Так же эмоционально, я высказал своё мнение о нём. У рядом стоявшего офицера пограничника челюсть отвалилась до груди. У меня, после трёх дней беспрерывного стресса, просто не выдержали нервы. Казалось бы, мы стали врагами на всю оставшуюся жизнь. Но спустя четыре года, именно благодаря полковнику Пилипенко я остался в стенах Академии. Стоял вопрос о моём отчислении. Но об этом позже.

С отцом и братом перед Афганом. г. Чирчик сентябрь 1981 года.

Глава 5. АФГАН

«Война — брусок, на котором оттачиваются, как лезвие, достоинство и совесть человеческая.
У одних эта совесть оттачивается, а у других, как плохо закаленная сталь, крошится».

П. Автомонов «Когда разлучаются двое».

События с момента ввода в Афганистан и до апреля 1982 года у меня отражены очень точно, я вёл дневник.

В 1.30 30.11.81 года последняя наша машина перешла границу. При переходе было много суматохи. Пограничники не могли, точно, пересчитать всех людей. У них получилось меньше, чем было на самом деле. Дело в том, что многие солдаты уже спали, а спящих в боевой технике посчитать сложно. В конце концов, пограничники записали ту цифру, которую я дал и мы пошли строго на юг, в глубь Афганистана.

Совершение марша было сплошным кошмаром. Хорошо, что на этом участке дороги ни когда не было душманов, иначе из нас сделали бы кровавое месиво. Колона была полностью не управляема. Радиосвязь была только между боевыми машинами, а у нас в колоне было около 150 КАМАЗов, которые везли наше имущество.

Периодически какой-то из них ломался и все машины, что следовали за ним, останавливались. Водители засыпали. Впереди идущие машины продолжали идти. Отремонтированная машина трогалась, а все остальные стояли. Я был вынужден ехать на БМП не по дороге, а рядом. Солдаты спрыгивали с БМП и, стуча прикладами в кабины, будили водителей. Но так бы мы не куда не дошли, и я посадил в кабину каждого КАМАЗа нашего солдата, тогда колона потихоньку, но пошла. Всю ночь не спал.

В 7 часов утра колона вышла на перекрёсток дорог. Налево на юго-восток, на Ташкурган и далее на Полихумри и Кабул. Направо на запад, на Мазари-Шариф и далее на Шибарган. Южнее перекрёстка было место дислокации 122 МСП, 201 МСД. В последствии мы часто работали на операциях совместно с подразделениями этого полка.

На перекрёстке нас уже ждал батальон из 56 ДШБР (десантно-штурмовая бригада). Дальше было идти уже опасно, и

они осуществляли охрану наших колон. Пошли в сторону Шибаргана тремя колонами, а я с генералом Винокуровым полетел на вертолёте выбирать место для размещения отряда. Две колоны проскочили нужный поворот, пришлось их догонять и возвращать. И, в конце концов, потерялась одна Шилка. Заглох двигатель, пока устранили неисправность, колона ушла. Ну и конечно поворот они тоже проскочили. Регулирование организовано не было.

В течение месяца я потом проводил занятия по совершению марша и организации связи в колоне. Одного месяца хватило решить эти вопросы.

Шилка пришла в три часа ночи. Нам просто повезло, что душманы видимо эти сутки отдыхали.

Прежде чем вводить отряд, надо было провести хотя бы несколько занятий по-боевому слаживанию. Ни я, ни кто из офицеров, не имел опыта в организации марша даже в мирное время. В спецназе нет в подразделениях техники, на учениях только пешком. А здесь война, сотни машин, колона смешанная и колёсные и гусеничные машины. О чём только начальники в больших штабах думали, и война ведь уже шла около года пора бы иметь хоть какой-то опыт.

Мы опыт обретали в боевых условиях, а это всегда лишняя кровь.

Боевые операции мы в последствии планировали и проводили исходя не из требований уставов и инструкций, а из реалий Афганистана.

Операции по захвату душманских баз представляли собой солянку из пехотной и спецназовской тактики. Засадные действия практически не противоречили требованиям инструкции по применению частей и подразделений спецназ, но и здесь Афган внёс свои коррективы. Доставку групп мы осуществляли исключительно наземным путём. В связи с относительно небольшими зонами ответственности, мы отказались от вертолётов, по земле надёжней и более скрытно. За два года мы не разу не осуществляли эвакуацию групп. Наоборот, при боестолкновении с противником мы наращивали свою группировку. Ни одна наша группа, уходя на засаду, не оставалась без прикрытья, но об этом позже.

В первую же ночь охранением был задержан подозрительный афганец, крутился возле лагеря и не мог внятно объяснить, что он тут делает. Допрос особиста ни чего не дал. Тогда я приказал привести его ко мне. Он опять нёс, какую-то чушь. Я вызвал нашего начальника медпункта и приказал ему принести и разложить самый страшный с его точки зрения медицинский

инструмент. Сказал, чтобы он обязательно взял шприц, которым в фильме «Кавказская пленница» делали укол «Бывалому». После того как инструмент разложили, даже не пришлось задержанного запугивать, он, поглядывая на стол, выложил 14 адресов. Утром мы его сдали в ХАД.

В ночь с 31 октября на 1 ноября, при проверке боевого охранения, был ранен помощник начальника штаба, старший лейтенант Михалёв Владимир Николаевич. Он пошёл с начальником штаба проверять посты. И получалось так, что на один из постов они вышли не со стороны лагеря, а от речки поросшей камышом. Солдат стоявший на посту применил оружие, даже не окликнув. Первый раз в жизни восемнадцатилетний парень попал в боевые условия и нервы не выдержали.

Утром десантники пошли на операцию, и я отправил с ними две группы со второй роты, одной из групп командовал мой брат. У нас в лагере был генерал-майор Глушаков, он и руководил действиями десантников и нами. Мы с ним подошли к Михалёву, он был бледен, но выглядел хорошо и даже улыбался. Ему наши медики сделали всё возможное, он лежал на носилках, мы ждали вертолёты. Глушаков спросил у него: «Ну, что сынок, до вертолётов потерпишь»? Володя, что-то ответил, улыбнувшись. Подошедшим вертолётом его отправили в Шибарган центр провинции Джаузджан. Там находился городок советских специалистов, нефтяников и газовиков и имелась небольшая поликлиника. Где Володе и сделали операцию.

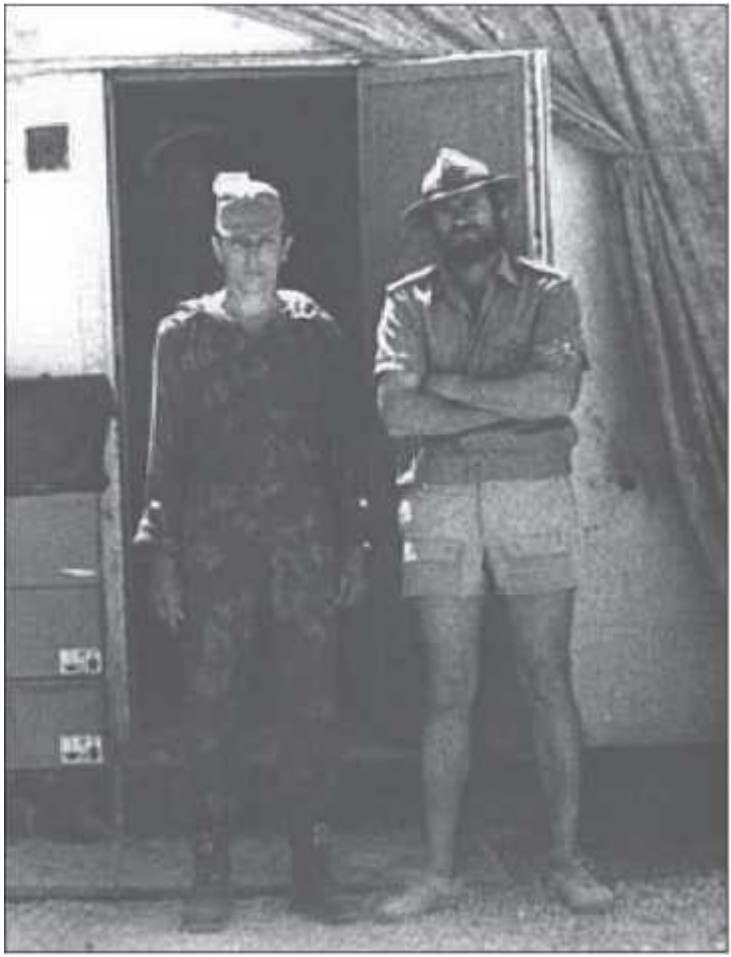
2.11.81 года утром нам сообщили, что старший лейтенант Михалёв умер от большой потеря крови. Володя, как и мы все, был добровольцем. На должность помощника штаба он согласился только потому, что очень хотел идти с отрядом, а свободных групп не было. Потомственный военный он не мог иначе. В Минске у него остались отец и мама.

Судьба солдата ранившего Михалёва сложилась трагически. Буквально через неделю, на одной из операций, во время боя он пропал. Опускалась ночь, и роте надо было уходить, иначе могли быть большие потери. С рассветом мы вернулись на то место большими силами. Солдата нашли, он всю ночь просидел в глубоком арыке под камышом, по пояс в воде. Но через три месяца, в одной из операций, он погиб.

Мне не нравилось наше место расположение, вокруг очень много посадок и глубоких арыков, по которым можно не заметно подойти к лагерю. К тому же мы стояли на пахотных землях, а значить, кого-то лишим куска хлеба. Наше расположение устраивало только местную власть, так как мы были не далеко от н.п. Акча, центра волости. На них периодически нападали

душманы.

Прилетел генерал полковник Горяев. С его разрешения облетел местность на вертолёте и выбрал новое место для лагеря. Три роты ушли на операцию.



С командиром танкового батальона 122 МСП

На следующий день переехали на новое место и стали обустраиваться. Вернулись три роты и привезли одного раненого, отправили его вертолётом в Кундуз.

Так начались наши будни в чужой стране. Я ездил в Шибарган, налаживать взаимодействие с размещенным там танковым батальоном и группой разведотдела 40 Армии. Заодно договорился с советскими специалистами насчёт вагончиков под жильё и о стройматериалах.

6 ноября первый раз испекли хлеб, в составе отряда было два отделения полевого хлебозавода. Организовали баню с применением установки по дезинфекции. Показали личному

составу первый фильм. Так, что жизнь стала входить в нормальное русло.

На следующий день поступила информация, что пропал губернатор провинции, и просьба от местных властей помочь в его поиске. Одна рота во главе с моим заместителем старшим лейтенантом Посоховым В.Н. убыла на поиски.

Нашли его в кишлаке Менгаджик, сидел в осаде. Цирандоевцы бросили его и на двух БРДМах сбежали к нашей границе. Рота уничтожила 15 басмачей.

Именно так мы называли противника, или душманами, но не духами и тем более не моджахедами.

На трофейном коне.

Ещё пятерых взяли в плен. Было захвачено оружие и восемь кавалерийских лошадей под седлом

Операция прошла удачно. Но ночью когда рота возвращалась в лагерь, попали в засаду. Нападение отбили и прорвались, когда пересчитали солдат, не оказалось рядового Горбунова. Вернулись на место боя, прочесали всю местность, но солдата так и не нашли.

В течение месяца как этого и требовал приказ, основные свои усилия мы сосредоточили на поиске Горбунова. Но, к сожалению, ни наши операции по прочёсыванию кишлаков ни агентурная работа результатов не дали. Мы постоянно получали информацию от местного Хада, что советского солдата видели то в одном месте, то в другом. Но при проверке всё это оказывалось липой. Я даже поставил задачу местным властям, чтобы они попытались выйти на душманов и передали им, что готов обговорить вопрос обмена. Но, к сожалению, Женю мы так и не нашли.

Было тяжело об этом писать родителям. На погибших писать, тоже конечно очень тяжело эмоционально. Всё это трагедии каждой отдельно взятой семьи. В случаи с Горбуновым тяжелей в

двойне. Нам постоянно шли письма не только от родителей и родственников солдата, но и от его друзей и школьных учителей. Женина судьба волновала всех, все требовали и упрекали. Я на них не обижался. Понимал, что они там, в Союзе, плохо представляют себе, что здесь в Афгане творится. Ведь в газетах тогда писали, что мы здесь ведём учебные бои и иногда доставляем хлеб в горные кишлаки.

Всей перепиской занимался замполит. Длилась она около года. Затем пришло письмо от сестры Жени, где она очень жёстко высказало всё, что думала обо мне. Наверно в чём-то она и была права. Упрекнула меня в том, что если бы такое случилось с моим братом, то я бы поиски не прекратил. ***Евгений Горбунов*** Дело в том, что это уже была осень 1982 года, отряд был передислоцирован в другую провинцию, и по Горбунову мы уже ничего не могли предпринимать.

Я ответил ей, что мой брат находится здесь рядом со мной, и не известно, выйдем ли мы отсюда живыми. Больше письма не приходили.

Мама Жени приезжала в Чирчик беседовала с теми офицерами, которые в то время находились в отпуске. Родители в праве были знать, кто виновен в этой трагедии.

Приезжала она и ко мне, в 1985 году, когда я уже служил в Батуми. Мы с ней сели, я подробно рассказал о тех событиях, показал ей два своих афганских альбома. Ей казалось, что виноват Посохов, так как был старшим. Но мне кажется, что я убедил её, что во всём виновата, только война. Ведь тот бой у большинства был первым, и у Посохова в том числе. Они попали в засаду, к тому же ночью. Да если свести в кучу все эти реалии, то там должно было остаться пол роты. Но благодаря тому, что солдаты были неплохо подготовлены ещё в мирное время, и благодаря конечно Посохову, рота потеряла только одного солдата. Но это был сын именно этой матери. И она будет его ждать и искать всю свою жизнь.

В ноябре 1992 года, я в это время служил в Украине. Мне пришёл запрос из Российского комитета по делам воинов-интернационалистов. Уточняли обстоятельства пропажи Горбунова, они занимались его поиск. Дай то бог, чтобы он нашёлся.

В тот же день, когда пропал Горбунов, охранением был задержан всадник. Как оказалось он сам, добровольно, ехал к нам сдаваться. Это был заместитель главаря одной из банд. Главарь изнасиловал его сестру, а он, убив его, явился к нам. С собой имел два автомата Калашникова, как он говорил один его, другой главаря. Мы передали его в ХАД.

На следующий день после пропажи Горбунова, одна рота ушла на его поиски. Прочесали два кишлака. Убили пятерых басмачей и двоих взяли в плен. Один из них показал, что Горбунова взяли живым и увезли в кишлак Абоз. Пригнали пять лошадей под седлом.

9 ноября в 4.00 две усиленные роты убыли на прочёсывание кишлака Абоз. У них имелись наводчики из местных жителей. В 9.00 на 2-х МИ-8 сам вылетел к кишлаку Абоз и с восемнадцатью солдатами десантировался на северной окраине, с юга подходили наши роты. Вертушки остались в воздухе для поддержки огнём. Но, к сожалению, прочёсывание результатов не дало.

Мы обустраивали лагерь. Подвозили из Шибаргана вагончики. Копали для палаток котлованы. Дело в том, что несколько раз ночью, лагерь обстреливали из стрелкового оружия. Мы, конечно, проводили засады вокруг лагеря, но результатов они не дали, правда, обстрелы прекратились. Я решил обезопасить людей и приказал для каждой жилой палатки выкопать котлован глубиной 2,5 метра. Стены и пол котлована обшивались досками, и сверху устанавливалась палатка. В этом случае обстрел был не страшен, пули пролетали бы над головами, дырявя только брезент.

Прилетел командующий 40 Армией генерал лейтенант Ткач, с кучей генералов и старших офицеров. Походили, посмотрели и, сделав ряд замечаний по устройству лагеря, улетели.

Прилетел генерал-майор Блезнюк. Он мне сразу сказал: «Командир я тебе мешать не буду, моя задача научить твоих ребят стрелять из миномёта». Дело в том, что нам в гранатомётную роту дали 6 штук 82-х миллиметровых миномётов «Поднос» (это облегченный вариант для ведения боевых действий в горах). Так, что рота стала миномётно-гранатомётной. В зависимости от задачи, они брали на операцию то или другое вооружение.

Артиллеристов у нас, конечно, не было, и Блезнюк учил их от нуля. Я его практически не видел, он был постоянно с расчётами. Целый день как лейтенант крутился в поле на занятиях. И большое ему спасибо за науку, задачу свою он выполнил. Проблемы накрыть цель в кратчайший срок для наших миномётчиков не было.

Одно не понятно, что в Армии не нашлось толкового командира батареи? Это всё наша армейская перестраховка и попытка подменить нижестоящее звено. А это очень опасно, так как приводит к потере у офицеров инициативы и способности принимать решения. С этим мы ещё столкнёмся при проведении операции по уничтожению базы душманов в кишлаке Джар-Кудук.

Мы проводили засады, прочёсывали кишлаки, где по сведениям ХАДа находились душманы. Были неплохие результаты. Захватывали не только оружие, но и автомобили. При нападениях душманов на населенные пункты, где были представители местной власти, ходили и оказывали им помощь. То есть занимались тем, для чего мы сюда прибыли, стабилизацией обстановки в зоне ответственности. А это, и провинция Джаузджан, и часть провинции Балх.

19 ноября из Шибаргана приехали начальник армейской разведгруппы и партийный секретарь провинции Джаузджан Насим, он являлся главой власти в провинции. Они пригнали колону автомашин около 100 штук, с просьбой сопроводить их до Мазари-Шарифа. Подобное в наши задачи не входило, этим должны были заниматься сами афганцы. К тому же у меня не было сил и средств. Часть рот находилась на операции, и я мог выделить только два БТРа.

Была совершена большая ошибка, колону пригнали заранее, и она ночевала рядом с нашим лагерем. Все вокруг знали, что она пойдёт на Мазари-Шариф. Надо было отказаться от сопровождения, а я этого не сделал. Понадеялся на то, что если что-то и произойдёт, то для наших ребят всё закончится нормально. Один БТР стал во главе колоны, а другой в замыкании, чего тоже нельзя было делать, надо было их ставить вместе, чтобы они могли оказать друг другу огневую поддержку. У меня не было опыта в сопровождении колон.

Наследующий день рано утром колона пошла. Этот день самый чёрный день нашего отряда и лично мой. У кишлака Тимурак, душманы выстрелом из гранатомёта подбили последний БТР, а затем добили раненых.

Погибли:

— командир группы лейтенант Слепцов Андрей Александрович;

— сержант Шиварев Алексей Фёдорович;

— рядовой Чегодаев Виктор Анатольевич;

— рядовой Эшонов Шавкат Абдураимович;

— рядовой Милибаев Бахадыр Патидимович;

— рядовой Бабиев Хайридин Тешаевич.

У них забрали оружие, сняли сапоги и сложили вдоль арыка в рядок. Изуродовать не успели, подошла одна из наших рот. Только одному перерезали горло и вспороли живот. В их смерти был виновен только один человек и этот человек я.

Мы привезли ребят и сложили их в одной из палаток. В колону по одному прошёл весь отряд. А я заходил и смотрел ребят ещё дважды, набирался ненависти на душманов и на самого

себя.

Я считал, что меня снимут с должности и отдадут под суд военного трибунала, но этого не произошло. Позвонил начальник штаба 40 Армии генерал-майор Тер-Григорьянц и сквозь зубы сказал всё, что обо мне думает. В заключении сказал, что ещё одна такая ошибка и суда мне не избежать.

Но самый страшный суд, это суд наше совести, и нашей памяти. Вот уже более двадцати лет эти ребята судят меня. Особенно в дни как-то связанные с Афганской эпопеей.

Мы конечно отомстили. В течение недели проводили боевые операции в этом районе, перебили несколько десятков душманов, в том числе двух главарей банд. Как раз тех, которые участвовал в нападении на колону.

Отряд практически ежедневно вёл боевые действия. Но подразделения выходили по очереди, группы ходили на засады, а роты прочёсывать проблемные кишлаки. Практически ежедневно мы имели не большие результаты, 3–5 душманов уничтожали или захватывали в плен. Но зато у нас не было даже раненых. До нас в этом районе душманами никто серьёзно не занимался и они обнаглели. Позволяли себе даже делать налёты на Акчу. Кстати выходя на прочёсывания, мы всегда брали с собой отряды самообороны. Они прекрасно знали местность и воевали гораздо лучше, чем цирондой, ведь все были добровольцами. У каждого из них был свой личный счёт к душманам. Костяк таких отрядов составляли партийные активисты из НДПА.

26 ноября 2 роты ушли ночью на блокировку кишлака Алайли. Ходили мы только пешком, а уже после того, как кишлак был блокирован, подходила бронегруппа. В кишлаке оказалась большая банда и попыталась прорваться из окружения. Я выехал с подкреплением, и мы удачно завершили операцию. Это был первый наш большой успех, 25 душманов было убито и 21 взят в плен. Я в первый раз представил группу солдат и офицеров, 7 человек, к правительственным наградам. Затем таких удачных операций было несколько.

После месяца нашей работы в зоне ответственности обстановка была несколько стабилизирована. Душманы теперь могли действовать только по ночам и только из засад, кончилась их вольница.

Боевые действия в нашей зоне ответственности имели свои особенности. Мы действовали на равниной местности с хорошо развитой оросительной системой. Имелось громадное количество больших и малых арыков. Они затрудняли наш манёвр, так как некоторые арыки были в ширину до двух метров и до трёх метров глубиной. Техника не проходила, даже если там не было воды.

Душманы пользовались этим и уходили от преследования, тем более, что часто они были на лошадях. Надо было что-то делать. Мы при проведении операций захватывали кавалерийских лошадей, кавалерийских потому, что они не боялись выстрелов и по команде всадника ложились. Спрятавшись за них можно было вести огонь. Я приказал сформировать кавалерийский взвод.

Подобрали солдат из тех, кто умел сидеть в седле, в основном это были ребята из республик Средней Азии. Они были все из сельской местности и умели обращаться с лошадьми. Теперь душманам стало уходить сложнее. Да и ночью при выходе к месту засады, выйти в точку можно было бы гораздо быстрей, и при этом сохранялись силы. А в случаи необходимости можно было оторваться от противника. Был случай, когда благодаря нашим кавалеристам одна из рот избежала засады.

Рота шла ночью по полевой дороге вдоль не большого канала, впереди, в пятистах мерах, шёл головной дозор на лошадях. Душманы из засады их окликнули, приняв за своих. Ребята ответили на узбекском языке, те стали кричать, чтобы они срочно уходили, так как сзади идут шурави. Открыв огонь из автоматов, солдаты бросили лошадей и переплыли канал, никто даже не был ранен.

Засада была сорвана, и при подходе роты противник разбежался.

Мы только начали разрабатывать тактику действий этого подразделения. Но прилетел генерал армии Ахрамеев. Посмотрел лагерь, выслушал мой доклад и приказал лошадей передать местной власти. Я считаю это ошибкой, надо было целую роту посадить на коней. В труднопроходимой местности конь и сейчас незаменим. А уж при современной тактике ведения боевых действий без него не обойтись.

Пленные захваченные в кишлаке Джангаль-Арык (на переднем плане душман переодетый в женское платье]

Считаю, что и сегодня в войсках быстрого реагирования должны быть подразделения, где для передвижения используются лошади. Войны последнего десятилетия это в основном партизанские войны.

Проходят они, как правило, в труднодоступной местности, где использование техники затруднено, а зачастую и не возможно. К тому же организовать скрытое передвижение подразделений на технике это из области фантастики. А сейчас зачастую выигрывает тот, кто неожиданно для противника оказался в нужном месте и в нужное время.

Россия второе десятилетие ведёт войну в Чечне, да и в Таджикистане тоже. Имея тысячи подготовленных кавалеристов, казачество. Не делает даже попыток к созданию таких подразделений. А я уверен, там внизу, в войсках, при каждом удобном случае солдаты используют лошадей, так же как это делали мы.

Ахромеев улетел, сказав мне, чтобы я довёл до каждого солдата, что мы здесь не интернациональный долг выполняем, а защищаем южные рубежи Отечества.

Я дважды встречался с этим человеком и когда в начале девяностых годов объявили, что он повесился, я не поверил, и

сейчас не верю. Такие люди, такие офицеры выдерживают любые удары судьбы и сами не вешаются.

Выполняли мы и задачи по обеспечению безопасности советских специалистов работавших в Шибаргане. От туда по трубе качали газ в Союз. Один раз душманы провели диверсию. Трубу взорвали, но не подумали о том, что в трубе газ. Рвануло так, что из диверсантов мало кто уцелел. Когда подошла наша рота вокруг места взрыва валялась обувь и окровавленная одежда. Больше они на трубу не совались.

Несколько раз мы проводили операции по вывозу семей партийных активистов и офицеров афганской армии в Акчу из дальних кишлаков. Душманы развязали против них террор, вырезали всех, от мала до велика. Вырезали и сочувствующих власти.

Делалось это так. Рота блокировала кишлак. Один из взводов блокировал необходимый дом. А затем афганцы в наши машины грузили семью и всё имущество. В Акче местные власти выделяли им дом. Так, что это были боевые операции. Один раз был случай, когда мы вытащили семью практически из-под ножа. Опоздав хотя бы на пол часа, нашли бы только трупы.

Со спасёнными детьми партийного активиста

В 12.00 29 ноября поступила вводная, что в кишлаке Торли собираются вырезать семью перебежчика. Как раз того, который пришёл к нам 7 ноября, убив главаря банды. Исламский комитет уже вынес приговор, всю семью под нож. Я отправил в кишлак две роты, а сам чуть позже вылетел на вертолётах с десантом. По дороге мы должны были в горах подсесть и забрать наводчика. Дело в том, что в этой местности было несколько кишлаков с таким названием и без наводчика не обойтись.

Конвоирование задержанного при прочёсывании кишлака. Крайний слева боец отряда самообороны. На втором плане, крайний справа, телохранитель командира отряда Александр Шлепетис.

Солдат в вертолёты мы грузили по максимуму, и каждый из них был обвешен боеприпасами, так как неизвестно какой противник нас ждёт после высадки. А так как на десантирование шли расчёты АГС-17, то это был ещё дополнительный груз.

Командир звена или эскадрильи, сейчас уже не помню, кажется Зайцев. Страшно со мной ругался при погрузки, говорил, что вертушки столько не потянут. Но я его уговорил. Дело в том, что вертолёты были МИ-8Т, а у них очень слабый двигатель. А в условиях высокогорья он вообще ни куда не годился. Это уже потом поменяли эти вертушки на МИ-8МТ. Так вот, когда мы подлетели в точку, где надо забрать наводчика, он уже стоял внизу и махал нам руками. Я сказал Зайцеву, что надо подсесть, он мне в ответ, что этого делась нельзя. Если сядем, то возможно не сможем взлететь. Но без наводчика идти нельзя и мы сели. Мгновенно втащили наводчика, и вертолёт с трудом начал отрываться от земли. Набрав высоты метров десять, он стал медленно оседать к земле. Зайцев повернул ко мне голову, лицо у него было сероватого цвета. В двух словах, используя русский фольклор, выразил своё отношение ко мне.

Вертолёт ударился о землю всеми четырьмя колёсами, слегка подскочил и завалился в пропасть. Я стоял в кабине у лётчиков. Сердце было где-то в районе гланд. Но видимо то, что мы

завалились, а точнее это Зайцев завалил машину в пропасть, нас и спасло. Вертолёт поймал поток и стал набирать высоту. Возможно, лётчики будут улыбаться, что я не профессионально описал ситуацию. Вы уж меня ребята простите, но всё происходящее я воспринял именно так.

Но все труды были напрасны, наводчик не смог показать кишлак с воздуха. Роты идущие по земле прошли только половину пути. Я, заподозрив провокацию, приказал им остановиться на ночёвку, а сам с десантом вернулся в лагерь. Хотел на следующий день вернуть роты. Но, посидев и проанализировав ситуацию, мы решили, что наводчик не виноват. Он первый раз в жизни видел землю с птичьего полёта и естественно не мог найти нужный кишлак. В карте вообще не разбирался. Глава семьи, которую надо было вывезти, чуть ли не в ногах валялся, умолял спасти жену и детей. На следующий день мы продолжили акцию. Семью вывезли. А на обратном пути ещё и наткнулись на колону из 20 грузовых машин, она везла в душманский район продовольствие. Колону сдали местным властям.

У входа в партийный комитет Акчи (первый справа 1-й секретарь)

Я уж и забыл об этом случае, но как-то был в гостях у председателя улусвали, это что-то типа нашего райисполкома и увидел того, из-за спасения семьи которого, мы два дня елозили по горам. Разговорились, оказывается он довольно зажиточный человек, и в Акче открыл своё дело. Было конечно приятно слушать слова благодарности. Да и просто ощущение того, что

мы спасли человеческие жизни, давало чувство удовлетворения. К тому же у меня с детства было повышенное чувство справедливости. И если бы не удалось спасти семью, я бы потом всю жизнь себя за это корил.

Афганец спросил, есть ли у меня дети, и сколько им лет. По прошествии двух или трёх месяцев, меня пригласили в улусвали, и этот человек стал вручать мне подарки, я на отрез отказался что-либо брать. Затем мне разъяснили, что ничего купленного здесь нет. Это мать спасённых детей, в знак благодарности, всё это сделала своими руками. Здесь мне деваться было уже не куда, и подарки пришлось взять.

Мне подарили чехол для одежды расшитый бисером и ещё чем-то, а также покрывало для стрижки из белого шёлка с вышитыми на них вручную инструментами парикмахера. По назначению я, конечно, ничего этого не применял, они у меня остались как память об Афганистане.

Дочерям, а их у меня тогда были две, подарили национальные афганские платья, также красиво расшитые бисером и вышивкой. Старшая дочь, ей было десять лет, в школе на Новогоднем утреннике за лучший костюм получила первый приз.

Мы несколько раз передавали по актам местной власти захваченные машины, а их было более десятка, и оружие для отрядов самообороны. Но в основном мы оружие сдавали на склады в городе Термезе.

Был даже захвачен автобус ЛАЗ, на спидометре которого было только 10 тыс. км. Мы на нём не сколько раз ездили в баню, до бани было всего 300 метров. В офицерском городке, а к тому

Фото на память с бойцами отряда самообороны времени у нас было уже 14 вагончиков,

объявлялся выезд. Все собирались, рассаживались и вперёд в баню. Это был наш местный прикол. Но, конечно, этот автобус мы тоже отдали.

Не отдал я только наган. Его захватили на одной из операций. Он был бельгийского производства. На нём стояла дата выпуска 1895 год. Был он в прекрасном состоянии и даже в смазке. В цирондое мне сшили кобуру, а наш начальник артвооружения привёз с Термеза 5000 патронов. Так я и проходил, все два года, с этим оружием. Уезжая по замене в Союз, подарил его начальнику штаба отряда Ахметову Р.М.

Наган не долго был в одиночестве. За полгода я собрал не плохую коллекцию оружия. В ней были: винчестер, карабин «Маузер», винтовка иранского производства «Бум-пок» (кажется, так её называли), конечно же БУР, советский кавалерийский

карабин (укороченная винтовка Мосина), бундесверовская автоматическая винтовка G-3, и целая куча всевозможных пистолетов и револьверов. Всё это размещалось на стенах комнатки, где я жил.

Но всё было учтено начальником артвооружения отряда. Во-первых, так положено по инструкции, а во-вторых, так лучше для коллекции, целее будет.

На фоне части моей коллекции оружия

Как-то эту коллекцию смотрел заместитель Командующего 40 Армии по вооружению генерал-майор Крянга, к личности этого человека, отличного офицера я ещё вернусь, мы плотно с ним работали в то время, когда отряд перевели под Айбак. Так вот ему очень понравился один из револьверов, и он попросил подарить его. Я вручил ему револьвер и вызвал начальника артвооружения оформить накладную. Узнав, что всё оружие учтено, и за подарок надо расписываться, он от него отказался.

Впереди у нас была первая большая операция, в которую мы привлекались по плану штаба 40 Армии.

Некоторые публикации о начальном периоде Афганской эпопеи, в частности С. Козлов в своей книге «Спецназ ГРУ» пятьдесят лет истории двадцать лет войны», пишут, что отряды спецназ применялись не по назначению.

Да, в инструкции по применению частей и подразделений спецназ сказано, что они не должны привлекаться для захвата и удержания каких-либо объектов. Но когда писалась инструкция, не было ещё таких подразделений как наши два отряда. Да и инструкции писались в мирное время, в тиши кабинетов, а война

всегда вносит свои коррективы. Она лучше знает, как и что надо применять. Да и войны такой не было. А затем уже были, именно такие войны, и побеждал в них тот, кто успел вовремя перестроиться.

В один день с нами в Афганистан был введён 177 отряд из Копчагая (Среднеазиацкий военный округ). В Афгане мы получили 6 миномётов и нам придали, на постоянной основе, танковый взвод и батарею гаубиц Д-30. По огневой моще с нами не мог сравниться ни один мотострелковый батальон. А столько, сколько у нас было огнемётов, было только в дивизии.

К тому же инструкции писались для большой войны, где есть фронт и тыл. Писали по опыту Великой Отечественной войны. Кстати в ту войну, мы пытались воевать как в Гражданскую, кровью умылись. В Афганистане фронт был везде.

Да мы брали базы и укреплённые районы, которые до нас никто не мог взять. И мы делали своё дело.

Разгром базы душманов в Карере в марте 1986 года силами двух отрядов спецназа, одним из которых был наш родной отряд, считается делом спецназа. А вот разгром душманских баз силами 154 ООСПН, с минимальными потерями:

— в Джар-Кудуке, декабрь 1981 года, во взаимодействии с подразделениями 122 МСП (трое погибших);

— в Дарзабе, январь 1982 года (двое погибших);

— в Санчараке, апрель 1982 года (один погибший);

— в Кули-Ишане, октябрь 1982 года (убитых нет);

— и, наконец, в Мармоле, март 1983 года, во взаимодействии с группировкой войск (убитых нет).

Автор считает неспецифическими для спецназа задачами. Видимо автор совершенно не владеет ни информацией, ни обстановкой того времени. Ну да бог ему судья, и офицеры спецназа.

Козлов в книге пишет, что наш отряд стоял на охране трубопровода. Как мне кажется, здесь применимо правило, применяемое при обучении механиков-водителей — «Не вижу, не еду», слегка перефразированное — «Не видел, не пишу».

Но я благодарен С.Козлову. Если бы не эти его утверждения я, наверно, никогда бы не сел писать эту книгу.

Мы никогда, ничего не охраняли. За исключением одного случая. В мае 1982 года поступила информация о том, что душманы готовят нападение на городок советских специалистов и советское консульство под Мазари-Шарифом. Охрана там осуществлялась афганцами. Решением Кабула туда на усиление, недели на две, была направлена наша разведывательнодесантная рота во главе со старшим лейтенантом Ахметовым Р.М.

Этот офицер прибыл к нам только в апреле месяце и заменил командира роты Якименко В.П., которого забрали в Кабул на отдельную роту спецназ. Кстати оба они были не только однокашники по Киевскому ВОКУ, а ещё и друзья. Ахметов пытался попасть в наш отряд ещё в Чирчике при переформировании, и даже был у меня на беседе, но тогда свободных должностей уже не было. Как только представилась возможность, он добился направления к нам в отряд. В последствии, после перевода Ершова в Союз, он был назначен на должность начальника штаба отряда.

Замена офицеров и прапорщиков отряда началась через год. Это было сделано для того, чтобы плавно, без ущерба для боеготовности отряда провести замену. В течении этого года замена была произведена на 100 %.

Инструкция для спецназа, ко времени Афганской эпопеи, безнадёжно устарела, так же как боевые уставы для пехоты. Мы никогда не ходили в атаку цепями, да и вообще, как в таковую в атаку не ходили, за исключением редких случаев. Как, например, взятие опорного пункта в Джар-Кудуке. Но тогда всё за нас спланировал вышестоящий штаб. А обычно мы просачивались группами на доступных направлениях и брали объекты с минимальными потерями. Конечно нужны подразделения спецназа имеющие классическую структуру и выполняющие классические задачи. Но афганская война показала, что необходимы и такие структуры каким был наш отряд. И я считаю, что роковой ошибкой руководства было то, что в конце 1983 года у отряда забрали артиллерию, перевели на новое место дислокации в Джелалабад и ввели в состав бригады.

Да поняли, наконец, что надо развернуть в Афганистане две бригады. Но не надо было трогать 154 отряд. Он уже врос в свою зону ответственности. Местность мы уже знали не хуже местных жителей, нам и карты уже нужны были лишь для снятия координат. Всю свою зону ответственности мы прошли ножками и не один раз. Обросли агентурой. Сложились прекрасные отношения и с местной властью и жителями. Было организовано чёткое взаимодействие с силовыми структурами афганцев. И в одно мгновение всё это псу под хвост. Значить все потери понесенные отрядом оказались напрасны. И если наша передислокация из Акчи в Айбак, имела под собой хоть какую-то почву. Под Шибарган пришла мобильная группа пограничников, правда она не могла заменить спецназ. Задачи не те, подготовка не та, да и по своей структуре она значительно уступала нам. То перевод отряда в Джелалабад, не был вообще не чем мотивирован. Спустя не которое время, после ухода отряда,

душманы снова стали нападать на колоны.

Необходимо было, чтобы в пункте постоянной дислокации отряда постоянно дежурили две пары вертолётов, о чём я всё время просил командование. И тогда не было бы в Армии более мобильного, обладающего большой огневой мощью и возможностями подразделения, способного быстро и качественно решать вопросы контрпартизанской борьбы.

Огромное, без преувеличения, значение имеет поддержание надёжной и устойчивой радиосвязи между подразделениями. Толи это на марше, толи при ведении боя. В течение месяца после ввода отряда в Афганистан я проводил занятия по соблюдению строжайшей дисциплины радиообмена. И мы добились, что на операции все подразделения отряда работали на одной частоте, хотя и положено было в каждой роте иметь свою.

Это экономило драгоценное время. При докладах мне командиров подразделений я организовывал между ними взаимодействия и ставил задачу, не вводя в обстановку. Этого просто не надо было делать. Не только каждый офицер, но и все сержанты, да и многие солдаты постоянно были в курсе всех событий благодаря тому, что все радиостанции были настроены на одну частоту.

Уже учась в академии я попытался доказать на занятиях, что такая связь возможна и что она целесообразно. Преподаватель сказал, что это нарушение, которое приведёт к хаосу в эфире и потере управления командиром батальона. Ну а так как я не был с ним согласен, то получил двойку.

Ещё одну двойку я получил по тактике, когда в задании на наступление полка сходу одну роту поставил охранять тылы полка. Преподаватель был возмущён тем, что я ослабил ударную мощь полка, выделив одну боевую роту для охраны тыла. Мои доводы о том, что неохраняемые тылы на марше раздолбает всего лишь одна группа зелёных беретов в составе 10–15 человек, и тогда уже не будет ни какой мощи вообще, так как не будет ни горючего, ни боеприпасов, услышаны не были.

5.1. Операция по уничтожению базы мятежников в кишлаке Джар-Кудук.

Когда идут в атаку, кому-то приходится быть впереди.

И первых почти всегда убивают. Но для того, чтобы атака состоялась, авангард должен погибнуть.

Сент-Экзюпери.

Справка: кишлак Джар-Кудук расположен в 60–80 км юго-западнее

г. Шибарган, административного центра провинции Джаузджан, в предгорье, среди высоких сопок.

По данным разведки на базе готовили для мятежников гранатомётчиков и связистов. За полгода до нашей операции базу уже пытались взять силами нашей пехоты и афганскими подразделениями, но ничего не вышло, понесли потери и отступили.

Операцией руководил представитель штаба 40 Армии генерал-майор Гришин, инициалы я не помню.

Принимали участие:

1. Северная группировка:

— бронегруппа 122 МСП;

— бронегруппа 154 ООСПН (все боевые машины кроме двух БМД, они пошли на десантирование, и в лагере осталось 10 машин для охраны);

— батальон 122 МСП (неполного состава);

— артиллерия ствольная и батарея «Град»;

— батальон Цирандоя. Они, выполняя роль наковальни, охватили кишлак с севера. Старшим этой группы был заместитель командира 201 МСД подполковник Пузанов.

2. Десантная группа:

— 154 ООСПН с двумя БМД (без одной роты), десантировался первым с трёх сторон кишлака на не подготовленные площадки,

посадочным способом;

— батальон 122 МСП, десантировался после нас южнее кишлака.

Операции предшествовала хорошая подготовка и дезинформационные боевые действия.

Ход операции:

01.12.81 г. Вечером прилетел г/м-р Гришин с оперативной группой. Пришли подразделения 122 МСП из Ташкургана, и прилетело 30 вертолётов.

Накормили лётчиков свежим мясом. Они очень удивились, так как их кормили в основном тушёнкой. Когда я сказал, без задней мысли, что это мясо верблюда, у нас в хозяйстве было два, теперь остался один. Они не поверили и пошли на свалку проверить. Всё это во время обеда. Вернувшиеся подтвердили, что на свалке валяется голова верблюда. Двоим лётчикам, стало плохо, и они бегом выскочили из столовой.

Нам поставили задачу, что идём на десантирование в Сары-Пуль (около 60 км южнее г. Шибаргана). Погода дрянь, холодный ветер с дождём.

02.12.81 г. Подразделения 122 полка ушли утром на Сары-Пуль, ночевали рядом с нашим расположением. Мы сидим в готовности к десантированию, но погода не дала это сделать и тогда пошли на Сары-Пуль своим ходом.

В Сары-Пуль не входили, афганцы перед ним стояли уже двое суток. Сказали, что под мостом установлена авиабомба на неизвлекаемость. Но оказалось, что это дезинформация. Приказ был в Сары-Пуль не входить, но одному моему взводу дали такие координаты расположения, что он оказался в центре Сары-Пуля, командование ошиблось. Переночевали и благополучно выбрались оттуда.

После этого я больше никогда не принимал на веру то, что приходило сверху, обязательно перепроверял.

03.12.81 г. Пошли назад из Сары-Пуля в Шибарган, мне подобные действия были не

понятны, зачем вообще приходили. Тогда я не знал, что мы отвлекаем внимание противника от нашей основной цели, Джар-Кудука. Конечно, на дороге нам наставили мин. И у нас подорвались БМД и БМП, ранило лейтенанта Сергея Дудко (командир группы 2 роты), перелом обеих ног.

04.12.81. г. Стояли в танковом батальоне под Шибарганом. Советские специалисты организовали нам баню, помылся весь

отряд. Как в старину на Руси, в бой идти чистым. Показали художественный фильм.

05.12.81 г. Сидим, ждём погоду, изучаем, по аэрофотоснимкам, укрепления базы Джар-Кудук.

06.12.81 г. Десантировались под Джар-Кудуком:

— 1 рота, под командованием старшего лейтенанта Сергея Рукавишникова, десантировалась западнее Джар-Кудука, прямо под опорным пунктом душманов на вертолётах МИ-8.

Я десантировался южнее и хорошо видел, как наши ребята бежали в лоб, под обстрелом, на ДЗОТ и траншеи. Бежать пришлось вверх по крутому склону. В опорном пункте было человек 15 душманов (дежурная смена), но со стороны кишлака к ним на помощь бежало ещё человек 50. Наши ребята под огнём добежали быстрее, потеряв двух человек убитыми и четырёх ранеными. Если бы замешкались, все бы легли. В ДЗОТ-е был ДШК, но душманам это не помогло, они и не ожидали такой атаки. Противник был уничтожен, а опорный пункт взят. Вот где сказалась хорошая физическая подготовка.

С этой ротой был ещё какой-то полковник с оперативной группы Армии, но работать не мешал.

— 2 рота под командованием старшего лейтенанта Николая Войтенко (но старшим я туда назначил своего заместителя старшего лейтенанта Вячеслава Посохова) десантировалась восточнее Джар-Кудука. Судя по аэрофотоснимкам, здесь должны были быть самые мощные укрепления, но оказалось, что таковые были у Рукавишникова.

С востока сопки были пониже и не такие крутые. 2 рота сопротивления здесь встретила не значительное. Вот только десантироваться пришлось далеко от намеченной площадки, вертолёты были обстреляны с ДШК. Да и затем, выдвижение роты на указанный рубеж, замедлилось из-за обстрела ДШК. Когда его взяли, вокруг валялось двенадцать трупов душманов. Вот, что значить хорошая огневая подготовка личного состава. Рота потерь не имела.

С ротой от оперативной группы Армии был генерал майор Кузьмин, военный советник по зоне «Север», но он тоже, слава богу, не мешал работать ротному.

— Я с **3 ротой**, командир старший лейтенант Олег Частухин, на двух МИ-6 десантировались южнее Джар-Кудука.

Мы десантировались первыми, чуть раньше остальных. Увидев нас, душманы выскочили из кишлака, человек 200, и пошли в атаку, они были от нас не далее 600 метрах.

В одном вертолёте у меня было 40 человек, а в другом две БМД. Мы их быстро разгрузили и метров с 300 из всех 6

пулемётов как дали по толпе, а наступали душманы именно толпой. Ну и конечно десант открыл огонь. Но если бы не БМД-шки, толпа наверно бы нас смела. Ведь мы находились на открытой площадке, где и укрыться то не было за что. Душманы потеряв несколько десятков человек убитыми и ранеными ноги в руки и бегом назад в кишлак.

Мы заняли высоту, которая господствовала над долиной (шириной около 1 км) идущей от кишлака на юг в горы.

Со мной был генерал-майор Гришин, он руководил всей операцией, но это до десантирования, а затем постоянно, пока не был полностью блокирован кишлак, и не подошла наземная группа с севера, он был рядом со мной, но командовать батальоном не мешал.

— Затем высадился батальон 122 МСП (без роты), они перекрыли долину.

Минут через тридцать батальон подняли, и он пошёл в атаку на кишлак, как и учит боевой устав, цепью. Огневую поддержку осуществляла артиллерия и вертолёты. Вертушки зашли сзади пехоты и дали залп НУРС-сами по окраине кишлака, откуда вёлся интенсивный ружейно-пулемётный огонь. Хотели по окраине кишлака, а попали метров 100 перед цепью. Пехота залегла, и долго её ещё не могли поднять. Она была готова воевать с душманами, но не со своей авиацией. Потом всё наладилось, и больше таких казусов не было.

Наш отряд прочесал часть кишлака, кишлак был крупный, взяли много оружия и уничтожили большую группу мятежников. Потеряли убитым ещё одного человека, с 3 роты.

07.12.81 г. Ночью душманы пытались прорвать блокаду кишлака атакой нам в спину из соседних кишлаков. Атаку отбили. Здесь хорошо поработали расчёты АГС (командир роты старший лейтенант Валерий Якименко, командир взвода Александр Иванов), а затем по приказу Гришина по ущелью нанесла удар батарея «Град». Стреляли с огневых позиций километров 10 севернее Джар-Кудука. Снаряды летели над кишлаком, затем над нашими головами и рвались в ущелье. Больше душманы не совались. Всю ночь над кишлаком вешали осветительные бомбы и мины.

После двух часов ночи я приказал выкопать окоп и, расстелив в нём плащ-палатку «Дождь», она надувалась как матрац для плавания, стал укладываться спать. Гришин удивлённо сказал, что ведь возможно душманы опять пойдут на прорыв и идёт перестрелка. На, что я ему ответил, что если чего, меня разбудят, а перестрелка может идти всю ночь. А вот завтра предстоит бой, и мне будут нужны отдохнувшие мозги. Предложил ему лечь со

мной, но он отказался.

Утром снова начали чистить кишлак. Взяли три исламских комитета и много оружия. Уничтожили большое количество мятежников. Перед зачисткой предложили мирным жителям, по мегафону, выйти из кишлака. Вышло человек триста, в основном женщины и дети, собрались около нас. Мы их определили в стоящий на отшибе большой дом. Но люди не могли туда зайти, мешал огромный волкодав. Я стоял не далеко. Подошла туркменка, кишлак был туркменским, и попросила меня убрать собаку. Как я не пытался его отогнать, ни чего не вышло, пришлось его пристрелить. Это было единственное живое существо, убитое лично мной, в Афганистане. Людей покормили с походных кухонь, к этому времени их уже подогнали.

В этот день я чуть не потерял брата. При ведении боя в кишлаке пуля попала ему в живот. Как он сам потом рассказывал, что от удара даже упал. Подумал, что всё, надо звать на помощь, ранение в живот это не шутка. Потом смотрит, крови нет, да и боли нет. Оказывается, пуля попала в гранату Ф-1 и расколола её пополам. И хотя в гранату был вкручен запал, она, слава богу, не взорвалась.

В конце дня, когда уже стемнело, у меня был неприятный разговор с одним большим начальником. В расположении пехотного батальона скопилась большая партия пленных, более двухсот человек. Так вот этот стратег предложил мне их расстрелять. Я категорически отказался. Сказав, что мои солдаты убивают противника только в бою.

08.12.81 г. утром снова обрабатывали кишлак авиацией и артиллерией, мирных жителей там уже не было. Они все вышли накануне. И снова прочесали. После обеда ушли на Шибарган.

Результат операции:

— уничтожено 290 душманов;

— только нами взято 197 единиц стрелкового оружия, в том числе 2 шт. ДШК, большое количество патронов и мин (итальянского производства).

Наши потери — 3 убитых, 4 раненых.

Кстати, в Афгане, для идентификации погибших, не были предусмотрены ни какие медальоны для военнослужащих. Даже во время великой Отечественной войны такие медальоны были. Нам было предложено, чтоб каждый солдат написал свои данные и записку вложил в гильзу от автомата. На начальном этапе мы так и делали. Но жизнь показала, что это не эффективно. Патрон лежит в брюках, а брюки могут и сгореть. Где потом искать этот патрон. Мы стали делать браслеты из электродов для сварки. Все данные наносились на браслет, в том числе и группа крови, и он

надевался на руку. Я такой браслет начал носить ещё в Чирчике.

Спустя двадцать лет, уже уволившись в запас, при прохождении одной из медицинских комиссий, я узнал, что всё это время носил на руке дезинформацию. На браслете у меня была положительная группа крови, а при проверке оказалось, что она у меня отрицательная.

После операции, кто-то из оперативной группы Армии, обгадил и меня и батальон «за глаза» обвинив в каком-то мародерстве, пришло время делить награды. Из Разведывательного управления Туркестанского военного округа приезжал разбираться начальник 3-го отдела полковник Лобадзе. Кого-то допрашивали, что-то писали. Но ничего не накопали, так как ничего и не было. Осадок только в душе неприятный остался и у меня и у остальных офицеров отряда.

Всех, кто заслуживал, я подал на правительственные награды. А мне и спасибо, ни кто даже не сказал. Дело в том, что отряд оперативно подчинялся штабу 40 Армии, а всеми другими вопросами ведало Разведуправление округа. Так, что мы были ничьи. С одной стороны это даже было хорошо. В течение года, мы не видели на каких проверяющих.

За два года из ГРУ, ни у нас, ни в 177 ООСПН, никто не появлялся. А ведь у них было всего два воюющих отряда, но видимо, там, на Садовом кольце, были более важные проблемы.

При взятии базы мятежников в кишлаке Джар-Кудук погибли:

1. Младший сержант Рахматулин Рашид Шавкотович,

зам. командира группы, 1961 г. рождения.

Награждён орденом «Красная Звезда» посмертно.

Домашний адрес: г. Ташкент, массив Высоковольтный-81 кв.3 Мать: Курмаева Сойда.

2. Младший сержант Щёгалев Леонид Юрьевич,

командир отделения, 1960 г. рождения.

Награждён орденом «Красная Звезда» посмертно.

Домашний адрес: Читинская обл. г. Краснокаменск. 116/49 Отец — Щёгалев Юрий Данилович 1936 г.р.

Мать — Щёгалева Клара Васильевна 1937 г.р.

Брат — Щёгалев Юрий Юрьевич 1969 г.р.

Сестра — Щёгалева Ольга Юрьевна 1972 г.р.

Сестра — Щёгалева Елена Юрьевна 1974 г.р.

3. Младший сержант Калинин Михаил Валентинович,

старший пулемётчик, 1962 г. рождения.

Награждён орденом «Красная Звезда» посмертно.

Домашний адрес: г. Чита — 22 ул. Энтузиастов дом.11 кв.16Мать — Чередниченко Раиса Александровна.

БАНДЫ ЛИКВИДИРОВАНЫ

КАБУЛ, 17 декабря. (ТАСС). Служба безопасности ДРА провела успешную операцию по ликвидации контрреволюционных банд в афганской провинции Джузджан. В ходе операции, сообщает агентство Бахтар, захвачено большое количество оружия, радиостанция, около 750 противотанковых мин, другие боеприпасы. В районе населенного пункта Джаркудук ликвидировано также 35 подпольных убежищ басмачей, освобождены 350 женщин, стариков и детей, которые содержались там в качестве заложников. Изъяты документы, свидетельствующие о связях контрреволюционеров с империалистическими разведками и пекинским режимом.

На митинге, состоявшемся в городе Шибергай, жители провинции решительно осудили кровавые преступления бандитов. С болью и гневом рассказали собравшимся о налетах басмачей те, кто был у них заложником.

Публикация в газете «Правда», о взятии базы в Джар-Кудуке. Воевали мы, а в газете служба безопасности ДРА.

Будни

9 декабря получили данные от «Каскада», специальное подразделение КГБ, что на наш лагерь готовится нападение силами двух банд. Перегнал в лагерь одну роту на БМП, и приказал заминировать все подходы к лагерю.

На следующий день пошли маршем на восток, в сторону Анхоя и далее на Маймене. Это уже провинция Фариаб. Задача была провести через зелёнку роту охраны аэродрома, которая шла с Союза. Этот район был крайне опасен. Ни одна колона не проходила без потерь. Мы стояли сутки, в пустыне перед зелёнкой, ждали роту. Кроме нас была почти вся группировка войск, которая участвовала во взятии Джар-Кудука. На дороге поставили шлагбаум, и я приказал, чтобы водителям всех проходящих машин говорили, что мы завтра пойдём, но если будет хотя бы один выстрел, мы повторим Джар-Кудук.

На следующий день рота подошла, но сопровождать её послали только наш отряд. На наших машинах десантом, сверху, сидели солдаты афганской армии. Между собой мы их называли эдельвейсами. Пехота и артиллерия осталась на месте.

Когда мы подъехали к первому кишлаку, я понял, что засады не будет, по улицам бегали дети, а местные жители занимались каждый своим делом. Душманы своё население никогда не подставляли. Если засада, то кишлак будет пустой. Видимо пропаганда сработала.

Не доходя до Маймене 14 км. встретили своих коллег, ребят из 177 отряда, это их зона ответственности, непонятно почему мы выполняли их работу. Передали им роту и приняли у них 70 шт. топливозаправщиков. Также без проблем прогнали их в обратную сторону.

Встреча колон в зеленке перед Маймена.

Выполнив задачу, пошли домой в свой лагерь. Около ноля часов с Кабула запросили, где мы находимся. Видимо пехота доложила, что мы ушли, а все передвижения ночью были запрещены. Я доложил в Кабул, что отряд на марше и через час мы будем в лагере. Офицер из штаба удивился и сказал, что ведь ночью двигаться опасно. Я ответил, что мы дома, и здесь ходим, когда хотим и где хотим.

К этому времени отряд уже окреп. Офицеры и солдаты приобрели опыт видения боевых действий, и мы были готовы к выполнению любых задач. Отряд жёстко контролировал свою зону ответственности. К тому же на колоны отряда душманы, как правило, не нападали. Мы их от этого отучили.

Но в этот раз я чуть было не поплатился за свою самоуверенность. Душманы попались какие-то, не такие, может быть залётные. Спустя пол часа колона была обстреляна из гранатомёта, граната попала в будку машины технической помощи. Слава богу, людей в будке не было, да и будка осталась целой. Так две дырки, с обоих бортов.

Я остановил колону. Шилками мы обработали местность. Затем, развернув боевые машины влево на 90 градусов, обстреляли нас слева, атаковали душманов в едином бронированном порядке (машины в линию), не спешивая солдат. Местность позволяла. Справа от дороги выставили боевое охранение. Наверно, это была единственная в Афгане атака на душманов на технике, да ещё и ночью.

Я не собирался ввязываться в затяжной, ночной бой, развединформации о противнике не было ни какой. Что это, просто мелкая группа, или целая банда? Но дать им понять, что нас лучше не цеплять, это было необходимо.

Когда боевые машины, атакуя, прошли метров 500, я их вернул назад на дорогу, и мы продолжили путь.

В транспортные колоны я всегда давал на сопровождение бронетехнику, из расчёта одна единица на три транспортные машины. Бронеобъекты ставились в колоне по два, рядом. Они уже шли с развёрнутыми башнями, один на лево другой на право. При нападении противника мы не пытались прорваться и уйти, как это делали другие. А останавливались и, отведя транспортные машины в безопасное место, принимали бой. Если сил было не достаточно, то на помощь приходили дополнительные подразделения с лагеря.

На всей нашей технике были опознавательные знаки, круг, в кругу парашют, пронзённый молнией. Так, что техника наша была узнаваема. Были случаи, когда душманы пропускали нашу колону, и нападали на ту, что шла следом.

Командир 5 роты старший лейтенант Рукавишников и командир инженерно-сапёрного взвода этой роты, старший лейтенант Ломакин. На БТРе эмблема.

Как-то раз, оказывая помощь именно такой колоне, мы застали жуткую картину. На дороге лежал солдат с подбитой машины. Колона прорвалась и ушла, бросив его. У него ломом были перебиты руки в нескольких местах и выкручены. Грудь разрублена топором и рядом с трупом на дороге лежало сердце. Это душманская сволочь, таким образом, пыталась нас запугать. Мы забрали солдата к себе в лагерь, и я приказал всему личному составу отряда пройти мимо него и посмотреть, как бывает с теми, кого бросают товарищи. Недели две пленных не было, не брали.

Потекли наши обычные боевые будни, засады, прочёсывания. То есть работа по стабилизации обстановке в районе ответственности.

17.12.81 г. утром провели операцию в кишлаке Ханака, взяли

пятерых душманов, один из них оказался главарём банды. Всех сдали в ХАД.

Позвонил командующему Армией, попросил разрешения съездить в Чирчик.

Аэропорт г. Ташкента, жена провожает в Афган.

Командующий пообещал спросить на это разрешения у Командующего округом.

На следующий день, при возвращении с очередной операции, обогнав колону и идя на двух БТРах в лагерь, я чуть не получил гранату в борт. Душманский гранатомётчик сделал не правильную поправку на нашу скорость, и граната прошла с метр сзади БТРа. Спешились, прочесали местность, но не кого не нашли, видимо это был одиночка.

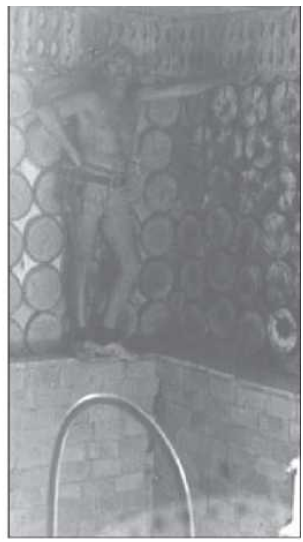
19.12.81 г. поднялись в 4.00 и к 7.00 блокировали кишлак Биск-Паскаль. К 10.00 уничтожили около 25 мятежников. Прямо с операции, на УАЗ-469, поехал в Чирчик, это около 600 км. В 12 часов перешёл границу, а в 23.30 был уже под Самаркандом. Но там машина сломалась, и пришлось добираться до Чирчика на попутках.

22 декабря самолётом вылетел в Термез и на следующий день уже был в отряде. Сейчас уже точно не помню, но, кажется в конце 1981 года, мы построили капитальную баню из жженого кирпича, это была наша гордость, как и в любой другой части размещенной в Афганистане.

Кирпич местное руководство разрешило нам взять с разрушенных зданий. А доски мы брали от снарядных ящиков гаубиц Д-30, прекрасное дерево. В отряде был умелец прапорщик Липкин, инструктор химподготовки. Ну, а так как, его военная специальность в Афгане востребована не была, я закрепил его за баней. Мы называли её по старорусски «Мыльней», и перед входом в неё висела соответствующая табличка.

Липкин, работая одним топором, другого столярного инструмента просто не было, сделал из бани чуть ли не произведение искусства. В парной стояла кадка для воды, которую он переделал из обыкновенной бочки. А в кадке плавал черпак в виде утки, сделанный из цельного куска дерева. Вся парная была красиво отделана деревом. Вход был сделан не высокий, арочного типа, и отделан досками с резьбой, сделанной всё тем же топором. Но особенно красиво было сделано помещение, где находился бассейн и место отдыха. Выходишь из парной, делаешь два шага и падаешь в бассейн. Где мы взяли плитку, для его обделки, убейте меня, не помню.

С бассейном был связан курьёзный случай. Глубина его была где-то 180 см… Мой заместитель по тылу, майор Суханов, человек не большого роста, напарившись до упаду в парилке вышел и плюхнулся в бассейн. Пришлось ему помогать выбираться оттуда, так как он стал захлёбываться.



Две стены этого помещения были отделаны деревом, срезанным с торцов брёвен, каждый толщиной около пяти сантиметров, то есть были видны годовые кольца. На остальных двух стенах были нарисованы картины.

К сожалению, не помню фамилию солдата, который их рисовал. На одной стене было изображено озеро, на берегу берёзы

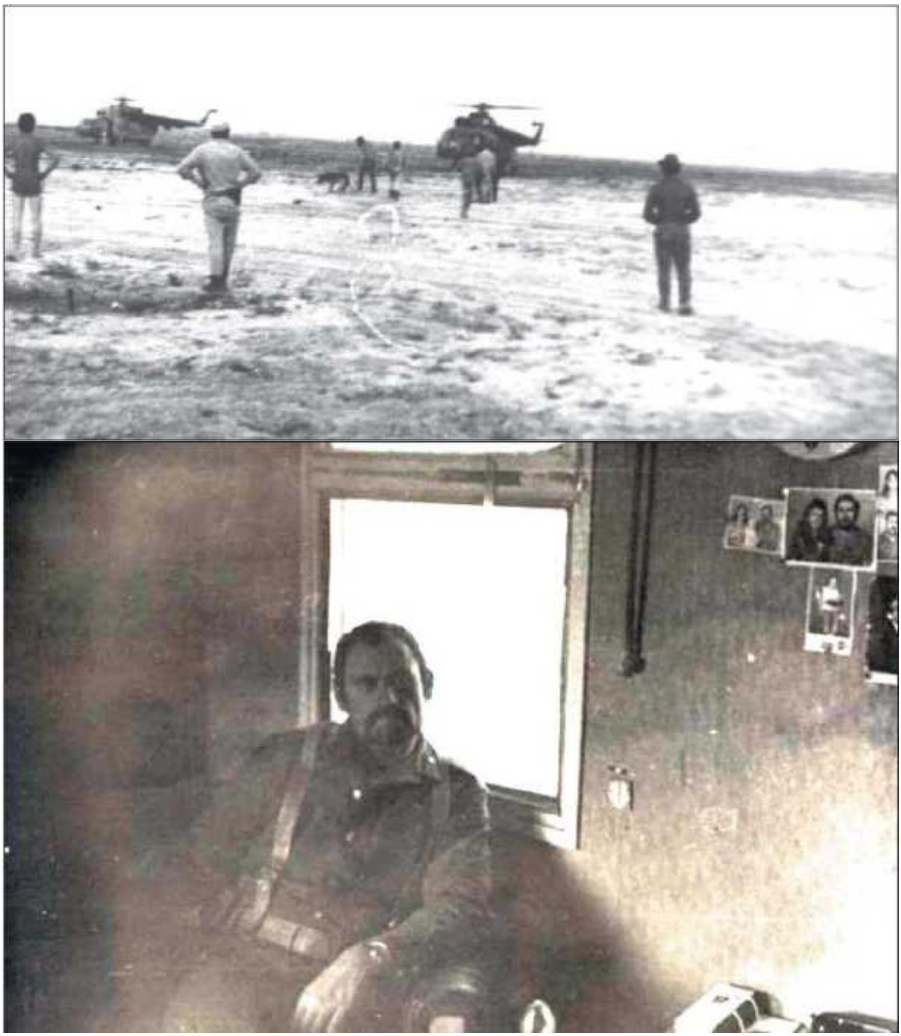
и медведь, ловящий рыбу. На другой стене, изображена сцена в парной. Сидит мужик с бородой, лицо ему изобразили моё, обормоты. Его парит чёрт, а чертиха подливает воды на камни. Картины, чтобы не отсырели, были покрыты толстым слоем лака.

Рядом с бассейном находилось место отдыха. Стоял стол и стулья, сделанные Липкиным из доски пятидесятки. Стулья были массивны, со сплошной спинкой из дерева и в спинке были вырезаны масти игральных карт.

Ну конечно в бане имелась раздевалка и душ на десять сосков. Если, в некоторых частях были бани для солдат и офицеров отдельные, то у нас была одна на всех. Только разные дни помывки.

Всё оборудование приходилось где-либо доставать, и не только для бани. Краники для солдатского умывальника и те привозили из Союза офицеры и прапорщики, которых я отправлял в командировку или в отпуск. Всё покупалось за свой счёт. Кое-что мы доставали у наших советских специалистов в Шибаргане. И я безмерно им благодарен за ту помощь, которую они нам оказывали, а особенно за жилые вагончики. Именно благодаря руководителям этих специалистов, Павлову и Чаплику, мы смогли создать более, менее достойные условия проживания в лагере, и для солдат, и для офицеров и прапорщиков. Вот такое у нас было снабжение. Всё, что мы привезли с собой при вводе в Афганистан, не обеспечивало наших потребностей.

У вагончика со своими телохранителями, слева второй Заир, третий Тимур.



В своём вагончике

Почту привезли

При проведении операции в Джар-Кудуке, я первый и последний раз управлял отрядом из БМП-КШ (командно-штабная машина). В ней, да ещё с моим ростом, находится более чем одни сутки невозможно. Постоянно находишься в скрюченном состоянии, а спать, вообще места нет. Как я уже говорил, у командира всегда должна быть светлая голова, он должен иметь возможность нормально поспать хотя бы четыре часа в сутки. Иначе, через двое-трое суток, он уже не сможет нормально анализировать обстановку и принимать взвешенные решения.

На всех последующих операциях я работал: при движении отряда в БТР-70, а при ведении затяжного боя переходил в КП (командный пункт), который был оборудован на базе машины ЗИЛ-131. Заместитель по вооружению, капитан Ниязалиев, взял всё у тех же советских специалистов автомобильную будку. Её отремонтировали, установили на машину, сделали два спальных места, и оборудовали средствами связи. Удобное, мобильное КП, готово. На операции подходило БМП-КШ, подключалось к разъёмам, и можно было не только управлять подразделеньями отряда, но и поддерживать связь с Кабулом.

На подвижном КП отряда, во время проведения операции, с командиром 3 МСБ, 122 МСПмайором Сергеем Аксененко.

30 декабря начальник штаба 40 Армии, Тер-Григорьянц, разрешил мне самому принимать решения на проведения операций. Это добавляло оперативности в действиях, раньше я был обязан на каждую операцию запрашивать разрешение.

Новый год встречали у меня в вагончике. С начала по Ташкентскому времени, затем по местному, ну и конечно по Москве.

Несколько раз звонил Командующему, просился в отпуск, я в 1981 году в отпуске не был. Но меня не отпускали, то одна большая операция, то другая. И отпустили только лишь 15 мая. А в конце года пошёл в отпуск за 1982 год. Вот так, в мирное время не нашли возможности отпустить в отпуск, а в боевой обстановке Командующий отпустил дважды за год. Командовать отрядом за меня всегда оставался Вячеслав Посохов.

Сейчас уже точно не помню, кажется, после Нового года нам из Чирчика пригнали одну БМД-шку. При отправке мы её не взяли, она была не исправна. Всё это расстояние она прошла своим ходом, а это более 600 км. Я об этом и не вспомнил бы, если бы не курьёз, связанный с её перегоном.

Старшим на машине был старший лейтенант Ко, бывший мой командир группы. Так вот из Чирчика машина вышла глубокой ночью, чтобы спокойно, никому не мешая, объехать Ташкент, всё-таки гусеницы, грохот. Но какой-то бдительный гаишник доложил, что на Ташкент идёт танк, а так как заявки на движение боевой техники не было, то в штабе округа начался переполох. Даже была выделена команда с гранатомётами на тот случай, если так называемый танк не остановится по требованию. Но, слава богу, всё обошлось, умеем мы создавать себе проблемы. Ну, что сделаешь, не все знают «формулу — три П».

12 января неожиданно прилетел Тер и поставил задачу на операцию по кишлаку Дарзаб.

5.2. Дарзаб

«И у каждого есть свой день храбрости, и есть столько же видов храбрости, сколько разных видов опасности».

Фирдоуси.

Справка: кишлак Дарзаб расположен 60–70 км. южнее кишлака Джар-Кудук вверх по ущелью, окружён скалистыми хребтами. Имеет только два пути подхода: с севера по узкой горной дороге вьющейся вдоль реки зажатой горными хребтами, и с юга, по такой же дороге.

До нас сюда никто не ходил, даже попыток не делали.

По сведениям разведки в кишлаке располагалась база душманов. Информации, что там нас может ждать, не было, мы шли в слепую.

В операции должны были принимать участие:

1. 154 ООСПН без одной роты (осталась на охране лагеря), с приданными подразделениями:

— артполк (не в полном составе);

— танковый взвод (приданный батальону);

— афганский пехотный батальон.

С задачей — продвигаясь вдоль ущелья на юг блокировать Дарзаб с севера.

2. 177 ООСПН

С задачей — подвигаясь вдоль ущелья на север блокировать Дарзаб с юга.

3. ПДБ 103 ВДВ

С задачей — десантироваться, посадочным способом, восточнее кишлака Дарзаб и наступать на базу душманов с гор.

Подготовка и ход операции.

12.01.82 г. Неожиданно, перед обедом, прилетел начальник штаба 40 А генерал майор Тер-Григорьянц. Поставил задачу на операцию по кишлаку Дарзаб и улетел.

13.01.82 г. Я ездил в г. Шибарган договариваться с руководством Цирандоя и Хада о совместных действиях на операции. Перед обедом пришел артполк из Кабула в наше распоряжение.

14.01.82 г. До обеда отправил всю артиллерию на газоперерабатывающий завод (восточнее г. Шибаргана 5 км), а после обеда пошел сам с основной колонной.

15.01.82 г. В 2.00 прошли исходный пункт, и пошли на кишлак Дарзаб, через кишлак Джар-Кудук.

В 5.00 прошли кишлак Джар-Кудук, населения в нем не было, кругом валялись трупы животных.

В 6.30 остановились в ущелье, ждали, пока по всем кишлакам ущелья вертолеты нанесут удар.

В 8.00 пошли дальше. По дороге встретили представителей парашютно-десантного батальона, их десантировали с ошибкой в 10 км севернее Дарзаба. У них почему-то не было продовольствия, поделились сухими пайками, у меня всегда был запас. Сказал десантникам, чтобы подтягивались, и пошел на Дарзаб.

В 10.30 вышли на окраину кишлака. Натолкнулись на опорный пункт, как потом оказалось: доты в скалах в два яруса, ДШК, ЗУ, запасы продовольствия и воды, телефонная связь. Сразу ранило двух водителей, пришлось один ГАЗ-66, мешал проходу техники, сбросить с дороги в пропасть.

В ГПЗ (головная походная застава) был брат Юра со своим взводом, 3 танка и сапёры с собаками (мы постоянно проверяли дорогу перед колонной). Убило одного вожатого собак и тяжело ранило солдата из взвода брата, потом он скончался.

Стали брать опорный пункт. Поддержки с воздуха не было, низкая облачность, облака прямо на горных хребтах лежали. Глубокий снег 30–40 см..

Я подтянул в голову колонны сначала «Шилки» они подавили огневые точки, а затем одну БМ-21 (боевая машина «Град») на прямую наводку.

Командир батареи «Града» пытался отказаться это делать. «Град» не предназначен для стрельбы прямой наводкой, ну и он боялся, что ему людей побьют (машина без броневой защиты, до опорного пункта противника 400 метров, и ни каких укрытий). Но я прижал по бокам машину «Града» двумя БТРами, они вышла на огневую позицию и в упор, первым же залпом попали в пещеры, там рвануло, и повалил дым из всех щелей. После этого мы взяли высоту минут за 20, без потерь, душманы разбежались, и кишлак был наш. Юру, с его взводом, оставил на высоте и выставил боевое охранение вокруг кишлака.

Взяли 25 единиц стрелкового оружия, один ДШК разбитый, это мы его «Градом» шарахнули. Уничтожили 25 мятежников.

Боевые действия вёл только наш отряд. Десантники так и не появились, зря кормил. 177 ООСПН шёл 3 суток без боевого соприкосновения с противником. Как мне показалось они не очень то, и спешили ввязываться в драку.

После Дарзаба у меня были натянутые отношения с

Керимбаевым (командир 177 ООСПН).

Простояли мы в Дарзабе до 21 января, сажали орг.ядро местной власти (что-то вроде нашего райисполкома) и 177 ООСПН для их поддержки.

У захваченного медпункта душманов, справа от меня майор Керимбаев, командир 177 ООСПН, и офицер его отряда.

21.01.82 г. В 11.30 вышел с колонной на Шибарган. Опасаясь, что дорога будет минирована, (я никогда не возвращался с операции по той дороге, по которой пришел, но здесь выхода не было, только одна дорога) повел колонну прямо по реке. Река не большая 5–8 метров в ширину, но очень бурная, все дно в камнях, глубина местами до 1 метра и громадные валуны. Задача усложнялась ещё тем, что в колонне было много колесных машин: кухни, батарея «Град», да и в афганском батальоне были только машины Газ-53.

Колесные машины мы зацепили за гусеничные: танки, БМП, БМД, Шилки. Впереди пошел взвод 5 роты (саперы), они с помощью сосредоточенных зарядов, работая в ледяной воде, подрывали большие валуны. Так шли около 10 км., а затем я вывел колону на дорогу.

Когда мы проходили через кишлаки или даже просто мимо них, всё мужское население, во главе с муллой, выходило к дороге и стояло с поднятыми вверх руками. Я останавливал колону, просил опустить руки. И проводил не большой импровизированный митинг. Пытался объяснить им, что мы воюем не с населением, а с душманами. И, что надо уважать

власть.

После разгрома в этом районе двух баз, Джар-Кудук и Дарзаб, сложилась благоприятная обстановка для Кабульской власти. Но они этим не воспользовались и не закрепили успех. Месяца через три душманы опять активизировались в этом районе.

Когда прошли кишлак Джар-Кудук, погода испортилась, началась вьюга, всё занесло снегом. Дороги там полевые, так они вообще пропали, занесло, видимость не более 50 м. Люди, пехота афганская, замерзли и стали прямо в кузовах машин костры разводить. Я на БТРе обошёл ГПЗ (головная походная застава), в ней уже не было ни какого смысла. В такую погоду вряд ли бы душманы сделали засаду. Став во главе колонны, повёл её без дорог, без боевого охранения, прямо по сопкам. Пришлось идти почти наугад, по компасу. Это нормально если идёшь пешком и видны ориентиры, а здесь громадная колона. Нужно хоть какое-то подобие дороги. Каждые 10–15 минут я останавливал колону и, отойдя от бронетранспортёра метров на тридцать, засекал по компасу азимут. На БТРе этого делать было нельзя, большая масса металла и компас врал. И так бесчисленное количество раз. Замёрз как цуцик, ведь пришлось ехать сидя в люке, и указывать дорогу водителю. Афганские машины опять тащили на прицепе. Когда стемнело, идти стало ещё сложней. Так прошли около 30 км., я уж думал, что заблужусь, а сзади масса техники и главное замёрзшие люди. Но в 22.30 мы вышли точно на г. Шибарган с юга, хотя дорога подходит с запада.

22.01.82 г. в 3.00 прибыли в ППД.

Наши потери 2 убитых:

1. Вожатый собаки (к сожалению, нет его фамилии, они были нам приданы на операцию);

2. Младший сержант Юлдашев Ахоткул Рахмонович,

старший пулеметчик, 1962 г.р. Умер от ран 24.01.82.

Награждён орденом «Красная Звезда»

Домашний адрес: Самаркандская обл., Самаркандский р-н, к/з Ленинизм, отделение 13, бригада 13.

Отец: Юлдашев Рахмонкул.

Будни.

И опять потянулись будни. 22 января, около 11.00 за мной прилетели вертушки и доставили в Маймене, а оттуда самолётом в Кабул на военный совет. Там меня ждала приятная новость. Командующий разрешил поступать в академию.

Подразделения отряда занимались боевой деятельностью, а я мотался по совещаниям. Только вернулся с Кабула, 28 января опять вызвали в Маймене. Совещание проводил Тер-Григорьянц. мне очень хорошо запомнилось его изречение о том, что **операция, на которой убито 100 душманов, и погибло три наших солдата — плохая операция; операция на которой убито три душмана, и не погиб ни один наш солдат — хорошая операция.**

29 января, ночью, одна рота ушла на блокировку и прочёсывание кишлака Султан-Арык. Утром взял артиллерийскую батарею и пошёл к месту засады. Роту встретил по дороге, уже шла назад, результата не было. Развернул, и в кишлаке Арабхо натолкнулись на мятежников, троих убили. В Султан-Арыке уничтожили 15 душманов, повылазили, решили наверно, что рота не вернётся.

Захватили главаря банды и винтовку G-3, западногерманского производства. У нас ранило одного парня в бедро. Вертолётов не было, пришлось отправить его в Шибарган. Там он и скончался. Во время боя мне громадным осколком порвало правый наушник шлемофона, от подбородка до уха, 2 см в сторону и каюк. Просто повезло.

С трофейной винтовкой западногерманского производства.

Бойцы отряда самообороны проводят воспитательную работу с местным населением.

Рядовой Малышев (третий справа) и водитель БТРа

командира отряда, рядовой Бойцов (второй слева), с бойцами самообороны г. Акчи.

Несмотря на то, что мы постоянно вели боевые действия, у нас шли плановые занятия по боевой подготовке, никто их не отменял. 1 февраля начались командирские сборы, я проводил занятия с офицерами. А 2 февраля, в перерыве между занятиями, провели операцию в кишлаке Джангаль-Арык. Уничтожили 8 душманов и взяли в плен 23 душмана.

С 14.02.82 года по 21.02.82 года проводили операции в провинции Балх и в районе Акчи. Убили душманского эмиссара зоны Север и кучу душманов рангом пониже.

23 февраля провели футбольный матч, офицеры управления отряда против офицеров подразделений, выиграли первые. Приезжали местные власти из Акчи, поздравляли с праздником. Показали им имеющееся у нас вооружение. Вечером сами сели, вспомнили тех, кого уже нет.

Показ вооружения и техники отряда властям Акчи в День Советской Армии 23.02.1982 г.

В марте провели много операций и не потеряли ни одного человека, удачный месяц.

18 марта ездил в Термез за БТС-ами. А от туда, рванул в Чирчик, сутки был дома. На обратной дороге заехал в Ката-Курган, это под Самаркандом. Повидался с Викой, дочерью от первого брака. На душе стало спокойней.

С 29 марта по 9 апреля участвовали в походе на Санчарак, собственно ходил один наш батальон с афганским батальоном из Шибаргана, как раз с тем который был с нами в Дарзабе.

5.3. САНЧАРАК.

«Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, только тщетны они, ежели не будут истекать от искусства».

А.В.Суворов.

Справка: кишлак Санчарак находится в горах 80 км юго-восточнее Сари-Пуля и 150-ти км юго-восточнее Шибаргана. К нему ведет одна единственная дорога, которую и дорогой назвать нельзя, в мирное время я бы по ней не поехал.

В Санчараке находился центр волости, и располагалась администрация этого района, улусвали. Местная власть в этом кишлаке уже 3 месяца сидела в блокаде, душманы окружили со всех сторон. В феврале из Мазари-Шарифа высадили десант, один пехотный афганский батальон, но и он оказался блокирован.

Мне в конце марта по радио поставили задачу выдвинуться к Санчараку и провести деблокировку.

Даты, к сожалению, могу путать, но не более чем на один день.

В походе участвовали:

1. 154 ООСПН без одной роты (осталась на охране лагеря) с приданной артиллерийской батареей Д-30 и танковым взводом;

2. батальон цирандоя из Щибаргана;

3. 30 человек добровольцев и партийных активистов из Акчи (я их последнее время брал на все операции, распределял по нашим взводам по 2 человека, и этим исключал любые провокации, ну и воевали они хорошо).

31.03.82 г. отряд вышел из ППД, под Акчой, прошел Шибарган, и Сари-Пуль это около 110 км. Встал на ночевку, где к нам и присоединился батальон цирандоя.

Временный лагерь мы всегда оборудовали следующим образом:

— в центре палатки УСБ, в них спал личный состав;

— палатки с четырёх сторон прикрыли бронетехникой;

— по периметру одна рота становилась в боевое охранение, копались окопы для стрельбы стоя (одиночные) в них

размещались пулеметчики, а затем на окоп наезжало БМП или БМД в которой находились механик-водитель и оператор наводчик.

Складывалось впечатление, что на охране только техника стоит, а из нее, особенно ночью, плохо видно и вообще ничего не слышно. Основную охрану несли пулеметные расчеты, которые находились под боевыми машинами, и их не было видно.

Артиллерия обязательно пристреливала ближайшие высоты, с которых противник мог нас обстрелять, в том числе и из миномётов.

Как правило, если боевая задача ставилась из Кабула, мы входили в какую-нибудь оперативную группу, подразделения которой могли решать отдельные задачи. Управление шло по радио, так было и в этот раз. Руководил операцией генерал майор со штаба Армии, фамилию называть не буду.

Ночью, во время первой ночевки, он звонит мне и спрашивает мое решение на следующий день. Я доложил, что в 7.00 поднимаю людей, завтракаем, и в 8.00 колона начинает движение. Генерал поднял крик, что мы вышли на боевые действия, а не на отдых приказал поднять людей в 4 часа и вперед.

В конце марта светать начинает около 7 часов, а вокруг горы, здесь и в 8.00 темно. Дороги практически нет, тут и без душманов людей потерять можно. У нас днем БТР под откос ушел, часа три вытаскивали, слава богу, обошлось без жертв.

Я приказал начальнику штаба, старшему лейтенанту Ершову С.Н., в 4.00 садиться в БМП КШ (командно-штабная машина на базе БМП) и давать генералу дезинформацию, что мы уже совершаем марш. Натолкнулись на заминированный мост, разминировали, идем дальше.

А люди у меня спят, в 7.00 встали, почистили зубы, позавтракали и только потом пошли. До Санчарака была еще одна ночевка.

02.04.82 г. в первой половине дня, вышли к кишлаку Санчарак. Я сразу поставил танки на прямую наводку, затем развернул батарею, и они стали обрабатывать высоты вокруг кишлака. Где-то за час мы всех душманов разогнали.

Был и казус. На склонах противоположных сопок мы увидели, как убегают вооруженные люди. Я приказал ст. л-нту Частухину, командиру минометногранатомётной роты (к этому времени я поменял его местами с Якименко); развернуть гранатомёты АГС-17 и врезать им под зад. Врезали, а оказывается это местное ополченцы, обрадовавшись подошедшей помощи, пошли в атаку. Хорошо, что ни кого не убили, были только легко раненые.

03.04.82 г. Мы сделали бросок вверх по ущелью и взяли еще два кишлака практически без боя, так локальная стрельба. Было арестовано два исламских комитета в полном составе.

В 12.00 вернулись в лагерь под Санчарак. Руководитель оперативной группы, по радио, приказывает: «Вперед на следующий кишлак»! Пытался ему доказать, что после обеда выходить нельзя, нет фактора внезапности, да и к вечеру не управимся. Ничего не хочет слушать, вперед и все.

Таких оперативных групп, как правило, создавалось несколько, и начальники стремились выглядеть лучше на фоне других.

Пошли на очередной кишлак, названия его я не помню, ну и нас конечно ждали. Дорога была минирована итальянскими пластмассовыми минами. В колоне, прямо перед моим БТРом, подорвалась наша гаубица, но правда обошлось без жертв. Проверили кишлак, результатов ноль, дело к вечеру.

Генерал приказывает идти на следующий. Туда вошел один наш взвод, их обстреляли, и одно БМП разулось, слетела гусеница. Весь отряд стоял в 3-х км от этого кишлака в ущелье между двух хребтов, не где было развернуться. Уже стемнело, и я решил уходить в лагерь. К разувшейся БМП отправил своего заместителя по вооружению, капитана Ниязалиева с отделением ремвзвода. Они гусеницу натянули, только первое движение, она снова слетела. Очень узкая улица, как раз на ширину БМП, глинобитные дувалы в притык к машинам. Ниязалиев людей с НСПУ (прибор для стрельбы ночью из стрелкового оружия) посадил на крыши кибиток, и они не давали душманам подойти на бросок гранаты. За ночь таких попыток было несколько. Но видимо душманов было мало и они на атаку не решились. А мы с этим взводом провозились до самого утра.

Взводу помощь было не нужна, я Ниязлиеву предлагал несколько раз направить роту, но он отказался. Да и мне, затевать ночной бой, на незнакомой территории, при полном отсутствии каких-либо разведданных, совершенно не хотелось. И уйти без взвода я не мог, душманам могла подойти помощь. Задача была продержаться до тех пор, пока не вытащим взвод из кишлака.

Организовать оборону внизу ущелья, абсурд, перещёлкают как куропаток. Вытаскивать людей на высоты, а технику оставлять внизу (она не смогла бы подняться по крутым, скалистым склонам) тоже нельзя. Мне бы пожгли все машины.

Тогда я приказал командиру батареи Д-30, капитану Тютюник, прикрыть нас огнём батареи. Открыть огонь по местности вокруг колоны отряда, с таким расчетом, чтобы снаряды ложились вокруг нас и душманы не смогли бы к нам

приблизиться. Я рассчитывал ещё и на психологический эффект от этой стрельбы. Слыша беспрерывные разрывы, душманы вряд ли отважились бы на какие-то действия. Тем более, что за два дня, мы их прилично потрепали.

Тютюник сначала категорически отказался выполнять приказ, боялся, что попадет по своим. И доказывал мне, что это не возможно. Его понять можно, кто потом отвечать будет? Тем более что огонь надо было вести с закрытых позиций, и к тому же ночью. Тогда мы с ним решили по-другому. Я весь личный состав спрятал за броню, они проспали до самого утра, а сам всю ночь корректировал стрельбу одного орудия, с него стрелял сам командир батареи капитан Тютюник.

Батарея находилась от нас по прямой, через хребты, на расстоянии около 8 км., в лагере под Санчараком. Я дал точку по карте, находящуюся от нашей колоны на расстоянии 1,5 км. Тютюник по радио командует: «Выстрел»! Я вижу вспышку, затем звук выстрела и смотрю где разрыв. Ну а затем уже не так сложно, командую вправо, влево, ближе, дальше. Если место разрыва меня устраивало то туда три, или даже пять снарядов беглым. Мы добились, чтоб снаряды ложились 200–300 м от нашего расположения. И так всю ночь. Один раз снаряд разорвался в метрах ста от моего БТРа, это было опасно. Так как эллипс рассеивания осколков составлял 250 метров. Но я каким-то шестым чувством понял, что будет «жопа» и прыгнул в люк, осколки по броне отбарабанили и все.

К утру от нервного напряжения, у меня дрожали руки, как у алкаша. Я не думал, что такое может быть. Устал страшно. Вытащили мы утром взвод, и пошли в лагерь. Я по радио замполиту, капитану Воронову, ставлю задачу, чтобы нашёл бутылку водки. Он взмолился: «Где я вам её здесь возьму»? Говорю: «Где хочешь».

Приходим в лагерь, встречает Воронов с двумя пакетами кишмишовки. Это местный самогон, отвратительного качества. Я выпил залпом армейскую кружку этой гадости и, наверно впервые в жизни, получил огромнейшее удовольствие от спиртного.

После боя, фото на память с бойцами отряда самообороны

Отдых в перерыве между боями, боец отряда самообороны исполняет национальный танец.

Приказал личному составу и афганцам почистить оружие и ложиться спать. Только хотел сам устроиться подремать, ведь всю ночь не спал. Меня опять вызывают к рации, и генерал требует идти на очередной кишлак Тагай-Ходжа-Суфла, и это опять коло 12.00. Пытался его убедить не делать этого, бесполезно. Доложил,

что приступаю к выполнению приказа, а сам разрешил людям спать.

Прошло около часа, мне докладывают, что летят вертушки. Я скомандовал: «По коням!», и мы пошли на кишлак. Было понятно, что это летит тот самый генерал.

4.04.82 г. около 14.00 мы подошли к кишлаку нас там естественно ждали. Подрывается «Шилка», чудом остался живой механик-водитель и погибает замполит 2 роты старший лейтенант Статкевич В.В… Пуля попала прямо ему в голову, но крепкий парень, он еще 2 часа жил, умер уже в вертолете, когда его доставляли в госпиталь.

Докладываю о происшествии генералу, он сразу заволновался «Как же это могло случиться?» Тогда уже жёстко спрашивали за потери. Я ему повторил, что кишлак надо брать на рассвете, а не в обед. Он приказал остановить операцию и вернуться в лагерь.

5.04.82 г. мы простояли под Санчараком, прилетели большие начальники из Мазари-Шарифа, укрепляли местную власть.

6.04.82 г. пошли назад в Акчу (ППД). В 20 км севернее к. Санчарак нас встретило местное население, человек 30 из них были вооружены, и попросили нас, чтобы мы освободили их женщин, которых якобы увели в соседний кишлак, толи душманы, толи просто жители того кишлака.

Я побоялся вмешиваться в эту ситуацию, посоветовался с хадовцами, они сказали, что возможно это просто провокация.

Я подарил мужчинам кишлака два ящика ручных гранат, и предложил им самим вернуть своих женщин.

Переночевав, не доходя, Сари-Пуля, мы 8.04.82 г. вернулись в свой базовый лагерь. До нас, да и после нас в Санчарак никто не ходил.

На операции погиб один человек:

Статкевич Владимир Владимирович — старший лейтенант, заместитель командира роты по политической части,
1958 года рождения. Награжден орденом «Красная Звезда».

Домашний адрес: Житомирская обл., с. Старосельцы, ул. Ленина — 1.

Мать — Статкевич Нилла Кириловна.

Я вместе с бывшим начальником штаба отряда Ахметовым Р.М., и бывшим командиром группы Анциферовым А.А., бывал несколько раз на могиле Володи в селе Старосельцы. Виделись с Ниллой Кирилловной, Володя был её единственным сыном. Тяжёлые ощущения. Единственно, что радует, так это то, что

земляки не забыли Володю. Напротив школы, где он учился, стоит монумент из красного гранита, отображающий горы. И барельеф Володи на фоне этих гор. В школе есть музей, посвященный афганской трагедии, там имеются документы и фотографии старшего лейтенанта Статкевича В.В.

Несколько раз я ездил в гости к Нилле Кирилловне со своей семьёй, в одну из таких поездок с нами был мой брат Юрий, он служил в одной роте с Володей.

Нилла Кирилловна с моим внуком Денисом

На могиле у Володи, крайний слева отчим Володи Дмитрий Михайлович, крайний справа мой брат Юрий

Памятник Володе у школы, слева моя жена Александра.

Будни.

26 апреля в Акче праздновалась годовщина Саурской революции. Мы небольшой делегацией принимали участие в этом празднике. До нашего прихода душманы не позволяли этого делать. Всё как положено, торжественная часть, а перед ней исполнение гимна Афганистана. Но всё это во дворе перед улусвали. Ну и, конечно же, концерт.

Почетный караул в честь нашего приезда.

Фото на память с руководством волости.

Экскурсия по Акче.

На тожественном собрании исполняется гимн Афганистана.

Трибуна для почетных гостей.

Экскурсия по городу.

На празднике исполняется национальный танец, танцуют

все желающие

Танцуют афганские пионеры

Фото на память с детьми Акчи.

Тост за годовщину Саурской революции

Тост первого секретаря Акчинского парткома.

Первые правительственные награды в батальон пришли в начале мая 1982 года, это были награды за взятие Джар-Кудука. Вручал я их на построении батальона. В эти же дни у нас уезжала первая партия уволенных в запас. Как и положено было организовано прощание со знаменем. Ребят посадили на вертолёт, и прощай Афган.

Зачитка приказа о награждении.

Вручение медали прапорщику Возняк.

Перед выездом на операцию.

Вручение медали «За штагу» мл. сержанту Омарову.

Торжественным маршем проходит танковый взвод, приданный отряду.

Построение увольняемых в запас, для прощания со знаменем.

Прощание со знаменем отряда.

Инструктаж внутреннего наряда по лагерю.

На фото собака по кличке — «Старшина». Особенность этой собаки была в том, что она не переносила, если солдат нарушал форму одежды, например, шёл без ремня. Нарушитель формы одежды мог быть слегка покусан. Поэтому при виде «Старшины», народ сразу приводил в порядок свой внешний вид.

5.4. Акчинская трагедия.

В середине мая меня отпустили в отпуск. Летел я через Кундуз, от туда шли самолёты на Союз. Прилетаю вертолётом в Кундуз, на аэродроме говорят, что сегодня рейсов на Ташкент не будет, за исключением спецрейса, который улетает буквально через полчаса, но на нём везут в Союз гробы с погибшими, он делает промежуточную посадку в Ташкенте. Так, что если я не против, то меня посадят. Вот так я и летел, двенадцать гробов с погибшими, сопровождающие и я.

Находясь в отпуске, я постоянно получал письма от начальника штаба, так, что был в курсе всех событий.

В июне в отряде произошла трагедия. Я о ней узнал в Алуште, отдыхал там в санатории. Сижу на балконе читаю письмо, где написано, что в отряде 6 июня погибло шесть человек. А внизу шумит дискотека, молодёжь полупьяная, да и не только молодёжь. И не кому нет дела, что где-то идёт война и гибнут совсем ещё пацаны. Ну, а главное, что про это не кому, не звука. В Афганистане уже третий год шла неизвестная война. И такая злоба в груди поднялась на всех и на вся, что хоть вой.

А произошло следующее. 5 июня оперуполномоченный отряда ездил в Шибарган и оттуда привёз развединформацию, что якобы в одном из кишлаков находится склад оружия. Но информация была непроверенная, да и в лагере оставалась только одна рота, остальные были на операции. И начальник штаба, старший лейтенант Ершов С.Н., решил не рисковать, и не выходить на реализацию полученной информации. Но особист начал на него давить.

Он и раньше пытался делать то, что его служебной деятельности не касалось. Пытался указывать командирам, как надо командовать подразделениями. Когда я был на месте, то не давал ему высовываться, а здесь он решил, что пора показать всё своё умение. И в результате рота попала в хорошо подготовленную засаду. Да и какая там рота, ходило всего семь БМДшек.

Подбили, из гранатомёта, машину, в которой находился Ершов. Сам он был ранен в лицо, но, не видя ничего, продолжал управлять боем. Приказал спешиться, так как в подбитой машине оставаться было опасно, да и рация там была разбита. Команды отдавал замполиту роты лейтенанту Ермакову, а тот докладывал ему обстановку.

Рота была вынуждена занять круговую оборону. Только особист куда-то пропал. Ершов послал сержанта Листопада найти

его, и тот вытащил его из десантного отделения подбитой машины, он не выполнил команду спешиться, видимо в штаны наложил.

Вместе с машиной Ершова была подбита ещё одна и весь её экипаж погиб. Но душманы просчитались. Уничтожить роту они не смогли. Чётко организованная оборона и подошедшие из лагеря Шилки сделали своё дело, противник, понеся потери, был рассеян. Почему я так мало пишу об этом бое? Потому, что не был его участникам, и всё мною написанное взято из рапорта Ершова.

Приехав с отпуска, я пытался разобраться в причинах этой трагедии. Причиной были амбиции одного, и податливость другого.

Каждый должен заниматься своим делом. Ещё в начале весны мы получили устный приказ командующего Армией, запрещающий назначать замполитов подразделений, командирами этих подразделений даже временно. Мне это, было не понятно. Если уходил в отпуск командир роты, я всегда отдавал приказом, исполняющим обязанности ротного, замполита этой же роты. Назначать взводного, это факир на час, то, что он будет командовать замполитом, вряд ли.

Причина этого приказа оказалась в том, что в одном из полков замполит батальона, оставаясь за комбата, самовольно организовал какую-то операцию, на которой потерял много людей.

Когда я прибыл из отпуска, уже во всю шла подготовка к нашей передислокации в провинцию Саманган. Было жалко уходить из под Акчи. Много сил, и даже жизней, было потрачено на стабилизацию обстановки в этом районе. Но приказ есть приказ.

5.5. Прощай Джауздан, здравствуй Саманган (передислокация).

В первой половине июля мы начали передислокацию в новую зону ответственности. Самое сложное было перевести жилые домики, их было уже 14 штук. Я сейчас уже не помню, сколько нам дали трейлеров для их перевозки, толи два, толи вообще один. Помню, что они сделали несколько ходок, но так как сроки передислокации были очень жёсткие, в отведённое время мы не укладывались. И тогда было принято решение домики тащить волоком, зацепив за танки. На них снизу были металлические полозья в высоту сантиметров 25, когда мы их притащили на новое место, осталось, сантиметров 5 метала. Ведь тащить пришлось около 125 километров, и всё время по асфальту. Грохот стоял страшный. Танки ревут и к этому ещё скрежет железа по асфальту.

Когда тащили по сельской местности ещё не чего, только в кишлаках ишаки и собаки разбегались от дороги в разные стороны. Но самое сложное, конечно, было тащить их через Мазари-Шариф. Дело в том, что обходной дороги не было, и мы волокли вагончики прямо через центр города. По кольцу вокруг знаменитой голубой мечети.

Баню, нашу гордость, мы по кирпичику разобрали и перевезли на новое место. Где, в течение месяца, её собрали.

С командиром первой роты старшим лейтенантом Волчецким у голубой мечете в г. Мазаои-Шаоисбе.

Место под новый лагерь я выбирал сам. Мне, было, предложено расположится на окраине Айбака, административном центре провинции Саманган, в зелёной зоне. Заманчиво, при той жаре, какая бывает здесь в течение шести-семи месяцев, но я категорически отказался. И выбрал место в десяти километрах севернее Айбака, рядом с дорогой Термез-Кабул, недалеко от реки Саманган. Место было выбрано так, что до ближайших высот было около трёх километров, этим был исключён обстрел лагеря не только со стрелкового оружия, но и из 81мм американских миномётов, которые были у душманов. Стоящий под Айбаком пехотный батальон обстреливали, чуть ли не каждую ночь.

И ещё одно. Из Айбака подразделения отряда не смогли бы скрытно выходить на операции даже ночью. А здесь мы встали на перекрёстке двух долин и могли в любое время суток идти в любом направлении. Вода была рядом, прямо на реке мы поставили МАФС (станцию по очистке воды). А для её безопасности рядом построили башню из глинобитного кирпича в три этажа.

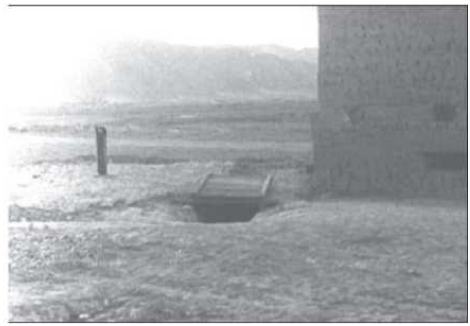
Одна такая башня у нас была на старом месте дислокации. И там мы начали строить высокий глинобитный забор, чтобы прикрыть лагерь со стороны зарослей камыша, которого было очень много вдоль реки Балх, рядом с которой мы и располагались.

На старом месте дислокации, рота, заступая в боевое охранение, шла в месте со своей боевой техникой. Так было во всех советских гарнизонах. Вокруг лагеря были установлены, кроме сигнальных мин, ещё и боевые.

На новом месте мы решили сломать эту традицию. Во всех четырёх углах лагеря построили башни, такие же, как на реке. Башня была рассчитана на отделение. На всех этажах имелись бойницы для стрельбы. А на самом верхнем этаже стоял пулемёт ПК, спаренный со станцией ПСНР (переносная стация наземной разведки). Рядом с башней, естественно со стороны лагеря, размещался блиндаж, в котором и находилось отделение, а на башне была только дежурная смена. Проникнуть в башню можно было только через лаз в полу, который вёл в блиндаж, других входов не было.

По периметру, между башнями, был сооружён высокий забор из колючей проволоки, с внешней стороны которого было установлено МЗП (малозаметное препятствие). Для несведущих, это тонкая, мало заметная проволока, которая лежала спиралями и была трудно проходима. Мины мы поставили только сигнальные. На старом месте дислокации, у нас подорвался солдат, на своей же мине. Но мы сделали хитрый ход.

Я приказал начальнику инженерной службы отряда, капитану Василегину, в течение недели, днём и ночью, подрывать вокруг лагеря боевые мины. А затем пригласил к себе в гости аксакалов ближайших кишлаков, вроде бы как для знакомства. И в конце встречи сказал им, что если они захотят со мной встретиться, то идти надо только через КПП, от дороги. Так как вокруг лагеря всё заминировано, и что наверно они слышат, как на установленных минах, подрываются суслики.



Сторожевая башня. Вход в блиндаж.

Лагерь в этот раз мы планировали более тщательно, уже был опыт. Построили, своими силами, больше капитальных строений. На старом месте, таким строением, была только баня.

Каждая рота, также как раньше имела две палатки УСБ. Но если раньше мы копали котлованы, на новом месте от этого отказались. Летом в эти котлованы заползала всякая дрянь и змеи и скорпионы.

Здесь было найдено другое решение, я уж не помню, в какой роте это придумали. Строится здание из дикого камня, вокруг его море. Стены толщиной 50–60 сантиметров, но без крыши. Не из чего было её делать.

Цемент, на строительство стен, мы добывали у проходящих мимо, наших колон. А затем на эти стены натягивалась палатка. Со стороны, кажется, что стоит палаточный городок. Но ни одна пуля, не пробила бы, те стены.

Вагончики, чтоб не было жарко, покрывались массетями.

Правда, благодаря нашей еженощной работе, и попыток таких не было. Но об этом чуть позже.

За жилыми помещениями располагались ротные кладовые. Мы их сделали по старинке блиндажного типа.

Дальше шла линия Ленинских комнат, они были предназначены для отдыха личного состава и проведения классных занятий. Их строили, также как башни, из кирпича сырца. Благо строительного материала под ногами сколько угодно. Я в школьные годы занимался этим кирпичом и знал технологию его производства. К тому же нам помогали солдаты из цирондоя и пленные душманы.

Из кирпича были построены также караульное помещение и КПП.

Работа по строительству проводилась большая, потому как надо было всё успеть до зимы. И ни кто нам не прейдёт, и не сделает. Более того, все 100 % стройматериалов мы доставали сами. Я помню удивление офицеров приехавших из Кабула и увидевших асфальтированные дорожки, правда, их было очень мало. В ближайшей округе асфальтных заводов не было, но голь

на выдумки хитра.

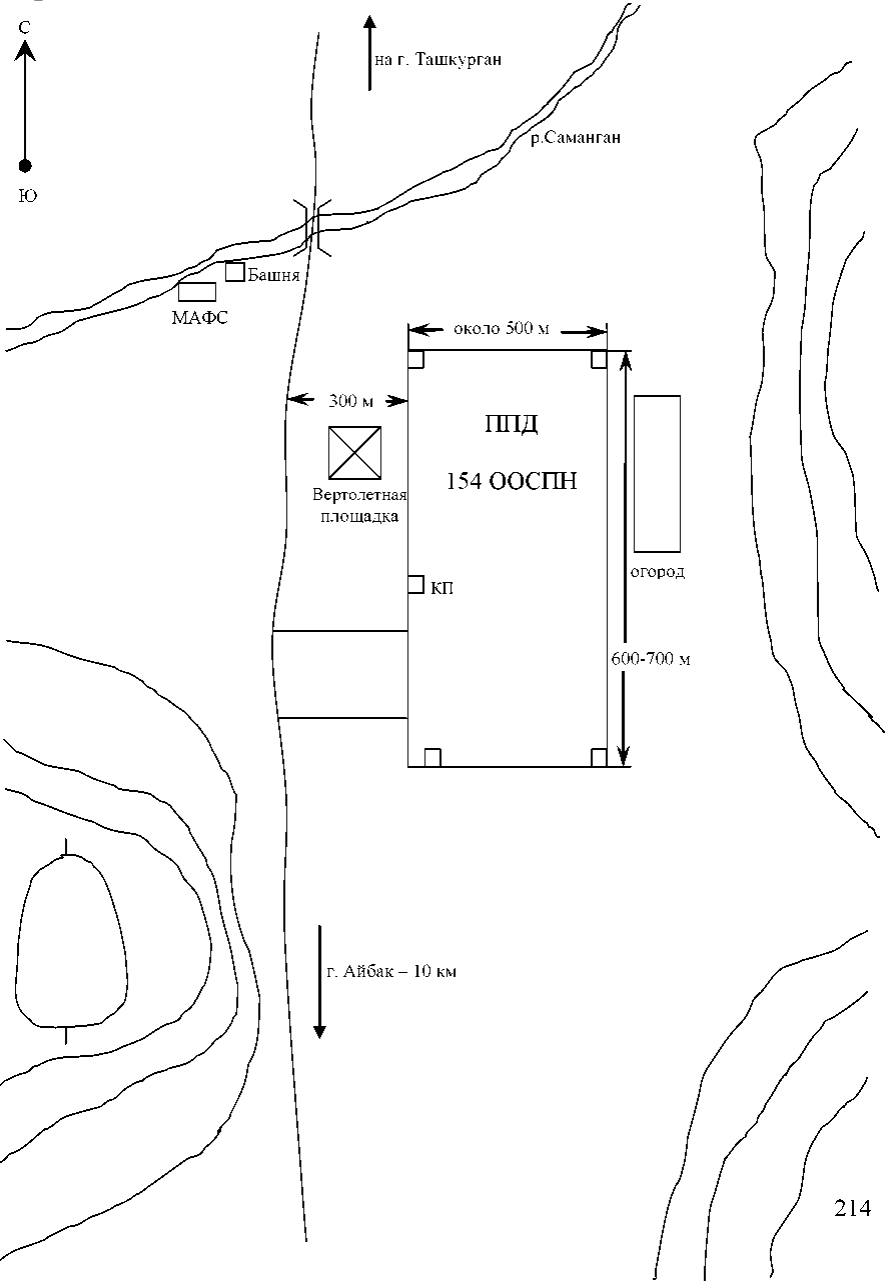
У входа в свой вагончик.

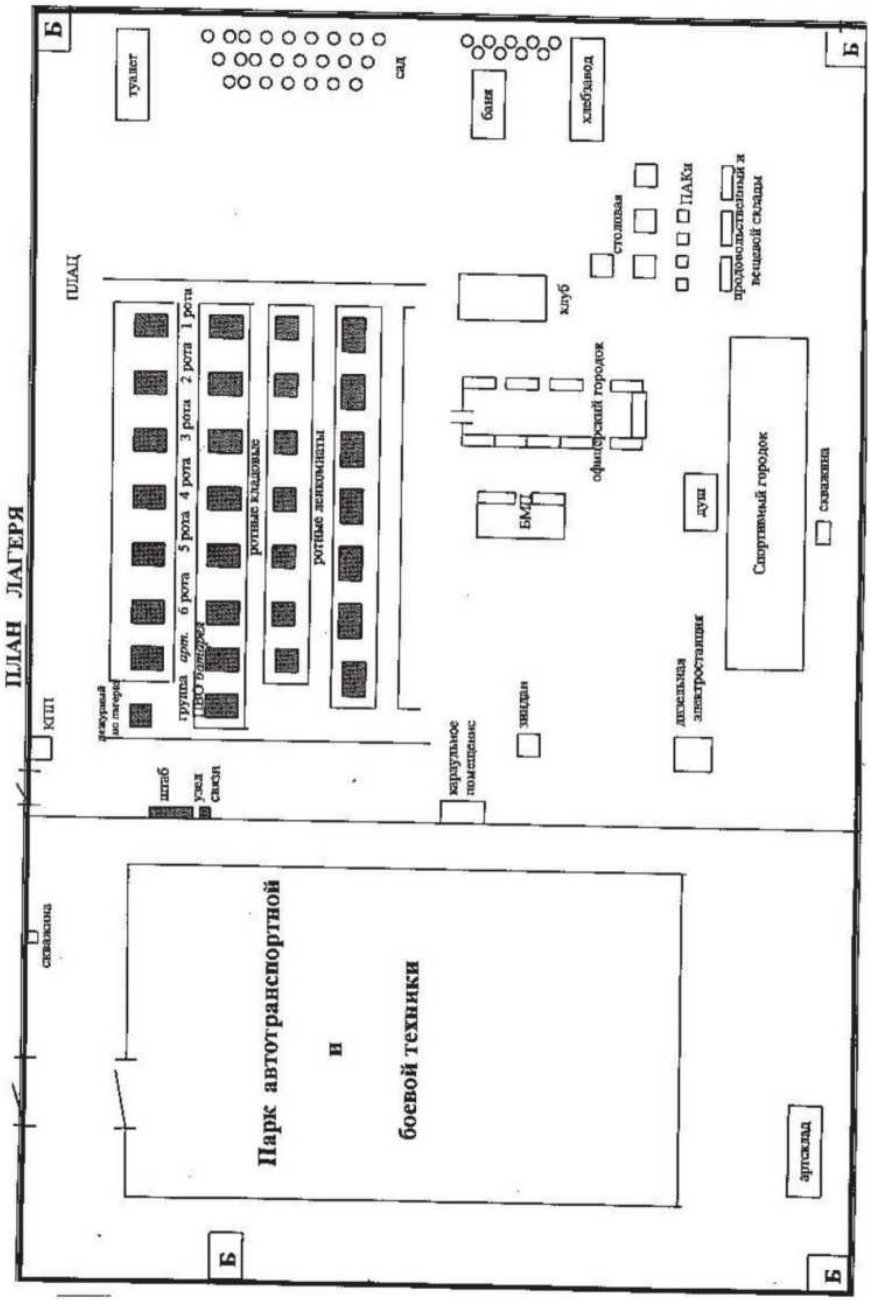
Командир РМО (рота материального снабжения) капитан Свиридов, где-то нашёл брошенный асфальтный завод. Привёз глыбы старого, брошенного асфальта, и использовал их для покрытия дорожек.

А делалось это так. Куча старого асфальта обливалась соляркой и поджигалась. По мере горения он размягчался, его разбивали лопатами, размельчали и укатывали.

Чуть позже к входу в мой вагончик сделали пристройку, прихожую, стало уютней, да и вид стал более респектабельный. Я уже писал, что в левом крыле моего вагончика располагалась комната советско-афганской дружбы. Там мы принимали всех наших гостей и не только афганцев.

размещения ППД 154 ООСПН на местности





Строительство строительством, но мы ежедневно выполняли свою основную задачу, поставленную перед нами Командующим 40 Армией. Стабилизация обстановки в зоне ответственности, а это более 100 километров только вдоль дороги Ташкурган — Рабатаг.

На этом участке душманы били наши колонны с грузами, идущими на Полихумри, где размещались армейские склады и

далее на Кабул. Кроме того, они совершали диверсии на топливопроводе Термез — Полихумри. По двум трубам шли: дизтопливо для техники, и керосин для авиации.

В течение месяца мы навели порядок в зоне ответственности. Последняя засада душманов, на транспортную колону, состоялась 12 августа 1982 года. И до самой передислокации отряда под Джелалабад, в ноябре 1983 года, ни одной засады. Мы их били в момент выхода на засады. Они выходили под утро, а мы их уже ждали с вечера. Кроме того, мы проводили засадные действия не только у самой дороги, но и на тропах идущих с гор в долину. Периодически проводили блокировки и зачистки кишлаков.

Во время проведения одной из таких операций, южнее Айбака, был ранен осколками гранаты мой брат, в голову и ногу. Осколок из ноги вытащили, а осколок в голове носит до сих пор.

На этой же операции погиб солдат с Юриного взвода.

Снайпер рядовой Капустин Виктор Владимирович, 1963 года рождения.

Награждён орденом «Красная Звезда» посмертно.
Захоронен в Бурятской АССР, г. Улан-Удэ,
502 км., пос. Нахаловка.
Мать — Капустина Людмила Степановна.

Прощание с рядовым Капустиным В.В.

На одной из операций, в районе Айбака, я, стоя на БТРе, чтобы было лучше видно, руководил боем, и наводил на цели боевые вертолёты. В районе КП обстановка была спокойная, душманы были надёжно зажаты подразделеньями отряда, и оставалось их только додавить.

Вдруг получаю удар в плечо и лечу на землю. Поднявшись, ничего не могу понять, ведь ударил меня один из моих телохранителей. Оказывается я, увлёкшись, не слышал, как по броне, рядом со мной, щёлкали пули. Стреляли сзади, из кишлака, и видимо из малокалиберной винтовки, так как выстрелов слышно не было. Да я и не мог услышать, шум в наушниках, рокот вертолётов заходящих на удар, а парень услышал и сбросил меня на земля. К сожалению, не помню, кто это был, в бою не до этих мелочей, сегодня ты мне помог, завтра я тебе, это нормально.

Мы обросли не плохой агентурой, в основном это заслуга начальников разведки отряда. На первом этапе, это был лейтенант Игорь Скирта, а затем, старший лейтенант Александр Иванов.

Игоря сняли с должности, хороший офицер, но допустил грубую ошибку. Оставаясь за начальника штаба, как-то получилось, что из командования отряда, в лагере не было ни кого. Толи на операции были, толи в Кабуле. Он поставил в паспорте офицера чужой части, штамп и печать о разрешении выезда в Союз. Мы пользовались таким правом, но только для своих. А этот скот Игоря обманул, сказал, что в суматохе, в его

части забыли это сделать, и дезертировал. И Скирта оказался, чуть ли не соучастником. Обошлось снятием с должности.

Корректировка работы боевых вертолётов.

На фото в центре Кудуз, боец цирандоя, у него были свои, личные счёты с душманами. Они вырезали всю его семью.

Во время прочёсывания кишлаков, местные власти обязательно проводили разъяснительные беседы.

Губернатора провинции в начале осени куда-то перевели, и на его место назначили нового, таджика по национальности.

Губернатор провинции проводит беседу с местными жителями.

С губернатором провинции Саманган, он в центре, ждём завершения операции.

Чай, это всегда хорошо.

Подведение итогов проведенной операции с губернатором провинции.

Война войной, но мы были вынуждены сдавать проверки по боевой подготовке, точно так же как в мирное время. Кому нужно было это очковтирательство?

С Кабула приехала комиссия штаба армии. Провели, как это и положено строевой смотр, а затем вперёд, сдавать все положенные предметы. Ну, с политподготовкой всё понятно, её сдавали в палатках. А вот предметы боевой подготовки, я предложил принимать в бою. Провели блокировку кишлака — оценка по тактике. Набили душманов — оценка по огневой подготовке.

Митинг перед началом итоговой проверки.

Строевой смотр

Как-то раз приехал какой-то начальник и обнаружил, что в отряде нет плана действий при применении противником ядерного оружия. Увидев мою отвисшую челюсть, пояснил, что сам понимает, что это бред, но так требуют сверху. Пришлось писать какую-то чепуху.

Побывавший в отряде начальник разведки Армии полковник Власенков, заставил меня переписать несколько характеристик на моих заместителей. Одним из пунктов, в которых, я указал: «На подлость неспособен», сказал, что такое писать не принято.

Я ему благодарен за то, что он научил меня работать с документами приходящими из вышестоящих штабов. Ведь командиром отдельной части в мирное время я не был, а в

Афгане было не до бумаг. В боевую работу он не вмешивался, значить разделял наши взгляды. Ну и он писал на меня характеристику для поступления в Академию им. М.В. Фрунзе.

СЛУЖЕБНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

СЛУЖЕБНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

на майора Стодеревского Игоря Юрьевича, 1948 года рождения, русского, члена КПСС с августа 1974 года, образование высшее, в Советской Армии с августа 1967 года

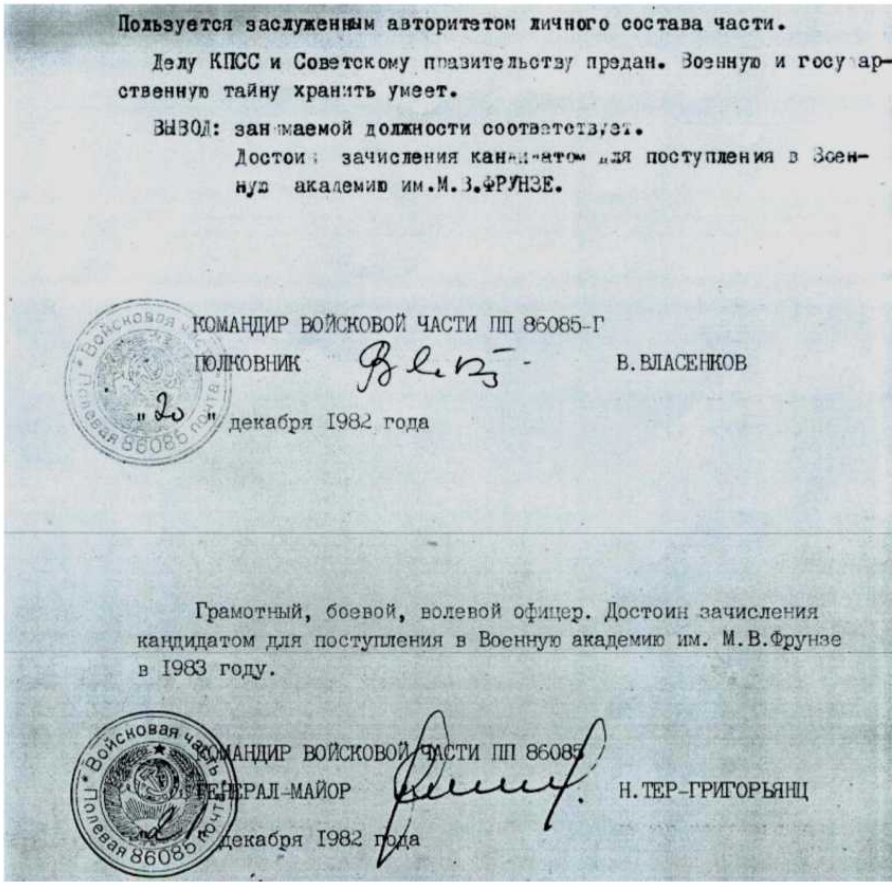
И-627230

Майор СТОДЕРЕВСКИЙ И.Ю. зарекомендовал себя дисциплинированным, трудолюбивым, исполнительным офицером. К исполнению служебных обязанностей относится добросовестно. В своей работе умело опирается на партийный и комсомольский актив.

Умело руководит боевой и политической подготовкой и воспитанием личного состава батальона. При проведении боевых операций по уничтожению бандформирований мятежников тактически грамотно руководит действиями подразделений, проявляя при этом оперативность мышления, мужество и хладнокровие. Особенно отличился батальон под командованием майора СТОДЕРЕВСКОГО И.Ю. при проведении операций по уничтожению центра подготовки в населенном пункте Джар-Кудук, бандформирований в населенных пунктах Дарзаб, Сангчарак, в районе населенного пункта Акча. В октябре 1982 года в ходе операции батальоном уничтожен крупный отряд мятежников, что создало тенденцию к улучшению оперативной обстановки в провинции САМАНГАН. За проведение этой операции майор СТОДЕРЕВСКИЙ И.Ю. получил благодарность лично от Командующего Армией.

Методически грамотно проводит занятия со штабом, командирами рот и их заместителями и начальниками служб батальона. Постоянно изучает деловые, политические и моральные качества офицеров и прапорщиков. Регулярный контроль со стороны майора СТОДЕРЕВСКОГО И.Ю.за сохранением, содержанием и правильным использованием вооружения, боевой и другой техники, боеприпасов, ГСМ обеспечивает высокую боевую готовность батальона. За успешные результаты боевой деятельности батальона награжден орденами "КРАСНОЕ ЗНАМЯ", "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА", "ЗА СЛУЖБУ РОДИНЕ в ВС СССР" III степени.

В строевом отношении подтянут. Физически развит отлично. В быту скромен. Морально устойчив, идеологически выдержан.



Пользуется заслуженным авторитетом личного состава части.

Делу КПСС и Советскому правительству предан. Военную и государственную тайну хранить умеет.

ВЫВОД: занимаемой должности соответствует.
Достоин зачисления кандидатом для поступления в Военную академию им.М.В.ФРУНЗЕ.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ ПП 86085-Г
ПОЛКОВНИК В. ВЛАСЕНКОВ
"20" декабря 1982 года

Грамотный, боевой, волевой офицер. Достоин зачисления кандидатом для поступления в Военную академию им. М.В.Фрунзе в 1983 году.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ ПП 86085
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Н. ТЕР-ГРИГОРЬЯНЦ
декабря 1982 года

Мы продолжали, практически ежедневно, проводить не большие локальные операции. Душманы не выдержав нашего прессинга, прислали ко мне парламентёров с просьбой, чтобы мы не трогали их кишлаки. Так как мы не даём им возможности встречаться с жёнами. Они вынуждены каждый вечер уходить в горы, так как боятся попасть в западню, зная, что мы прейдём ночью, но куда, и когда неизвестно. В обмен, они предложили мне, что на моём участке не будут трогать ни колоны, ни топливопровод. Я предложил им пойти и сдаться властям. Они не вняли моему совету и за это поплатились. Спустя полтора месяца мы полностью разгромили две самые мощные группировки мятежников в районе нашей ответственности, но об этом позже.

Были в нашем районе группировки мятежников, которые перешли на сторону власти и стали называть отрядами самообороны. У нас с ними были прекрасные взаимоотношения. Одна из таких группировок находилась в соседнем кишлаке, в восьми километрах от нас. Они не только помогали нам на операциях, но и проводили их сами и воевали лучше, чем правительственные солдаты. Те были подневольные, а эти все

добровольцы.

Были случаи, когда командир этого отряда приезжал ко мне и просил дать ему два «зарипущь», так они называли танки.

Очередная встреча с руководством отряда самообороны

В беседе выяснялось, что по их данным, в один из кишлаков пришла группа душманов из Пакистана, и они хотят провести операцию по их задержанию.

Танки, я ему конечно, не давал. Мы с ним договаривались так, я одной ротой блокирую кишлак, а он со своими ребятами работает внутри кишлака. Эти операции проводились, как правило, днём, но всегда имели хоть и маленький, результат. Бывшие мятежники хорошо знали всё местное население, знали, кто есть кто. Они лучше нас знали, где в кишлаке можно спрятать оружие. Поэтому из кишлака, с пустыми руками, ни когда не возвращались.

Мы тоже были в выигрыше, проводя операцию, я привлекал минимум своих подразделений, и главное не рисковал солдатами. В конце концов, все не большие операции, мы стали проводить именно с этим отрядом самообороны.

Перед операцией по блокировки кишлака.

Уточнение задачи командиру отряда самообороны.

Фото после операции ***с бойцами самообороны и солдатами цирандоя.***

Я несколько раз был в гостях в этом кишлаке, они мне показывали недавно открытую школу и свой быт. Большой проблемой для них, зимой, было отопление своих жилищ.

Это проблема всего Афганистана, ведь там дрова продавались на вес, как фрукты или овощи. Территория страны безлесная.

Мы с командиром отряда договорились, что он берёт под свою охрану 10 км. дороги и топливопровода, что находятся рядом с ними. А за это, мы ему будем выдавать каждый месяц две тонны керосина, на том и порешили.

У меня был договор, с командиром подразделения охранявшим топливопровод, о том, что эти две тонны он будет

выделять, они для него мелочь.

На отрезки дороги, что вела от этого кишлака к нам в лагерь, мы проводили занятия по физической подготовке, марш-броски. Конечно, перед этим выставляли посты охраны. У нас в лагере мы сделали спортивный городок, но бегать там было негде, а спортивную форму поддерживать надо всегда. А уж в условиях ведения боевых действий это жизненно необходимо.

Я и сам раза четыре в неделю пробегал эту дистанцию. Охраны я, конечно, не выставлял, просто 300 метров сзади меня, шёл БТР. Ну и бежал я, хоть и в спортивной форме, майка и трусы, но с наганом в руках. Время забега я постоянно менял и считал, что нахожусь в полной безопасности, но оказалось что это не так.

Как-то раз я пробегал мимо афганцев из соседнего кишлака, они сидели на корточках у дороги и ждали автобус. Когда я поравнялся с ними, они поднялись и стали, кланяясь, здороваться со мной, говоря: «Салам Алейкум командон!» Значить они знали кто я. Было понятно, что эти пробежки надо прекращать, так как был шанс прибежать на тот свет.

Был ещё один курьёзный случай, связанный с этим участком дороги. Все считали его совершенно безопасным, но никогда и не в чём полностью уверенном быть нельзя. Везде надо применять принцип монашки, простите меня за грубость и пошлость, но из песни слов не выбросишь и более точно и ёмко этот принцип выразить не возможно. «Бережённого, бог бережёт!» — сказала монашка, надевая презерватив на свечку.

Так вот один из командиров взводов 3-го МСБ, который дислоцировался в Айбаке, решил провести занятие со своим взводом по горной подготовке. Похвальное рвение.

Место они выбрали не далеко от нас, не более километра, рядом с трассой Термез — Полихумри. Там была не большая, скалистая высота, удобная для занятий. Но как только они добрались до середины высоты, были сверху обстреляны душманами. Видимо у них там был наблюдательный пост. Взвод так прижали, что они не могли, не спустится вниз не, тем более, подняться наверх. Люди находились на скалах, где можно было улететь вниз и без обстрела. Внизу они не оставили не кого, кто бы мог сообщить о беде, или хотя бы поддержал их огнём.

Спасло этот взвод то, что часовой на одной из наших башен услышал отдалённые выстрелы, а любой выстрел в нашей зоне это был сигнал тревоги. Мой заместитель, капитан Посохов В.Н., взял роту, и, обойдя высоту с тыла, в течение получаса навёл порядок и снял взвод со скал. Слава богу, что ни кто из горе альпинистов не пострадал.

Где-то во второй половине августа к нам в лагерь прилетел новый Командующий 40 Армией генерал-лейтенант Ермаков, он совершал облёт войск. Вид у него был очень сердитый, видимо его где-то уже накрутили.

Напротив нашего лагеря стояла транспортная автоколонна. Командующий, взяв меня с собой, пошёл её проверять.

Когда он потребовал начальника колонны, то к нам вышел субъек, в тапочках на босу ногу и с голым торсом. При этом через ремень брюк у него отвисал приличный животик. Командующий чуть не поперхнулся от злости. Примерно так же выглядели и солдаты из этой колонны, жара правда была около 40 градусов. Но это не могло быть смягчающим обстоятельством, ведь они находились на выполнении боевой задачи, и здесь расхлябанности быть не должно. Ермаков приказал мне арестовать начальника колонны, он оказался майором, а колонну задержать и досмотреть.

Так мы получили от Командующего ещё одну задачу. В последствии мне было выдано удостоверение на право задержания и досмотра любой советской колонны проходящей через нашу зону ответственности. Но об этом чуть позже.

Командующий вернулся в лагерь и приказал собрать офицеров. Разгоряченный только что увиденным, он стал очень эмоционально взывать к нашей офицерской совести. Я всё слушал, понимая, что у него накипело на душе, но когда он назвал нас пагононосителями, я не выдержал, встал и сказал ему, что здесь сидят боевые офицеры и что у каждого из них минимум два ордена. Генералы, из свиты командующего, сидевшие за его спиной, сделали страшные лица и замахали мне руками. Ермаков спокойно меня выслушал, движением руки приказал сесть и продолжил беседу. После окончания этой встречи он подозвал меня и сказал, что так разговаривать с Командующим нельзя, но что я нахожусь на правильном пути.

Когда я провожал его на вертолёт, кто-то из сопровождающих обратил внимание, что офицеры отряда не носят поперечный ремень от портупеи.

Ранее, я уже писал о том, что ввёл в отряде некоторые изменения в форме одежды. Этот заплечный ремень анахронизм оставшийся с того времени, когда носили на боку шашку. Он был не удобен и в мирное и в военное время.

Кроме того, внутренний наряд, дневальные по роте, у нас в отряде, летом, несли службу в шортах и рубашках с коротким рукавом, но обязательно в касках. Это была вынужденная мера. Спецназ презирал каски и по снабжению они нам были не положены. Но жизнь показала, что каска необходима, она часто

спасала жизнь. Когда группы шли на засады, я не требовал, чтоб они брали с собой каски, лишний вес и неудобно их с собой тащить. Но если на блокировку, то каска обязательна.

Каски, чтобы они не блестели на солнце, мы обтягивали маскировочной сетью серовато-жёлтого цвета как окружающая местность.

У *коменданта Кабульского гарнизона.*

Ермаков заметил на ходу, что командир отряда здесь является начальником гарнизона, как он решил, так и должно быть.

В последствии я несколько раз был в Кабуле, утверждал у него план стабилизации в районе ответственности. И когда ему докладывали, что прибыл командир 154 ООСПН, он принимал, вне всякой очереди. Мне, конечно, льстило, что отряд на хорошем счету у Командующего.

Однажды я был в Кабуле, на каком-то расширенном совещании, присутствовали командиры всех дивизий и отдельных полков 40 Армии. Командующий подводил итоги боевой деятельности и дисциплины. Когда очередь дошла до передвижения колон, он сказал: «Есть у меня там, на трассе батальон, который наведёт порядок со всеми вашими колонами».

Подняв меня, спросил, не объел ли наш отряд, личный состав задерживаемых нами колон. А я, как раз в течение месяца, не мог решить вопрос по возврату истраченного на них продовольствия. Командующий приказал в трёхдневный срок решить этот вопрос, и он был решён.

После совещания меня подозвал заместитель командующего по вооружению генерал-майор Крянга и попросил, что если будут

какие-то проблемы с его колонами, они возили в Союз технику на ремонт, чтобы я не выходил на Командующего, а звонил ему. Я воспользовался ситуацией и тоже высказал ему просьбу о выделении отряду сверхштатной техники. В течение двух недель мы получили 10 единиц БРДМ-2 (боевая разведывательно-дозорная машина) и 3 единицы МТЛБ (малый тягач легко бронированный).

БРДМ-ы мне нужны были для патрулирования, чтобы не гонять свои БТР-70, которые мы брали только на боевые операции. А МТЛБ, были прекрасными тягачами, для транспортировки подбитых БМП. Одну из них я отдал в медицинский пункт, во время боя прямо в ней можно было проводить операции, а не ждать пока прилетят вертушки. Сколько ребят спасли наши хирурги благодаря этой машине.

Ну и конечно у нас была трофейная техника, которую мы не сдавали, как это было положено, а использовали в своих нуждах.

В отряде по штату была машина для перевозки воды, водовозка, как говорят в народе. Это был ЗИЛ-130, который мог взять только 3.2 тоны воды. Это было недостаточно если весть отряд выходил на операцию. Да и проходимость у него была плохая, только по асфальту ездить. На одной из операций мы захватили у душманов американскую машину «Интернациональ», она брала 25 кубов воды и проходимость была гораздо лучше. Вот её мы и брали на операции.

Затем у нас появились две чешские Татры, которые брали гораздо больше, чем имеющиеся в нашей роте материально-технического обеспечения ЗИЛ-131. На них мы возили из Термеза продовольствие и боеприпасы. Вешали на них свои номера, и здравствуй Союз.

Помню, как один раз заместитель по вооружению инструктировал офицера убывающего в командировку в Термез: «Если тебя остановит ВАИ (военная автоинспекция), бросайте машины и назад в Афганистан, главное чтобы вас не поймали, а здесь мы как-нибудь отбрешемся.

Машины были неучтенные, при задержании, скандал был бы, на самом большом уровне. Но отряду было целесообразней посылать две Татры, чем 5–6 Зил-131, и мы посылали.

Главное качество руководителя — способность принять решение и нести за него ответственность.

К нам были прикомандированы на постоянной основе два БТС-а, это тягачи на базе средних танков. Они имели на вооружении крупнокалиберные пулемёты ДШК, большего им было не положено. Их назначение было таскать подбитые танки.

Но так как они имели большие короба, мы засыпали туда песок и установили на одном установку ЗСУ-23-2 (выпросили в Армии), а на другом 82-мм миномёт, и этим ещё увеличили свою огневую мощь.

БТС с установленной на нём установкой ЗСУ-23-2, крайний слева, командир артиллерийской батареи капитан Тютюник.

Патрулирование дороги, мы осуществляли только тогда, когда была возможность, ни какой обязаловки не было, и занимались этим, только 4-я рота (гранатомётноминомётная) и 5-я рота (инженерно-огнемётная), у них у каждого водителя БТРа, был ещё и БРДМ. Роты спецназ были постоянно в деле.

На новом месте мы выработали и новую тактику применения групп. Так как засады мы делали или рядом с дорогой или не далее 10 км. от неё, то стали вывозить группы на БТРах. Выходят ночью три БТРа и в нужной точке на ходу группа десантируется. А затем, пролежав рядом с дорого минут двадцать, уходит на место проведения засады. Применяли ещё один способ. Днём доставляли группу на один из блокпостов, где находилось подразделение трубопроводчиков и их охрана, а затем уже оттуда группа уходила на место проведения засады.

Был случай, когда нам отказали в размещении группы на посту. Командир подразделения трубопроводчиков, старший лейтенант Султанов, начал нести какую-то ерунду о согласовании с его начальством. Когда мне доложили, я приказал сделать засаду рядом с постом. Ну, и конечно, ночью мы взяли две наливные афганские машины и самого Султанова. Сдали эту

сволочь военному прокурору. Не было о нём ничего слышно месяца два, а затем опять появился всё на том же посту. Откупился видимо подлец. Как у меня под ложечкой сосало, поставить задачу снайперу, снять эту сволочь.

После выброски группы, у КПП лагеря вставал на боевое дежурство взвод на БМП, как мы его называли взвод пятиминутной готовности. Личный состав находился в боевых машинах полностью экипированный. Как только дежурный по лагерю получал от группы сигнал, что она ведёт бой, этот взвод немедленно уходил на помощь. В казарме находилась рота 15-ти минутной готовности. Люди спали полностью одетыми и с оружием, разрешалось только снять обувь. Эта рота уходила вслед за взводом.

Как только дежурному поступал сигнал о начале боя группой, он был обязан сообщить мне, но, как правило, этого и не требовалось. У моей кровати стояла радиостанция, которая была постоянно включена. И пока обстановка была спокойная, переговоры командира группы с дежурным по лагерю, тоже были тихие и спокойные, я спал. Но как только, они переходили на повышенные тона, я сразу просыпался и брал руководство на себя. Для того, чтобы поднять весь отряд, и выйти на помощь, требовалось не более получаса.

Всё, о чём я говорю, есть итог не только моих мыслей и задумок, а результат работы всех офицеров отряда и в первую очередь моих заместителей.

Работы прибавилось, мы стали патрулировать дорогу, с задачей обеспечения порядка, и не допущения всевозможных торговых сделок наших военнослужащих с афганцами. Ведь продавать пытались всё, или почти всё. Очень много безобразий было, в основном, в колонах тыла Армии, где перевозки осуществляли специализированные автобатальоны.

В колонах наряжаемых от частей порядка было больше, так как начальниками колон назначались офицеры этих же частей. Они имели боевой опыт и опыт руководства людьми.

А вот начальником колоны тыла армии, мог быть, кто угодно. Я встречал бывшего авиатехника, видимо не за хорошие дела его убрали из авиации. А один раз, даже встретил своего знакомого по Чирчику, он был хирургом в местном госпитале, но страшно пил. Вот его и сплавили в Афган.

О чём думали те люди, которые его посылали. Он не в состоянии управлять самим собой, а ему дают до сотни машин, сотни людей и вперёд по Афганистану. Да если бы он и не был пьяницей, может ли хирург или лётчик организовать охрану колоны, взаимодействие при нападении противника, и

руководить боем. Они просто из специфики своей подготовки не умеют этого делать, да и не должны уметь. Кадровиков, за такие назначения, надо отдавать под суд военного трибунала.

Я помню, когда уже служил в Батуми, заместителем командира полка, всё пытались отправить в Афганистан одного из замполитов рот. У него явно, что-то было не в порядке с психикой, как в народе говорят: «Не все дома». Я был начальником аттестационной комиссии, и конечно, его на отправку в Афган не пропускал, хоть он туда и рвался. Но как только, я уехал на сессии в академию, его туда, всё же отправили. Уж не знаю, чем это закончилось.

Нам в отряд присылали, механиков-водителей БМП и операторов-наводчиков, из Ашхабадского учебного полка. Они могли завести машину и тронутся с места. Навыков вождения, ни каких. А ведь людей отправляли воевать.

Мы были вынуждены создавать учебные группы и в течение двадцати дней, ежедневно, механики занимались вождением, а операторы-наводчики стреляли. И только после этого, они допускались на боевые операции.

Не многим лучше, была поставка, нам разведчиков из родной бригады. Люди приходили очень слабо подготовленные. Их учили чему угодно, но не тому, что надо на войне. Мы были вынуждены откомандировать в Чирчик своих офицеров. И они сами готовили нам пополнение.

А против своих пьяных колон, приходилось даже проводить спецмероприятия. Однажды нам поступила информация. Что на озере, это в 20-ти км от нашего лагеря, встала на ночёвку, такая, не управляемая колонна.

Операцией руководил мой заместитель, Вячеслав Посохов. Пришлось ждать, пока это воинство заснёт, пьяные, с оружием, они были опасны. Под утро, сняв полусонные посты, ребята их разоружили, слегка помяв им бока.

Все подозрительные колоны мы приводили к своему лагерю, там был сделан специальный отстойник. Я ставил задачу, одной из своих свободных рот разгрузить пять-шесть машин. Дело в том, что такие колоны везли через границу контрабанду, в основном водку и в громадных количествах. Пограничники и таможники были не в состоянии надёжно противостоять им. В колонах, как правило, 70-100 автомобилей и это в основном КАМАЗы. Нагружено в каждую машину до пяти тонн, например угля. Что могут сделать 3–4 таможника, поверхностный осмотр. А под углём два ящика водки, как их обнаружить. Только если разгрузишь. Вот мы и разгружали.

Как только, хотя бы в одной машине, мы находили

контрабанду, всё колона арестовывалась. Начальник колоны сажался на гауптвахту, а личный состав колоны приступал к разгрузке всех, без исключения машин. Но под нашим руководством. О задержании колоны я сообщал в Кабул.

Улов бывал и двадцать, и тридцать ящиков водки. Один ящик я, как правило, оставлял себе. Не для того, чтобы её по ночам пить. Дело в том, что ко мне часто, в гости, приезжали представители местной власти, и надо было накрывать стол. А где взять спиртное? В продаже его нет, вот я и выходил из положения. Но взятая водка была под строгим моим контролем.

Всю остальную выносили на плац. Я приказывал построить свой отряд и личный состав колоны. На глазах у них, вся водка выливалась на землю.

Но как-то раз, приходит ко мне дежурный по лагерю, и докладывает, что наши солдаты, пытаются кружками черпать водку из луж. Её было так много, что она не успевала впитываться в землю.

После этого случая, я приказал выливать водку в вёдра, и выплёскивать её на пол солдатского сортира, за одно и дезинфекция.

Как-то после очередной, такой помывки туалета, к нам приехали советники из Айбака. Понюхов воздух они спросили: «У вас, что батальон перепился, вонь водкой на всю округу»? Дело в том, что лето, жара за 40, и пары от водки разнесло на большое расстояние.

Слухи, о нашей специфической дезинфекции туалета, дошли и до Кабула. Звонит мне Тер-Григорьянц и задаёт вопрос, что мы делаем с конфискованной водкой. Когда я ему сказал, что мы используем её для помывки туалета, он возмутился и сказал, что это не государственный подход к делу. Водку надо сдавать в военторг и там её будут реализовывать. Я сказал, что понял, но не разу мы водку в военторг не сдавали. Не черта в Афгане водкой торговать.

В сентябре месяце в отряд приехал начальник разведки Туркестанского военного округа генерал-майор Дунец Василий Васильевич. До этого у меня были встречи с этим человеком, но ещё в мирное время, в основном на каких-нибудь занятиях. Личного контакта не было, в нашей среде он слыл довольно жёстким человеком. Готовясь к встрече, я готовился дать отпор возможным наездам.

К тому же, у меня была некоторая обида, и на руководство спецназа и на руководство разведки округа. Забросили нас в Афганистан и забыли про нас. За год никакой помощи, ни в чём.

Родная бригада отправила нас, и забыла, что мы такие есть. К

тому же при отправке, пользуясь полной неразберихой, на отряд повесили два или даже три, сейчас уже точно не помню, комплекта химзащиты. Когда я уже из Афганистана пытался разобраться с этой проблемой, мне сказали: «Ну, что тебе стоит, там же война, спиши на боевые потери». Командование бригады понять было можно, мы стали отдельной частью и уже им не подчинялись, а вот округ уж точно про нас забыл.

Была у меня и личная обида. В течение года отряд провёл массу удачных операций, перечислять их не буду. Была стабилизирована обстановка в зоне ответственности отряда в провинции Джаузджан. Отряд на хорошем счету у командования 40 Армией. Мы начали успешные боевые действия и в новой зоне ответственности. И при всём при этом ни кто даже мне спасибо не сказал, я уж не говорю про представления к правительственным наградам. А в отряде многие офицеры уже имели по две заслуженные награды. Пехота, с которой мы иногда взаимодействовали, и та была вся в орденах.

К наградам личный состав отряда представлял я. После каждой операции собиралось управление отряда и командиры подразделений. Я проводил разбор действий и выслушивал предложения по представлениям к правительственным наградам. В отряде имелся «Статус правительственных наград», возможно, он назывался как-то иначе. В нём было расписано, за какие свершения, что положено. Вот согласно этого статуса, мы и оформляли документы. Посылали их через Кабул, но документы, не понятным образом, часто терялись. Тогда я приказал, делать два комплекта документов, один отправляли в Кабул, а другой напрямую в Ташкент.

По нашим армейским слухам, приняв 40 Армию, генерал-лейтенант Ермаков приложил максимум усилий в наведении порядка по награждению правительственными наградами. Чего греха таить, все знали, что ордена можно купить.

Была ещё одна проблема. Посылаем на одну награду, а приходит другая на ранг ниже. Это имело очень негативные последствия для поддержания у личного состава отряда высокого морально-боевого духа. Мы здесь своей башкой рискуем, выполняя свой воинский долг, а там, в Ташкенте или в Москве, какая-то бумажная крыса, лучше знает, что заслужил тот, или иной солдат, или офицер.

Более того, были случаи, когда приходили отказы в награждении, под совершенно абсурдными предлогами. Например, что этот офицер, три месяца назад, уже получил орден. Но там была одна операция, а здесь совсем другая, там были одни деяния, здесь другие. Это, то же самое, что не дать

зарплату за март под предлогом того, что ты в феврале уже получил. Одним словом сволочи, вши на теле Армии.

Так вот один из первых вопросов Дунца, как только он вылез с вертолёта, был, как в отряде обстоит дело с награждениями? После моего доклада, об обстановке в отряде и в зоне ответственности, он скрупулёзно проверил документы на награждения, что-то сказал переделать и снова отправить.

Затем спросил, какие награды получил лично я. Доложил ему, что у меня два ордена, но один получен ещё в мирное время, а другой за спецкомандировку. Дунец приказал мне, срочно оформить документы на два ордена, на орден «Красное Знамя» и орден «Красная Звезда». Я, естественно, отказался, сказал, что сам на себя, ничего делать не буду, и ни какие документы не подпишу. Сейчас уже не помню, кого он вызвал, кажется начальника штаба и прапорщика начальника секретной части. Подготовили документы на оба ордена, Василий Васильевич их подписал, и они были отправлены. Но получил я только орден «Красное Знамя», второй орден пропал в никуда. Если бы был отказ, документы бы вернулись.

Дунец не долго был в отряде, но и этого срока было достаточно, чтобы понять, что он за человек. Крайне жёстким, он видимо, был только с бездельниками, и разгильдяями. Спокойный, уравновешенный человек, который во всём доходит до сути. Я не могу, и не имею право, давать оценку этому человеку. Во первых из-за того, что это мой начальник, и то, что, к сожалению, я его очень мало знал. Но то, что это человек высочайшего чувства долга, это, несомненно. Больше я его не видел.

Спустя два месяца он умер. Как нам довели, от желтухи, так в народе называют вирусный гепатит. Этой дрянью наверняка переболело треть 40 Армии, от неё не умирают, только надо во время начать лечение.

Василий Васильевичу лечится, было некогда, в Афганистане воевала его разведка. Как говорят очевидцы, когда ему становилось плохо, он глотал таблетки и продолжал выполнять свои служебные обязанности.

Я в Киеве встречался с его супругой Валентиной Степановной, она считает, что мужа отравили. Так как в госпитале, он сгорел буквально за два дня.

Похоронен генерал-майор Дунец В.В., в городе Киеве на Лукьяновском воинском кладбище. В дни Афганских дат, мы с ребятами бываем на его могиле.

Я не помню когда, но, кажется в конце 1982 года, Командующий запретил отпускать солдат в отпуска. Участились

случаи, когда человек уезжал в отпуск и назад уже не возвращался. Это проделывали не только солдаты, но, к сожалению, и некоторые офицеры и прапорщики. Когда я был на совещании в Кабуле, нам доводили анализ по этим невозвращенцам. Они в Союзе находили себе, не без помощи врачей, а видимо и денег, кучу болезней. Особенно этим страдали переведенные из Московского, Ленинградского и Киевского военных округов. Округа эти, по нашим армейским меркам, были приблатнённые, то есть не каждый мог попасть туда, служить. А тут они загремели в Афган, это, как правило, по замене, так как отслужившие в Афганистане имели право выбора округа и это правильно.

У нас в отряде проблемы с адаптацией не было, очень многие родились и выросли в Средней Азии или прослужили несколько лет в Чирчике. А условия Туркестана мало, чем отличались от условий Афгана. Ну и конечно, опять же отбор и воспитание людей.

Когда поступил такой приказ, я построил отряд и сказал, что если кто-либо из отпускников, опоздает хотя бы на одни сутки, больше в отпуск ни кто не поедет. Не было случая ни одного опоздания. Солдаты приезжали из отпуска, как правило, на день, два раньше срока. Это было связано с тем, что одиночка не мог перейти границу в Термезе, только в составе колонны. А колонны ходили не каждый день и чтобы не опоздать, и не подвести своих товарищей, люди приезжали в Термез пораньше. Так, что надо изучать людей и верить в них.

Офицеров, я старался, кроме очередного отпуска, ещё хотя бы раз в году, на 7-10 дней отпустить к семье. Уверен, что это только помогало поддерживать высокий морально-боевой дух в отряде. Старое правило, с начало дай, а уже потом требуй, чтобы выкладывались до последнего.

Делалось это так. Нужно было отправить в Союз на ремонт бронетехнику, БМП ремонтировались в г. Борисове в Белоруссии. Не обходим был один сопровождающий, я отправлял троих. После пересечения границы двое сразу ехали домой, а третий после сдачи техники. И так при каждом удобном случаи, не только связанном с отправкой техники.

Сам я так ездить не мог, мне было нужно разрешение Командующего, но я нашёл выход из положения. Я сообщал жене, когда ей надо было прилететь в Термез, и уже ждал её в аэропорту. Два дня в Термезе и опять Афган. За два года я такое проделывал два раза. Риска практически не было. Со мной была машина с радиостанцией, связь с отрядом была круглосуточная. В случаи необходимости я максимум за три часа мог добраться до

отряда, мы дислоцировались в 120 км. южнее Термеза.

В аэропорту г. Термеза

В начале октября мы провели очень удачную операцию, которая имела исключительно положительный эффект для стабилизации в районе нашей ответственности и подняла престиж отряда, не только у командования 40 Армии, но и у местных властей и что самое важное, у местного населения.

Этой операции предшествовала трагедия в подразделении трубопроводной бригады.

Километров десять севернее нашего лагеря на одном из постов перекачки топлива ушёл солдат, как потом оказалось, из-за неуставных отношений. Его пошёл искать прапорщик с пятью солдатами. Душманы их перебили и сложили в рядок, забрав оружие. Мы, после того как получили эту информацию, прибыли на место происшествия, провели поисковые действия, но душманы уже ушли. Скорее всего, они были из соседнего кишлака.

На месте гибели солдат трубопроводной бригады.

5.6. КУЛИ-ИШАН

Страшись о рать иноплеменных,
России двинулись сыны.

А.С. Пушкин.

Операция проводилась 7-го или 8-го октября 1982 года, точно не помню.

Проводилась она по месячному плану, который готовился заранее и утверждался в штабе армии. Но утверждать, что эта удача случайна, нельзя. Не случайно этот кишлак попал в месячный план стабилизации обстановки в районе ответственности. По нашим разведанным кишлак был проблемный и один из главарей банд был родом из этого кишлака.

Кишлак располагался 10–12 км севернее нашего лагеря у подножья хребта на берегу реки Саманган, река протекала в каньоне глубиной от 5 до 15 метров.

Первоначально на операцию были спланированы:

— 3-я РДР (разведовательно-десантная рота) под командованием старшего лейтенанта Маркушева. Ее задача была блокировать кишлак со стороны гор и выполнить роль наковальни. Рота вышла ночью, пешком, и к 3 часам заняла свои позиции.

— Одна из рот на БМП (которая не помню) не в полном составе — 6–7 БМП. Должна была с рассветом, около 7 утра, изобразить атаку на кишлак со стороны долины, атаку проводили, не высаживая людей и не заходя в кишлак. Мы часто использовали такой приём.

Душманы, увидев, что Шурави атакуют, на коней и в горы, а там их уже ждут, и расстреляют как в тире. Если сразу блокировать кишлак со всех сторон, то придётся их от туда дня три выбывать, еще и людей потеряешь.

— В ППД была развернута батарея Д-30 с задачей огневой поддержки по заявке Маркушева.

Афганские подразделения на такие операции мы не привлекали, так как в кишлак все равно не заходили, тем самым достигалась полная скрытность подготовки операции.

На первом этапе руководил операцией Маркушев, так как с высот, на которых находилась его рота, все было видно как на ладони.

Как только рота на БМП, провела имитацию атаки на кишлак,

сразу была обстреляна из нескольких гранатометов, и душманы не только не стали отходить в горы, но даже контратаковали роту.

Когда мне доложили об этом, я понял, что удача сама идет в руки, и что мы наткнулись на какую-то банду, которые приходится месяцами искать в горах.

Как потом оказалось в кишлаке собрались две банды, они имели армейскую, батальонную структуру. Одна работала севернее Айбака другая южнее. Главари банд собрались на совещание по вопросу координации ведения боевых действий.

Я поднял отряд по тревоге и все боевые подразделения, во главе с начальником штаба капитаном Ахметовым Р.М., отправил к Кули-Ишану.

Ахметова Р.М. назначил руководителем операции. У Равиля Мусаевича не было ещё правительственных наград, он прибыл в отряд всего пять месяцев назад, а операция обещала быть удачной.

Кроме этого, я отправил офицера в Айбак, за батальоном цирандоя. Немного погодя собрал всех кто остался в лагере, включая поваров и ремонтный взвод, и на 2-х БТСах также отправил к кишлаку, чтобы потом иметь моральное право представить этих ребят к наградам. К тому же был приказ Командующего, что в боевых действиях должны **принимать участие все.**

В отряде остались: я, караул, боевое охранение, батарея Д-30, но в этот раз она не работала, не было надобности.

Кишлак блокировали с оставшихся 3-х сторон. Тогда душманы попытались сунуться в горы, но там их встретила 3 рота. Они назад в кишлак и попытались уйти по каньону, он был глубиной до 15 метров, но там тоже уже всё было перекрыто. Началось уничтожение банд.

Роту БМП-2 подогнали прямо на край каньона, и она в упор расстреливала всё, что внизу движется.

5 рота работала огнеметами. Где-то к обеду все было кончено. Было взято много пленных, еще больше душманов было уничтожено, и захвачено большое количество оружия.

В этой операции был убит знаменный душманский гранатометчик «Софии ракет», он имел пять своих личных гранатометов. Но самое главное, были убиты оба главаря банд, один из них крайне одиозная фигура — Ашраф, он лично сам зарезал более 60 человек, перерезал горло. Его боялась вся округа.

Ни у нас, ни у афганцев убитых не было. Было несколько легко раненых.

Помню после операции подхожу к раненому солдату, горло пробито, и когда он говорит, прижимая рану рукой, сквозь пальцы идут розовые пузыри. При этом он ещё и улыбается. Никакой паники. Оказывается рядом с ним, разорвалась граната. Его спас бронежилет, он на нем висел лохмотьями, но ни один осколок до тела не дошел, а вот в горло попали два. Фамилия солдата младший сержант Сяткин.

Труп Ашрафа

И еще был героический поступок. Солдат связист, закрыл собой начальника разведки отряда лейтенанта Скирту. Когда наши делали зачистку каньона, душман выскочил из-за валуна, и метров с 30-ти дал очередь из автомата ППШ Скирте в спину, но солдат успел закрыть офицера собой. Сам остался жив и даже не был ранен, пули застряли в радиостанции Р-159, которая находилась у него за спиной. Правда, одна всё-таки прошла насквозь через радиостанцию, и застряла под кожей на спине, её оттуда ножом

выковырнули.

После этой операции душманы около трёх месяцев не проводили никаких боевых действий, некому было.

Мне за эту операцию Командующий Армии, генерал-лейтенант Ермаков, объявил благодарность. Многим я оформил документы на награды, Ахметова представил к Ордену «Красное Знамя», но пришла «Красная Звезда». В Москве виднее, кто, что заслужил.

В городе Айбаке, это центр провинции Саманган, был большой праздник. Выставили все захваченное оружие, несколько убитых душманов, трупы обоих главарей. Я сам видел, как подходили женщины и плевали на труп Ашрафа. Восток, свои нравы.

С командиром батальона цирандоя Махмудом, второй слева, у захваченного оружия.

Митинг в Айбаке по случаю разгрома душманских банд, выставлено захваченное оружие.

На митинге выставлены трупы убитых душманов (восток свои нравы).

После этой операции мы ходили на уничтожение базы Ашрафа. Но разведку провели плохо. К тому же, из-за плохой погоды, не было поддержки вертолётов, и мы вернулись не с чем. Только потеряли убитым одного человека -

Заместитель командира группы,

младший сержант Шаповалов Игорь Николаевич,

1963 года рождения.

Захоронен в городе Керчь.

Отец — Шаповалов Николай Степанович.

Раненого Шаповалова тащил на себе метров 800, под огнём противника, командир группы лейтенант Сергей Караев. Но, к сожалению, Игорь не выжил.

Это была наша последняя потеря в 1982 году, и до мая 1983 года мы, беспрерывно ведя боевые действия, потерь не несли. Лично я, до замены 6 ноября 1983 года, не потерял больше ни одного солдата.

Потери были. До ноября месяца 1983 года мы потеряли ещё десять человек, но при проведении этих операций отрядом командовал мой заместитель, я периодически находился то в отпуске, то в командировке. Вопрос не в том, что отрядом плохо управляли, Вячеслав Посохов прошёл такую же школу, как и я, профессионал и прекрасный человек. Кстати в бригаду из Ташкентского училища отбирал его я. Дело в том, что отряд стали бросать на операции в не зоны нашей ответственности. Разведки, ни какой, вперёд и давай результат. Я об этом ещё буду говорить.

Ну и последнее по потерям. За два года ведения боевых действий, при проведении засад мы не потеряли не одного человека, потери были только при взятии душманских баз. Это говорит о высоком уровне выучки личного состава и особенно офицеров.

Прощание с младшим сержантом Шаповаловым И.Н.

В боевых буднях незаметно пролетел месяц. На день Октябрьской революции мы пригласили к себе в гости руководство провинции. Показали им технику и вооружение отряда, рукопашные бои, ну и в конце концерт нашего эстрадного ансамбля.

Демонстрация техники и вооружения отряда руководству

провинции Саманган.

7 ноября 1982 года.

Показательная стрельба из БМП-2.

Фото на память, в центре губернатором провинции Саманган.

С двумя афганскими комбатами, слева Султан, справа Махмуд.

Ката с оружием.

Рукопашный бой.

Выступление эстрадного ансамбля отряда «Голубые береты».

Ансамбль «Голубые береты» мы начали создавать ещё в 1981 году. Специально отправляли ребят домой в отпуск, и они привозили музыкальные инструменты. У истоков ансамбля стояли: старший лейтенант Михалёв В.Н. (погиб под Акчёй в 1981 году), старший лейтенант Доманин В.В. (умер в Кабульском госпитале от тифа в 1983 году), лейтенант Прокопенко В.Н.

С ансамблем «Голубые береты», второй справа ст лейтенант Доманин В.В., третий лейтенант Прокопенко В.Н.

Кто дал название ансамблю я не помню. Но у известного ансамбля ВДВ имя мы не украли, мы были раньше.

Не всё было так безоблачно в отряде с морально-боевым духом, как хотелось бы. Было у нас два проявления трусости, но на общем фоне готовности в любое время идти в бой, погоды они не делали, тем более что носили скрытый характер.

А было это так. Перед выходом на одну из операций в составе отряда мне доложили, что у одной из «Шилок» перерезан шланг автомата подачи боеприпасов и естественно она не боеготовая. Я не поверил, что шланг перерезан и послал особиста проверить. Он, проверив, подтвердил. Разбираться было не когда. Мы, оставив машину, ушли на операцию. По возвращению было проведено расследование, но оно ничего не дало. Причину не установили, кто и для чего это сделал. Когда тоже самое, с той же машиной, повторилось перед выходом на очередную операцию, я понял, у кого-то из экипажа сдали нервы. И нашёл способ побороть трусость. Экипаж машины, в полном составе, я придал одной из рот. А воевать в пешем строю, это пострашнее, чем сидеть в бронированной машине. Всё. После этого всё прекратилось.

За два года такое было только эти два раза, и видимо с одним и тем же человеком.

Было обратное, когда ко мне подошёл заведующий

продовольственным складом прапорщик Алёшин и, ссылаясь на приказ Командующего Армией, попросился на операцию. По нашим меркам он был уже совсем дед, 44 года. Для сравнения мне, самому старому в отряде, было 34 года. Пытался его отговорить. Тем более что в Союзе у него осталось четверо детей. Ни в какую. Говорит, что ему стыдно, один он не бывает на операциях. Договорились, что два раза сходит и всё.

Самым большим наказанием для солдата было, не взять его, за какие-то дисциплинарные проступки, на операцию. Один раз даже было такое, что солдат приходил ко мне с жалобой на ротного, что тот, уже второй раз, не берёт его на операцию. И это чуть ли не со слезами на глазах.

Как-то пришлось и начпрода отряда, старшего лейтенанта Ольховик, в засаду отправить.

Мне доложили, что группа, вернувшаяся с засады, было плохо обеспечена продовольствием. Ольховик хороший офицер, но допустил существенную ошибку, не проконтролировал, как его подчиненные обеспечили группу. Чтобы он почувствовал, как людям тяжело сутками лежать в засаде, да ещё при этом не иметь всё положенное, на следующий день я его назначил в одну из групп уходящих на засаду.

Парень он был высокого роста, довольно крепкого телосложения и, на мой взгляд, имел килограммов пять лишнего веса. Он был назначен пулемётчиком и получил пулемёт ПК, который весит около 10 кг. Со своей задачей, как мне доложил командир группы, он справился. Больше промашек у него не было.

С этим офицером судьба меня сводила ещё один раз. Когда я уже командовал полком под Тбилиси, Ольховик был начальником вещевой службы одного из полков нашей дивизии.

В начале октября 1982 года уехал по замене в Союз мой брат Юрий. Дело в том, что мама написала письмо Министру обороны о том, что у неё два сына и оба находятся в Афганистане. Она жена офицера и понимает, что это дело большой государственной важности, но если есть возможность, просит, чтобы одного вернули. Всё это по радио мне передал начальник разведки 40 Армии. И сказал, что Министр обороны приказал одного из нас убрать в Союз. Он хотел, чтобы я решил, кого из нас включать в приказ. Я попросил включить брата.

Фото с братом

Юрий Стодеревский прощается с боевым знаменем отряда.

Юра потом высказывал свои «фе», и мне и маме. После года участия в боевых действиях ему было противно снова белить бордюры, так мы называли отрыв личного состава на различные хозяйственные вопросы.

При планировании боевых действий я старался максимально продумывать все, казалось бы мелочи. Помнил науку Р.П. Мосолова — «три П». И железное правило — ни кто и ни когда, не должен знать, куда ты идёшь. У меня был показательный случай.

Планируя большие операции в провинции Саманган, мы привлекали подразделения цирандоя. Советниками там были наши ребята милиционеры. Старшим у них был полковник милиции, фамилию, к сожалению, не помню, начальник уголовного розыска с города Макеевки. Это, по сути, пригород Донецка. Так, что мы с ним почти земляки, у меня туда, после увольнения отца в запас, уехали родители.

Кстати он, зная, что я люблю хорошее вино, привёз из отпуска две бутылки шампанского на основе вина Каберне. Я больше такого никогда и нигде не пил.

Взаимоотношения у нас с ними были прекрасные, полная слаженность при проведении операций. Да и командир батальона цирандоя майор Махмуд, был толковый и храбрый офицер.

Слева от меня главный советник при цирандое Айбака, первый справа Воронов В.Н., втппой Посохов В.И.

О проведении операции они узнавали только тогда, когда она уже началась. Наш отряд или уже шёл в район проведения спецмероприятия или даже уже находился на месте.

Начальник разведки отряда ехал в г. Айбак, и ставил задачу руководству батальона цирандоя. Часто мы их поднимали часа в 4–5 утра по тревоге и вперёд на выполнение задачи.

Получалось так, что некоторые афганские офицеры не

успевали прибыть в казарму, и батальон уходил без них. Наш милицейский начальник попросил меня, чтобы я заранее, с вечера предупреждал его о предстоящей операции. На что я сказал, что это невозможно, так как всё сразу будет известно душманам. Он меня заверил, что знать будут только советские офицеры.

Мы разработали две операции в разных районах и об одной сообщили заранее нашим советникам при цирондое. Стою я на дороге около нашей колоны, ждём афганцев, подъезжает Махмуд и в руках у него карта с нанесенной нашей операцией. Я понял, что случилось то, что я и ожидал, об операции знают все, включая торговцев на базаре. Вручил ему карту с другой операцией, поставил задачу и, развернув колону, мы убыли выполнять резервную задачу.

Я никогда не ставил колону головой в ту сторону, в которую собираюсь идти, противник не должен знать, куда я пойду, иначе будут мины.

Благополучно выполнив задачу, мы вернулись в лагерь без потерь. Через два дня через ХАД поступила информация, что нас, если бы мы стали выполнять первую задачу, ждало 4-и километра минированной дороги. После этого наша милиция согласилось, что лучше ничего не знать и оставаться целым.

По этому вопросу у нас была ещё одна проблема. При Саманганском ХАД-е был советник от КГБ, полковник. Он требовал, чтобы я согласовывал с ним все операции. По той же причине, я отказался это делать. Куда он только на меня не писал. Обосновывал это тем, что он ведёт переговоры с бандами, а мы их бьём и мешаем ему, работать. И то, что у него в бандах есть свои люди, а мы можем и их зацепить. На это я отвечал то, что если я буду давать ему информацию, куда я иду, то цеплять уже будут моих солдат, а они мне дороже, чем какие-то виртуальные информаторы. В штабе Армии меня поддержали, но врага я себе нажил.

Где-то в это же время, к нам из Ташкента, приехала комиссия, в составе двух полковников, медиков. Они приехали разбираться, на каком основании в отряде делаются полосовые операции. Такие операции делаются только в медсанбате дивизии. Но когда они посмотрели нашу медицинскую базу, и увидели, какой у нас штат врачей, были приятно удивлены. Они считали, что мы обыкновенный мотострелковый батальон. А у нас по штату были: старший врач-хирург, врач-анестезиолог и всё необходимое оборудование. Не было только операционной сестры. Сколько я не пытался её выбить, ни чего не вышло, по штату не положено. Вот ещё один вопрос к тем, кто делал штат. Наши медики подготовили себе двух солдат, и те помогали им при проведении

операций.

В одном из вагончиков мы оборудовали реанимационную палату. И как я уже писал, один из тягачей МТЛБ был переоборудован для проведения операций прямо на поле боя.

Хирургом был старший лейтенант Бегишев Э.Ф., безусловно одаренный человек, скольких он солдат спас. А вот сам не уцелел, погиб на одной из операций летом 1983 года, при подрыве МТЛБ. Это была его последняя операция перед отъездом в Союз. Он поехал показать сменщику, как надо работать в полевых условиях. Они погибли оба, один на своей последней операции, другой на первой.

У Бегишева был роман с продавщицей нашего магазина, фамилию, к сожалению, не помню, звали Ирой, и была она родом из Крыма. Намерения у них видимо были серьёзные, так как она поехала домой рожать. Родители Бегишева наверно и не знают, что где-то растёт их внук или внучка.

Медики отряда: первый сверху, начальник медицинского пункта ст. лейтенант Дубровко А.П., второй старший хирург ст. лейтенант Бегишев Э. Ф.

Перед отъездом, этой медицинской комиссии, сели пообедали, и полковники решили посмотреть, что собой представляет спецназ. Попросили меня показать, как мы умеем стрелять. Я сказал, что, так как все офицеры боевых подразделений заняты, своё мастерство продемонстрирует начфин лейтенант Евгений Большаков.

Справа, начфин лейтенант Евгений Большаков. Слева, начальник инженерной службы отряда, старший лейтенант Василегин

Наши гости, конечно же, не знали, что он кандидат в мастера спорта по стендовой стрельбе. Один из полковников бросил вверх свою фуражку, и Женя из автомата, с первого же выстрела, пробил ей тулию. Надо было видеть этого полковника, вата из фуражки торчала в разные стороны. Он сокрушался, как же теперь поедет в Ташкент, помочь я ему ни чем не мог, у них фуражки были с чётным околышем. Не черта спецназ проверять.

Этой же осенью, у меня, был неприятный инцидент с политработниками.

В армии всегда были несколько антагонистические отношения между политработниками и остальным офицерским корпусом. В звене до полка включительно они были очень редки, и те и другие делали одно дело. А вот когда в ход боевой подготовки и в процесс воспитания вмешивались политработники более высокого ранга, управляющие исключительно письменными столами, возникали проблемы. Я считаю, что эти проблемы, как правило, инициировались самим политаппаратом.

Два моих однокашника по Академии им. М.В. Фрунзе, рассказывали, как идёт воспитание курсантов в Новосибирском политическом училище, они оба служили там преподавателями, один на кафедре тактики, другой на кафедре огневой подготовки.

Так вот курсантам в открытую говорили, что чуть ли ни основной задачей замполита является смотреть за тем, чтобы командир ничего не натворил. То есть контролировать своего непосредственного начальника, что есть подрыв самой сути Армии, нарушение субординаций.

По сути, в Армии была создана каста, представителей которой, трогать не моги. В штабах военных округов было два управления кадров, одно из которых занималось чисто политработниками. И если, у политработника, человеческие качества имели место быть, а таких, слава богу, было подавляющее большинство, то всё нормально, но если он по сути своей — дерьмо, то это проблема для всего коллектива подразделения или части.

Я помню, когда ещё служил в Чирчике командиром отряда, в начале осени, как всегда, прибыла группа молодых офицеров, выпускников военных училищ. Несколько человек были направлены в мой отряд, среди них были два замполита рот. Я уже говорил о том, что становление офицера идёт минимум год, у некоторых чуть больше, а другие всю жизнь носят форму, так и не став офицерами. Так вот, я не помню, как занимался становлением командиров групп, много времени прошло, но хорошо помню этих двух замполитов.

Первые полгода, после прибытия молодых офицеров, я никогда не накладывал на них дисциплинарных взысканий, даже за значительные просчёты и нарушения. Молодые, много не понимают, нельзя их сразу по затылку, нужно дружеское участие. Но если за полгода, ты так ничего и не понял, берегись, будешь получать на всю катушку.

Так вышло и с этими лейтенантами. Первое взыскание, один из них, получил на 23 февраля, когда вечером, проверяя порядок в отряде, я обнаружил, что от него пахнет спиртным, на праздники ответственные в ротах всегда были замполиты. На моё требование объяснить такое безобразие, он удивлёно сказал, что ведь сегодня праздник.

Уже месяца через два у них у обоих было по 6–8 взысканий, и все за личную недисциплинированность. За не исполнительность, за не распорядительность.

Прихожу я в строевую часть, записать в служебную карточку очередное взыскание. А мне говорят, что их служебные карточки забрал начальник политотдела. Иду к нему, говорит, что забрал карточки, так как я объявил уже очень много взысканий. На, что я ему сказал, что устава не нарушал, все взыскания обоснованы и в пределах моих дисциплинарных прав. Или он отдаёт мне карточки, или я пишу рапорт командиру бригады с просьбой о

переводе этих лейтенантов в политотдел, пусть их там и воспитывают. Карточки мне вернули, но, и так не простые отношения с начальником политотдела, ухудшились.

Я считал и считаю, что в Армии не должно быть каких-то специальных офицеров воспитателей. Командир он и есть воспитатель. Другое дело, что в каждой роте должна быть должность заместителя командира роты, который будет выполнять и ту работу, которую делали замполиты. И назначаться он должен из командиров взводов, тогда не будет не антагонизма, не той чехарды с должностями, которая была. Когда замполит приходит в роту, совсем зелёный, и уже начальник для трёх командиров взводов прослуживших по 2–3 года. А затем, прослужив год-полтора, становится замполитом батальона и начальником своему вчерашнему командиру роты. И такая чехарда до самых верхних эшелонов армейской власти.

Кстати командир дивизии имел право наказать в дисциплинарном порядке любого своего заместителя, но его власть не распространялась на начальника политотдела, абсурд.

Прошу понять меня правильно, я не против тех людей, которые занимали должности политработников, тем более что многие из них и сегодня являются моими друзьями. Я против той системы, что сосуществовала в Армии.

Возвращаюсь к инциденту, что произошёл у меня осенью 1982 года.

Я приказал поставить в наряд, дежурным по лагерю, секретаря партийного бюро отряда. Должность у нас эта была освобождённая, то есть она была выборная, и он ни чем больше не занимался, а только партийной работай. Выбирались, конечно, на эти должности исключительно политработники, по представлениям политотделов.

Ещё только придя служить в армию, я слышал, что есть приказ запрещающий ставить в наряды политработников занимающих такие должности. Но, прослужив в Армии почти 29 лет, я ни разу этого приказа так и не видел.

Так вот, в отряде сложилась, к тому времени, сложная обстановка с офицерскими кадрами. Из пятидесяти положенных по штату офицеров, отсутствовало 19 человек: болезни, ранения, отпуска. И получалось, что офицер идёт в наряд, а сразу после наряда на боевую операцию, или на оборот, из засады в наряд.

Партийный секретарь пошёл жаловаться замполиту отряда, капитану Воронову В.Н… Хороший был офицер, но пошёл на поводу у секретаря, да и видимо честь касты защищал, но я на него обиду не держу.

Приходит ко мне Владимир Николаевич и просит отменить

моё решение, о постановке в наряд секретаря, ссылаясь на приказ. Я ему сказал, что этого приказа в глаза никогда не видел, и пусть они мне его покажут. Но если такой приказ и есть, в сложившейся обстановке, секретарь все равно пойдёт в наряд. Мне было заявлено, что на меня будут жаловаться, я сказал, что это их право.

Всё вроде бы улеглось, но недели через две, в Кундуз с визитом, прилетел член военного совета округа. Так, почему-то, величали главного политработника округа, хотя в военный совет входило не мене десяти человек, видимо он был самый большой член.

Воронов подошёл ко мне с просьбой, чтобы я отпустил его и секретаря на встречу с ним. Мне было прямо сказано, что они будут поднимать вопрос с нарядами. Я санкционировал отъезд.

После их поездки, из политотдела дивизии прибыл подполковник, для проведения разбирательства. Хочу отметить, к сожалению, фамилию его не помню, разбирался он не предвзято, и было видно, что толковый офицер. Вердиктов, ни каких, не выносил, а все документы увёз с собой.

Спустя несколько дней приехал начальник политотдела 201 дивизии полковник, толи Игнатьев, толи Игнатенко, сейчас уже точно не помню. Помню, что это был достойный офицер. Он посадил меня и Воронова, и в моём присутствии начал его отчитывать. Говорил, что он не комиссар времён Гражданской войны и своими действиями подрывает основу Вооружённых сил, единоначалие. И что его задача во всём помогать мне, как командиру части. То есть его мысли, полностью совпадали с моими.

Узнав, что у меня есть выговор по партийной линии, это за женитьбу. Начальник политотдела приказал немедленно написать заявление в партийную комиссию дивизии, наша партийная организация была там на учёте. И так, как у меня не было времени на поездку в Кундуз, с меня взыскание сняли заочно.

Но это противостояние с политработниками всё же вышло мне боком.

Где-то в начале осени был приказ оформить на очередное звание, досрочно, всех кто служил в Афганистане и в звании проходил уже более половины срока. В разведотделе Армии оформили документы на подполковника, мне и Борису Керимбаеву командиру 177 ООСПН.

В декабре месяце я ездил в Кабул утверждать у Командующего план боевых действий на следующий месяц. Попутно, в управлении кадров, мне вручили орден «Красное

Знамя», я его обмыл тут же в штабе, в кабинете у начальника особого отдела Армии. У меня с ним сложились хорошие деловые отношения.

К сожалению, фамилию этого полковника не помню, но знаю, что он гасил негативную информацию, которую на меня пытались присылать «доброжелатели».

Так вот при вручении ордена, майор из отдела кадров мне сказал, что списки на присвоение досрочных званий уже в Армии подписаны, но член военного совета генерал-майор Овчинников, мою фамилию вычеркнул. А делать этого после подписи Командующего не имел права.

Я пошёл к этому чиновнику за разъяснениями, предварительно спросив разрешения у майора отдела кадров, чтобы его не подставлять.

Первый вопрос, который мне задал генерал, был: «Кто вам это сказал»? Я назвал фамилию. Вызвали майора с отдела кадров, но он заявил, что, выполняя свои обязанности, был обязан оповестить меня. Взбучки у генерала не получилось. Да и в Афгане, мало кто боялся больших начальников, обстановка другая.

Овчинников мне сказал, что он подумает, думает до сих пор. А я, балбес, не пошёл с этим вопросом к Командующему, Ермаков наверняка бы этот вопрос решил. Вот так я, второй раз за службу, пролетел мимо досрочного звания.

Спустя семь лет, когда я уже командовал полком в Закавказском военном округе, к нам приехала комиссия Главного политического управления Советской армии, во главе с начальником Глав. ПУРА генералом армии Лизичевым.

В составе этой комиссии был и Овчинников. Оба они, проходя мимо шеренги командиров частей дивизии, выслушав доклад, здоровались, пожав руку. Когда я назвал свою фамилию, рука Овчинникова дрогнула, и он пристально посмотрел на меня. Вспомнил меня генерал, благодаря моей редкой фамилии.

Сразу после возвращения из Кабула я должен был лететь в отпуск, но в лагере меня ждал сюрприз. Пришлось проводить операцию по задержанию дезертира.

5.7. Операция по задержанию дезертировавшего к душманам младшего сержанта Викол.

Справка: мл. с-нт Викол (имя и отчество не помню), молдаванин, невысокого роста, хилого телосложения, проходил службу в ремонтном взводе отряда, к нам попал из какой-то учебки. Во второй половине 1982 г. подлежал увольнению в запас. В связи с тем, что был замешан в неуставных взаимоотношениях, был мной разжалован, и срок увольнения я перенесён ему на 31 декабря 1982 г.

В отряде было заведено увольнять в запас в следующем порядке:

— в первую партию, солдат имеющих правительственные награды и не имеющих грубых дисциплинарных взысканий. Я их лично отвозил в н.п. Хайратон, на мост и оказывал содействие в переходе границы.

Помню, привёз я такую группу. Капитан пограничник даёт команду, чтобы сняли шинели, обувь и вывернули карманы на парадной форме. Проверки на границе были очень жёсткие, следили за тем, чтобы в Союз не попали оружие и наркотики.

Ребят было человек двадцать, они расстегивают шинели, а у каждого на груди ордена и медали. Капитан, увидев награды, сказал, что всё достаточно, дальше ребята не надо, езжайте.

— во вторую партию солдат имеющих награды, но имевших и дисциплинарные взыскания;

— в третью партию всех остальных, кроме лиц совершивших грубые нарушения воинской дисциплины;

— в четвёртую партию (31 декабря) тех, кого пожалел прокурор. Лиц, в отношении которых, мне прокуратурой было отказано в возбуждении уголовных дел, были, к сожалению и такие.

В Армии командир части проводит дознание, оформляет документы на возбуждение уголовного дела, и затем передаёт их в военную прокуратуру.

Это, в основном, неуставные взаимоотношения и несчастные случаи при неосторожном обращении с оружием. Дольше держать их, я не имел право по закону. Но 31 декабря перехода через границу не было, мост закрывался, и вся эта братия Новый год встречала в Хайратоне, на афганской стороне, а не в Термезе. Таких было немного, один — два человека в пол года. Вот такая я сволочь. Каждый солдат в отряде должен был видеть, от

наказания никто не ушёл.

После отъезда третьей партии дембелей, Викол, из не уволенных в запас солдат, остался в отряде один. И те, над которыми он раньше издевался, набили ему морду.

Эта сволочь очень обиделась и подалась к душманам. Не далеко от нашего лагеря на реке Саманган была мельница, туда и пошёл Викол. Мельник переправил его в банду.

Ход операции.

Прилетаю с Кабула, чемоданное настроение, отпустили в отпуск. Встречает дежурный по лагерю и докладывает, что в отряде «ЧП», солдат ушёл в банду. Оказывается, Викол пропал два дня назад. Офицеры провели работу внутри отряда, среди афганцев, наших агентов, и к моему приезду уже точно установили, что к душманам он ушёл добровольно и где примерно находится.

Немедленно была спланирована операция по задержанию дезертира, которую мы провели на следующий день. В операции участвовал весь отряд за исключением наряда. К операции были привлечены и афганские подразделения: батальон цирандоя, горный батальон, сотрудники ХАДа. Все из Айбака.

Кроме того, при проведении операции лично присутствовал губернатор провинции «Саманган» с частью своей администрации, у нас с ним были очень хорошие отношения.

Восточнее нашего лагеря, выше по течению реки Саманган, были расположены три кишлака, до ближайшего было 5 км. По нашим разведданным, Викол находился в одном из этих кишлаков.

Мы с утра блокировали все три кишлака и провели чистку. В то время уже запрещалось проводить досмотр домов нашими солдатами, это должны были делать афганские подразделения, но как они это делают, мы хорошо знали, поэтому я приказал дома осматривать самим. Ни Викола, ни душманов мы не нашли. Зато мы нашли обмундирование Викола, то, что это его вещи сомнений не было, так как на внутреннем кармане гимнастёрки был написан номер его военного билета.

Мужчин, всех трёх кишлаков, я приказал собрать у подножья одной из сопок. Здесь же мы поставили всю имеющуюся у нас технику и тяжёлое вооружение: БМП и БМД, танки, батарею Д-30, миномёты, гранатомёты АГС-17 (18шт), огнемёты «Рысь» (27шт).

С речью, перед собранным мужским населением, выступил губернатор и потребовал вернуть солдата. Затем он предложил

мне взять 5 человек аксакалов в заложники.

Я и сам собирался это сделать, решил блефануть как в фильме «Я, Шаповалов» сделал командир полка. Он своего красноармейца, с китайской территории, у белоказаков забрал. Переправился на лодке на китайскую сторону и потребовал отдать солдата, в противном случае пригрозил разгромить своей артиллерией казачью станицу. В подкрепления к сказанному, он одним выстрелом уничтожил наблюдательную вышку у станицы.

У меня просто не было другого выхода. Я выступил перед афганцами и сказал, что если завтра к 10.00, солдата не будет у меня в лагере, я аксакалов повешу, а с кишлаками вот что сделаю, и приказал открыть огонь по сопке из всего имевшегося вооружения. Огонь вели ровно две минуты. На сопке живого места не осталось, она вся горела.

Забрали аксакалов и вернулись в лагерь. Привезенных афганцев я приказал разместить на гауптвахте. Но в отличие от наших солдат, которые, попадая туда, обязаны спать на голых нарах, аксакалам выдали постельные принадлежности. Ну и конечно мы их накормили, а чая они пили столько, сколько хотели.

На следующее утро со стороны душманов, ни каких движений. В 9.00 я приказал за КПП лагеря развернуть батарею Д-30, ни какой реакции. Ровно в 10.00 был дан залп, в сторону ближайшего кишлака, с недолётом — 500 м.

За этот залп, до сих пор, от Равиля Ахметова выслушиваю нарекания, так как взрывной волной на КПП выбило все стёкла, а они у нас были дефицитом.

После залпа смотрим на громадной скорости от кишлака, в нашу сторону летит ГАЗ-66, и из кузова руками машут. Подъезжают и вытаскивают нашего Викола.

Через пару месяцев Викола судили, дали 4,5 года тюрьмы. Но осудили его не за дезертирство, а за неуставные взаимоотношения. Как сказал прокурор: «Так как у нас нет состояния войны с Афганистаном, Викол не мог, сдаться противнику, противник отсутствует».

А на меня, советник при ХАДе провинции Саманган (полковник КГБшник), накатал телегу Командующему Армией, что я занимаюсь противоправными действиями. Я об этом и не знал. Спустя несколько месяцев, кто-то из генералов (кажется Шевченко) рассказал мне, о том, что когда Ермакову доложили о моих действиях, он сказал: «Вот если бы Стодеревский не вернул солдата, его надо было бы наказать, а он вернул, значить был прав». Прикрыл меня Командующий.

Прощается со Знаменем командир 1 роты ст. лейтенант Волчецкий

С командиром горного афганского батальона Султаном (кстати, куртка на мне его подарок)

5.8. Кусочек мирной жизни.

Разум к счастью стремится, всё время твердит:
дорожи каждым мигом пока не убит!
Ибо ты — не трава, и когда тебя сносят -
То земля тебя заново не возродит!

О. Хайям

Новый 1983 год я встречал дома, в Чирчике. Затем съездили с женой к моим родителям, к её родителям. То есть отпуск как у всех офицеров, навестить родственников. Затем поехали в Крым, в Сакский военный санаторий. Я перед отъездом из Кабула взял в госпитале две путёвки.

Приезжаем, а мне в администрации говорят, что будем с женой проживать в разных корпусах. Я сначала думал, что шутят. А дежурный администратор, возмутившись моей настырности, заявила, что у них даже полковники с жёнами живут раздельно. Здесь пришла моя очередь возмущаться. Сказав всё, что думаю об их конторе, и то, что я и полковником буду спать с женой в одной постели, бросил на стол путёвки, и мы уехали в Алушту. Я несколько раз отдыхал там, в военном санатории и надеялся, что смогу достать путёвки на месте, ведь на дворе январь.

Приезжаем в Алушту. Оказалось, что санаторий центрального подчинения и начмед сам этот вопрос решить не может. Но он, прямо при мне, послал телеграмму в Москву с просьбой о предоставлении путёвок. Ну а временно разместил нас в служебном корпусе, который находится на территории пляжа санатория. Почти каждую ночь был шторм, и брызги волн летели, чуть ли не в окно комнаты. Постоянный, равномерный шум волн убаюкивал. Это было прекрасное место для снятия психологической нагрузки.

Здесь впервые я попробовал, что такое зимним купанием. А было это так.

16 января в Алуште проходил слёт «моржей» СССР. Мы с женой пошли посмотреть, что же это такое. Несколько десятков мужчин и женщин, самых различных возрастов, не боясь пронзительного холодного ветра, снега не было, с шутками и смехом, во главе с Нептуном, устремились в море. Всё это

мероприятие длилось не более получаса. Чуть позже мы с женой стояли на волнорезе, любовались зимним морем, походят две девушки, раздеваются и тоже в море.

Тут я не выдержал. Пошёл в магазин, купил бутылку водки, всё-таки первый раз страшновато лезть в воду без подготовки. И как меня жена не отговаривала, выпив стакан, я шагнул в море. Пока вода была до колен, было терпимо, а вот когда выше, стало очень не уютно, девушкам оказывается проще. Стакан после купания и на этом мой первый опыт морживания закончился. Позже, уже служа на Украине, я занимался этим серьёзно, очень хорошо взбадривает организм и хорошая профилактика от простуды.

Дней через семь меня вызвали к начмеду для оформления путёвки, пришло разрешение из Москвы. Но зимой на море и недели достаточно, всё-таки скучно. Я попросил разрешения пожить ещё три дня там, где живу, и спросил, как мне это оплатить. Начмед сказал, что плата за проживание в служебном корпусе не предусмотрена, но я могу продолжать там жить. Тогда я предложил заплатить лично ему, не люблю халявы, но по его взгляду понял, что настоящие офицеры есть везде. Извинившись, я ретировался.

5.9. Снова Афган.

После отпуска, долой всю растительность.

Пока я в Алуште наслаждался шумом прибоя, в Афгане произошла трагедия. Душманы захватили в г. Мазари-Шарифе 16 человек советских специалистов, ещё двоих при захвате убили. Они работали на местном заводе азотных удобрений. Захватившая их банда возила этих, сугубо гражданских людей, по кишлакам и в целях пропаганды представляла их лётчиками, которые бомбили кишлаки. Целый месяц проводилась операция по розыску и освобождению заложников.

В ней участвовал и наш отряд под командой моего заместителя Вячеслава Посохова. Но в этот раз фортуна улыбнулась пехоте. Большую часть заложников удалось освободить, но несколько человек погибли, душманы расстреляли

их отступая.

Когда я прибыл с отпуска, эта эпопея уже закончилась, и февраль месяц прошёл тихо. Ежедневная, рутинная работа в засадах и в проблемных кишлаках.

5.10. Чита

У нас в отряде была достопримечательность. Обезьяна по кличке Чита. На севере Афганистана, где располагался наш отряд, обезьяны не водились. Читу, нам в подарок, привезли вертолётчики. Я думаю, что они от неё просто, таким образом, избавились. Зловредная была «дама».

С начала она была любимицей всего отряда. Ей сшили брюки, неприлично даме среди мужиков с голым задом дефилировать, ну и конечно тельняшку. Чего только она не проделывала. В отряде было несколько собак, среднеазиацких овчарок, так она любила покататься на них верхом. Это уже был цирк.

Один барбос воспылал к ней любовью и решил заняться сексом. Чита, блюдя свою женскую честь, так укусила его за мужское достоинство, что бедняга, недели две, ходил по городку в раскоряку.

Прилетающие вертолётчики, первым делом, спрашивали, где Чита? Они привозили не большие зеркальца и вручали ей. И тут начинался концерт. Чита, увидев себя в зеркале, с начала жутко удивлялась, а затем свирепела и пыталась ударить того, кто находился по ту сторону зеркала. Она решила, что прибыл конкурент. Злобно шипя, подпрыгивая, она пыталась ударить или укусить этого конкурента. В результате зеркальце падало и разбивалось. Она поднимала самый большой осколок, и всё начиналось с начала.

Ухаживания барбоса.

Жила Чита в одном из вагончиков офицерского городка. Офицеры комнаты, где она жила, мужественно переносили её самые безобразные выходки, но когда, прейдя в комнату, обнаружили изодранные в клочья вещи, её выгнали на улицу. Чите нравилось всё пробовать на зуб. Но женщина есть женщина,

она вошла в доверие к жильцам другой комнаты и они, пожалев её, приютили.

Уже через пару дней, они об этом пожалели, она разодрала в клочья пачку чеков.

Чеки это дополнительные денежные знаки, которые выплачивались в Афганистане. В Союзе, в магазинах «Берёзка» на них можно было приобрести дефицитные вещи, которых не было в торговой сети.

Чита снова оказалась на улице.

Была зима, и что-то надо было делать. Чита на ночь пристраивалась к дежурному по лагерю. Всю ночь скромно сидела, дремала около печки, не проявляя ни какой агрессивности. Но как только вставало солнце, хватала со стола дежурного ручку, разгрызала её и победно удалялась из палатки.

Она постоянно с кем ни будь, конфликтовала. Сама привяжется, напросится на руки, а потом не с того не с сего, укусит человека за ***ухо.*** И дня три он ходит с оттопыренным, багровым ухом, являясь предметом насмешек товарищей. Чита всё делала по максимуму, кусать, так кусать.

Она ни кого, и не чего не боялась. Если на неё замахивались, пытаясь отогнать, она могла учинить драку, бросаясь на обидчика, как собака.

В беседке офицерского городка, крайний слева начальник ПДС отряда капитан Москалеко.

С ней было только одно средство борьбы, надо было схватиться за кобуру, мы всегда ходили с пистолетами. Чита моментально, громадными прыжками, по крышам, давала дёру.

Но так долго продолжаться не могло, зимой и днём довольно холодно. Читу не спасала та тёплая одежда, которую ей сшили. И очередной своей жертвой она, почему-то, выбрала меня.

Животных я всегда любил, и в Афгане у меня была собака.

Арбуз, по-братски, на двоих.

Читу часто угощал чем-нибудь вкусным. И она устроилась ко мне жить, именно устроилась.

Сделала она это своеобразно. В выходной день, лежу у себя в комнате, читаю. Открывается дверь и на порог садится Чита. Сидит молча, минут пять и смотрит на меня.

Видя, что я на её появление ни как не реагирую, заходит в комнату, и садится на кресло у входа. И опять пять минут молчаливого созерцания.

Затем перебирается на прикроватную тумбочку. После продолжительной паузы, залазит на кровать и начинает изображать поиск насекомых в моей голове, но делает это очень аккуратно, слегка касаясь головы.

Видя, что я продолжаю читать, она делает вывод, что её приняли и уже не выгонят. После этого начала хозяйничать в комнате, но в рамках приличия. И всегда, когда, за какие то проделки, я её наказывал, убежав, она возвращалась именно таким способом. А проделок было предостаточно.

Стою утром, бреюсь. Чита сидит сзади и наблюдает за процедурой. Только положил помазок, она его хвать и уже сидит на крыше домика и мажет мылом свою морду. Прошу отдать, чёрта с два. Что делать? Не могу добриться. Приходится идти в домик за пистолетом. Увидев оружие, она бросает помазок и даёт дёру.

Провожу совещание с офицерами и вдруг сзади мощный удар по голове, у меня искры из глаз посыпались. А офицеры в истерическом хохоте. Я ни чего понять не могу. Оказывается, Чита подкралась сзади, и, шарахнув со всего размаха меня кулаком по темени, сбежала.

Ездила она со мной и на боевые операции. У нас был трофейный японский джип, я, переодевшись в афганскую форму, садился за руль, Чита устраивалась рядом. Она тоже была в форме, тельняшка и брюки. Сзади сидело четверо солдат, но их не было видно с дороги, у джипа не было боковых окон. Сидящие сзади выходили через заднею дверь.

У трофейного джипа, в форме офицера цирандоя.

Мы ехали впереди, а сзади, на расстоянии 1 км, шёл БТР, он всегда был готов подскочить на помощь. Я надеялся, что душманы остановят машину для досмотра, и можно будет их взять. Но после первой же поездки я, от такой авантюры, отказался.

Дело в том, что нас на самом деле остановили люди с автоматами, в национальной одежде, но оказалось, что это отряд самообороны. Хорошо, что мы ещё не постреляли друг друга.

Так вот во время этой поездки Чита, сидя на переднем сидении, очень бурно реагировала на идущие, на встречу машины. Она вставала на сидении в полный рост и, уткнувшись мордой в стекло, строила гримасы. Водители встречных машин, чуть ли не вываливались из кабин, от удивления. Была Чита и на

блокировки одного из кишлаков. Операция была не сложная, и я остался в лагере. Тут прилетает генерал-майор Кузьмин, советник зоны «Север», осмотрев лагерь, он изъявил желаннее посмотреть на ход операции. Подъехали мы к сопке и стали втроём подниматься, генерал, я и Чита. Только поднялись наверх, нас обстреляли, сначала из стрелкового оружия, а затем не далеко разорвалась мина. Смотрю, Читы рядом нет. Видя такой оборот дела, она моментально сбежала вниз и залезла в БТР. Только глаза торчали поверх люка.

Чита погибла как солдат, месяца два спустя она подорвалась на мине. Я был в отпуске и эту печальную весть мне сообщили по приезду.

5.11. Поли-Хумри.

Без усов, бороды, да и к тому же, бритый под ноль.

Отряд часто привлекался на реализацию разведданных. Со штаба Армии поступал приказ о том, что в каком-то кишлаке имеется склад оружия или находится банда. И мы должны были или захватить оружие или уничтожить банду.

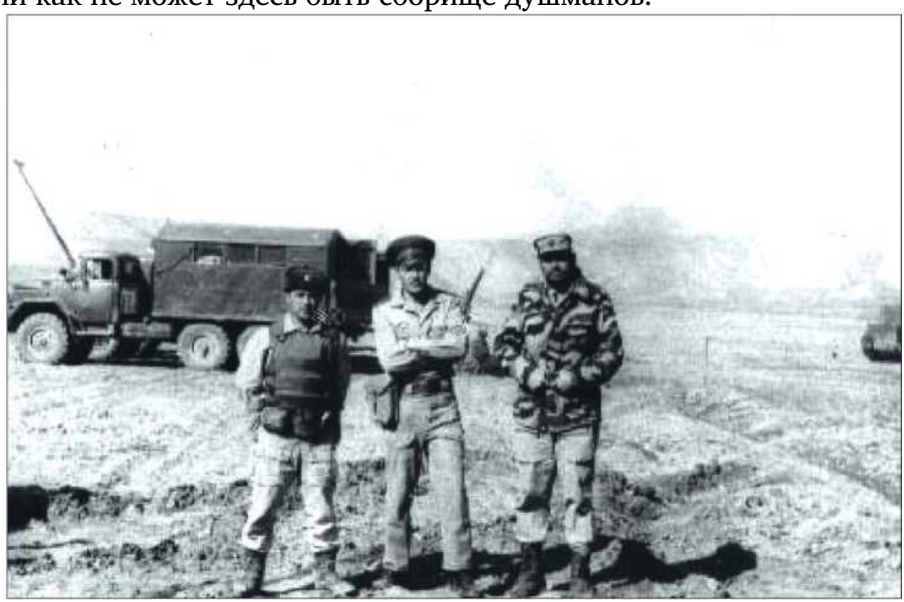
К сожалению ни разу за два года разведданные не подтвердились. Выполняя такие задания, мы вели себя крайне осторожно. Если идёт дезинформация, возможна и засада. Да и выходили на эти операции только для галочки, знали, что все равно результата не будет.

Как правило, на реализацию таких задач выходила рота. Но как-то в феврале 1983 года получаю задачу на уничтожение крупного бандформирования между кишлаком Работаг и п. Поли-Хумри. Это за пределами нашей зоны ответственности, но так как задача была очень важная, поручи нам. По данным разведки, в

кишлак на совещание, для координации действий, семь бандглаварей. Пошли всем отрядом.

Не доходя до кишлака километров 5–6, останавливаю отряд. Подойти не замеченными не удастся. Совершенно ровная долина, плавно переходящая в горный хребет, и у основания хребта находится кишлак. Здесь нужен рывок на боевых машинах. Необходимо было быстро взять кишлак в полукольцо. Душманов, пытающихся уйти в горы, можно будет расстреливать на склонах как в тире. Но машины могли пожечь из гранатомётов, если собралась такая серьёзная компания, восемь главарей, их там должно было быть предостаточно. Нужно разворачивать батарею. Она должна будет вести огонь по окраине кишлака, на подавление гранатомётчиков.

Но надо быть дураком, чтобы собирать совещание рядом с трассой, по которой практически беспрерывно идут наши колонны. Да и вообще этот кишлак ловушка. Ни одной дороги в горы, даже троп на карте не видно, хотя они наверняка есть. Ну, ни как не может здесь быть сборище душманов.



На операции, в центре командир 3 МСБ 122 МСПмайор Аксененко, слева оперуполномоченный отряда майор Николаев В.А.

До Поли-Хумри было километров тридцать, там располагалась разведгруппа ГРУ, которая и дала эту информацию. Посылаю туда особиста уточнить координаты кишлака. Ждали часа полтора, уже хотел начинать операцию, летит на БТРе особист, кричит: «Отставить!» Перепутали координаты, ошиблись на восемь километров. Но по новым

координатам нужный нам кишлак находился как раз за хребтом, и чтобы туда пройти, надо было сделать крюк в 150 километров. А по тамошнему бездорожью, это минимум двое суток пути. Кто же там будет сидеть, и ждать нас. Командование решило нанести туда бомбовый удар, а нас вернули в лагерь.

Если бы мы тупо выполнили приказ, были бы не чем не оправданные жертвы среди мирных жителей.

Будни.

В конце февраля пришёл приказ готовиться к большой войсковой операции. Нам готовиться, было не надо, отряд был всегда готов, в течение получаса, выйти на любую операцию. Вопрос только стоял в одном, сколько с собой брать боеприпасов, продовольствия и горючего.

Я никогда не проводил перед выходами на боевые операции строевых смотров, так как был уверен в своих офицерах. Им няньки были не нужны.

И построений колонн перед лагерем никогда не делал. Становился, на своём БТРе, перед воротами лагеря, команда всем машинам «Заводи!», и подразделения выходили мимо меня, согласно расчёта построения колонны. Выйдя на дорогу, машины не останавливались, а продолжали двигаться со скоростью 30 км/час. Когда из лагеря выходила последняя машина, я обгонял колону и становился на своё место. Оно всегда было за головной ротой. После этого колонна начинала идти со скоростью не менее 60 км/час. При наличии в колоне только колёсной техники, мы ходили ещё с большими скоростями.

Помню как-то ночью, мы шли с расположения 122 МСП на Мазари-Шариф, тремя БТРами со скоростью около 120 км/час и при этом не включали фар. Правда ночь была лунная. Расстояния между машинами по 300 метров, водители сели по-походному, и вперёд. Если бы на дороге и была засада, душманы не успели бы ничего сообразить, и к тому же попробуй, попади из гранатомёта в машину идущею на такой скорости. Шоссе там было в хорошем состоянии и прямое как стрела.

В начале марта, кажется 1-го числа, получаю задачу из Кабула, что завтра в 6 утра выйти из отряда и прибыть в район расположения 122 МСП. Говорю им, что мне не надо указывать время выхода, скажите, когда я там должен быть, а когда мне выходить, я сам приму решение. И оказалось, что на дорогу в 60 км, они отряду отвели целый световой день. Мы прошли этот маршрут за полтора часа.

Потом я понял, почему давался такой большой промежуток времени. Нам на операцию была придана мотострелковая рота со 148-го МСП, из 11 шт. её БТРов половина встали по дороге. Первое это то, что это были старые потрепанные БТР-60. Второе то, что подразделения этого полка стояли повзводно на точках, по охране дороги и машины стояли в окопах. А машина должна ездить и нормально обслуживаться, тогда она всегда будет на ходу. Ну и, о каком профессионализме водителей можно говорить, если машины стоят.

Я уже говорил, что в Афгане постоянно воевали в основном, десантники и разведка мотострелковых частей, а пехота, за исключением не которых частей, в основном стояла на охране коммуникаций. И когда на большие операции пытались их привлекать, то ничего хорошего из этого не выходило. Люди, месяцами сидя на точках, теряли профессиональные качества, и, к тому же, не было слаженности в подразделениях.

Эти чёртовы политики, со своим ограниченным контингентом, видимо или не понимали. или не хотели понять, что здесь, в Афганистане, нужна минимум ещё одна Армия. Ведь мы воевали не столько с душманами, сколько со всем Западным миром, с арабскими странами, и ещё с Китаем. И советники и поставки оружия и арабские наёмники, а на юге даже регулярные подразделения Пакистанской армии.

Где-то неделю, мы работали севернее Мазари-Шарифа. Больших стычек не было, маленькие разрозненные группы душманов. Видимо это проводилось с целью дезинформации противника. При проведении этих мероприятий был неприятный случай.

На одну из операций мы пошли вместе с мобгруппой пограничников. Сверху нас поддерживали вертолёты. Погода резко испортилась и вертушки ушли. Командир мобгруппы мне по радио докладывает: «Командир извини. Нам без поддержки авиации работать запрещено, я возвращаюсь в лагерь». А я то развернуться не могу, да и не хочу, надо выполнять задачу. Сработали и за себя и за них. Вот, что значит межведомственная разобщённость.

Я этих ребят не виню. Мы знали, в каких условиях им приходится работать. Командир мобгруппы был полностью лишён самостоятельности. При нём постоянно находилась оперативная группа из погранотряда в количестве трёх человек, и он был обязан согласовывать с ней все свои действия.

Я помню, как-то раз в районе г. Ташкургана, одна из транспортных колонн 40 Армии попала в засаду. На помощь ей пришли подразделения 122 МСП, им пришлось пройти 20 км,

пришли мы, пройдя 30 км. Мобгруппа погранвойск не пришла, хотя размещалась в крепости г. Ташкурган, в 3 км от места боя. Им это не разрешило сделать командование погранотряда, который размещался в Термезе.

Когда я был в гостях у этого командира мобгруппы, он с сарказмом шутил, что для того, чтобы ему выйти на операцию надо спросить разрешение Термеза. Термез должен спросить разрешение Ашхабада (там был штаб Среднеазиацкого пограничного округа). Ашхабад у руководства КГБ в Москве. КГБ уточнит у ЦРУ, собираются ли душманы нападать на мобгруппу, и если нет, то тогда выход разрешат.

Числа 10 или 11 марта, сейчас уже точно не помню, я получил приказ прибыть с отрядом на аэродром г. Мазари-Шариф, там размещался штаб оперативной группы Армии, который и руководил подготовкой, а затем и проведением, операции по захвату Мармольского ущелья.

Прибыли мы вечером и я пошёл докладывать руководителю операции генерал-лейтенанту Шкрудневу. Когда зашёл в помещение, там находилось человек пять генералов и столько же старших офицеров. Приняли меня очень хорошо, несмотря на мой душманский вид, чёрная борода, бритая голова и не каких знаков различия на форме. Ну, их и недолжно было быть, на операции мы ходили только в спецформе, а на ней они отсутствовали.

Отряд, к этому времени, уже пользовался заслуженным доверием командования Армии. Мы успешно проводили почти все операции и при этом не имели безвозвратных потерь, то есть убитых с октября 1982 года.

Мне была поставлена задача на взятие Мармольского ущелья, наш отряд должен был брать его в лоб, то есть с выхода в долину.

5.12. Мармоль.

Прекрасна доля Пересвета
пасть на миру, где смерть красна…
Что смерть — когда нужна победа!
Заколыхались замена.

Справка: основной причиной проведения операции в Мармольском ущелье было похищение 16 гражданских специалистов. По разведданным именно главарь этого бандформирования организовал его. И был отдан приказ об уничтожении этой банды. Тем более что это имело и политическое значение. Главарь банды Забибуло называл себя командующим Северным фронтом. Набеги на наши колоны из этого ущелья осуществлялись с 1980 года. Ещё в то время туда направляли батальон, но он не смог выбить душманов из ущелья. И они стали раздувать миф о не преступности своей базы.

По данным разведки в бандформировании было до 1300 душманов, и их база была хорошо укреплена. Но по данным, всё той же разведки, сама база находилась в 8-10 км от входа в ущелье, и, исходя из этого, разрабатывался план её взятия. Подразделения и части, привлекаемые к этой операции, были разбросаны на очень большой площади. А как потом оказалось, база находилась сразу на входе в ущелье.

Для проведения операции была собрана мощная группировка войск и наши части и части афганской армии. Кроме нас привлекались подразделения 201 МСД и пограничники. С афганской стороны, подразделения пехотной дивизии, которая дислоцировалась в Мазари-Шарифе, бригада «коммандос» из Кабула, и подразделения цирандоя. Активно применялась авиация, вертолёты свои, с Кундуза. Бомбовые удары наносились авиацией с территории Союза, кажется с аэродрома «Какойты».

На утро следующего дня колонна отряда пошла к Мормольскому ущелью. Впереди шли два приданных минных разградителя, на базе танков Т-55, но до входа в ущелье мы дошли без инцидентов.

Временный лагерь разбили в метрах 300 от горловины ущелья. Она была шириной метров 15–20, и более половины её занимала вытекающая река Мармоль.

У подвижного КП отряда с замполитом Гавриловым. ***В полной боевой.***

Её стискивали вертикальные скалы, с отрицательным углом, уходя в право и влево на несколько сотен метров. Это и был участок, который мы должны штурмовать. Я много видел гор, но эти были как из сказки о Али-бабе, ни одной тропинки наверх. Слегка холмистая местность и сразу вертикальные скалы.

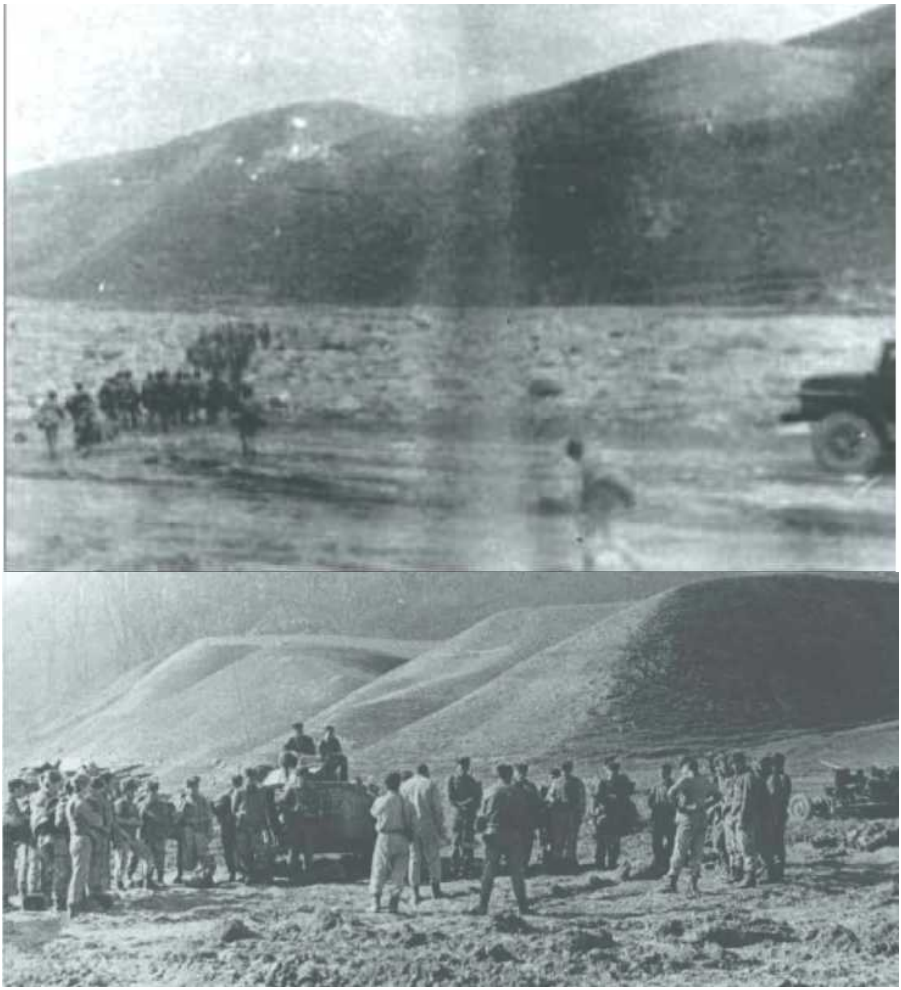
Как только мы сунули свой нос в ущелье, сразу были обстреляны из пулемётов. Душманы располагались внутри ущелья, конфигурация скал не позволяла им сделать огневые точки на хребтах. Да видимо они считали, что это не к чему. Огневые точки на скалах могли стать лёгкой добычей для авиации или быть поражены артиллерией. А в ущелье, как потом оказалось, они располагались во множестве естественных пещер. Которых было несколько сотен по обеим сторонам ущелья и на

разной высоте. Так как скалы здесь тоже в основном были отвесные, из пещер висели лестницы. Но всё это, мы увидели только через девять дней, когда взяли душманскую базу.

Так что к ущелью можно было свободно подойти, мы для противника были не досягаемы. Но как только мы, стоя на тропе ведущей в ущелье, на палке высовывали каску за уступ скалы, сразу звучала длинная очередь.

Я считаю, что душманы бой начали совершенно безграмотно. Надо было запустить одну нашу роту, ведь мы не знали, где именно в ущелье противник. Мало бы кто из этой роты уцелел. За горловиной ущелье слегка расширялось, но всего метров на 60–70, и там можно было для атакующих сделать страшный огневой мешок. В двухстах метрах от горловины ущелье поворачивало градусов на 30, и там был оборудован мощный дот, амбразуры которого смотрели на вход в ущелье. То есть ущелье простреливалось не только с флангов, но был и сильный фронтальный огонь.

Соседей ни справа, ни слева не было, все подразделения группировки, как я уже говорил, были разбросаны по горам вокруг ущелья. Посылать роты в обход на большие расстояния я не имел права, там должны были действовать другие подразделения, а наша задача была штурмовать с входа в ущелье. Но, видя, что в лоб ничего не сделаешь, а только потеряешь людей, я послал вторую роту, под командованием старшего лейтенанта Войтенко, попытаться обойти вход в ущелье слева. Рота нашла какие-то тропинки на расстоянии полутора километров от ущелья. Но продвинутся на хребет, смогла метров на 100. Была обстреляна и залегла. Делать какие-то манёвры людьми местность не позволяла, опять получалась атака в лоб. А в атаку мы ходили только раз, при взятии Джар-Кудука. Основной метод был просачивание на доступных направлениях. К тому же в роте появились раненые, и, я её вернул.



Инструктаж 2 роты перед выходом.

Помню, принесли лейтенанта, пуля попала в спину, лежал на скалах, а стреляли сверху. Вышла пуля в районе живота. Спрашиваю своих медиков как состояние раненого. Говорят, что не жилец, ранения в живот очень опасные.

Вертушки его увезли, а через две недели он прибывает в отряд, живой и почти здоровый. Оказывается лейтенанта спас бронежилет, который на нём был. Пуля пробила его, но изменила направление и, пройдя каким то образом, вокруг тела вышла в районе живота, не повредив кишечник. Бывают на свете чудеса.

Началась длительная, девятисуточная, осада ущелья. Никакие наши попытки ворваться в ущелье успеха не имели. Да я и не пытался этого сделать, могли быть большие потери. Надо было подавить огневые точки противника. Практически весь световой день над ущельем висела авиация, я наводил её на

ущелье лично, именно на ущелье, а не на огневые точки. Как я уже говорил, мы не видели противника. Но расстояние между нами было не более 30 метров. И в таких условиях главное было, чтоб мне не побили солдат. С вертушками было по проще, скорости маленькие, высоты тоже не большие, им было легче разобраться, где враг, а где свои.

Огонь по противнику ведётся из трофейного пулемета ДШК.

А вот штурмовики, которые приходили с аэродрома в Кокойтах, юг Узбекистана, были опасны. Они выстраивались в круг, по четыре штуке и по очереди заходили на цель, с начало бомбили, а затем работали пушками и пулемётами. Но работали ювелирно, ни одна бомба, ни один снаряд, не разорвалась вне ущелья.

Миномётчики отряда на огневой позиции

Авиацию запускали, как правило, с курсом «0», это точно с севера на юг вдоль ущелья.

Что только не бросали на это ущелье, и обычные бомбы, и объёмного взрыва, жгли напалмом, толку не было. Только мы пытались сунуться в ущелье, начинался плотный ружёйно-пулемётный огонь. Как я уже писал, во время авианалётов душманы прятались в пещеры, которые не могли взять ни какие бомбы. Прямые попадания были исключены.

Как только появлялась авиация, я сразу по радио выходил на корректировщика. Это был самолёт на базе АН-24, какой точно модификации с земли не было видно, он часами кружил на высоте более 4000 м. Вот он и руководил авиацией по моей наводке. Сейчас точно не помню, но, кажется, там находился Командующий авиации 40 Армии полковник Медведев. Я с земли давал курс, а ребята зажигали пирофакелы, чтобы обозначить наш передний край.

Налёт заканчивался, и они выползали из своих нор.

Во время одного из таких налётов нас обстреляли из миномёта. Видимо противник засёк, откуда наводится авиация.

Я это делал прямо из лагеря, стоя у БТРа, на котором стояла радиостанция для связи с авиацией. Лагерь мы развернули метров триста от входа в ущелье.

Первая мина разорвалась с недолётом, вторая с перелётом, было понятно, нас берут в вилку. Я приказал всем спрятаться за броню, огонь вёлся из американского 81 мм миномёта, броню

наших бронемашин эта мина не пробивала. Третья мина разорвалась в метрах 30 от нас.

Я не мог укрыться, так как шла работа авиации, и надо было корректировать их действия, иначе накрыли бы моих ребят. В момент разрыва мины успел прыгнуть в узкий проход между машинами. Ещё в полёте почувствовал удар и боль в пятой точке. Ну, думаю, приехал, провоевал более полутора лет, ни одной царапины и тут получить ранее в задницу, стыдуха. Это же насмешки на всю жизнь, как в спектакле «Иван да Мария», смотрел в Киеве, в главных ролях такие замечательные артисты как Валерия Заклунная и Александр Мажуга.

Встал, ощупал себя, вроде брюки целы, крови нет, а боль есть. Видимо, меня ударило камнем, голышом. Но корма оказалось крепкой, не треснула. Дня три сидел на стульях одним боком.

Кстати в этот день мне исполнилось 35 лет, жена к этой дате передала из Союза бутылку шампанского, вот мы его вечером и выпили, и за день рождения и за целый зад.

Справа от меня Вячеслав Посохов, замполит отряда Гаврилов, начальник разведки отряда Александр Иванов.

Нам была придана батарея 57 мм зенитных орудий. Мы её не применяли, так как она могла вести огонь только прямой наводкой, а противник за хребтами. Ну, тут, и им работа нашлась. Ребята быстренько вычислили, откуда душманы могли корректировать огонь миномёта. Это оказалась не большая пещера, около метра диаметром. Зенитчики всадили туда три снаряда подряд, хоть она и была на расстоянии более полутора километров и на высоте около 600 метров. Молодцы попали как в копеечку. С обратной стороны хребта пошёл дым, видимо пещера

была сквозная, и миномёт больше уже огонь не вёл.

Бой мы вели практически беспрерывно и днём и ночью, надо было измотать противника. Ночью организовывали психические атаки. Начинали стрелять из всего имеющегося оружия, кричали «Ура», но в атаку не ходили, и так за ночь несколько раз.

Когда мы сделали это в первый раз, позвонил генерал-лейтенант Шкруднев и спросил, что это у нас за кутерьма, он подумал что душманы пошли на прорыв.

В одну из ночей мне доложили, что справа от входа в ущелье с гор спустилось несколько наших солдат из пехоты во главе с командиром роты. Как я уже говорил, боевые действия шли на большой территории. И это было одно из подразделений, которое работало справа от нас. Но выходить к нам они не должны были. Когда я стал беседовать с командиром роты, а это был капитан, здоровенный мужик двухметрового роста, выяснилось, что он совершенно пьян и роту свою по сути дела бросил.

Часа три-четыре, не большими группами по пять-шесть человек, спускались с гор солдаты его роты, неся с собой раненых. Беседовать с этой тварью было невозможно, да и не хотелось. Когда я вышел из палатки, ко мне подошли возмущённые наши офицеры, и попросили разрешения набить этому выродку морду. Я, конечно, запретил, но доложил об этом происшествии в штаб группировки.

Видя, что мы застряли на одном месте, к нам на боевые позиции прибыл Шкруднев, для того чтобы на месте разобраться, чего мы тут топчемся. Мы с ним подъехали на БТРе к самому входу в ущелье. Спешились и подошли к моим ребятам, находящимся у крайней, от входа, скалы.

Я выставил руку за скалу и резко убрал, немедленно прозвучала пулемётная очередь. Осмотрев местность и оценив сложившуюся ситуацию, генерал одобрил нашу тактику.

Но надо было, что-то делать, ведь такое противостояние могло продолжаться сколько угодно долго. Не помню, кому из офицеров в голову пришла идея, поднять наших солдат на скалы с отрицательным углом с помощью автокрана. Что мы успешно и проделали. Теперь мы уже прочно захватили вход в ущелье и могли вести по противнику огонь и из стрелкового оружия.

На скалах помещалось не более одной группы, а так как погода была отвратительная, дождь со снегом и резкий сильный ветер, мы людей меняли каждые 2–3 часа. Люди спускались в таком состоянии, что у них даже не гнулись пальцы на руках. Кормили их горячей пищей, обогревали в специально развёрнутой палатке, и снова на скалы.

Автокран, как способ преодоление преграды

Ко мне подошёл кто-то из офицеров 1-ой роты, а это именно их группы сидели на скалах, и сказал, что у одного из молодых лейтенантов сдали нервы и он отказывается вновь туда подниматься.

По сути дела невыполнение приказа, можно отдавать под суд военного трибунала. Но я знал этого офицера, он не был трусом.

И сейчас, из душевного равновесия, его выбила не боязнь получить пулю, а почти недельное испытание холодом. Холодно было всем, но там, на скалах было особенно тяжело.

У каждого человека есть в жизни свои критические моменты и в это время человека надо просто поддержать. Я зашёл в палатку, положил ему руку на плечо, и, назвав по имени, сказал, что надо идти, его солдаты уже пошли, а он должен идти впереди. Офицер молча поднялся и ушёл со своей группой.

Противнику было легче, они сидели по пещерам, где не капало за шиворот, да и костёр можно было развести. Расстояние между нами было не большое, в некоторых местах не более 50 метров. Ну а так как у нас в отряде было много солдат среднеазиацких национальностей, то мы с противником часто переругивались. И если матом, то обе стороны это делали на русском языке, воистину великий и могучий. Я как-то присутствовал при одной из перебранок.

Видя наше тяжёлое положение, они нам кричали, чтобы мы шли к ним, у них есть плов, горячий чай, французские девочки. На что получали в ответ, что французские девочки нам не к чему, чуть погодя войдя в ущелье, мы их поимеем.

Фото на память с личным составом 1 роты

Тыловое обеспечение на этой операции было организовано очень хорошо, и боеприпасами и продовольствием. Подвоз мы осуществляли своими силами, благо плечо подвоза было менее 100 км. А расход боеприпасов был очень большой.

Молодец командир роты материально-технического снабжения капитан Свиридов, часто мы его поругивали за недостатки в работе, но в этот раз всё работало как часы. Помню как-то на обед, на второе, каждому солдату выдали по целой варёной бройлерной курице, таких то и норм снабжения нет, уж не знаю, как тыловики и выкрутили. Питание было только котловое, на боевые позиции горячую пищу таскали в термосах. За девять дней операции я не разу не отвлёкся на решения вопросов тыла. Тыл тогда хорош, когда ты забываешь о его существовании. Свиридов за эту операцию был представлен к медали «За боевые заслуги».

На седьмой день операции позвонил Командующий 40 Армией генерал- лейтенант Ермаков, я уже говорил, что Командующий любил наш батальон, в этот раз он с металлом в голосе сказал, что не узнаёт ни меня, ни батальон. Я ему сказал, что сейчас беру автомат и поднимаю батальон в атаку. Максимум через три часа возьму ущелье, но пусть готовят минимум двадцать цинков (цинковые гробы для отправки погибших в Союз). Попросил не подгонять меня, дня через два-три мы все равно возьмём это ущелье. Он дал добро.

Ущелье мы взяли через два дня, не потеряв убитыми ни

одного человека.

Вообще офицер в бою должен воевать мозгами, это его главное оружие, а пистолет и автомат это для самообороны. Да и оборонятся, он должен не сам, ему некогда думать о своей безопасности. Во всяком случае, начиная с командира роты.

Это я вспомнил к тому, что на этой операции у нас в отряде уже был новый замполит, капитан Гаврилов. Прибыл вместо Воронова, по замене, с Брестской десантноштурмовой бригады. Толковый офицер, но не обстрелянный. Это была его первая операция, и он, схватив автомат, всё пытался влезть в какую-нибудь заварушку. Понять его было можно, он всем хотел показать, что не трус. Я ему объяснил, что солдат у меня в батальоне достаточно, а замполит один и он должен выполнять свои обязанности. И что сейчас не Великая Отечественная война, поэтому ни каких атак с криками «Ура» на пулемёты не будет. Нужна спокойная кропотливая работа.

По поводу безопасности командира любого ранга скажу одно, это должна быть система, а не какое-то разовое мероприятие. По прибытию в Афганистан, после проведения первых операций я понял, что не возможно нормально работать, если кто-то постоянно не заботится о твоей безопасности и быте. Именно тогда, был оборудован штабной салон. Именно тогда, я подобрал себе группу телохранителей.

Было их пять человек, два из которых составляли экипаж БТР-70, водитель и наводчик пулемёта.

Они постоянно находились рядом со мной в любой обстановке, были прикомандированы ко мне на постоянной основе. И даже находясь в лагере, спали в соседней со мной комнате. Я мог в считанные минуты, в любое время суток, выехать из лагеря, мне не требовалось дополнительных сил и средств. Правда если поездка была на большие расстояния и через проблемные районы, обязательно брал ещё один БТР. Кстати бортовой номер на моём БТРе менялся каждый месяц.

Я со своей маленькой командой (слева на право): пулеметчик, водитель БТРа, два телохранителя по бокам и переводчик Садыков.

На кратковременных операциях, где мы не разворачивали походные кухни, в задачу этих ребят входило и приготовление пищи.

Если я заходил в какой-нибудь афганский магазин или учреждение, то один из солдат заходил со мной, и стоял сзади меня метра два. Второй оставался у входа, третий стоял метров пять от входа, и уже четвёртый на другой стороне улицы. Они, прикрывая друг друга, прикрывали меня. Один из ребят был переводчиком. За два года состав этой группы частично менялся, одни увольнялись на смену им приходили другие. И я благодарен этим ребятам за то, что остался жив. Вот они:

— Шлепитис и Малышев, два КМСа, первый по боксу, второй по десятиборью, оба из Чирчика. Они уволились в мае 1982 года. До сих пор себя укоряю за то, что не представил их к наградам.

— Заир Нажмутдинов;

— Сергей Разухин;

— Нурулло Давлятов;

— Валерий Михалдыко;

— Саловат и Тимур (фамилий не помню);

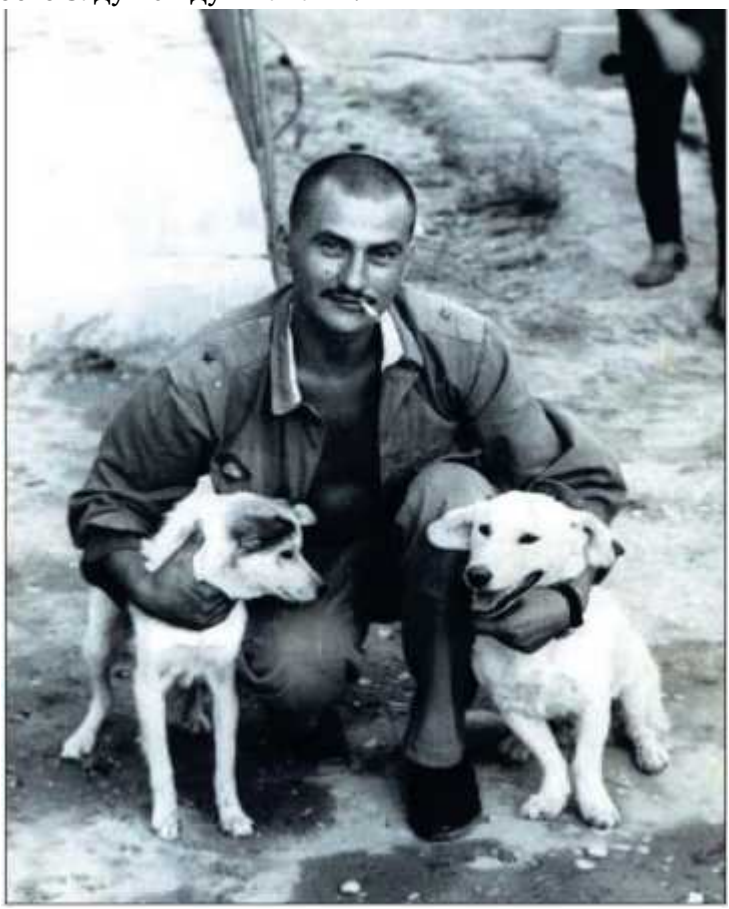
все эти ребята из Таджикистана, в основном из Душанбе. Уволившись, писали мне в Афган письма.

— два водителя БТРа, Бойцов и Степанов.

Возможно, кого-то забыл, много времени прошло. Все эти

ребята живыми и здоровыми вернулись домой. Жаль моего последнего переводчика, Садыкова Гуламжона Галиевича, спустя полгода, после моей замены в Союз, 23.05.1984 г., погиб в бою под Джелалабадом.

Возвращаясь к безопасности, напомню, что мой друг и коллега Саша Тимченко погиб в одном из дуканов Кабула. А командир 3-го МСБ, 122 МСП, который размещался в г. Айбаке, майор Герасимчук Василий Васильевич, на одной из операций был просто задушен душманами.



Командир 3 МСБ, 122 МСП, майор Герасимчук В.В.

Его бронетранспортёр подорвался на мине. Василий спрыгнул за ближайший дувал, без оружия, автомат остался висеть на крышке люка, БТР ход не потерял и стал сдавать назад, а за дувалом находились два душмана. В поднятой взрывом пыли, ни кто и не заметил пропажи комбата. В Белоруссии у него остались жена и две дочери.

В один из дней блокады ущелья, к нам в батальон прибыл агитационный отряд из 201 МСД. Имея несколько БРДМов,

оборудованных громкоговорящими устройствами, они должны были подрывать боевой дух противника.

Попросив меня прекратить всякую стрельбу, они около часа вещали на душманов, уговоры сдаться в плен шли в вперемешку с молитвами. Всё бы не чего, но оказалось, что персонал из этого отряда совершенно не знает ни традиций, ни обычаев мусульман. Сразу после молитвы они включили нашу советскую эстраду, мои солдаты из среднеазиацких республик стали плеваться. Оказывается, что эти горе агитаторы обгадили неплохо проведенную свою же работу. Нельзя было сразу после молитвы транслировать эстраду, да ещё европейскую.

В ночь перед решающим штурмом ущелья, к нам с боем, как раз через это ущелье, прорвалась мотострелковая рота, уж не помню какого полка. Душманы более недели, сдерживавшие наш натиск, видимо совсем не ожидали удара в спину.

К сожалению, взаимодействие между частями было организовано плохо, связь была только через штаб руководства операцией, прямая радиосвязь с соседями отсутствовала. Но правда между частями были большие разрывы, это было обусловлено самой местностью, на которой проходила операция. И по замыслу наши подразделения нигде не должны были пересекаться. Каждый имел своё, отдельное направление наступления, как это и положено по уставу при ведении боевых действий в горах. Но горы и реальная обстановка всегда вносят свои коррективы.

Координаты расположения частей, зачастую, давались с ошибками и с большим опозданием. И когда подразделения соседей попадали в нашу зону ответственности, и мы сталкивались лоб в лоб, это было полной неожиданностью, и для нас, и для них.

Слава богу, что мы имели уже богатый опыт ведения боевых действий, и в том числе ночью, а ведь оба раза к нам пехота выходила именно ночью.

Когда мне доложили, что в ущелье началась беспорядочная стрельба, но пули в нас не летят, у нас сложилось мнение, что в ущелье прорвалось какое-то наше подразделение и душманы ведут с ним бой. Были предложения поддержать наших огнём и даже атаковать, но мне было совершенно не понятно, кто и где находится, да и вообще, что там происходит, были только предположения. А вдруг это какая-то хитрость противника. Когда я запросил штаб руководства, они мне тоже пояснить ничего не смогли.

Стрельба продолжалась не более 10–15 минут и прямо на нас вышла не полная мотострелковая рота. Если бы мы атаковали, то

атаковали бы своих. Потерь у роты при выходе из ущелья не было, мы не сделали по ним ни одного выстрела. А вот при прорыве через ущелье потери были. Когда, на следующий день, мы его взяли, в метрах пятидесяти от входа, лежал командир взвода этой роты, старший лейтенант Белов. Он лежал как живой, с автоматом в руках, душманы не успели, не обыскать его не поиздеваться над трупом. Пуля попала офицеру точно в сердце.

О самом штурме.

Утром мы атаковали, но только двумя БМП. Это было очень рискованное мероприятие. Под прикрытием огня взвода сидящего на скалах, а главное под прикрытием дымовой завесы, ребята со скал забросали вход в ущелье дымовыми шашками. В ущелье ворвались две БМП, имея в экипажах только по два человека, механиков-водителей и в башнях сидели наводчики. К сожалению фамилий солдат, которые сидели за рычагами боевых машин не помню. А вот наводчиками пошли офицеры, это замполит 1-ой роты, старший лейтенант Стасюк А.А. (сейчас живёт в г. Донецке) и командир группы этой же роты, старший лейтенант Сергей Паховский (сейчас живёт в г. Екатеринбурге).

Когда рассеялся дым, душманы увидели боевые машины, но было уже поздно, офицеры открыли огонь по огневым точкам противника. Стрельба велась практически в упор, 30 мм орудия БМП стреляли очередями. Но и сами БМП были хорошей мишенью. Для того чтобы максимально уменьшить риск, мы каждую боевую машину зацепили тросом за БТСы, в случаи подрыва их бы вытащили из ущелья.

К стати, штурм осуществлялся под песню «Миллион алых роз», в исполнении Аллы Пугачёвой. Её транслировал, на всё ущелье, агитационный отряд. Солдаты в атаку шли с улыбками.

В одном из своих интервью, Алла Борисовна с гордостью говорила о том, что она ни разу не была в Афганистане, и к этой войне относится крайне отрицательно.

Она не была, а её песня была и воевала.

В продолжение о штурме. Одну из машин душманы всё же подбили, но вытаскивать её не понадобилось, под прикрытием огня боевых машин в ущелье уже ворвались штурмовые группы. Менее чем за пол часа база душманов была взята.

Мы взяли базу, не потеряв ни одного человека убитыми, только восемнадцать раненых, из них двенадцать легко. Были взяты большие трофеи. Только оружия, боеприпасов и мин, мы вывезли два грузовика. Было захвачено более десятка различных

автомобилей. Продовольствие разрешили вывозить афганцам.

Кстати, когда ущелье уже было взято, при въезде в него подорвался афганский БТР, мина стояла прямо в речке. Так что, первым нашим БМП, просто повезло.

Безусловно, что заслуга во взятии базы душманов в Мармоле, принадлежит не только нашему отряду, а и всем частям и подразделениям, участвовавшим в этой операции, и советским и афганским. Без массированного давления на всех направлениях, мы вряд ли бы взяли Мармоль, но то, что мы оказались на острее этой операции неоспоримый факт.

То, что мы не понесли безвозвратных потерь, это заслуга не только офицеров, прапорщиков и солдат отряда, показавших свой высокий профессионализм, но и руководства этой операцией, и лично генерал-лейтенанта Шкруднева, а также Командующего 40 Армией генерал-лейтенанта Ермакова. Они не толкали нас, сломя голову на пулемёты, не пытались добиться быстрого успеха ценной солдатских жизней, берегли людей, и большое спасибо им за это.

Фотографии взятой базы

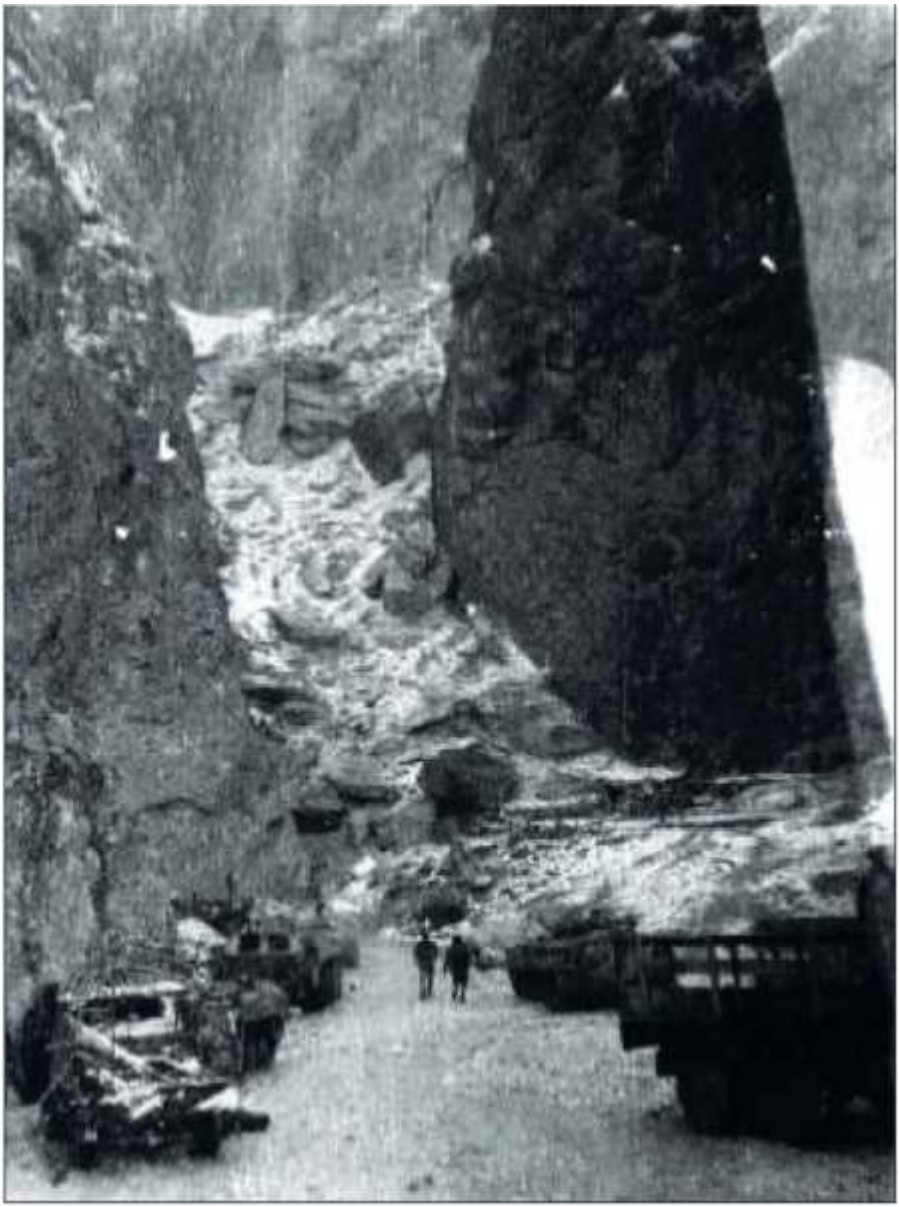
Вход в ущелье, вид со стороны душманов

Подбитая БМП, за ней душманский ДОТ.

Идет проверка пещер, видны уничтоженные душманские автомобили

Афганцы грузят захваченное продовольствие

Около подбитого афганского бронетранспортёра



После взятия Мормоля, Шкруднев приказал мне представить списки отличившихся солдат и офицеров отряда для награждения. Мы подготовили такой список, получилось около двадцати человек. Когда я представил его Шкрудневу, он сказал, что в нём не хватает командира отряда, и собственноручно дописал во главе списка мою фамилию, напротив написал — орден «Красного Знамени».

Я не получил этого ордена, видимо кто-то решил, что не достоин. Кстати не получил не только я. Офицеры, которые

первыми ворвались в ущелье на БМП, мной были представлены также к ордену «Красного Знамени». Но если Стасюк его получил, то Паховского орден нашёл только лишь в 2003 году, и вручал его ему, бывший командующий 40 Армией, генерал армии Ермаков.

Захваченное в Мармоле оружие, местные власти два дня демонстрировали в Мазари-Шарифе, а затем мы его показывали в Айбаке.

Было захвачено не мало и различных оптических приборов. Командующий авиацией 40 Армии полковник Медведев, рассматривая трофеи, хотел взять себе один из биноклей. Но бинокль был не очень хорошего качества, и я в благодарность ему за отличную поддержку нас авиацией, а это именно он с самолёта корректировщика руководил действиями авиации. А иногда и сам садился за штурвал боевого вертолёта и штурмовал душманские позиции, предложил ему хороший японский бинокль, но сказал, что он находится у нас в ППД. Сразу же получил предложение слетать за ним. Медведев сам сел за штурвал и минут за тридцать мы были на месте. Вот сейчас я подошёл к тому, ради чего веду этот разговор.

Вертолёты, опасаясь обстрела с земли, летали всегда не ниже 2000 метров, и уже подойдя к назначенному месту, кругами снижались и садились. Когда мы подлетели к нашему лагерю, Медведев спросил, сколько у меня прыжков с парашютом, и когда я ответил, сказал, что теперь будет ещё прыжок, но без парашюта.

На высоте 2000 метров он выключил двигатель, и как он сказал, мы стали парашютировать, а попросту падать в полной тишине, но довольно устойчиво. Уши заложило как при прыжке с парашютом. Старший лейтенант, лётчик этого вертолёта, сидевший рядом со мной, сказал, что его бы, за такие художества, сам бы Медведев посадил бы на гауптвахту. На высоте метров 200–300 Медведев включил двигатель, и мы благополучно приземлились.

Фото после взятия базы. Первый справа — советник при афганской бригаде командос, второй замполит отряда капитан Гаврилов

Будни.

Мармоль был последней, большой операцией, в которой мне пришлось участвовать. Опять началась рутинная боевая жизнь.

Практически ежедневно группы уходили в засады. Но противник, в зоне ответственности, был, если можно так выразиться, парализован. Диверсий ни на дороге и на трубопроводах не было. Отряд выполнил поставленную перед ним задачу. Не сколько раз по просьбе местной власти мы ходили на отдалённые кишлаки, но это была просто демонстрация силы. Под нашим прикрытием они проводили свою работу.

Шли мы однажды на одну из операций, как всегда в ночь. Сейчас не помню куда конкретно, но выход был в составе отряда. Не доходя Айбака, мне командир головного взвода докладывает, что нас остановил старший лейтенант комендантско-дорожной бригады.

К этому времени, для наведения порядка на дорогах в Афган, была введена такая бригада. С её вводом уменьшилась на нас нагрузка по проведению мероприятий комендантского режима. Одной из основных задач подразделений этой бригады, была организация передвижения транспортных колон Армии.

Я уже говорил о том, что согласно приказа Командующего Армией после 16.00 запрещалось передвижение колон, они должны были становиться на ночлег, организовывая охрану.

Вот и нас остановили с такой задачей. Я передал по радио взводному, чтобы он объяснил офицеру, что мы не транспортная колона, а специально идём в ночь на боевую операцию, и что он сейчас находиться в зоне нашей ответственности.

Но старлей был не преклонен, и я приказал, сломав БМП шлагбаум, продолжить движение.

Дня через три к нам приехал, уж не помню кто, из руководства КД бригады, со своим оперуполномоченным особого отдела. Конфликт был решён в течение нескольких минут, тем более, что с ними прибыл начальник особого отдела Армии, который уже до приезда объяснил им кто, есть кто. Мы заменили поломанный шлагбаум, а они обещали поднимать его по первому нашему требованию. Больше проблем у нас на дорогах не было, впрочем, как и вне дорог.

В провинции была только одна вооружённая сила, которая ходила и ездила в любом направлении в любое время суток, когда хотела, и имя ей — 154 ООСПН.

г. ***Мазари-Шариф, у дуканов с советским специалистом нефтяником***

КОПИЯ:

КОМАНДИРУ ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 85086-Г

О Т Ч Е Т

о результатах деятельности I ОМСБ в период с 25.02.83 г. по 22.03.83 г.

I. ЗАХВАЧЕНО:

Мятежников - 33 чел.
Стрелковое оружие:
пулемет - I шт.
винтовки- 2I шт.
винтовки(бур) - I5 шт_
пистолет-пулемет-I шт.
ружья охотничьи - 8 шт.
автомат ППШ (с дисками) - 2 шт.
пистолеты - 6 шт.

2. БОЕПРИПАСЫ:

Мины к 60 мм миномету - 235 шт.
Взрыватели к минам от 60 мм.- I80 шт.
миномета.
Коробки к ДШК с лентами - 6 шт.
Выстрелы к РПГ - 43 шт.
Диски к пулемету РПД - 4 шт.
Гранаты к АГС-I7 - 60 шт.
Ленты пулеметные с патронами - 4 шт. по 250 патрон.
26 мм. патроны к СПШ - 3I6 шт.
Цинки с патронами I4,5 мм (КПВТ) - 8 штук.
Цинки с патронами I2,7 мм (ДШК) - 2 шт.
Цинки с патронами (БУР) - 3 шт.
Патроны (россыпью) - 20000 шт.
Порох - 6 мешочков.

3. ГРАНАТЫ:

М-46 - 3 шт.
РГД- 5 = 6 шт.
РГ-42 = 4 шт.

Ф-1 = 1 шт.

Ручная кумулятивная граната (китайского пр-ва.) = 8 шт.

4. ИНЖЕНЕРНЫЕ БОЕПРИПАСЫ:

Мина ТС -6 = 1 шт.
Мина ТС-2 = 1 шт.
Мина М-19 = 6 шт.

Противопехотная выпрыгивающая мина итальянского пр-ва. = 16 шт.

Капсюли -детонаторы - 800 шт.
Электродетонатора - 5200 шт.
Пластит = 2 кг.

5. ХИМИЧЕСКОЕ ИМУЩЕСТВО:

Респираторы (США) = 6 шт.
Противогазы (США) = 6 шт.

II. УНИЧТОЖЕНО:

I. Склады ГСМ = 3.

III. Призвано в НВС ДРА = 5 чел.

В день Саурской революции, 26 апреля, мы организовали жителям Айбака сюрприз. О нём не знало и руководство провинции. В этот день в городе был большой праздник. С утра демонстрация, затем спортивные мероприятия. Мы играли с афганцами в волейбол, а в конце провели показательные выступления по рукопашному бою.

В гостях у губернатора. Слева на право: капитан Посохов В.Н., капитан Воронов В.Н., губернатор провинции, ваш покорный слуга в

форме офицера цирандоя, советник при цирандое, капитан Гаврилов.

Празднование годовщины Саурской революции в административном центре провинции Саманган г. Айбаке 26 апреля 1986 год

Учащиеся женского лицея г. Айбака на демонстрации.

На марше детский сад

Местные жители, участники торжеств

До начала показательных выступлений по рукопашному бою остались секунды

Ката с оружием

Бой, один на один

Товарищеская встреча по волейболу с афганцами

Бой, один против двоих

Бой, один против трех

Трибуна для почетных гостей

Почётный караул цирандоя по случаю нашего приезда

В губернаторском саду

Фуршет у губернатора провинции Саманган по случаю годовщины Саурской революции

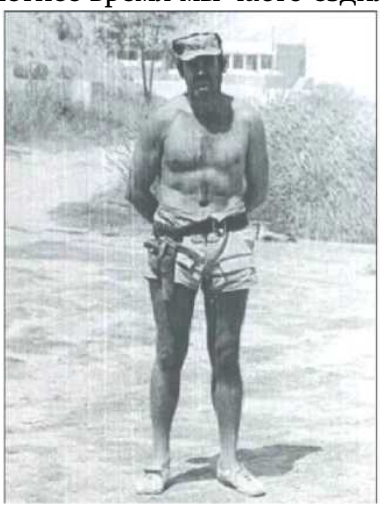
Вечером всё руководство отряда было приглашено к губернатору провинции на банкет. Вот во время банкета мы и преподнесли им сюрприз.

Когда стемнело, я попросил всех выйти на улицу. К этому времени, на окраине города, уже развернулись две батареи, гаубичная и миномётная. По моей команде они сделали три залпа осветительными минами и снарядами. Одновременно с ними, 30 человек, сделали три пуска разноцветными реактивными патронами, в народе их просто называют ракетами. Город был освещён так, что можно было читать газету. Народ впервые видел фейерверк.

Тост за Саурскую революцию.

На переднем плане губернатор

В районе ответственности отряда была одна достопримечательность — радоновое озеро. Вода в нём была всегда около двадцати градусов. Это была наша отдушина, в летнее время мы часто ездили туда отдохнуть.



На заднем плане виден отель, который стоял на озере, в нем размещалась рота охраны

С замполитом отряда Вороновым.

Офицеры отряда на радоновом озере

15.05.1983 г. я убыл в Ташкент в родное училище, для подготовки к поступлению в Академию имени М.В.Фрунзе. Здесь же, после этого, сдавал экзамены выездной комиссии Академии. Отсутствовал более полутора месяцев.

Прибыв в отряд, буквально через месяц убыл в отпуск. В Чирчике попал на день рождения своего бывшего подчиненного, Валеры Якименко, он возвращался с отпуска. Я уже писал о том, что Валера в апреле 1982 года, ушёл от нас на отдельную роту спецназ в Кабул.

Я поехал на Украину, а Валера в Афган. Спустя несколько дней, он погиб.

Старший лейтенант Якименко Валерий Павлович погиб 23.07.83 года при эвакуации разведгруппы из тыла противника.

Я был у его родителей в селе Андреевка Белгород-Днестровского района Одесской области, в 1993 году. Но Валера похоронен на Урале, жена увезла и похоронила его там. Жену понять можно, она его очень любила. Ну а старикам тяжело в двойне, они не имеют возможности ходить на могилу сына.

С отпуска я возвращался через Чирчик, все мы так делали, ведь у нас там были квартиры. Вдруг меня срочно вызывают в бригаду. Прихожу к комбригу, приказывает немедленно явиться к начальнику штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенанту Михайлову, что случилось, не говорят. Какое-то «ЧП» в отряде.

Генерал принял меня спокойно, сказал, что поступила информация о том, что в отряде имеют место противоправные действия и творится беззаконие. Что в отряде процветает

мародёрство, и даже то, что наши офицеры на боевых операциях расстреливают неугодных солдат. Какой-то бред сивой кобылы. Михайлов разговаривал со мной не больше пяти минут. Сказал, что во всё это не верит и мне надо срочно убыть в отряд, и во всём разобраться на месте. Тем более, что там уже работает начальник разведки округа полковник Таушанов. Разбираться мне не пришлось, когда я прибыл, он уже во всём разобрался.

Паскуды есть везде, и в офицерской среде тоже, хотя конечно поменьше, чем на гражданке, условия жизни другие, им в Армии тяжеловато. Так, что же произошло.

В период, когда я, поступив в академию, вернулся в отряд. Из Чирчикской бригады приехал новый начальник штаба, не буду называть его фамилию, бог ему судья. Как я уже говорил, в состав бригады мы не входили, но им поручили нас курировать. И они периодически стали к нам кого-нибудь присылать.

Офицер оказался моим однокашником по училищу, мы учились в параллельных ротах, так что сидя по вечерам у меня в комнате, нам было о чём поговорить. После моего отъезда в отпуск и он уехал, увозя с собой, как оказалось, рапорт с вопиющими нарушениями законности в отряде.

Мне не задал ни одного вопроса. И даже не смотрел документацию в штабе. Все «факты» ему довели два урода, которые и офицерами то называться не могут. Один командир роты, моя вина, что он им стал. Я его назначил взамен офицера убывшего в Союз, по ходатайству заместителя отряда по вооружению. Как потом оказалось страстный почитатель «зелёного змия». В моё отсутствие, в пьяном виде, даже начальнику штаба отряда оружием угрожал. Второй замполит роты, за два года поменял три роты, ни где в офицерском коллективе не уживался.

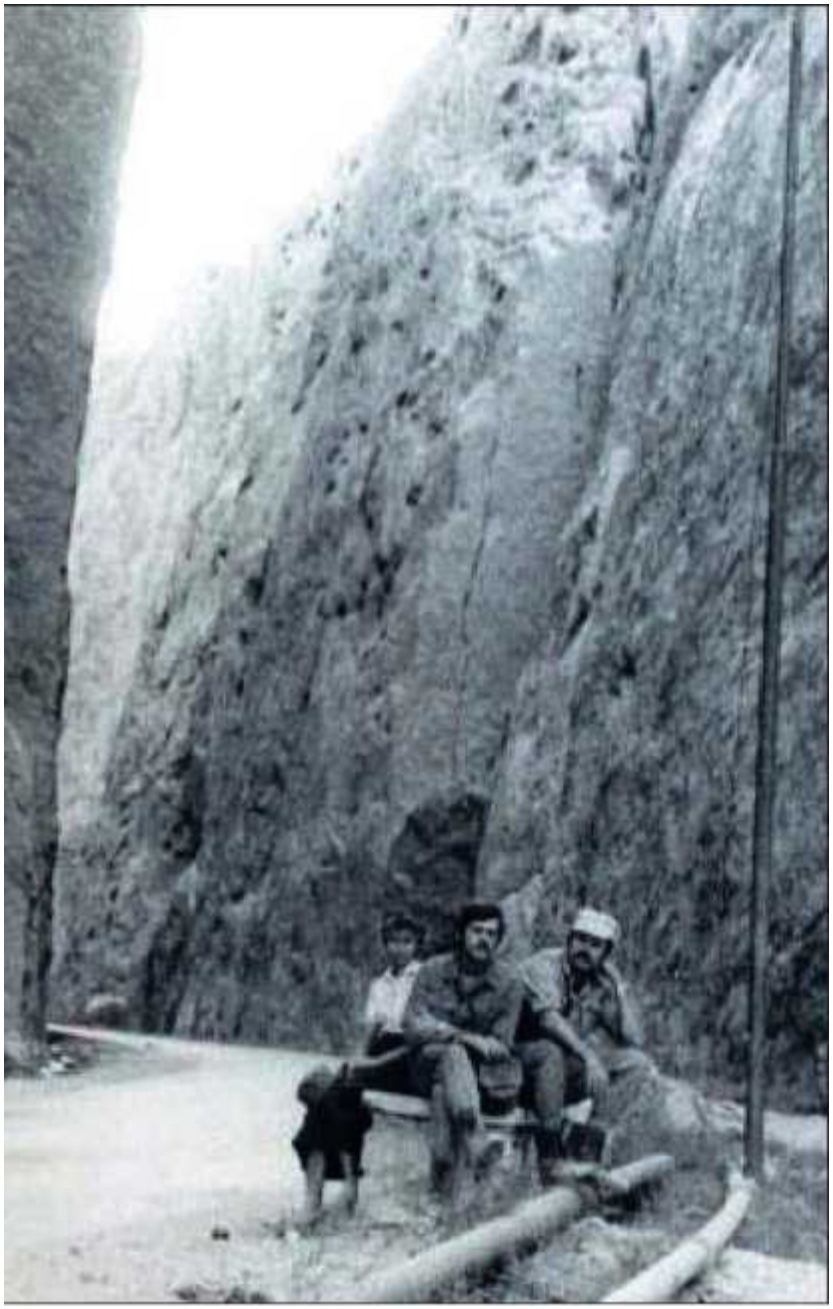
Так вот, когда я приехал, Таушанов собрал всех офицеров и, подняв этих двух погононосителей, сказал им в лицо всё, что думал о них. Они облили грязью нескольких офицеров отряда, а при разбирательстве оказалось, что сами они ни чего не видели, а просто от кого-то слышали, но вот от кого не помнят. Мне инкременировалось, то, что я скрыл гибель солдат при несчастных случаях.

Да, к сожалению, у нас были и так называемые не боевые потери. Один солдат подорвался на нашей мине, которые стояли вокруг лагеря, это ещё в 1981 году в Акче. Были погибшие: при чистке оружия, при разряжании оружия после возвращения с операции, при баловстве с трофейным оружием. Один солдат умер от сердечного приступа, находясь в санчасти. И таких потерь было, восемь человек. Это много. Но по каждому из этих случаев,

мной как командиром части, были возбужденны уголовные дела, и документы отправлены в прокуратуру. Но там дела закрывали, злого умысла ни где не было. И прокурор говорил про виновных, что пусть воюют, в зоне легче, чем здесь. Так, что этому проверяющему надо было просто зайти в строевую часть и попросить документы. Тогда не было бы этого идиотского рапорта.

Я до сих пор не могу понять, что этим двум особям надо было? Точнее не двум, а трём. По имевшейся у меня информации, действиями первых двух, руководил мой заместитель по вооружению. Какую цель они преследовали? К сожалению дерьмо и в Армии есть, но его меньше чем на гражданке, да и проявляется оно быстрее.

Офицеры отряда были возмущены до предела. Кто-то из замов, сейчас не помню, подошёл ко мне и сказал, что этих двух уродов нельзя больше пускать на боевые операции. Им до замены осталось месяца полтора, пусть сидят в лагере. Не дай бог у кого-то из офицеров нервы не выдержат. Так изгоями они и уехали в Союз.



Вход в Ташкурганское ущелье со стороны г. Ташкургана На фото я с братом и машинисткой штаба Еленой (фамилию, к сожалению, не помню). Под ногами у нас два топливопровода, по которым в Поли-Хумри перегонялись дизтопливо и керосин.

Прощай Афган.

В августе я уехал на сессию в академию, она длилась около месяца. Так, что с мая по сентябрь я был в отряде не более месяца. Бремя командования отрядом легло на плечи моего заместителя, капитана Вячеслава Посохова. С Афгана он заменился чуть раньше меня, недели на две.

Но я был в курсе всего, что происходило в отряде, периодически получал подробные письма от Посохова В.Н. и начальника штаба отряда Ахметова Р.М. два из них я привожу ниже. Вот теперь я возвращаюсь к тем потерям, которые понёс

отряд в период с мая по ноябрь 1983 года.

Первое, отрядом пытались латать дыры, возникающие за пределом его ответственности.

Второе, задачи ставились на скорую руку, по принципу «Даёшь», а дальше как получиться. Доскональная разведка района предстоящих действий не проводилась. Взаимодействия с соседями не организовывались или организовывались очень плохо. Ни кто не спрашивал с тех командиров, чьи подразделения не выполняли свои задачи. И в связи с этим отряд был вынужден работать за себя и за того парня, отсюда и лишни потери.

Ну и последнее, третье, руководили операциями люди, которых надо было во время посылать на…. и делать своё дело. Но в боевой обстановке это сложно, можно загреметь под трибунал.

Когда я получал письма от ребят, было большое желание сорваться с места и поехать набить морду какому-нибудь подполковнику.

Здравствуйте Игорь Юрьевич!

Дела у нас в основном идут хорошо
Дисциплина в батальоне стабильная, вылизав пока нет. Офицеры при замене ведут себя намного серьезнее чем раньше.
Замена идет хорошо, офицеры прибывают грамотными партиями по 5-6 человек. Судим вылезают 6 сентября
Завтра 4 сентября приезжает Прокурор Гарнизона с группой офицеров.
Сейчас нас закаляют по операциям. Уже было два выхода один местный в Айбаке там все хорошо второй под Саланг, брали ущелье Гандарам совместно со вторым батальоном и некоторой задачу выполнили только мы. Работали без поддержки арт. и соседей, 6 ран и 6 сим вывозили потерями 4 убитыми и 14 ранеными, все рядовые. Превышение гор от точки восхождения 1500-1700м на подъёме затрагивали 5-Угасов, все подразделения работали хорошо. Руководил операцией зам. Власенкова. Немного опыта в тактике. После первого дня все его приказы приходилось переиначивать чтобы небыло больше потерь. Записали все его приказы и наши действия, поеду к Ним на доклад.

Соседы, соседствующие высоты которые заняли только через 3 дня после того как мы подняли
вход в ущелье
перевал
Наша задача была занять гребень от 1 до 2.

За ночь поднялся скрытно, а утром оказался как на тарелке, обстрел был перекрестный с высот. Вызвали и уничтожили огнем такие сами все соседи вышли на свои рубежи через 4 суток. Прибыли второго сентября, а завтра вылезаю в Гардез до 14 с 20 поменяло подразделения и поеду сюда ложем.

Вот такие у нас дела.
Командировочное удостоверение второй экземпляр высылаю систем.

До свидания

3 сентября 1983г Косоглав

Здравствуйте Игорь Юрьевич!

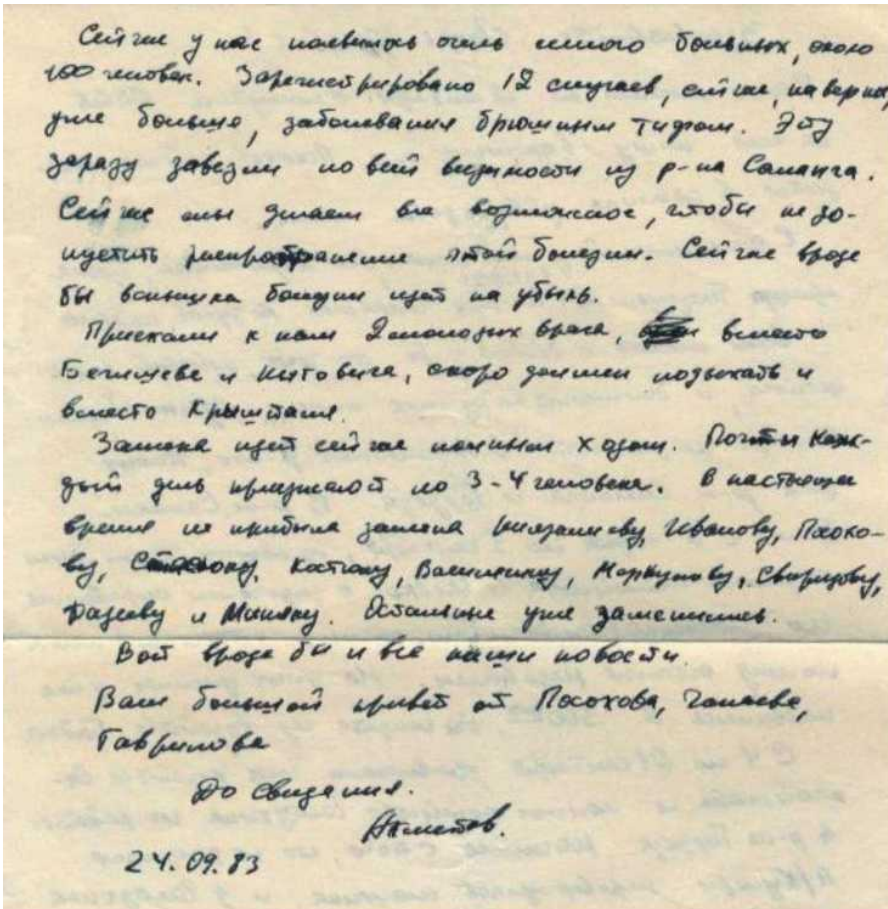
Ваше письмо от 12 сентября я получил. Обыск на него шлю в госпиталь, т.е. Посохов сейчас находится в Союзе, утверждает Иван.

С дисциплиной у нас пока все нормально, кроме приказа Тодурова ~~у~~ больше никаких казусов не было.

Вам писать о боевой учебе, то нуз новобей очень немного, и большинство из них плохие. Учения у нас больше не проводились в обозначенных р-нах, таких как р-н Саланга и Гардеза. В р-не Саланга были с 24 августа по 1 сентября, из наших там были комбаты Самойлова и Бабко, с задачами справились. Но Иващенко (он там был самым старшим) наши почему остался недоволен. На этих учениях у нас появились 2 300ых, оба сидата из комбата Бабко.

С 4 по 21 сентября привлекали сам комбата Самойлова и полное комбато Гасбухина на работы в р-не Гардеза. Началось с того, что не доехали п/Кумри перевернулась машина, и у Гасбухина появился 1 300ый. Затем 6 сентября на дороге Кабул - Гардез санитарный МТЛБ наехал на мину (очень большую), в результате в числе 300ых наши бегунов, крыгталь (замнач. Дудорова) и водитель, а двое сидат ехали 150ми, из которых один 23 сентября ехал уже в госпиталь 300ым. 23 сентября 300ми ехали и Домашин, который ехал в Кабуле по болезни.

В р-не Гардеза ~~нуждать~~ никого не было.



Сейчас у нас появилось очень немного боевых, около 100 человек. Зарегистрировано 12 случаев, сейчас, наверно, уже больше, заболевания брюшным тифом. Эту заразу завезли по вине вернувшихся из р-на Самангана. Сейчас мы делаем все возможное, чтобы не допустить распространения этой болезни. Сейчас вроде бы вспышка болезни идет на убыль.

Прислали к нам 2 молодых врача, [illegible] вместо Бегишева и Кутовенко, скоро должны подъехать и вместо Крыщенко.

Замена идет сейчас нормальным ходом. Почти каждый день прибывает по 3-4 человека. В настоящее время не прибыла замена Мезенцеву, Иванову, Похорову, Стекольнову, Костину, Васильеву, Корнушову, Скворцову, Фадееву и Минину. Остальные уже заменились.

Вот вроде бы и все наши новости.

Ваш боевой привет от Похорова, Иванова, Гаврилова

До свидания.

Алексеев.

24.09.83

В начале ноября прилетел командир 15 БРСПН подполковник Стекольников и привёз с собой моего заменщика майора Олексеенко Василия Ивановича. Дня за два я сдал отряд. 5-го ноября построили весь личный состав, я попрощался с людьми и со знаменем отряда. Вечером посидели в моём домике. Стекольников не плохо играл на баяне и пел, так что с Афгана я уезжал под песни комбрига. Поздно вечером все разошлись.

Уезжал я на следующий день рано утром, в 4 часа. Отряд спал. К шести часам мы уже были на мосту. Я, попрощавшись с сопровождавшими ребятами, перешёл границу.

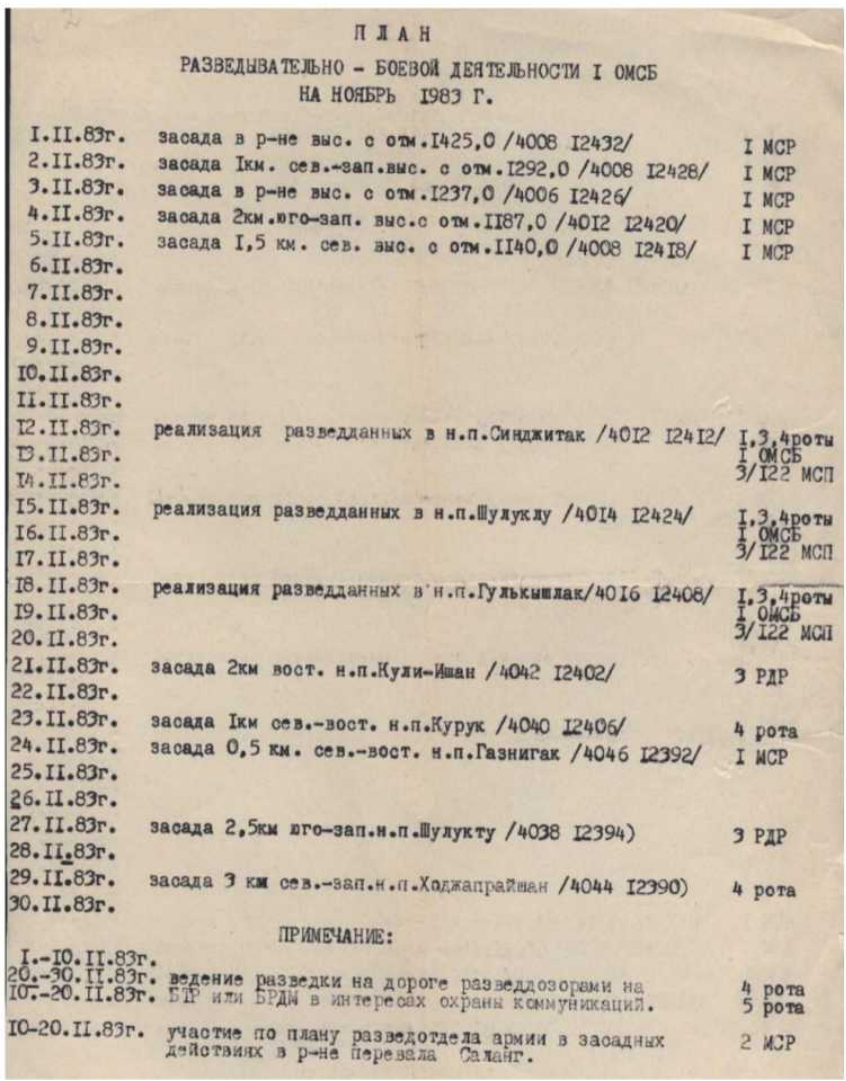
Чувства были смешанные. Наконец я буду дома с семьей. Но там за речкой оставался мой отряд, мои ребята. У них продолжались не лёгкие боевые будни. Им надо реализовывать те задачи, которые перед ними ставились командованием. Ближайшая это план на ноябрь, который мы сами готовили, и который они уже будут выполнять без меня. Возникали ощущения человека отставшего от поезда.

Не все из ребят вернуться домой. Там, за речкой, остался

отрезок моей жизни, длиной в два года, как я сейчас понимаю, мои лучшие офицерские годы.

Лет десять по ночам я продолжал воевать, мне снился Афган, а затем всё реже и реже.

В Термезком аэропорту билетов, как всегда, не было. Но получилось так, что вместе со мной улетал наш давний боевой соратник, командир танкового батальона 122 МСП, как раз того, что размещался под Шибарганом и откуда нам придавали танковый взвод. Мы с ним встретились в аэропорту. Фамилии его, к сожалению, не помню. Он вручил кассиру набор французских тарелок и билеты сразу появились. В этот же день, 6 ноября 1983 года, я был дома. Закончилась моя афганская эпопея.



ПЛАН

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО - БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ I ОМСБ
НА НОЯБРЬ 1983 Г.

I.II.83г.	засада в р-не выс. с отм.I425,0 /4008 I2432/	I МСР
2.II.83г.	засада Iкм. сев.-зап.выс. с отм.I292,0 /4008 I2428/	I МСР
3.II.83г.	засада в р-не выс. с отм.I237,0 /4006 I2426/	I МСР
4.II.83г.	засада 2км.юго-зап. выс.с отм.II87,0 /4012 I2420/	I МСР
5.II.83г.	засада I,5 км. сев. выс. с отм.II40,0 /4008 I2418/	I МСР
6.II.83г.		
7.II.83г.		
8.II.83г.		
9.II.83г.		
I0.II.83г.		
II.II.83г.		
I2.II.83г.	реализация разведданных в н.п.Синджитак /4012 I2412/	I,3,4роты I ОМСБ 3/I22 МСП
I3.II.83г.		
I4.II.83г.		
I5.II.83г.	реализация разведданных в н.п.Шулукду /4014 I2424/	I,3,4роты I ОМСБ 3/I22 МСП
I6.II.83г.		
I7.II.83г.		
I8.II.83г.	реализация разведданных в н.п.Гулькышлак/4016 I2408/	I,3,4роты I ОМСБ 3/I22 МСП
I9.II.83г.		
20.II.83г.		
21.II.83г.	засада 2км вост. н.п.Кули-Ишан /4042 I2402/	3 РДР
22.II.83г.		
23.II.83г.	засада Iкм сев.-вост. н.п.Курук /4040 I2406/	4 рота
24.II.83г.	засада 0,5 км. сев.-вост. н.п.Газнигак /4046 I2392/	I МСР
25.II.83г.		
26.II.83г.		
27.II.83г.	засада 2,5км юго-зап.н.п.Шулукту /4038 I2394)	3 РДР
28.II.83г.		
29.II.83г.	засада 3 км сев.-зап.н.п.Ходжапайман /4044 I2390)	4 рота
30.II.83г.		

ПРИМЕЧАНИЕ:

I.-I0.II.83г.		
20.-30.II.83г.	ведение разведки на дороге разведдозорами на	4 рота
I0.-20.II.83г.	БТР или БРДМ в интересах охраны коммуникаций.	5 рота
I0-20.II.83г.	участие по плану разведотдела армии в засадных действиях в р-не перевала Саланг.	2 МСР

Послесловие к Афгану

Не мы были первопричиной войны в Афганистане, мы пришли в эту страну в конце 1979 года — война там уже пылала, ушли в 1989 году, мира нет на этой земле и сегодня.

Мы честно и добросовестно исполняли свой воинский долг и знали, что так надо нашей Родине. Мы видели, что нужны здесь на афганской земле, мы видели отношения к нам простых людей.

Мы видели злодеяния так называемых борцов за веру, обезображенные труппы наших солдат и местных жителей, которые не разделяли идей исламистов.

Мы были первыми, кто вступил в бой с исламским экстремизмом, жаль, что нам не дали довести своё дело до конца. Ведь тогда, наверняка, не было бы кровавых событий в Оше, Фергане, Сумгаите, не было бы войны в Таджикистане и Чечне. Не поднимал бы голову исламский экстремизм на Балканах.

Но история не терпит сослагательного отношения — мы ушли.

Да, к сожалению, мы несли потери, но они были минимальны, мы хорошо знали своё дело.

Ещё в мирное время нас прекрасно подготовили к ведению таких боевых действий, которые велись на территории Афганистана.

Мы профессионалы, но ещё более сильны духом, самым суровым наказанием для солдата было не взять его на операцию.

Сейчас часто пишут о так называемом «Афганском синдроме», что вроде бы у нас нарушена психика, что нас надо лечить.

Лечить надо этих писак и политиков, которые пытаются сколотить себе капитал на трудностях «афганцев». Лечить надо чиновников, которым наплевать на льготы, заработаны кровью и установленные Законом. Которые в лицо говорят: «Я тебя туда не посылал».

Да, нам там было не легко, но мы не сломались. Не сломаете вы нас и здесь, господа. Как у К. Симонова: «…ни что нас в жизни не сможет вышибить из седла. Такая уж поговорка у майора была.»

Мы скорбим по погибшим нашим боевым друзьям, и знаем точно, что ничего зря не бывает. Собираясь вместе всегда третий тост, поднимаем за вас ребята, за тех, кого с нами нет.

За тех, кто спас меня,
За тех, кого я спас,
За нас, за вас, и за спецназ

Список офицеров и прапорщиков 154 отдельного отряда специального назначения. (октябрь 1981 г. — ноябрь 1983 г.)

1. Командир отряда — майор Стодеревский Игорь Юрьевич (с октября 1981 г. по ноябрь 1983 г.).

Управление.

1. Заместитель командира отряда — старший лейтенант (капитан) Посохов Вячеслав Николаевич.

2. Заместитель по политической части:

3. — капитан Воронов Владимир Николаевич (с октября 1981 г. по февраль 1983 г.);

— капитан Гаврилов_____(с марта 1983 г.).

4. Заместитель по вооружению — капитан Ниязалиев Б.А.

5. Начальник инженерной службы — старший лейтенант Василегин Е.Г.

6. Начальник парашютно-десантной службы:

— капитан Москаленко В.И. (с весны 1982 г. по октябрь 1982 г.);

— лейтенант Хаев Александр Николаевич (с октября 1982 г.).

7. Начальник службы РАВ — лейтенант Леонид Костюк.

8. Начальник финансовой службы — старший лейтенант Большаков Е.В.

9. Казначей — прапорщик Романцов_.

10. Химик-инструктор — прапорщик Александр Липкин.

Штаб.

1. Начальник штаба:

— старший лейтенант (капитан) Ершов Сергей Николаевич (с октября 1981 г. по октябрь 1982 г.).

— капитан Ахметов Равиль Мусаевич (с октября 1982 г. по 1984 г.).

2. Заместитель начальника штаба — начальник разведки:

— лейтенант Скирта Игорь Константинович (с весны 1982 г. по декабрь 1982 г.). Снят с должности за подделку документа. Оставаясь за начальника штаба, поставил печать на командировочном предписании офицера чужой части, и тот незаконно выехал в Союз.

— старший лейтенант Иванов Александр Владимирович (с декабря 1982 г.).

3. Помощник начальника штаба:

— лейтенант Михалёв Владимир Николаевич (умер от ран 01.11.1981 г.);

— прапорщик Милютенко Александр Викторович (с декабря 1981 г.).

4. Начальник связи (командир группы связи) — лейтенант Домрачёв В.В.

5. Начальник секретной части — прапорщик Константин Емельянов.

Партийный аппарат.

1. Секретарь партийного бюро — капитан Шуман В.В.

2. Секретарь комсомольской организации — лейтенант Прокопенко В.Н.

Тыл отряда.

1. Заместитель командира отряда по тылу:

— майор Суханов (с октября 1981 г. по весну 1983 г.). Снят с

должности, руководством 40 армии, за развал служб тыла отряда.

— капитан Чанаев Иван Викторович (с весны 1983 г.).

2. Начальник продовольственной и вещевой службы:

— старший лейтенант Юрий Сапон (до 1982 г.). Двухгодичник, закончился срок службы.

— лейтенант Ольховик (с 1982 г.).

3. Начальник продовольственного склада — прапорщик Алёшин А.А.

4. Начальник вещевого склада:

— прапорщик Г игиадзе (с октября 1981 г. по весну 1982 г.).

Убрали в Союз, так как имел четверых детей.

— прапорщик Виктор Кулик (с весны 1982 г.).

Подразделения.

1 рота специального назначения (на БМП-2).

1. Командир роты:

— старший лейтенант Рукавишников Сергей Николаевич (с октября 1981 г. по январь 1982 г.).

— старший лейтенант Александр Волчецкий (с января 1982 г. по сентябрь 1982 г.). Уехал на курсы особистов в г. Новосибирск.

— старший лейтенант Самойлов А.П. (с октября 1982 г. по 1983 г.).

2. Заместитель по политической части — старший лейтенант Стасюк Алексей Алексеевич.

3. Заместитель по технической части:

— старший лейтенант Самойлов А.П. (с октября 1981 г. по сентябрь 1982 г.).

4. Старшина роты — прапорщик Коробейников А.А.

5. Командиры групп:

— лейтенант Паховский Сергей Николаевич.

— лейтенант Меркулов Николай Николаевич.

— лейтенант Волков Игорь Игоревич.

6. Заместители командиров групп:

— прапорщик_.

— прапорщик_.

— прапорщик Кулик Виктор_(с октября 1981 г. по весну 1982 г.).

7. Санинструктор — младший сержант с/с Юрий Ходжаев.

2 рота специального назначения (на БМП-1Д).

1. Командир роты — старший лейтенант Войтенко Николай Николаевич.

2. Заместитель по политической части:

— старший лейтенант Статкевич Владимир Владимирович (погиб 04.04.1982 г.).

— старший лейтенант Жиглов_(с апреля 1982 г.).

3. Заместитель по технической части — старший лейтенант Рудницкий.

4. Старшина роты — прапорщик Литомин_.

5. Командиры групп:

— лейтенант Дудко С.Г.

— лейтенант Стодеревский Юрий Юрьевич (с октября 1981 г. по октябрь 1982 г.). Отправлен в Союз по приказу МО СССР. Мать написала письмо МО СССР и попросила вернуть одного из сыновей.

— лейтенант Караев С.Р.

7. Санинструктор — младший сержант с/с Абдула Байманов.

Разведывательно-десантная рота (на БМД).

1. Командир роты:

— старший лейтенант Частухин Олег Николаевич (с октября 1981 г. по январь 1982 г.).

— старший лейтенант Якименко Валерий Павлович (с февраля 1982 г. по апрель 1982 г.). В апреле 1982 г. переведён в Кабул, на отдельную роту спецназ (погиб 23.07.1983 г.).

— старший лейтенант (капитан) Ахметов Равиль Мусаевич (с апреля 1982 г. по сентябрь 1982 г.). В октябре

1982 г. назначен на должность начальника штаба отряда.

— старший лейтенант Маркушев В.А. (с октября 1982 г.).

2. Заместитель по политической части — лейтенант Ермаков Александр Михайлович.

3. Заместитель по технической части — старший лейтенант Ринат Муртазин.

4. Старшина роты — прапорщик Царапкин В.В.

5. Командиры групп:

— старший лейтенант Маркушев В.А. (с октября 1981 г. по сентябрь 1982 г.).

— старший лейтенант Осадчий В.Я.

— лейтенант Скирта Игорь Константинович (с октября 1981 г. по весну 1982 г.). Ушёл на должность начальника разведки отряда.

— лейтенант Калмыков Сергей Николаевич (погиб 06.06.1982 г.).

6. Заместители командиров групп:

— прапорщик Фомин Ю.Н.

— прапорщик_.

— прапорщик_.

Гранатомётно-миномётная рота.

(82мм миномёты — 6 шт., АГС-17 — 18 шт., техника — ГАЗ-66, БТР-70 + второй

комплект БРДМ-2).

1. Командир роты:

— старший лейтенант Якименко Валерий Павлович (октября 1981 г. — январь 1982 г.).

— старший лейтенант Частухин Олег Николаевич (с февраля 1982 г.).

2. Заместитель по политической части — лейтенант Чистяков А.М.

3. Техник роты: _.

4. Старшина роты — прапорщик Агарков Валерий Михайлович.

5. Командиры взводов:

— старший лейтенант Иванов Александр Владимирович (с октября 1981 г. по декабрь1982 г.).

— лейтенант Скирта Игорь Константинович (с декабря 1982 г.).

— старший лейтенант Калмыков Олег Петрович.

— лейтенант Анцифиров Александр Александрович.

Рота специального оружия специального назначения.

(на БТР-70, РПО «Рысь» — 27 шт.)

1. Командир роты:

— старший лейтенант старший лейтенант Александр Волчецкий (с октября 1981 г. по январь 1982 г.).

— старший лейтенант Рукавишников Сергей Николаевич (с февраля 1982 г.).

2. Заместитель по политической части — старший лейтенант Черевань (поменял две или даже три роты, нигде не уживался).

3. Техник роты: _.

4. Старшина роты — прапорщик Котляров А.И.

5. Командиры взводов:

а) инженерный взвод — старший лейтенант Ломакин_.

б) огнемётный взвод:

— лейтенант Слепцов Андрей Александрович (погиб 20.11.1981 г.).

— старший лейтенант Доманин Владимир Владимирович (умер в Кабульском госпитале от тифа в 1983 г.).

Рота материального обеспечения.

1. Командир роты — капитан Сергей Свиридов.

2. Заместитель по политической части — старший лейтенант Булгаков И.В.

Ремонтный взвод.

1. Командир взвода — прапорщик Возняк И.В.

Группа ЗСУ.

(ЗСУ-23-4 «Шилка» — 4 шт.)

1. Командир группы — старший лейтенант Фадеев Станислав Филимонович.

2. Начальник ОРНР — старший лейтенант Миняк Николай Петрович.

3. _ — прапорщик Евгений Марченко_

Группа связи.

1. Командир группы — старший лейтенант Домрачёв В.В.

2. Заместитель командира группы — прапорщик Корсаков С.Н.

Медицинский пункт отряда.

1. Начальник пункта:

— старший лейтенант Дубровко А.П. (с октября 1981 г. по август 1983 г.).

— лейтенант Крышталь Игорь Николаевич (погиб 06.09.1983 г.).

2. **Старший врач хирург** — старший лейтенант Бегишев Эльгизер Фёдорович (погиб 06.09.1983 г.).

3. **Врач-анестезиолог** — лейтенант Нитович Александр Викторович.

Служили в отряде прапорщики:

— Засорин Евгений.
— Ломакин

Оперуполномоченные особого отдела (были прикомандированы к отряду):

— майор Николаев Валерий Александрович.
— капитан Нохратский Василий Петрович.

Приданные подразделения.

Артиллерийская батарея 122 МСП, 201 МСД.

(Д-30 — 6 шт., тягачи — МТЛБ).

1. Командир батареи — капитан Тютюник_

2. Старший офицер батареи_

3. Командиры огневых взводов:

Танковый взвод 122 МСП, 201 МСД.

(Т-62 — 4 шт.)

1. Командир взвода:

— старший лейтенант Суворов_(1981 г. — 1982 г.).
— старший лейтенант_(1982 г. — 1983 г.)

МАФС

1. Машина с оборудованием и 4 человека (сержант и три солдата).

Отделение хлебзавода.

1. Машины с оборудованием и отделение солдат.

С П И С О К

ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ ПП 35651 ПРЕДСТАВЛЕННЫХ К ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ НАГРАДАМ И НАГРАЖДЕННЫХ

(Сведения на январь 1983 г.)

орден "КРАСНОЕ ЗНАМЯ"

I. майор СТОДЕРЕВСКИЙ И.Ю. -

орден "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

I.	майор	СТОДЕРЕВСКИЙ И.Ю.	-	
2.	лейтенант	МИХАЛЁВ	-	посмертно
3.	ст.л-нт	ПОСОХОВ В.Н.	-	
4.	лейтенант	СЛЕПЦОВ	-	посмертно
5.	лейтенант	ДУДКО С.Г.	-	
6.	ст.лейтенант	ОСАДЧИЙ В.Я.	-	
7.	ст.л-нт	СКИРТА И.К.	-	
8.	лейтенант	СТОДЕРЕВСКИЙ Ю.Ю.	-	
9.	майор	НИКОЛАЕВ В.А.	-	
I0.	капитан	ВАСИЛЕГИН Е.Г	-	
II.	ст.л-нт	ЯКИМЕНКО	-	
I2.	ст.л-нт	СТАТКЕВИЧ	-	посмертно
I3.	ст.л-нт	ВОЙТЕНКО Н.Н.	-	
I4.	майор	НИЯЗАЛИЕВ В.А.	-	
I5.	капитан	ЕНШОВ С.Н.	-	
I6.	ст.л-нт	МАРКУШЕВ В.А.	-	
I7.	л-нт	ЧИСТЯКОВ А.М.	-	
I8.	л-нт	ПРОКОПЕНКО В.Н.	-	
I9.	л-нт	ЕРМАКОВ А.М.	-	
20.	ст.л-нт	КАЛМЫКОВ О.П.	-	
2I.	ст.л-нт	САМОЙЛОВ А.П.	-	
22.	ст.л-нт	СТАСЮК А.А.	-	
23.	л-нт	ВОЛКОВ И.И.	-	
24.	ст.л-нт	ДОМРАЧЁВ В.В.	-	
25.	ст.л-нт	АНЦИФЕРОВ А.А.	-	
26.	капитан	АХМЕТОВ Р.М.	-	

27.	ст.л-нт	БУЛГАКОВ И.В.	-	
28.	к-н	МОСКАЛЕНКО В.И.	-	
29.	ст.пр-к	ВОЗНЯК И.В.	-	
30.	ст.пр-к	ЦАРАПКИН В.В.	-	
31.	пр-к	КАНСАКОВ С.Н.	-	
32.	пр-к	КОРОБЕЙНИКОВ А.А.	-	
33.	пр-к	ФОМИН Ю.Н.	-	
34.	с-нт	САТТАРОВ	-	
35.	с-нт	ШИВАРЕВ	-	
36.	с-нт	ГУРБАТОВ	-	
37.	мл.с-нт	КАЛИНИН	-	посмертно
38.	мл.с-нт	МЕЛЬНИЧУК	-	
39.	мл.с-нт	РАХМАТУЛЛИН	-	
40.	с-нт	СЕМЁНОВ	-	
41.	мл.с-нт	ЗАЗОВ	-	
42.	мл.с-нт св.ср.службы	ХОДЖАЕВ Ю.Н.	-	
43.	мл.с-нт	ЩЁГОЛЕВ	-	
44.	мл.с-нт	ХАЙРУЛЛИН	-	посмертно
45.	с-нт	ГЕРАСИМОВ	-	посмертно
46.	мл.с-нт	МАУРИН	-	посмертно
47.	мл.с-нт	ШАБОКАЕВ	-	посмертно
48.	с-нт	ШКВОРНЕВ	-	посмертно
49.	мл.с-нт	АКБАРОВ	-	
50.	ряд.	БОБИЕВ	-	
51.	ряд.	ЗАИКА	-	
52.	ряд.	МАЛИБАЕВ	-	
53.	ряд.	ЭШАНОВ	-	
54.	ряд.	ЧЕГОДАЕВ	-	посмертно
55.	ряд.	МАХКАМОВ	-	
56.	ряд.	ШИРШОРИН	-	
57.	ряд.	ЮЛДАШЕВ	-	посмертно
58.	ряд.	ШАЛМАНОВ	-	посмертно
59.	ряд.	ШИРОКИХ	-	посмертно
60.	ефр.	ШКОЛИН	-	посмертно
61.	ряд.	АЛИМБЕРДИЕВ	-	посмертно
62.	ефр.	АНЦИФЕРОВ	-	посмертно

63. ряд. ВАШЕБРОВИЧ – посмертно
64. с-нт ГИМРАНОВ – посмертно
65. ряд. КАПУСТИН – посмертно
66. мл.с-нт ЮГОВ –
67. ряд. КАЗАКОВ –
68. л-нт КОЛМЫКОВ – посмертно

Орден "ЗА СЛУЖБУ РОДИНЕ В ВС СССР" - III степени

I. м-р ВОРОНОВ В.Н. –
2. к-н ШУМАН В.В. –
3.ст.л-нт БОЛЬШАКОВ Е.В. –
4.ст.л-нт БЕГИШЕВ Э.Ф. –
5.ст.л-нт ДУБРОВКО А.П. –
6.ст.л-нт ВОЛЧЕЦКИЙ –

Медаль "ЗА ОТВАГУ"

I.ст.л-нт ИВАНОВ А.В. –
2.пр-к ФОМИН Ю.Н. –
3.пр-к ВОРОБЬЕВ В.Г. –
4.л-нт КАРАЕВ С.Р. –
5.с-нт ЧЕРНУХА –
6.с-нт ЛИСТОПАД –
7.мл.с-нт ЧИСТЯКОВ –
8.с-нт МИШУН –
9.с-нт ХАЛИЕВ –
I0.с-нт СЕМЁНОВ –
II.ряд. СТЕПАНОВ –
I2.ряд. НУРОБ –
I3.ряд. МИХОЛДЫКО –
I4.ряд. БОБЫЛЕВ –
I5.ряд. ХОРОШИЛОВ –
I6.ряд. ГЕРАСИМЕНКО –
I7.ряд. ДУДНИКОВ –
I8.ефр. КРАШЕННИКОВ –
I9.ряд. СТАРЦЕВ –

20.	мл.с-нт	ЕРЫЛЕВ -
21.	ряд.	МАМАДАЛИЕВ -
22.	ряд.	НАЖМУТДИНОВ-
23.	с-нт	РОГОВ -
24.	ряд.	КУЗЕВАНОВ -
25.	мл.с-нт	МАКСИМОВ -
26.	ряд.	БЕЛЯНКИН -
27.	ряд.	БАКУМЕНКО -
28.	ряд.	ВЕЛЫГУШ -
29.	с-нт	ГРЕБЕНКИН -
30.	ряд.	МИХАЛЕВ -
31.	ряд.	НАЗАРОВ -
32.	ряд.	РОГОВ -
33.	ряд.	АКУЛЕНКО -
34.	с-нт.	БОКУШЕВ -
35.	ряд.	ВАНЮШИН -
36.	ряд.	ДАРИНТОВ -
37.	с-нт	ОМАРОВ -
38.	ряд.	БАТЫРХАНОВ -
39.	ряд	БЕГИШЕВ -
40.	ряд.	ЖУРАВЛЕВ -
41.	с-нт	КАЛИНИН -
42.	с-нт	КАРИМОВ -
43.	с-нт	КУРБАНОВ -
44.	ряд.	МИРОМАНОВ -
45.	мл.с-нт	МУХАРДИМОВ -
46.	ряд.	УРУНБЕКОВ -
47.	ряд.	ПАВЛЕНКО -
48.	с-нт	РЕУТ -
49.	ряд.	РЕШЕТОВ -
50.	с-нт	САМОХИН -
51.	ряд.	ТАДЖИБАЕВ -
52.	мл.с-нт	ШАРЫПОВ -
53.	ряд.	САДЫКОВ -
54.	ряд.	КАМБАРОВ -
55.	ряд.	ИЛЬДАРОВ -
56.	ряд.	КОШКИН -
57.	ряд.	РОКАШ -
58.	ряд.	ШАРИПОВ -
59.	ряд.	ХИМАТОВ -
60.	ряд.	БОБЫЛЕВ -
61.	ряд.	ШЕПЕЛЕВ -

медаль " ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ"

I.	мл.с-нт	ЦИРКУНОВ -
2.	ряд.	ГЕРАСИМЕНКО -
3.	ефр.	БАЛТАБАЕВ -
4.	с-нт	БАТЫРОВ -
5.	ряд.	ГАДАЕВ -
6.	ряд.	ДЫРДИН -
7.	ефр.	КАРИМОВ -
8.	ефр.	ПЕСТРЫХ -
9.	ефр.	РАСУЛОВ -
I0.	ряд.	РУСТЕМОВ -
II.	ряд.	ТУРСУНОВ -
I2.	с-нт	ФУРАЖКИН -
I3.	ефр.	ЧАСОВЕННЫЙ -
I4.	с-нт	ЧУБКОВЦОВ -
I5.	ряд.	ШАНАЗАРОВ -
I6.	ряд.	БУГАЙ -
I7.	ряд.	ЛЕОН -
I8.	ряд.	ЛЕОНТЬЕВ -
I9.	ряд.	РАЕВСКИЙ -
20.	ряд.	САДЫКОВ -
2I.	ряд.	БАБИРОВ -
22.	ряд.	ГАРАНОВ -
23.	мл.с-нт	МАМИТОВ -
24.	ряд.	НУРИТДИНОВ -
25.	ряд.	РАСУЛОВ -
26.	ефр.	СКРИПЧЕНКО -
27.	ефр.	СУЛЕЙМАНОВ -
28.	с-нт	МЕТЕЛЬСКИЙ -
29.	ряд.	МИРЗАЕВ -
30.	с-нт	РУЗИМАТОВ -
3I.	ефр.	СЕЙТАБЛАЕВ -
32.	ряд.	СОСНОВСКИЙ -
33.	ряд.	ШАПКОВ -
34.	ряд.	БОЙЦОВ -
35.	ряд.	ХОЛОВ -

36.	пр-к	КОТЛЯРОВ А.И.	-
37.	ряд.	КОСТЮКОВ	-
38.	Ряд.	БУРЯЧЕНКО	-
39.	ефр.	ОНИЩЕНКО	-
40.	ряд.	ЧЕКАЛЕУ	-
41.	ряд.	АФОНИН	-
42.	ряд.	КРЮЧКОВ	-
43.	мл.с-нт	ГЛАДКИХ	-
44.	ряд.	КОРЛЫХАНОВ	-
45.	с-нт	ЛОБОВКИН	-
46.	ряд.	МУМИНОВ	-
47.	ряд.	МУСТОФАЕВ	-
48.	с-нт	ПЕТУХОВ	-
49.	с-нт	ЩЕГОЛЕВ	-

С П Р А В К А :

Орден "Красное Знамя" - I
Орден "Красная Звезда" - 68
Орден "За службу Родине в ВС СССР" - III ст. - 6
Медаль " За Отвагу" - 61
Медаль " За боевые заслуги" - 49

ВСЕГО: - 185

1. КОМАНДИР ВЗВОДА ЛЕЙТЕНАНТ СЛЕПЦОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился 23.06.1960 г. в п. Артемовский, Бодайбинского района, Иркутской области.
В ряды ВС призван 5 августа 1977 года Ростовским РВК Ярославской области.

20 ноября 1981 года при сопровождении колонны в районе н.п. ТИМУРАК попал в засаду и погиб.

ЗАХОРОНЕН: д.Дуброво, Ростовский р-н, Ярославской области.
РОДИТЕЛИ: Мать - СЛЕПЦОВА Валентина Михайловна.
Домашний адрес: г.Ростов, Ярославской области
Посмертно награжден орденом 4КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

2. КОМАНДИР ВЗВОДА ЛЕЙТЕНАНТ КАЛМЫКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился 12 ноября 1959 года в г.Уфа.
В ряды ВС призван 1 сентября 1976 г. Советским РВК г.Рязани.
6 июня 1982 года 3 РДР попала в засаду в р-не н.п. Акча, и в бою лейтенант КАЛМЫКОВ С.Н. погиб.

ЗАХОРОНЕН: г.Уфа.
РОДИТЕЛИ: Отец- КАЛМЫКОВ Николай Ильич.
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Уфа, проспект Октября, д.105 кв.2
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

3. ЗАМ.КОМАНДИРА ~~ВЗВОДА~~ МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ ШАПОВАЛОВ ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ

Родился 15 августа 1963 года в г.Керчь Крымской области.
В ряды ВС призван 29 октября 1981 года Керченским ГВК Крымской обл.
Погиб 11 октября 1982 года в бою при ликвидации базы Ашрафа в районе н.п. Роянча.

ЗАХОРОНЕН: г.Керчь
РОДИТЕЛИ: Отец - ШАПОВАЛОВ Николай Степанович.
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Крымская обл. г.Керчь, ул. Самойленко д. ~~11~~ 12 кв. ~~60~~ 25

✓ 4. СТАРШИЙ ПУЛЕМЕТЧИК РЯДОВОЙ БАЛЫБИН ДМИТРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

Родился I4 февраля I963 года в г.Новосибирске
В ряды ВС призван 2 апреля I982 года Ленинским РВК г.Новосибирска
Застрелился на посту боевого охранения I6 ноября I982 года.
ЗАХОРОНЕН: г. Новосибирск
РОДИТЕЛИ: Отец - БАЛЫБИН Валентин Васильевич
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Новосибирск-78 ул. Выставочная, д.3 кв.4

✓ 5. СНАЙПЕР РЯДОВОЙ В А Ф И Н ДАМИР МИННУЛОВИЧ

Родился I3 декабря I963 г. с.Атабаево Лошьевского р-на ТАССР
В ряды ВС призван I апреля I982 г. Лошьевским РВК Тат.АССР
Застрелился 5 июля I982 года, будучи дневальным по роте.
ЗАХОРОНЕН: с.Атобаево
РОДИТЕЛИ: Отец- ВАФИН Миннул Вафинович
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Тат.АССР Лошьевский р-н, с.Атобаево

✓ 6. СНАЙПЕР РЯДОВОЙ КАПУСТИН ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился 3 января I963 г. п.Шестаково Братский р-н Иркутской обл.
В ряды ВС призван 6 апреля I982 г. Железнодорожным РВК г.Улан-Удэ.
28 августа I982 г. во время блокирования н.п. Ак-Мазар 2 МСР
столкнулась с бандой мятежников и во время боя рядовой
КАПУСТИН В.В. был тяжело ранен в живот и скончался.
ЗАХОРОНЕН: п.Нахаловка, г.Улан-Удэ.
РОДИТЕЛИ: Мать - КАПУСТИНА Людмила Степановна
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Бурятская АССР, г.Улан-Удэ, 502-й км,
пос. Нахаловка -3I.
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

✓ 7. КОМАНДИР ОТДЕЛЕНИЯ РЯДОВОЙ МОРДОВИН ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился 29 октября I962 года в г.Новосибирске
В ряды ВС призван 2 апреля I982 г. Дзержинским РВК г.Новосибирска
Скоропостижно скончался 29 июня I982 г. сердечная недостат.
ЗАХОРОНЕН: г. Новосибирск
РОДИТЕЛИ: Мать - МОРДОВИНА Антонина Ильинична
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Новосибирск-I24,Гусинобродское шоссе,д.I3 кв.39

8. НАВОДЧИК/ОПЕРАТОР БМД ЕФРЕЙТОР ШКОЛИН ВИКТОР ИВАНОВИЧ

Родился 28 июня I96I года г.Шилка Читинской обл.
В ряды ВС призван 5 мая I98I г. Центральным РВК г.Читы.
28 мая I982 года был застрелен ряд. Эркабаевым в результате неосторожного обращения с оружием.
ЗАХОРОНЕН: г.Чита
РОДИТЕЛИ: Отец - ШКОЛИН Иван Васильевич
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Чита ул. Журавлева д.3 кв.3I8
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

9. НАВОДЧИК-ОПЕРАТОР БМП РЯДОВОЙ ПАВЛЕНКОВ Сергей Владимирович

Родился 8 ноября I962 г. в п.Красногорске Челябинской обл.
В ряды ВС призван 22 октября I98I г. Еманжалинским РВК Челябинской области
Застрелился 20 мая I982 года в результате неосторожного обращения с пистолетом.
ЗАХОРОНЕН: п.Красногорск Челябинской области
РОДИТЕЛИ: Отец- ПАВЛЕНКОВ Владимир Павлович
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Челябинская обл. п.Красногорск
ул. Пионерская, д.I0

(I0.) ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ С Т А Т К Е В И Ч ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился I8 апреля I958 года в с.Филипповичи Житомирской обл.
В ряды ВС призван I августа I975 года Коростенским РВК Житомирской области.
Выполняя боевое задание по блокированию н.п. Тагайи-Ходжа-Суфла был тяжело ранен и скончался 4 апреля I982 года
ЗАХОРОНЕН: с.Старосельцы Житомирской области
РОДИТЕЛИ: Мать - СТАТКЕВИЧ Нина Кирилловна
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Житомирская обл. Коростенский район
с.Старосельцы.
СЕМЬЯ: Жена - СТАТКЕВИЧ Алла Гарьевна
Сын - СТАТКЕВИЧ Максим Владимирович
ДОМАШНИЙ АДРЕС: 262000 г. Житомир, ул. Московская д.3I кв.38
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

II. СТАРШИЙ СТРЕЛОК -НАВОДЧИК ГРАНАТОМЕТА РЯДОВОЙ
ШАДМАНОВ ГИЯС ИРГАШЕВИЧ

Родился 27 марта 1962 г. в г. Ташкенте
В ряды ВС призван 28 апреля 1980 г. Сабир-Рахимовским РВК г.Ташкента.
18 февраля 1982 г. при доставке ГСМ и продовольствия коллонна (1 БМП, 1 БТР и 1 бензовоз) попала в засаду, в районе населенного пункта Балх, рядовой ШАДМАНОВ Г.И. был ранен и скончался в Ташкентском госпитале 24 февраля 1982 г.
ЗАХОРОНЕН: г.Ташкент
РОДИТЕЛИ: Отец - ШАДМАНОВ Иргаш
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Уз.ССР, г. Ташкент, ул. Фаробий, д.115
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА "

12. ПУЛЕМЕТЧИК РЯДОВОЙ ШИРОКИХ ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ

Родился 1 января 1962 года в сУКУРЕЙ Чернышевского р-на Читинской области.
В ряды ВС призван 23 апреля 1980 года Чернышевским РВК Читинской области.
21 февраля 1982 года во время боя в районе н.п. ШИХРАЗИ был тяжело ранен и скончался 12 апреля в госпитале.
ЗАХОРОНЕН: п.Чернышевск, Чернышевского р-на, Читинской обл.
РОДИТЕЛИ: Отец- ШИРОКИХ Валентин Сергеевич
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Читинская обл., п.Чернышевск, ул.Комсомольская д.33 кв. 45
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

13. МЕХАНИК-ВОДИТЕЛЬ БМП РЯДОВОЙ ЮЛДАШЕВ АХАТКУЛ РАХМАНОВИЧ

Родился 10 июля 1962 г. в с/с Бачизоганский Самаркандский р-н Самаркандской области.
В ряды ВС призван 30 октября 1980 года Самаркандским РВК Самаркандской области.
15 января во время боя в н.п. Дарзаб ряд. ЮЛДАШЕВ был тяжело ранен и скончался 24 января 1982 года.
ЗАХОРОНЕН: с-з Ленинизм Самаркандский р-н,Самаркандской обл.
РОДИТЕЛИ: Отец- ЮЛДАШЕВ Рахмонкул
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Самаркандская обл.,Самаркандский р-н,с-зЛенинизм отд.13, бр.№13
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

V I4. КОМАНДИР ОТДЕЛЕНИЯ МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ ХАЙРУЛЛИН ФАРИТ НАГИМОВИЧ

Родился I2 февраля I962 г. в д.Седяш БАССР, Караидельского р-на,
В ряды ВС призван 8 октября I980 г. Октябрьским РВК г.Уфы.
Погиб 29 января I982г. в н.п. Султан-Арык
ЗАХОРОНЕН: г.Уфа, БАССР
РОДИТЕЛИ: Отец- ХАЙРУЛЛИН Хоматногим Хайруллович
ДОМАШНИЙ АДРЕС: БАССР, г.Уфа, ул. Адмирала Макарова,I4-4I
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

Бобаев

? I5. МЕХАНИК-ВОДИТЕЛЬ БМД ЕФРЕЙТОР БАБАЕВ НОРБОБ МОНОНОВИЧ

год б
кажет
неверно
1973

Родился I0 июля I962 г. в с.Ташабад Регорского р-на,Таджикской ССР
В ряды ВС призван I ноября I980 г. Турсунзадевским ГВК
Таджикской ССР
I6 января I982 г. погиб в результате подрыва на мине в боевом охранении.
ЗАХОРОНЕН: г.Турсунзаде, Таджикская ССР,
РОДИТЕЛИ: Отец- БАБАЕВ Мамон
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Таджикская ССР,г.Турсунзаде, колхоз Калинина, ул. Янгитурлидин, бр.7

V I6. СТАРШИЙ МАСТЕР ОРНРиР РЯДОВОЙ ГАВРИЛОВ СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

Родился 22 февраля I962 г. в с.М.Анатуй Читинской обл.
Призван в ряды ВС 23 апреля I980 г. Краснокаменским ГВК Читинской области.
Умер от раны, полученной в результате случайного выстрела при чистке оружия I0 января I982 года.
ЗАХОРОНЕН: на ст. Тупотогары Читинской области,Могочинского р-на
РОДИТЕЛИ: Отец - ГАВРИЛОВ Геннадий Михайлович
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Читинская обл., Могочинский р-н,ст.Тупотогары
[illegible]

V I7. КОМАНДИР ОТДЕЛЕНИЯ МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ ЩЕГОЛЕВ ЛЕОНИД ЮРЬЕВИЧ

Родился I декабря I960 г. в с.Нерчинский з-д, Читинской области
Погиб I4 декабря I98I года при [illegible] уничтожении мятежников в н.п. Дар-Кудук.
ЗАХОРОНЕН: г.Краснокаменск
РОДИТЕЛИ: Отец-ЩЕГОЛЕВ Юрий Данилович,
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Читинская обл.,г.Краснокаменск,д.II6 кв 49
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

18. ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА ВЗВОДА МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ
РАХМАТУЛИН РАШИЛ ШАВКАТОВИЧ

Родился 12 июля 1961 г. в г.Ташкенте
В ряды ВС призван 21 ноября 1980 г. Куйбышевским РВК г.Ташкента.
Погиб 14 декабря 1981 года при штурме укрепрайона в районе н.п.Джар-Кудук.
ЗАХОРОНЕН: г.Ташкент.
РОДИТЕЛИ: Мать- КУРУМАЕВА Саида
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Ташкент, м-в Высоковольтный, д.81 кв.3
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

19. ОГНЕМЕТЧИК РЯДОВОЙ БАБИЕВ ХАЙРИДИН ТЕШАЕВИЧ

Родился 20 марта 1962 г. с/с Ак-Курган Ленинского р-на Таджикской ССР.
В ряды ВС призван 5 мая 1980г. Ленинским РВК Таджикской ССР.
20 ноября 1981 г. при сопровождении колонны в р-не н.п.Тимурак попал в засаду и погиб
Захоронен: с/с Ак-Курган
РОДИТЕЛИ: Отец- БАБИЕВ Теша
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Таджикская ССР, Ленинский р-н,
с/с Ак-Курган
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

20. ВОДИТЕЛЬ БТР РЯДОВОЙ ЧЕГОДАЕВ ВИКТОР АНАТОЛЬЕВИЧ

Родился 31 октября 1961 г. с.Большая Кондала Старомайский р-н Ульяновской области.
В ряды ВС призван 24 апреля 1980 г. Старомайским РВК Ульяновской области.
20 ноября 1981 г. при сопровождении колонны в р-не н.п.Тимурак попал в засаду и погиб.
ЗАХОРОНЕН: р.п. Старая Майка Ульяновской области.
РОДИТЕЛИ: Отец- ЧЕГОДАЕВ Анатолий
ДОМАШНИЙ Адрес: Ульяновская обл.,р-н Старая Майка
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

21. ОГНЕМЕТЧИК РЯДОВОЙ МИЛИБАЕВ БАХАДЫР ПАТИДИМОВИЧ

Родился 6 ноября 1961 года в г.Фергане.
В ряды ВС призван 26 апреля 1980г. Ферганским ГВК Ферганской обл.
20 ноября 1981 года при сопровождении колонны в районе н.п. Тимурак попал в засаду и погиб.
ЗАХОРОНЕН: г.Фергана.
РОДИТЕЛИ: Отец- МИЛИБАЕВ Патидин
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Фергана, ул. А.Кадири, д.8 кв. 17
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

22. ВОДИТЕЛЬ РЯДОВОЙ ЭШОНОВ ШАВКАТ АБДУРАИМОВИЧ

Родился 22 апреля 1962 года с/с Тош-Тепа, Московский р-н Андижанской области.
В ряды ВС призван 29 октября 1980г. Московским РВК Андижанской обл.
20 ноября 1981 г. при сопровождении колонны в р-не н.п. Тимурак попал в засаду и погиб.
ЗАХОРОНЕН: с/з Фрунзе, с/с Тош-Тепа.
РОДИТЕЛИ: Отец- ЭШОНОВ Абдурайим
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Московский р-н с/с Тош-Тепа, с-з Фрунзе
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

23. СТАРШИЙ ОГНЕМЕТЧИК СЕРЖАНТ ШИВАРЕВ АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ

Родился 18 августа 1961 г. в г.Бодайбо Иркутской обл.
В ряды ВС призван 6 мая 1980г. Ильичевским РВК г.Жданов Донецкой области
20 ноября 1981г. при сопровождении колонны в р-не н.п.Тимурак попал в засаду и погиб.
ЗАХОРОНЕН: г.Жданов
РОДИТЕЛИ: Отец- ШИВАРЕВ Федор Павлович
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Жданов,пос.Приморский-I, ул.Почтовая,48
Посмертно награжден орденом"КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

? 24. ПУЛЕМЕТЧИК РЯДОВОЙ ГОРБУНОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился 10 июня 1962г. г.Дивногорск Красноярского края.
В ряды ВС призван 17 ноября 1980г. Кировским РВК г.Новосибирска.
7 ноября 1981 г. выполняя задание по оказанию помощи местным властям в н.п. Менганджик (освобождение из окружения руководителей провинции Джаузджан) пропал без вести.
Исключен из списков части 30 декабря 1981 г. Пр. № 65, § 3
РОДИТЕЛИ: Отец- ГОРБУНОВ Александр Андреевич
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Алтайский край, с.Некрасова, ул.Наймужина д.12 кв. 79

V 25. ПОМОЩНИК НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ЛЕЙТЕНАНТ
М И Х А Л Е В ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Родился 8 июня 1958г. в г.Москва.
В ряды ВС призван в августе 1975г.
6 ноя
с 31.10 на
1.11.81г.
~~29 октября~~ 1981 года был тяжело ранен часовым и скончался 1 ноября 1981 года.
ЗАХОРОНЕН: в г.Минске
РОДИТЕЛИ: Мать- МИХАЛЕВА Валентина Сергеевна
Отец- МИХАЛЕВ Николай Иванович
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Минск, п/о Могулищи, д. 63 кв 48
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

V 26. СТАРШИЙ ПУЛЕМЕТЧИК МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ
КАЛИНИН МИХАИЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ

Родился 2 июня 1962г. г.Чита
В ряды ВС призван 8 ноября 1980г. Черновским РВК Читинской обл.
Погиб 14 декабря 1982 г. при штурме укрепрайона в р-не н.п. Джар-Кудук.
ЗАХОРОНЕН: г. Чита.
РОДИТЕЛИ: Мать- ЧЕРЕДНИЧЕНКО Раиса Александровна
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Чита-22, ул. Энтузиастов д.11 кв. 16
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

27. КОМАНДИР ОТДЕЛЕНИЯ МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ
М А У Р И Н ГЕРМАН АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился I6 декабря I962 г. в г.Сыктывкаре, Коми АССР
В ряды ВС призван I октября I98I г. Сыктывкарским ГВК Коми АССР
6 июня I982 года в районе н.п. АКЧА 3 РДР попала в засаду, мл.с-т МАУРИН Г.А. был тяжело ранен в голову и скончался в госпитале I0 июня I982 года
ЗАХОРОНЕН: г. Сыктывкар
РОДИТЕЛИ: Отец - МАУРИН Алексей Васильевич
Мать - МАУРИНА
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Сыктывкар, ул. Серова, д. 63 кв.I
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА" Указ ПВС СССР № 7974-X от 22 сентября I982 г.

28. МЕХАНИК-ВОДИТЕЛЬ Б М Д РЯДОВОЙ
А Л И М Б Е Р Д И Е В КАБУЛ КАРИМОВИЧ

Родился 4 октября I962 г. в г.Ташкенте.
В ряды ВС призван I апреля I98I г. Акмал-Икраимовским РВК, г.Ташкента.
6.I982г. в районе н.п. Акча 3 РДР попала в засаду и в бою рядовой АЛИМБЕРДИЕВ К.К. погиб.
ЗАХОРОНЕН: г. Ташкенте
РОДИТЕЛИ: Отец- Алибердиев Карим
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Ташкент, микрорайон Октябрь, ул.Самараси,4пр.
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

29. КОМАНДИР ОТДЕЛЕНИЯ СЕРЖАНТ
Г И М Р А Н О В АНВАР НАИЛОВИЧ

Родился I4 сентября I96I г. в г.Ташкенте
В ряды ВС призван I5 апреля I980г. Куйбышевским РВК г.Ташкента
6 июня I982 года в р-не н.п. Акча 3 РДР попала в засаду и в бою сержант ГИМРАНОВ А.Н. погиб.
ЗАХОРОНЕН: г. Ташкент
РОДИТЕЛИ: Мать- ДУСАЕВА Фарида Ибрагимовна
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Ташкент м-в Черданцева д.22 кв 4
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

30. НАВОДЧИК-ОПЕРАТОР БМД ЕФРЕЙТОР
АНЦИФЕРОВ ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ

Родился 9 декабря I962 г. п.Приаргунск Читинской обл.
В ряды ВС призван 5 мая I98Iг. Центральным РВК Читинской обл.
6 июня I982г. в р-не н.п. Акча 3 РДР попала в засаду и в бою
рядовой АНЦИФЕРОВ И.М. погиб.
ЗАХОРОНЕН: п.Приаргунск Читинской обл.
РОДИТЕЛИ: Отец- АНЦИФЕРОВ Михаил Григорьевич
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Читинская обл., п. Приаргунск
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

31. СТАРШИЙ ПУЛЕМЕТЧИК РЯДОВОЙ ВАЩЕБРОВИЧ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Родился 23 ноября I96I г. в д. Шишицы Слуцкого р-на Минской обл.
В ряды ВС призван 23 апреля I980 г. Слуцким ОГВК Минской обл.
6 июня I982 г. в р-не н.п. Акча 3 РДР попала в засаду и в бою
рядовой ВАЩЕБРОВИЧ А.И. погиб.
ЗАХОРОНЕН: д. Шишицы
РОДИТЕЛИ: Отец- Ващебрович Иван Николаевич
ДОМАШНИЙ АДРЕС: Минская обл. Слуцкий р-н, д.Шишицы
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

32. КОМАНДИР ОТДЕЛЕНИЯ МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ
Ш А Б А К А Е В МАРС ОКТЯБРИСОВИЧ

Родился 2 сентября I96Iг. в г. Новосибирске
В ряды ВС призван II апреля I980г. Октябрьским РВК г.Новосибирска
6 июня I982г. в р-не н.п. Акча 3 РДР попала в засаду и в бою
мл.с-т ШАБАКАЕВ М.О. погиб
ЗАХОРОНЕН: г.Сыктывкар
РОДИТЕЛИ: Мать - САЛОС Галина Ахиаровна
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Сыктывкар-I8, ул.Комарова, д.36 кв.60
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

33. ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА ВЗВОДА СЕРЖАНТ
ШВОРНЕВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился 5 февраля 1961 года в г.Новосибирске
В ряды ВС призван 11 апреля 1980г. Октябрьским РВК г.Новосибирска
6 июня 1982г. в районе н.п. Акча 3 РДР попала в засаду и в бою
мл.с-т ШВОРНЕВ М.А. погиб.
ЗАХОРОНЕН: г.Новосибирск
РОДИТЕЛИ: Отец- ШВОРНЕВ Александр Анатольевич
ДОМАШНИЙ АДРЕС: г.Новосибирск, ул. Никитина д.138 кв. 3
Посмертно награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

34. Ст.л-нт Доманин Владимир Владимирович
умер в Кабульском госпитале
от тифа в 1983. (причина смерти
полный т.м. и заразный гепатит)

35. Ст.л-нт Бегишев Эльгизер Фёдорович -
врач-хирург
погиб при совершении подвига в горах
в 1983году.

Дополнительный список погибших: **погиб**

1. сержант Герасимов Александр Юрьевич..... .03.11.1982 г.
2. рядовой Сорокин Игорь Васильевич..... 03.05.1983 г.
3. рядовой Мельник Виктор Владимирович.....29.07.1983 г.
4. рядовой Скворцов Юрий Сергеевич.....06.08.1983 г.
5. рядовой Коркин Виктор Алексеевич.....28.08.1983 г.
6. рядовой Подзерей Борис Владимирович.....28.08.1983 г.
7. младший сержант Кислицин Сергей Геннадьевич.....05.09.1983 г.
8. ефрейтор Трофимов Иван Михайлович..... 06.09.1983 г.
9. старший лейтенант Бегишев Эльгизер Фёдорович..... 06.09.1983 г.
10. лейтенант Крышталь Игорь Николаевич.....06.09.1983 г.
11. ефрейтор Терехов Сергей Владимирович..... 19.09.1983 г.
12. старший лейтенант Доманин Владимир Владимирович....23.09.1983 г. (скончался от тифа).
13. рядовой Высотин Игорь Александрович..... 02.10.1983 г. (скончался от тяжёлой болезни).

Погибшие 154 ООСПН

ПРИ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЯХ

I.	л-нт	МИХАЛЕВ	В.Н.
2.	ефр.	БАБАЕВ	Н.И.
3.	ряд.	ПАВЛЕНКОВ	С.В.
4.	ефр.	ШКОЛИН	Б.И.
5.	ряд.	ГАВРИЛОВ	С.Г.
6.	ряд.	БАДЫБИН	А.В.
7.	ряд.	ВАФИН	Д.М.

ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ БОЕВОГО ЗАДАНИЯ

I.	л-нт	СЛЕПЦОВ	А.А.
2.	ряд.	ЧЕГОДАЕВ	В.А.
3.	ряд.	ЭШАНОВ	Ш.А.
4.	ряд.	БАБИЕВ	Х.Т.
5.	с-нт	ШИВАРЕВ	Н.Ф.
6.	ряд.	МИЛИБАЕВ	В.П.
7.	мл.с-нт	РАХМАТУЛИН	Р.Ш.
8.	мл.с-нт	КАЛИНИН	М.В.
9.	мл.с-нт	ЩЕГОЛЕВ	Л.Ю.
I0.	мл.с-нт	ХАЙРУЛИН	Ф.Н.
II.	ряд.	ШАДМАНОВ	С.И.
I2.	ст.л-нт	СТАТКЕВИЧ	
I3.	с-нт	ГИМРАНОВ	Н.Н.
I4.	ряд.	ВАЩЕВРОВИЧ	А.И.
I5.	мл.с-нт	ШВОРНЕВ	М.А.
I6.	мл.с-нт	ШАБАКАЕВ	М.О.
I7.	ефр.	АНЦИФЕРОВ	
I8.	ряд.	АЛИБЕРДИЕВ	К.К.
I9.	л-нт	КАЛМЫКОВ	С.Н.
20.	ряд.	КАПУСТИН	Б.В.
2I.	мл.с-нт	ШАТОВАЛОВ	И.Н.

ПОСЛЕ РАНЕНИЯ

I.	ряд.	ШИРОКИХ	В.Б.
2.	мл.с-нт	МАУРИН	Г.А.
3.	ряд.	ЮЛДАШЕВ	А.Р.

ПО БОЛЕЗНИ

I.	ряд.	МОРДОВИН	Ю.В.

БЕЗ ВЕСТИ

I.	ряд.	ГОРБУНОВ	Е.А.

п.и.
6/2 35651

ТАБЛИЦА ПОЗЫВНЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

№№	Должностное лицо	Позывной
I.	Командир части	Чимган - II
2.	Зам.командира части	Жигули - 40
3.	Зам.по полит.части	Клуб - 20
4.	Начальник штаба	Вулкан - 8I
5.	Зам.по снабжению	Кухня - 40
6.	Зам.по тех.службе	Аист - I5
7.	Зам.нач.штаба - НР	Компас - I4
8.	Пом.нач.штаба	Планшет- I9
9.	Нач.прод.вещ.службы	Панама - 60
I0.	Нач.арт.вооружения	Ствол - 30
II.	Нач. финансовой службы	Банк - 82
I2.	Нач.инженерной службы	Инженер-2I
I3.	Дежурный по части	I
I4.	Пом.дежурного по части	2
I5.	Нач.медпункта	Айболит-4I
I6.	Дежурный по связи	3

Содержание	Сигнал
Докладываю результаты боя - Докладываю	29
I - Уничтожил мятежников_____чел.	
2 - Захвачено в плен_____чел.	
3.- Захвачено СО_____шт.	
"Дятлы"_____шт.	
"Лягушки"_____шт.	
4 - Д Ш К _____шт.	
5.- Склад боеприпасов_____шт.	
6.- Прод.складов_____шт.	
7.- Документов ИК_____	
Наши потери: - Докладываю	205
Раненые_____	I50
Убитые _____	300

Содержание	:	Сигнал
Решил :		251
I - Организовать засаду		260
2 - Организовать налёт		270
3 - Блокировать и уничтожить выявленные группы мятежников		280
Прошу подать :		300
I - Боеприпасы к СО		
А/ 5,45 - мм патроны		
Б/ 7,62 - автоматные патроны		
В/ 7,62 - винтовочные патроны		
2 - Выстрелы к БМП		
3.- I4,5 мм патроны к КПВТ		
4 - ВОГ - I7 для АГС		
5 - 82 мм мины		
6 - Выстрелы к РПО		
7 - Выстрелы к танковой пушке		
8 - Выстрелы к гаубице		
9 - 23 мм снаряды к ЗСУ		
I0 - Ручные гранаты		
II - ВВ		
I2 - Сухие пайки		
I3 - Воду		
I4 - Аккумуляторные батареи		

НАСЕЛЁННЫЕ ПУНКТЫ

Населённый пункт	Сигнал
Андхой	400
Шибарган	500
Сари-Пуль	505
Сангчарак	510
Джалалабад	515
Чакчи	520
Алик-Робад	525
Акча	550
Балх	670
Мазари-Шариф	700
Поворот на Хайратон	750
Ташкурган (полк)	795
Ташкурган	800
Айбак	900
Пули-Хумри	950
Тимурак	630

Глава 6. КАВКАЗ

Какой тоской душа не сражена,
Быть твёрдой заставляют времена.

Шекспир.

6.1. 12-я БРИГАДА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ. г. Лагодехи.

Прибыв в Чирчик, я явился в бригаду узнать дальнейшею свою судьбу, предписание мне было выдано именно сюда. Но там никто, не чего, не знал, сказали ждать. Проболтавшись до конца ноября, поехал с женой в Управление кадров Туркестанского военного округа, и там оказалось, что я ещё в октябре назначен командиром отряда в 12 БРСПН Закавказского военного округа.

С женой после Афгана, ноябрь 1983 года. Фонтаны на центральной площади Ташкента.

Бригада располагалась в г. Лагодехи, в не большом районном центре на северо-востоке Грузии, у подножья Большого Кавказского хребта.

Прибыл я туда 30 ноября. Бригада, по сравнению с Туркестанской, была игрушечная. Только один развёрнутый отряд спецназ, остальные кадрированные. Правда, был ещё один отряд, точно такой же структуры как мой афганский, на следующий год, в феврале, его ввели в Афганистан.

Представляясь командиру бригады полковнику Фисюк, я узнал о том, что меня здесь ждут с 10 ноября. Управление кадров меня потеряло, если бы не явился сам, неизвестно, сколько бы ещё просидел в Чирчике.

Комбриг приказал принимать кадрированный отряд, мотивируя тем, что я в Афгане устал и мне надо отдохнуть. Да к тому же на развёрнутом отряде был командир, майор Портнягин Владимир Павлович, в последствии он командовал моим афганским отрядом в Джелалабаде и ушёл из Афгана по ранению. Но это было явно не моё амплуа, я должен был командовать людьми, а не бумагами.

Через неделю я пришёл к комбригу с просьбой, отдать мне этот отряд, и он пошёл мне на встречу.

В Лагодехи были проблемы с боевой подготовкой. Если в Туркестане мы на учения ходили куда хотели, то здесь строго на строго запрещалось организовывать учения в горах. Сразу начинались жалобы в местные органы власти от лесников. То ни там организовали днёвку, то костёр в неположенном месте развели. Для меня это было дико, мне кажется, все претензии были надуманы. Бригада, расположенная у подножья Большого Кавказского хребта, боевой подготовкой занималась вдоль реки Алазань. Далеко от реки уходить было нельзя, начинались виноградники. Алазанская долина густо населена. У меня был курьёзный случай.

Проводил я ученья отделений, еду по лесной дороге и вдруг, в метрах пятидесяти впереди машины, дорогу стало перебегать не большое стадо диких кабанов. Я за автомат, и выскочив из машины, был готов уже открыть огонь. В горах и пустынях Туркестана мы, таким образом, пополняли солдатский рацион, а заодно учили их готовить пищу из всего, что движется, а тут кабаны.

Меня остановил истошный крик водителя, оказывается, я чуть не настрелял домашних свиней из соседнего посёлка. Но вид у них был совсем не домашний. Не больших размеров, поджарые, с длинными узкими мордами, покрытые плотной длиной шерстью. Ну, совершенно дикие на вид.

Как мне потом рассказывали, грузины отпускали свиней в лес пастись, и они скрещивались с лесными обитателями. Сала у таких свиней было маловато, а вот мясо на шашлык было хорошее.

Народ был очень приветлив. Военных уважали, и стоило большого труда, после службы, дойти до дома трезвым. Грузины выносили на улицу не высокие столики, на которых было домашнее вино и обильная закуска, покушать они любили. Играя в нарды, они коротали время, и так почти каждый день. Идёшь домой, к тебе подходит один из мужчин и приглашает за столик в гости. Отказ воспринимается как обида. Раза три прейдя, домой на веселее я понял, что что-то надо делать, такой ритм жизни офицеру ни как не подходит. Какая физзарядка на утро, сердце посадить можно. Так что приходилось обижать, но городок маленький, все друг друга знают, и меня перестали цыплять.

Был и курьёзный случай. Прихожу домой поздно вечером, жена говорит, что в доме нет хлеба. Мы в магазин не ходили, брали лаваш прямо из пекарни, всегда горячий, благо она находилась рядом с нашим домом. Захожу, все пекари сидят за

столом и пьют чачу. Поздоровался, говорю, что пришёл купить лаваш, а меня за стол сажают. Я, конечно, отказался, а мне говорят, что пока не выпью три стакана хлеба не дадут. Что делать, пришлось пить чачу. Когда собрался уходить, мне выдали мой лаваш, но деньги за него брать, категорически отказались.

В Лагодехи я впервые столкнулся с мздоимством. Родители солдат, местных национальностей, приезжая проведать сыновей, постоянно пытались всучить какую-нибудь объёмистую сумку. По рассказам офицеров я знал, что в этом регионе это считается нормальным.

«Честным снится, что они бесчестны. Проснувшись — стыдятся. Бесчестным снится, что они честны. Проснувшись — не удивляются».
Фазиль Искандер.

В сумки ложили спиртное и всякие местные деликатесы. Мало того, что они пытались сделать это на службе, вызывая якобы для беседы по поводу службы сына. Но некоторые, самые настойчивые, с этими сумками пытались ещё, и явиться в гости домой. И получая от ворот, поворот искренне обижались. А затем я отучил вообще подходить ко мне с такими вопросами.

Когда меня не было дома, жена, проинструктированная мной, так же отправляла этих визитёров восвояси. Но как-то, в самом начале весны, у нас в гостях была моя мама. Мы с женой были на работе, а она хозяйничала по дому. Вдруг, мне на работу звонок. И мама извиняющимся тоном сказала, что наверно что-то сделала неправильно. Пришёл какой-то мужчина, оставил у порога два больших пакета и сказал, что я в курсе. Когда она увидела, что в пакетах сразу мне перезвонила.

Я приказал построить батальон и отправил одного из солдат за пакетами. Коньяк, перед строем был вылет в урну, а продукты отданы солдатам. При этом я сказал, что называть фамилии отца солдата не буду, чтобы не позорить сына, но следующего отпрыска арестую на пять суток. Всё, после этого меня оставили в покое.

Служба в Закавказском округе мне показала, что, к сожалению, далеко не все офицеры в таких ситуациях оставались офицерами. И приходилось с этим бороться. В Туркестане такого не было.

Новое место службы мне совершенно не нравилось. Служба — дом, дом — служба. Чирчик по сравнению с Лагодехи был столицей. Ни каких спортивных баз и клубов здесь не было. В городе был один единственный кинотеатр, в котором постоянно

возникали конфликтные ситуации, из-за того, что местное население считало за норму курение во время сеанса.

В тот период замены из Афганистана были, как правило, в престижные округа, даже те, которые оттуда приехали, туда же и возвращались. Ну, а я всю свою службу в Туркестане. Сел и написал письмо начальнику ГРУ с просьбой о переводе. Мне пришел ответ, что в Лагодехи меня назначили в интересах службы, видимо из-за того, что горы знаю. И что, так как я учусь заочно в академии, мне дали должность с маленьким объёмом работы. Видимо, имели введу кадрированный отряд, которым я командовал аж целую неделю.

Не помню точно, кажется в январе месяце, в бригаде стали готовить к вводу в Афган отряд, имевший боевую технику. Как я уже говорил, такого же состава как мой афганский батальон. Меня вызвали и поставили задачу о проведении занятий с офицерами.

Занятия проводил, в основном, по организации связи, особенно на марше. Помнил ввод своего отряда.

Ну а главное, я должен был участвовать в воде этого отряда в Афганистан. Мне и загранпаспорт заказали. После не продолжительной подготовки в бригаду приехала комиссия ГРУ из Москвы. Председателем комиссии был Герой Советского Союза полковник Колесник В.В., в то время он был начальником направления специальной разведки ГРУ. Меня вызвали в кабинет командира бригады. И тут я сорвал себе очередную поездку в Афган.

В кабинете толпилось несколько генералов из штаба Закавказского военного округа и московская комиссия. Я увидел человека, который, служа в центральном аппарате ГРУ, обливал грязью мой отряд, не буду называть его фамилии. Он прослужил в ГРУ с лейтенанта до майора, не выходя за пределы Садового кольца. Люди военные меня поймут, что это канцелярская крыса.

Так вот, после моего прибытия из Афганистана, я в Ташкенте встретил майора Квачкова, он ехал в Афган менять одного из командиров отрядов. Разговорились, и он мне рассказал, что перед убытием был на инструктаже в ГРУ, и этот самый фрукт поносил и меня и мой отряд. Я спросил Квачкова, могу ли я при разбирательстве с этим субъектом ссылаться на него, и получил утвердительный ответ.

Поздоровавшись с Колесником, я подошёл к этому майору, и, взяв его за шиворот, в эмоциональной форме, сказал всё, что думаю о нём. Все присутствовавшие удивлёно смотрели. Колесник на меня наорал, раньше он такого ни когда не делал, видимо я его достал, и приказал выйти из кабинета. А у меня

внутри всё клокотало, так хотелось порвать эту сволочь.

Следом за мной вышел начальник разведки Закавказского округа генерал-майор Шрамко. Мы с ним сделали два круга вокруг плаца. Он подробно расспросил меня о причинах такого поведения, и когда я ему рассказал, по-моему, он меня понял. Хотя сказал, что такое поведение, да ещё в присутствии старших начальников, не допустимо.

Я обратился к нему с просьбой, о переводе меня для дальнейшего прохождения службы в мотострелковые части. Мне было обещано содействие. И я тут же написал рапорт, с просьбой о переводе.

Если раньше мои рапорта рвали, то тут Колесник сразу подписал. Ну и, естественно, он приказал меня из загранкомандировки убрать, а вот это жаль. Я уже настроился на настоящее дело.

Но в пехоту меня не пустили, а оформили представление на командира десантноштурмового батальона. И всё опять заглохло. И только в июле месяце, когда к нам с проверкой прибыл начальник штаба округа, генерал-лейтенант Клеймёнов, дело сдвинулось. Шрамко посоветовал мне подойти к нему и сам меня представил, вкратце изложив ситуацию. Клейменов позвонил через неделю и предложил должность командира батальона охраны и обеспечения штаба округа.

Это отдельная часть, но я сначала категорически отказался, не моё это дело обслуживанием заниматься. Мне было сказано, что в батальоне есть проблемы с дисциплиной, и не только с дисциплиной, моя задача за год навести там порядок. А через год я буду назначен на должность начальника штаба мотострелкового полка. Я сказал, что по складу характера и тяге к боевой подготовке, меня лучше использовать на должности заместителя командира полка, на что и получил добро.

В бригаде своим чередом шла боевая подготовка. Прыжки с парашютом, мы совершали не далеко от Лагодехи, на не большом полевом аэродроме. Здесь взлетали и сюда же прыгали. Это было очень удобно, не надо было терять время на переезды. В Чирчике приходилось, минут сорок добираться с площадки приземления на аэродром взлёта, для совершения второго прыжка. Да и прыгали с вертолётов МИ-6, они быстрей набирали высоту, чем АН-2. А вот для совершения прыжков с АН-12, бригада выходила на полевой выход в соседний район.

Перед началом прыжков устраивали праздник. На аэродром вывозили семьи и проводили показательные прыжки. Мою заместитель по воздушно-десантной подготовке, фамилию, к сожалению, не помню, но имя у него было довольно редкое —

Рим. По национальности он, кажется, был башкиром. Так вот, в полёте, Рим выходил из вертолёта, пристегнувшись фалом. После этого машина снижалась до высоты 100 метров и не сколько раз протаскивала его над зрителями.

Был у меня в отряде и случай чуть не приведший к ЧП. Одна из групп показывала десантирование из вертолёта по верёвке. Вертолёт зависал на высоте 8-10 метров и ребята, с применением карабина, так называемым пожарным способом, быстро спускались на землю. Верёвка была длинная, и метров пять ещё лежало на земле. Приземлившись, солдаты быстро протягивали этот кусок верёвки через карабин и бежали выполнять задачу.

Последний в группе только успел коснуться землю, как вертолетчики, решив, что дело сделано, полетели за пределы аэродрома. Солдат мгновенно с ориентировался и зажал конец верёвки. Мы боялись, что он попытается спрыгнуть. Это было бы самоубийством. Сразу за аэродромом начинались виноградники, и всё вокруг было утыкано не большими бетонными столбиками. Вертолёт летел точно на них. Спасло то, что лётчикам уже сообщили, что у них на фале висит человек, и они успели не много поднять вертолёт. Парень пролетел буквально в 50 см над столбиками.

Сделав круг, солдат так на фале и приземлился. Когда мы к нему подбежали, я ожидал увидеть испуганное лицо. Нет, он был совершенно спокоен и чувствовал себя героем. Да, кроме него, такое не кто не проделывал.

На прыжки к нам приезжали ребята из спецназа Каспийской военной флотилии. Что это такое, я уже знал. На курсах в Подмосковье нам давали основы применения этих подразделений. И технику, стоящую у них на вооружении мы тоже изучали. До сих пор помню свою контрольную работу, по высадке группы на побережье противника из подводной лодки. Да и в нашей учебной группе в академии учился Володя Омшарук из спецназа Тихоокеанского флота. Здоровенный мужик, моего роста, но в два раза шире. Мы ему дали кличку — Корыто, но как человек добродушный, а люди таких размеров всегда добродушны, он не обижался. Кстати, и в Загорянке у нас в группе был морской спецназовец, но с Балтийского флота. Точно таких же размеров как Омшарук, капитан третьего ранга Михайлов. Я противник застольного песнопения, но как этот человек, своим красивым басом, пел старые морские песни, без какого либо музыкального сопровождения, заслушаешься.

Ребята из Каспийской флотилии имели прекрасную парашютно-десантную подготовку. К сожалению, я ни когда не видел их в работе на море.

На 8 марта, мы своим жёнам, праздник организовали несколько оригинально. Утром вывезли их на стрельбище и дали пострелять из стрелкового оружия. А пока они проходили азы огневой подготовки, к стати с большим удовольствием, на речке их мужья жарили шашлык.

Служа уже командиром полка, я этот день организовывал примерно также. Правда, в пехоте добавилось вождение бронетранспортёра, для желающих, а также стрельба из пулемётов.

Кстати моя дочь Оля, в один из таких праздников, по стрельбе из автомата заняла первое место. Выбила 27 очков из 30 возможных, а было ей тогда только 10 лет.

Служа в 12 БРСПН, я принимал участие в нескольких учениях. Запомнились двое учений, в которых я выступал в роли командира группы, не любил сидеть в штабах.

Первые были в районе города Кутаиси. Комплектуя группу, я включил в неё парня родом из этого города. Он хорошо знал местность. К тому же отец у него работал заместителем директора ткацкой фабрики. Свою базу мы организовали на базе отдыха этой фабрики. Благо она была летняя, и сезон ещё не начался. В наше распоряжение был выделен не большой автобус, что резко увеличило нашу мобильность. Так что на этих ученьях, мы жили как белые люди. За сутки выполнили задачу, на которую отводилось трое суток. Работали мы против штаба и частей 31 Армейского корпуса, штаб которого размещался в Кутаиси.

Разведсведения мы получили, а вот передать их в бригаду, ни как не получалось. Шли «гробы». На сленге наших радистов это означало, что сеанс обязательной связи не состоялся.

Сеансы связи были расписаны на сутки. И ты обязан выйти на связь в положенное время. Если он не состоялся значить — «гроб».

Что делать? Не будет связи, задача не выполнена и за ученья двойка. В какую только точку, в окрестностях Кутаиси, мы не выезжали, связь не шла. Надо искать выход. И я его нашёл.

В городе располагалась десантно-штурмовая бригада. Я пришёл к дежурному по бригаде и попросил разрешения выйти на нашу бригаду по военной связи. Мне разрешили, и местный телефонист с удивлением слушал, как я в течение минут десяти диктовал группы цифр. Радиограммы были закодированы.

Единственно чего я боялся, так это встречи с начальником политотдела этой бригады. Им являлся Юра Артемьев. Мы с ним были знакомы ещё по Чирчикской бригаде. Увидев меня, он бы понял, чем я тут занимаюсь. Но всё обошлось. Я зашёл к нему в гости, когда учения уже закончились.

Кто-то скажет, что это нарушение и база и автобус и связь. А я считаю, что для выполнения задачи надо использовать все возможности. Научившись делать это в мирное время, будешь об этом думать и в боевой обстановке.

При выполнении задачи я получил информацию, что в Кутаиси прибывает Командующий войсками округа. Дал радиограмму в бригаду и попросил разрешения сделать засаду на кортеж Командующего. Мне строго настрого запретили.

Как только мы вернулись в бригаду, я сразу получил новую задачу. Предстояло работать против ракетной бригады, которая размещалась в городе Марнеули. Это на границе с Арменией.

Задача была не сложная. Надо было отследить подъём и выход по тревоге подразделений этой бригады. А затем определить район, куда она выйдет, и передать в центр его координаты.

На перекрёстке, не далеко от КПП бригады, а это в центре города, я выставил солдата в чёрном тёхническом комбинезоне с жезлом регулировщика, он его и изображал. С задачей, засечь время подъёма бригады по тревоге и выхода колонны из расположения части. Солдат с задачей справился, подал нам сигнал, и мы сели на хвост колони ракетчиков. В моём распоряжении была машина.

Когда колонна прибыла в район сосредоточения и машины стали разъезжаться по своим капонирам, мы вышли на один из холмов. Я, сняв координаты района, закодировал радиограмму и отдал радисту. Тот в считанные минуты вошёл в связь и сбросил её командованию. И тут мне докладывает наблюдатель, что из района сосредоточения бригады, в нашу сторону, движется легковая машина. Она подъехала к нашему холму, из неё вышли два офицера и стали подниматься на вершину. Я приказал всем замаскироваться и когда офицеры выйдут на меня, они уже должны быть в нашем кольце. Сам сел на камень и стал ждать.

Офицеры, поднявшись на высоту, достали карты и стали снимать координаты своего района. Я вышел из-за кустов и сказал им, что я координаты уже снял, и готов им дать, чтобы они не трудились. Затем, представился командиром диверсионной группы, и стал с иронией распекать их за не осторожность. Почему они в боевых условиях, пусть даже учебных, передвигаются без охраны?

Оба офицера были примерно моего возраста и крепкого телосложения. Смотрю, они, разговаривая со мной, стали, как бы невзначай приближаться. Приказал своим ребятам подняться, и они увидели, что окружены. Я успокоил их тем, что в мою задачу не входит взятие пленных, а то мы бы намяли им бока.

Попрощавшись, мы покинули высоту.

Приехав в Марнеули я не нашёл своего солдата, который должен был нас ждать на перекрёстке. Я понял, что его забрали, а забрать могли только из ракетной бригады, других частей рядом не было. Подошёл к КПП части и мне там подтвердили мою догадку. Солдата арестовал особист бригады. Солдат рассказал ему придуманную нами легенду, но тот не поверил, так как у солдата не было документов. Я пришёл легенду повторил, показал своё удостоверение, и солдата мне отдали.

Фамилию солдата, к сожалению, не помню, звали его Тимур. Можно было бы это и не вспоминать, но именно этот парень, спустя шесть лет поможет мне в сложной ситуации.

Беседа с корреспондентом газеты Красная звезда на полигоне бригады

Но всё это потом. А сейчас, после учений, при подведении итогов наша группа, за оба выхода, получила оценку отлично.

В марте у нас в бригаде побывал корреспондент газеты Красная Звезда подполковник А. Юркин, ему нужен был материал для статьи. В бригаде из офицеров прошедших Афганистан был только я, так что ему пришлось писать обо мне. Не большая статья с моей фотографией была напечатана на первой полосе газеты за 17 апреля 1984 года. Это не только льстило моё самолюбие, но и поднимало авторитет среди спецназовцев.

После статьи в газете приехал директор музея Закавказского военного округа и выпросил у меня, для экспонирования в музеи

портупею, которую мне подарили в Афгане цирандоевцы из Шибаргана. Я не хотел отдавать, было жалко, всё-таки память. Но он меня уговорил, сейчас жалей, в связи с развалом страны наверняка всё было выброшено на свалку.

За нашу Советскую Родину!

СНАЯ ЗВЕЗДА

Й ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

Газета выходит с 1 января 1924 года

1984 АПРЕЛЬ 17 ВТОРНИК № 91 (18378)

Цена 3 коп.

И И ФЛОТА

ОМБАТА

повезло на политработника. Старший лейтенант Александр Зуев умел найти подход к любому человеку. Признаюсь: порой завидовал его искусству. Именно благодаря Зуеву поняла: важно не только хорошо поставить боевую подготовку, но и досуг подчиненных организовать не хуже. Вместе с ним создавали в роте самодеятельный ансамбль, выезжали с концертами в соседние гарнизоны...

Майор Стодеревский вспоминает других боевых товарищей. В частности, лейтенанта Вячеслава Посохова, с которым сводила его служба в Афганистане. Отлично проявил себя молодой офицер. Командовал взводом, ротой. Стал заместителем командира батальона, получил орден. С такими людьми расставаться трудно, но Стодеревский без колебаний аттестовал своего заместителя на более высокую должность.

После службы в Афганистане Стодеревский попросился в один из отдаленных гарнизонов Закавказья. Вокруг вершины с белоснежными шапками. Недалеко полигон, где для руководителей занятий — простор. Нравится это Игорю Юрьевичу. Нравятся даже ветры, к которым он привык с детства. Кавалер трех орденов принял под свое начало батальон с давними славными традициями. И за короткое время их приумножил. На итоговых занятиях за зимний период обучения десантники показывают высокие результаты.

Подполковник А. ЮРКИН.

На снимке: майор И. СТОДЕРЕВСКИЙ.

Фото А. ЕФИМОВА.

Красознаменный Закавказский

К НОВЫМ РУБЕЖАМ

Современная обстанов требует от нас постоянных всесторонних усилий обеспечению безопасност страны и надежной защит мирного труда советски людей. Эти слова, произн сенные товарищем К. Черненко в речи на апрел ском Пленуме ЦК КПС воины-уральцы восприня как руководство к действи

Высокий патриотическ подъем среди личного с става особенно ощуща ся на итоговых занятия проходящих сейчас. Во ны нашей части стремя ся сдать весеннюю пр верку только на отлич полностью выполнить взя социалистические обязател ства. Тон задают подполко ник А. Волков, капитан Яшкевич.

Майор Н. МАЛЫЙ.

Краснознаменный Уральский военный округ

□ □

С высоким политически подъемом восприняли авиаторы Н-ского полка речь товарища К. У. Черненко Пленуме ЦК КПСС, мат риалы первой сессии Верхов ного Совета СССР одиннад пятого созыва. Все воины г рячо одобряют избрание товарища К. У. Черненко Пред седателем Президиума Вер ховного Совета СССР.

На итоговой провер ке летчики, техники, ме ханики трудятся на зем ле и в воздухе с полны напряжением сил. Пр мер качественного выполн ния полетных заданий п дают авиаторы эскадрильи которой командует майо Г. Бурчук.

Майор В. СТАШКОВ.

Краснознаменный

В апреле, заручившись поддержкой командира бригады полковника Фисюка, стал готовить показательные выступления по рукопашному бою ко Дню Победы. В Лагодехи такое раньше не практиковалось.

Занятия проводил на городском стадионе, там же планировалось и выступление. Рядом со стадионом располагалась

турбаза, и когда мы проводили тренировки, все её обитатели высыпали на балконы. Ну а если учесть, что больше половины из них были представительницы прекрасной половины человечества, можно понять с каким старанием мои ребята отрабатывали приёмы.

Во время одного из занятий, на стадион зашли три инструктора с турбазы. Двое спокойно наблюдали, а один, в лёгком подпитии, стал обезьянничать и мешать проводить занятия. Я его предупредил раз, второй, человек не понимает. Он красовался перед девушками, которые стояли на балконе. Тогда я провёл правой, прямой в голову. Он рухнул как мешок. Двое друзей подхватили его под руки и оттащили на скамейку. Я продолжил занятия. Выйдя из нокаута, этот парень стал выкрикивать в мой адрес оскорбления и угрозы. Прекратив занятия, я пошёл его успокоить, но его друзья попросили его не трогать, сделать скидку на то, что он выпевши. Со стадиона они его увели. На следующий день иду по городу, этот субъект идёт на встречу. Я перегородил ему дорогу, говорю: «Ну что, ты мне вроде бы вчера угрожал. Надо поставить точки над і». Начал извинятся предлагать пойти выпить коньяка за примирение. Не думаю, что это было искренне, просто в штаны наложил.

За время службы в Закавказье, я много раз наблюдал за конфликтными ситуациями. Когда двое пытаются подраться, но каждого из них, держит человека по три, ну и к тому же, они не очень то, и пытаются вырваться. И только угрозы да мат-перемат исключительно на русском языке, как базарные торговки.

9 мая в бригаде был праздничный день, но это только в бригаде. Как оказалось, этот день в Грузии, празднуется только на официальном уровне, а народу наплевать на эту дату. Тбилисобо (праздник города и молодого вина), вот это праздник.

В Лагодехи был организован митинг. Построилась бригада, и было человек 150 местных жителей. Для меня такое было просто шоком. Ведь и грузины воевали в той войне наравне с остальными народами СССР. Ведь и у них тысячи погибших. Тем более что война была рядом, за Большим Кавказским хребтом.

Я помню как в Чирчике, тысячи жителей, да, кого-то построили и привели, но основная масса, по зову сердца сама приходила на памятник погибшим воинам. И уже по окончании официальных мероприятий и возложения венков, тысячи жителей на протяжении двух-трёх часов медленно, под музыку духового оркестра, исполнявшего мелодию из песни Расула Гамзатова «Летят Журавли», проходили мимо памятника, возлагая цветы. И подножье его было буквально завалено цветами.

А здесь, вылез на трибуну 1-ый секретарь райкома партии и

40 минут держал речь, при этом на грузинском языке. В составе бригады грузин было не более 3–5 процентов.

И я опять вспомнил Среднею Азию, наш переход по Угамскому ущелью. Когда в кишлаке Кызылтал, необразованные, плохо говорившие по-русски, но воспитанные люди даже не делали попытки перейти на родной язык. Они понимали, что все участвующие в беседе должны понимать друг друга.

После прохождения торжественным маршем, мы провели на стадионе показательные выступления по рукопашному бою. Наверно у нас получилось, так как позже, в служебной характеристике на меня, командир бригады подполковник А. Фисюк напишет: «Отлично владеет приёмами рукопашного боя».

Ката с оружием.

Бой, один против трех.

Финал боя 10 на 10.

Через мгновение солдат проведёт удар ножом.

Провожу бой, один против пяти.

В мае месяце я опять «отличился». Мы увольняли в запас отслуживших свой срок службы солдат. Основная масса, добросовестно отслужив, под звуки марша «Прощание славянки», уехала домой, но как всегда было пару человек, которые не служили, а кровь пили у командиров. Держать их, как можно дольше в части, я не мог, я был командиром линейного отряда, увольнял командир бригады. Но справедливость должна же быть. И я, собственноручно, написал этим двум обормотам в военные билеты, в разделе особые отметки: «Программу боевой подготовки не усвоил. Желательно ежегодно призывать на учебные сборы (согласно закона, на учебные сборы призывали один раз в три года). В военное время использовать для

разминирования минных полей». Моя фамилия и роспись. Но начальник строевой части попался мужик глазастый, заглянул и на последнюю страничку военного билета. Меня вызвали к комбригу, я получил нагоняй, а эти странички из военных билетов вырвали.

Кажется, в начале лета бригаде надо было выставлять команду на первенство округа по спортивному ориентированию. Ну, вы представляете себе состояние спортивно-массовой работы в этой бригаде, если на соревнования пришлось ехать мне. А ведь мне тогда уже стукнуло 36 лет. От бригады требовалось выставить всего 2-х человек. Вторым был, сержант с моего отряда, он по этому виду спорта имел 1 разряд. Я этим не занимался, в спортивном смысле этого слова, но всю свою службу бегал и ориентировался. Так, что ничего нового для меня не было.

Соревнования проходили в окрестностях г. Кутаиси. Трассу готовил спортивный комитет дислоцированного здесь Армейского корпуса. Проходила она по предгорьям, густо заросшим лесом и кустарником. Всё было перевито колючими лианами. Настоящие джунгли. Но если по джунглям ходят с мачете, то мы бежали с одним лишь компасом. Хорошо, что были одеты в спецформу. Колючки лиан за неё не цеплялись, она была гладкая и достаточно плотная. Кепи застегнул на подбородке, нырнул, пригнувшись в кусты, и пошёл молотить километры.

У нас с сержантом только лица были немного поцарапаны. Остальные участники соревнований выходили из леса в клочья порванной спортивной форме, и все в крови.

Найти все точки было практически невозможно, видимость метра три-четыре. Пробежишь рядом и не заметишь. На все точки не вышел никто, за исключением конечно, членов команды устроителей соревнований. Видя явное мошенничество, и не пригодность трассы для соревнований, судейская бригада аннулировала результаты, и соревнования перенесли на месяц. Но мы уже в них не участвовали, бригада привлекалась на ученья, проводимые штабом округа.

12 июля 1984 года я был назначен на должность командира отдельного батальона охраны и обслуживания ЗакВО, началась моя пехотная жизнь.

6.2. Отдельный батальон охраны и обслуживания ЗакВО, Тбилиси.

Командир батальона, у которого я принимал должность, с этой должности был снят. Хотя как мне кажется, его просто сделали стрелочником.

В штате батальона были:

— стрелковая рота, она осуществляла охрану штаба округа;

— две автороты, одна большегрузных автомобилей, которые использовались для передвижения и разворачивания штаба округа в полевых условиях, другая транспортная;

— ремонтный взвод;

— хозяйственный взвод.

Одних легковых автомобилей было около 80 единиц.

Так вот на одной из «Волг» два солдата решили покататься по городу. Подобрали девушку и прямо в машине занялись с ней сексом. Вряд ли там было изнасилование, так как всё закрутилось только через три дня, когда девушка созналась отцу. Девушка грузинка, студентка университета. Студенты выставили пикет у штаба округа. Прокуратура, чтобы замять это дело, быстренько провела расследование, и трибунал осудил обоих солдат. Одному дали семь лет, другому года три, сейчас уже точно не помню.

Офицеры и прапорщики в батальоне были тщательно подобраны и дорожили своим местом службы. Каждый чётко выполнял свои служебные обязанности. Такой ответственности, особенно у прапорщиков, я нигде больше в пехоте не встречал. Один из взводов автороты большегрузных автомобилей находился в г. Мцхета, это не далеко от Тбилиси, древняя столица Грузии. Во взводе, если мне не изменяет память, было около 120 машин. Так вот, на всю эту махину был только один командир взвода, прапорщик, и никаких проблем ни с техникой, ни с дисциплиной.

Проблемой в батальоне было только одно — боевая подготовка. Заручившись поддержкой начальника штаба округа, я с этого и начал.

Спецификой этой части было то, что занятия по боевой подготовке должны проводиться только два дня в неделю, остальное время работы по обслуживанию штаба округа.

Стрельба из пистолета с офицерами батальона

До моего прихода в батальон боевой подготовки практически не было.

Я договорился в управлении боевой подготовки округа и два дня в неделю вывозил батальон в учебный центр 100 МСД, в которой я, кстати, позже служил в должности командира полка.

Водители легковых машин привозили на службу офицеров и генералов штаба округа и убывали на полигон. Два дня в неделю, начальники, если у них была необходимость, по Тбилиси могли перемещаться только на общественном транспорте. Кроме того, я лично, как это и положено, проводил занятия с сержантами батальона. Основной упор делал на физическую подготовку, где основным был рукопашный бой. Ребята с удовольствием этим занимались. Не забывали мы и о досуге.

В Тбилиси на гастроли приехал Свердловский театр оперетты. У руководства театра были проблемы с разгрузкой бутафории, она размещалась в нескольких десятках контейнерах. Представления они давали в Доме науки, это метров 500 от штаба округа, и естественно пришли за помощью ко мне. Разгрузить контейнеры моим ребятам проблемы не было, главное мы договорились, что за эту работу, на каждый спектакль на втором ряду сидит двадцать моих солдат.

Свердловский театр оперетты, как мне кажется, был одним из ведущих театров страны того времени, на уровне Московского и Киевского театров оперетты. В Тбилиси они привезли постановки, довольно редко выносимые на публику, например такие как:

«Царица и велосипед», «Рыцарь Синяя борода», «Фраскита», «Полёт на луну», остальные уже не помню, всего восемь постановок. Согласитесь, что на театральных афишах практически не появляются эти названия.

По окончанию гастролей артисты театра дали в клубе части концерт, который длился более двух часов. После концерта мы вывезли артистов в горы, в район монастыря Джвари, это об этом монастыре писал Лермонтов в своей поэме «Мцыри». И организовали им отдых на природе, конечно с шашлыком и вином.

Казалось бы, все должны быть довольны. Но был человек, который попытался и здесь сыграть свою игру. Это начальник политотдела штаба и управления округа. Здесь необходимо рассказать предысторию.

Стою я как-то утром, во время подъёма, перед казармой батальона, подходит прапорщик, дежурный по батальону, и весь дрожит от возмущения. Оказывается, он застал в казарме солдата лежащего на кровати после команды «Подъём». На его требования немедленно встать, тот ему заявил, что если он ещё хочет служить в Тбилиси, то пусть оставит его в покое, а то он скажет своему шефу и тот засунет его в отдаленный гарнизон. Солдат был водителем начальника политотдела штаба округа, полковника Шишова В.В..

Я приказал доставить солдата ко мне, и тут же, перед строем, объявил ему пять суток ареста.

Начальником штаба округа, генерал-лейтенантом

Клейменовым А.Н., было определено, что солдаты батальона, получившие арест за дисциплинарные проступки, должны отправляться не на гарнизонную гауптвахту, а в дисциплинарный батальон в н.п. Караязы это в 50 км от Тбилиси.

Солдата тут же сажают в машину и увозят в дисбат. Буквально через минут пятнадцать, звонит Шишов с вопросом, где его водитель, кто-то уже успел донести. Я ответил, что его водитель сидит в его машине, к этому времени мы уже посадили подменного водителя. Тогда он уточнил: «Где находится рядовой Аветян»? Я ответил, что за нарушение воинской дисциплины он мной арестован и находится на пути в Караязы. Шишов заявил, что моё решение отменяется и солдата немедленно вернуть. На что я ему ответил, что согласно устава ни кто, включая министра обороны, отменить наложенное мной взыскания не может. После этого я стал для Шишова врагом № 1, но по службе придраться ко мне было не за что, как только он не пытался. Хочешь быть принципиальным, работай так, чтобы к тебе нельзя было придраться.

И тут подворачивается ему это дело с опереттой. После нашего выезда на пикник он вызывает меня к себе в кабинет. Захожу и вижу его торжествующее лицо. Даже не предложив мне сесть начал распекать, как я мог докатиться до такой жизни. Я попросил конкретизировать претензии ко мне. Претензия была одна. Как я мог, обворовав солдат, взять мясо с солдатской столовой на шашлык?

Видимо осведомитель у полковника был никудышный и не знал, что на это мясо сбрасывались все офицеры батальона, а к столовой машина подъезжала для загрузки стола для разделки. О чём я ему и поведал, предложив спросить об этом у любого офицера.

Довольная маска спала с лица Шишова, и дальше начался просто абсурд. Мне была предъявлена претензия в том, что я использовал служебный автомобиль в личных целях. Глупость, да и только, вроде бы артисты у меня дома концерт давали.

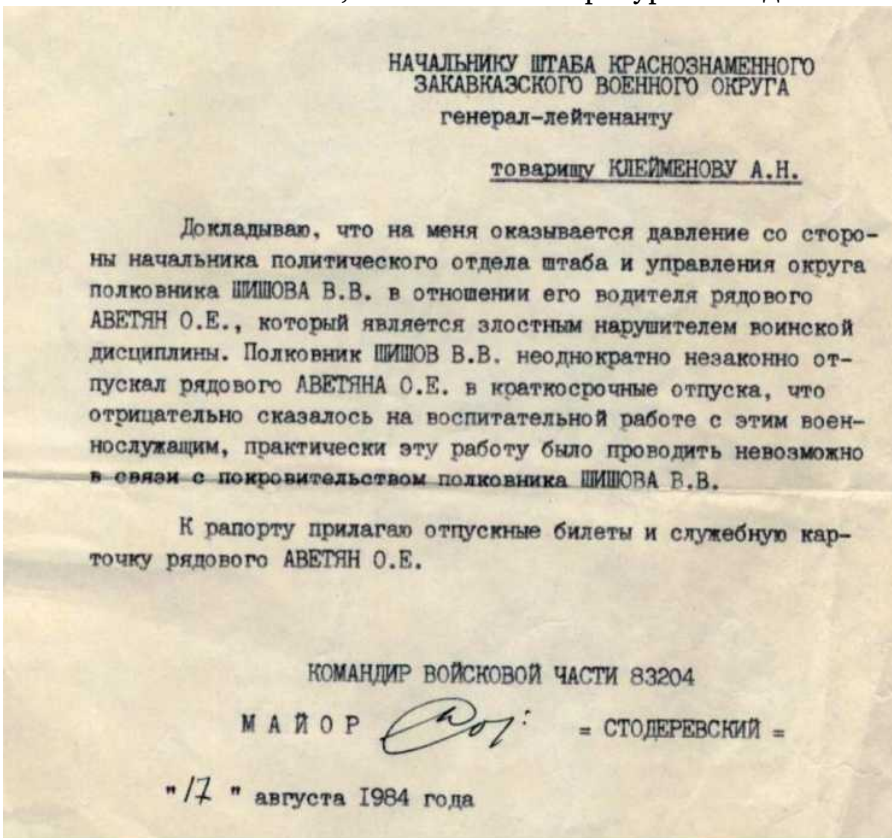
Но и эта глупость не прошла. Я выехал за территорию части на служебном автомобиле, но затем подумал, зачем буду гонять машину, и пересев в микроавтобус театра, свой УАЗик вернул в парк.

Шишов понял, что полный прокол. И дальше уже была претензия не идущая, не в какие ворота. «Как я советский офицер, командир части, наконец, коммунист, мог поехать отдыхать в горы с артистками, ведь они все ветреные люди и не отличаются строгостью нравов».

По пути на пикник мы заехали домой, ко мне, к замполиту

батальона, и взяли с собой жён.

Услышав от меня это, Шишов только пробурчал: «Идите».



НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА КРАСНОЗНАМЕННОГО
ЗАКАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
генерал-лейтенанту

товарищу КЛЕЙМЕНОВУ А.Н.

Докладываю, что на меня оказывается давление со стороны начальника политического отдела штаба и управления округа полковника ШИШОВА В.В. в отношении его водителя рядового АВЕТЯН О.Е., который является злостным нарушителем воинской дисциплины. Полковник ШИШОВ В.В. неоднократно незаконно отпускал рядового АВЕТЯНА О.Е. в краткосрочные отпуска, что отрицательно сказалось на воспитательной работе с этим военнослужащим, практически эту работу было проводить невозможно в связи с покровительством полковника ШИШОВА В.В.

К рапорту прилагаю отпускные билеты и служебную карточку рядового АВЕТЯН О.Е.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 83204
МАЙОР = СТОДЕРЕВСКИЙ =

"17" августа 1984 года

«В жизни как, в театре, самыми требовательными оказываются те, кто не заплатил за место».
Саша Гитри

А пикник удался на славу. Представьте себе горное ущелье ночь, и ария Мистера Х. Не обошлось и без эксцессов. Одна из певиц, кстати, народная артистка, решила спеть, залезши на дерево. Залезла, спела, а назад её уже пришлось снимать, так как храбрости у неё хватило только на то, чтобы влезть.

На следующий день заместитель директора театра спрашивает меня: «Игорь мы так вчера набрались, вино, что креплёное было»? Когда я ему сказал, что вино было сухое, но выпили его 60 литров, и это на двенадцать человек, восемь из которых женщины, у него глаза на лоб вылезли.

Осенью, ко мне из Москвы, приехал корреспондент журнала «Советский воин» подполковник А. Ключенков, он сказал, что у него задача написать обо мне очерк. Никаких интервью не было, я

выполнял свою работу, а он просто три дня ездил со мной по всем точкам дислокации моего батальона, по полигонам и стрельбищам. При передвижениях в машине, я рассказывал ему об Афганистане и своём отряде.

Уезжая, Ключенков сказал, что он имеет право, что-то изменить, что-то добавить, таков жанр очерка. Очерк вышел в 24-ом декабрьском номере журнала за 1984 год. Кстати это был юбилейный 1500-й номер журнала. Конечно, в очерки были некоторые неточности, что-то было от корреспондента, ну и конечно о боевых действиях в Афгане он не мог писать правду, тогда это ещё было под запретом. Но в целом очерк, конечно, грел душу. Ключенков, спасибо ему, прислал мне один экземпляр с дарственной надписью.

ВЕТЕР С ГОР

С искренней признательностью автора

Разговор по рации был коротким. Майор Стодеревский без эмоций выслушал недовольство в свой адрес, сказал твердо:

— Все же прошу разрешения на второй вариант. Он более надежен...

Несколько секунд длилась тишина. Стодеревскому показалось, что связь прервалась, но тут сквозь треск вновь послышался хрипловатый голос:

— Добро, действуйте. Но головой отвечаете. Ясно?

— Так точно.

В тоне, каким была сказана фраза, не прозвучало и нотки радости. Стодеревский понимал, что торжествовать можно будет лишь после выполнения задачи. А она не проста: душманы оставили без продовольствия жителей двух кишлаков. Сожгли хлеб, уничтожили скот. Район отдаленный. Необходимо срочно оказать помощь.

Еще утром, в штабе, Стодеревский не согласился с разработанным маршрутом, а предложил свой вариант доставки груза — по более длинному пути, чем вызвал удивление.

— Дорог каждый час. Вы даете себе отчет?

— Так точно. Душманы знают, что без помощи мы людей не оставим. Потому маршрут, который я предлагаю, может оказаться гораздо короче. И цена времени будет иная...

— Обдумайте и наш вариант — первый, и свой — второй. Доложите к двадцати часам.

Когда выходили из кабинета, майор из штаба части, старый знакомый Стодеревского, сказал полушутя:

— Гибкости в тебе нет, Игорь. А то бы ты уже давно...

Стодеревский не дал ему развить предположение, перебил жестко:

— Я не акробат и не балерина, а комбат, у меня сотни судеб...

Сейчас, вспомнив тот разговор, Стодеревский ругнул себя мысленно за горячность. Напрасно обидел человека. В штабе майор недавно. Соленый вкус хлеба взводного, ротного изведал. Хорошо знал Стодеревский и другое: начальство ценит командира прежде всего за умение дело делать, а не за покладистость и улыбчивость... А то, что мнения не сошлись, бывает...

Стодеревский выключил радиостанцию, прошел к столу с разложенной картой, вгляделся в причудливо извивающуюся линию намеченного, а теперь и утвержденного маршрута. На бумаге всего несколько сантиметров! Но что они таят в себе? Где, за каким поворотом караулит опасность? Что еще надо предпринять для низведения ее до минимума? А груз ждут, очень ждут...

Задумавшись, не услышал хлопка двери. Звонкий голос заставил его вздрогнуть.

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

Стодеревский поднял голову, улыбнулся:

— Давай... Только громкость убавь, а то голос у тебя — парадом командовать можно.

— Я по служебному вопросу. Почему меня планируют оставить в лагере? Скажи ротному...

Улыбка сошла с лица майора. Выбеленные солнцем густые брови соединились в линию. Он вышел из-за стола, стал напротив лейтенанта.

Никто бы не подумал, что это родные братья. Старший под два метра, с атлетическими плечами. Младший — среднего роста, по-мальчишески розовощекий, с таким же твердым взглядом.

— Товарищ лейтенант, вы плохо учили устав. Иначе не обращались бы через голову непосредственного начальника.

— Разрешите идти? — Лицо лейтенанта пошло красными пятнами.

— Не разрешаю. — Старший Стодеревский уже помягче: — Не ершись... То, что пришел, молодец. Садись. Сейчас чаек организуем...

Но на младшего Стодеревского тепла брата не подействовала.

— Значит, не поговоришь с ротным?

— Нет и еще раз нет. Накормить могу. Есть хочешь?

— Не зря тебя в батальоне «железным» зовут, — беря кружку с чаем, все еще задиристо проговорил Юрий. — Сам так куда надо и не надо...

— Будешь обсуждать действия старшего брата и обзываться, выпорю...

— А я вот отцу напишу. — Наконец-то с младшего Стодеревского слетели и пыл, и обида, и командирская серьезность.

— Это ты хорошо сделаешь. А то они с мамой нам часто пишут, а мы... Я тебя просил отослать им фотографии, где мы на рыбалке, и написать, что, мол, тихо тут, отдыхаем...

— Что ж, они газет не читают?

— И то верно, — вздохнул старший Стодеревский. — Нам, наверное, легче, чем им там ждать...

Повспоминали о доме. К тому разговору, с которым Юрий пришел, больше не возвращались. И непонятно было Стодеревскому-старшему, угомонился брат или нет.

Ночь была холодной. Стодеревский постоял у палатки, вдыхая тяжелый воздух, вглядываясь в густую темень, вслушиваясь в бесчисленные шорохи и звуки. Где-то на западе слышались глухие выстрелы, там небесный купол был светлее, розовел заревом. Еле заметную линию горизонта ломали силуэты горных вершин. Ветер, нагулявшись меж скалами, набрав шалую силу, вырывался на простор, подхватывал пыль, песок и гнал это месиво на лагерь, на палатки, в которых отдыхал его батальон. Кроме тех, конечно, кому положено нести службу.

Не верилось, что где-то есть иная жизнь, с театрами и кино, ярким светом и весельем...

«Дрянь погодка, — сделал вывод Стодеревский, входя в палатку. — Ничего, видели и похлеще», — успокоил он себя.

Встреча с братом сбила с рабочего

ритма. «И чего они такие настырные? — думал он, то подсаживаясь к карте, то вновь вставая. — Оставили в лагере, значит, надо. Каждый раз кто-то остается. Сегодня он. Так нет, считает себя обойденным. А в чем? Романтики мало, трудностей?.. У десантника вообще-то служба не мед. А уж здесь... И если бы он один с подобной просьбой прибегал!»

Вспомнилось, как Юрий поступал в училище. Вернули ему документы, сказали, чтоб приезжал на следующий год. Не уехал. Чему внял генерал: мольбам или доводам упрямого парня, осталось загадкой.

После окончания училища добился, чтоб его направили служить в Афганистан. Так свела их здесь офицерская судьба. «Толковые, но упрямые ребята», — думал Стодеревский, имея в виду не только брата. Лейтенант Сергей Дудко тоже командир взвода. Лет чуть за двадцать. В его возрасте иные еще за родительские спины прячутся. А у этого характер — кремень... Поломало парню обе ноги. Подлечился. Убедил врачей — и снова в свой батальон. А нагрузки — не всякий здоровяк выдержит.

Беседовал с ним не раз. «Здоровье в полном порядке», — отвечал Сергей бодро. А сам во сне стонал от боли... Вызвал, пообещал поставить вопрос о переводе из батальона. Побледнел лейтенант, будто у него жизнь собирались отнять... «Товарищ майор, очень прошу вас...» Нет, эти парни четко знают, что для них в жизни главное.

Взглянув на часы, Стодеревский вызвал посыльного по штабу.

— Через два часа — разбудите.

Рядовой Михалдыка вышел на улицу. Скоро мимо палатки должна была пройти очередная смена караула. Надо предупредить, чтоб не топали: пусть командир отдохнет.

...Рассвет тяжело пробивался через низкие рваные облака. Ветер продолжал свирепствовать. Колонна ушла от лагеря километров на сорок. Скорость держали хорошую. Этот участок дороги охранялся афганскими и нашими боевыми постами. Местность пустынная, все на виду. Летом здесь, что на раскаленной жаровне.

Стодеревский стоял в люке боевой машины, смотрел туда, где все отчетливее проступали горы, снова пытался представить, что ждет их среди безмолвных скал и ущелий, на серпантине узкой дороги. Дума не новая, но неотвязная. Впереди колонны шли машины охранения. С тыла колонну прикрывал взвод. Командиром назначен Юрий. «Не моим ли именем он переубедил Войтенко? Иначе с чего бы серьезный командир роты на ходу менял решение. Если так, всыплю обоим», — в сердцах подумал Стодеревский.

Обернулся. Машины шли, четко соблюдая дистанцию. Еще раз просчитал мысленно, все ли учтено. Кажется, до мелочей. Думал и один, и сообща с заместителями, с начальником штаба, с ротными. Офицеры опытные. У капитанов Вячеслава Посохова, Сергея Ершова по два ордена на груди. Прошли огонь и воду...

Но в то же время Стодеревский понимал, что против их расчетов бандитская подлость и звериные повадки душманов.

Надо быть готовым к любым неожиданностям.

Он верил в своих ребят. Кого-то из них служба в десантных войсках привлекала возможностью испытать себя на прочность. Мальчишками были. Стали мужчинами, защитниками. Они видели разоренные душманами кишлаки, убитых женщин, детей, стариков, которые хотели мирно трудиться на своей земле.

Машину качнуло на ухабе. Стодеревский взглянул на место, где за броней восседал механик-водитель рядовой Степанов. Орел, хотя во внешности ничего особенного.

Душманы обстреляли их в то утро со скалы. Степанов молчал, вел машину. Только когда все закончилось, вылез и потерял сознание.

Его поздравляли потом с медалью «За отвагу», он удивлялся: а что такого я сделал?

Стодеревский перебирал в памяти фамилии, имена, вспоминая случаи, в которых проявили себя офицеры Бегишев, Статкевич, сержанты Калинин, Шаповалов, рядовой Капустин. «А всегда ли я, командир, был на высоте?» — спросил он себя. Вопрос был так откровенен и так сложен, что впору бы и не отвечать на него. Пришлось перебирать всю свою жизнь, с самого детства.

Жили они в военных городках. Отец — офицер-пограничник, фронтовик. Каждое утро, ровно в шесть, он вытаскивал Игоря, а потом и Юрия из теплых постелей и опускал прямо через окно на землю. Выходил следом сам: с гантелями, скакалками...

В военное училище Игорь поступил, имея более двух десятков прыжков с парашютом (сейчас их около трехсот), первые разряды по боксу, легкой атлетике. Он видел себя только офицером, и никем другим.

Его взвод четыре года был отличным, лучшим в части. Таково командирское начало. Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

Потом три года командовал отличной ротой. И вот — батальон. «Были, конечно, и ошибки, — думал Стодеревский. — Но работал я всегда на пределе и возможностей и способностей. Тут моя совесть чиста».

— Товарищ майор, погрелись бы, — прервал мысли Стодеревского по переговорному устройству механик-водитель.

— Зря беспокоитесь, Степанов. Не попадет в меня снайпер...

— Как сказать... Горы вот они... Один шлемофон вам уже попортили «духи»...

Колонна входила в распадок между сопками. Дорога стала заметно уже. Здесь если кто и вздил, то старался держаться старого следа, будто это уменьшало шанс наскочить на мину.

Скорость замедлилась, интервал между машинами увеличился. Пока все шло по плану. Километров через двенадцать ущелье. Дорога там зажата скалами со всех четырех сторон. Справа пропасть. Лучшего места для засады не придумать. Потом горы расступятся...

Стодеревский почти не сомневался, что душманы ждут колонну. Очень уж легкой кажется поживa и велик соблазн доказать дехканам, что никто им в беде не поможет, кроме слуг аллаха...

«Но не доставим мы вам подобного удовольствия, нет», — зло думал Стодеревский.

В горах послышался мощный взрыв, от которого меж скал еще долго гуляло эхо. Это саперы, шедшие с машинами охранения, взорвали огромный валун, преградивший путь к старому высохшему руслу речки. По нему-то Стодеревский и решил обойти чертово ущелье. Путь более длинный, трудный, там таких валунов не один, не два. Но машины у них мощные, а люди — крепкие.

Задержка произошла из-за того, что засела «летучка» ремонтников. Потерянное время дало возможность группе душманов догнать колонну на подходе к долине. Услышав стук крупнокалиберного пулемета и пронзительный, с посвистом выстрел гранатомета, Стодеревский понял, что душманы напали на замыкающие машины, на взвод прикрытия.

«Обойдусь без помощи!» — сообщил Юрий.

Стодеревскому хотелось развернуть машину или просто взять автомат и быть рядом со своими подчиненными. Но от него сейчас требовалось другое: доставить груз.

У самых кишлаков, где их встречали жители, колонну догнал взвод прикрытия. Стало известно, что афганскими воинами душманы взяты в плен, что самого Юрия ранило: пуля сняла кожу с виска, а осколки гранаты попали в ногу.

Комбат выслушал доклад молча, спросил, нужна ли какая помощь. Может, в тот момент и лег на его виски иней ранней седины...

* * *

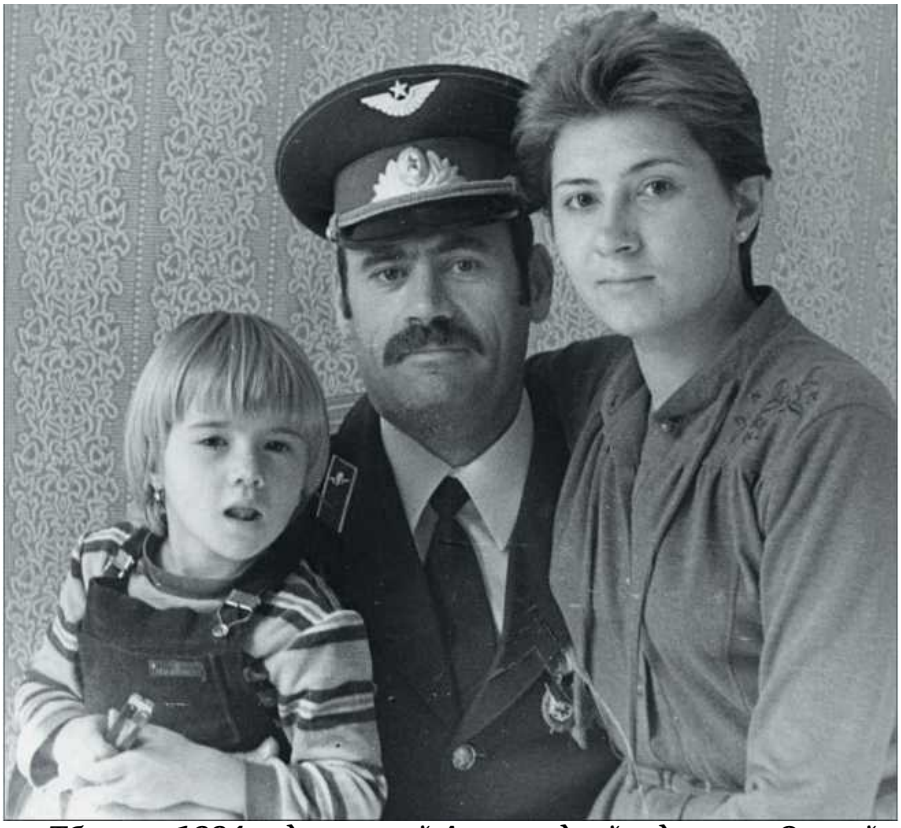
Недавно братья Игорь и Юрий Стодеревские приезжали домой в отпуск. Отец тоже надел парадную форму. У всех троих рубиново сияли ордена Красной Звезды. А у Игоря еще поблескивали ордена Красного Знамени и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

— Какие вы у меня, — горделиво посмотрев на мужа и сыновей, сказала Тамара Николаевна. Она пыталась сдержать слезы счастья, а они все катились...

И вновь настал день расставания. Игорь уезжал служить в Закавказский военный округ, а Юрий — в Группу советских войск в Германии.

Такова уж офицерская судьба: дороги, дороги...

Подполковник А. КЛЮЧЕНКОВ



Тбилиси 1984 год, с женой Александрой и дочерью Ольгой.

Прослужил я в батальоне охраны семь месяцев. Порядок был наведён, и меня перевели служить в мотострелковый полк 145 МСД на должность заместителя командира полка.

6.3. 90-й мотострелковый полк. Батуми.

В полк я прибыл в феврале 1985 года, на кануне перестройки приведшей страну к развалу. Как в то время говорили: «По России мчится тройка — Миша, Рая, перестройка». Ещё бабки говорили, что где-то в библии написано, что когда прейдёт к власти Михаил — меченый, намёк на пятно на голове у Горбачёва, будет много крови. Я как атеист, над этим просто смеялся. А как коммунист возмущался, так как считал, что кто-то хочет опорочить генерального секретаря партии.

Но, к сожалению, бабки оказались правы. Было что-то в библии или нет, но реки крови были. И чтобы не говорил Горбачёв, на его совести тысячи убитых, зверски убитых, в межнациональных разборка людей. Государство должно и обязано было это предотвратить. А как участник этих событий, скажу, что и могло это сделать, но не было просто политической воли. Толи это была импотенция власти и самого Горбачёва, толи это был хорошо от режиссированный сценарий. Я уверен, так как сам был свидетелем происходящего, во втором варианте. Мне сложно сказать, кто был режиссер, но то, что исполнителем был Горбачёв с сотоварищами, сомнения нет, и надо бы его судить за пролитую кровь, а он фонды возглавляет.

То, что всё это было тщательно, спланировано, у меня появилась глубокая убеждённость именно во время службы на Кавказе. Но прежде чем разваливать страну, прежде всего надо было развалить один из важнейших институтов государства отвечающего за его безопасность, а именно — Армию. Первые признаки надвигающегося развала я почувствовал, служа в Батуми.

Правда, в Батуми размещался штаб дивизии, а полк наш стоял в селении Хелвачаури, это восточнее Батуми километров 7–8, но в город ходил троллейбус.

Нет, я тогда не понимал, что происходит, и не только я один.

Подавляющее большинство офицеров не могли понять, почему не работают законы? Почему не привлекаются к ответственности военнослужащие, совершившие воинские преступления?

Оставление части, дезертирство, постепенно становились

нормой. А происходило это по тому, что военные прокуратуры практически перестали возбуждать дела за такие преступления. Но ведь не сами они к этому пришли, их деятельность направлялась сверху.

Почему я с этого начал рассказ о Батуми. Чтобы лучше узнать часть, в которую попал служить, я несколько ночей подряд проверял несение службы нарядами. И в первую же ночь столкнулся с необычным явлением. В ружейной комнате роты, которая должна быть закрыта на замок и опечатана, на голых матрацах лежало несколько военнослужащих. Правда комната была заперта на замок. Я спросил дежурного по роте, что это за безобразие. Оказывается, это было санкционировано командованием полка. Как мне потом объяснил дежурный по полку, в части готовили водителей для 40 Армии, то есть для Афгана. Кандидатов на водителей, каждые полгода, присылали в полк военкоматы в количестве 110 человек. 100 человек поставлялись военкоматами Белоруссии и 10 человек были из Закавказья. При подготовке проблем не возникало, на самой подготовке я остановлюсь чуть позже. А вот при отправке возникала проблема с солдатами из Закавказья. Дня за два, три, они убегали из полка и возвращались только после отправки группы в Афганистан. И всё им сходило с рук, отделывались гауптвахтой. Так вот, днём они сбежать не могли, так как находились под постоянным контролем сержантов, а на ночь их запирали в ружейную комнату.

Сама отправка была неприятным зрелищем. На вокзале ребята из Белоруссии пели песни под гитару, а каждого местного держало по два белоруса, чтобы не сбежал прямо на вокзале, и всё это под причитание многочисленных родственников. Я говорю, белорусы, это мы их так называли, на самом деле там были ребята разных национальностей, но все родом из Белоруссии. Видимо их там воспитывали несколько по-другому, чем здесь в Закавказье.

Помню случай. Выхожу я из штаба полка, ко мне подходит солдат со слезами на глазах. Оказывается он как раз из этой белорусской группы, и московская медицинская комиссия отчислила его из этой группы по состоянию здоровья

Обязательно перед оправкой приезжала такая комиссия, и требования у неё были очень жёсткие.

Парень просил моего содействия в отправке его в Афганистан. Когда я ему сказал, что, к сожалению, не чем помочь не могу, он, чуть всхлипывая, сказал, что в составе группы восемь человек с их села, и как он теперь дома людям в глаза смотреть будет.

При разговоре присутствовал начальник коммунально-эксплуатационной службы полка, это гражданская должность, грузин по национальности. Он начал надсмехаться над солдатом, говоря, что тот не мужчина, так как плачет. Я ему ответил, что дай то бог, чтобы у нас в Армии было побольше таких солдат. Солдат плача рвётся в бой, не пытается спрятаться за чужие спины, и понимает, что в такой обстановке друзей бросать нельзя. Вот из таких пацанов и вырастают настоящие мужчины.

Дисциплина в полку была плохая, хоть офицеры практически не вылизали из казармы. Причина, комплектация полка: 30 % — грузины, 30 % — азербайджанцы, 30 % — армяне и только остальные 10 % другие национальности. Это было грубейшей ошибкой кадровых органов. Надо отправлять их подальше от родного дома. В полку часто вспыхивали разборки на национальной почве.

Где-то за полгода до моего приезда, в соседнем танковом полку нашей дивизии, вспыхнула драка между азербайджанцами и грузинами, так азербайджанцы нашего полка бросились к ним на помощь. Хорошо, что офицерам удалось их остановить, и вернуть назад, а то не известно чем бы всё это могло закончиться. Но должных карательных мер, согласно закона, к организаторам этих беспорядков, принято не было.

Подготовка роты к показательный выступлениям по рукопашному бою.

Приняв должность, я с головой ушёл в боевую подготовку. Попал, как говорят с корабля на бал, в марте проводилось разворачивание полка до штатов военного времени.

Доукомплектовавшись, полк несколькими эшелонами убыл в

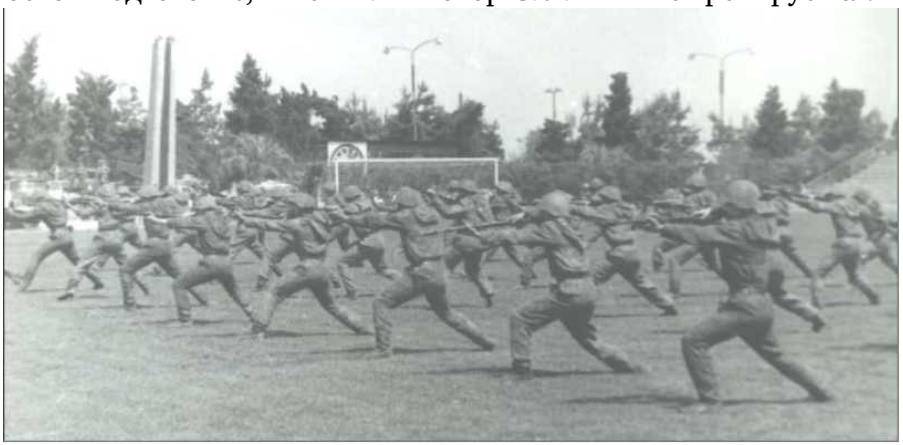
Вазианский учебный центр или как все его называли «Караязы», где после не большой до подготовки были проведены ученья. Попутно я готовил в Караязах, одну из выделенных мне командиром полка рот, к показным выступлениям по рукопашному бою.

Был март 1985 года, 40 лет победы в Великой Отечественной войне. Ещё находясь в Батуми, я предложил командованию дивизии 9 мая на городском стадионе организовать такой праздник, до этого они такого не устраивали.

Роту я тренировал выполнять кату с оружием. То для чего в спецназе было достаточно одной, двух недель, здесь пришлось отрабатывать почти два месяца, рота была танковая. Солдат для боёв я подбирал уже по возвращению в Батуми, из спортсменов, борцов и боксёров.

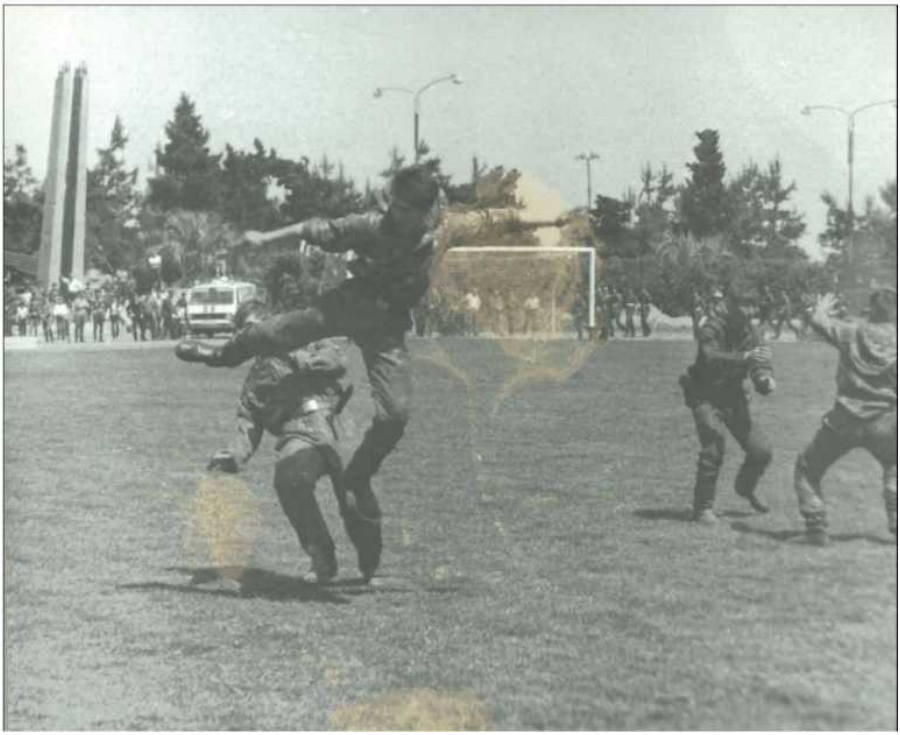
Выступление строились следующим порядком. С начало выбегала рота в касках с автоматами и выполняла кату с оружием. Затем начинались бои: один на один, один против двух, один против трёх, а затем я работал один против пяти, четверо из которых были вооружены, двое пистолетами и двое штык-ножами. Я всегда работал против открытых ножей. Наиболее эффектно было, когда выбитый нож делал несколько оборотов в воздухе и втыкался в землю.

Выступление мы сделали не плохо без срывов. То, что мы понравились публике, говорит хотя бы то, что спустя несколько дней после показухи, так мы называли эти выступления, меня в городе остановил парень и спросил, может ли он ходить на наши тренировки. Я ему объяснил, что всё это делается на занятиях по боевой подготовке, и не в каких спортзалах мы не тренируемся.



Ката с оружием. Хорошо смотрятся танкисты

Бой один против трёх.



Бой 15 на 15.

Бой один против пяти.

Что меня удивило на стадионе, так это то, что во время исполнения гимна никто из гражданских лиц не поднялся, гимн слушали сидя. Такое я увидел впервые.

Потянулись будни. В полку было два полигона. Один находился на берегу моря рядом с турецкой границей — «Гонио», от названия села, рядом с которым он располагался, другой горный — «Ахашени», тоже по названию села, находился в горном ущелье северо-восточнее Батуми. Ежедневно на обоих полигонах шли стрельбы и проводились занятия по боевой подготовке.

«Гонио» был размерами больше, там можно было проводить боевые стрельбы в составе батальона. Но артиллерии стрелять здесь можно было только по надводным целям. Эти стрельбы очень любили пограничники, сразу по завершению стрельбы с соседней заставы выплывали лодки собирать глушенную рыбу. Артиллерийский дивизион полка 3–4 месяца в году находился на полигоне в Караязах, где и проводил все положенные стрельбы. Зенитный дивизион также был вынужден уезжать на полевые сборы в Абхазию. Офицеры месяцами не видели семьи, да и пехота два-три месяца в году где-нибудь «воевала». Офицерам из пехоты надо при жизни ставить памятники, даже если они не участвовали в боевых действиях.

Вопрос организации боевой подготовки в мотострелковых частях очень сложный. Ведь надо одновременно готовить солдат более чем по ста специальностям. В том числе и прибывших из учебных частей, к сожалению, подготовка специалистов в этих частях была очень слабая. На это были и объективные причины. На них я остановлюсь позже.

Я впервые столкнулся с организацией боевых стрельб, в спецназе с огневой подготовкой было попроще. Только одиночные стрельбы. Срочно пришлось вспоминать всё, чему учили в родном училище.

Согласно курса стрельб, если в полку проводились полковые ученья со стрельбой, то батальонные было положено проводить без стрельбы и на оборот. Но в войсках было неписаное правило, к таким ученьям солдат обязательно пропускали через целую череду боевых стрельб. Стреляли в составе отделения, затем взвода, роты, батальона, и только после всего этого полк допускался к учениям с боевой стрельбой. Боеприпасов не жалели. Полковые и дивизионные ученья с боевой стрельбой проводились только на Вазианском учебном центре. Это всё те же Караязы. Мощный полигон, если мне не изменяет память, протяженность его около 70 км и ёмкость на дивизию.

Я не вылезал с полигонов, но это было мне не в тягость, я любил это дело.

Как-то на каникулы, из Донецка, ко мне погостить приехал мой племянник Женя. Было ему тогда лет 10 или 11. Я протащил его по всем полигонам, а в конце он присутствовал на ученьях батальона с боевой стрельбой. Стреляли ночью. Красивое зрелище. Всё небо в трассерах, да к тому же батальону был придан взвод ЗСУ-23-4 «Шилки». Видимо здесь Женя и решил стать офицером, он в последствии окончил Рязанское воздушно-десантное училище.

Кроме подготовки своих солдат, я уже говорил, что мы

каждый учебный период, это полгода, готовили 110 человек водителей для Афгана. Кроме того, что было положено по программе, с ними проводились занятия и отрабатывались упражнения, которых не было не в каких наставлениях. Заместитель командира дивизии полковник Крусь, к сожалению, не помню его имя и отчество, отличный офицер и прекрасный человек, лично разработал дополнительное упражнение по стрельбе. Солдат водитель ведёт машину, появляются мишени, резко остановившись, он ведёт огонь прямо из кабины, затем трогается. При появлении другой группы мишеней, выскакивает из кабины и, заняв оборону под машиной, укрываясь за колесом, ведёт огонь. Это упражнение, безусловно, необходимо, тем более в Афганистане, где душманы постоянно нападали на наши транспортные колоны.

Ещё Крусём была разработана горная полоса препятствий. Даже хорошо подготовленный солдат не мог с первого раза преодолеть её хотя бы на тройку. Здесь нужны были изнурительные тренировки. Мы к концу периода обучения добивались того, что все 110 человек пробегали её минимум на хорошо. Ребята понимали, что от их подготовленности, зависит выживаемость там в Афгане.

Занятия по обкатке танками на полигоне проводить было негде, не было оборудованных для этого окопов. Как я уже писал, в училище нас с начало обкатывали в окопе на отделение, в компании не так страшно. За тем в одиночном окопе, но вырытом для стрельбы стоя. И только после этого, в окопе для стрельбы лёжа, все окопы хорошо бетонировались. А затем вообще вне всякого окопа.

Попытка стать Ихтиандром.

Пришлось выходить из положения. В тылу стрельбища я нашёл просёлочную дорогу. Построил один из батальонов, который в то время был на полигоне, лёг на дорогу, танк прошёл через меня. После этого мы пропустили батальон, а затем и весь полк.

Удалось мне и с аквалангом поплавать. В инженерном батальоне дивизии были на вооружении акваланги.

Командир третьего батальона нашего полка подполковник Святослав Морозов, он занимался подводным плаваньем, провёл со мной инструктаж, и вперёд покорять глубины.

Я отплыл от берега метров 400, плыву, любуюсь рыбками и морским дном. И вдруг чувствую не чем дышать, закончился воздух, помня инструктаж, включаю резервный баллончик и резко наверх. К берегу пришлось плыть сверху, а это с аквалангом

не очень удобно.

Приплываю, ну думаю, убью Морозова, он меня заверил, что воздуха в болоне хватит на 40 минут, а мне хватило минут на двадцать. Оказывается, я не правильно дышал. Надо сделать вдох и плыть, затем опять вдох, а я дышал как при беге на 3 км, весь воздух и сожрал. Хорошо, что быстро включил аварийный баллончик, его хватает минут на десять, ведь был на глубине около 5 метров.

Хочется ещё раз сказать о добром отношении местного населения к Армии.

Ехал я с Караяз к себе в полк на УАЗике, а это около 450 км. Посреди пути двигатель вышел из строя, как говорят водители, застучал. Что делать? До ближайшего села километров пять. Оставляю водителя, благо дело было летом, даю ему деньги, колбасу, что была с собой. Говорю, что в течение суток за ним приедут, сажусь на автобус и еду в Батуми. По приезду сразу отправляю КАМАЗ. Прапорщик по приезду рассказывает, что когда прибыли на указанное мной место, то не нашли ни машины, ни солдата. Оказывается, жители соседнего села затащили машину к себе во двор, а солдата определили к себе на постой.

Вёл я как-то на ученья колону БТРов. Остановились в селе, надо было воды набрать. Что тут началось, жители забегали, срочно организовали сбор яблок. Дети и девушки стали, чуть ли не бегом разносить их и угощать солдат.

Был и курьёзный случай. Соседний, кадрированный полк вышел на командноштабные ученья, человек двадцать офицеров и солдат.

В армии над такими частями подшучивали: «Мимо леса, по долине, едет полк в одной машине. Ты не бойся серый волк, мы кадрированный полк».

Не успели они поставить палатки, как подъезжает грузин, представился председателем местного колхоза, выясняет, что они собираются здесь делать. Ему объяснили, что ни копать, ни бегать здесь по полям ни кто не будет. Он уезжает и через какое то время возвращается уже с грузовой машиной, из которой тут же начинают выгружать мангал для приготовления шашлыка и конечно вино. Командир полка пытался протестовать, но председатель колхоза в категоричной форме заявил, что военные приехали на их земли, значить они их гости. А если они откажутся от угощения, значить его оскорбят. А если они его оскорбят, он не разрешит проводить на своих землях, ни каких учений. Вот такая логика. Пришлось принять угощение.

Инструктаж регулировщиков

Ученья следовали одни за другими, страна не жалела денег на подготовку своей Армии.

Перед выходом полка был курьёзный случай. Один из прапорщиков, местной национальности, решил увильнуть от учений и остаться в полку. Но ни каких законных оснований не было. И он стал ходить донимать начальника медицинской службы полка, чтобы тот сделал ему освобождение по болезни. Просил написать любую болезнь, лишь бы на учения не ехать. Так уже достал врача, что тот и написал ему любую.

Когда начальник штаба полка, на совещании в клубе части зачитал, что было написано в медицинской книжке, несколько минут продолжался гомерический хохот. Прапорщик не очень хорошо владел русским языком, да видимо и не пытался разобрать каракули врача, а сразу побежал к комбату за освобождением. Диагноз был следующий: «Сифилис в запущенной стадии. Заболевание получено при сношении с крупным рогатым скотом».

Кстати, при подготовке к этим учениям, я чуть не оказался за бортом академии. Я уже говорил, что учился заочно и согласно приказа МО СССР заочнику было положено в месяц, 5 или 6 свободных от службы вечеров, рабочий день то не нормированный, и толи один толи два свободных дня. Они давались для написания контрольных работ. Но никогда и не кому они не давались, выкручивайся, как можешь.

Если идёт нормальная боевая подготовка, то время выкроить можно. Здесь череда всяких учений, а у меня висит семь не выполненных работ. Нужно срочно прогонять все батальоны с боевой стрельбой. Командир полка полковник Гришин, сказал мне, чтобы я подготовил полк к учениям, а на учения он меня не возьмёт, оставит старшим в полку, и я спокойно сделаю все работы.

Сказано, сделано, я месяц не вылезал с полигонов. Полк стоит на строевом смотре перед отправкой на ученья, смотр проводил командир дивизии, и тут он увидел меня на левом фланге во главе военнослужащих остающихся для несения службы. Приказ командира полка был отменён, и меня отправили на учения. Никакие мои доводы, что тем самым я оказываюсь за бортом академии, комдива не убедили, очень он меня любил.

Сразу по окончанию учений командир полка отпустил меня, и я на машине убыл в полк. Пока полк четыре дня грузился в эшелоны и совершал марш в Батуми, я успел сделать контрольные работы.

Спасибо командиру полка, что отпустил меня в академию на сессию без вызова. Дело в том, что тех, кто во время не представит контрольные работы, на сессию не вызывают.

Я приехал в академию, а меня нет ни в одном списке на сдачу экзаменов и зачётов. Мои контрольные работы пришли только спустя пять дней, после моего приезда в академию. Дело в том, что все работы были секретные, и я не мог их взять с собой, они шли специальной почтой. Но все преподаватели, выслушав мои объяснения, шли на встречу и дописывали меня в списки, сессию я сдал. Уже после сдачи всех контрольных и зачётов меня вызвали к начальнику курса и объявили, что я отчислен, он и не знал, что сессия мной сдана.

Пришлось ехать в Москву, учились мы в учебном центре академии в г. Наро-Фоминске. Начальник факультета и говорить со мной не стал, не представил во время работы значить должен быть отчислен. И тогда я обратился за помощью к полковнику Пилипенко, я уже писал об этом человеке, заместителе начальника разведки ТуркВО. Мы с ним здорово поругались при вводе отряда в Афган. Я знал, что он работает преподавателем в академии.

Пилипенко, подробно расспросив меня, повёл к начальнику факультета, они были с ним в дружеских отношениях. По дороге прихватил с собой ещё одного преподавателя для поддержки. Зайдя к генералу, он сказал: «Ты, что Петя, охренел? У мужика три ордена, а ты его за борт». Тот начал говорить, что у меня сессия не сдана. Я показал зачётку. Тогда Пилипенко уже

обращаясь ко мне: «Ты чего стоишь, уши развесил. Бегом за коньяком». Так моё высшее военное образование было спасено.

Вообще сессии в академии были вторым отпуском. Учёба мне давалась легко, за диплом с отличием я бороться не собирался. И поэтому здорово не надрывался. Хотя были моменты, что и здесь я с преподавателями спорил, за что и был бит.

На экзаменах по ППР (партийно-политическая работа) я получил оценку — «удовлетворительно», что для меня было полной неожиданностью. На все вопросы билета я ответил без запинки, дополнительных вопросов не было, и я ожидал пятёрку, и тут как гром в ясное небо. Увидев мой обалделый вид, преподаватель сказал, что если я с оценкой не согласен, то могу пересдать. И тут я вспомнил, да и ребята подсказали, как я спорил с этим преподавателем, нужны ли в спецназе замполиты рот. Я доказывал, что при подготовке групп уже в ходе войны в роте важнее иметь начальника штаба, очень большой объём отрабатываемой документации. А за пять-семь дней, что даются на подготовку группы, уже ни кого не воспитаешь, какие есть такие и пойдут в тыл врага. Зря я задел честь мундира.

Второй случай, я получил уже двойку, по тактике. Мы отрабатывали тему «Наступление мотострелкового полка с ходу». Я в своём решении, одну из рот, определил для охраны тыла полка на марше. Преподаватель сказал, что это совершенно безграмотно, я ослабил удар полка по противнику и предложил мне поменять своё решение. Я категорически отказался, мотивируя тем, что если я не прикрою тыл полка, мне десяток зелёных беретов так его раздолбают, что я вообще наступать не смогу, не будет ни горючего, ни боеприпасов, всё пожгут. Ну и мне, конечно, вкатили пару.

Слушатели академии, группа № 3 набор 1983 года, на занятиях по тактике

Когда я приезжал на сессию мы обязательно собирались с бывшими сослуживцами по 154 отряду. В это время учились в Академии им. М.В. Фрунзе на очном факультете: Вячеслав Посохов, Равиль Ахметов, Олег Частухин. Подъезжали и другие ребята. Кое-кто из 15 БРСПН в это же время учился в Академии Советской армии.

Слева на право: Ахметов Р.М., солдат отряда (фамилию не помню). Василегин Е.Г., Стодеревский И.Ю.

В академии была теория, а в полку мы занимались практикой. Кроме того, что приходилось часто выезжать на полигоны со своими подразделеньями так ещё привлекали на учения чужих частей и соединений. То в качестве посредника, то, как это было при разворачивании Кутаисской дивизии, приходилось готовить подразделения к боевым стрельбам.

Кадровых офицеров было мало и командир 31 Армейского корпуса генерал-майор Ковалев, отчества, к сожалению, не помню, но мы с ним тёзки, поручил мне провести батальонные ученья с боевой стрельбой с мотострелковыми батальонами. Уж не помню, сколько дней это продолжалось. Но каждый день стрельба.

Хочется отметить подготовку солдат этой дивизии, почти все они были призваны из запаса, но могли дать фору и развёрнутым частям. Дивизия дислоцировалась в г. Кутаиси, но приписной состав процентов на 80–90 был из Ростовской области. Люди срочную службу проходили, как правило, или на Дальнем востоке или в группах войск за границей, где всегда была хорошо налажена боевая подготовка.

Очень сложно при проведении боевых стрельб соблюдать меры безопасности. Цепь атакующих должна быть почти идеально прямой и это на пересеченной местности. Главное, чтобы ни кто не отстал, иначе возможны выстрелы в спину. Так вот, при подготовке подразделений этой дивизии, не было такой

проблемы. Здесь в атаку шли не пацаны срочники, а мужики, которые сами заботились о своей безопасности. На отставшего хотя бы на 5–6 метров со всех сторон сыпался такой отборный мат, что он немедленно догонял цепь.

В Закавказском военном округе не было частей морской пехоты и их роль приходилось выполнять нашему полку. Так, что я столкнулся и с этой проблемой. Ни в училище, ни в академии меня этому не учили. Да и здесь не пытались. Прибыли мы в порт г. Поти и я получил задачу сделать план погрузки на корабли, кажется, это так называлось. Сунули мне в руки наставление, план-схемы кораблей и приказали, чтобы к утру люди и техника были готовы.

Погрузить надо было два мотострелковых батальона и танковую роту. Грузить было положено в определенной последовательности в зависимости от того, кто первым высаживается и от технических особенностей кораблей. На каждой единицы техники мелом наносились номера погрузки, один сверху и два по бокам. Я не спал всю ночь, но приказ выполнил. Утром с чувством исполненного долга погнал колону на погрузку. Но оказалось, что я только зря потратил время. Погрузкой занимались старшие помощники капитанов кораблей, плевали они на мои номера, грузили так, как считали целесообразным.

Быстро загрузили корабль типа Ро-Ро, с него батальон на следующий день должен был десантироваться прямо на причалы Батумского порта и захватить порт.

Также быстро погрузили четыре МДК (малые десантные корабли) и два сторожевых корабля «Ворон» и «Волк». А вот с загрузкой сухогруза была проблема. В один из отсеков трюма загрузили батальон. А в другой отсек стали грузить танки. И чуть было не произошла трагедия. Один из солдат заметил, что стойка, на которой крепился кран, вышла из палубы корабля сантиметров на двадцать. В это время на стреле крана висел танк. Его срочно опустили на землю и погрузку прекратили. Если бы это во время не заметили, кран вместе с танком могли обрушиться в трюм и пробить днище. Корабль немедленно бы затонул, и весь батальон мог бы погибнуть. Для выхода из трюма, где солдаты уже легли спать, был всего один люк. Танки пришлось отправлять в Батуми железной дорогой.

Меня как старшего разместили на флагманском корабле, одном из сторожевиков. Около полуночи корабли пошли в сторону Батуми. Я лёг спать в отведенной мне каюте, но поспать так и не пришлось. Каждые полчаса раздавался вой сирены, и объявлялась тревога. Первый раз я оделся и выскочил из каюты,

но мне сказали, что тревога касается только экипажа, а я могу спать. Тут поспишь, гудит сирена, затем отбой и объявляется приборка. Заходит матрос и начинает драить совершенно чистые полы. Когда он начал это делать в третий раз, я его попросил не тревожить пехоту, и он больше не приходил.

Утром я был приглашён на завтрак в кают-компанию. А буквально минут через тридцать после завтрака началась высадка. Высаживались мы на свой собственный полигон. Первыми высаживались подразделения и техника с МДК, а затем МДК подходили к сторожевикам, солдаты грузились на них и к берегу. За высадкой наблюдало всё командование 31 АК. Я потом получил нагоняй за то, что шёл сзади атакующих цепей с дипломатом в руках.

Были у нас и срывы в боевой подготовке. Приезжаю с академии, был на сессии, нет одного батальона. Привлекли на строительство дачи Горбачёва в Пицунде, выполняли там подсобные работы. Вот тебе и демократия. Месяца три батальон выполнял роль стройбата.

В начале осени 1987 года, я к этому времени уже закончил академию, в наш гарнизон прибыл командующий войсками округа генерал-полковник Кочетов, многие начальники его просто панически боялись. Во время своих поездок в войска округа он обязательно кого-нибудь снимал с должности, и даже кличка у него была «Фотограф», «Внимание, снимаю».

Наш полк подняли по тревоге и вывели на полигон. Командующий приказал построить офицеров штаба и управления полка. Проходя мимо строя в сопровождении командира корпуса генерал-майора Ковалева и командира дивизии, он здоровался с каждым, после того как они ему представлялись. Подойдя ко мне, он спросил: «У меня, что 90 полк парашютно-десантный»? Дело в том, что все мы были в полевой форме, а у меня в петлицах в место пехотных эмблем были воздушно-десантные. Ковалев из-за спины командующего погрозил мне кулаком. Но я быстро сориентировался, подозвал прапорщика и прямо на глазах командующего снял у него пехотные эмблемы и воткнул в свои петлицы. Кочетов хмыкнул и пошёл дальше.

Фото по окончании Академии с начальником курса

Затем все офицеры выполняли упражнение контрольных стрельб. Первыми стреляли командир полка и замполит, отстреляли на двойку. Во второй паре шёл я с начальником штаба полка. Нам командующий решил усложнить задачу и приказал стрелять в противогазах. Своего противогаза у меня не было, и я взял у солдата, чем и поплатился. Противогаз оказался совершено новым и был весь в тальке. Как только я его одел, у меня сразу стали слезиться глаза. Я уж даже не знаю, как умудрился отстрелять на отлично. Всё-таки сказалась подготовка в спецназе, да и в пехоте я с полигонов не вылезал.

После стрельбы положено докладывать старшему начальнику. Я подошёл, докладываю, а командующего практически не вижу, слёзы градом из глаз, тальк сделал своё дело. Кочетов спросил у сопровождавшего меня во время стрельбы офицера штаба округа, попал ли я гранатой в окоп, это было положено по условиям упражнения. Получив утвердительный ответ, разрешил мне идти. На построении после стрельбы, он, ткнув в меня пальцем, приказал командиру корпуса: «На этого подполковника, через два часа, принесите мне представление на должность командира полка».

Меня уже раз пытались назначить на должность командира полка, любимый комдив хотел в моё отсутствие меня «женить». Я находился на сессии в академии, позвонил начальник штаба

нашего полка и сообщил, что на меня оформлены документы на назначение командиром кадрированного полка нашей же дивизии.

Такой должности я ни когда не хотел, не моё это дело копаться в бумагах. В таком полку человек сто солдат и офицеров, и ни какой боевой подготовки. Среди офицеров такие части не котировались, при назначении туда можно было ставить крест на карьере.

Всё это сделали, даже не спросив моего согласия, у меня были не простые отношения с командиром дивизии. Я всегда имел своё мнение по вопросам службы и всегда его отстаивал. Мало кому это нравится. А вот командиру корпуса генералу Ковалёву моё отношение к службе и моя личная подготовка, как мне кажется, нравились. Он часто меня поддерживал и на совещаниях часто ставил в пример.

Кстати моя первая встреча с ним произошла, когда я проводил показные занятия в учебном центре «Келета» под Ашхабадом, ещё в 1980 году, когда служил в спецназе. Ковалев был участником тех учебных сборов и запомнил меня.

Помог он мне и на этот раз. Он, как и я находился в Москве, учился на курсах при Академии Генерального Штаба. Я отыскал его в общежитии и изложил суть дела. Ковалев при мне позвонил в штаб корпуса и запретил посылать документы на утверждение в штаб округа.

После приказа Кочетова колесо закрутилось. В конце октября меня вызвали в штаб округа на собеседование с командующим. При назначении на должность командира полка было положено пройти собеседования во всех инстанциях от округа и до главного управления кадров Советской Армии.

Прибыл я в Тбилиси, в приёмной командующего человек шесть кандидатов на должности командиров полков разных родов войск. Заходили по одному, и беседа с командующим длилась до получаса. Во время беседы порученец командующего заносил в кабинет то какое-нибудь наставление по службе, то курс стрельб, то уставы. Офицер, который зашёл передо мной, вышел красный как рак и вспотевший от психологического напряжения. На одних служебных обязанностях командира полка можно себе шею сломать, а здесь гоняют по всем документам, регламентирующим деятельность полка. Мне было легче потому, что я почти три года, будучи заместителем командира полка как раз этой работой и занимался. Но все равно было страшновато.

Когда я зашёл и представился, Кочетов удивлёно спросил, зачем меня прислали, ведь он со мной уже беседовал на полигоне. Затем сказал: «Ну, что если приехал, садись,

поговорим». Минут 5–7 он меня расспрашивал о положении дел в нашем полку. Затем спросил меня, каким полком я хотел бы командовать. Документы были у меня оформлены на один из полков нашего корпуса.

Дело в том, что когда я ещё находился в приёмной, со мной беседовал заместитель командующего войсками округа генерал-лейтенант Альберт Макашов. И уже задавал мне такой вопрос, я ему ответил, что мне все равно где служить, лишь бы полк был развёрнутый. Он предложил мне должность командира учебного полка. Макашов курировал учебную дивизию, полки которой дислоцировались в Тбилиси и его окрестностях, а командира одного из полков за упущения в службе снимали с должности. Я не ответил ни да, ни нет, мне хотелось не боевой полк. После нашей беседы Макашов зашёл к командующему и видимо с ним обговорил этот вопрос.

Командующий предложил мне два полка на выбор. Один мотострелковый развёрнутый в Ереване и другой учебный по подготовке командиров отделений для горных батальонов частей Закавказского военного округа.

Во всех мотострелковых полках округа первые батальоны были горными, а первые роты этих батальонов, были альпийскими.

Я ответил командующему, что поеду туда, куда он прикажет. Он приказал оформить мне документы на учебный полк.

Уже когда я командовал этим полком, у меня была встреча с Ковалевым. Он беззлобно сказал, что я сбежал из корпуса, посылали меня на один полк, а я оказался на другом. И пожелал мне долго на этом полку не задерживаться, год, полтора и надо двигаться дальше.

На следующий день после беседы с командующим проходил военный совет округа, присутствовали офицеры округа от командира дивизии с начальником политотдела и выше. На этом военном совете утверждались кандидатуры на должности командиров полков. Каждый из присутствующих мог задать вопрос. Когда я зашёл, то увидел зал полный офицеров в званиях не ниже полковника. Впереди за длинным столом сидели члены военного совета округа. Когда я доложил о прибытии. Командующий очень тихо, он всегда говорил тихо, объявил, на какую должность я планируюсь, и что он со мной уже подробно беседовал. После этого спросил, будут ли у кого-нибудь из сидящих в зале ко мне вопросы. Ну, кто же будет задавать вопросы, если командующий подробно беседовал. Меня утвердили.

В начале ноября я поехал на утверждение в Ставку южного

оперативного направления, возможно, я сейчас уже путаю название. Ставка размещалась в Баку, ей подчинялось несколько военных округов, в том числе и Закавказский.

Прибыл я 6 ноября. Командующего генерала-армии Зайцева не было. Со мной побеседовал начальник отдела кадров генерал-майор, бывший командир дивизии, фамилию, к сожалению не помню. За тем побеседовал начальник штаба ставки, и начальник отдела кадров повёл меня на беседу к члену военного совета ставки, это политработник.

Когда я зашёл то увидел человека сидящего за столом в белой парадной рубашке, но без погон. Хорошо, что я знал его звание, а то бы не смог бы ему и доложить о прибытии. Фамилию и сейчас помню хорошо, но писать не буду. Он был явно выпивши. Лицо с крупным пористым носом красноватого цвета позволило бы ему сыграть в фильме Гайдая самогонщики без грима.

Начальник отдела кадров вышел, а генерал стал задавать вопросы. Всё шло нормально, до того пока он не выяснил, что у меня второй брак. Когда он стал возмущаться, я ему сказал, что уставом партии разводы не запрещены и, что за развод партийного взыскания у меня нет. Он аж подпрыгнул в кресле и стал на меня орать. Я потребовал, чтобы он на меня не кричал, после этого он поднял такой крик, что в кабинет снова вошёл начальник отдела кадров. Он не мог понять, что происходит. После этого член военного совета меня отпустил. Когда мы вышли, я рассказал генералу, что произошло, и спросил его, что наверно моей карьере хана. Он меня успокоил и сказал, что пошлёт мои документы дальше на Москву.

В середине ноября меня вызвали в Москву. Сначала со мной беседовали в штабе Сухопутных войск, а затем в Главном управлении кадров СА. Вопрос был решён положительно.

К чему я это всё так подробно расписываю, да потому, чтобы люди гражданские поняли, что в Армии начиная с должности командира полка случайно должность получить не возможно, надо пройти чистилище. Да конечно, если у тебя есть волосатая рука в высших структурах Армии пролезть можно, но таких были единицы. Основная масса офицеров, шла вверх по карьерной лестнице, только благодаря своим способностям и адскому труду. Когда всё личное отбрасывалось и во главу угла ставилось только одно, безопасность Отечества.

6.4. 355-й гвардейский мотострелковый полк. (пгт. Первогвардейск.)

В полк я прибыл в конце декабря 1987 года. С жильём мне повезло. Дней двадцать я прожил в квартире заместителя по тылу, он был в отпуске и уступил мне свою квартиру. А затем мне дали четырёх комнатную квартиру. Я сказал комдиву, что у меня только двое детей и четырёх комнатная мне не положена, но он сказал: «Живи». Это было здорово, по приезду в Батуми я с семьёй около двух месяцев жил в одной комнатке изолятора медицинской части полка. А в Лагодехи снимал номер в туристической гостинице, что больно било по карману. Но с квартирами мне все равно везло, большинство офицеров было в более тяжёлых условиях.

Полк имел богатое историческое прошлое, он в своё время был сформирован на базе Богунского и Таращанского полков дивизии героя гражданской войны Щорса. Да и дивизия имела героическое прошлое, она первой в Красной Армии, в августе 1941 года, в боях под Ельню, получила звание гвардейской.

Не успел я, освоиться на новой должности, как в феврале следующего года мой полк был развёрнут до штатов военного времени и выведен на учения, опять всё в те же Караязы, но теперь это было всего в 50 километрах от нашего расположения.

Правда полк как был, так и остался на своём месте, а я с частью офицеров принял приписной состав. Офицеры, до командира роты включительно, тоже были приписники.

То время я вспоминаю как дурной сон, мне кажется, что даже в Афгане было легче. На дворе был 1988 год, уже шёл развал Союза. В Азербайджане и Армении начались межнациональные конфликты. А у меня в полку славян минимум, в основном армяне, азербайджанцы и грузины. И все получили боевое оружие. Поддерживать дисциплину было очень сложно. Уже не проходили призывы о любви к отечеству и патриотизму. Ни кого нельзя было напугать и уголовной ответственностью. Люди подчинялись просто по привычке. Но я находил с ними общий язык, и грубых нарушений дисциплины в полку не было. Пару раз смуту создавал, как это не парадоксально, командир дивизии.

Приезжая он выступал с импровизированной трибуны, полк размещался в палатках в открытом поле, условия были отвратительные и когда возмущенные люди задавали ему вопросы по благоустройству, он отвечал им как солдатам срочникам, а это были мужики. Они начинали свистеть, и

оскобленный генерал удалялся в Тбилиси, а я был вынужден ещё минимум минут 30–40 успокаивать народ, мне, слава богу, подчинялись.

Сразу после развёртывания мы провели 100 километровый марш, и оказалось, что призванные из запаса машины ГАЗ-53 проходят по любым полевым дорогам, так как за рулём сидели профессионалы, местные жители. А вот полковые машины высокой проходимости ломались и застревали.

Ну и конечно сложно было бороться с употреблением спиртных напитков, ну не может грузин обедать в сухомятку, без вина. Но к чести приписников могу сказать, что пьяных я не видел.

При наведении порядка я опирался не на офицеров приписников, многие из них не пользовались авторитетом среди солдат, а на лидеров. Так был в одной из рот старшина грузин, мастер спорта по борьбе весом килограмм 150. На него даже форму не смогли подобрать, весь месяц он проходил в маскхалате. Так вот, если возникала какая-либо проблема по дисциплине, кто-то начинал бузить, я его вызывал, ставил задачу и проблема исчезала.

Провели мы все положенные занятия. В том числе и боевые стрельбы.

Я решил сам провести первое занятие по метанию боевых гранат с одной из рот. И делал это как всегда в обстановке максимально приближенной к боевой. Рота была построена в две шеренги, и я бросил гранату на 50 метров. Разлёт осколков наступательной гранаты РГД-5 около 10 метров. Всё было нормально, солдаты наклонили головы, на головах были каски и передвинули противогазы на пах. Это меры предосторожности, если какой-то шальной осколок всё же долетит.

А вот когда я сказал, что это бросали мы, а теперь бросят по нам и отбросив гранату на 20 метров скомандовав: «Ложись!» упал, то услышал топот, как будто несётся стадо слонов. Подняв голову, увидел улепётывающею вниз по склону холма роту, такой бег я наблюдал только в фильме «Пёс Барбос и необычайный кросс». Команду «Ложись!» выполнило всего человек шесть.

Впервые за мою службу солдаты, пусть приписники, я такое в ТуркВО проделывал и с приписниками, бросились бежать, контингент не тот. Ведь я на пять метров был ближе их к месту взрыва.

Эти сборы были рассчитаны на 30 суток. Но командир дивизии мне пообещал и я довёл до людей, что как только будут проведены стрельбы, мы отпускаем их на трое суток раньше.

Мы уже хотели откомандировывать людей, но тут приезжает

генерал Макашов и объявляет, что наш полк должен выкопать 15 КНП (командно-наблюдательный пункт) полка.

Дело в том, что в Караязы прибыли слушатели академии им. Фрунзе, и им для занятий требовалось большое количество КНП. Задачу, копать их, поставили не только нам, а ещё ряду частей.

Что тут начало творится, люди почувствовали себя обманутыми, стали снимать с себя шинели, бросать их на землю и группами уходить в Тбилиси, хотя до него было 50 км. Я уж не помню, как мне удалось успокоить людей и вернуть назад в лагерь. Но копать, они на отрез отказались.

Что не отнимешь у народов Закавказья, то это их предприимчивость. Они проявили её и здесь. Ко мне явилась делегация от одной из рот, с вопросом, что они готовы выкопать КНП, но чтобы их сразу отпустили. Я пообещал, и буквально часа через три КНП было готово. Оказывается, они наняли экскаватор «Беларусь» в соседнем селе и быстро справились с делом. Когда народ увидел, что часть людей отпущена по домам, что тут началось. Они собрали технику со всех ближайших сёл. Всю ночь в поле слышался её гул и к утру, вся работа была выполнена.

Закончились эти сборы и буквально через неделю я с учебным батальоном убыл в горный учебный центр под г. Кироваканом. Он располагался на высоте 1600 метров над уровнем моря. Места красивейшие. Солдатам здесь нравилось. Никаких хозработ, только боевая подготовка. Улучшенное питание, давали горный паёк. Я приказал, чтобы чай заваривали со зверобоем или бессмертником поочерёдно.

Вид на лагерь Кироваканского горного учебного центра.

Не стало кишечных заболеваний, в полку с наступлением

тепла, это стало проблемой. Солдат обязан был носить во фляге только кипячёную воду или янтак (отвар из верблюжьей колючки), это по опыту Средней Азии. Но этот отвар был очень горький и солдаты его выливали. Разве за этим уследишь, пили, конечно, они и воду из-под крана, а это, как правило, в лучшем случаи расстройство желудка или ещё что похуже.

Выше барельефа В.И.Ленина стрельбище.

Это проблема лета, а зимой простудные заболевания. С ними можно было бороться только одним способом каждый обед выдавать солдатам по большой головке репчатого лука. По нормам снабжения это не положено, но мы выкручивались.

Занятия по горной подготовке проводили офицеры-инструкторы управления боевой подготовки штаба округа. Стреляли на двух стрельбищах, на горном, в этом же учебном центре, и на стрельбище Кироваканской дивизии.

-:-;-

Жена с дочерью у отметки 2025 м., у каньона где проходили занятия по скалолазанию.

Такой полевой выход был положен в конце каждого учебного периода, то есть, каждые полгода на месяц в горы. Как я уже говорил, мой полк готовил командиров отделений для горных батальонов округа. Готовил, как я считаю, плохо, за полгода не сделаешь из солдата горного стрелка тем более командира отделения. Хотя на выпускных экзаменах солдаты и показывали не плохие результаты, все равно это был ещё сырой материал.

Вид на горы из генеральского домика.

Моё присутствие, в этом учебном центре, было необходимо только первые дня три, проконтролировать как организовывается боевая подготовка в учебном батальоне. И в конце месяца, когда проводятся контрольные занятия, но приказ комдива был сидеть там весь месяц. Любят у нас перестраховку, есть комбат пусть и командует, нет, надо повесить над ним командира полка. Я комбату не мешал, трое суток жёсткого контроля, а затем не вмешивался, наблюдал со стороны.

Домик, в котором я жил, называли его генеральским, находился на высотке возвышавшейся над лагерем метров на 50. Отсюда хорошо просматривался не только сам лагерь, но и ближайшие окрестности. Затем я привёз жену с младшей дочерью Тамарой. Спасибо комдиву за дополнительный отпуск.

Большое внимание уделялось физической подготовке курсантов. Как только мы набирали очередную партию курсантов, я приказывал сразу преступить к обучению их рукопашному бою, хотя это и не предусматривалось программой. И к сколачиванию подразделений, роты были большие по 120–150 человек.

Ежедневно строевая подготовка и изучение строевых песен. Всё это дополнительно к программе подготовки. Уже через месяц было видно, что это не новобранцы, а курсанты учебной части.

Этим я преследовал ещё одну цель. Через месяц-полтора после набора солдаты принимали присягу. Это праздник части и на него приезжали родители солдат, и не только из республик Закавказья, но и из России. После принятия присяги мы проводили показательные выступления по рукопашному бою.

С начало ката с оружием в составе двухсот человек, это было

зрелищно. Солдаты были одеты в горное обмундирование: штурмовки, горные брюки, ботинки с триконями (металлические пластины с зубцами на подошве против скольжения на льду). На головах каски обтянутые маскировочной тканью как носили мы в Афгане. Затем бои и прохождение подразделений с песней.

Я установил, что каждая рота должна знать три песни: ротную, батальонную и полковую. Полковая песня в полках, которыми я командовал, всегда была старая русская воинская песня — «Взвейтесь соколы орлами». Кстати такая моя установка помогла при подготовке к параду в Тбилиси в ноябре 1988 года.

Генерал-лейтенант Макашов проводил с частями Тбилисского гарнизона ночную тренировку, на площади где должен был состояться парад. Коробки были по 200 человек. Когда они прошли один раз мимо трибуны и развернулись, чтобы вернутся на исходные позиции, он приказал идти с песней. Но это было не возможно, все коробки были сборные, солдаты из разных подразделений. И только коробка моего полка прошла с песней. Ребята спели и ещё как спели. Представьте себе ночь, тишина, проспект Руставели сдавленный со всех сторон высотными зданиями, и мощное слаженное пение двухсот мужских голосов. Полк каждую субботу ходил по военному городку с песнями, таков был приказ командующего.

Прохождение с песней курсантской роты, перед родителями, прибывшими на принятие присяги.

Так вот когда родители одобрительно хлопали на показных выступлениях, я им говорил, что это их сыновья.

Они не верили, что за такое короткое время их ребята чему-то уже научились, пока не различали в общей массе родное лицо.

После сдачи итоговой проверки за зимний период обучения, в конце мая я был привлечен к партийной ответственности.

А дело было так. Полк проверку сдал, и сдал не плохо. Марксистко-ленинскую подготовку у офицеров принимал подполковник с политуправления округа, председатель партийной комиссии округа. Он зашёл ко мне в кабинет и с порога заявил, что я неправильно провожу воспитательную работу с офицерами, так как один из них не знает, за что на него наложено дисциплинарное взыскание. Я предложил ему сесть, сказав, что докажу то, что его ввели в заблуждение. Но оказывается, что надо было, только кается. Подполковник, даже не присев, объявил, что я буду привлечён к партийной ответственности, и гордо удалился.

Через неделю звонок. Звонит председатель партийной комиссий дивизии, толковый офицер, я потом сталкивался с ним во время Тбилисских событий, в апреле 1989 года. Спрашивает, что случилось. Он получил приказ рассмотреть моё дело в дивизии или представить меня в комиссию округа. Сам же и предложил, после моих пояснений, слегка по чертыхавшись, в адрес округа, разобраться в дивизии. Партийная комиссия дивизии постановила: «Обобщить передовой опыт воспитательной работы командира 355 МСП», и так бывало.

Дело в том, что я сам, на каждого офицера и прапорщика полка, вёл личные карточки. Туда заносилось всё: хорошее, плохое, результаты бесед, выводы по этим беседам. Там же имелась краткая характеристика, которая дополнялась и изменялась в процессе изучения человека.

В эту же весну мы провели массовую посадку деревьев. Гарнизон находился в Грузии, а было такое ощущение, что где-то в Туркмении. Деревьев было очень мало, и были они высотой по полтора-два метра.

Городок построили в голой степи всего три года назад. Помогал нам в озеленении территории очень интересный человек, офицер, ветеран Великой Отечественной войны, Захарий Васильевич Шпетишвили.

Он работал лесником, и наши солдаты, в порядке шефской помощи, помогали иногда ему в его хозяйстве. А он нам поставлял саженцы деревьев для посадки: платаны, кипарисы и фруктовые. Удивительно то, что в первый же год зацвели вишни. Кроме того, мы посадили очень много сирени.

Не далеко от городка была заброшенная железнодорожная станция, и вокруг неё просто бушевал сиреневый лес. Кусты стояли очень плотно, поэтому достигали в высоту до четырёх метров и это на нескольких гектарах. Мы выкапывали уже взрослые растения вместе с землёй, и они прекрасно приживались на новом месте.

Кроме того, Захарий Васильевич чуть ли не каждый день привозил ящик помидор, в армии поздно начинали давать свежие овощи. Ящиком помидор полк, конечно, не накормишь, а вот для караула этого было вполне достаточно.

Захарий Васильевич ходил всегда быстрой походкой, сильно прихрамывая. Глядя со стороны, трудно было догадаться, что у этого человека нет одной ноги. Её он потерял в 1943 году, но и после этого остался на фронте и, служа на тыловых должностях, дошёл до Германии.

Когда навестить нас приехал мой отец, Захарий Васильевич пришёл в гости он давно хотел с ним познакомиться. Два фронтовика, к тому же одногодки, долго сидели за большущей банкой чачи, им было о чём поговорить.

Осенью полевого выхода в горный учебный центр не было. В Армении и Азербайджане начались межнациональные беспорядки.

6.5. Шеки.

«Нам кое-кто твердит, нужны, мол, все таланты.
Но держат землю всё-таки Атланты»

Воловик.

В 1988 году в Закавказье начался межнациональный конфликт между армянами и азербайджанцами. Столетиями жили рядом, а тут вдруг взяли и начали конфликтовать. И как конфликтовать? Море крови и средневековое варварство, резня всех подряд женщин, стариков, детей. Местные правоохранительные органы уже не справлялись с ситуацией, а зачастую скрыто, или даже открыто, поддерживали одну из сторон конфликта. Внутренние войска также уже были не в состоянии, навести порядок в «дружной семье народов». И как всегда палочкой выручалочкой стала Армия.

21 ноября 1988 года полк был поднят по тревоге и в составе колонны дивизии, часть полка, во главе со мной, убыла в г. Кировабад. Марш 250 км совершался очень плохо, шли всю ночь. Колона была смешанная, мои БТРы шли за БМП соседнего полка. Колона часто останавливалась, чувствовалось отсутствие опыта у командования дивизии. Надо было идти полковыми колоннами, быстрей бы дошли. В Кировабаде нас поставили в резерв, порядок там наводила воздушно-десантная дивизия, которая там и дислоцировалась. В дивизии были потери, были убиты, офицер и два солдата.

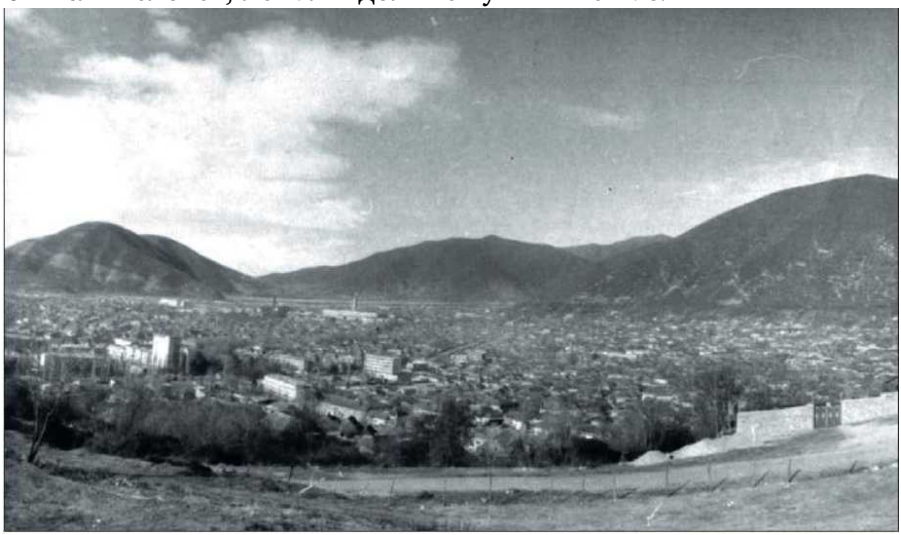
Вечером 24 ноября я получи задачу, с подразделениями своего полка совершить марш в г. Шеки. Это на север от Кировабада. Мне были приданы 400 человек курсантов Елабужской и Чебаксарской специальных средних школ милиции МВД СССР. Но они убыли ещё днём, так что, марш я совершал только со своими людьми.

Марш совершали ночью в условиях ограниченной видимости, на протяжении 60 км сплошной туман. Однако расстояние в 130 км было пройдено за 2,5 часа. Шли со средней скоростью 52 км/час, тем самым перекрыли все нормативы, предусмотренные для передвижения войск. Это стало возможным благодаря высокому чувству ответственности офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат полка, благодаря высокой выучке водительского состава. При прохождении колоны в

тумане, офицеры вылезали на подножки машин, и подсказывали водителям направление движения, через ветровое стекло было плохо видно.

Конкретную задачу мне не поставили, ни кто точно не знал, что творится в Шеки. Сказали только, что идут погромы, почему я и гнал колону. Было приказано прибыть и действовать по обстановке. Разрешили применять оружие, но когда я попросил это подтвердить письменно, мне было отказано. То есть ты действуй, а потом, если, что не так, мы с тобой разберёмся.

Около 12 часов ночи наша колона подошла к посту ГАИ, он находился в километрах пяти от города. Город, население около 70 тысяч человек, лежал в долине чуть ниже нас.



г. ***Шеки (фото с прилегающих холмов).***

Там полыхало несколько пожаров. У поста стояла колона автобусов с милиционерами. Оружия у них не было, только у офицеров пистолеты. Старшие обеих групп мне доложили, что в городе идёт стрельба, и они побоялись вводить туда своих людей. Решение было совершенно верное, стрельбу слышал и я. На самом посту находились начальник милиции и прокурор города. Они стали мне объяснять, что необходимо делать. Я их грубо прервал и сказал, что это им надо было давно что-то делать, а не доводить до того, что теперь приходиться применять армейские подразделения, которые предназначены для ведения боевых действий с противником, а не с собственным народом.

Приказал всем оставаться на своих местах, а сам во главе группы из семи бронетранспортёров вошёл в город. Я шёл на первом БТРе, с точки зрения тактики, это не правильно, но в полку боевой опыт имел только я один. И было опасение, что в

случаи возникновения боя могу потерять управление группой, поэтому должен видеть всё сам.

Улицы в городе были очень узкие, зажатые с двух сторон глубокими арыками и высокими каменными заборами. Впереди я увидел сооружённую из пожарных машин баррикаду. Приказал водителю обходить её справа по тротуару, но он умудрился всеми четырьмя колёсами попасть в арык и БТР застрял.

Когда мы подъезжали, я видел, как от баррикады разбегались вооруженные люди. Поэтому, высунув автомат в люк, дал длинную очередь трассирующими пулями в небо. Я предупреждал, что мы готовы применить оружие. После этого дал команду спешить и сам выпрыгнул из БТРа, на машинах мы бы уже не прошли.

Приказал построить солдат цепью, и обойдя баррикаду мы пошли вдоль улицы. По нам ни кто не стрелял. Но и солдаты, и офицеры были очень возбуждены, всё-таки первое боевое дело. И тут на нас, на большой скорости, выскакивает микроавтобус.

В Кировабаде трёх десантников убили, именно таким способом, направив на них грузовик. Без всякой команды цепь открыла огонь. Я остановил эту пальбу матом, и автомобиль благополучно, всё на той же бешеной скорости, свернул на ближайшую улицу и пропал.

Как потом оказалось, это ехало подкрепление на баррикаду. В машине было несколько дыр, но мы, слава богу, ни кого не убили.

Я категорически запретил открывать огонь без моей команды, и мы двинулись дальше. Проходя перекрёстки, я оставлял на каждом из них бронетранспортёр и отделение солдат. Так не спеша, и не встречая сопротивления, мы вышли на центральную площадь города.

Она имела страшный вид, как факел горел универмаг, шифер на нём от большой температуры лопался и издавал звуки похожие на выстрелы. Через площадь от него горело здание милиции и ещё какое-то здание.

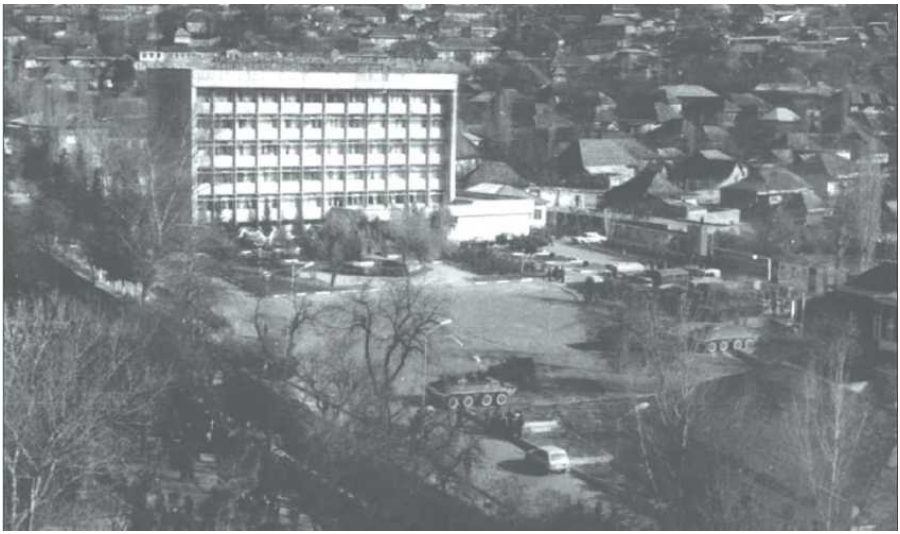
Сгоревшее здание универмага

Я приказал цепи лечь, через площадь идти было нельзя, она пожарами была освещена лучше, чем днём.

Команды я подавал очень громко, и услышав их, из дверей горящего здания милиции выбежал офицер. Это был командир батальона Краснодарской ССШМ МВД СССР, подполковник Лесников Александр Николаевич. Он радостно закричал: «Наши пришли», из здания стали выходить курсанты и офицеры.

Как потом оказалось. Опоздай мы хотя бы на пол часа, их могли бы сжечь заживо. Мятежники отправили одну из пожарных машин заправляться бензином, собирались им заливать подвал, в котором занимали оборону милиционеры. Ребята уже несколько часов вели неравный бой. Из оружия, на 50 человек, у них был автомат и два пистолета. А толпа, вооруженная оружием из разграбленных охотничьих магазинов, составляла человек 100–150. При нашем подходе мятежники разбежались.

Разместив своих людей на площадке, напротив здания горкома партии, которое также частично было повреждено, я доложил по радио в Кировабад о выполнении приказа и отправил офицера за милицией, которая стояла за городом.



Здание горкома партии

На следующее утро напротив горкома собралась большая толпа, около пяти тысяч человек. Мои солдаты стояли жиденькой цепочкой, 5–6 шагов друг от друга. Из толпы неслись проклятия, но не нам, а в адрес местных властей. Ни кто из толпы не пытался прорваться к зданию и к солдатам относились хорошо.

Я услышал, как в районе городской милиции прозвучала очередь из автомата. Милиция находилась в трёхстах метрах от нас и у меня там стояла охрана, человек пять солдат. Взяв с собой двух солдат, побежал туда. Толпа доброжелательно расступалась, кто из местных кричал, чтобы пропустили коменданта. Прибыв на место, я выяснил, что местные мародёры пытались растащить то, что не сгорело.

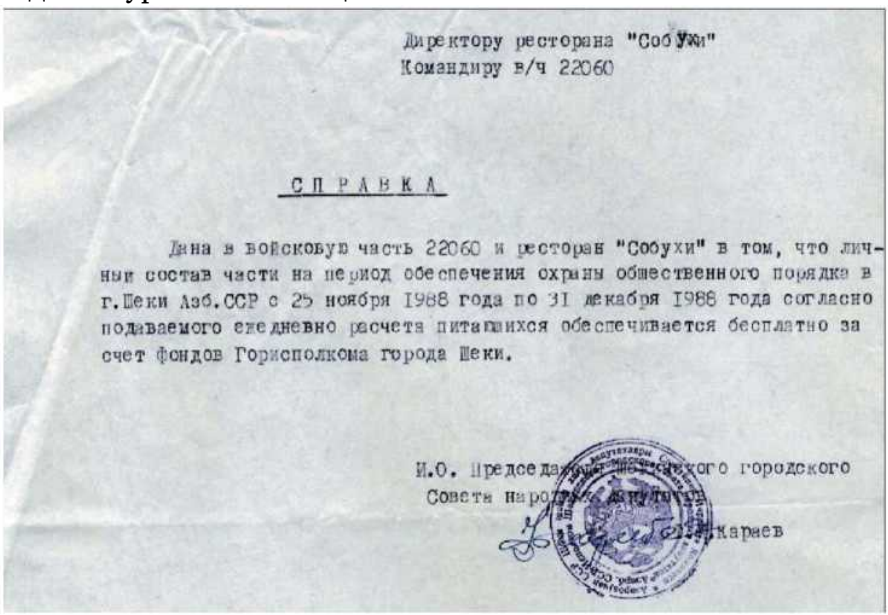
Ребята отпугнули их стрельбой вверх.

Вечером из местного военкомата мне принесли письменное подтверждение моих комендантских полномочий, из штаба округа была получена телефонограмма.

Первые три дня были особенно тяжёлые, я практически не спал. Стоял на площадке перед горкомом, около машины связи Р-142. Обстановка менялась каждую минуту, особенно ночью, то здесь, то там, попытка погрома. Получив сообщение от групп, работающих в городе, я отправлял к ним резервные группы, предварительно лично проинструктировав. Только к утру напряжение несколько ослабевало, и я часа три мог поспать в радийной машине.

Солдат разместили в двух гостиницах, а курсантов милиции в общежитии. Кормили хорошо, в ресторане гостиницы. Когда, спустя несколько дней, нас приехал проверить заместитель

командира дивизии, полковник Заика, он всё волновался, что потом нам выставят счёт. Но у меня был документ, что питание солдат и курсантов милиции за счёт исполкома.



Директору ресторана "Собухи"
Командиру в/ч 22060

СПРАВКА

Дана в войсковую часть 22060 и ресторан "Собухи" в том, что личный состав части на период обеспечения охраны общественного порядка в г.Шеки Азб.ССР с 25 ноября 1988 года по 31 декабря 1988 года согласно подаваемого ежедневно расчета питающихся обеспечивается бесплатно за счет фондов Горисполкома города Шеки.

И.О. Председа[illegible] Шекинского городского
Совета народ[illegible]
[illegible]караев

Развод нарядов на охрану и патрулирование мы проводили каждое утро на площадке перед горкомом. В группы входило, как правило, человек десять курсантов милиции, они были только с резиновыми дубинками и два моих солдата с автоматами.

Каждую ночь я ездил по городу, чтобы лично видеть состояние дел. Днём было более, менее спокойно.

Мы проверяли адреса, где жили армяне и русские, но русских не трогали, а армянам угрожали и требовали, чтобы они уезжали. Так нашим нарядом был задержан капитан милиции из Баку, который занимался выселением армян.

О, помощника прислали!

Я его посадил в сгоревшее СИЗО, и эта сволочь там мёрзла трое суток, пока его не увезли в Баку, но я уверен, что его там выпустили.

На мой взгляд, всё, что творилось в Шеки, не было стихийным, и если бы мы опоздали со своим приходом хотя бы до утра, была бы возможно резня армян, как это было в других районах Азербайджана.

Во время ночных поездок со мной всё время напрашивался капитан из городского отдела КГБ, азербайджанец по национальности. Я его брал, пока однажды не выяснилось, что он, по сути, на стороне бандитов.

Подъезжаем мы к брошенному армянскому дому, патруль

докладывает, что похоже на то, что в доме мародёры. Дом стоял на склоне холма и имел два входа. Я приказал этому капитану блокировать с двумя моими солдатами нижний вход, а сам с двумя другими зашёл сверху через верхний вход. Мы прошли весь дом насквозь, здесь явно кто-то перед нами был. Но когда мы вышли, капитан сказал, что никто не выходил. Я видел удивленные лица солдат, которые были с ним. Спустя минут десять, когда капитан отошёл, ребята мне сказали, что он отпустил двух мародёров. Больше я его с собой не брал.

Ещё был один случай, когда я приказал бандитов наказать физически. Мы около полуночи подъехали к армянскому дому. У нас были схемы размещения таких домов в городе, и мы каждую ночь их контролировали. Подъезжая, я заметил, что во дворе стоят люди. Ворвавшись во двор, мы увидели такую картину. Стоит молодая, испуганная армянка, лет 19–20, с грудным ребёнком на руках в одном платье и босиком, а это уже был декабрь. Вокруг неё четверо азербайджанцев. Опоздай мы минут на десять, и всё могло бы закончиться трагедией. Понимая, что ничего этой сволочи не будет. Мы их привезём, сдадим местной милиции, а их отпустят. Я приказал своим ребятам научить эту мразь правилам хорошего тона. И они это сделали с помощью прикладов.

«…Быть безжалостным к преступнику — это милосердие
по отношению к правопослушным гражданам»
С. Говорухин.

Основной заслугой нашей группировки считаю то, что мы не дали ни кого не убить, не изнасиловать.

Хочу отметить, что конечно не все жители участвовали в погромах. С нашими патрулями постоянно ходили на дежурство ребята «афганцы», на третий день я их всех собрал, оказалось, что в Шеки их 180 человек. На мою просьбу, оказать содействие в наведение порядка, был получен положительный ответ. Кроме того, в патрулировании принимали участие и представители горкома комсомола. Они сразу определяли, кто задержан, житель Шеки или пришедший поживиться с соседних сёл. Этим я ещё и исключил возможные провокации.

Часто можно было видеть горожан, которые небольшими группами не смотря на комендантский час, сидели возле своих домов. Они боялись, что бандиты начнут поджигать армянские дома, такие попытки были. Дома стояли очень плотно, и огонь обязательно бы перекинулся на другие строения. Охраняя свои дома, эти люди охраняли, в какой то степени, и порядок в городе.

С питанием нарядов ночью проблемы тоже не было. Паёк на ночь не предусмотрен ни какими нормами. Нормы нормами, а ребята молодые, часа два, три, и хочется кушать.

Да к тому же холодно. Местные жители выносили столы прямо на улицу и угощали ребят.

Местное население к Армии относилось хорошо, в солдатах они видели своих сыновей. Организаторы всех этих заварушек не учли этот фактор, но спустя всего лишь год в Баку в солдат уже стреляли. Года хватило для дискредитации Армии в глазах местного населения. Армию залили потоками грязи изливаемыми «демократическими и свободными» СМИ, в том числе и московскими. Свободными от совести и чувства ответственности.

Но это будет потом, а сейчас даже в самом начале нашей работы в Шеки, проблем при общении с местным населением не было. Был такой случай. К солдатам стоявшим в оцеплении вокруг горкома партии подъехал микроавтобус, и каждому раздали по палке хорошей копчёной колбасы. Часа через два подъехала другая машина, и каждому солдату вручили по блоку сигарет.

03.12.1988 года я получил приказ частью своих сил организовать поддержание общественного порядка в Шаумяновске, это на юг от Шеки километров 80 -100. Туда я отправил не большую группу, 66 человек, во главе с командиром батальона майором Хлебниковым. Обстановка там была иная чем в Шеки. Район был населён в основном армянами, но в их адрес, из соседнего населенного пункта Евлах, стали приходить телеграммы с угрозами о выселении.

Кстати, отправители телеграмм были полностью уверены в своей безнаказанности, на телеграммах был обратный адрес. Посты наши были выставлены на въездах на территорию района и армяне несколько успокоились. Во всяком случае, когда я спустя дня три проверил там организацию службы, обстановка была нормальная.

Мы выполнили свой долг, уже в конце ноября обстановка в городе было полностью нормализована, работали все предприятия школы и магазины. О том, что обстановка в Шеки было сложная, говорит тот факт, что в городе постоянно находились высокопоставленные чины МВД:

— заместитель министра МВД СССР генерал-полковник Демидов,

— начальник Главного управления МВД СССР генерал-майор Астафьев Сергей Савич,

— заместитель начальника Главного управления уголовного розыска МВД ССР генерал-майор милиции Бомонин Виктор

Петрович,

— 1-ый заместитель Министра внутренних дел Азербайджанской ССР полковник милиции Баранников Виктор Павлович (после развала СССР одно время руководил ФСБ России).

С какой задачей они находились в городе, не знаю. Где-то на третий день, после того как мы вошли в Шеки, меня вызвали в кабинет Демидова, там находился и Баранников. Они стали меня учить, как нужно наводить порядок в городе. Уж не помню, что они мне говорили, но в конце разговора я предложил им всё изложить на бумаге. Молча, посмотрев на меня, мне разрешили удалиться. Больше у меня встречи с ними не было, они практически не выходили из здания горкома.

А вот генерал-майор Астафьев С.С. ежедневно мне помогал советами, не вмешиваясь в работу комендатуры. Откуда мне, армейскому офицеру, было знать тонкости милицейской работы. Советы он давал, если так можно выразиться, стратегического характера, а с мелочёвкой проблем не было.

Справа от меня генерал-майор Астафьев С. С., слева замполит полка подполковник Тисленко, второй справа, подполковник милиции Панков Владимир Георгиевич.

Как я уже говорил, мне были подчинены батальоны двух школ МВД. О курсантах этих школ, и особенно об их командирах, я очень высокого мнения. Профессионалы, люди с высочайшим чувством ответственности. За полтора месяца совместной работы, ни разу не возникло ни одной ситуации, за которую пришлось бы давать нагоняй. Я хотел бы поимённо перечислить этих офицеров.

Начальник штаба особого района г. Шеки подполковник милиции Борзов А.В., майор милиции Кисилёв, оба из Москвы.

Чебоксарская ССШМ МВД СССР:

1. Командир батальона — полковник милиции Акуленко Анатолий Семенович;
2. Заместитель командира батальона — подполковник милиции Громов Геннадий Михайлович;
3. Начальник штаба — старший лейтенант милиции Устинов Владимир Алексеевич;
4. Заместитель командира батальона по тылу — капитан милиции Разбойкин Геннадий Петрович;
5. Заместитель командира батальона по политчасти — старший лейтенант милиции Данилов Виталий Максимович.

Елабужская ССШМ МВД СССР:

1. Командир батальона — подполковник милиции Панков Владимир Георгиевич;
2. Заместитель командира батальона по политчасти — майор милиции Привалов Евгений Васильевич;
3. Начальник штаба — подполковник милиции Ращупкин Михаил Иванович;
4. Заместитель командира батальона по тылу — подполковник милиции Белоусов Владимир Ильич.

Краснодарская ССШМ МВД СССР:

1. Командир батальона — подполковник милиции Лесников Александр Николаевич;
2. Заместитель командира батальона — майор милиции Кульпин Виктор Михайлович;
3. Командир взвода — майор милиции Дубинин Александр Михайлович.

У здания горкома, слева от меня замполит полка подполковник Тисленко, третий справа майор Комогоров, остальные сотрудники милиции.

К сожалению, у меня сохранился только такой список офицеров милиции, наверняка кого-то из тех, кто работал с нами в Шеки, в этом списке нет.

Была ещё группа по работе с местным населением, возглавлял её капитан милиции Кузин А.А., они работали с поступившей информацией и жалобами местного населения.

При комендатуре было создано отделение БХСС, которое было разбито на четыре группы. Руководителем отделения был капитан милиции Разбойкин Г.П., к сожалении списков этого отделения не сохранилось, а сделали они очень много.

В городе, наконец, появилась Советская власть, это говорили сами местные жители. Дело в том, что во всех без исключения магазинах уже давно был капитализм, а точнее беспредел. Каждый продавец сам устанавливал, ценны на товары. Хотя при советской власти торговля была монополией государства и ценны были жёстко фиксированы, за исключением базаров.

Отделение поработало неделю, провели несколько изъятий товаров, аресты продавцов, и город загудел. Ведь этот грабёж был почти узаконен, всё делалось с ведома милиции и прокуратуры.

Я обратил внимание, что когда шёл по городу за мной, на некотором удалении, шло десятка полтора азербайджанок. Обходя свои наряды, я обходил и магазины, со мной всегда была, хотя бы одна, группа БХСС. Как только я заходил в магазин, женщины устремлялись к прилавкам. Оказывается, что при нашем появлении, ценны, сразу становились государственными, и женщины скупали все, что им надо. Так продолжалось недели две и тут мне докладывают, что руководили местных торговых предприятий (ОРС-ы, продторги, универмаги), просят со мной встречи.

Встреча состоялась, и вопрос был только один. С начала, они минут пять, благодарили меня за наведения порядка в городе, но это так восточные любезности. А потом стали говорить, что да, конечно это правильно, что мы следим за ценами, но и их понять надо. Основной аргумент был тот, что в Баку им товары дают уже по завышенным ценам, и если они будут торговать по госценам, то вылетят в трубу. Я им ответил, что я за Баку не отвечаю, а в Шеки будет порядок, на этом мы и расстались.

7 декабря в Армении произошло землетрясение. Мы в Шеки этого и не почувствовали, а вот наши семьи, в Вазиани, выскакивали на улицу, схватив в охапку детей. После основного толчка было ещё несколько, но меньшей силы. Наши жёны, укладывая детей спать рядом ложили узелок с документами, и самыми необходимыми вещами, на случай экстренной эвакуации.

Обо всём этом мы узнали по возвращению в полк, а в Шеки жизнь шла своим чередом.

Чуть ли не с первой недели началась эвакуация армянской части населения. Часть людей, боясь погромов и повторения Сумгаитской резни, приходили к зданию горкома партии.

Был даже случай, молодой азербайджанец привёл свою жену армянку, боялся за её жизнь и попросил вывезти её в Армению. Трагедия двух народов и одной, отдельно взятой семьи.

Других мы привозили во время ночного патрулирования, люди обращались с такой просьбой. Ведь взять под охрану каждый дом было не возможно. Были и провокации, когда нам звонили и говорили, что хотят уехать. Дают адрес, мы приезжаем и выясняется, что с этого дома ни кто не звонил.

Людей размещали в актовом зале горкома партии, кормили за счёт исполкома. В таких невыносимых условиях люди жили дня три-четыре. Затем комплектовалась колона, и их отправляли в Армению.

Порядок полностью восстановить было можно, но этого явно не хотел Баку, а Москва смотрела на это сквозь пальцы. Когда я получил указание на отправку первой колоны, я меня был шок. Я понял, что государство не хочет защитить своих граждан.

И дураку было понятно, что отправка армян в Армению и азербайджанцев в Азербайджан вопрос не решат. Государство было обязано защитить тех, кому угрожала опасность и пересажать виновников этой опасности, а с ними заигрывали. Развал Союза, по моему убеждению, начался в 1988 году, а в 1991 году псевдодемократы, а попросту пятая колона поставили точку.

В городе были назначены новые руководители, в исполкоме, милиции, и прокуратуре. Был избран новый первый секретарь. На день проведения выборов мы спланировали и провели масштабную операцию по обеспечению безопасности партийной конференции.

На должность 1 — го секретаря нашли азербайджанца, который уже давно проживал в Ленинграде. Он был поэтом, а в Азербайджане поэты пользовались большим уважением. Выборы прошли без эксцессов.

30 декабря передав дела новому коменданту, я со своими людьми убыл в пункт постоянной дислокации полка. Наша миссия была завершена.

За наведения порядка в Шеки большая группа военнослужащих и работников милиции была награждена: ценными подарками, грамотами и даже двум офицерам милиции были присвоены очередные звания. Я тоже получил подарок, фотоаппарат с надписью: «От МО СССР», правда, он изначально

был не исправен. Два раза пытался его ремонтировать в мастерских, но безуспешно.

Хочется отметить, что в сложных ситуациях наши люди собираются в комок и не позволяют себе разгильдяйства. Так было и в этот раз, за полтора месяца ни одного нарушения дисциплины. С чувством высокой ответственности исполняли свой долг солдаты, прапорщики и офицеры полка. Вот некоторые из них: замполит полка подполковник Александр Тесленко, пропагандист полка майор В. Колмогоров, начальник штаба батальона капитан Можайский Ю.А., начальник медицинской службы полка капитан Лагоша К.А., и ещё целый ряд младших офицеров. Все эти люди выполняли в Шеки не свойственные Армии задачи, но сказали надо, и они сделали.

По приезду в полк был издан приказ о поощрении личного состава, я его зачитал на Новогоднем вечере офицерского состава, чтобы жёны видели, кто есть кто.

П Р И К А З

КОМАНДИРА ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 22060

" " января 1989 года № пос.ВАЗИАНИ

"О поощрении личного состава полка отличившихся при наведении порядка в г.Шеки и Шаумяновском районе."

В результате разжигания на национальной основе отдельными гражданами вражды между армянами и азербайджанцами на территории этих республик возникли бесчинства, беспорядки, которые мешали жизни и трудовой деятельности трудящихся Армении и Азербайджана. КПСС и Советское правительства приняли решение о проведении решительных мер по наведению порядка в республиках Армении и Азербайджана. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23.II.88 Главком войск Южного направления поставил перед полком задачи о наведении общественного порядка на территории Азербайджанской ССР. 22 ноября подразделения полка совершили марш в г.Кировобад и в течении двух суток принимали участие в наведении порядка в г.Кировобаде. 24 ноября перед полком была поставлена задача совершить марш в г.Шеки и стабилизировать там положение. Марш совершался ночью в условиях ограниченной видимости) на протяжении 60 км, был сплошной туман), однако расстояние в 130 км. было пройдено за 2,5 часа, со средней скоростью 55 км/ч тем самым были перекрыты все нормативы предусмотренные для передвижения войск. Это стало возможным благодаря высокому чувству ответственности офицеров, прапорщиков, солдат и сержантов полка, высокой профессиональной подготовке водительского состава полка. По прибытию в Шеки благодаря принятию решительных и оперативных мер порядок в городе был стабилизирован. В городе была налажена оперативно-патрульная служба, взяты под охрану особо важные объекты и введен комендантский час. Начали работу следственная группа и группа по работе с населением. Благодаря проведению комплекса мероприятий к исходу 28 ноября общественный порядок и законность в г.Шеки и районе были полностью восстановлены. На 29 ноября в городе и районе работали все предприятия, школы и магазины. Весь личный состав полка проявил глубочайшую ответственность, выдержку, показал свое высокое интернациональное воспитание и физическую выносливость.

За время работы комендатуры была проделана следующая работа.

-задержано за нарушение комендантского часа 198 человек

-задержано за управление автомобилем без документов и в нетрезвом состоянии 67 человек.

-изъято различных типов оружия-596 единиц.

-принято и размещено граждан более 1000 человек.

жанской национальности вернувшихся в город и выехавших из Армении.

-143 заявления граждан города и района рассмотрено и разрешено положительно.

- проведено 96 бесед, лекций на предприятиях, в учреждениях, школах и техникумах города и района.

-организовано и проведено 46 встреч с представителями общественных организаций, клубом воинов интернационалистов, в том числе и встреча с ветераном войны, кавалером ордена почетного легиона Франции Ахмедием Джабраиловым.

238 семей благоустроено.

-57 человекам предоставлена работа.

-через горком КПСС, горисполком проверено 13 школ, 2 больницы и были устранены существенные недостатки в санэпидеологическом состоянии состоянии этих учреждений.

-в семи колхозах были созданы дружины для оказания помощи органам внутренних дел в поддержании общественного порядка.

-5 колхозов и деревень были газофицированы.

-по ходатайству военной комендатуры 54 работника милиции были уволены как дескридетировавшие себя.

-под охрану личного состава комендатуры были взяты все жизненно важные объекты города и района.

-вся работа видеосалонов, кинотеатров, редакции и радио были взяты под контроль.

-1500 рублей было слано в фонд пострадавшим от землетрясения в Армении и 83 человека сдало кровь.

Результатом проведенной работы было то, что за все время работы камедатуры в городе и районе небыло зарегистрировано не одного случая хулиганства, выступлений на национальной основе.

3 декабря был получен приказ частью сил выйти в Шаумяновский район Азербайджанской ССР для создания комендатуры и поддержания общественного порядка в районе. К утру 4 декабря комендатура была создана, комендантом назначен командир I УМСБ майор Хлебников Б. Майором Хлебниковым была четко организована постовая служба на дорогах ведущих в г. Шаумяновск, а также патрульная служба в г. Шаумяновске. Благодаря чему нарушений общественного порядка в ра

оне небыло.

При организации патрульно-постовой службы и наведению порядка г.Шеки и районе наиболее отличились и показали свою высокую организованность и организаторские способности: к-н Можайский, Лагоша м-р Каневский, ст.л-т Бондарь, л-т Качеулов. Проявили решительности

и находчивость при разоружении вооруженных групп на дорогах ст.л-т Кушевич и Мозгов.

За добросовестное отношение к выполнению поставленных задач были поощрены:

Приказом МО СССР-ценным подарком ст.л-т Кушевич.

Приказом по гарнизону:

памятным подарком.

с-т Канкава А.И.	с-т Корольков Н.О.	5 человек
к-т Голованов И.А.	к-т Долгов А.Д.	
к-т Чернов А.И.		

почетной грамотой. - 32 человека.

с-т Юрченко О.С	к-т Пятаков С.Н.	к-т Окорочков О.В.
к-т Денисов А.В.	к-т Тамзаев Ф.З.	к-тИбрагимбеков А.Т
к-т Скамей М.И.	к-т Цымбалъ А.Г.	к-т Козорезов Н.И.
к-т Лесной Н.В.	к-т Кощуров В.С.	к-тКалашников О.Н.
к-т Чикив В.А.	к-т Халиков З.С.	к-т Огарышев А.А.
к-т Буткин А.В.	к-т Мурадов А.А.	к-т Герасимов П.В.
к-т Винтер В.А.	к-т Чуканов Р.Р.	к-т Кондратьев В.Г
к-т Платонов С.Г.	с-т Евлоев Б.И.	с-т Ляскин А.Г.
ст.л-т Кушевич П.В.	ст.л-т Мозгов И.Н.	ст.л-т Бондарь Е.В.
к-н Можайский Г.А.	к-н Лагоша К.А.	с-т Шакиров Н.И.
ст.л-т Дробин А.И.	пр-к Дзюба И.П.	

объявлена благодарность. - 28 человек.

к-ту Ушакову А.В.	к-ту Айсарову С.У.	к-ту Прогунову В.В
к-ту Макаренкову Г.В.	к-ту Кравчуну Р.В.	к-ту Арханову А.Ф.
к-ту Нажмединову Д.К.	к-ту Кадырову А.Ш.	к-ту Крокову Г.Н.
к-ту Майбороде Н.Н.	к-ту Лукутину М.В.	к-ту Гудяеву В.С.
ст.л-ту Королеву Е.Н.	к-ту Тонкову Х.З.	к-ту Зимину Д.А.
к-ту Ивашко К.П.	к-ту Сухорукову В.С.	ряд. Мотрук П.И.
ряд.Бану И.М.	ряд.Асламову О.В.	ряд.Липке В.А.
ряд.Земляному В.В.	ряд.Сахибназарову Л.А.	ряд.Негрей В.П.
ряд.Чернышенко В.В.	ряд.Кущурову Ф.П.	ряд.Лысенко В.В.
ряд.Яковенко М.В.	ряд.с-ту Назарову В.В.	

За проявленную выдержку находчивость, добросовестное выполнение поставленных задач.

П Р И К А З Ы В А Ю

объявить благодарность:

ст.л-ту Коршунову А.Н.	м-ру Каневскому О.Б.
ст.л-ту Домашеву В.Е.	л-ту Федотову С.Н.
ст.л-ту Бутенко А.А.	л-ту Горяйнову Г.В.

- 4 -

ст.л-ту Шапошник Ю.Л. пр-ку Пирог В.А.

2 Приказ объявить всему личному составу полка.

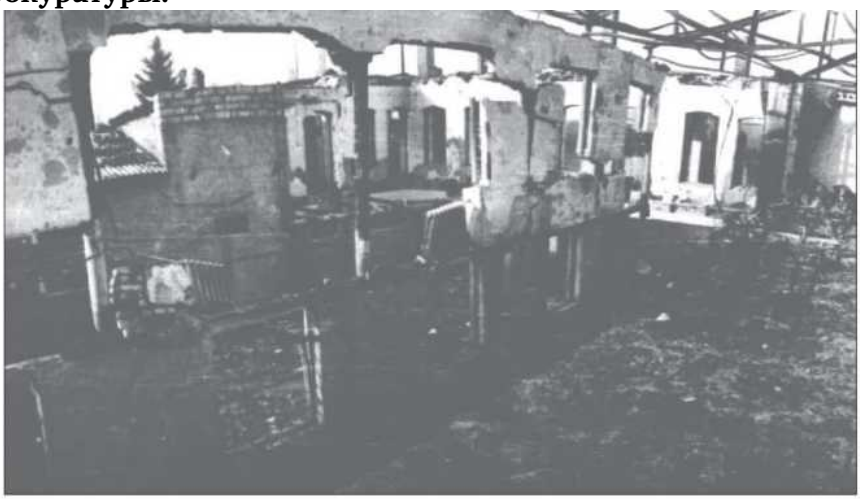
КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 22060

гв.подполковник = СТОЛЕРЕВСКИЙ =

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 22060

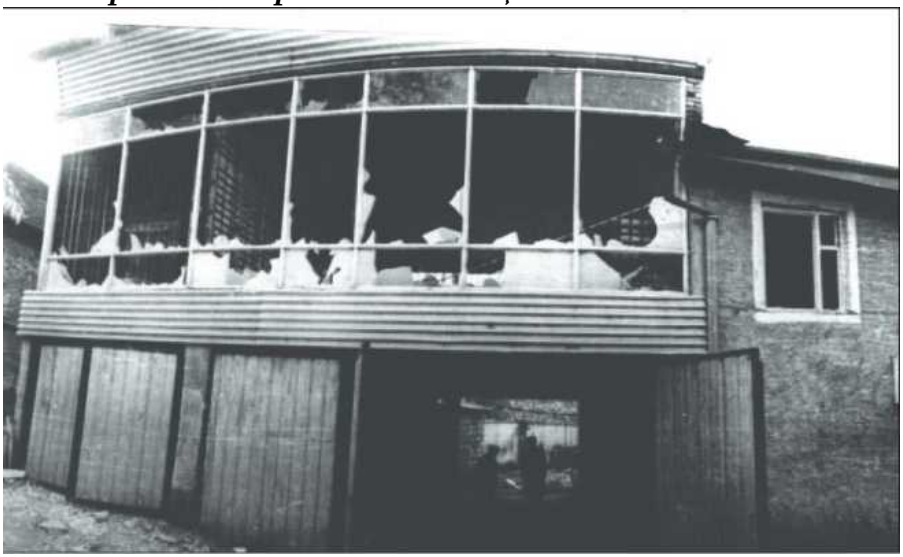
гв.подполковник = МЕРЕНКОВ =

Фотографии сожженных в Шеки здании милиции и прокуратуры.



Сожженные автомобили райотдела.

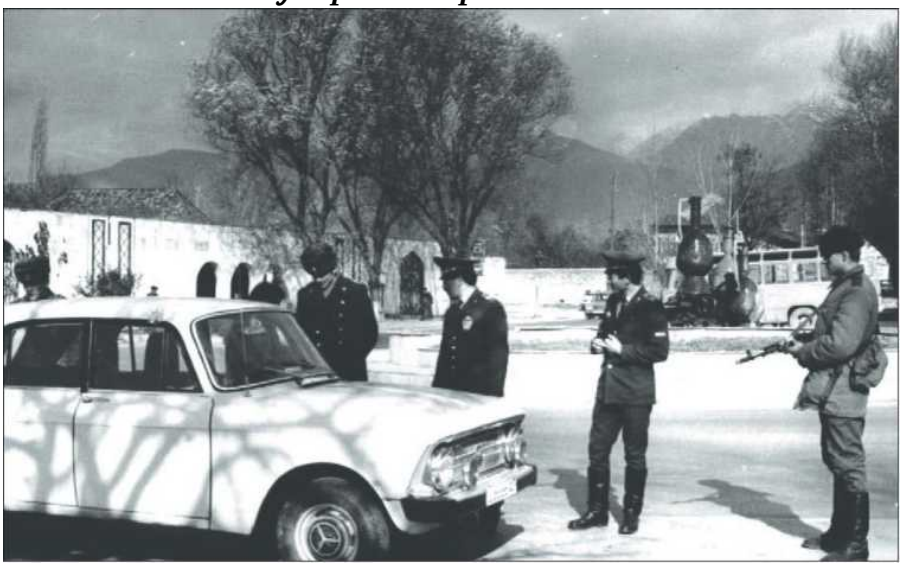
Разгромленный райотдел милиции.



Гараж райотдела

Наряд ГАИ у въезда в Шеки, второй справа подполковник милиции Лесников А.Н., четвёртый справа майор милиции Кульпин В.М.

Смена часового у горкома партии



Проверка документов

Перед началом партийной конференции.

Оперативный штаб МВД СССР

(УВД гор.Кировабада каб.№110 тел. 2-06-86)

1. Генерал-майор вн/службы Астафьев Сергей Саввич (НШ)
2. Полковник милиции Обухов Станислав Сергеевич (ПНШ)
3. Подполковник милиции Киселев Александр Владимирович (ПНШ)
4. Подполковник милиции Красавин Владимир Семёнович 3-05-32 войска
5. Майор милиции Прудников Юрий Петрович
6. Капитан милиции Игнатов Виктор Николаевич 3-05-32
7. Майор милиции Захаров Петр Николаевич
8. Капитан милиции Волков Владимир Андреевич

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НА БОЕВОМ ПОСТУ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР | АЗӘРБАЙЧАН ССР ДАХИЛИ ИШЛӘР НАЗИРЛИЙИНИН ОРГАНЫ

ОСНОВАНА В 1933 ГОДУ
№ 51 (2011)
СРЕДА, 21 декабря 1960 г.
ЦЕНА 2 КОП.

ОНИ ОБЕСПЕЧИВАЮТ ПОКОЙ ШЕКИНЦЕВ

Шекинские зассакалы за долгие годы жизни давно свыклись с тем, что в их родном городе бывает много гостей из самых разных уголков нашей страны. Вошли в традицию деловые и дружеские визиты делегаций из украинского города-побратима Жмеринки, в честь которого названа одна из шекинских улиц. Привычными здесь стали и многочисленные иностранные туристы, которых влечет в эти удивительно красивые горные места не только любопытство увидеть такие исторические памятники, как дворец Шекинских ханов, или известный с древних времен караван-сарай, но и встретиться с интересными самобытными и очень веселыми людьми.

Однако, вот уже более двух недель в городе не слышно смеха и шуток, нет и привычных веселых туристов. В городе объявлено особое положение, установлен комендантский час. На улицах необычно много военных и работников милиции. Вместе с воинами советской армии, охрану общественного порядка в Шеки обеспечивают курсанты специальных учебных заведений МВД СССР из городов Краснодара, Чебоксары и Елабуги.

Но мало кто знает, что за этими краткими, лаконичными фразами кроется большая и ответственная работа офицеров армии и милиции, командиров и политработников С. Астафьева, И. Стодеревского, А. Тесленко, А. Киселева, А. Борзова, В. Игнатова В. Панкова, Е. Привалова, А. Лесникова, А. Окуленко, В. Давидова, Г. Громова, и многих других офицеров, которые являются примером огромной выдержки, высокой профессиональной подготовленности, большого жизненного опыта, тактичности и доброжелательной взыскательности в отношении с местным населением.

Вся работа личного состава в городе и районе проводится в тесном и деловом контакте с горкомом партии и исполкомом городского Совета народных депутатов. В этой непростой, напряженной обстановке, когда городская партийная организация готовится к проведению своей отчетно-выборной конференции, ответственные работники горкома и горисполкома находят время для встреч с курсантами школ милиции и военнослужащими.

Одна из таких встреч состоялась на днях в городском комитете партии. От имени бюро Шекинского ГК Компартии Азербайджана первый секретарь горкома А. Мустафа-заде поблагодарил личный состав за оказанную помощь в поддержании общественного порядка в городе и вручил наиболее отличившимся при этом ценные подарки и почетные грамоты.

Среди награжденных большая группа преподавателей и курсантов Краснодарской средней специальной школы милиции МВД СССР. Отмечены офицеры. А. Лесников, В. Кульпин, А. Слепов, А. Дубинин, курсанты М. Басханов, Х. Калмыков, С. Муков, Т. Абдрасулов, С. Шаряков и многие другие, умелые и решительные действия которых, позволили сохранить от захвата хулиганствующими элементами часть имущества городского отдела милиции, в том числе оружие и боеприпасы.

Хорошо известна в городе созданная при комендатуре группа по работе с местным населением, которой руководит опытный политработник подполковник А. Тесленко. В ее арсенале накоплены самые разнообразные формы политической и информационно - разъяснительной работы с жителями города и района. Активные пропагандисты правопорядка капитан милиции А. Кузин и старший лейтенант милиции В. Жадан с группой курсантов и в тесном взаимодействии с участковыми инспекторами милиции ежедневно посещают школы, трудовые коллективы предприятий, колхозов и совхозов, выступают перед населением с разъяснением содержания наиболее важных документов партии и правительства по национальным вопросам, осуществляют приемы по личным вопросам, которые затем докладываются соответствующим городским органам, контролируется их исполнение.

С большой горечью и сочувствием встретил личный состав известие о беде, постигшей армянский народ. В этих условиях остро проявились замечательные качества каждого курсанта, солдата и офицера — готовность помочь людям, попавшим в беду. Весь личный состав единодушно поддержал обращение курсантов Краснодарской школы милиции об оказании материальной помощи пострадавшим от землетрясения. На счет № 700412 личным составом перечислено более 1,5 тыс. рублей. Пример в этом деле подали молодые коммунисты и комсомольцы: курсанты В. Плохин, В. Зайцев, С. Блинов, А. Горбунов, рядовые А. Чернов, В. Негрей, офицеры Ю. Можайский, Е. Бондарь, В. Мешков, И. Юшков и другие.

По инициативе партийной группы Елабужской средней специальной школы милиции была организована добровольная сдача крови. С помощью городского комитета партии в городе развернут донорский пункт. В эти дни донорами стали около 200 человек — представителей 17 национальностей страны. В числе первых доноров майор милиции В. Мешков и старшина В. Мышев, курсанты С. Горюнов и З. Гареев, отличившиеся накануне при расследовании дорожно-транспортного происшествия. Их примеру последовали курсанты Чебоксарской школы милиции. Среди них Ю. Тимофеев и С. Сироткин, бдительность которых позволила предотвратить кражу из ювелирного магазина.

Перечень подобных поступков, вызывающих восхищение и гордость, можно продолжать и продолжать. Но особенно примечательно то, что именно такие поступки находят поддержку и одобрение у большинства шекинцев, которые правильно понимают роль личного состава и высказывают глубокую благодарность воинам и курсантам за своевременную помощь в восстановлении в городе общественного порядка. Мы верим в искренность слов шекинцев и хотим, чтобы наряду с благоразумием и порядком к ним побыстрее возвращались смех и юмор — лучшие спутники счастливой и мирной жизни.

В. БАНДА,
старший инструктор Политуправления МВД СССР, подполковник внутренней службы.

Боевой и численный состав группы „Карусель"

Наименования / Виды учета	Офицеры	Прап-ки	Сержанты	Курсанты	Солдаты	Всего	АК-74	ПМ	БТР-70	ЗИЛ-131	Урал-375	УАЗ-469	ГАЗ-66
в/ч 22080 по списку													
управление полка	4	–	–	–	–	4	–	4	–	–	–	1	–
1УМСР	1	–	3	43	–	47	45	1	–	–	–	–	–
2УМСР	1	–	–	25	–	26	14	1	–	–	–	–	–
3УМСР	–	–	1	19	–	20	20	–	–	–	–	–	–
1УМСБ	2	–	4	87	–	93	79	2	–	–	–	–	–
пост. состав	2	–	1	–	14	17	–	2	6	3	–	1	–
арт. полк	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	1	–	1
1УМБП meg.com батальон	–	–	–	–	1	1	–	–	–	1	–	–	–
ВСЕГО за полк	8	–	5	87	15	115	79	8	6	4	1	1	1
Чебоксары	15			165		180							
Елабуга	30			190		220							
Краснодар	4			46		50							
Всего МВД	49			401		450							
Всего за гарнизон	57	3	8	713		865	92		9	8	1	2	1

Боевой и численный состав группы увывшей в Шаумяновск

Наименование / Виды учета	Офицеры	Прап-ки	Сержанты	Курсанты	Солдаты	Всего	АК-74	ПМ	БТР-70	МТО	Р-142	ЗиЛ-130
1УМСБ	3	–	2	31	–	36	39	3	–	–	–	–
АРТ. ПОЛК	1	–	2	18	1	22	20	1	–	–	–	1
ПОСТ. СОСТАВ	1	–	–	–	7	8	1	1	3	–	1	1
ВСЕГО	5	–	4	49	8	66	60	5	3	–	1	2

Расчет личного состава военнослужащих и милиции в г. Шеки

ПРОПУСК №_

Разрешается передвижение автомобиля _____ в пределах города Шеки на время комендантского часа.

Комендант особого района
подполковник Стодеревский И. Ю.

Комендатуру особого района
г. Шеки нарядчику н/к-ку
Стадеревскому И.Ю.

Рапорт.

Довожу до Вашего сведения, что
25.XII.38г группа сопровождения Елабужской средней специальной школы милиции НКВД СССР сопровождая колонну машин с людьми армянской национальности в Армянскую республику.
В период следования происшествий и замечаний нет. Прибыл полным составом курсантов в г. Шеки 26.XII.38г в 20.00.

Ст. л-т милиции (Котовщиков В.В.)
Елабужской НКВД СССР.

26.XII.38г.

Составлено 28.12.88

Для несения службы

1. Караул 8+8 — 16чел.
2. Опер группа 4+4+4 — 12чел
3. Наряд по гост. 7+7 — 14чел
4. ВК — 1чел.
5. Гр по раб. с насел — 2чел.
6. Объекты : - водозабор 2+2+2 — 6чел
   - подстанция 2+2+2 — 6чел.
   - газораспред 2+2+2 — 6чел.
7. Патруль — 8чел.
8. НАБТР — 3чел
9. Резерв — 4чел
10. Наряд по рестор — 3чел
11. Резерв (для усил. постов) 10чел.

Всего: 91человек

Спец и обслуж.

- РУБВТ — 6чел.
- Рем./р — 2чел.
- Санинстр — 1чел.
- Связь — 3чел.
- Заправщ. — 1чел.
- Вод. ЗИЛ — 3чел.
- Вод. УАЗ — 1чел.

Всего: 17чел

Офицеры

1. п/л-к Стодеревский
2. м-р Комогоров
3. м-р Каневский
4. к-н Лагоша — Вязьма
5. к-н Купешов
6. ст.л-т Бутенко — Вязьма
7. ст.л-т Дробин — Кировабад
8. л-т Федотов

Всего: 8чел

Всего в г. Шеки — 116человек

Справка по личному составу на 28.12.1988 г.

"УТВЕРЖДАЮ"

Комендант особого района г.Шеки
гвардии подполковник
И.Ю.Стодеревский.
"26" декабря 1988 года.

П Л А Н

работы отделения ЕХСС особого района г.Шеки на период охраны общественного порядка в особых условиях.

№ п/п	Наименование мероприятий	Срок проведения	Ответственный за проведение
I	2	3	4
I.	Установить торговые точки и подготовить схему их расположения.	до 29.I2.	к-н Разбойкин Г.П.
2.	Проверка торговых точек Шекиторга.	еженедельно.	старшие групп.
3.	Проверка выездных лотков на рынке.	в выходные дни.	-"-"-"-
4.	Проверка торговых точек Потребсоюза.	еженедельно.	-"-"-"-
5.	Проверка объектов общепита.	еженедельно.	-"-"-"-
6.	Проверка складских помещений Шекиторга и Потребсоюза.	не реже I раза в 2 недели.	-"-"-"-
7.	Организовать выступления на правовые темы перед работниками торговли.	по особому графику.	к-нРазбойкин Г.
8.	Систематически обобщать материалы проверок и о результатах докладывать руководству гарнизона.	по пятницам.	к-н Разбойкин Г.
9.	Проверка исполнения предоставлений руководителями торговых предприятий.	регулярно.	к-н Разбойкин Г.
I0.	Подготовить материалы для местной печати и радио.	по мере необходимости.	-"-"-"-"-
II.	Проверка кооперативов г.Шеки на законность их организации.	до 3.I.89г.	-"-"-"-"-

I	2	3	4
I2.	Проводить другие мероприятия по отдельному плану с учетом поступающей информации.		старшие групп.

Руководитель отделения ЕХСС
особого района г.Шеки
капитан милиции Г.П.Разбойкин.

26 декабря 1988 года.

СПИСОК

лиц, граждан армянской национальности
проживающих в г.Шеки , Аз.ССР

Дома данных граждан , которые должны быть под наблюдением патрулей военного коменданта г.Шеки .

I. г.Шеки ул. Шаумяна ,дом I9 / дом гр. Давидяна А.Р. /
2. г.Шеки ,ул. Шаумяна ,дом 2I / дом гр. Григоряна Н.С. /
3. г.Шеки,ул. Коммунистическая, дом 2,кв 2I / дом гр. Григорян Ф.М./
4. г.Шеки, ул. Шаумяна , дом I9 / дом гр. Давидян С.А. /
5. г.Шеки, ул.Шарбаблар , дом I0 / дом гр. Григорян С.М./
6. г.Шеки ,ул. П.Бабаева ,дом 30 / дом гр. Григорян В.М./
7. г.Шеки,ул. Мясникова ,тупик.2,дом II/ дом гр. Саркисова М.С./
8. г.Шеки ,ул. Ермеренко, дом 59"а", кв 23 / квартира гр. Даненян Г.А./
9. г.Шеки,ул. пр. Ахундова ,дом I37 / дом гр. Арамян Г.Л./
10. г. Шеки, ул. Паша Алиева , дом 5 (дом гр. Саркисова С.)

Адреса граждан армянской национальности ,приехавших в г.Шеки 28 декабря I988 года, временно проживающих у знакомых, которые необходимо взять под контроль патрулем военного коменданта г.Шеки.

I. г.Шеки, пр. Ахундова ,дом I37 где проживают семьи
гр. Арамян Г., гр. Саркисова Л,, гр. Саркисов М.,гр. Саркисов С.
2. г.Шеки, ул. Самеда В. дом I / проживают I2 человек /
3. г. Шеки, ул. Жмеринка, дом. 59а кв. 18, проживает семья Еремян А. 3 чел.

Военный комендант г.Шеки
подполковник

29 декабря I988 года. / И.Стодеревский /

ВОЕННОМУ КОМЕНДАНТУ ОСОБОГО РАЙОНА г.Шеки
ГВ. ПОДПОЛКОВНИКУ
СТОДЕРЕВСКОМУ И.В.

РАПОРТ.

В ходе работы следственно-оперативной группы Прокуратуры СССР и МВД СССР, за совершение тяжких преступлений привлечены к уголовной ответственности и избрана мера пресечения арест в отношении следующих граждан:

I.	Сеидов Гусейн Гусбан оглы 1954 г. рождения, не работавший ранее 3 судим, прож.г.Шеки	активный участник поджогов и других противоправных действий, призывал к погромам домов армян.
2.	Мустафаев Сабир Гурбанали оглы 1954г.р. не судим, раб.продавец Джафарабадского сельпо прож.г.Шеки	активный участник погромов и поджога административных зданий милиции, прокуратуры, призывал к погромам домов армян.
3.	Пашаев Азад Экмед оглы 1962г.р. продавец Шекинского РАЙПО, / подменный/, практически не работает, прож г.Шеки.	активный участник поджогов и погромов домов армян, призывал к участию в противоправных действиях других граждан
4.	Пашапур Игизар Мурса оглы 1965 г. р. не работает, свободный музыкант, художник, прож.г.Шеки	активный участник поджогов зданий милиции, прокуратуры, призывал к погромам домов армян
5.	Канани Афис Парвис оглы 1964г.р. работавший рабочим Шекинского шелкового комбината, прож. г.Шеки	активный участник поджогов зданий милиции, прокуратуры, призывал к погромам домов армян.

Предъявлено обвинение, следствие продолжается.

27 декабря 1988 г. Капитан милиции Кузин А.А.

Председателю горисполкома
г.Шеки тов.Караеву Ф.И.
копия: Первому секретарю Шекинского
Гор.кома КПСС тов.Мустафа-Заде А.

А К Т

обследования средней школы №6 г.Шеки

Настоящим сообщаем, что группой по работе с населением была осуществлена проверка заявления жителей г. Шеки об антисанитарном состоянии и низкой материальной обеспеченности средней школы №6 г.Шеки, при этом было установлено следующее: здание школы построено в 1930 году, учебные классы расположены в четырех обособленных помещениях и отапливаются дровами и углем. Классы представляют собой: темные, сырые помещения и в дневное время для их освещения используется электричество, часть из которых имеет бетонные полы /8а,7а,7б и 1а/. В восьми классах, площадью по 18 кв.м. занимаются учебные группы численностью по 28-32 человека. Семь классов приспособлены для проведения занятий в подвальных помещениях школы. В школе нет раздевалки для учащихся. Отсутствует столовая и спортзал, имеющийся буфет не в состоянии обеспечить питание детей 6 и 7 летнего возраста.

Техническое оснащение школы находится на очень низком уровне, централизованная поставка приборов и мебели практически не производится.

В соответствии с решением горисполкома г.Шеки №12 от 30 июня 1988 г. для строительства новой школы выделен земельный участок, но строительные работы не производятся.

Вместе с тем установлено, что в настоящее время на выделенном участке незаконно ведется строительство частных жилых домов. Меры по пресечению незаконного захвата земли и строительства горисполкомом и прокуратурой не предпринимались.

Коллектив школы по данному вопросу обращался к председателю горисполкома тов. Акперову /исх.№101 от 24.12.86г./ и к бывшему первому секретарю горкома КПСС тов. Раджабову /исх. №11 от 06.02.86г./ однако никаких мер принято не было и никто из руководства города и района школу в последнее время не посещал.

В соответствии с вышеизложенным считаю необходимым срочно принять меры по устранению выявленных недостатков, так как это отрицательно влияет на здоровье детей и то чему их учат в школе и , что они видят в действительности по отношению к себе и по тем условиям, в которых им приходится учиться приводят к негативным последствиям в психике подрастающего поколения, неверие в перестройку.

ВОЕННЫЙ КОМЕНДАНТ ОСОБОГО РАЙОНА Г.ШЕКИ
ГВ. ПОДПОЛКОВНИК / И.СТОЛЯРЕВСКИЙ /

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ВОЕННОГО КОМЕНДАНТА ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ
ГВ. МАЙОР / В.КОМОГОРОВ /

3.12.88. 21.00

РАЗМЕСТИЛИСЬ В ШАУМЯНОВКЕ
2 поста выставлено.
I пост-Ікилометр северо-восточнее населенного пункта Зейвы
2 пост-4 километра северо-западнее населенного пункта Армянские Борисы.

В адрес райкома партии 2 телеграммы угрожающего содержания об выселении армян с Шаумяновского района от участников митинга в населенном пункте Евлахе с конкретным указанием отправителя. Требуют, чтобы армяне были выселены в течении 3-4 дней, если нет, то будет совершено нападение.

Телеграммы поданы 3.12.88 в 13.15:

I) от Бусейнова
ул. 8-го марта д.№ 34

2) от Мамедова
ул. Центральная д.№ 2 кв.№ 7

Идут попытки отправить беженцев азербайджанской национальности из Армении. Направляют их для размещения в Шаумяновский район, что может создать взрывоопасную ситуацию.

Попытка была в 18.30 из населенного пункта Казах.

Азербайджан ССР
Шəки шəhəр халг депутатлары Советинин Icраиjə Комитəси
ХАЛГ МААРИФ ШЪБƏСИ
Азербайджанская ССР
Исполнительный Комитет Шекинского городского Совета народных депутатов
ОТДЕЛ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Шəки шəhəри—город Шеки
№
Вх № 25 от 04.12.1988г.

ВОЕННОМУ КОМЕНДАНТУ
ГОРОДА ШЕКИ
ПОДПОЛКОВНИКУ СТОДЕРЕВСКОМУ.

Шекинский гор оно просит Вас оказать помощь в проведении занятий по устройству БТР с юношами X класса в количестве 332 человека.

Заведующая Шекинским гор оно : /Т.Шукюрова/

Коменданту г.Шеки
подполковнику
тов. Стодеревскому И.О.

РАПОРТ

Докладываю ,что группой по работе с населением при военном коменданте г.Шеки проделана следующая работа; за 26 и 27 декабря 1988 года

Принято от граждан 13 заявлений , из которых рассмотрены следующие заявления:

1. от гр. Мусаева В.Ч. об оказании помощи в рассмотрении вопроса по решению суда , разъяснено право и порядок обжалования решений и определений суда, оказана помощь в составлении заявления.
2. Бадалов Х.Н. заявление по факту кражи личного имущество, до приезда на место происшествия , произведен предварительный осмотр, оказана помощь ГРОвД при осмотре места происшествия, составлен протокол осмотра МП.
3. Аваков Ю.А. заявление о краже личного имущества ,имевшее место 24 декабря 1988 года, оказана помощь при составлении заявления,приняты объяснения от других лиц по данному факту.Материалы направлены в следственно оперативную часть.
4. Куламов З.М. заявление о размене жилой площади. Разъяснен порядок обмане жилой площади, оказана помощь при составлении заявления , разъяснен порядок подготовки материала .
5. Ибрагимов Э.Ш. заявление об оказании помощи в получении квартиры. Разъяснен порядок ,учета и постановки на очередь и получения квартир, а также какие необходимо представить документы, составлено заявление ,проверены предъявленные документы, необходимые для разрешения вопроса.
6. Вердиянц Е.Г. заявление об оказании помощи в установки на период Особого положения телефона. Вопрос решен положительно .
7. Гумметов Р.М. заявление об оказании помощи в трудоустройстве.

Вопрос разрешен.

Кроме этого было проведено 1 беседа и прочитано 3 лекции , на предприятиях г.Шеки. Направлен в следств. опер группу 3 материала

Капитан милиции Кузин А.А.

"У Т В Е Р Ж Д А Ю"
Военный комендант особого
района г. Шеки
гв. подполковник
И.Ю.Стодеревский
"26" декабря 1988 года

П Л А Н

предотвращения несанкционированных митингов в особом районе г. Шеки в период 28-30 декабря 1988 года.

Военная комендатура особого района г. Шеки располагает достоверной информацией о том, что экстремистские элементы проводят агитационную работу среди местного населения провоцируя его на проведение в период 28-30 декабря 1988 года несанкционированных митингов с требованиями освобождения лиц, задержанных по подозрению в участии в массовых беспорядках, имевших место в г. Шеки 23-27 ноября 1988 года.

В целях предотвращения и пресечения проведения несанкционированных выступлений граждан необходимо провести следующие мероприятия:

I. Агитационно-пропагандистская и разъяснительная работа.

I. Подготовить и направить в Шекинский ГК КП Азербайджана, городской и районные исполнительные комитеты информацию и предложения Военного коменданта по предотвращению несанкционированных митингов.
В которую включить:
- разъяснения Указа ПВС СССР "О неотложных мерах по наведению общественного порядка в Азербайджанской ССР и Армянской ССР, Постановления СМ СССР "О мерах по обеспечению работы жизненно важных объектов промышленности и транспорта Азербайджанской ССР и Армянской ССР" от 3 декабря т.г.

- предложение по проведению совещания с партийно-хозяйственным комсомольским активом города, депутатами городского Совета;

- предложения по проведению разъяснительной работы с руководителями общественных, неформальных, религиозных объединений и представителей творческой интеллигенции;

- рекомендовать ГК КП Азербайджанской ССР, Исполкому, ГК ВЛКСМ закрепить ответственных работников этих учреждений за конкретными предприятиями, учреждениями организациями, учебными заведениями города а также микрорайонами города для проведения агитационно-пропагандистской и разъяснительной работы. Списки ответственных представить Военному коменданту, предупредить их об личной ответственности за обеспечение общественного порядка.

Исп: Яковлев Е.В., Акуленко А.С. Комендатура
Срок: до 28 декабря 1988 года

2. Подготовить, опубликовать в местной газете, объявить по местному радио Информацию Военного коменданта особого района г. Шеки

об ответственности лиц, разжигающих своими действиями национальную рознь и провоцирующих нарушения общественного порядка, либо понуждающих к антиобщественным действиям.

Исп: к-н Дубровин
Срок: 26 декабря 1988 года.

3. С использованием данных Следственной группы подготовить обзорную информацию о лицах, задержанных по подозрению в участии в массовых беспорядках в г. Шеки 23-27 ноября 1988 года для использования в агитационно-пропагандистской и разъяснительной работе. Довести её до всего личного состава службы охраны общественного порядка.

Исп: Кузин
Срок: 27 декабря 1988 года.

4. Из числа офицеров и наиболее подготовленных курсантов Чебоксарской, Елабужской, Краснодарской ССШМ сформировать агитационно-пропагандистские группы и по особому графику направить их на предприятия в учреждения и организации г. Шеки и близь лежащие сельские населенные пункты для проведения разъяснительной работы.

Исп: Привалов Е.В. 3242
Срок: 27 декабря 1988 года.

2.Меры по обеспечению охраны общественного порядка.

1. На период с 9.00 29 декабря 1988 года до 9.00 2 января 1989 года п ревести гарнизон особого района г. Шеки на усиленный вариант несения службы.

Исп: Борзов А.В., НШ ССШМ.
Срок: 29 декабря 1988 года.

2. 27-28 декабря т.г. провести мероприятия по проверке паспортного режима, целью которых считать:
- выявление лиц, прибывших в г. Шеки из других регионов республики, в т.ч. из г. Баку;
- выявление лиц, провоцирующих нарушения общественного порядка.

Проверке паспортного режима подвергнуть:
- культурно-зрелищные учреждения (кинотеатр, видеосалоны);
- места скопления граждан (автовокзал, рынок, магазины, кафе, закусочные, чайные, скверы, парки, площади и др);
- общежития техникумов, ГПТУ и мужские общежития промышленных предприятий.

Исп: Борзов А.В.
Срок: 27-28 декабря 1988 года.

3. Силами личного состава Шекинского ГРОВД провести предупредительную работу среди лиц ранее судимых, наркоманов, алкоголиков. Письменно, под роспись, предупредить их о недопустимости нарушения требований Указа ПВС СССР "О неотложных мерах по наведению общественного порядка в Азербайджанской ССР и Армянской ССР".

Исп: Джангиров
Срок: до 29 декабря 1988 года.

4. Для документирования возможных нарушений общественного порядка создать под руководством офицера милиции группы курсантов для фотодокументирования противоправных действий.

Исп: Громов Г.М., Панков В.Г.
Срок: до 28 декабря 1988 года.

5. Разработать текст официального предупреждения, размножить его и обеспечить необходимым количеством заинтересованные службы охраны общественного порядка.

Исп: Юнков
Срок: до 28 декабря 1988 года.

Начальник штаба
особого района г. Шеки
подполковник милиции А.В.Борзов

"26" декабря 1988 года.

С В Е Д Е Н И Я
о прибывших армян в г. Шеки на 19 декабря 1988г.

п/п	Фамилия, имя, отчество	Адрес	Количество прибывших людей	Количество прибывших семей	Из них работавших
I.	Гаффарова Шушаник Герасимовна	П. Бабаева 23, кв.I	1	1	-
2.	Вердиянс Эдуард Григоревич	Коммунист 2 кв.26.	5	1	2
3.	Манушова Эла Алексеевна	Мичуренко 35 кв.I	1	1	1
4.	Погосова Милада Сергеевна	-"- 39 кв,3	I	I	I
5.	Азизова Тамара Григорьена	-"- 6I кв.I9	I	I	I
6.	Оганов Нерсес Хачатурян	-"- 6I кв.32	2	I	I
7.	Агаджанян Рая Миласовна	-"- 6I кв.33	I	I	I
8.	Дамирчиян Сергей Данилович	Ленин I39 кв.26	7	I	3
9.	Балаян Рафик Бахшы о.	Ленин I39 кв.II	3	I	I
I0.	Мартиросян Соник Саркисовна	Ленин I35 кв.I8	2	I	I
II.	Хамаян Иван Суренович	Ленин I47 кв.5	8	I	4
I2.	Григорян Эмма Бейбудовна	Шеки 6 кв.46	I	I	-
I3.	Маркарова Джулетта Егисовна	Ленин I68 кв 7	I	I	I
I4.	Дурмушян Люся Григорьевна	П. Бабаева 2I кв.7	I	I	I
I5.	Саакова Мария Погосовна	Крупская д.I6	I	I	I
I6.	Набиева Зарханым Артуновна	Азизбекова дом 7	I	I	I
I7.	Хамаев Ашот Суренович	Абовян 35	I	I	-
I8.	Хамаян Михаил Микыртович	Абовян 35	I	I	I
		всего:	40	I8	2I

Недостаточно пустых 303 (1200 чел)

Военному коменданту Особого района г.Шеки
подполковнику
Стодеревскому И.Д.

РАПОРТ.

В ходе работы группы по "работе с населением " установлено:

1. Капитан милиции Мерзоев М.А. ст. участковый инспектор - на участке грубейшие нарушения правил хранения и регистрации огнестрельного оружия, сам задержан при управлении автранспортным средством в нетрезвом состоянии

2. На участке, обслуживаемом капитаном Мерзоевым М.А., директор совхоза"Орджоникидзе" Мамедов А.Ш. совместно с директором школы интернат Гусейновым А.Э. поддерживали и разжигали антинационалистическое настроение среди населения в отношении гр Макиевой Т.П. и ее двоих несовершеннолетних детей.

3. Бывший ст. участковый инспектор в настоящем Нач. ОВО майор милиции Тагиев на участке грубейшие нарушения правил хранения и регистрации огнестрельного оружия, утеряно оружиеТОЗ-20 № 4951 гр. Гусибова в 1986 году, не велось с 1984 по 1988 год паспортное дело 00030

4. Лейтенан милиции Мамедов С. - на участке грубейшее нарушение правил хранения и учета огнестрельного оружия паспорт участка 000307 переписывают в новый паспорт посторонние гражданские лица

5. Лейтенант милиции Гусейнов Ф.И.- на участке грубейшие нарушения правил хранения и учета огнестрельного оружия изъято оружие ИЖ-18 № 35782 с прилавка магазина № 49 ,

6. Майор милиции Агакишиев Т. - 4 января 1988 года изъял оружие ИЖ-20 № 4900 у гр. Оруджева М.М. по настоящее время не решен вопрос с оружием.
В октябре месяце 1987 года под угрозой расправой заставил в своем рабочем кабинете ГРОВД, гр. Аббусову и гр. Ахундов написать заявление о нежелании работат в школе № 3.

7. Капитан милиции Аббасов - занимался насильственным выселением граждан армянской национальности по указанию 2 -го секретаря ГК КПСС тов.Пашеева

8. Зав. детским садом № 29 Медетова С.С. -ненадлежащее обращение с детьми гр.Зарегировой И.С. посещающими данный садик

9. Рагимова Т.О. заведующая труппой Шекинского драмтеатра необоснованное задержание зарплаты гр. Григорян Э.Б.

I0.	Нач. узла связи Алхасов С.К.	необоснованно отключение телефона у гр. Аганесовой Н.П. и других граждан.
II.	Гулиева Рухсара Махмуд кызы учитель школы интернат совхоза им."Орджоникидзе ".	разжигала антинационалистические настроения среди жителей зерносовхоза Орджоникидзе"в отношении учителя школы интернат гр. Макиевой Т.П. и ее двоих несовершеннолетних детей.
I2.	Мамедова Гойчак Алиага кызы рабочая стройкооператива совхоза им."Орджоникодзе " .	разжигала антинационалистические настроения среди жителей совхоза им. Орджоникидзе" в отношении его жителей -армян
I3.	Пред. райисполкома Гафаров А	не организовал работу по приему и размещение граждан-беженцев из Армении :гр. Шихмамедов Т.А. Шамилов М.А. и I0 членов его семьи ,гр. Шыхмамедов Ч.А..
I4.	Председатель колхоза "9 января "гр. Абдрахманов А.А.	не организовал и не осуществляет контроль за хранением и размещением огнестрельного оружия находящегося в собственности колхоза,в личном кабинете у сейфа содержит неучтенное оружие ТОЗ-63

I0 декабря I988 г.

Старший группы по работе с населением
капитан милиции Кузин А.А.

Военный комендант особого района (г. ШЕКИ)

Первому секретарю Шекинского
ГК КП Азербайджана
тов. Мустафа-Заде А.А.

В процессе ликвидации последствий массовых беспорядков в г. Шеки Азербайджанской ССР в охране общественного порядка принимали активное участие воины-интернационалисты запаса Вооруженных Сил СССР, входящие в оперативный комсомольский отряд при Шекинском горкоме ЛКСМ Азербайджана. Среди них отличились воины запаса, которые изявляют желание служить в органах внутренних дел. Прошу Вас рассмотреть кандидатуры на службу в Шекинском ГРОВД следующих лиц:

1. Мусаев Адиль Аббас-оглы, 1963 года рождения, проживает г. Шеки, ул. Ленина, дом 313, работает инспектором в 48 СНЧ.
2. Магеррамов Нурмамед Эмен-оглы, 1957 года рождения, проживает г. Шеки, ул. Милицейская, дом 3, образование высшее-техническое, работает инженером на грузовой автостанции, лейтенант запаса.
3. Джаффаров Арзу Фаррух-оглы, 1963 года рождения, проживает г. Шеки, 19 район, ул. Емерянка, дом 59, кв 29 образование среднее-техническое, работает в Шекинском шелковом объединении электромонтером (имеет опыт работы в органах внутренних дел)

О принятом решении прошу проинформировать в оперативный штаб.

ВОЕННЫЙ КОМЕНДАНТ
ОСОБОГО РАЙОНА (г. ШЕКИ)
ПОДПОЛКОВНИК И. Ю. СТОДЕРЕВСКИЙ

СПРАВКА

Потери:

1. Убит Мамедов Ариф , 1964 г. рождения,работал рабочим шелкового комбината .

2. Ранены:

1. Азимов Фаррух Баба оглы, 1970 г. рождения, уроженец г.Шеки, проживает там же, 19 р-н, ул.Америнка, 93.
2. Мамедов Аднам Ниязи оглы, 1951 г. рождения, проживает в г.Шеки 20 р-н, ул Горького;9.
3. Кайумов Адил Сейфаддин оглы, 1955 г.рождения, проживает в г. Шеки, 21 р-н, ул.Манафлар, 93.
4. Мусаев Джаванширр Ахмед оглы, 1962 г.рождения, проживает в г. Шеки, 7 р-н, ул. 9 Января, 20.
5. Юнусов Бахтияр Шакир оглы, 1973 г.рождения, проживает в г. Шеки, 29 р-н, ул. Экинчилер, 3.
6. Мамедов Башир Ашир оглы, 1964 г.рождения, проживает в г.Шеки, село Кичик Дахна.
7. Исмаилов Ислам Рамиз оглы, 1963 г.рождения,проживает в г.Шеки, ул. Ахундова, 5.
8. Юсифов Ехтибар Аввал оглы, 1963 г. рождения, продивает в Г. Шеки, 19 р-н, ул.Ленина, 3.
9. Эминов Мубариз Гасибуллах оглы, 1960 г.рождения,проживает в г.Шеки, село Охуд.
10. Гафаров Нурахмед Гафар оглы, 1966 г.рождения,проживает в г. Шеки, 31 р-н, дом 2/6.
11. Гумметов Ильшан Абдурахман оглы, 1971 г.рождения, проживает в г.Шеки, 31 р-н,ул.Шанга,53.
12. Гумметов Явар Алигейдар оглы, 1954 г. рождения, проживает в г.Шеки, 21 р-н,ул.Манафлар,4.
13. Садыгов Техари Тофиг оглы, 1965 г. рождения, проживает в г. Шеки, 29 р-н, ул Нариманова,15.
14. Ахмедов Орудж Нариман оглы, 1965 г.рождения, проживает в г. Шеки, 31 р-н, ул.Шеки, дом 2, кв.6.

2.

3. Уничтожено:

а/здание ГОРОВД, каменное двухэтажное /(выгорела деревянная часть: пол, потолок, крыша, перекрытия, оконные и дверные блоки, было 33 комнаты);

б/здание прокуратуры, каменное двухэтажное, 10 кабинетов (выгорела деревянная часть: пол, потолок, крыша, перекрытия, оконные и дверные блоки);

в/здание магазина охотничьих принадлежностей, каменное, двухэтажное (выгорела деревянная часть: пол, потолок, крыша, перекрытия оконные и дверные блоки);

г/старая мечеть - двухэтажное каменное здание (выгорела деревянная часть: пол, потолок, крыша, перекрытия, оконные и дверные блоки);

д/здание галантерейного магазина - одноэтажное (сборно-металлический павильон, выгорела деревянная часть: потолок, крыша, оконные и дверные блоки);

е/1 милицейский патрульный автомобиль "УАЗ-3151-01", мотоцикл "Днепр-11" и 7 личных автомобилей работников милиции и повреждена одна пожарная автомашина СПЧ города;

4. Повреждено:

Шестиэтажное железобетонное здание ЦК компартии Азербайджана, в котором также расположены ЦК ЛКСМ Азербайджана, горисполком, райисполком, комитет народного контроля - на фасадной части в подъезде и окнах побиты стекла.

5. Похищено, находится в розыске:

а/охотничье оружие - 70 стволов;

б/оружие личного состава ГОРОВД - 9 ПМ, из них один пистолет учебный; один сигнальный пистолет (ракетница).

6. В отношение армян:

а/погромов - 140

б/избиения - 7

в/угрозы - 16

7. Повлияло на обстановку(особенно):

а/крайний негатив в отношении прокурора/отозван из города в распоряжение прокурора республики/;

б/начальника милиции - увелен из органов внутренних дел,проводится расследование;
а также в отношение первого секретаря - избран другой - Мустафазаде Азер Абдулла оглы;

б/беженцы: присыли азербайджанцы из Армении, всего около 2-х тысяч человек, в том числе в последнее время - 224 чел. На текущий период из Шеки убыло 466 армян,осталось около-900.

8. Результаты комендатского часа:

а/предотвращено погромов - I4
б/задержано за погромы - 6
в/задержано за нарушение комендантского часа - I8 чел.
г/изъято: холодного оружия - 3, огнестрельного охотничьего оружия - 2 , наркотиков - I случай - несколько граммов(анаш

9. Личный состав ГОРОНД милиции был задействован:

26/XI - 4I чел.
27/XI - 44 чел.
28/XI - 52 чел.

6.6. Вазиани (будни)

Полк стал втягивать в привычный ритм, боевая подготовка — ученья, ученья — боевая подготовка. Молодое пополнение осваивало азы армейской жизни. Как у нас шутили: «Солдат до обеда борется с голодом, после обеда со сном». После домашних харчей, к армейским привыкнуть сложно, хотя по калорийности они и выше домашних. А здесь ещё и большие физические нагрузки. Но этому призыву повезло.

Как я уже говорил, в Шеки мы питались за счёт исполкома, но продукты с армейских складов нам все равно поставлялись. Я приказал их складировать и вести строгий учёт. Ответственным за эти продукты был назначен начмед полка капитан Лагоша.

По прибытию в полк эти продукты стали выдаваться дополнительно к основному пайку. Но как всегда любые благие намерения натыкаются на противодействие. Заместитель командира дивизии прознал, что у нас на складе неучтённое продовольствие и нагрянул с проверкой. Стоило больших усилий уговорить его не оприходовать эти продукты. Он, конечно же, был прав, все продукты должны быть учтены. Но кто в этом конкретном случаи выиграет? Государство? Для него это мизер. А проиграет солдат. Сэкономили, а теперь сами и съедим.

Заместителя по тылу убедили два моих довода. Первый, что существует строгий учёт выдачи этих продуктов и второй, что если бы я хотел продать эти продукты, то не завозил бы на склад. Продукты мы отстояли и месяца полтора солдаты имели существенную прибавку к пайку.

Зимой проблемой были простудные заболевания. Это и на гражданке проблема, а в армии в двойне. Солдат не ходит по тротуарам, а не смотря на любую погоду, большую часть времени проводит в поле. А ещё скученность. Один кашлянул, двое подхватили. Мы стремились добиться того, чтобы каждый день на обед, каждому солдату, была головка лука, что тоже по пайку не предусмотрено. Но тыловики выкручивались.

Бардак в Закавказье продолжался. 21 февраля в Тбилиси ожидались волнения в связи с датой провозглашения, кажется в двадцатом году, меньшевиками республики. За день до этого, всех командиров частей Тбилисского гарнизона, вызвали на совещание к командующему округом. Он довёл до нас, что получен приказ о противодействии возможным волнениям.

Радетели свободы, псевдодемократы, продолжительное время вдалбливали народу, через «свободные» СМИ, что эти сволочи генералы, сами, по своей прихоти, бросают армию против

собственного народа. Ничего и не когда Армия не делала сама, она выполняла приказы. А те, кто их отдавал, потом качали головами и делали умное лицо.

В этот раз, слава богу, всё обошлось. Мы просидели со своими солдатами весь день, 21 февраля 1989 года, в Тбилисском доме офицеров. Может быть, по этому и не было волнений. Организаторы всех этих «спонтанных» волнений наверняка знали, что мы сидим в готовности номер один. Один из них даже заявился к нам и выступил перед солдатами.

Дело в том, что весь день чтобы не было скучно, ребятам показывали кинофильмы, один за другим. Вот в перерыве между сеансами и появился этот господин. Мы его не прерывали, но после его выступления на сцену кинозала вышел я, и как мне кажется, мои доводы, для солдат, были более убедительны.

Мы, офицеры, прапорщики, солдаты все прекрасно знали какую резню, учинили эти борцы за свободу в Сумгаите. Какой разбой и глумление над личностью организовали они в других городах Азербайджана и Армении. И если бы не вмешательство Армии везде был бы Сумгаит.

В этот период обучения выхода в Кироваканский горный учебный центр у нас не было. Он находился буквально рядом с эпицентром землетрясения, которое произошло 7 декабря прошлого года. Этот и последующие выходы мы делали в Караязы. Горной подготовкой здесь можно было занимать условно. Нашли не большое скалистое ущелье, там и проводили занятия.

По окончанию сборов учебный батальон совершил марш 50 километров. Мы старались, чтобы курсанты ходили как можно больше, пехота должна уметь быстро передвигаться на большие расстояния. Но обязательно использовался метод постепенности. Сначала не большие марши 5-10 км и это практически каждый день.

Затем по программе был марш на 25 км. Раньше этот марш в полку совершали чисто только для отработки физической выносливости. Я приказал совершать марш с отработкой тактических задач.

Во время марша на батальон устраивались засады, мы обучали курсантов вести разведку маршрута и отрабатывали действия при внезапном нападении противника. Кроме того, обучали организации боевого охранения на привале. Только народ разбрёлся и попадал отдыхать, а на них противник делает налёт.

При совершении 50 километрового марша я пошёл с учебным батальоном. За день до этого у меня обострился мой старый

«друг» — радикулит, я с трудом влезал и вылезал из машины. Через 10 км марша я полностью выпрямился и домой пришёл уже совершенно здоровый.

Для хорошей подготовки курсантов необходимы и хорошо подготовленные офицеры. Офицер должен иметь право сказать: «Делай как я»! А то, к сожалению бывает: «Делай, как я сказал»! Офицер во всём должен быть примером.

Вопрос по физической подготовке офицеров я решил очень просто. Объявил, что офицеры подразделений обязаны сдать проверку по физической подготовке только хорошо и отлично, а офицеры тыла и управления полка на положительную оценку. Кто в эти нормы не впишется, не получит, так называемую, тринадцатую зарплату.

Дело в том, что согласно наставления по физической подготовке, каждый офицер обязан самостоятельно заниматься спортом в своё личное время. В частях, как правило, за месяц до проверки начинали проводить дополнительные занятия по физподготовки с «трупами» как мы их называли. А я, пригрозив не выплатой денег, добился того, что эти «трупы» сами забегали и на физзарядку и вечером после работы. Конечно, деньги не принесёшь, жена поедом съест.

Ну и, конечно же, на меня комдиву поступили жалобы. Вызывает, спрашивает, за что я собираюсь лишить офицеров денежного вознаграждения. Я ему объяснил, что эти деньги выплачиваются за успехи в боевой подготовке, а если у офицера двойка по физической подготовке, где успех? Комдив оставил меня в покое, кстати, сам на перекладине висел как сосиска, не был в состоянии сделать ни одного упражнения.

Мои меры возымели действия и на поверке, даже вечный двоечник, начальник финансовой службы полка уложился в положительную оценку. Парню 26 лет, а лишнего веса было килограммов двадцать. Похудел и стал не много похож на офицера. Человек попал в армию после гражданского вуза, и азы армейской службы ему пришлось постигать уже будучи офицером.

В 1988 году, когда мне исполнилось 40 лет, я объявил в полку, что будет проведён 10-ти километровый кросс. Кто из офицеров меня обгонит, получит дополнительно к отпуску пять суток, а солдат поедет в краткосрочный отпуск домой на десять суток. Меня на трассе смогли обойти только три солдата, всё-таки возраст даёт себя знать. Как и было обещано все трое уехали в отпуск.

Я следил за своей физической формой, каждое утро бежал кросс 7 км., лёгким темпом, а затем час на гимнастических

снарядах, упражнения с гирями и гантелями. Два, три раза в неделю бежал кросс 10 км.

Как-то раз, в одну из зим, поступил приказ физическую зарядку с солдатами проводить

только 30 минут. Этого времени явно мало, человек только успеет, разогреется. В частях, которыми я командовал, зарядка была всегда по 60 минут.

Министр обороны посетил какую-то часть на севере страны и сделал вывод, что для физзарядки зимой достаточно получаса. Для севера наверно это будет справедливо, но у нас зимой плюсовые температуры. Исходя из здравого смысла я оставил на физзарядку час, тем более, что согласно устава, распорядок дня в части устанавливает командир части. Кто-то, из дивизионного начальства, увидев это, распорядок дня висел в каждой роте, доложил комдиву. Я получил нагоняй и указание немедленно поменять распорядок. В каждой роте сделали два распорядка, как только в полку появлялся кто-либо из дивизии, сразу вывешивался распорядок с 30-ти минутной зарядкой.

В силу своих возможностей я пытался воспитывать крепких физически выносливых солдат. Да и не только солдат. Офицеры и прапорщики полка поощрялись мной за здоровый образ жизни. Кто не курил, получал дополнительно к отпуску трое суток. Кто в течение года не болел, получал двое суток.

Да это было нарушение, но кому от этого нарушения было плохо? На мой взгляд, это приносило только положительные результаты.

6.7. Тбилисская трагедия, 9 апреля 1989 года.

В Тбилиси уже несколько суток продолжался не санкционированный митинг. Восьмого апреля в МВД Грузинской ССР, под руководством заместитель внутренних дел Грузии, было проведено совещание, на которое были привлечены командиры воинских частей Тбилисского гарнизона.

К этому времени, с утра 8 апреля, войсками гарнизона были уже взяты под охрану стратегически важные объекты города. Я получил задачу взять под охрану здание гостелерадио Грузинской ССР и центральный телеграф.

На совещании решался вопрос, как можно, наиболее безболезненно, рассеять толпу. Вопрос о применении силу был уже решён в высших эшелонах власти, на совещании решались только тактические задачи. Два полковника внутренних войск из Москвы предлагали войска вообще не применять для разгона демонстрации, а выгнать к площади несколько пожарных машин и облить людей водой. Ставка была на то, что ночи стояли холодные, и люди замёрзнув, сами разойдутся. Заместитель министра был против этой идеи, считал, что если не разгонять дубинками, то ни кто не разойдётся.

На совещании были и представители КГБ Грузинской ССР. Мы стали высказывать им претензии. Как они могли допустить такой бардак. Почему не работали? Но как нам сказали эти ребята, их повязали по рукам и ногам, ничего не разрешают предпринимать. У них есть весь список активистов, есть их адреса, но команду на задержание не дают.

На совещании было решено разгонять толпу силами подразделений дивизии внутренних войск им. Дзержинского, московская дивизия. Они должны были идти от площади, название, к сожалению, не помню, по проспекту Руставели в сторону центрального телеграфа и оттеснить людей от площади перед зданием Совета министров. Задача грузинской милиции состояла в том, что она ко времени начала акции должны были разобрать все баррикады из автомобилей, которыми были перекрыты все выходящие на Руставели улицы. Сам проспект Руставели был также перегорожен в районе центрального телеграфа. Эта задача ставилась с той целью, чтобы люди, на которых будут надвигаться солдаты внутренних войск, могли беспрепятственно покинуть площадь перед Совмином. Десантникам поставили задачу двигаться за дзержинцами и брать

под охрану перекрестки, которые те пройдут. Ни один солдат армии участия в разгоне демонстрации не принимал.

На следующий день две с половиной тысячи милиционеров г. Тбилиси на службу не явились. Кто-то опять скажет, что это стихийно, нет, уверен, что нет, начался осуществляться план пятой колоны.

В ночь с восьмого на девятое апреля была предпринята последняя попытка решить всё миром. К демонстрантам обратился патриарх грузинской православной церкви Илья -2, он просил людей разойтись. Что дзержинцы уже готовы к действиям было видно и от Совмина. Патриарха грубо прервал Гамсахурдия, руководитель выступления, и приказал всем сесть. Это было грубейшей ошибкой приведшей к жертвам.

После предупреждения о применении силы солдаты внутренних войск пошли вперёд. Им пытались оказать сопротивление несколько сотен боевиков.

По оперативной информации в районе озера Лиси, это окрестности Тбилиси, около месяца проходило подготовку около трёх сот боевиков под руководством инструкторов. Как нам доводили, в основном инструкторы были из Эстонии. А где же было КГБ?

Получив трёпку от дзержинцев, эти герои бросились бежать, а бежать не куда. Милиция не вышла на службу и не выполнила свою задачу, улицы остались перегороженными. На площади перед Совмином и на проспекте Руставели сидит около 10 тысяч человек. И толпа побежала по людям, началась паника и давка.

В результате этой трагедии погибло 16 человек, в основном женщины, погибли самые слабые.

Потом «свободная пресса» обливая грязью армию, будет писать о зверствах военных, которые били народ сапёрными лопатами. Но видимо эти щелкопёры в армии не служили, иначе знали бы, что солдат с собой сапёрную лопату не носит, она высотой 110 сантиметров. В экипировку солдата входит МПЛ (малая пехотная лопата), а им и не надо было ничего знать, они выполняли заказ. В одной из газет была написана ужасная статья о том, как озверевший десантник преследовал старушку от Совмина до центрального телеграфа. И догнав, зарубил её сапёрной лопатой.

Я склоняю голову перед невинно погибшими, но всему есть предел. Прыткая старушка попалась и совсем дохлый десантник, ведь там расстояние около километра и весь этот километр старушка убегала, а десантник её догонял. Бред сивой кобылы. Я уже говорил, что на охране центрального телеграфа стояло моё подразделение, ни каких стычек там не было. Ну и главное.

Судебно медицинская экспертиза установила, что все погибли от асфиксии, то есть людей просто задавили. И только один мужчина имел рваную рану, пытался показать одному из десантников приёмы каратэ. Нужна была кровь, и её сделали, нужно было очернить Армию, и маховик пропаганды закрутился.

На следующий день в городе был введён комендантский час, я был назначен комендантом Сабурталинского района г. Тбилиси, это один из центральных районов города.

Вечером, около 20.00, на гостелерадио прибыл командующий войсками округа генерал-полковник Игорь Родионов. Он собирался выступить по телевидению и объявить о введении в Тбилиси с 22.00 комендантского часа. Руководство гостелерадио уговорило его выступить после окончания программы „Время". Это было ошибкой, люди узнали о введении комендантского часа за 20 минут до его введения. В связи с этим в первую ночь было очень много неразберихи, но затем порядок был восстановлен.

В 22.00 жизнь в городе замирала. Конечно же, это было не удобно для населения, но благодаря этому власть толпы закончилась. За исключением не большой площадки у здания гостелерадио, где круглосуточно продолжался несанкционированный митинг студентов. К этому времени в здании дворца спорта уже были размещены подразделения Софринской бригады специального назначения внутренних войск.

Ко мне прибыл заместитель командира бригады, фамилию, к сожалению, не помню, мы познакомились и обговорили порядок взаимодействия. Был я и у них в гостях, целый день в здании дворца спорта шли занятия по специальной подготовке. Солдаты бригады были подготовлены очень хорошо. Хочу отметить, что вся бригада была укомплектована солдатами только славянских национальностей: русские, украинцы, белорусы.

А у объекта, за который я нёс ответственность, продолжался митинг. Была объявлена голодовка. Целый день, сменяя друг друга, выступали ораторы, говорили по мегафону. Толпа стояла прямо перед зданием гостелерадио, а выступающие вещали со ступенек перед входом в здание. На ночь все устраивались спать прямо здесь же, на матрацах, которые и на день не убирались.

Мне надоела эта кутерьма, и я вызвал из полка оркестр. Он расположился на ступеньках перед входом и стал играть вальсы и марши. Толпа с начало зааплодировала, послышались выкрики: «Солдаты с нами». Но когда оркестр без перерыва проиграл минут тридцать, я уже писал, что ребята были натренированы играть по два часа с небольшим перерывом, руководители демонстрантов забегали. Митинг превратился в прослушивание репертуара военного оркестра, ни какой мегафон не был в состоянии

перекричать духовой оркестр.

В гостелерадио постоянно находился представитель ЦК компартии Грузии. К нему побежали ходоки, и он явился ко мне с вопросом: «Кто разрешил игру оркестра»? Я ответил, что на это, мне ни каких разрешений не надо. Высокий начальник удалился и буквально через 10 минут меня вызвали в нашу машину радиосвязи, на связи был командир дивизии. Он потребовал, чтобы я немедленно убрал оркестр, а то с должности снимут и меня и его. Пришлось выполнить.

Благодаря помощи ЦК компартии Грузии митинг возобновился, вся эта братия там была заодно.

Гамсахурдию арестовали в первую же ночь. Сидел он в тюрьме, которую охраняли солдаты одного из полков нашей дивизии. Но просидел только два дня и его выпустили. Без согласования с Москвой этого, конечно же, не сделали бы.

Не помню, на какой день после трагических событий на проспекте Руставели, Софринский спецназ получил задачу разогнать митинг у гостелерадио. Заместитель комбрига пришел ко мне договаривать о взаимодействии, он хотел, чтобы в случаи осложнения ситуации мы надавили на демонстрантов с тыла. Я ему объяснил, что у меня приказ не во что не вмешиваться и не один мой солдат не имеет права выйти за пределы территории, которую мы охраняем. Единственно, что я ему пообещал то, что если его ребят будут убивать, то я плюну на приказ.

Но наша помощь не понадобилась. Когда цепь спецназа подошла метров на пятьдесят, один из офицеров, по мегафону, предложил толпе разойтись, в ответ чистый русский мат. Прозвучали команды и солдаты зашагали на месте, под левую ногу отбивая ритм дубинками по щитам. Впечатляющее зрелище. В следующее мгновение они бросились на толпу, но никто не стал им оказывать сопротивление. Народ бросился кто куда, я видел, как люди перепрыгивали через забор в зоопарк. Часть девушек бросилась к дверям нашего здания, я приказал открыть двери и запустить. Площадь перед гостелерадио моментально опустела, остались только груды матрацев. Мои солдаты затем часа три убирали этот мусор, нагребли целую гору копчёной колбасы и кучу бутылок с водкой и чачей, вот тебе и голодовка.

Комендантский час в Тбилиси просуществовал, насколько я помню, десять суток. В городе сохранялся покой и порядок, даже криминалитет затих.

В Тбилиси за десять суток комендантского часа не было угнано не одной машины. До этого каждую ночь угонялось не мене десятка.

Комендантский час отменили, воинские части вернули в

места постоянной дислокации. В Тбилиси были отмечены нападения на офицеров, если шёл один, нападали и били сзади по голове. Командующий разрешил офицерам ходить с оружием.

Но хочу отметить и в этой обстановке грузинское общество не было единым. Это СМИ навязывало образы подлецов в военной форме. Приведу только два случая прошедшие лично со мной. Хочу сразу сказать, что я ни разу не слышал в свой адрес даже грубого слова. Так вот, в связи с нападениями, все офицеры получили табельное оружие, пистолеты. Наши жёны, в магазины Тбилиси, ходили первое время только в сопровождении мужей.

Стою я в универсаме у кассы, жена пошла делать покупки. На руках у меня младшая дочь, полтора годика. Я конечно в форме с оружием. Подходит ко мне грузин лет сорока и дарит ребёнку шоколадку.

В Грузии вообще культ ребёнка. Там как-то не принято уступать в общественном транспорте место женщинам, но ребёнку дело святое. Моя средняя дочь, когда ей было пять лет, даже была этим избалована. Заходя в вагон метро, она громко спрашивала: «Где моё место»? И полвагона моментально соскакивало со своих мест. Полутора годовалая Тамара редко из магазина выходила без конфетки, ну, а если её ещё и по имени назвать, всё, грузинки затискают.

Второй случай, это я ехал после совещания в штабе дивизии, он находился в Тбилиси, к себе в полк. Был конец апреля духота, время около 20.00. Проезжая мимо кафе, я сказал водителю, остановится, и зашёл выпить кружку пива. В зале сидела большая, шумная компания, человек десять. Два грузина в кафе, это уже шумная компания, очень эмоционально ведут разговоры. Только я сел за столик с кружкой пива, как ко мне подходит один из этой компании и протягивая копчёную рыбу, говорит: «Это вам к пиву». Я пытался отказаться, но отказаться значить обидеть. Эти люди уж точно не были последователями Гамсахурдии.

А в каком гневе был мой старый знакомый Захарий Васильевич. Он крайне отрицательно относился ко всем этим событиям. А тут один раз приезжает ко мне и его прямо трясёт от негодования. Рассказывает, что ему в метро, какой-то сопляк сказал, что во время войны он не с теми воевал, у Захария Васильевича на пиджаке всегда были планки с боевыми наградами. Фронтовик чуть не сломал об этого недоноска свою инвалидную палку.

Потихоньку жизнь вошла в своё русло, но на Армию продолжали лить грязь. В Тбилисских газетах была перепечатана статья из газеты «Киевская правда», в которой учительница одной из школ города клеймила нас, военных, позором. Было собрано

общее собрание полка, и мы написали ей ответ, но конечно из газеты ответа не дождались, постоянно шла игра в одни ворота.

Сразу после трагедии 9 апреля в Тбилиси прилетел господин Политковский, из популярной в то время телевизионной передачи «Взгляд».

Мне до Тбилисских событий она тоже нравилась. Молодые парни поднимают давно назревшие проблемы, которые до них никто не поднимал. Сама манера ведения передачи отличалась оттого, что было раньше.

Приехав, господин Политковский взял интервью только у представителей одной стороны. Может ли такая передача быть объективной? Наверняка нет. А им и не надо. Есть заказ его надо выполнить.

Узнав о прибытии Политковского, наши офицеры попытались с ним поговорить, но смогли его поймать, если так можно выразиться, только уже в аэропорту. Он пообещал взять интервью, но от встречи уклонился.

> «Телевидение — поле общения мошенников с простаками».

Взглядовскую версию тбилисских событий смотрела вся страна, а другой версии и не было. В одном из июньских номеров газеты «Красная Звезда» были опубликованы выводы государственной комиссии по расследованию тбилисских событий. Но только там, и больше ни в одной центральной, тем более республиканской газете. Видимо той власть это было не надо.

Сразу после апрельских событий была очередная провокация. Было заявлено, что войска применяли боевые отравляющие вещества. А затем появились публикации в местной печати, да и по телевидению тоже, что была попытка отравить школьников нескольких школ. Вроде бы отравляющие вещества были подброшены в туалеты и классные комнаты, в одном из классов нашли отравленные портьеры. Одни говорили, что это просто переборщили с хлором при проведении дезинфекции, другие настаивали, что это попытка отравления. А как по мне, то просто спланированная провокация.

Не знаю, так ли или нет, но до нас потом доводили, что Грузия, обращалась в какую то международную организацию, с просьбой прислать экспертов. Штаб квартира кажется в Лондоне. Комиссия приехала, ничего не подтвердилось, ни каких отравляющих веществ не нашли и Грузия, за явно ложный вызов, была оштрафована.

Обливать армию грязью продолжали, вспомнили и

Афганистан. С начало там войны не было. Затем была, и Армия выполняла свой долг. А теперь пришло время развалить страну, а как я уже говорил для этого надо нейтрализовать Армию. В газете «Труд» появилась статья В. Снигерёва «Среди моих агентов были и советские генералы». Я понимал, что в эту газету писать бесполезно и написал в «Красную Звезду», но и здесь не было ни какой реакции.

is

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ !

Пишет Вам гв. полковник СТОДЕРЕВСКИЙ Игорь Юрьевич.

В газету никогда не писал,но сейчас молчать просто не могу,обидно за армию,за народ.

Поводом для этого письма послужила статья в газете "Труд" за 22 января этого года,Владимира Снигерева "Среди моих агентов были и советские генералы".

Только у нас в стране можно подобным образом,безнаказано облить людей грязью. А обливает грязью он не просто генералов, не просто армию,а народ.

За годы афганской войны,через ее пекло,прошли сотни тысяч наших солдат,офицеров,генералов,а когда сотни тысяч,то это уже часть народа,и большинство из них честно выполнили свой долг.

Сначала о этой войне молчали,корреспонденты писали,что так идут учебные бои. Затем появились свои герои,и народ, в большинстве своем,уважительно относился к "Афганцам".

Затем все это уже ошибка,яне собираюсь это оспаривать, история все поставит на свое место.Дальше уже преступная война и нужны преступники.Если их нет или мало,то их надо придумать.

Карем Раш в своей статье "Армия и Культура говорит: "Были ли в Афганистане случаи моральной ущербности среди военно-служащих ? Думаю,что да,и,видимо,больше,чем нам хотелось бы. Войне любой супутствуют преступления,когда от них не избавлена даже мирная жизнь и даже такой войне,как "священной памяти двенадцатого года".Известен гневный приказ Кутузова и не один,направленный против дезертиров и мородеров русской армии.Но есть правда народная,которая совпадает с художественной,а есть правда "военкоматская",протокольная,окопная,тыловая, штабная,трибунальная и сотни других частных факторов,прав и кривотолков. Даже Лев Толстой,ко времени написания "Войны и мира" уже убежденный антимилитарист,который не упустил даже подергивающей мышцы у наполеоновской ляжки и пухлой шеи Кутузова, и тот не воспользовался трусами,морродерами и дезертирами.Он понимал,что это не народная правда о войне.С такой же взвешенной мудростью пишем мы о нашей армии в момент испытаний,выпавших на ее долю ! Верны ли мы сыновней традиции ?

У господина Снигерева вся 40-я,армия стала преступной, он пишет о ней с издевкой:

"Когда наша 40-я.армия находилась за Амударьей,Масуд был ежедневной головной болью ее генералов. Против него устраивались грандиозные войсковые операции..." Вся статья пропитана презрением к армии.

И мне снова хочется обратиться к Карему Рашу: "Любовь к своей армии,верность ее традициям есть самый верный признак здоровья нации. Нападки на армию начинаются всегда, когда хотят скрыть и не трогать более глубокие пороки общества. Чаще всего неприязнь к армии проистекает от нечистой совести и страха перед службой и долгом.."....

В статье не приводится ни одной фамилии,ни одного имени, но в штабах сидят купленные офицеры и даже генералы,коварные русские строят козни,обманывают благородных моджахедов".... Русские использовали прекращение огня для тщательной и широкомасштабной подготовки к решающему сражению".....

" ....Масуд,тонко улыбнувшись,протягивает руку за книгой"... Русский ли это корреспондент писал,а если русский,то Иуда, или купленный.

Я,и мои ребята,видели,что делают благородные моджахеды, а по-нашему душманы и с нашими пленными солдатами и с афганцами, кто не разделял их точку зрения. Это мои парни вывозили из горных кишлаков семьи,приговоренные исламскими комитетами к смерти.

Нас господин Снегирев,правда устами Масуда,обвиняет в том, что мы не только преступно воевали,но и бездарно.

".... Советские командиры воевали по учебникам,которые они изучали в академиях. Но в этих учебниках ничего не было написано о том,как действовать против партизан в горах.

По-моему,за все девять лет никто из ваших так и не удосужился глубоко вникнуть в ситуацию,постараться понять,что же здесь все-таки происходит ...."

Какие же у нас бараны командиры,за девять лет ничего не поняли.

Ошибаетесь господин Снегирев,или пишете с умыслом. Мои парни знали как воевать в горах, и с партизанскими формированиями в том числе.И книги у нас такие есть,и даже части специальные,а имя им "спецназ".

Я,будучи командиром отряда"спецназ",в составе группы офицеров уже летом 80-го года был первый раз в Афганистане,и были мы там как раз с задачей -обучить тактике антипартизанской борьбы парашютно-десантные батальоны, и они в дальнейшем с успехом громили душманов.

Затем я был в Афганистане второй раз уже со своим отрядом. Офицеры и прапорщики в отряде были на 100 % добровольцами,солдаты процентов на 80. Моральный дух был очень высок,самое большое наказани было не взять на операцию.

За два года боев я ни разу не попадал в засаду,а вот душманам, мы устраивали,и очень результативно.

В июле 1982 года обострилась обстановка на дороге Хайратон-Полихумри,душманы били из засад наши транспортные колоны,повторяю, транспортные,а не боевые части.

Решением Командующего армией наш отряд был переброшен в Саманган 15 июля и мы получили под свою ответственность 100 км. дороги,последнюю засаду душманы смогли провести 8 августа,а затем мы их били на подходах к дороге.

С 8 августа 1982 года по 6 ноября 1983 года наш участок был совершенно безопасен для проезда. В противодиверсионной борьбе, кроме подразделений цирандоя,хад,и афганской армии нам оказывал большую помощь отряд самообороны кишлака,какого писать не буду,чтоб не подводить людей,об этом отряде весной 1983 года в статье "Революция умеет защищаться" писал подполковник Б.Скрижалин,и почти в каждом кишлаке,вдоль дороги,у нас были свои люди.

И чем дальше,тем мы приобретая опыт лучше воевали,за последние 8 месяцев,каждый месяц до 15 боевых выходов,мы не потеряли ни одного солдата. У кишлаке Кули-Ишан провинция Саманган,мы разгромили две банды в течении одного дня не потеряв ни одного солдата,это сентябрь 1982 года. Народ Айбака,центр провинции,встречал нас после операции с цветами.

В марте 1983 года уничтоженные базы душманов в Марноле, в составе частей 40-й.армии и афганских подразделений за 9 дней боев мы взяли ущелье и базу,которая там находилась и опять не потеряв,убитыми,ни одного солдата. Так что мы умеем воевать.

А вот что в Афганистане "звезды" раздавали-ложь! Половина аттестаций не реализовывалась.

И все-таки война есть война и 44 наших товарищей погибли, вы Снигерев облили грязью и живых и мертвых.

- 4 -

Я глубоко уважаю, люблю и помню всех живых и мертвых своих ребят. И не только их, а и генералов, с которыми меня свела судьба в Афганистане, на которых вы Снегирев пытаетесь бросить тень, это и командующие армией Ткач, Ермаков, про них не пишут, они же не выводили войска, а воевали. Это генерал-лейтенант Тер-Григорянц, начальник штаба армии, с которым мы неделю спали в одном БТР-е при проведении операции.

Я об одном жалею, что не 19 век и нельзя бросив в физиономию перчатку вызвать к барьеру. Поменьше бы тогда было подлецов.

С уважением
ГВАРДИИ ПОЛКОВНИК =СТОДЕРЕВСКИЙ=

Р.З. Не прошу и не жду, что вы это напечатаете.
Жду ваших статьей, надеюсь вы как профессионалы дадите отпор подлецу.

И жду, поверьте, не я один.
В газету "Труд" не пишу, знаю, положат под сукно.

писал в газету "Красная звезда"

Ката с оружием на стадионе Первогвардейска

Обстановка не сколько улеглась и мы опять занялись боевой подготовкой.

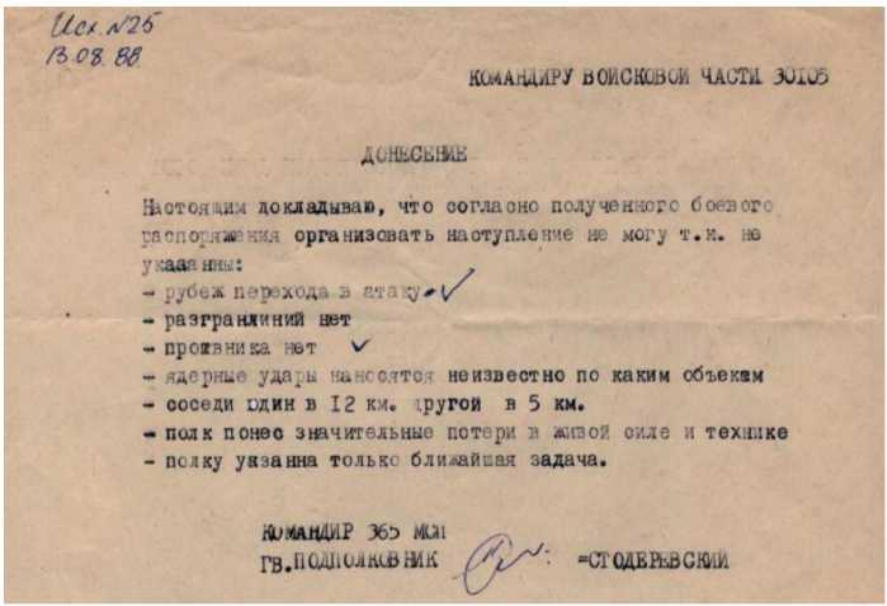
На день победы я подготовил, как мне кажется, неплохую показательную программу по рукопашному бою. Мне уже не надо было не с кем согласовывать количество личного состава привлекаемого для этого и время тренировок, всё в полку решал я сам. Показательные выступления проходили на стадионе нашего

военного городка и были сняты грузинским телевиденьем. Была такая программа — «На страже южных рубежей».

Показ приёмов обезоруживания.

Не забывали мы и отдыхать. Я поехал, и в одном из ущельев нашёл красивое место. Горная река, берега, поросшие густым лесом, словом Кавказ. Приказал тыловикам сделать громадный стационарный стол из доски пятидесятки. На столе была выжжена надпись, что он является собственностью в/ч 22060. Вот туда мы выезжали отдыхать с семьями.

Всё не чего, но у меня опять не сложились отношения с командиром дивизии. Не нравилось ему всё, что я делал не по программе. В армии проявляющим инициативу всегда было не легко. Не сколько стычек было на ученьях, когда я возвращал боевые распоряжения, по которым невозможно было ни чего делать, так как они были абсурдны.



Исх. №25
13.08.88

КОМАНДИРУ ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 30705

ДОНЕСЕНИЕ

Настоящим докладываю, что согласно полученного боевого распоряжения организовать наступление не могу т.к. не указаны:
- рубеж перехода в атаку
- разграничений нет
- противника нет
- ядерные удары наносятся неизвестно по каким объектам
- соседи один в 12 км. другой в 5 км.
- полк понес значительные потери в живой силе и технике
- полку указана только ближайшая задача.

КОМАНДИР 365 МСП
ГВ.ПОДПОЛКОВНИК =СТОДЕРЕВСКИЙ

Отправив это донесение, я, по сути, сказал комдиву, что он дурак, но, сколько же можно терпеть этот дебелизм, и при этом делать умное лицо. Дурак пусть знает, что он дурак и мне наплевать на последствия. Для меня было главное, жить в ладах с собственной совестью

Задержал у себя в полку пьяного начальника службы ГСМ дивизии, он был за рулём личного автомобиля. Автомобиль арестовал, а майора выгнал с территории полка.

На 500 километровом марше молодых водителей дивизии, который, кстати, обязан был проводить комдив, а повесили на меня, выгнал начальника автослужбы дивизии, который во время марша вдруг исчез, и появился только на следующие сутки. Кстати приказа по дивизии о наказании этих субчиков так и не было.

Комдив решил поставить меня на место. Десять суток у меня в полку работала комиссия во главе с комдивом, в общей сложности около сорока офицеров. Перевернули всё, мелкие недостатки, конечно, нашли, но на приказ они не тянули. И тогда задним числом сфабриковали один приказ, который я в глаза не видел, а затем, за не выполнение его, другой, о моём наказании. Но работа была настолько топорная, что в своём рапорте на имя комдива, я от них не оставил камня на камне. И меня оставили в покое.

КОМАНДИРУ ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 30105

Исх.№ 322
от 11.10.89 г.

Р А П О Р Т

Мной 20.9.89 года получен акт осмотра вооружения и техники в ч 22060 от 15.9.89 года.

Докладываю, что осмотр вооружения и техники офицеры в ч 30105 не проводили, о проверки я узнал только из акта, мне как командиру части никто из комиссии не представлялся и по докладам офицеров технической службы части никто ничего не смотрел.

В акте есть ряд неточностей:

1. Пункте № 3 говорится "... за 9 месяцев 1989 года командир полка подполковник Стодеревский И.Ю. не провел не одного смотра вооружения и техники , нет ни акта ни приказа по части."

Это ложь. Никто в штаб не прибывал, иначе бы они нашли:

-приказ № 65 от 27.3.89 г.
-приказ № 136"а" от 4.6.89 г.
-приказ№155 от 7.8.89 г.
-Акт 8.2.89г.
-Акт 16.6.89 г.
-Акт 2.6.89 года
-приказ № 189 от 26.6. 89
-Акт от 2.9.89 года.
-Акт 19.5.89 года
-Акт 13.6.89 года
-приказ№108 от 12.5.89г.
-Акт 27.6.89 года

-2 В этом же пункте говорится :

"... В части отсутствует приказ по проведению регламентированного технического обслуживания на танках боевой группы и план работ".

Приказ имеется № 136"а" от 4.6.89 года

3 В пункте 7 говорится:

"....Инвентаризация склада ВТИ не проведена с 20 августа , как было приказано" актов инвентаризации нет".

Акт есть от 13.6.89 года

4. В пункте 3 автомобильная служба говорится :

"....Наряды на эксплуатацию АТ иногда утверждаются утром перед выходом в рейс необслуженной техники ".

Когда,это иногда ?

Кто за этим подсматривает?

5 В этом же пункте :

= 2 =

"... легковые автомобили по приказу командира части п/п-ка Стодеревского в ночное время находятся у казармы".

Где этот приказ ?!

И кто его слышал ?

6. 4.I0.89 мной получен приказ №I87 от 29.9.89 " О результатах смотра вооружения и техники в ч 22060"

Где говорится :"...в ходе повторной проверки с I9 по 23 сентября с.г. установлено, что командованием части указанные недостатки не устранены .

Повторной проверки так же как и первой не было. Акт с недостатками я получил 20.9.89 , а повторная проверка началась I9.9.89 г.

Где логика ?

Считаю подобная фабрикация не случайна это продолжение того прессинга, который применяется ко мне последние 9 месяцев - это начет за ГСМ , который объявлен прокуратурой незаконным ; - это начет за цестерну с горючим, который я считаю тоже будет объявлен незаконным .

Вы очень хорошо нас учите как работать с подчиненными ругаете за бездушие . Требуете выполнения устава, приказов и деректив_

Но считаете, что лично Вас они не касаются.

Да недостатки в полку есть . Коллектив полка прилагает усилия к их устранению. И при желании можно повесить всех собак , но будет ли от этого лучше для службы?

3 октября у меня вышел срок на звание и- тишина !!! Никаких обяснений

Я дважды просился к Вам на прием . Вы мне отказали в беседе

Вынужден писать Вам сочинение . В Виду сложившейся обстановки не считаю дальнейшее прохождений службы под Вашим началом.

Прошу Вашего ходатайства перед вышестоящим командованием о переводе меня для дальнейшего прохождения службы в другое

соеденение.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 22060
гв. подполковник пп Стодеревский

6.I0.89

Примечание : Копия актов и приказов прилогаю.
Всего II шт.

ВрИО НАЧАЛЬНИКА ШТАБА в ч 22060
гв.майор =МОЖАЙСКИЙ=

Чтобы уважать себя, мало презирать других. Надо сражаться за свои принципы и отстаивать их. Не позволять унижать себя, и не поступаться чувством собственного достоинства ради мелких

выгод.

Осенью у меня выходил срок на очередное звание — полковник. Согласно приказа министра обороны СССР, документы должны оформляться заранее и отправляться по команде, с начало на подпись к командующему округом, а затем в Москву на подпись к министру обороны. На меня документы не оформляли. Я позвонил командиру дивизии и попросился на приём, выяснить, в чём причина задержки. Но комдив был занят и меня не принял, занят он был — полтора месяца. В конце концов, видя, что встречи не будет. Я написал комдиву рапорт, где изложил всё, что думаю, о нём и попросил его ходатайства о переводе меня в любое другое соединение округа. Лёд тронулся и с задержкой в полтора месяца, я звание всё же получил.

Новый, 1990 год мы, как и положено, встречали в клубе гарнизона. Ночь с 31-го декабря на 1-ое января это семейный праздник, поэтому в полку мы всегда гуляли за день, два до Нового года. В это раз чуть не случилась трагедия. В самый разгар праздника прибегает дежурный по полку и говорит, что звонила дочь, просит срочно приехать. Мы с женой на машину и домой, хорошо, что офицерский городок располагался рядом с гарнизоном. Заскакиваем домой вся квартира в дыму, детей нет. Дома оставались две дочери, девяти и трёх лет. Они оказались у соседей.

А произошло вот что. Дети сидели, смотрели телевизор и тут в дом, разбив окно, влетает сигнальная ракета. Сосед, человек гражданской наружности, решил в честь наступающего Нового года запустить её в чистое небо, а попал в моё окно.

Влетев в комнату, ракета ударилась в потолок, а затем рикошетом в диван, буквально в полуметре от того места, где сидела младшая дочь. Рикошет в шкаф, а затем стала, бешено крутиться по полу. Для людей не посвященных, температура горения заряда ракеты — 2500˚. Слава богу, девятилетняя Оля не растерялась и набросила на неё махровый халат жены.

В январе 1990 года в Баку начались волнения, а точнее резня армян. К одному из солдат полка приехали родители из Узбекистана, рассказывали страшные вещи, как двух убитых армян бросили на тачку для перевозки багажа и с улюлюканьем возили по пирону вокзала. Затем к своему сыну приехал отец азербайджанец, женат он был на армянке. Рассказывал, как в своей квартире, несколько дней, прятал две армянские семьи, а затем вывез свою семью в Краснодарский край.

Любовь и уважение к армии в народе к этому времени СМИ

уже значительно подорвали. Организаторы развала Союза сделали выводы из уроков 1988 и 1989 годов. Они поняли, что основным стабилизующим фактором в этом бардаке, который они создали, является именно Армия. И Бакинские события начались с обстрелов казарм, в

которых размещались части Бакинского гарнизона.

Несколько дней в городе продолжалась резня, а господин Горбачёв не ударил палец о палец для защиты своих граждан от бандитов. Войска в город ввели поздно, очень поздно. Сколько пролилось невинной крови.

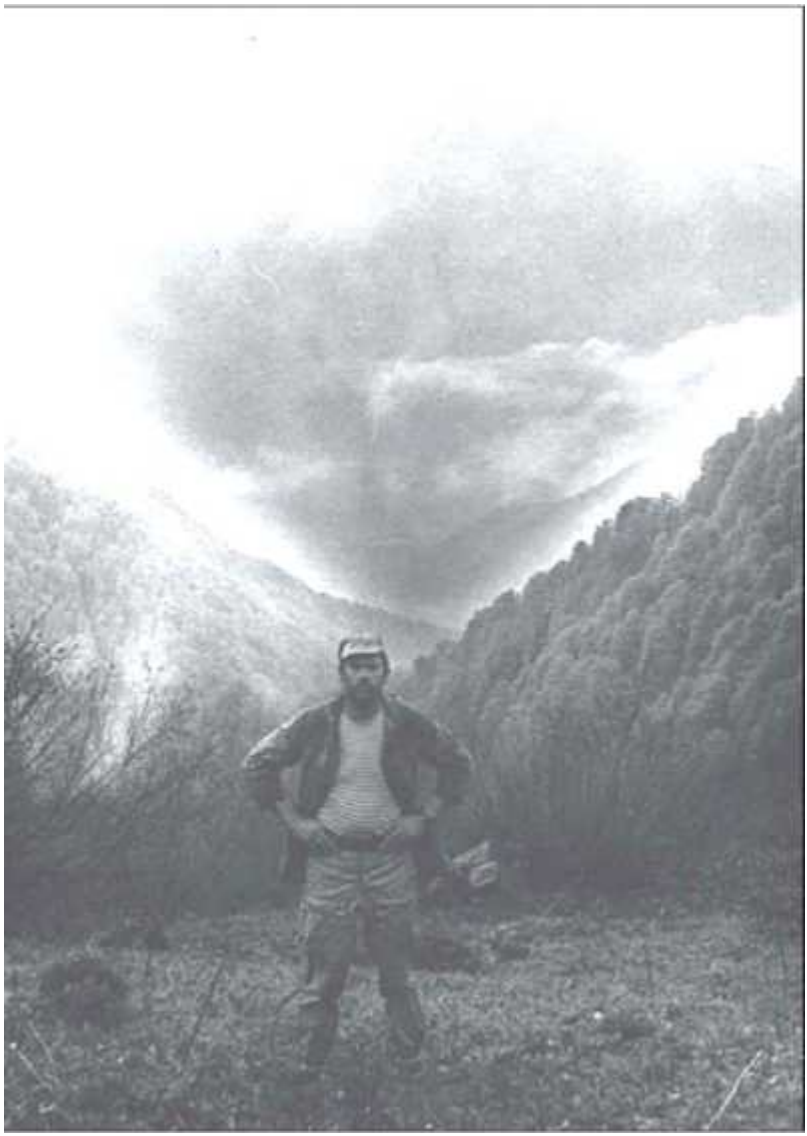
Господа демократы, при вводе войск, подставили свой собственный народ. Во время ввода погибли дети. Почему они оказались на улицах во второй половине ночи? Да потому, что для закрепления успеха видимо мало было армянской крови, нужна была ещё азербайджанская.

Вот в эти дни в наш гарнизон самолётами были переброшены подразделения бригады спецназ из г. Изьяслава (Украина). Заместителем командира бригады был Саша Чубаров, мой товарищ ещё по Чирчику. Размещались они в казарме нашего полка. Несколько дней ребята тренировались в штурме отдельных зданий, их готовили в Баку. В программе подготовке спецназа такого нет, спецназ ГРУ не работает в городах.

И тут скандал, несколько лейтенантов написали письмо, кажется командующему округом, что они отказываются воевать против собственного народа. Бандиты стали у них народом. Не знаю, но наверняка, если бы бригада приняла участие в Бакинских событиях жертв, среди мирных жителей, было бы меньше.

Командующий приказал убрать это воинство. Не помню точно, но, кажется, в течение суток подогнали эшелон, и часть убыла. Забирать людей прибыл лично руководитель спецназа ГРУ герой Советского Союза генерал майор Колесник В.В.

В феврале месяце гарнизон посетил с визитом генерал армии Варенников. Я, с разрешения командира дивизии, подошёл к нему с просьбой о переводе меня куда-нибудь в европейскую часть Союза. К этому времени я уже прослужил 23 года и все в Азии. Мне была обещана поддержка, порученец генерала записал мои данные. Через пару недель, из Москвы, в отдел кадров округа был звонок, что я поеду служить в Западную группу войск (Германия). В связи с этим меня срочно выгнали в отпуск, пришлось нам с женой ехать в Ялту в марте месяце.



На турбазе Красная поляна, район Большого Сочи.

По плану отпуск был у меня в мае, и были путёвки на турбазу «Красная поляна», это под Сочи. К слову сказать, проблем с путёвками в Советской Армии не было, а санатории и турбазы министерства обороны, были куда лучше, чем гражданских ведомств. Начиная с 1975 года, я отдыхал только по путёвкам, цены за них были символические: в санаторий — 45 рублей это на 24 дня, турбаза — 20 рублей на 20 дней. Для членов семи в два раза дороже.

Приехал с отпуска и ещё пять месяцев ждал перевода.

Во время службы в этом полку у меня был случай ещё раз

подтверждавший, что людям надо доверять.

У меня в оркестре служил латыш по имени Андреас, фамилию не помню. А в Кронштадте у него служил брат близнец Юрис. По просьбе Андреаса мы написали рапорт Командующему округом о переводе его брата в наш полк, по закону близнецы должны служить в месте. В течение месяца требования закона были выполнены.

Командующий округом запретил отпускать в отпуск солдат выходцев из республик Прибалтики, не возвращались назад. Подходят ко мне эти два брата, служили они хорошо и просят отпустить их в от пуск, сестра выходит замуж.

К сожалению, по такому случаю, отпуск положен не был, да ещё и приказ Командующего. Можно было отмахнуться, сославшись на эти доводы. А я, заверявшись их словом, о том, что они обязательно вернуться, отпустил.

Прошло положенное время, нет латышей, ну думаю, влип. Но, зная этих солдат, решил подождать три дня. Может быть, что-то случилось, что помешало им прибыть во время. Так оно и оказалось. На третий день ребята приехали. Оказывается на обратный путь они взяли билеты на самолёт. А в военкомате, куда они пришли становиться на учёт, им сказали, что возвращаться в часть не надо и забрали военные билеты. Пришлось ребятам без документов ехать поездом, но командира они не подвели.

Шёл 1990 год заканчивался развал страны и Армии. Десятки солдат уходили из своих частей, уходили даже взводами. Причина — полная безнаказанность. Правоохранительные органы бездействовали, а точнее им не давали действовать. Я об этом позже скажу. Так вот у меня с полка тоже ушли четыре солдата, два грузина и два азербайджанца. Один из грузин нашёл себе пристанище, в каком-то комитете, сейчас уже и название не помню, их столько наплодили в то время.

Комдив приказал ехать забирать солдата. Поездка эта была небезопасна, с оружием не пойдёшь, да и бесполезно с пистолетом против толпы. Одному могут голову свернуть, да и грузинского языка я не знал. И я позвонил Тимуру, как раз тому самому солдату, которого арестовали на учениях во время моей службы в Лагодехской бригаде.

Он, к тому времени, уже побывал в Афгане, и работал комсомольским секретарём одного из райкомов Тбилиси.

Мы вместе поехали в тот комитет. Сначала нас встретили в штыки, но после того как я побеседовал с двумя ветеранами, отношение изменилось. Ни каких веских причин оставления

части у солдата не было.

Только вдумайтесь, командир полка уговаривает солдата вернуться в часть, абсурд. Все мы в то время жили в полном абсурде, благодаря политике самоуничтожения и унижения проводимой из Кремля.

Солдат, конечно, с нами не пошёл, я это знал и наперёд, но ехать был вынужден. Так от нас требовало вышестоящее начальство, нет, не комдив, он выполнял указания штаба округа.

Во время разговора Тимур стоял у меня за спиной. Когда мы вышли на улицу, он мне рассказал, что подошли три молодых парня и хотели, сорвав с меня погоны, выбросить на улицу. Так вот он, прикрыл мне спину.

В конце августа пришёл приказ о моём переводе. Отходную делал на лоне природы, в роще, шашлык, сухое вино. Офицеры подарили кавказский кинжал.

Прощай Кавказ! Прощай Азия! Здравствуй Европа!

Глава 7. Западная группа войск

Назначен я был командиром 68-го гвардейского ордена Суворова мотострелкового полка, который дислоцировался в городе Галле. Полк входил в состав 27 мотострелковой дивизии, а та в свою очередь в состав 8 Армии. Это бывшая 62 Армия генерала Чуйкова, прославившаяся в Сталинграде. Так, что полк имел богатые боевые традиции.

В конце августа 1990 года обвешанный поклажей я погрузился в поезд Киев-Брест. Почему обвешанный, да потому, что на новое место службы офицеру положено прибывать, и представляться начальникам, в парадной форме одежды. С собой обязательно надо иметь повседневную форму и полевую, это только сапог две пары. Тащить с собой приходиться буквально всё, чтобы не получить на новом месте службы замечание за нарушение формы одежды. Багажом вещи могли идти сколько угодно долго. К чему я это всё так подробно расписываю. Да потому, что это было просто позорище. Всё это приходилось таскать самому. Представьте себе четыре полковника, обвешанные чемоданами и сумками передвигаются по Берлину, челноки, да и только. Было ужасно стыдно за себя, за армию, и за государство.

В Бресте я, и ещё десятка полтора, таких как я, погрузились на какой-то московский поезд и двинулись в Европу. Перед погрузкой, наша таможня перетряхнула все мои чемоданы, видимо боялись, что я вывезу золотой запас страны. Уже в поезде нас проверили наши пограничники. А Европе на нас было наплевать, польские пограничники прошли по коридору, и пропали, немцев мы не видели и вовсе.

Поздно ночью прибыли на вокзал г. Франкфурт на Одере, здесь была расположена так называемая пересылка Западной группы войск. Нас ожидал прапорщик с машиной, но вещи надо было сдать в камеру хранения, так как уже завтра, с этого же вокзала, все должны были убывать по своим частям. Здесь мы получили первую дозу позора. Расплачиваться за камеру хранения нам было нечем, марок ни у кого не было. Но здесь всё было налажено, не первый десяток лет идут эти замены офицеров и прапорщиков. Расплатились мы на следующий день, после того как нам на пересылке выдали деньги. А спрашивается, что нельзя было это сделать в Бресте?

Все поехали по своим частям, а мы, четыре полковника в Вюнсдорф, под Берлином, в штаб Западной группы войск. Командиры частей обязательно проходили собеседования у

командования.

И было то, о чём я уже писал, «полковники-челноки». Хорошо, что у нас в группе оказался офицер ранее уже служивший в Германии. Он и вёл нас по Берлину, а надо было перебраться с одного вокзала на другой. Не представляю, что бы мы делали, если бы не этот человек. Ведь языка не знал ни кто.

А было от Франкфурта до Вюнсдорфа всего то около 70 км. Можно было наверно, за командирами частей, прислать машину. Но нам, как всегда, на людей наплевать.

Командующего Группой войск не было, со мной побеседовал начальник штаба Группы, член военного совета и ещё один генерал, старый мой знакомый ещё по Афгану, вечно там пьяный ходил, служил он там советником. Здесь он сделал вид, что меня не знает. Ну не знаешь, и, слава богу. Из полка за мной пришла машина, и дальше мне свои чемоданы тащить не пришлось.

Прибыв в полк, устроился в гостинице, квартира была ещё занята старым командиром полка. Представился командиру дивизии, штаб дивизии находился здесь же в г. Галле, но на моё счастье на другой стороне города, не люблю соседства с начальством. Полк размещался в военном городке на окраине города, место это называлось Вёрмлиц. Кроме моего полка в городке размещался инженерно-сапёрный батальон нашей дивизии и противотанковый дивизион соседней дивизии. Командир полка являлся старшим военного городка.

Начал знакомится с полком и людьми. Полк был мощным боевым механизмом, так как он входил в так называемую дивизию прорыва. В своём штате, дополнительно к имеющемуся танковому батальону, имел ещё по танковой роте в каждом мотострелковом батальоне. Так, что танков, в полку было чуть меньше чем в танковом полку.

Вся техника размещалась в отапливаемых боксах. Люди размещались в старых, но добротных немецких казармах. Офицерский городок был рядом с частью. В городке было два кафе и два магазина военторга. Имелся не плохой Дом офицеров и Солдатский клуб. Была своя баня, кроме того, почти в каждом батальоне ещё имелась своя парная. Рядом с полком была большая территория для проведения занятий по боевой подготовке. Полигоны, один был в 60 км, другой под г. Айзенах, это около 250 км, но туда выезжали не часто, только для проведения учений с боевой стрельбой, и проведения стрельбы из танков штатным выстрелом. Боевая подготовка была отлажена как часы. Каждый офицер знал свою задачу, по крайней мере, на месяц вперёд, и ни каких авралов. Хорошее хозяйство оставил мне бывший командир подполковник Жадобин.

г. Галле, ноябрь 1990 г.

Да и в остальных частях, где я бывал по долгу службы, боеготовность была очень высокая. Части и соединения Западной группы войск серьёзно готовились к войне. А было их столько, что только наверно в маленьких селеньях не стояли наши гарнизоны. Не зря на западе нас уважали и побаивались.

Через какое-то время мы были привлечены на командно-штабные ученья, проводил командующий Армией. Совершив марш, мы прибыли на Магдебургский полигон. Ученья как ученья, ничем ни примечательные, но по окончанию их нам показали наступление танкового полка, на вооружении которого стояли танки Т-80. Они имели вертолётный двигатель и могли по хорошей дороге развивать скорость 70–80 км/час. На вооружении моего полка были такие же танки.

Впечатляющее зрелище. Когда около ста боевых машин идут в одну линию, на огромной скорости, местность позволяла.

Эта атака имела ещё и психологический эффект. Танки шли в атаку, а работу двигателей не было слышно. Можно представить себе противника видящего атакующие танки и не слышащего их звука. Звук появился только тогда, когда атакующая линия поравнялась с вышкой, на которой мы находились.

Начались размеренные будни. В сентябре из Киева прилетела моя семья, я встречал их в Лейпциге. В начале октября произошло объединение Германии, и мы оказались в буржуазной стране, да ещё и активном члене НАТО.

Не все немцы приветствовали это объединение. Начальник штаба одного из полков армии ГДР, пригнал к нам в полк две машины, гружённые сухими пайками и радиосредствами. Сказал, что мы их предали, но все равно, пусть лучше всё это добро достанется Советской Армии, чем Бундесверу.

На самом деле, эта сделка, Горбачёва с Западом, выглядела именно как предательство. Были преданы все, кто нас поддерживал в Германии. Мы уходили, не выставив практически ни каких условий, то есть всё, что было завоёвано нашей кровью в 1945 году, Горбачёв подарил Западу в 1990 году.

И мы не уходили, а убегали. Сроки были такие, что люди работали на износ. Дальше об этом я буду ещё писать. Офицеры армии ГДР были выброшены на улицу, в бундесвер были приняты офицеры в звании не выше старшего лейтенанта. Не была обговорена судьба высших руководителей, а если и была, значить они официально, были преданы.

Маркус Вольф, руководитель разведки ГДР, написал два письма Горбачеву, с просьбой о защите сотрудников штази от преследований. Не получил ни одного ответа. Горбачеву было не до этого, продав ГДР, он уже торговал собственной страной.

Части выводились в открытое поле, как танковый полк под Воронеж, и это зимой. Как до нас доводили, Германия предложила выдать каждому офицеру и прапорщику компенсацию по 25000 марок, для того, чтобы мы могли в Союзе купить себе квартиры. Но это предложение было отклонено. Вместо этого, стали на немецкие деньги строить городки, а квартиры в них получали начальники и нужные люди. Я на этом остановлюсь ниже.

Частыми гостями у нас были активисты ПДС (партия демократического социализма). На ноябрьские праздники и день Советской Армии мы вместе возлагали венки к могилам Советских солдат на местном кладбище. Это было традицией. Галле находится на западном берегу Эльбы этот район, во время

войны, захватили американцы. Но были умершие в госпиталях уже по окончанию войны, да и позже умерших и погибших, уже в мирное время, не вывозили в Союз, а хоронили здесь же.

Полк сложный организм: 2250 человек личного состава, 317 офицеров, 167 прапорщиков, 80 сверхсрочно служащих, 37 рот и батарей, да ещё отдельные взвода. Каждый батальон имел взвод связи и взвод разведки. Когда полк выстраивался на плацу, то лица солдат, последней роты, я не видел.

Для того чтобы постоянно быть в курсе того, что творится там, в низу, в солдатской массе, и информацию иметь из первых рук, а не от стукачей, которых всегда призирал, я создал в полку солдатский комитет. Каждый член комитета, а выбирались они на ротных собраниях, не только выступал на заседаниях комитета, но и имел право на прямую обратится ко мне по любому вопросу, в любое время суток. Только через солдатский комитет я решал вопросы продовольственного снабжения. Несколько примеров. Ко мне обратился заместитель по тылу с предложением заменить молоко сметаной, и выдавать не каждый день, а через день.

Солдату было положено ежедневно 100 г. молока или 35 г. сметаны (на усмотрение командира), только стакан пачкать. Солдатский комитет дал добро на то, чтобы выдавать через день 70 г. сметаны. Сметаны нет, значить молока 200 г.

На одном из заседаний был поднят вопрос, почему на ужин каждый день дают селёдку, она уже всем надоела. По нормам снабжения солдату на ужин положена рыба и всегда чередовали, то жареная (разных видов), то селёдка. Но здесь я помочь не чем не мог. Раньше снабжением войск в Германии занимались организации ГДР, а после объединения Германии это прекратилось, и всё снабжение легло на плечи тыла группы войск. Рефрижераторов не было, и в связи с этим, были вынуждены возить селёдку в бочках. То есть опять на верху всё не было продумано до конца. Я ребятам сказал, чтобы ели селёдку, наедались вдоволь, так как в Союзе её днём с огнём не сыщешь. Полки в магазинах на Родине были практически пусты.

В октябре мы приняли молодое пополнение. На мой взгляд, было абсолютно не правильно, присылать в Группу войск, не обученных солдат. Ко мне в полк прибыло около 500 человек. Ровно столько же подготовленных солдат уехало домой, то есть на четверть полк стал не боеспособен. И такое каждые пол года. Если бы НАТО развязала войну, то наверняка ударило бы именно в этот период, и мы опять, в который раз, умылись бы кровью, неся не обоснованные потери. Готовить солдат, для службы за границей, надо было в учебных частях на территории Союза.

Всю молодёжь мы разместили в отдельной казарме и

подобрали лучших офицеров и сержантов, как этого и требовал приказ. Но опять же, эти люди, на продолжительное время отрывались от своих подразделений, вряд ли это способствовало поддержанию высокой боевой готовности. Которую мы хотели бы иметь, но, к сожалению, часто только на бумаге.

Пополнение было в основном с Украины. Начальником курса молодого бойца я назначил начальника ПВО полка, подполковника Нерук. Приходит он ко мне дня через два, с просьбой, разрешить петь строевую песню на украинском языке, «Распрягайте хлопцы коней». У меня уже был опыт, когда в Афгане рота материального обеспечения пела строевую песню на узбекском языке, и я разрешил.

Ещё один пример по боеготовности. Командир части, получив условный сигнал из штаба Группы войск, обязан был в течение 20 минут выйти на связь. Такие сигналы, для проверки, поступали периодически. Когда командир находится на своём рабочем месте, проблемы нет. Один раз я находился на полигоне ПВО, это рядом с полком. Получив сообщение о сигнале, я прыгнул в машину и в полк, и все равно опоздал на три минуты. Оперативный офицер сделал мне замечание и сказал, что в следующий раз я получу выговор.

Ставите задачу, так обеспечьте её материально, мобильных средств связи, при выезде за пределы полка, никаких. Не буду же я, выезжая, каждый раз тащить с собой радийную машину. Я уже писал, что Айзенахский полигон находится в 250 км, и на всём протяжении пути со мной нет связи.

Я как-то попытался решить вопросы связи в полку не традиционным путём. Ко мне обратился за помощью местный предприниматель. Он хотел недалеко от полка построить колбасный цех, и ему надо было расчистить площадку под строительство. Мне были предложены деньги. Чтобы никто не говорил, что Стодеревский что-то крутит, я собрал руководство полка, и хоть в принципе это было незаконно, предложил работы выполнить силами инженерно-сапёрной роты. Деньги не брать. С предпринимателем поедет в магазин наш офицер, и покажет, какие купить средства связи на заработанные деньги. Были куплены две стационарные радиостанции, одну поставили у дежурного, другую в командирской машине. Теперь, если я уезжал от полка не далее 60 км, у меня была устойчивая связь.

Каждому командиру батальона, дивизиона, была куплена переносная радиостанция, и теперь, при объявлении тревоги, у меня бала надёжная связь с командирами подразделений. Дело в том, что при объявлении тревоги без выхода из городка, командиры подразделений спускались в подвалы под своими

казармами, там у них были оборудованы командные пункты, и связь прерывалась. Да и при нахождении корреспондента в казарме связи не было, уж очень толстые стены этих казарм.

Наши отечественные средства связи, хорошо работали только на открытых пространствах. А закупили мы японские станции, малогабаритные и очень надёжные. Но за инициативу всегда надо отвечать.

По прибытию в г. Тоцк меня вызвали в прокуратуру гарнизона давать пояснения. Начальник штаба подполковник Чугунов накапал, а ведь в Германии был за такую сделку, тем более, что за связь в полку несёт ответственность начальник штаба. Это он сделал уезжая учиться в Академию, в адъюнктуру. Нет пределов человеческой подлости.

Радиостанции были изъяты, и на этом всё закончилось. Кому сделали плохо? Опять боевой готовности. Куда прокурор дел радиостанции не знаю, но расписка об изъятии у меня до сих пор хранится.

Кстати уезжая в Москву, господин Чугунов забрал с собой двух солдат близнецов, незаконно оформив им отпуск. Как я потом выяснил, ему надо было, чтобы кто-то таскал его чемоданы. Ну и в результате солдаты в часть не вернулись, они были с Западной Украины. Командир дивизии отправил в академию запрос с требованием вернуть в часть Чугунова, но ответа мы так и не получили.

Наша размеренная жизнь внезапно прервалась, сейчас уже точно не помню, толи в конце ноября, толи в начале декабря. Командир одного из полков нашей дивизии, подполковник Колесников, забрал свою семью и вместе с командиром роты материального обеспечения сбежал к немцам. Его полк стоял отдельно от нас на бывшей границе ГДР — ФРГ. Эти выродки сбежали на грузовой машине прихватив с собой секретный снаряд для стрельбы из танка — «Кобра».

Наша дивизия, по плану, должна была выходить из Германии одной из последних, в 1993 году. После такого громкого ЧП, командованием было принято решение, убрать нас в первую очередь.

Командира дивизии, генерал-майора Журова А.А, отстранили от исполнения служебных обязанностей и вместе с семьёй вывезли в Союз. Именно вывезли. Ещё только два месяца назад он был поощрён Командующим Западной группой войск, за первое место по итогам боевой подготовки. И тут, заслуженного генерала, задерживают особисты, и в течении, как мне помнится, двух суток, самолётом вывозят в Союз. Не дали даже вещи собрать, адъютант грузил и отправлял контейнеры. Детей

сорвали со школы. Отправляли как преступника. Нам, командирам частей дивизии, не дали возможности попрощаться с ним. Мы находились на совещании в штабе дивизии, а комдив в гостинице, 150 метров от штаба, и прощался с нами по телефону. Но и из Союза генерал проявил заботу о своих подчиненных. Он позвонил нам и передал, чтобы мы остерегались нового комдива, так как тот способен на подлость. Спасибо комдиву, но мы и так уже видели, что приехал барин и хам с лампасами.

Был снят с должности и Командующий западной группы войск.

Незаметно мы приблизились к Новому 1991 году. Праздновать решили всем коллективом офицеров и прапорщиков в Доме офицеров. Были предложения, всё это устроить, как, и положено, в ночь с 31 декабря на 1 января, но я настоял на том, чтобы коллективное мероприятие прошло 30 декабря. Ведь Новый год это семейный праздник и встречать его надо в кругу семьи. Кстати, часть наших солдат, была приглашена встречать Новый год в немецких семьях. Ну а я, как в воду глядел. Если бы мы не встретили Новый год 30 декабря, то мы его вообще бы не встретили.

31 числа около 23.00 звонок, мы только выпили по первому бокалу шампанского за старый год, дежурный по полку докладывает, что в полку отсутствует пять солдат. Я приказал организовать поиск и вызвал в полк командиров подразделений. Проверили территорию полка все окрестности, но солдат ни где не было. Стало ясно, что они дезертировали.

После объединения Германии это стало довольно частым явлением в Группе войск. Перепрыгнул через забор, явился в полицейский участок, попросил политического убежища, и тебя уже не отдают. Так сволочи хотя бы сообщали, что люди у них, а то человек ушёл и пропал.

В том, что это дезертирство, а не просто самоволка, мы были убеждены, потому, что из пяти солдат, четверо были армяне, именно они покидали части. Недели две назад у нас уже сбежало двое армян. Месяца через два, из одного из военкоматов Армении, в полк пришёл запрос на отправку личного дела одного из дезертиров. Я приказал начальнику штаба уничтожить личное дело.

О чрезвычайном происшествии я доложил в дивизию. Комдив приказал построить полк на плацу и не отпускать ни кого, пока выделенные поисковые команды не найдут беглецов. За этих сволочей он решил наказать весь полк. Полк стоял на плацу до 6 часов утра, так мы встретили Новый 1991 год.

Говорят, что есть примета: «Как встретишь Новый год, так он

у тебя и пройдёт». У нас она полностью подтвердилась. Перед самым выводом из Германии с полка, вместе с семьями, сбежали, секретарь комсомольской организации полка старший лейтенант Белов и секретарь комсомольской организации танкового батальона прапорщик Крук. Они были освобождёнными секретарями, то есть политработниками. К слову сказать, отец Белова в то время служил в политуправлении Прибалтийского военного округа. Приехавший разбираться по этому делу, член военного совета Армии, с металлом в голосе спросил меня, как я воспитал их, что они сбежали, на что я ответил, что это он их воспитал. На этом прения сторон были закончены.

Началась интенсивная подготовка к выводу полка в союз. Боевая подготовка была отброшена в сторону. Полк поднимался в 6.00, никаких физзарядок сразу завтрак и в 7.00 уже развод полка на работы.

При нормальном ходе боевой подготовки, я построение полка производил только три раза в неделю. В понедельник, где коротко подводились итоги прошедшей недели, и ставилась задача на следующую. Офицерам всё это подробно доводилось в пятницу на совещании. В субботу при разводе на ПХД (парково-хозяйственный день), в этот день проводились работы на боевой технике, приводилось в порядок вооружение, и выполнялись необходимые хозяйственные работы. И в воскресение, построение на военно-спортивный праздник.

Люди работали на износ. Было такое впечатление, что командование взяло социалистические обязательства по скорейшему бегству, вот только с кем соревновались непонятно. Американцы, в это время, также выводили несколько своих частей, и время на вывод у них было, чуть ли не в три раза больше.

В полк прибыли всякие помогающие, человек пять генералов. Был генерал, отвечающий за вывод дивизиона ПВО, другой за вывод артиллерийского дивизиона, а один даже, за вывоз мусора. Возникает вопрос, а если бы полк пошёл в бой, мне тоже прислали бы генералов? Каждый должен сам нести свой чемодан, а если это делать не в состоянии, снимите с должности. Подобная практика появилась лет пятнадцать назад, и она разъедала армейский организм.

Каждую третью ночь, из полка на станцию погрузки, уходила колона техники. Согласно приказа, руководить передвижением колоны должен командир полка. Здесь уже я был вынужден подменять командиров батальонов и дивизионов, хотя полностью им доверял. Днём техника грузилась на платформы, крепилась, и уходила в Союз.

Ещё до отправки первого эшелона нас, командиров частей дивизии, возили в г. Тоцк Оренбургской области на рекогносцировку. Туда мы должны были вывезти свои части.

Как-то к нам в полк явилась комиссия местной власти, для осмотра территории, которую мы освобождаем. В составе комиссии было два офицера бундесвера. Часа два мы ходили по учебным полям расположенным рядом с полком. Они требовали провести рекультивацию земли. Засыпать все капониры. Сравнять с землёй все не большие постройки. То есть уничтожить всё, что было сделано на этой земле за последние 45 лет. Это было просто физически не возможно, в те сроки, что у меня оставались до вывода полка. Дай то бог в городке всё подготовить к сдаче. Я ходил, кивал головой, терпел, терпел, а потом предложил им сделать рекультивацию от Бреста и до Волги. На этом работа комиссии закончилась.

В марте месяце в Вюнсдорфе прошла партийная конференция Западной группы войск, где было победно доложено, что войска выводятся согласно графика, и что каждый офицер знает, куда он идёт служить после вывода войск. Я был делегатом на этой конференции и хотел выступить как раз по этому вопросу. Часть офицеров полка, в том числе и я, не знали свой дальнейшую судьбу. Я послал записку в президиум, но слова мне так и не дали.

Дело в том, что согласно приказа, офицеры выводимых частей, прослужившие в Германии менее года и участники боевых действий переводились в другие части. Но у меня не сложились отношения с новым командиром дивизии, и о моём переводе вопрос даже не стоял, а я его и не поднимал. Что-то мне не везло на комдивов, или им на меня.

Служба за границей всегда была материально выгодна для офицеров, а после объединения Германии, когда стали платить дойче марками, стала выгодна в двойне. Но я там прослужил только семь месяцев, 22 апреля 1991 года самолётом, с последним батальоном, убыл в г. Тоцк.

Глава 8. Тоцк

«Есть переходы трудные, есть переходы лёгкие,
а жизнь между ними -
лишь временная остановка в караван — сарае».

Самарканди

Тоцк, и городом назвать нельзя, кроме дислоцирующейся здесь дивизии и военного аэродрома, здесь ни чего больше нет. Гражданская часть городка представляет собой не большой посёлок. Знаменито это место тем, что в 1954 году, на местном полигоне, во время учений, впервые было применено ядерное оружие. После взрыва бомбы войска пошли в наступление и много людей получили повышенную дозу радиации, по сути, испытывали действия ядерного оружия на живых людях.

Мы приступили к сдаче людей и техники в местную дивизию, до нашего прихода она была кадрированая. Один из батальонов моего полка принимал мой брат Юрий, он к этому времени уже закончил Военную Академию им. М.В.Фрунзе, и служил в Тоцкой дивизии. Дивизию затем сделают миротворческой, и командовать ею будет мой товарищ по училищу Анатолий Сидякин.

А Юра со своим батальоном пройдёт: Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье, и два раза побывает в Чечне. В Чечне он повторит мой приём по возвращению сержанта Викола в Афгане, ему вернут захваченного офицера и солдата. И за два захода в Чечню он потеряет только четверых солдат, значить чему-то научился в Афгане, правда и сам был контужен. И марши, к месту выполнения боевой задачи, он будет совершать не днём, как того требовали начальники, а ночью и пешком, и не по дорогам, а по гребням высот.

Мой полк, из полков дивизии, в Тоцк вышел третьем по счёту, а технику мы сдали первыми, и только в конце июля. Принимающая сторона придиралась к каждому винтику, но их понять было можно, им нужна было полностью укомплектованная техника. Если чего-то не хватало, мы давали заявку и необходимую деталь привозили из Германии, верх бесхозяйственности. Дело в том, что Западная группа войск передавала технику Приволжско-Уральскому военному округу. Мы были одними из первых, поэтому была такая волокита, затем все проблемы были устранены, на нас потренировались.

По мере сдачи техники офицеры уезжали к новому месту службы. Замполитов рот и батальонов мы отпустили впервые же дни. При работах в парках, на технике, они были не нужны. Как-то на одном из разводов вижу, нет замполита полка, начинаю разбираться, говорят, что убыл к новому месту службы. Как он мог убыть, если я ни каких документов не подписывал? Иду к начальнику политотдела местной дивизии, подтверждает, что подписал ему предписание. Ну, это уже беспредел, подписать предписание офицеру, которого нет у тебя в штате, но они же ум, честь и совесть, им можно. Ругаться не ста, всё бесполезно, да и других забот полный рот.

Но начальнику политотдела, это его своеволие, вышло боком. Проходит недели две, вызывает он меня и говорит, что при приёме телецентра, в Германии в полку было своё телевидение, обнаружилась недостача телекамеры и ещё какого-то оборудования. А всё это числилось лично за замполитом полка. Я ему сказал, что бог не фраер, поэтому всё видит и это уже его проблема.

Как потом мне рассказали офицеры, замполит появился на один день, видимо сдал аппаратуру, и опять, не зайдя ко мне, уехал. А ещё, в самом начале нашего пребывания в Тоцке, его вызывали в Москву, это по поводу дезертирства двух политработников. Ему грозили больше неприятности, вплоть до увольнения из Армии. Нужна была служебная характеристика, я написал её, как представление на героя Советского Союза. Надо было спасать человека, тем более, что как замполит, он был, как мне казалось, не плохой. Вернулся он из Москвы довольный, всё обошлось. Ну, а дальше было то, что я уже написал, нет предела человеческой подлости.

Все разъезжались, и только я не знал, что же меня ждёт дальше. Сразу по прибытию со мной пытался говорить представитель управления кадров округа, но только он заикнулся, что есть предложение направить меня военкомом в Нижний Тагил, я отказался с ним говорить на эту тему. Я видел себя только командиром и предложенную должность военкома рассматривал как оскорбление. Приволжско-Уральским округом в тот период командовал генерал-полковник Альберт Макашов. В своё время он ставил меня на полк, я уже об этом писал. Увидев меня в Тоцке, он предложил остаться у него в округе, и я впервые за службу отказался.

Я всегда ехал туда, куда посылали, тем более, если это было повышение по службе. А здесь я впервые задумался о семье. Хотелось послужить не где-то на задворках страны, как это у меня было всегда. А в Европейской части, в каком-нибудь областном

центре, чтобы по увольнению в запас там было можно остаться жить, и чтобы дети могли пользоваться благами цивилизации.

Приезжал в Тоцк и заместитель министра обороны генерал-армии Кочетов, бывший командующий Закавказским военным округом. Я подошёл к нему по поводу дальнейшего прохождения службы, он меня вспомнил и обещал помочь.

Сдав технику, я оказался не удел. Мой полк перестал существовать, меня временно отдали приказом, как офицера оперативного управления Тоцкой дивизии, и отправили в отпуск. По дороге в отпуск, а ехал я на Украину, заехал в Главное Управление Кадров Советской Армии. Начальником этого Управления, в то время, был бывший командующий 40 Армией Ермаков А.Ф.

Я надеялся попасть к нему на приём. Но меня запустили по кабинетам. Пройдя по ним, я понял, что здесь ни чего не добьёшься. Все в один голос говорили, что вакансий нет. Полковник, одного из отделов, предложил ехать военкомом в г. Александрию Кировоградской области, это на Украине. Я конечно отказался.

В фойе Управления я встретил Сашу Дергачёва, мы были с ним знакомы по Туркестанскому военному округу, он там был корреспондентом окружной газеты, а здесь, оказывается, адъютантом Ермакова. Саша сказал мне, чтобы я садился и писал Ермакову рапорт. Забрав мой рапорт, он ушёл и уже минут через десять я сидел в кабинете у Ермакова. Он меня помнил и очень хорошо встретил. Выслушал мою просьбу, вызвал человек пять полковников и генералов, среди них были и те, с которыми я недавно беседовал. Сразу появились вакансии. Мне было предложено ехать в Хабаровск на «Красную речку», место, где расположена дивизия, заместителем командира дивизии. И я, во второй раз в своей жизни отказался, до сих пор жалею. Ермаков сказал, что хватит мне мотаться по Азии, и поставил офицерам задачу: «Этот полковник едет в отпуск. Когда он будет возвращаться, то уже должен знать. В какую дивизию, размещенную в Украине или на юге России, он назначен заместителем командира дивизии».

Находясь в отпуске, я решил заехать в Кировоградскую бригаду специального назначения, там командиром отряда служил мой ротный по Афгану Олег Частухин, а заместителем командира бригады был полковник Барсуков из Чирчикской бригады. За одно с женой заехали в Александрию, куда меня сватали военкомом. Когда ехали в автобусе, то услышали по радио о введении в стране чрезвычайного положения и создании ГКЧП, это было 19 августа.

И тут закрутилось. Звоню в Москву, говорят, что Ермаков поддержал ГКЧП, и уже начались гонения. У меня ни кола, ни двора, квартиры нет ни где, двое детей, четырёх и десяти лет. Один контейнер с вещами в Тоцке, другой в Киеве. Надо что-то делать, иначе вообще можно оказаться на улице. Я позвонил в Москву и согласился на должность военкома Александрии. На этом моя военная служба, можно сказать закончилась. Я становился военным чиновником.

Список офицеров и прапорщиков 68-го гвардейского ордена Суворова мотострелкового полка (по состоянию на февраль 1991 года).

Управление.

1. Полковник Стодеревский Игорь Юрьевич.
2. Майор Чучкалов Геннадий Геннадьевич.
3. Подполковник Куряков Олег Петрович.

Штаб.

4. Подполковник Чугунов Владимир Сергеевич.
5. Майор Сафин Анвар Бареевич.
6. Майор Дружинин Андрей Борисович.
7. Майор Суворов Игорь Владимирович.
8. Майор Фёдоров Вячеслав Петрович.
9. Майор Копцик Юрий Анатольевич.
10. Старший лейтенант Горохов Валерий Викторович.
11. Старший прапорщик Ярмончик.

Партийно-политический аппарат.

12. Подполковник Белых Юрий Михайлович.
13. Майор Чирков Владимир Васильевич.
14. Старший лейтенант Белов Андрей Владимирович (дезертир).

Начальники родов войск и служб.

15. Подполковник Пилюгин Виктор Николаевич.
16. Майор Лугина Александр Павлович.
17. Майор Киршин Александр Станиславович.
18.
19. Майор Павленко Павел Иванович.
20. Майор Устьянцев Игорь Викторович.
21. Капитан Костенко Виктор Алексеевич.
22. Капитан Волощук Александр Борисович.
23. Капитан Егоров Вадим Викторович.
24. Прапорщик Атлас Игорь Липманович.

Служба вооружения.

25. Майор Ракул Валерий Иванович.
26. Майор Смирнов Сергей Васильевич.
27. Старший лейтенант Бессонов Николай Геннадьевич.
28. Майор Мухаммедов Гумер Николаевич.
29. Капитан Попов Владимир Ильич.
30. Прапорщик Косовцев Андрей Ильич.
31. Майор Захарчук Валерий Викторович.
32. Капитан Колин Александр Николаевич.
33. Прапорщик Полищук Александр Васильевич.
34. Прапорщик Пятковский Александр Леонидович.

Тыл.

35. Подполковник Лазерко Валентин Иванович.
36. Капитан Лебедев Владимир Николаевич.
37. Старший лейтенант Котов Эдуард Павлович.
38. Лейтенант Канаев Вячеслав Петрович.
39. Прапорщик Бецкая Нелли Юрьевна.
40. Капитан Хавалиц Роман Харлампьевич.
41. Прапорщик Прокопенко Лариса Петровна.

1 МСБ

1. Подполковник Комаров Игорь Николаевич.
2. Майор Жемчужников Игорь Михайлович.
3. Майор Толстоносов Андрей Андреевич.
4. Майор Костинец Владимир Николаевич.
5. Майор Алимбаев Руслан Молдабекович.

6. Капитан Земцовский Александр Арьевич.
7. Лейтенант Качмар Григорий Николаевич.
8. Старший лейтенант Смирнов Алексей Александрович.
9. Старший прапорщик Капуста Николай Петрович.
10. Капитан Кирпа Александр Николаевич.
11. Лейтенант Федосов Игорь Викторович.
12. Лейтенант Плыска Константин Валентинович.
13. Старший лейтенант Дембицкий Олег Анатольевич.
14. Старший лейтенант Гринченко Вадим Леонидович.
15. Прапорщик Горшков Геннадий Юрьевич.
16.
17. Капитан Колосов Игорь Анатольевич.
18. Лейтенант Скачько Александр Александрович.
19. Старший лейтенант Синьков Дмитрий Александрович.
20. Лейтенант Проценко Вячеслав Валерьевич.
21. Лейтенант Александров Степан Руфинович.
22. Прапорщик Багдасарян Эдуард Хекирович.
23. Прапорщик Габриелян Эдуард Гургенович.
24. Капитан Балика Валерий Иванович.
25. Старший лейтенант Квартич Юрий Анатольевич.
26. Лейтенант Голубев Александр Викторович.
27. Лейтенант Симаков Иван Викторович.
28. Старший лейтенант Ткаченко Александр Геннадьевич.
29. Прапорщик Атмедзянов Артур Закирович.
30. Прапорщик Васюта Виктор Иосифович.
31. Капитан Гапоненко Валерий Викторович.
32. Старший лейтенант Боберец Игорь Александрович.
33. Старший лейтенант Иванов Андрей Валерьевич.
34. Лейтенант Шкрадюк Евгений Владиславович.
35. Старший лейтенант Крамаренко Александр Юрьевич.
36. Прапорщик Велиев Юнис Адалат-оглы.
37. Прапорщик Яхин Николай Амирянович.
38. Прапорщик Дегтёв Игорь Алексеевич.
39. Прапорщик Алишанов Сахиб Орудж-оглы.
40.
41.
42.
43.
44. Старший лейтенант Краченко Валентин Анатольевич.
45. Лейтенант Сочилов Кирилл Фёдорович.
46. Лейтенант Вдовиченко Олег Александрович.
47. Лейтенант Шуляков Сергей Александрович.
48. Лейтенант Прусский Сергей Александрович.
49. Прапорщик Быков Иван Андреевич.

50. Лейтенант Платонов Виктор Викторович.
51. Старший лейтенант Куликов Сергей Михайлович.
52. Прапорщик Фёдоров Александр Валерианович.
53. Прапорщик Иванченко Виктор Петрович.
54. Прапорщик Игнатушин Алексей Петрович.
55. Прапорщик Бессонов Анатолий Николаевич.

2 МСБ

1. Подполковник Адамов Владимир Львович.
2. Майор Суханов Вячеслав Александрович.
3. Капитан Хмелевский Андрей Алексеевич.
4. Майор Шведович Владимир Иванович.
5. Майор Яковенко Андрей Андреевич.
6. Капитан Халин Олег Геннадьевич.
7. Лейтенант Фёдоров Сергей Витальевич.
8. Старший лейтенант Паренюк Вадим Георгиевич.
9. Старший прапорщик Кот Юрий Григорьевич.
10. Старший лейтенант Чудаев Андрей Николаевич.
11. Лейтенант Нагорный Иван Николаевич.
12. Лейтенант Йонис Витас Болеславович.
13. Лейтенант Пархоменко Константин Иванович.
14. Лейтенант Шлёмин Олег Васильевич.
15. Прапорщик Трилицкий Вадим Георгиевич.
16. Прапорщик Белозёров Евгений Вячеславович.
17. Старший лейтенант Иванцов Константин Петрович.
18. Старший лейтенант Марценюк Игорь Николаевич.
19. Старший лейтенант Вальков Сергей Владимирович.
20. Лейтенант Привалов Иван Иванович.
21. Старший лейтенант Горелкин Владимир Петрович.
22.
23. Прапорщик Толокин Сергей Витальевич.
24. Старший лейтенант Романенко Даниил Владимирович.
25. Старший лейтенант Анурьев Александр Николаевич.
26. Старший лейтенант Храповицкий Андрей Дмитриевич.
27. Лейтенант Иванов Олег Владимирович.
28. Старший лейтенант Малахов Андрей Алексеевич.
29. Прапорщик Пирагов Петр Спартакович.
30. Старший прапорщик Музыка Александр Васильевич.
31. Старший лейтенант Карабут Виталий Владимирович.
32. Старший лейтенант Кагоров Леонид Николаевич.
33. Старший лейтенант Кинзин Руслан Рафгатович.
34. Лейтенант Литовка Сергей Николаевич.

35. Лейтенант Коротков Эдуард Витальевич.
36. Прапорщик Невежин Юлий Анатольевич.
37. Прапорщик Мудрак Олег Васильевич.
38. Прапорщик Красko Вячеслав Евгеньевич.
39. Прапорщик Эсеналиев Таалайбек Моконов.
40. Прапорщик Кулаков Александр Александрович.
41. Прапорщик Торопов Сергей Авельевич.
42.
43. Капитан Ковригин Анатолий Павлович.
44. Лейтенант Бабаев Тофик Энвер-оглы.
45. Старший лейтенант Корнюшенко Олег Александрович.
46. Лейтенант Нураков Бахтиёр Уракбаевич.
47. Лейтенант Шпак Анатолий Анатольевич.
48. Прапорщик Максименко Андрей Михайлович.
49. Старший лейтенант Майкеев Мухтар Джалилович.
50. Старший лейтенант Савельев Олег Владиславович.
51. Старший прапорщик Гаврюшин Анатолий Федорович.
52. Прапорщик Пауков Вадим Николаевич.
53. Прапорщик Пайл Вячеслав Евгеньевич.

3 МСБ

1. Подполковник Папирник Владимир Петрович.
2. Майор Шапошников Игорь Евгеньевич.
3. Майор Дроздов Владимир Николаевич.
4. Майор Кухарев Анатолий Николаевич.
5. Капитан Вафин Анвар Хасанович.
6. Капитан Тихонов Сергей Александрович.
7. Лейтенант Пенкин Игорь Владимирович.
8. Капитан Стамбулян Сергей Мартынович.
9. Прапорщик Панасюк Людмила Геннадьевна.
10. Старший лейтенант Нещеретный Сергей Николаевич.
11. Лейтенант Шкильнюк Геннадий Григорьевич.
12. Старший лейтенант Скорченко Александр Петрович.
13. Старший лейтенант Рудаков Анатолий Викторович.
14. Лейтенант Херман Александр Валерьевич.
15. Прапорщик Ивлюшин Андрей Валентинович.
16. Прапорщик Крашевский Василий Остапович.
17. Старший лейтенант Козловский Александр Михайлович.
18. Старший лейтенант Дюкачев Александр Иванович.
19. Старший лейтенант Володин Игорь Геннадьевич.
20. Старший лейтенант Котов Вячеслав Викторович.
21. Старший лейтенант Тарасюк Владимир Юрьевич.

22. Прапорщик Столярчук Юрий Георгиевич.
23. Прапорщик Заварин Юрий Васильевич.
24. Капитан Штоденко Юрий Владимирович.
25. Старший лейтенант Рапецкий Евгений Викторович.
26. Лейтенант Анохин Сергей Владимирович.
27. Лейтенант Сокол Тимур Михайлович.
28. Лейтенант Гуров Павел Вячеславович.
29. Прапорщик Кравченко Николай Владимирович.
30. Прапорщик Аникин Олег Александрович.
31. Капитан Богданов Сергей Владимирович.
32. Старший лейтенант Патрахин Андрей Александрович.
33. Старший лейтенант Актемиров Сергей Леонидович.
34. Старший лейтенант Хамидов Уткир Холмурадович.
35. Лейтенант Кондратенок Александр Анатольевич.
36. Прапорщик Савченко Константин Викторович.
37. Прапорщик Пищако Ярослав Марьянович.
38. Прапорщик Абрамян Виталий Михайлович.
39. Прапорщик Балодис Игорь Имантович.
40.
41.
42.
43.
44. Старший лейтенант Котишевский Николай Васильевич.
45. Лейтенант Калмыков Геннадий Валерьевич.
46. Старший лейтенант Пархоменко Эдуард Александрович.
47. Лейтенант Ефремов Геннадий Анатольевич.
48. Лейтенант Ляшенко Игорь Владимирович.
49. Старший прапорщик Асатрян Мнацакан Людвигович.
50. Старший лейтенант Давыдкин Игорь Леонидович.
51. Старший лейтенант Сидоров Вадим Валентинович.
52. Старший прапорщик Головко Валентин Павлович.
53. Прапорщик Лупашко Валерий Владимирович.
54. Прапорщик Пустовит Анатолий Иванович.
55. Прапорщик Варивченко Станислав Михайлович.
56.

ТБ

1. Подполковник Маленко Владимир Александрович.
2. Майор Желноревский Игорь Владимирович.
3. Майор Шальнев Александр Сергеевич.
4. Майор Баранов Валерий Николаевич.
5. Майор Кисурин Виктор Васильевич.

6. Капитан Апишев Василий Васильевич.
7. Старший лейтенант Антипин Сергей Олегович.
8. Прапорщик Боголист Наталья Владимировна.
9. Прапорщик Крук Юрий Дмитриевич (дезертир).
10. Капитан Власкин Александр Петрович.
11. Старший лейтенант Вторушин Андрей Михайлович.
12. Лейтенант Пантелеев Олег Михайлович.
13. Лейтенант Матвийчук Сергей Борисович.
14. Лейтенант Алимбаев Шухрат Хамидуллаевич.
15. Прапорщик Кийко Вадим Владимирович.
16. Прапорщик Масленников Николай Петрович.
17. Прапорщик Кайкиев Бекбулот Жунусович.
18. Прапорщик Герасименко Георгий Дмитриевич.
19. Прапорщик Умурзаков Икрамжон Худайбердыевич.
20.
21.
22.
23. Старший лейтенант Зиганшин Дамир Файзрахманович.
24. Лейтенант Федосеев Андрей Александрович.
25. Старший лейтенант Таймасов Виталий Васильевич.
26. Старший лейтенант Иванаев Валерий Павлович.
27. Старший лейтенант Лихацкий Евгений Викторович.
28. Старший прапорщик Шевчук Петр Иванович.
29. Прапорщик Бражник Петр Иванович.
30. Прапорщик Алакин Евгений Петрович.
31.
32.
33. Прапорщик Мустица Юрий Григорьевич.
34.
35.
36. Старший лейтенант Жирнов Альберт Вендимианович.
37. Лейтенант Стойлик Сергей Александрович.
38. Старший лейтенант Клюкин Валерий Геннадьевич.
39. Лейтенант Тукмаков Максим Павлович.
40. Старший лейтенант Фролкин Батыр Евгеньевич.
41. Прапорщик Фалько Александр Николаевич.
42. Прапорщик Караханян Арутюн Альбертович.
43. Прапорщик Диденко Андрей Владимирович.
44. Прапорщик Кучук Валерий Степанович.
45. Прапорщик Могинский Анатолий Петрович.
46. Прапорщик Савельев Алексей Григорьевич.
47. Прапорщик Васильев Дмитрий Васильевич.
48.
49. Прапорщик Левшенко Евгений Михайлович.

50. Старший прапорщик Таширов Толкун Актареевич.
51. Прапорщик Сапрыкин Геннадий Александрович.
52. Прапорщик Зинина Светлана Анатольевна.

ГСАД

1. Майор Никишин Игорь Владимирович.
2. Майор Шевченко Иван Иванович.
3. Майор Пашаев Эдуард Алигусейнович.
4. Майор Дубина Юрий Иванович.
5. Старший лейтенант Голубев Валерий Викторович.
6. Лейтенант Маховиков Сергей Александрович.
7. Прапорщик Толстоносова вера Васильевна.
8. Старший лейтенант Когарев Олег Абдулаевич.
9. Старший лейтенант Антонов Сергей Владимирович.
10. Старший лейтенант Беляков Андрей Валерьевич.
11. Лейтенант Алборов Димитрий Гивиевич.
12. Старший лейтенант Прокопишин Владислав Леонидович.
13. Прапорщик Рошка Степан Кириллович.
14. Прапорщик Гайдук Владимир Иванович.
15. Капитан Чапаев Сергей Борисович.
16. Старший лейтенант Чуприков Павел Владимирович.
17. Старший лейтенант Голубенко Олег Анатольевич.
18. Лейтенант Змейчук Александр Степанович.
19. Лейтенант Журавский Владимир Петрович.
20. Прапорщик Семененко Владимир Николаевич.
21. Прапорщик Бровченко Петр Александрович.
22. Капитан Елфимов Александр Алексеевич.
23. Лейтенант Яшин Владимир Юрьевич.
24. Лейтенант Пичугин Василий Валерьевич.
25. Лейтенант Зыгмантович Андрей Сергеевич.
26. Старший лейтенант Абдуллаев Собиржон Мамеджанович.
27. Прапорщик Рыбак Валерий Васильевич.
28. Прапорщик Гончаров Анатолий Николаевич.
29. Прапорщик Саваренюк Леонид Николаевич.
30. Прапорщик Шестопалов Александр Анатольевич.

ПТБ

1. Капитан Шевцов Юрий Владимирович.
2. Старший лейтенант Стецко Виктор Владимирович.
3. Старший лейтенант Болотин Олег Тимофеевич.

4. Старший лейтенант Стаманюк Василий Сергеевич.
5. Прапорщик Ковальчук Анатолий Васильевич.

ВУНА

1. Старший лейтенант Медяник Руслан Витальевич.

ЗДН

1. Подполковник Нерук Василий Иванович.
2. Майор Лысенко Сергей Витальевич.
3. Майор Авакян Валерий Бенимианович.
4. Майор Ильяшенко Анатолий Дмитриевич.
5. Прапорщик Лысенко Юрий Владимирович.
6. Капитан Краченко Николай Сергеевич.
7. Лейтенант Нагиев Хазар Зафар-оглы.
8. Лейтенант Мазара Виталий Дмитриевич.
9. Лейтенант Невинный Олег Николаевич.
10. Капитан Давыденко Виталий Иванович.
11. Лейтенант Неволько Олег Васильевич.
12. Лейтенант Атюнин Игорь Михайлович.
13. Прапорщик Воробьёв Николай Алексеевич.
14. Капитан Кузнецов Игорь Михайлович.
15. Прапорщик Рудык Валерий Леонтьевич.
16. Прапорщик Калашников Андрей Валентинович.
17. Прапорщик Косевич Михаил Петрович.
18. Прапорщик Сокол Юрий Анастасьевич.
19. Старший лейтенант Беспалов Анатолий Анатольевич.

Развед. рота.

1. Капитан Репков Федор Михайлович.
2. Капитан Лопатенко Александр Александрович.
3. Лейтенант Алтунян Рубен Александрович.
4. Старший лейтенант Ефимов Николай Геннадьевич.
5. Прапорщик Солопихин Сергей Николаевич.
6. Прапорщик Кузьменко Александр Николаевич.

Рем. рота.

1. Капитан Майоров Михаил Сергеевич.
2. Лейтенант Глотов Федор Сергеевич.
3. Старший лейтенант Москалёв Владимир Николаевич.
4. Старший лейтенант Лесной Владимир Алексеевич.
5. Старший прапорщик Шабунько Станислав Казимирович.
6. Прапорщик Косован Иван Иванович.
7.
8. Прапорщик Цымбал Олег Владимирович.
9. Прапорщик Ануфриев Александр Петрович.
10. Прапорщик Шолька Виталий Петрович.
11. Прапорщик Репин Александр Васильевич.

Рота связи.

1. Капитан Бахарев Константин Борисович.
2. Старший лейтенант Калачёв Сергей Олегович.
3. Старший лейтенант Рыбалов Игорь Геннадьевич.
4. Старший прапорщик Поярков Николай Алексеевич.
5. Прапорщик Малок Виталий Андреевич.
6. Прапорщик Замотаев Сергей Михайлович.

ИСР

1. Старший лейтенант Горелов Дмитрий Анатольевич.
2. Старший лейтенант Камянский Юрий Петрович.
3. Лейтенант Горохов Дмитрий Леонидович.
4. Лейтенант Ломовцев Феликс Борисович.
5.
6. Старший прапорщик Куприянов Георгий Прокофьевич.
7. Прапорщик Варакин Игорь Геннадьевич.

Мед. рота

1. Капитан Домнин Александр Аркадьевич.
2. Лейтенант Чистохин Михаил Юрьевич.
3. Старший лейтенант Башарин Юрий Александрович.
4. Старший лейтенант Гордеев Валерий Владимирович.
5.
6. Старший прапорщик Бережнов Алексей Васильевич.
7. Прапорщик Бахарева Валентина Николаевна.
8. Старший прапорщик Машиц Людмила Адамовна.

ВРХР

1. Лейтенант Касибин Эдуард Евгеньевич.

РМО

1. Старший лейтенант Пахотин Николай Николаевич.
2. Старший лейтенант Ольшевский Михаил Валерьевич.
3. Прапорщик Сергеев Александр Сергеевич.
4. Прапорщик Бабий Николай Степанович.
5. Прапорщик Кузьмин Сергей Иванович.
6. Старший прапорщик Иешкин Иван Федорович.
7. Старший прапорщик Пасечник Иван Семенович.
8. Старший прапорщик Цагалов Александр Замбулатович.
9. Прапорщик Торопов Сергей Авельевич.
10. Прапорщик Гасанов Мамед Сафарали-оглы.
11. Прапорщик Джафаров Джафар Алмуса-оглы.
12. Прапорщик Мельник Светлана Владимировна.
13. Прапорщик Семенов Александр Владимирович.
14. Прапорщик Ухтиков Алексей Максимович.
15. Прапорщик Николота Ольга Васильевна.
16. Прапорщик Сеидов Мубариз Рахман-оглы.
17. Лейтенант Савельев Александр Юльевич.
18. Прапорщик Даньшина Мария Васильевна.

Оркестр

1. Майор Рагиня Павел Петрович.
2. Старший прапорщик Баскаков Вячеслав Сергеевич.

Клуб

1. Старший лейтенант Герус Игорь Николаевич.

Комендантский взвод

1. Прапорщик Г ордий Константин Анатольевич.

Глава 9. Украина

«Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать и снова начинать, и вечно бороться и лишаться.

А спокойствие — это душевная подлость».

Л.Н. Толстой

В начале октября 1991 года я прибыл в Кировоградский облвоенкомат, представился военкому, и вручил предписание о назначении меня на должность военного комиссара Александрийского ОГВК (объединенный городской военный комиссариат). Что тут началось. Военком забегал по кабинету, запричитал, заохал, как будто я ему бомбу вручил.

Оказывается, на эту должность уже присылали офицера, но местные власти отказались его признавать. На то время уже был издан приказ о том, что человека, на должность военного комиссара, надо согласовывать с местной властью. Председатель горисполкома Александрии хотел на эту должность поставить своего человека, замполита местного авиационного полка.

Какой умник придумал такой приказ, и из каких соображений не понятно. Председатели горисполкомов стали вмешиваться в кадровые вопросы армии.

Не смотря на то, что приказ о моём назначении был подписан министром обороны, облвоенком отказался меня принять, и отправил разбираться в штаб Киевского военного округа. Там мне выписали новое предписание и снова отправили в Кировоград.

Облвоенкому деваться уже было не куда, но ехать в Александрию, и представлять меня он отказался, не хотел напряженных отношений с местными властями. Отказался и бывший начальник политотдела облвоенкомата, его должность сокращалась, и он метил на должность начальника первого отдела этого же облвоенкомата. Кстати с этим человеком мы служили в Чирчике, в спецназе. Представлять меня поехал начальник первого отдела, ему терять было не чего, заменялся в Россию.

В Александрии, нас даже на порог кабинета мэра не пустили. И я пошёл принимать дела в военкомат без благословления местных властей, хотя, как потом оказалось, против был, только

сам мэр.

И началась эпопея моего трудоустройства. Мэр города господин Скичко, он же бывший товарищ, и он же бывший первый секретарь горкома партии, стал слать на меня письма. Сначала в Киевский военный округ, а затем с декабря месяца, после развала Союза, в министерство обороны Украины.

В одном из писем говорилось, что я ставленник имперских амбиций Москвы. Вот вам и первый секретарь.

Меня дважды вызывали в министерство обороны Украины, относились там ко мне вполне лояльно, пытались как-то разрешить сложившуюся ситуацию. Первый раз предложили должность военкома одного из районов Киева, а второй раз должность облвоенкома в г. Черновцы.

Но я уже закусил удила. Если бы тот же Скичко, вызвал меня и просто, по-человечески, попросил не претендовать на должность в Александрии, я бы уехал, но тут меня просто игнорировали, вроде бы я пришёл с улицы. Я сам себе поставил задачу, Александрия и только Александрия. Почему кто-то решил, что ему наплевать на приказ министра обороны. И кто-то решил, что меня просто можно размазать. «…Ни, что нас в жизни не сможет вышибить из седла.».

За четыре месяца из Киева приезжали три комиссии, пытались решить вопрос с мэром. В мою защиту выступила организация ветеранов ВОВ и афганский комитет, который, кстати, я и создал. До моего прихода в Александрии не было афганской ветеранской организации. И даже работники военкомата написали коллективное письмо в газету «Народная Армия», орган печати министерства обороны. Но основная поддержка была со стороны руководства района, во главе с председателем исполкома Петруниным Николаем Андреевичем.

Две комиссии министерства обороны были безрезультатны. Шли к Скичко беседовали, уезжали, а им вслед уже летели письма с требованием меня убрать. А вот старший третьей комиссии, подполковник Пётр Брус, ни кого не уговаривал. Разговор был в моём присутствии. Он попросил мэра представить ему решение горисполкома о том, что его члены против моего назначения. Такого документа не оказалось, тогда он попросил, чтобы Скичко написал, что это его единоличное решение. Естественно, что такой документ он писать отказался. И Брус предложил написать ему, что он не против моего назначения. Зажатый в угол мэр, такой документ написал, на этом закончились мои мытарства. На дворе был март 1992 года.

Но квартиру господин Скичко не дал, и я пять лет с семьёй прожил в общежитии завода «Этал», спасибо заместителю

директора этого завода Костенко Марии Григорьевне, кстати, жена офицера запаса.

Года через три, она и квартиру мне предлагала из фонда завода, как участнику боевых действий, но я отказался в пользу председателя комитета «Солдаты афгана» подполковника запаса Кузнецова. Считал, что все равно додавлю городские власти и квартиру получу, а вот у Кузнецова шансов почти не было.

Город пробить не удалось, с квартирой мне помог район, спасибо Петрунину Н.А. за это. Вообще я считал, да и сейчас считаю, что хороших людей больше, гораздо больше, но плохие лучше организованы.

С руководством района и лично с председателем райисполкома Петруниным Николаем Андреевичем у меня сложились очень хорошие деловые отношения. На учёте в военкомате были жители не только города Александрии, но и Александрийского района.

Это один из самых больших районов Украины, до конца сороковых годов на этой территории было три района, а затем их объединили. Только колхозов 23, а ещё несколько больших рабочих посёлков. И если у городских властей приходилось постоянно, что-то пробивать, в районной администрации все вопросы решались и быстрее и качественнее.

Кажется, в конце 1991 года вышел указ Президента Украины, что все кто до 18 октября 1991 года проживал на территории Украины, автоматически становились гражданами страны. Я прибыл в Александрию 8 октября, так я стал гражданином Украины. Сердце разрывалось, хотелось в Россию всё-таки русский, но с другой стороны я всегда считал, да и сейчас считаю, что русские, украинцы и белорусы это единое целое. Родство языков, менталитетов. На Украине я себя чувствовал достаточно комфортно, тем более что вокруг был всё тот же советский народ. Совершено не ощущалось, что мы от кого-то отделились. Да и ехать в Россию было некуда.

Так получилось, что мы со своими ближайшими родственниками стали гражданами разных стран. На Украине у меня жил отец, сестра, здесь была похоронена мама. На Украине проживали все родственники жены. А в России оказалась моя дочь от первого брака Виктория, она была замужем за офицером, жили они в Калининградской области. Брат с семьёй в Тоцке. Ну и последнее, если бы уехали все, такие как я, то Россия от этого только бы проиграла, ведь нас здесь четверть населения страны.

В январе месяце мы приняли присягу на верность народу Украины. В Москве началась истерия. По телевиденью шли передачи о том, что офицеры принявшие присягу, и не только на

Украине, отщепенцы и предатели. Но господа, то государство, которому мы присягали, исчезло с политической карты, и не по нашей вине. Мы остались там, где нас бросили. И присягали мы не туркам и не французам, а своему же народу, правда, уже только части того народа, которому присягали раньше, то есть мы её просто повторили в новых политических условиях. И кто же нас клеймил.

В одной из телевизионных передач выступал генерал с Главного Управления кадров уже Российской Армии, как раз тот, который и при советской власти не мог найти мне вакантное место, фамилию называть не буду, пусть спокойно спит. И в самом начале окончательного развала, после Беловежской Пущи, когда я писал в министерство обороны письма с просьбой о переводе и готовности ехать в любую горячую точку России в качестве военнослужащего Российской Армии, именно из этого ведомства мне присылали ответы с отказами.

Ну и исторически, фразы, что офицер присягает один раз, бред. Офицеры Русской Армии присягали каждому новому царю-батюшке.

В течение нескольких лет я пытался уйти из военкомата. Было несколько попыток перевестись в Россию, это и письма в МО России, о которых я уже говорил. И звонки Манченко В.А., он в это время руководил всем спецназом России. Уже вроде бы и должность нашли, но опять сорвалось.

Тогда вышел на своего товарища ещё по Чирчику, Александра Чубарова, он в это время занимал должность заместителя министра обороны Таджикистана, но и здесь не сложилось.

Сделал попытку перейти в Армию Узбекистана, позвонил своему бывшему подчинённому, тоже по Чирчикской бригаде Гафуру Тешаеву, он уже служил в должности начальника разведки Узбекской Армии. Но здесь мне сказали, что для перевода нужны веские основания. А какие у меня основания, хочу быть офицером, а не чиновником, вот и все основания.

Тогда я считал, что какая разница, в какой Армии, какой бывшей республики служить. Никогда бы не пошёл в прибалтийские, они ни когда нашими и не были, и в закавказские, эти между собой воевали, а кто более свой, определить не возможно. Я оставался быть советским офицером, таковым являюсь и сейчас.

Прошу извинение за беспокойство.

Я, полковник СТОДЕРЕВСКИЙ Игорь Юрьевич, родился и вырос в Туркмении.

Окончил Ташкенское ВОКУ.

10 лет прослужил в ТуркВО в частях спецназ.

В Афганистане был два раза, первый раз инструктором по спецподготовке в 103 дивизии ВДВ, второй раз командовал отдельным отрядом спецназ. Отряд по оценкам командования 40 А работал хорошо. Награжден тремя орденами.

Условия Центральной Азии и театр военных действий знаю.

6 лет прослужил в ЗакВО: 3 года зам. командира МСП, 3 года командиром МСП.

Принимал участие в наведении порядка в Азербайджане и Грузии: - 1988 года комендант особого района г.Шеки,

- 1989 год комендант гостелерадио Грузинской ССР.

Имею опыт действий при разрешении междунациональных конфликтов.

Здоров. Физически подготовлен хорошо.

Готов в качестве военнослужащего Российской Армии убыть в любую горячую точку.

Надеюсь мои знания и опыт пригодятся.

Характеристику мне могут дать:

- генерал армии ЕРМАКОВ, бывший командующий 40 А,
- генерал лейтенант Тер-Григорьанц, бывший нач.штаба 40 А
- генерал лейтенант КОВАЛЕВ С.И., бывший командир 31 АК,
- зам. командующего ЛенВО.
- ГРУ ГШ.

ПОЛКОВНИК СТОДЕРЕВСКИЙ

Письмо в МО России.

вх. № 2710
листов
22 10 1993
Александрийский ОГВК

ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ
И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КАДРОВ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«24» сентября 199 3г.

№ 173/3/8273

103160, г. Москва, К-160

СТОДЕРЕВСКОМУ И.Ю.

317900, Украина, г. Александрия Кировоградской области ул. Шевченко, 85

Ваша просьба к Министру обороны Российской Федерации по поручению рассмотрена в Главном управлении подготовки и распределения кадров МО РФ.

Сообщаю, что от Министерства обороны Украины на территории Югославии находятся миротворческие силы. Министерство обороны Украины может использовать Ваш опыт и знания по Вашей специальности.

ЗАМ НАЧАЛЬНИКА НАПРАВЛЕНИЯ

Варфоломеев

Приднестровье.

В конце июня начались боевые действия в Приднестровье. Как советский офицер, что я должен был делать? Ехать и помогать Приднестровью. Но я служил в армии, просто так не сорвёшься, и не поедешь. Написал рапорт с просьбой о предоставлении отпуска, но с 1 июля в армии начинался летний период обучения и меня конечно не отпустили. Через две недели его всё-таки подписали, и я, не смотря на протесты жены, убыл в Тирасполь.

По приезду устроился в гостинице «Турист», мы с женой отдыхали здесь по путёвке летом 1983 года, и отправился на приём к командующему республиканской гвардией Приднестровья.

Командующий, полковник, афганец, по национальности румын. Вот вам парадоксы того времени. Молдавские националисты требовали присоединения Молдавии к Румынии, а советский полковник, румын, воевал за Приднестровскую республику. Более того, его сын, старший лейтенант Советской армии, командовал одним из батальонов республиканской гвардии Приднестровья.

На боевые действия я опоздал. Выслушав меня, командующий отправил в батальон спецназ, с задачей помочь в организации хода боевой подготовки. Батальон находился на одной территории со штабом. Командовал им подполковник Александр Аскеров, мы сразу нашли с ним общий язык.

Задача была, в кратчайший срок сделать батальон способным выполнять специальные задачи. Мужества и отваги у мужиков хватало, а вот профессиональных качеств, да ещё и как разведчиков специального назначения, было маловато. Почему мужиков, да потому, что в этой войне воевал народ. В подразделениях Республиканской гвардии практически не было профессиональных военных, мужики от станков и от земли. В обеденное время можно было наблюдать такую картину. Стоит часовой, походит женщина, достаёт из сумки кастрюльки и начинает его кормить. Оказывается, жена принесла мужу обед. Почти всё мужское население ходило в камуфляже. Воевали все, поэтому и выстояли.

Видел казаков с Дона, помогавшим им в этом вооруженном конфликте, когда я уже возвращался домой, со мной в электричке ехала не большая группа. Они все были в казачьей форме. Запомнился молодой парень лет 28–30, у него по колено не было ноги.

Во время боевых действий, по рассказам приднестровцев, не плохо себя показал батальон украинских националистов. Наверно впервые, бок о бок, сражались рядом, против общего врага, и националисты и коммунисты.

Передачи по местному радио шли на трёх языках: русском, украинском и молдавском.

С Сашей Аскеровым мы сделали расписание занятий и начали отрабатывать учебные вопросы. Учебной литературы не было, ни какой, я конспекты писал по памяти. Первые два дня упор сделали на физическую подготовку.

Я, когда увидел личный состав батальона, сразу сказал Аскерову, что процентов пятьдесят надо убирать, по физическим данным не подходят. Мужики по 40–45 лет, которые давно забыли, когда в последний раз бегали кросс. Он сказал, что не сможет ни кого убрать, так как воевал с этими людьми. Дело в том, что служба в Республиканской гвардии оплачивалась, и у многих это была единственная возможность что-то заработать и накормить семью.

Вот поэтому я и начал с физподготовки, бежал сам и заставлял бежать остальных. Провёл занятие по рукопашному бою. Результаты были, конечно, отвратительные. Да и люди видели, что такую нагрузку не потянут.

На второй день, после занятий, я провёл с личным составом беседу. Объяснил им, что спецназ специфический род войск, и что служить в нём должны молодые и физически крепки люди. Что, да они мужественные и заслуженные люди, отстояли свои идеи в боях, но республике нужен крепкий профессионально подготовленный батальон. А кто в спецназе не тянет, может пойти в пехоту. И как мне кажется, люди меня поняли.

Я провёл практическое занятие по минно-подрывному делу. Никто в батальоне не знал, как к этому подступиться, Саша Аскеров был из пехоты, только общие представления. Занятие проводили на стрельбище одной из частей 14 Армии. Проблем с тротилом и средствами взрывания не было.

Незаметно проскочила неделя. Я уж не помню, кто мне поставил задачу разработать штат батальона. Батальон жил по обыкновенному пехотному штату. Да и к тому же, батальон это громко сказано, если мне не изменяет память, народу было человек сто.

Сидел я два дня, но к вечеру второго дня штат был готов. Как мне кажется, я предусмотрел всё. Учитывая, что на границе с Молдавией течёт Днестр, в штат ввёл легководолазный взвод. Рассчитал оружие и необходимое снаряжение, а также специальные боеприпасы для проведения спецмероприятий.

Просчитал денежное довольствие всего личного состава батальона, начиная от солдата и кончая командиром батальона. Ну и назвал его конечно отрядом, как и положено в спецназе.

На следующий день мы с Аскеровым пошли на приём к Смирнову, руководителю Приднестровской республики, представлять штат отряда. Но оказалось, что он в отъезде, и нас отправили к Командующему Республиканской гвардией. Он выслушал мой доклад, попросил оставить документы и на этом мы расстались.

Надо было уезжать домой, у меня заканчивались деньги. Зарплаты полковника, в то время, едва хватало, что бы сводить концы с концами. Я мог с зарплаты своим дочерям купить по шоколадке и всё. А здесь надо было платить за гостиницу и что-то кушать, проблем с обедом не было, я питался в столовой Республиканской гвардии, там кормили бесплатно. А вот завтрак и ужин за свой счёт. Но это был лучший отпуск в моей в жизни.

На память о Приднестровье у меня осталось удостоверение гвардейца Республиканской гвардии. Не Национальной гвардии, как это было затем в некоторых бывших республиках Союза, а именно Республиканской, то есть гвардии всего народа проживающего на этой территории, вне зависимости от национальной принадлежности.

ВРЕМЕННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ
ГВАРДЕЙЦА № 246

Фамилия Сподеревский
Имя Игорь
Отчество Юрьевич

I. Действительно до 1.09.92г
2. Продлено до _____
3. Разрешено ношение оружия.

Подпись командира

Я вернулся к письменному столу и вороху бумаг, служа в Армии, за полгода ставил меньше росписей, чем здесь за один день.

Военкоматы всегда были сточной ямой вооружённых сил, сюда попадают либо больные офицеры и прапорщики, те, кому по состоянию здоровья нельзя проходить службу в линейных частях. Либо те, от кого в линейных частях избавились, бездельники и лоботрясы.

В начале девяностых годов в военкоматах появилась третья категория военнослужащих, это те офицеры, у которых судьба

сложилась так, что у них просто не было иного выбора.

Из первой категории, у меня в Александрии, был бывший вертолётчик Майор Юрий Елькин, у него после ранения в Афганистане в голове была пластмассовая пластина. Но как человек и как работник он был на своём месте.

Был прапорщик Шевченко Станислав Степанович, про которого я говорил облвоенкому, что горвоенкомы приходят и уходят, а этого человека трогать нельзя. Местный Кулибин, связь военкомата, и радио, и телефонная, это он, автотехника, это он. Человек молча и добросовестно выполнял все свои обязанности и ещё кучу других, не предусмотренных ни какими уставами. Он сделал оперативную связь в облвоенкомате. И видимо за все эти заслуги, уже находясь на пенсии, я узнал, что его хотят выбросить на улицу, не дав дослужить два месяца до 25 лет. Люди военные понимают, что человек в этом случае теряет очень много льгот. Пришлось выходить на облвоенкома, слава богу, что им ещё был Шитов В.Н., я служил при нём, и Шевченко дали дослужить.

Вторая категория это как раз те, кто шёл в военкоматы не служить, а зарабатывать, отсюда и коррупция. За первый год работы я уволил двух офицеров. Поднял вопрос о третьем, но у него были большие покровители верхах, и я просто не успел довести дело до логического конца, уволился сам. Но спустя полгода, его с треском выгнали из армии, хотя надо было отдать под суд. Этот субъект на лево и направо выписывал удостоверения офицеров запаса. Влетел на том, что одно удостоверение выписал бывшему уголовнику.

Из третьей категории у меня был заместитель подполковник Александр Пароконный, бывший сапёр, я помог ему перебраться служить в Александрийский военкомат, после выезда из Туркменистана, и не разу об этом не пожалел. Всё-таки для меня работа с бумагами было делом противным, а он в этом отношении был очень дотошен. И то, что военкомат два года занимал в области первое место, большая часть его заслуги.

На должность начальника четвёртого отдела, из Каунасской дивизии ВДВ, пришёл капитан Олег Скляр. Он заменил подполковника Михаила Степанчука. Миша умер от последствий Чернобыля, возил туда с Александрии не сколько раз команды приписников, человек погиб как офицер, Чернобыль это тоже зона боевых действий.

В 1992 году мой племянник окончил школу в Донецке, ну и конечно видел свою судьбу только в Армии. Куда поступать выбор не стоял, только в Рязанское воздушнодесантное училище. Ташкентское ВОКУ уже готовило офицеров для узбекской армии. На Украине армия была в тяжелейшем кризисе, и мы просто не

видели перспектив службы здесь.

Но в этот году поступить ему не удалось. Как он сказал, когда приехал из Рязани, что его не взяли из-за того, что он с Украины. Да конечно, зачем России готовить кадры чужой стране, ни кто не застрахован от того что, окончив училище человек, уедет к себе на Родину.

На следующий год было решено отправить Женю к моему брату в Тоцк, и поступать уже от туда. Но казалось, что это не так просто. Военком, под предлогом того, что он может уклониться от призыва в Армию, отказался отправлять личное дело в Россию. Я позвонил в Донецк. Но военком моим доводам, что парень хочет поступить в училище, не внял. Боялся, что с него могут за это спросить. Но на встречу мне всё же пошёл, выслал личное дело ко мне в Александрию, и уже я отправил его в Тоцк.

После окончания училища Женя служил в Псковской дивизии ВДВ. Был и в Абхазии и несколько раз в Чечне.

Должен сказать, что хоть государство и развалилось. Но по системе военкоматов мы долго ещё, кажется до 1996 года, сотрудничали. Мне приходили запросы из Туркмении на поиск призывников, человек пишет, что поехал жить к нам и военкомату нужно подтверждение, что он к нам прибыл и взят на воинский учёт. Мы постоянно посылали запросы в Подольский архив по ветеранам войны, и ни когда отказов не было, это и сейчас продолжается. Запросы по участию в партизанской борьбе отправлялись в Белоруссию.

Были у нас и казусы. Призвали мы на службу двух таджиков, а оказалось, что у них нет гражданства. В армию они пошли с удовольствием, так как автоматически становились гражданами Украины, но ребят вернули.

Дважды в 1993 и 1994 годах я собирал в Александрии бывших сослуживцев по 154 ООСПН.

Всегда это было в начале июня. Мы эти встречи приурочивали ко дню памяти ребят погибших под Акчой 6 июня 1982 года.

Я договаривался с местными предпринимателями. Они оплачивали проживание в местном санатории и фуршеты. Были и мероприятия по патриотическому воспитанию молодёжи.

Организовывались встречи с солдатами местного вертолётного полка и студентами Александрийского училища культуры.

А в 1994 году командир вертолётной бригады (местный вертолётный полк преобразовали в бригаду) предоставил нам вертолёт. Мы сделали облёт города, а затем десантировались, вместе с бочкой пива, на окраине Александрии, на автодроме, где

в этот момент проходило первенство Украины по авто и мотокроссу. Было приятно пообщаться со своими боевыми товарищами.

По прибытию в Александрию, я узнал, что на одном из складов храниться памятник воинам-интернационалистам. Его уже два года не могли установить. Местные власти предлагали места для установки или на окраине города или в заброшенном парке, где уже даже собаки не гуляли. Но афганский комитет добился того, что его установили не только в центре города, но прямо рядом с горисполкомом.

В Александрии, как и в любом другом советском городе, бывшие военнослужащие отмечали День ВДВ, День ВМФ, День Пограничников, и день вывода войск из Афганистана. Но мы знаем, чем эти дни заканчиваются даже в Москве, пьянки и драки между собой и с милицией. Это потому, что всё проходит стихийно.

Я вместе с комитетом «Солдаты Афгана» просил в горисполкоме официального разрешения на проведения этих праздников, всю ответственность за их проведения брали на себя. Власть шла нам на встречу, так как разрешат они, или не разрешат народу по большому счёту наплевать. Все равно отмечали эти даты, отмечают, и отмечать будут, я надеюсь.

Сценарий был один и тот же. С утра сбор на центральной площади. По динамикам льётся музыка, соответствующая празднику. Затем, когда все со всеми уже перездоровались, молодежь, служившая и в Советской Армии и уже в Украинской, в головных уборах, согласно родов войск, строем, и с песнями маршировала за город. Люди постарше шли по тротуарам, но тоже все в головных уборах своих войск. За городом, на природе уже кипела шурпа, и жарился шашлык. Те, кому после застолья сложно было двигаться, доставлялись домой микроавтобусами, но таких было не много.

Ветеранам ВОВ мы тоже организовывали на 9 мая, как могли, и концерт и дружеский ужин в ресторане. Всех не пригласишь, это уже в ветеранских организациях сами решали, кто будет принимать участие. Местные предприниматели всегда шли на встречу, если вопрос касался ветеранов.

Не забывал я и о своей физической форме. В городе был прекрасный 50-ти метровый бассейн, там же был тренажёрный зал. Часто, по субботам, я бежал кросс десять километров, жена вывозила меня за город и возвращалась. У нас была машина Жигули, из Германии вывез. Ну, а уж утренняя полуторачасовая зарядка, это как у мусульман молитва, пропускать нельзя.

Здесь в Александрии занялся зимним купанием. Давление

стало пошаливать, мне подсказали, что помогает. Месяц побегал к прорубе и давление хоть в космос.

До пятидесяти лет я регулярно делал утреннею зарядку. Начиналась она всегда с кросса, не менее 4–5 км. Уже находясь на пенсии в Киеве, я бежал по лесу, была отвратительная погода, накрапывал мелкий осенний дождь. Мне в голову пришла мысль, на кой чёрт, мне всё это надо. Пример больше показывать не кому. Говорить: «Делай как я», тоже не кому. Я развернулся и спокойно шагом вернулся домой. С тех пор физзарядку делаю, но делаю периодически, когда начинаю жиром зарастать. А вот заниматься плаванием, если есть возможность, не упускаю.

В 1994 году в Украине проходили выборы в Верховную Раду, и я решил, почему бы нет, вокруг был полный бардак. Развал страны. Развал Армии. В стороне от этого оставаться было нельзя. К этому времени какой-то авторитет, и в городе. и в районе у меня, я считаю, был.

Сей час уже точно не помню, вся эта кухня варилась месяца три. Я не представлял ни какую партию или просто даже группу. Помогали мне всё те же афганцы. Денег на проведение избирательной компании конечно не было. Кое-что оплачивало государство, это и выступления по местному телевиденью, и распечатка агитационных плакатов.

В своей программе, если её так можно было назвать, я делал упор на наведение порядка во всех сферах жизни общества, введение жёсткой ответственности за противоправные деяния и конечно на тесное сотрудничество с Россией, особенно в военной сфере. Одним из пунктов программы было введение в Армии военной полиции. Командиры должны заниматься боевой подготовкой, а уголовниками должна заниматься военная полиция.

Проводить агитацию было сложно, нужны деньги. У меня агитационная работа в основном заключалась в выступлениях по телевидению, в печати, ну и конечно перед трудовыми коллективами, и то здесь были проблемы с поездками по району, не было бензина. У некоторых других претендентов, по городу ездили бригады с громкоговорящей связью, и выступали в людных местах города.

Правда мне помог один из частных банков, и я смог организовать военно-спортивный праздник в местном парке. Ну и конечно помогла, на сколько это было возможно, Армия.

Конечно не чиновники от Армии. Те только требовали от облвоенкома отчёты, как у меня идёт избирательная компания, но палец о палец не ударили, чтобы чем-то помочь.

Командир местной вертолётной бригады. полковник Вячеслав

Бондарчук, выделил вертолёт для парашютной команды Кировоградской бригады специального назначения. Кроме парашютной команды, командир бригады спецназ полковник Владимир Рымарь, привёз в Александрию роту для показного выступления по рукопашному бою и свой оркестр. С Владимиром мы вместе служили в Лагодехской бригаде.

Праздник начался с прыжков прямо на стадион парка. Затем выступления роты и в конце я показывал то, что и на всех других показухах, бой один против пяти. Недели две готовил солдат вертолётной бригады. Это были мои последние выступления на публике, мне стукнуло 46 лет.

Уже, будучи на пенсии, работая директором филиала охранного агентства в г. Калуше, на Западной Украине, мы проводили показательные выступления по рукопашному бою в день празднования годовщины «Лукора», флагмана химической промышленности Украины. Но я не только не участвовал, но даже и не готовил ребят к этим выступлениям, совершено не было времени на подготовку, поздно поступило предложение. Но ребята не плохо повторили показуху годичной давности.

Фото с участниками показательных выступлений по рукопашному бою г. Калуш, сентябрь 2004 г.

В парламентарии я не прорвался, из девяти претендентов стал пятым, но представителя коммунистической партии обошёл. Дело в том, что они выставили кандидатуру председателя Афганского комитета Кузнецова. Я ездил к ним, пытался договориться, убеждал, что так мы проиграем. Кузнецова мало

кто знал в городе и совершено не знали в районе. А я тот же коммунист, только без партийного билета, в армии не положено, в то время мои идеологические взгляды ещё не претерпели изменений.

Кстати из партии я не выходил. Когда нашу дивизию вывели в Тоцк, нам просто раздали учётные карточки. Ни каких тебе напутствий, ни каких пожеланий. Документы у меня до сих пор хранятся, хочешь, не хочешь, а это кусочек моей жизни.

Но коммунисты отказались меня поддержать, обком сказал им надо выдвигать своего. Ну, на нет и сюда нет, а ведь была реальная возможность прорваться в Верховную раду. Как написал мне в анонимке один доброжелатель, что я рвусь к корыту, и этим показал свою сущность, и теперь мне надо уезжать, так как я себя дискредитировал. Что мне его анонимка, если в своё время на меня даже в Москву писали.

Уже находясь на пенсии, в Киеве, я вступил в социалистическую партию, и даже год был первым секретарём Подольского района г. Киева. Не мог смотреть на беспредел, который творился вокруг, пытался не оставаться в стороне от событий. Но постепенно соцпартия стала смыкаться с националистами, и я ушёл.

Предпринимал несколько попыток уйти в войска. Написал письмо в министерство обороны Украины, с просьбой направить в любую горячую точку планеты, куда отправляют наших ребят. Мне конечно тактично отказали.

В начале осени 1994 года, с помощью Олега Скляра, вышел на командующего аэромобильными войсками Украины генерал-майора Раевского, Олег раньше служил с ним. Меня вызвали на беседу в министерство обороны. Раевский, побеседовав со мной, буквально пять минут, дал добро на мой перевод. Но сказал, что в данный момент вакансий нет, и я временно буду служить в штабе Сухопутных войск, отвечать за командирскую подготовку.

Я воспрял духом, ну теперь то, я уж точно уйду из военкомата. Заместитель Раевского повёл меня на беседу. толи к Командующему сухопутными войсками, толи к начальнику штаба, сейчас уже не помню. Со мной побеседовали, и я снова получил добро. Было только одно условие, я должен был написать рапорт, что на квартиру в Киеве не претендую.

В городе было очень плохо с квартирами и в министерство обороны брали тех, кто жильём в Киеве был обеспечен. Такого подхода к комплектованию, наверно ни одна армия не знала. У меня в Киеве проживали родители жены, и я считал, что первое время как-то продержусь. Да чёрт с ней, с квартирой, главное назад в Армию. Как говорил Наполеон: «Главное ввязаться в бой,

а там посмотрим».

Когда всё уже было решено, и я сидел и ждал, когда меня заберут в отдел, заместитель Раевского, фамилию, к сожалению, не помню, сказал мне, что я боевой офицер и опять попаду в чиновники, нет ли у меня желания послужить в войсках, и предложил должность командира аэромобильной бригады Болградской дивизии. Я, конечно, согласился и меня отправили в Одесский военный округ на беседу с Командующим.

Командующим был генерал-полковник Шкидченко, но его на месте не было. Со мной побеседовало несколько человек, включая командира Болградской дивизии. Он стал меня отговаривать, его понять можно, видимо он кого-то уже наметил, а тут вмешивается министерство обороны. Сказал, что бригада сложная, все батальоны на БМД.

Дело в том, что к этому времени техника, оставшаяся от Советской Армии, сильно поизносилась, и в эту бригаду со всей Украины собрали БМД, которые ещё можно было эксплуатировать. Остальные бригады были на своих двоих.

Я ему ответил, что у меня в полку в Германии танков было чуть меньше чем в этой бригаде БМД, а ещё три батальона на БМП и два дивизиона, артиллерийский и ПВО, так что бронетехники больше чем у него в дивизии. Как мне помнится, он остался нашим разговором, не доволен.

Прибыл Командующий, меня представили ему. Шкидченко выслушал и сказал, что я четыре года прокомандовал полком, а бригада тот же полк, и даже несколько меньше полка. И что, если я не очень рвусь в столицу, то он после окончания учебного года, это конец ноября, назначит меня на должность заместителя командира дивизии.

Дело в том, что в Киеве было сказано, что если мне должность не подойдёт, я могу возвращаться к Раевскому.

Конечно, я сразу согласился, сбывалось то, что я хотел. Позвонив в Киев, я отказался от должности в министерстве обороны.

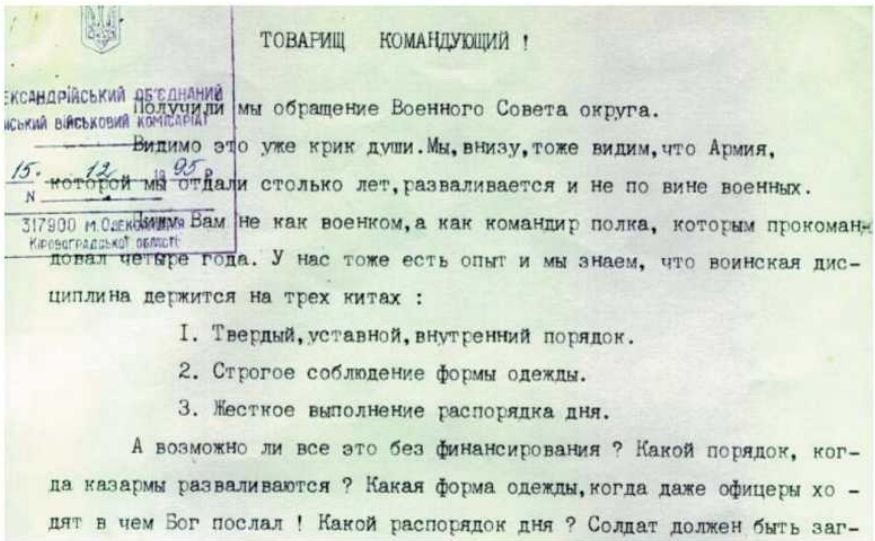
Но, к сожалению, слова Командующего остались словами, ни кто обо мне даже и не вспомнил.

В начале декабре 1995 года. Мы получили письмо Командующего округом Шкидченко, в котором он обращался к офицерам с просьбой, повернутся к солдатам лицом. Дисциплина в войсках была отвратительная. Солдаты не хотели служить, за уклонения от службы к ответственности практически не привлекали. Боевой подготовки в полном объёме также не было. Офицеры нищенствовали, не побоюсь этого слова, каждый, где мог, подрабатывал. Армию разворовывали и растаскивали.

Солдат кормили отвратительно. Заместители по тылу частей ездили по стране в поисках продовольствия, централизованные поставки срывались. Не было денег не на горючее, не на боеприпасы.

Когда мне надо было с призывниками провести стрельбы в авиационной бригаде Александрии мне сказали, что если есть деньги, покупайте боеприпасы, нет, извините самим стрелять не чем.

Я сел и написал Командующему ответ.



ТОВАРИЩ КОМАНДУЮЩИЙ !

Олександрійський об'єднаний міський військовий комісаріат
Одеської області
317900 м.Олександрія Кіровоградської області
Получили
15. 12. 95 г.
N

мы обращение Военного Совета округа.

Видимо это уже крик души. Мы, внизу, тоже видим, что Армия, которой мы отдали столько лет, разваливается и не по вине военных.

Пишу Вам не как военком, а как командир полка, которым прокомандовал четыре года. У нас тоже есть опыт и мы знаем, что воинская дисциплина держится на трех китах :

1. Твердый, уставной, внутренний порядок.
2. Строгое соблюдение формы одежды.
3. Жесткое выполнение распорядка дня.

А возможно ли все это без финансирования ? Какой порядок, когда казармы разваливаются ? Какая форма одежды, когда даже офицеры ходят в чем Бог послал ! Какой распорядок дня ? Солдат должен быть заг-

ружен боевой подготовкой целый день, а на неё, так же, нет денег.

Предлагается заглянуть солдату в глаза. Офицерам систематически задерживаются выплаты денежного довольствия, месяцами не выдается продовольственный паек. У многих нет жилья и перспектива его получения очень иллюзорна. Ему в глаза жене и своим детям смотреть стыдно. И офицеры, молодые офицеры, уходят с Армии.

А преступления творятся потому, что безнаказанность. Десятки, сотни дезертиров ходят по городам. Военкоматам предписано их ловить, да никто из военнослужащих не имеет, по Закону, права зайти во двор, ни то что в квартиру. Милиция их не задерживает, так как нужна санкция прокурора. И бегают по селу, это уже у нас, выполняя приказ, два подполковника, нарушая Закон, позоря погоны и себя, ловят эту сволочь. Поймали, отправили в комендатуру и за три месяца дезертирства - один год условно. Так зачем их ловить ? А Закон "О всеобщей воинской обязанности и воинской службе", кто не хочет в Армию идти, тот и не идет. Наше счастье, что не все этот Закон знают, а то бы в Армии были одни офицеры и прапорщики. И опять офицер, иди истучись в каждую дверь и тех кто знает Закон уговаривай идти на службу.

Развал Армии - суть политики президента и парламента. До тех пор, пока они стоят к Армии задом, они и будут иметь только такую Армию, которая в конце концов всадит им в этот зад штык.

С УВАЖЕНИЕМ

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ГОРОДСКОЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАР

ПОЛКОВНИК И.СТОДЕРЕВСКИЙ

Прошло недели две, звонок из облвоенкомата. Шитов, всегда спокойный и сдержанный, говорил с помощью не нормативной лексики. Не в мой адрес, а так для связки слов. Его интересовало, что такое я написал Командующему, и почему меня разыскивает начальник штаба округа генерал-лейтенант Кузнецов.

Я ему объяснил, что всё, что написал моё видение проблем имеющих место в армии, и причин, почему они возникли. Он приказал мне срочно выйти на Кузнецова. Когда я дозвонился, первое, что он меня спросил, я ли писал письмо. Когда я подтвердил, сказал, что в принципе, он со всем мною изложенным согласен, но зачем же писать про штык в зад

президенту и парламенту.

Поняв, что вырваться из военкоматской системы не удаётся, в апреле 1995 года я написал рапорт на увольнение. В мае отлежал в госпитале в г. Кременчуге и затем целый год ждал, когда меня уволят.

Люди цеплялись за любую возможность продлить свою службу в военкоматах области, а меня не отпускали по совершенно не понятным причинам. Я хотел уволиться как можно скорей, ребята нашли мне в Киеве работу в охранной фирме, и я боялся, что могу пролететь с трудоустройством.

Время было тяжёлое, как я уже говорил, что зарплата была нищенская, да и давали её не всегда вовремя. С продовольственным пайком также были задержки. Помню, как-то привезли в военкомат мясо, меня позвал прапорщик посмотреть, что мы будем кушать. На говяжьей туше стояло клеймо — 1954 год. Мы проедали стратегические запасы Советской Армии.

Чтобы хоть как-то поддержать материальное положение семьи, я во время отпуска и в 1995 и 1996 годах работал в Киеве в охранной фирме. Помню, как впервые за последние годы я смог жене на 8 марта подарить достойный подарок.

> *«К пятидесяти годам некоторые честные люди начинают*
>
> *нервничать: «А стоило ли»? Хочется взбодрить их криком:*
>
> *«Держитесь, братцы, уже не так много осталось»!*
>
> *Фазиль Искандер.*

А с увольнением всё тянули. Когда сделали запрос, по какой причине задержка, оказалось, что меня не увольняют потому, что в личном деле нет автобиографии на украинском языке. И это спустя полгода как ушли документы. Срочно написал и отправил. И все равно меня уволили только в конце апреля 1996 года.

Прощай Армия, так закончилась лучшая часть моей жизни.

Эпилог

Офицер, это не должность и не звание, это состояние духа, жизненный уклад, да и вообще смысл жизни. Это постоянные мысли об Отечестве и дела во благо Отечества. Не всяк, носящий погоны, есть офицер, к сожалению, существует категория людей в военной форме, общего у них с офицерским корпусом только эта форма.

Офицер может быть грубым, к сожалению такие, встречаются и это надо изжевать, может быть излишне резким в словах и поступках, кому-то это не нравиться, а кто-то считает подобное настоящими мужскими качествами.

Но офицер не может быть подлецом, так как подлец не в состоянии что-то, или кого-то защищать, он способен только предавать.

Офицер не может быть размазнёй, офицер это сгусток воли и энергии, всегда готовой выплеснуться в нужном направлении.

Цена человека — это цена его воли.

Ну и обязательно профессионал своего дела.

«Профессионализм — это эффективность, надёжность, ответственность»

Офицер это, прежде всего, руководитель, организатор. И когда, где-то, в каком-то ведомстве, создаются какие-то офицерские группы, и даже роты. Это говорит только об одном, здесь не в состоянии воспитать солдата профессионала. Дорого и расточительно для государства, если офицер, бегая с автоматом, делает работу за солдата, офицер должен воевать мозгами. Подобным мы дискредитируем высокое звание офицера.

В сознании народа офицер, это, прежде всего, офицер Армии, поэтому звания других силовых ведомств пишутся с приставками, полковник милиции, майор СБУ или ФСБ и т. д.

В отличие от других силовых ведомств, армейский офицерский корпус комплектуется исключительно из выпускников военных вузов, и только малая часть армейских должностей отдаётся выпускникам гражданских вузов. Это, как правило, редко в армии встречающиеся специальности, и нецелесообразно организовывать их подготовку в армейских ВУЗах. Но эти люди, как в армии их называют — «пиджаки», служат, как правило, в штабах и добросовестно выполняют свой

долг.

Да в гражданских ВУЗах готовят на военных кафедрах офицеров, это необходимый запас на случай глобальной войны, когда воевать будет весь народ, и кадровых офицеров просто не хватит. Но после окончания институтов, некоторую часть этих людей принуждали идти служить в Армию на два года. И армия от этого только проигрывала. Профессиональная подготовка была очень слабая, а главное то, что они не были офицерами по духу и просто отбывали барщину. Разве в состоянии они были воспитать солдат. У моего брата в батальоне, когда он участвовал в боевых действиях в Чечне, большинство командиров взводов были двухгодичники, то есть на боевые действия бросили батальон без офицеров. И Юра был вынужден, большинство из них отстранить от командования взводами, и заменить сержантами.

Офицер может быть воспитан только в военном училище, при условии, что дома, в школе, и даже на улице (не всегда там плохое воспитание, зависит от того, в какую компанию попадёт парень), ему был привит патриотизм и любовь к Армии. В военном училище всё это закрепляется и воспитывается чувство войскового товарищества и взаимопомощи, то, что не воспитывается не где более. И как я уже говорил ранее, случайные люди, испугавшись трудностей, уходят. Всё по Дарвину, остаются самые крепкие духом и телом.

Кроме пяти органов чувств, данных нам природой, у офицера обязательно должно быть шестое чувство — чувство ответственности. Есть оно, есть офицер, нет его, нет и офицера.

> *«Быть человеком — это чувствовать свою ответственность».*
> *А. Сент-Экзюпери.*

Ну и, на мой взгляд, совершенно не правильная практика, когда форма одежды военнослужащего Армии, в том числе и офицера, практически не отличается от формы других ведомств, например пожарников и внутренних войск. Я несколько не умоляю необходимости и важности для государства этих частей и подразделений. Но считаю неправильным, когда определить, кто есть, кто могут только профессионалы. Когда персонал исправительных учреждений одет в камуфлированную форму. Они что под божьих коровок маскируются?

Ну и в заключение, чтобы у вас не сложилось впечатление, что я весь такой белый и пушистый. Скажу, конечно, у меня было много ошибок, были случаи, которые стыдно вспоминать, и груз их давит на меня и сегодня. Но я не собираюсь вытаскивать на ваш суд своё грязное бельё, и тем, кто это делает, я не верю.

Считаю, что это не покаяние, а попытка как-то заявить о себе. Я надеюсь, что хорошего людям, и главное Отечеству, сделал больше, и уверен, что подлость во мне не живёт.

Спасибо судьбе за мою судьбу.

20.02.2006 года

ОБ АВТОРЕ

Сергей Харламов

Москва, декабрь 2006 года.

Всегда гордился тем, что среди моих сослуживцев по 15 отдельной бригаде специального назначения (ОБРСПН), которая во времена Советского Союза дислоцировалась в городе Чирчик Ташкентской области, был Игорь Юрьевич Стодеревский. Он импонировал мне да и многим спецназовцам Чирчикской бригады тем, что, будучи человеком весьма неординарным, он душой болел за любое порученное ему дело, даже самое незначительное, самое маленькое. При этом Игорь всегда делал его с огромным энтузиазмом и ответственностью. И, прежде всего, это касалось его службы в спецназе.

Как настоящий спецназовец, Игорь всецело посвящал себя подготовке к безусловному выполнению учебных и боевых задач, которые может поставить Командование. В таком же духе он воспитывал своих подчиненных, солдат и сержантов, когда был командиром группы, а затем и офицеров-спецназовцев, когда командовал ротой и отрядом спецназ в 15 ОБРСПН. Среди множества достойных офицеров Чирчикской бригады, И.Ю. Стодеревский отличался тем что, занимая ту или иную должность, он основные свои усилия направлял на совершенствование боевого мастерства своих подчиненных и всегда добивался необходимого результата, за что снискал искреннее уважение, как у солдат, так и у офицеров бригады.

Судьба распорядилась так, что, когда в 1974 году, после окончания разведывательного факультета Киевского высшего общевойскового командного училища, я, вместе со своими сокурсниками, пришел служить в Чирчикскую ОБРСПН, Игорь Стодеревский уже стал заслуженным спецназовцем, а за успехи в боевой и политической подготовке был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени. Так что он являлся одним из тех, на кого нам, молодым офицерам, нужно было равняться, у кого надо было учиться реальному, а не показному спецназовскому мастерству.

Большинству из спецназовцев нашей бригады особенно импонировало также и то, что Игорь, всегда сосредотачивался на главном в своей служебной деятельности, не распыляясь по мелочам. Отдавая всего себя, подчиненному личному составу, он совершенно не заботился о том, чтобы поднять свой личный

авторитет в глазах начальства или каким-то образом выслужиться, чем некоторые у нас все-таки грешили. Когда у нас выпадали редкие минуты общения, Игорь часто внушал молодым офицерам мысль о том, что «дурной командир, как правило, требует от подчиненных лишь имитации бурной служебной деятельности, в основном связанной с показушничеством, которая эффектно выглядит в глазах начальства, однако, когда наступает, так называемый, «момент истины», и надо решать реальные боевые задачи, то такой командир, мало того, что их не выполняет, так еще губит своих подчиненных и гибнет сам». В этой связи, спецназовец Стодеревский постоянно культивировал в своем подразделении и сам лично олицетворял в 15 ОБРСПН спецназовский дух, постоянную решимость к выполнению поставленных задач Командования, а также рациональный подход к делу и недопущение в работе с личным составом упрощенчества.

Кроме того, будучи весьма критичным, к себе, Стодеревский был требователен к своим подчиненным, а также всегда находил мужество и решимость прямо заявить о наличии в части каких-то недостатков, подвергнуть справедливой критике не только своих подчиненных, но и руководство бригады, а также внести деловые

предложения, направленные на совершенствование боевой подготовки. Можно привести множество примеров, когда Игорь не шел на поводу у большинства коллектива или у вышестоящего начальства, чтобы в угоду сиюминутной коньюктуре изменить своё мнение, отойти от тех принципов, которые сам исповедовал как в службе, так и в жизни, чем заслужил неподдельный авторитет и уважение многих из тех, кто знал его по Чирчику.

Лично я постоянно использовал различные возможности, чтобы перенять у Игоря Стодеревского что-то такое, чего сам не знал или не мог. При этом искренне сожалел, что служить приходится, хоть и в одном отряде спецназ, но в разных ротах. Много позже, когда я командовал ротой, судьба подарила мне прекрасную возможность служить под началом командира отряда, капитана И.Ю. Стодеревского и наблюдать за его работой и службой уже не со стороны, а в непосредственной близости.

Когда военная судьба развела нас с Игорем Юрьевичем, я постоянно изыскивал различные возможности, чтобы через своих сослуживцев по Чирчику узнать хоть что-нибудь о нем. Например, Сергей Ершов много рассказывал о том, как Игорь успешно командовал в Афганистане 154 отрядом спецназ, в котором Сергей был начальником штаба. По мнению многих сослуживцев Стодеревского того времени, именно в реальной боевой обстановке проявилась его истинная командирская хватка,

стремление и умение сосредоточиться на главном, чтобы выполнять поставленные Командованием боевые задачи с максимальным положительным результатом и минимальными потерями. Многие солдаты, сержанты и офицеры — подчиненные Стодеревского вернулись из Афганистана домой живыми и здоровыми лишь благодаря тому, что именно он был у них командиром.

К сожалению, в спецназе, как и в военной разведке в целом, не всегда бережно относились к кадрам, как, в общем-то, и сейчас их не берегут. И что особенно обидно и удивительно — ведь в большинстве случаев это люди достойные и способные сделать много такого, что другим, как правило, удобным для начальства чинушам, совершенно не дано сделать и совершить. Игорю Стодеревскому после окончания Военной академии имени М.В. Фрунзе, как это не покажется странным и удивительным, не нашлось места в спецназе. Когда я узнал об этом от начальника направления спецразведки ГРУ ГШ генерал-майора В.В. Колесника, то был просто поражен и с откровенным сарказмом заявил ему, что «если Стодеревского «списали» в пехоту, то, видимо, у нас и спецназе наблюдается переизбыток отличных командиров».

Но и там, на новой должности командира мотострелкового полка, Стодеревский остался верен самому себе и в короткий срок разболтанный и никчемный пехотный полк, на который все уже давно махнули рукой, он превратил в боеспособную воинскую часть. В пехоте, наверное, порадовались, что к ним из войск специального назначения пришел способный и деятельный командир полка, но спецназ-то, однозначно, от этого только потерял. При этом общеизвестно, что в то же самое время в войсках спецназ с завидной периодичностью одного за другим снимали с должностей командиров бригад, которые не справлялись с возложенными на них обязанностями. А выпестованный спецназом Стодеревский, который мог бы принести много пользы нашим войскам, образно говоря, «пылился в пехоте». Это ли не пример полного отсутствия в те времена кадровой политики в спецназе и государственного подхода в плане рациональной расстановки кадров.

Да, я согласен с тем, что Стодеревский для некоторых командиров и начальников был, как говорят в таких случаях, «неудобным подчиненным». Но

в те времена, глядя на него со стороны, а тем более сейчас, оценивая его через призму прошедших трех десятилетий и с высоты своего нынешнего служебного и жизненного опыта, могу с полной уверенностью сказать, что «неудобен» Стодеревский, да и

ему подобные, был лишь тем командирам, которые, как правило, во главу угла своей службы в армии ставили лишь свою собственную карьеру, а не интересы сложного и ответственного служения спецназовскому делу. Такие командиры ценили лишь покладистых и услужливых подчиненных, а не таких, как Стодеревский, имеющих мужество высказывать свое личное мнение и отстаивать его перед начальством. Игоря Юрьевича уважали и ценили только те командиры, которые думали о том деле, которому мы служили, так как они знали, что не «покладистые и услужливые» способны решать реальные боевые задачи, а лишь такие, каким был и есть мой друг и сослуживец по 15 ОБРСПН И.Ю. Стодеревский.

Хорошо зная Игоря Юрьевича, и прежде всего, как человека творческого, я совершенно не удивился тому, что он, выйдя на пенсию, написал эту книгу, которую назвал «Записки офицера спецназа». В этой связи наряду с тем, что я искренне горжусь, что служил вместе с ним в Чирчике, я также горжусь и тем, что был в числе первых читателей, которым еще в 2004 году Игорь Юрьевич доверил прочитать рукопись своей книги. Уже в то время, когда в черновом варианте было написано чуть больше половины того, что задумывал автор, мне стало понятно, что данная книга — это далеко не только автобиографическое описание жизненного и боевого пути офицера спецназа Стодеревского, но также и попытка глубокого осмысления тех процессов, которые происходили перед глазами очевидца, а также изложения событий в своей собственной интерпретации, с присущей Игорю Юрьевичу глубиной,

принципиальностью и категоричностью, именно этим данная книга интересна читателям, и не только спецназовцам, которые в 70-х, 80-х годах прошлого века служили в Чирчике, в 15 отдельной бригаде специального назначения, но и нашим коллегам, теперь уже в большинстве своем ветеранам из других соединений и частей спецназ Советского Союза и России. Она также будет весьма интересна спецназовцам нынешнего поколения и гражданской молодежи новой России и стран СНГ.

Прочитав в 2004 году незаконченный черновой вариант «Записок» И.Ю. Стодеревского, я уже тогда мог с уверенностью предположить, что не всем из тех, о ком упоминает в книге автор, она понравится. В этой связи даже могу предвидеть определенное недовольство со стороны тех, кого автор в своем повествовании не удостоил возвышенных эпитетов. Но это, как представляется, вполне естественно, ведь Игорь Юрьевич излагает свое видение и свою точку зрения на те проблемы, о которых пишет. При этом я больше, чем уверен в том, что в свое время, когда мы все служили

в Чирчике, Стодеревский именно этим нашим сослуживцам давал точно такие же оценки, какие сейчас содержатся в его книге. Поэтому здесь, я думаю, нет ничего неожиданного и удивительного. Ну, а тем, кто будет в корне не согласен с тем, что написал автор, могу лишь предложить взять перо и бумагу или сесть за компьютер и написать свою интерпретацию тех событий. Как говорят в таких случаях мудрые китайцы, «только тогда, когда расцветают сто цветов и соперничают сто школ, можно познать истину».

Хочется от души и искренне поздравить Игоря Юрьевича Стодеревского с выходом в свет его книги и пожелать ему новых творческих успехов и свершений.

Михаил Колесник

Москва, декабрь 2006 года.

В течение 2-х лет мне пришлось служить в роте Стодеревского Игоря Юрьевича в 15 отдельной бригаде специального назначения ГРУ ГШ г. Чирчике (командир бригады В.В. Колесник).

Это, наверное, были самые благоприятные годы для занятия боевой подготовкой всего личного состава бригады.

Рота была лучшей в 15-ой бригаде, и только благодаря тому моральному климату и отношениям друг к другу, которые сумел создать, прежде всего, своим личным примером Игорь Стодеревский во всех отношениях жизнедеятельности подразделения.

Для меня это была школа жизни, которую я впитал в себя и несу на протяжении всех последующих 30-ти лет.

Я много перенял тех качеств, принципов, которые присущи Игорю Стодеревскому и им не изменял никогда, несмотря на то, что были очень сложные последующие после службы в спецназе и особенно 90-е годы.

Об Игоре Юрьевиче Стодеревском я всегда интересовался через спецназовцев разных поколений, которые встречались на протяжении последующих лет. Он всегда был и есть творческим, требовательным, прежде всего к себе и подчиненным командиром, с высоким спецназовским духом, решительностью и одновременным, бережным отношением к людям.

Я всегда считал его одним из первых своих учителей по жизни.

Зная хорошо Игоря Юрьевича и часть тех событий, которые описаны в книге, свидетелем и участником которых был, могу

сказать, написано очень объективно, искренне, с присущей беспристрастностью, прежде всего к себе.

Книга будет интересна читателям, и служить примером для воспитания молодого поколения спецназовцев, офицеров и просто порядочных людей.

Я с удовольствием оказывал самое прямое содействие в издании книги и искренне благодарен Стодеревскому Игорю Юрьевичу за его труд по написанию книги, которая будет служить на благо Великой России.

Комментарии

(немножко того, что греет душу)!

Владимир Ибрагимов, рядовой (154 ООСПН):

31.07.2009

Здравствуйте, Игорь Юрьевич! Пишет Вам бывший солдат. Служил я в первой роте, Ваш e-mail мне дал Коробейников А. Прочитал Вашу книгу "Автобиография". Очень сильная книга. В ней при описании операции "Мармоль" вы упоминаете о подорванной БМП, там есть фотография, на башне сижу я. Есть так же фото и Галипа Омарова. Мы с ним до сих пор дружим. Возможно, вы помните нашу случайную встречу в Грозненском аэропорту в 1983., вы транзитом летели в Одессу. Присылаю Вам фотографию: Я и Омаров Галип.

Всего вам хорошего, крепкого здоровья. С уважением Ибрагимов Владимир.

27.10.2008

Здравствуйте Игорь Юрьевич! По стечению обстоятельств, а именно 26 октября 1981 г мы выехали из части, и этот День совпадает с нашим праздником. Еще раз хочется выразить Вам огромную благодарность за Ваши знания, за Ваше умение, за Вашу заботу за нас пацанов. Всего вам хорошего, здоровья и благополучия. С уважением Володя Ибрагимов.

30.12.2008

Уважаемый Игорь Юрьевич, поздравляю Вас и Вашу семью с наступающим Новым годом, желаю Вам здоровья, счастья и всего наилучшего…. Вы наш первый комбат, майор по званию, а по значимости и уважению для нас МАРШАЛ!!!

Пользователь Сообщение (Форум).

Владимир Ибрагимов

О Стодеревском можно говорить только хорошее… Не знаю как для офицеров, но для нас солдат Он был и есть как брат и как отец!!!

После взятия Мармоля Игорь Юрьевич сказал большое командирское спасибо всему личному составу, а ведь не каждый командир может сказать Спасибо своим подчиненным. Я уже не раз говорил, что Вы были у нас майором по званию, а по значению для нас маршалом. Наш сослуживец Игорь Чалых писал мне, что Стодеревский сравним с Жуковым. Всего хорошего Вам, Игорь Юрьевич!!!

Галиб Омарова, сержант (154 ООСПН):

21.11.2008

Здравие желаю командир! Рад вас видеть здравии! Читал вашу книгу, Спасибо, что не забыли упоминать, по этому поводу в Москве была большая дискуссия, кое-что пришлось отстоять ногой и кулаками.

Я с 83 го года живу в г Ташкенте, крепко стою на ногах. Если будете в Ташкенте или приедет кто-то от вас, всегда буду рад встретить и в чём надо помочь!!!!!!! С уважением оставшийся верен одной присяге и одному Командиру, Омаров.

03.01.2009 23:28

Да Командир, жизнь оказывается сложная штука, надеюсь когда-нибудь с вами свидеться, за меня краснеть вам не придётся, фотографии прислали, которые в Москве сделанные с вами, я их с гордостью показывал нашим сослуживцам, многим разослал по почте.

03.01.2009 23:38

Да знаю Командир, особенно меня затронуло из вашей книги. Нужен, когда нужен. Нужен, пока нужен!

03.01.2009 23:51 Спокойной ночи Командир и, Дай бог вам здоровья. Многие из наших говорили, что если бы, вместо вас, был бы другой комбат, больше половины не вернулось бы! И я так всегда считал, так что не зря!!!!!!!!!

Форум.

03.01.2009

Игорь Стодеревский, офицер ЧЕСТИ и в угоду начальству не спорил с совестью, видимо поэтому не носит погоны генерала. Но для тех, кому посчастливилось с ним служить, ОН генерал!!!!!!!!

Алексей Стасюк, старший лейтенант, замполит роты (154 ООСПН):

17.11.2008

Когда человек живет любимым делом, тогда всегда рядом такие воспитанники, надежные боевые друзья… Тогда все: от рядового до командира ценят и уважают своего Командира. Спасибо Вам, Игорь Юрьевич, за науку воевать и выживать на той войне… Не верьте, что понимание подобного приходит с возрастом. Мы и тогда, в 80-х гордились и своим Командиром и нашим отрядом. Это Вам подтвердит любой. Искренне Ваш ЗКРПЧ -1 С.А.А.

Валерий Ильчищев, рядовой (154 ООСПН):

19.11.2008

Спасибо большое. И Вам удачи во всем. После Вашего ухода из нашей части в батальоне начался просто кошмар и все солдаты вспоминали о Вашем командовании, как о рае. Я часто вспоминаю армейскую жизнь, вроде и трудно было, но это самые счастливые годы в моей жизни. Спасибо Вам, да многие, матери должны сказать вам спасибо, за жизни своих сыновей, при вас, нас не кидали как затычки в каждую бочку. При Вас в нашей роте за время моей службы не было потерь, все потери начались после вашего ухода.

20.11.2008

Еще раз спасибо. Про Вашу книгу я знаю. И мне ее обещал выслать Костюк Леонид. Честно говоря, мне очень запомнился один момент. После взятия Мармольского ущелья, я впервые увидел Вас улыбающимся. А после вашего отъезда к нам стали приезжать различные комиссии и нами командовали все кому не лень. И эти строевые смотры нас просто замучили, у нас проверяли, есть ли у тебя подшивка и нитки перед выходом на задание. И еще, не могу не рассказать про один забавный случай, это было еще в Акче, я только приехал в Афган, и что-то Вы решили устроить проверку, был дан сигнал "экстренный сбор" и вот солдаты стоят на плацу, а офицеры и прапорщики потихоньку идут из своего городка, после этого Вы отпустили солдат, а офицерам и прапорщикам устроили кросс, вот было забавно. Вы не знаете, как сложилась судьба командира 4 роты капитана Чистухина? При Вас, когда мы выезжали на праздники с показательными выступлениями, я единственный из солдат играл

в волейбол за команду нашего батальона.

Игорь Бояркин, 12.01.2009
рядовой (154 ООСПН):
Уважаемый Игорь Юрьевич!

Здравия желаю! Очень рад, что Вы живы, здоровы! Мы земляки — «семёновцы»! всегда Вас вспоминаем добрым словом и относимся к Вам с большим уважением.

Я, рядовой взвода связи, после учебки в Арзамасе и бригады прибыл в Акчу в мае 82, ДМБ декабрь 83 Айбак. Начинал на Р-140, затем в отделении "маломощников" на Р-159. Вы меня можете помнить по эпизоду в Мармоле, я был при Вас радистом. Мы были на входе в ущелье, когда явился некий полковник в диковинной по тем временам "афганке" и с АКСУ, стал требовать, чтобы мы срочно продвигались по дну ущелья. Вы категорически отказались выполнять приказ без поддержки авиации и это 83-то году. А тут еще 17-я подорвалась, оператор лупит из ПКТ, ни черта не слышно, а Вы орёте друг на друга, сцена потрясающая! Сколько тогда пацанов уберегли! Одно слово Комбат — Батяня!

Игорь Юрьевич, напишите, как сложилась Ваша судьба, как Ваш брат? Чем занимаетесь сейчас? "Чимган" я "Стажер" прошу на связь!

Киця Алексей, сержант (154 ООСПН):

23-02-2009

Игорь Юрьевич поздравляю ВАС, от всего сердца, с праздником защитника отечества, желаю вам здоровья, благополучия, удачи! Я горжусь тем, что мне выпала честь

служить под вашим командованием, спасибо вам, что вы берегли нас пацанов на той войне, болея за нас всем своим сердцем. Вы были лучшим моим командиром и отличным человеком!

Евгений Хорошилов, сержант (154 ООСПН):

06-01-2009 18:47

Здравия желаю! Товарищ майор. Комбат. Человек, с которого я построил свою жизнь. С наступающим Вас Рождеством и наступившим Новым годом! Всеобъемного счастья Вам и здоровья! Я пытался узнать о Вас все это время. Спасибо чудо-технике. Извините за т. майора, таким Вы остались в моей памяти. Не знаю, помните ли своего бойца из первого экипажа доблестного 411 — го БТРа. Я был с Вами с начала и до июня 82 го. По вашему примеру встал на военный путь, правда судьба определила в КГБ. Последние 15 лет командовал спецподразделением по борьбе с терроризмом, повоевал на Кавказе. Сейчас на пенсии п/полковник запаса. А стихи это память и совесть. Пытаюсь сделать маленький сборник. Обязательно Вам пришлю. С радостью увидел фотографию, где вы вместе с Ершовым. Как сложилась его судьба, где он? Очень рад встрече. Ведь вы мой ПЕРВЫЙ экипаж. Большое спасибо, что откликнулись.

С огромным уважением и любовью, мл. сержант Хорошилов Евгений

06-01-2009 19:38

Игорь Юрьевич, очень рад, что общаемся. Я тоже написал несколько коротких рассказов про нас, но пока не публиковал. Сейчас на пенсии время есть займусь более серьезно. В них называл вас своими именами, теперь прошу разрешения на это. Сейчас появилась новая мечта — может удастся встретиться. Ведь мы живы, а значит, еще повоюем. Извините за нескромный вопрос — как можно найти Вашу книгу. Ваш дневник и воспоминания о

Джаркудуке я уже нашел.

Еще раз спасибо, благодаря Вам я выжил и не потерял в бою не одного из своих ребят. Завтра же поделюсь с ними радостью встречи с Вами.

Свои стихи я буду обновлять на сайте "автомат и гитара". Они все о нас.

Как дела у вашего брата Юрия. Мне написали, что он сейчас тоже на пенсии, жив ли Вячеслав Посохов, а то слухи доходили разные.

Вячеслав Руднев, рядовой (15 БРСПН):

22.01.2009

Приветствуем от лиц бригады: Корсаков Вова (из Уренгоя), Ткаченко Сергей (Москва), Цепочкин Боря (Из Курска)!!! Корсаков В. спросил о Трисмакове, а я этот вопрос к вам переадресовываю, если можно? Нам интересно всё — что связано с нашим кусочком жизни того периода одних из лучших мгновений! Махом проглотил книгу — без преувеличения сильная правдивая ВЕЩЬ!!! Спасибо — это слабо сказано. Пока до связи!

23-02-2009

С днем Советской Армии! Игорь Юрьевич, потому как все мы вышли из тех времён, и оттуда с нами (пока мы живы) живёт гордость за часть, в которой служили. А тебе, уважаемый командир — большое спасибо за книгу — хороший памятник бригаде!

С праздником!!! К сему: Руднев В., Ткаченко С. Ерохин С. (Бишкек), Дащенко А., Красников А., Лещенко В., Юшта В., Цепочкин Б., Шабанов С., Назаров А.,Корсаков В…..

Игорь Макаров, сержант (15 БРСПН):

15.01.2009

Здравия желаю товарищ Полковник!

Разрешите поздравить Вас и Вашу семью с наступившим Новым годом, здоровья, счастья, много радостных дней и событий.

С уважением Макаров Игорь, дмб 04/11/1977 в компании с Александром Лутченко (Питер), Сергеем Ломакиным (Чимкент), Александром Латыповым (Свердловск), Колесником и Колей Биланом.

Очень рад, что Вы создали свою страницу. Я Вас часто вспоминаю, выходя почти каждый день на пробежку в 2,5 км, правда Ваша трасса вокруг р. Чирчик была 3 км, спасибо Вам за хорошую привычку. Еще, я Вам благодарен за направление на учебу в МГУ от в/ч 64411, правда туда меня тогда не взяли по формальным признакам предоставленных документов. Закончил я МИСИ экономический факультет в 1987году, уже по направлению с олимпийской стройки. Работаю с 1978 года в Москве в строительстве. Когда по делам бываю в Питере, то часто встречаюсь с Александром Лутченко. В середине восьмидесятых годов видел Ваше фото на первой странице газеты "Красная Звезда", с орденом "Красной Звезды", да достался Вам и Афган и Тбилиси — Вы герой. Когда появился Интернет, я отыскал несколько сайтов, где о Вас пишут и фотографии, показывал их своим сыновьям, рассказывал о службе в спецназе.

Вообще служба в спецназе, под Вашим командованием, одна ярких страниц моей жизни. Если помните, Вы меня разжаловали за неумение командовать, я совсем за это не в обиде, — зато узнал свои слабые стороны от сильного, во всех смыслах, человека, и уже в МИСИ, на военной кафедре, был замполитом

курса. По окончании института, как и всем выпускникам, мне присвоили лейтенанта запаса. Вспоминая Чирчик, как награду от Вас воспринимаю "ссылку" на стрельбище, в последние месяцы службы. В общем доктор Время оставляет только позитивные воспоминания о службе в 3 роте, в/ч 64411.

С наилучшими пожеланиями,

Макаров Игорь.

11.02.2009.

Игорь Юрьевич, здравствуйте!

Спасибо за телефон Михаила Колесника. Я с ним встретился, теперь созваниваемся. Михаил подарил мне Вашу книгу, всю еще не прочитал, но страницы, где Вы описываете период, когда я служил 75–77 гг., прочел с большим интересом. Вы наверное вели дневник, так все очень подробно и все сходится с тем, что помню я. Мой мобильный телефон **********, когда будете в Москве, позвоните, буду рад чем-либо помочь.

С наилучшими пожеланиями, Макаров Игорь.

Александр Бутенко, старший лейтенант, командир роты (355 МСП):

05.01.2009

Игорь Юрьевич! Ведь благодаря Вам, я, выгнанный из КПСС, взводный, стал членом и командиром роты! И благодаря Вам в 1991 году я стал слушателем ВАФ!

05.01.2009

Вы не были начальником политотдела, но я помню, как Вы говорили нашему секретарю парткома капитану Акраяну (маленький чёрный с усами) о том, что нормальному взводному пора стать ротным, но для этого нужно вернуться в КПСС. Ну, а выгнали меня из партии за избиение прапора Азизова, который служил в полку и при Вас, но произошло это до вашего прихода

из Батуми. Прошу прощения, если надоел.

Владимир Кочеулов, лейтенант, командир взвода (355 МСП):

07.01.2009 г. Товарищ полковник, вы были самым лучшим командиром полка, который у меня был за всю мою службу, спасибо Вам большое. Мой телефон *********. Будете в России, звоните. Где бы я ни был я всегда приеду, и поверьте смогу всем помочь, если потребуется помощь.

Всегда Ваш лейтенант Кочеулов

Юрий Калениченко, сержант (355 МСП):

12.02.2009. ЗДРАВИЯ ЖЕЛАЮ тов. ПОЛКОВНИК!!!!!!!

Вряд ли вы меня помните, таких как я, Вы воспитали не одну сотню…. А я, увидев Вас в друзьях у Бутенко всё таки решился написать слова благодарности, за то, что мне довелось послужить

под вашим руководством. Помню, как Вы внушали нам, что "горная пехота" — это ни какой-то автобат…

СПАСИБО БОЛЬШОЕ…

Извините, что влез к Вам на страничку…

Владимир Зеленский, старший лейтенант, командир роты (355 МСП):

23.02.2009.

Игорь Юрьевич, поздравляю с праздником "Днём Защитника Отечества!" Как живы-здоровы? Часто вспоминаю Ваши уроки чести и достоинства и они не раз пригодились. Удачи во всём!

Там, при реках Вавилона Повесть

Гуцко Денис Николаевич. Родился в 1969 г. в Тбилиси. С 1987 г. живет в Ростове-на-Дону. Окончил геолого-географический факультет Ростовского университета. Служил в СА. Участник Форума молодых писателей России (Москва, Липки, 2001, 2002, 2003). Стипендиат· Министерства культуры РФ по результатам второго Форума. Первая повесть “Апсны Абукет” (“Букет Абхазии”), “Вкус войны” опубликована в журнале “Знамя” (2002, 8) и в сборнике “Новые писатели” (М., 2003).

Денис Гуцко (рядовой, 355 МСП) (документальная повесть)

Там, при реках Вавилона

(описываются действия личного состава полка, при наведении конституционного порядка в г. Шеки (ноябрь-декабрь 1988 г.), отрывок:

Голос Стодеревского падает откуда-то сверху:

— Това-арищи офицеры, как вам не стыдно! Ну ладно солдаты — они в первый раз. Но вы же ка-адровые военные!

Он стоит, залитый текучим пульсирующим светом. Широко расставив ноги, задрав упертый в сгиб локтя автомат, укоризненно качает головой. На нем единственном — афганская "песчанка", настоящая боевая форма.

"Красиво, — думает Митя. — Но ведь красиво!"

Правду говорят о Стодеревском: герой. Вот ракурс снизу вверх, соткан из пульсирующей ткани пожара, особенный, отличный от всех остальных. В Афгане он командовал батальоном и однажды вывел его из безнадежного окружения. Ему дали подполковника и медаль "За боевые заслуги". И назначили командиром образцово-показательной учебной части, лучшей в ЗакВО. В ленинской комнате лежит брошюра, в которой описано, как батальон попал в кольцо среди раскаленных сопок и как спасся благодаря выучке и отваге комбата. **(от Стодера. — вымысел)**

Росту в нем под два метра, и ракурс снизу вверх, в общем-то,

должен быть ему привычен. (Военврач Синицын, правда, повыше, но толку… Синицына разглядываешь запросто, без душевного подъема.) Иногда, когда у него хорошее настроение, Стодеревский рассказывает занятым какой-нибудь сборкой-разборкой взводам о том, что в руках настоящего воина — даже шомпол опасное оружие. Под Кандагаром, например, двое душманов, зарезав уснувший караул, перебили шомполом целый взвод. Зажатый в кулаке, он подносится к уху спящего и сильным ударом вгоняется внутрь

— Только перед самым ударом нужно будить, поймать момент, когда человек начинает просыпаться. Тогда он не кричит. **(от Стодера. — перепутал парень, такой случай был не в Афгане, а осенью 1942 г. под Сталинградом, наша разведка уничтожила целую немецкую роту).**

Голос у Стодеревского приятный, обволакивающий бархатом. Как у Деда Мороза на детсадовской елочке. Он слегка пришепетывает, самую малость — шипящие просто цепляются своими лапками за его пышные светлые усы.

Он никогда не кричит. Солдаты никогда не говорят о нем гадостей. По воскресеньям на спортивном празднике первым бежит по желтому пыльному серпантину до горного озера. Тем, кто его обгонит, — увольнительная. Но, кажется, его никто ни разу не обгонял.

(от Стодера. — не увольнительная, а отпуск домой на 10 суток. Трое ездили).